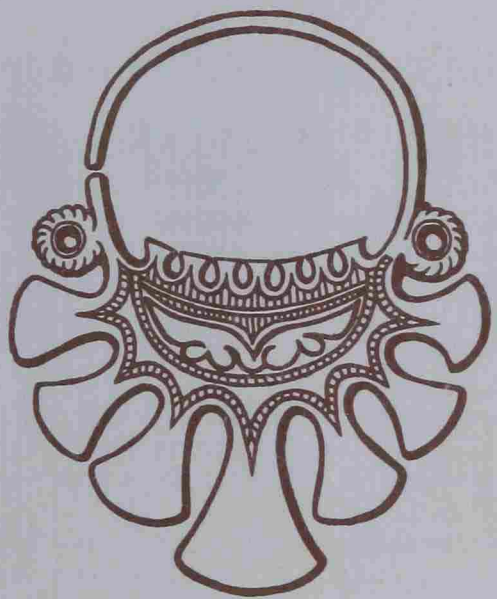
ISSN 0869-6063

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



1998 1

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Р. М. Мунчаев (председатель),

Т. И. Алексеева, А. П. Деревянко, Н. Я. Мерперт,
М. Г. Мошкова, Б. А. Рыбаков, В. В. Седов,
А. А. Формозов, А. И. Шкурко, В. Л. Янин

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. И. Гуляев (главный редактор),

Х. А. Амирханов, Л. А. Беляев (зам. главного редактора),
А. Н. Гей, И. С. Каменецкий, Г. А. Кошеленко,
Н. А. Макаров, В. С. Ольховский (ответственный секретарь),
Е. Н. Черных

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
МОСКВА

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

1998 1

Журнал основан в январе 1957 г.

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

Палагута И.В. К проблеме связей Триполья-Кукутени с культурами энеолита степной зоны Северного Причерноморья 5
Гусев С.А. К вопросу о транспортных средствах трипольской культуры 15
Вайнберг Б.И., Глушко Е.В., Цвецинская Е.А. Ландшафтно-археологические исследования эволюции Присарыкамышской дельты Амударьи с использованием дистанционных методов 29
Отрощенко В.В. О культурно-хронологических группах погребений Потаповского могильника 43
Гутнов Ф.Х. Социальная история скифов Северного Кавказа 54
Буйских А.В. Еще раз о херсонесском гекаторюге 65
Кызласов И.Л. Материалы к ранней истории тюрков. II. Древнейшие свидетельства о письменности 71
Цоль-Адамикова Х. Наземные погребения с трупосожжением у славян в свете письменных и археологических источников 84
Мазуров А.Б. Основные итоги археологического изучения Коломны 91

Публикации

Чубур А.А. Верхнепалеолитическая стоянка Быки на Сейме (предварительное сообщение) 107
Сериков Ю.Б. Геометрические микролиты Среднего Зауралья 117
Сидоров В.В., Энговатова А.В. Знаки и орнаменты на изделиях со стоянок Заболотского озера 126
Фролова Н.А., Савостина Е.А. Находки под стенами боспорской усадьбы: клад или строительная жертва? 140
Мошеева О.Н. Гагатовые бусы в сарматских погребениях Нижнего Поволжья III–I вв. до н.э. 156

© Российская академия наук
Институт археологии, 1998 г.

Заднепровский Ю.А. Городище Мады (некоторые итоги историко-археологического изучения) 162
Макаров Н.А., Захаров С.Д., Кирьянова Н.А. Палеоботанические материалы из Белозерья: к истории становления земледелия на северных окраинах Древней Руси 175

Критика и библиография

Клейн Л.С. Археологическая культура: теоретический анализ практики (вместо рецензии) 187
Сидоров В.В. *Цетлин Ю.Б.* Периодизация неолита Верхнего Поволжья. М., 1991 194
Жилин М.Г. *Козловская М.В.* Экология древних племен лесной полосы Восточной Европы. М., 1996 199
Смирнов К.А. Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Межвузовский сборник научных трудов. Ижевск, 1995 201
Малышев А.А. Madrider Mitteilungen. N 32, 1991, Mainz; Madrider Mitteilungen. N 33, 1992, Mainz 203
Уткин А.В. *Vasks A.* Brikulu nocietinātā apmetne: Lubāna zemiene vēlajā bronzas un dzelzs laikmetā (1000. g. pr. Kr. – 1000. g. pēc. Kr.). Riga, 1994 209
Даркевич В.П. *Петрухин В.Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. Смоленск, М., 1995 212
Седов В.В. *Леонтьев А.Е.* Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси. М., 1996 220

Хроника

Моця А.П., Чернецов А.В. К 60-летию Петра Петровича Толочко 225
Белецкий С.В., Кирпичников А.Н., Лебедев Г.С. Ладога и Северная Европа. Вторые чтения памяти А.Д. Мачинской в Староладожском музее-заповеднике 227
Потемкина Т.М., Косарев М.Ф., Юревич В.А. "Археоастрономия: проблемы становления" (Международная конференция. Москва, 1996) 230
Зиливинская Э.Д. Первый англо-российский археологический семинар "Проблемы фиксации в археологии" (Борнмут, 1997) 239
Федоров-Давыдов Г.А. Памяти Светланы Алексеевны Яниной (1924–1997) 242
Седов В.В. Памяти Эльвиры Давыдовны Шноре (1905–1996) 245
Александров А.А., Белецкий С.В., Кирпичников А.Н., Лебедев Г.С., Лесман Ю.М., Овсянников О.В., Плетнева С.А., Плоткин К.М. Памяти Василия Дмитриевича Белецкого (1919–1997) 247

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
MOSCOW

ROSSIYSKAYA ARKHEOLOGIYA

1998 1

Founded in 1957
Published quarterly

Editor-in-Chief
V.I. Gulyaev

CONTENTS

Palaguta I.V. Links between Tripolye-Cucuteni and the Eneolithic Cultures on the North Black Sea Maritime Steppes 5
Gusev S.A. On the Issue of the Tripolye Culture Transportation Means 15
Vainberg B.I., Glushko E.V., Tsvetinskaya E.A. Landscape and Archaeological Studies of the Amudarya Prisarykamyshskaya Delta Evolution with the Use of Long-distance Methods 29
Otroshenko V.V. Cultural and Chronological Groups of Graves from the Potapovo Burial Ground 43
Gutnov F.H. Social History of the North Caucasus Scythians 54
Buyskikh A.V. New Information on Chersonese Gekatorug 65
Kyzlasov I.L. Materials Related to the Early History of the Turks. II. The Earliest Evidence of Written Records 71
Zoll-Adamikowa H. Flat Burials with Corpse Burning in the Light of Written and Archaeological Sources 84
Mazurov A.B. Main Results of the Kolomna Archaeological Study 91

Publications

Chubur A.A. Upper Paleolithic Camp Byki on the Seim (Preliminary information) 107
Serikov Yu.B. Geometrical Microliths of the Middle Trans-Urals Region 117
Sidorov V.V., Engovatova A.V. Signs and Ornaments on the Goods from the Camps of the Zabolotsky Lake 126
Frolova N.A., Savostina E.A. Discoveries under the Walls of a bosporus Estate: a Hidden Treasure or a Construction Sacrifice? 140
Mosheeva O.N. Jet Beads in Sarmatian Burials of the Lower Volga Region in the 3d–1st Centuries BC 156
Zadneprovsky Y.A. The Hill-fort Mady (Some Results of Historical and Archaeological Studies) 162
Makarov N.A., Zakharov S.D., Kiryanova N.A. Paleobotanical Materials from Belozerye: History of the Crop Growing Development on Northern Borders of Old Russia 175

Critique and Bibliography

Klein L.S. Archaeological Culture: Theoretical Analysis of Practical Work (instead of the review) 187
Sidorov V.V. *Tsetlin Y.B.* The Uper Volga Neolithic Periodization, M., 1991 194
Zhilin M.G. *Kozlovskaya M.V.* Ecology of Ancient Tribes Living in the Eastern Europe Forest Belt. M., 1996 199
Smirnov K.A. Typology and Dating of the Eastern Europe Archaeological Artifacts. Izhevsk, 1995 201
Malyshev A.A. Madrider Mitteilungen. N. 32, 1991, Mainz; Madrider Mitteilungen. N 33, 1992, Mainz 203
Utkin A.V. *Vasks A.* Brikulu nocietinātā apmetne: Lubāna zemiene vēlajā bronzas un dzelzs laikmetā (1000. g. pr. Kr. – 1000. g. pēc. Kr.). Riga, 1994 209
Darkevich V.P. *Petrukhin V.Y.* Beginning of the Ethnocultural History of Russia of the Ninth-Eleventh Centuries. Smolensk, M., 1995 212
Sedov V.V. *Leontiev A.E.* Archaeology of the Mery. Early History of the North Eastern Russia. M., 1996 220

Chronicle

Motsya A.P., Chernetsov A.V. The Sixtieth Anniversary of Piotr Petrovich Tolochko 225
Beletskiy S.V., Kirpichnikov A.N., Lebedev G.S. North Ladoga and Northen Europe. Second Readings to Commemorate Machinskaya A.D. in the Old Ladoga Museum–Preserve 227
Potemkina T.M., Kosarev M.F., Yurevich V.A. "Archaeastronomy: Problems of Development" (International Conference. Moscow, 1996) 230
Zilivinskaja E.D. The First English-Russian Archaeological Seminar "The Problems of Fixation in Archaeology (Bournemounth, 1997)" 239
Fedorov-Davydov G.A. To the Memory of Svetlana Alekseevna Yanina (1924–1997) 242
Sedov V.V. To the Memory of Elvira Davydovna Shnore (1905-1996) 245
Aleksandrov A.A., Beletsky S.V., Kirpichnikov A.N., Lebedev G.S., Lesman Y.M., Ovsyannikov O.V., Pletneva S.A., Plotkin K.M. To the Memory of Vasiliy Dmitrievich Beletskiy (1919–1997) 247

И.В. ПАЛАГУТА

К ПРОБЛЕМЕ СВЯЗЕЙ ТРИПОЛЬЯ-КУКУТЕНИ С КУЛЬТУРАМИ ЭНЕОЛИТА СТЕПНОЙ ЗОНЫ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Керамика с примесью дробленых раковин речных моллюсков или известняка в глиняном тесте, встречающаяся в материалах многих трипольских памятников, была выделена в отдельную группу – типа Кукутени С – еще Г. Шмидтом (Schmidt H., 1932, p. 42–45). По формам и декору сосудов и по технико-технологическим показателям этот материал резко выделяется на фоне всей остальной керамики, изготовленной ленточным способом из глины с примесью шамота крупной и мелкой фракций и украшенной росписью, каннелюрами или углубленными линиями. Рассматривая находки подобной посуды на поселении Солончены II/2 времени Кукутени А-В/1 – Триполье ВІ–ВІІ/1 (по Н.М. Виноградовой), Т.Г. Мовша выдвинула предположение о связи ее со среднестоговской культурой – памятниками типа Средний Стог II в Днепровском Надпорожье. Основой для такого сопоставления стали "ракушечная" примесь в тесте, сходство форм и орнаментов сосудов, наличие на степных памятниках трипольских импортов этого времени (Мовша Т.Г., 1961; 1981). Однако ряд вопросов, связанных с существованием в трипольских комплексах этой керамической группы, до сих пор нельзя считать решенным. Существуют и отличные от общепринятой у нас точки зрения мнения: например, румынская исследовательница А. Додд-Оприческу считает появление керамики типа С связанным с развитием раннетрипольской традиции на территории Поднестровья и Правобережной Украины. Она же подвергла острой критике предложенные советскими исследователями варианты синхронизации трипольской и среднестоговской культуры (Dodd-Oprițescu A., 1980; 1983). Ряд румынских исследователей связывает эту керамику с северными культурами неолита лесной зоны Европы (Cîşmaru A., 1977, p. 61–64).

Для решения проблем происхождения и развития этой керамической группы в трипольских комплексах необходимо рассматривать ее не только с точки зрения форм и орнаментов, но и технологии ее изготовления, "как продукции определенных исполнителей, изготовлявших керамику по единым или же различным правилам" (Кожин П.М., 1989, с. 56).

Именно такой подход я посчитал целесообразным использовать при исследовании керамического комплекса поселения Друцы I в Северной Молдове (Рышканский р-н) времени Кукутени А4, включающего, кроме собственно трипольской керамики, и сосуды типа Кукутени С. Раскопки поселения производились археологической экспедицией МГУ под руководством Н.В. Рындиной в 1982–1984 гг.[1] Как один из наиболее полных, комплекс Друц можно считать эталонным для Северной Молдавии (Палагута И.В., 1995). "Ракушечная" керамика среди материалов памятника немногочисленна – около 1–3% от общего объема керамического комплекса, но она присутствует примерно в равной степени во всех трех раскопанных постройках.

Наиболее характерной формой этих сосудов является горшок с округлым туловом и более или менее отогнутым наружу, чаще прямым венчиком (рис. 1, *1, 2*). Дно сосуда уплощенное, с плавным переходом в стенки. Ракушечник или раковины в глиняной массе употребляются как обильный пластинчатый наполнитель. Обжиг сосудов не-

[1] Пользуясь случаем, автор благодарит своего научного руководителя Н.В. Рындину, за предоставленную ему возможность использовать материал из ее раскопок.

© И.В. Палагута, 1998.

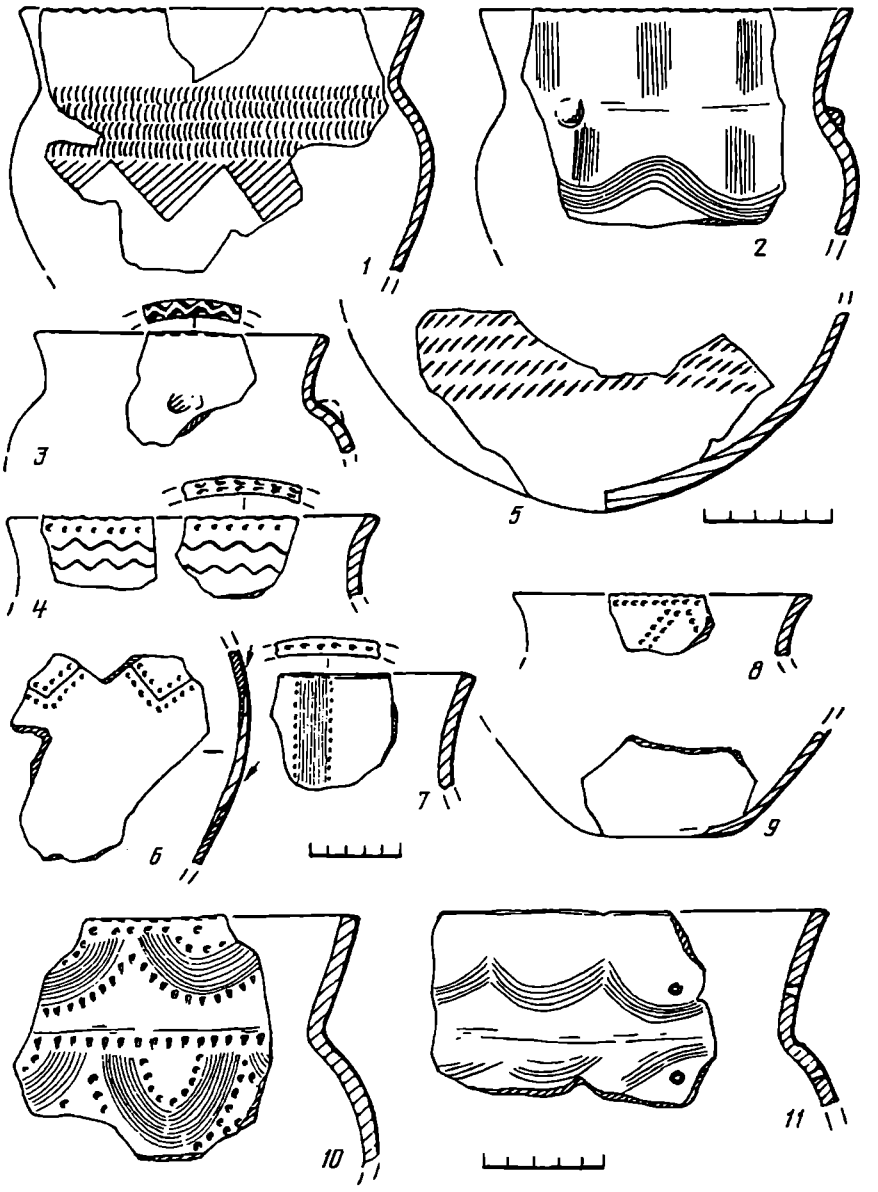


Рис. 1. Керамика типа Кукутени С с памятников конца Триполья BI–Кукутени А4: *1–9* – Друцы I; *10, 11* – Новые Дуруиторы I (по Е.К. Черныш)

равномерный, при сравнительно невысокой температуре (500–600°С) с преобладанием восстановительной среды (см.: Сайко Э.В., 1984, с. 144).

Ряд особенностей формовки отличает горшки с "ракушечной" примесью от остальной керамики. Характерный прием, использовавшийся для выделки стенок этих сосудов – выбивка – отражает самостоятельную традицию. Здесь мы имеем дело с техникой "наковальни и лопаточки", при которой формовка сосуда производится путем расплющивания стенок вылепленной из лент заготовки (см.: Августинник А.И., 1956, с. 152; Кожин П.М., 1964, с. 54, 55; Rye Owen S., 1981, p. 84, 85). После подобной обработки толщина стенок составляет всего ~0,3–0,5 см. Признаком выбивки является наличие на поверхности сосудов характерных уплощений, образовавшихся от ударов колотушкой. Отмечается также сильная растянутость швов в местах соединения лент. Все более-менее крупные включения (для этой керамики это кусочки створок раковин) расположены в изломе рядами параллельно поверхности сосуда. Вполне возможно, что своеобразный состав теста здесь связан с техникой выделки: пластинчатый наполнитель плотно укладывается и не рвет поверхности сосуда. Для собст-

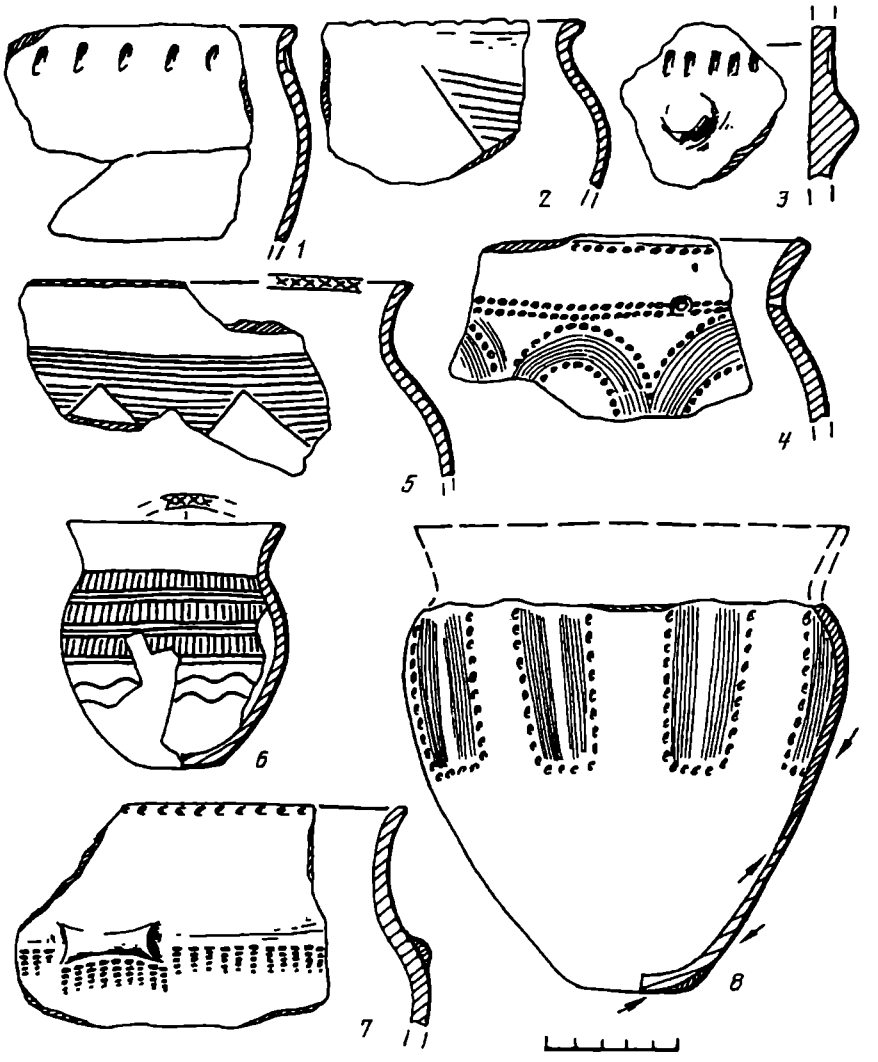


Рис. 2. Керамика типа Кукутени С: *1–3* – Березовская ГЭС; *4* – Красноставка (по Е.В. Цвек, 1980); *5, 6* – Берешти (по Dragomir I.T., 1982); *7* – Незвиско (по Е.К. Черныш); *8* – Журы

венно кукутенской керамики формовка с помощью выбивки в целом не характерна. Если она и применялась, то чисто в "косметической" доработке и особой роли при формовке сосудов не играла. Для устранения неровностей и обработки поверхности чаще использовалась обрезка излишков глины.

Еще одной отличительной чертой керамики типа Кукутени С является наличие традиции изготовления округлого дна (тоже связанной с выбивкой сосудов). На материалах из Друц заметно, что первоначально округлое дно заготовок уплощено на плоской поверхности уже после отделки и имеет толщину, близкую толщине стенок. Другой вариант формовки дна – с помощью долепов – в Друцах представлен лишь парой более-менее выразительных фрагментов и хорошо заметен на сосуде из Жур (рис. 2, *8*). Наличие круглодонной традиции подтверждается и находками собственно круглодонных сосудов среди материалов целого ряда трипольских памятников. Есть они, например, в Солончены II/2 (Мовша Т.Г., 1961, с. 187–190, рис. 4, *1–2*), на поселении в Фрумушнике фазы А-В2, где округлодонный сосуд орнаментирован оттисками "гусеничного" штампа (Matasă C., 1946, pl. XLI, 340; Dodd-Oprițescu A., 1981, p. 513, 514, fig. 1). Фрагменты круглодонного сосуда найдены и в Друцах I (рис. 1, *5*). Отмечу также, что круглодонная традиция прослеживается и на посуде собственно

трипольского облика, преимущественно расписной (Палагута И.В., 1995, с. 55, 61, рис. 3, II). Однако происхождение ее вряд ли связано с "ракушечной".

Венчики, по-видимому, присоединялись к уже готовому тулову. Чаще всего это делалось путем накладки глиняной ленты на край тулова изнутри. Окончательная доработка венчика производилась с помощью выбивки. Прямоугольный в сечении край венчика украшался насечками или оттисками штампа, т.е. выравнивался путем уплотнения, а не обрезки, что тоже отражает единство приемов исполнения этой группы посуды.

Техника нанесения орнамента отлична от собственно трипольской: это треугольные и округлые ямки-наколы, ногтевые отпечатки или оттиски полукруглого штампа (рис. 1, *1*), отпечатки зубчатого штампа, тонкие прочерченные линии и расчесы зубчатым штампом (рис. 1, *1, 2, 7*). Орнамент расположен на венчиках и плечиках или только на плечиках сосудов. Орнаментальные композиции образованы горизонтальными рядами отпечатков штампа, поясом свисающих заштрихованных треугольников из прочерченных линий (рис. 1, *1*), линиями-зигзагами (рис. 1, *4*), косой сеткой из прочерченных линий. Треугольные композиции составлены из рядов ямок (рис. 1, *8*) или окаймленных ямками прочерченных линий (рис. 1, *6*). Очень характерна орнаментация волнообразными либо прямыми вертикальными лентами-расчесами, выполненными зубчатым штампом, часто в обрамлении ямок-наколов (рис. 1, *2, 7*). На сосудах этой группы встречаются налепные шишечки, расположенные на венчике или плечиках (рис. 1, *2, 3*). Вполне возможно, что они являются имитацией трипольских ручек-ушек.

Наиболее ранние проявления описанной технологической группы керамики на памятниках культуры Триполье-Кукутени прослежены среди материалов поселений, синхронных фазе Кукутени А3: Верхние Жоры (Жора де Сос) в Молдавии (Дергачев В.А., Сорокин В.Я., 1986), Березовская ГЭС и Сабатиновка I в Южном Побужье (Даниленко В.С., Шмаглій М.М., 1972, с. 17–19, рис. 7).

Из Верхних Жор происходит цилиндрическая банка, украшенная отпечатками штампа. Керамика Березовского поселения либо повторяет формы "кухонных" трипольских сосудов (рис. 2, *1, 3*), либо отражает характерный для этой группы тип горшка с отогнутым наружу венчиком (рис. 2, *2*). Судя по сообщению В.Н. Даниленко, керамика с примесью толченых раковин есть и в Новых Русештах I (верхний горизонт – фаза Кукутени А2-3) (Даниленко В.М., Шмаглий М.М., 1972, с. 17). Отмечены маловыразительные черепки и в Луке-Врублевецкой, но их позиция среди материалов памятника остается неясной. Ко времени не позже Кукутени А3 относится и комплекс со стоянки Мирное в Нижнем Подунавье с трипольской и "ракушечной" керамикой (Бурдо Н.Б., Станко В.Н., 1981, с. 17–22).

В округе Галац на юго-востоке Румынской Молдовы керамика типа Кукутени С была обнаружена на двух поселениях в районе Тыргу Берешти – Дялул Бызанулуй и Дялул Булгарулуй. Это горшки, по форме и орнаменту аналогичные описанным выше материалам из Друц (рис. 2, *5, 6*) (Dragomir I.T., 1982, p. 422–426, fig. 3, *1–5*; 5). Положение этих двух памятников в системе периодизации культуры не совсем ясно: в одной работе И.Т. Драгомир относил поселение Дялул Бызанулуй к фазе Кукутени А4 (Dragomir I.T., 1967, p. 43), но позже отнес оба поселения к фазе А3 (Dragomir I.T., 1982, p. 422, 423, 426). Судя по опубликованным рисункам расписной керамики, поселения в Тыргу Берешти наиболее близки Журам, относящимся к финалу этапа Кукутени А.

Все перечисленные выше наиболее ранние памятники, где в составе комплексов присутствует "ракушечная" керамика, расположены вдоль юго-восточной границы ареала культуры Кукутени-Триполье, на границе лесостепи и степи (рис. 3). Расширение зоны распространения данной керамической группы к северу и северо-западу происходит позже – в конце этапа BI Триполья (соответствует фазе А4 Кукутени). Она присутствует в Феделешенах (Nestor I., Zaharia E., 1968, p. 17–43, fig. 1, *2*), в Дрэ-

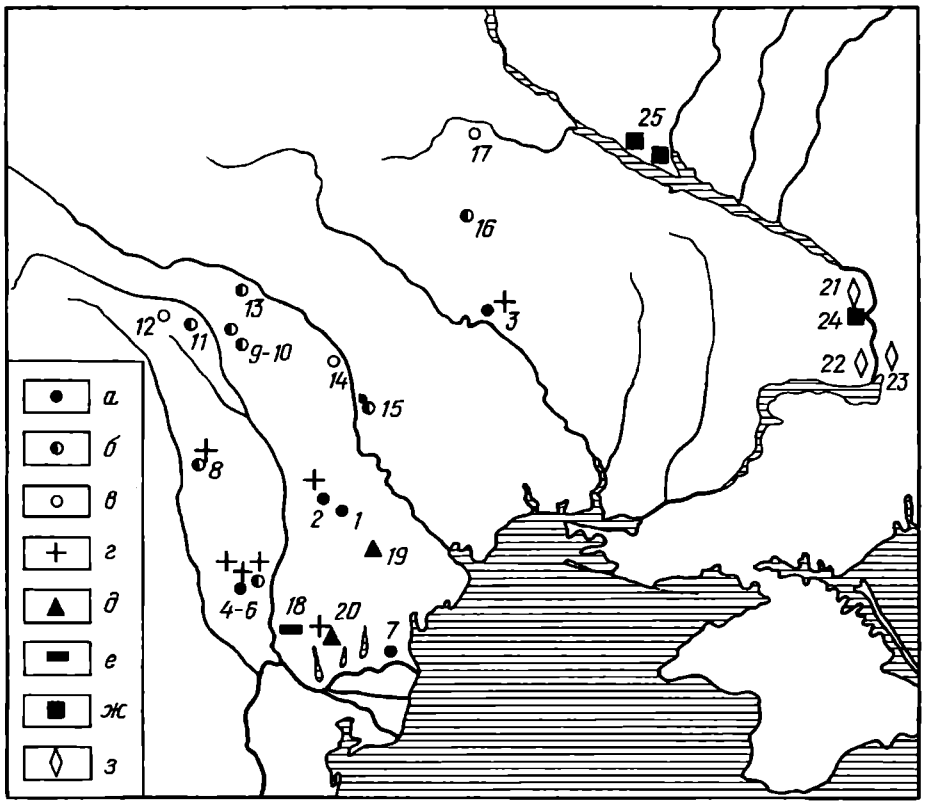


Рис. 3. Распространение керамики типа Кукутени С на трипольских памятниках: *а* – памятники Кукутени А3-Триполья BI/1 с керамикой типа Кукутени С; *б* – памятники Кукутени А4-Триполья BI/2 с керамикой типа С; *в* – памятники Кукутени А-В с керамикой типа С; *г* – находки скипетров в виде головы лошади; *д* – памятники суворовского типа; *е* – поселения культуры Гумельница с "ракушечной" керамикой; *ж* – находки трипольских импортов на днепро-донецких памятниках; *з* – поселения типа Средний Стог II. *1* – Новые Русешты; *2* – Верхние Жоры; *3* – Березовская ГЭС; *4* – Берешти; *5* – Обыршени; *6* – Бырлелешти; *7* – Мирное; *8* – Феделешени; *9* – Друцы; *10* – Новые Дуруиторы; *11* – Дрэгушени; *12* – Корлэтэни; *13* – Василевка; *14* – Солончены; *15* – Журы; *16* – Красноставка; *17* – Шкаровка; *18* – Тараклия; *19* – Кайнары; *20* – Суворово; *21* – Стрильча Скеля; *22* – Кичкас; *23* – Средний Стог II; *24* – Никольский могильник; *25* – Пищики, Чапаевка

гушенах на северо-востоке Румынии (Crîşmaru A., 1977, p. 61, 62, fig. 42, *1, 2*), в Друцах I, Ивановке (Новых Дуруиторах) (рис. 1, *10, 11*)[2], Путинештах на севере Молдавии, Журах, Василевке (Збенович В.Г., Шумова В.А., 1989, с. 101, рис. 2, *15–17*) в Поднестровье. Появляется она в это время и в Буго-Днепровском междуречье – в Красноставке (рис. 2, *4*) (Цвек Е.В., 1980, с. 170, 171).

В конце этапа Кукутени А эта керамическая группа представлена в основном устойчивым типом горшка с отогнутым наружу венчиком и округлым туловом – обломки именно таких сосудов представлены в коллекции из Друц. Орнаментированы они оттисками штампа, расчесами зубчатым штампом, часто окаймленными наколами, заштрихованными треугольниками из прочерченных линий. Привлекает внимание орнамент на одном из сосудов из Дрэгушен: в технике расчесов зубчатым штампом на нем выполнена композиция из горизонтально расположенных *S*-образных спиралей (Crîşmaru A., 1977, fig. 42, *1*). В данном случае перед нами перенос орнамента, характерного для расписной посуды, в иную технику – единичный пока пример подражания трипольскому орнаменту.

Подобные горшки продолжают существовать и на ряде поселений следующего периода развития трипольской культуры – времени Кукутени А-В1. Целая серия

[2] Автор благодарит Е.К. Черныш за предоставленные ему материалы.

таких сосудов обнаружена в Солончены II/2 (Мовша Т.Г., 1961), на поселении Корлэтэни на северо-востоке Румынии (Nestor I., Zaharia E., 1968, fig. 1, *1*, *3–9*). Однако, начиная с этого времени в оформлении этих сосудов появляется ряд изменений: "жемчужный" орнамент, вертикальные расчесы на венчике, шнуровой и гусеничный орнамент, многие сосуды уже имеют ручки. Это наблюдается на таких памятниках, как Тырпешти (Marinescu-Bîlcu S., 1981, p. 82, fig. 203, *1*), Траян-дялул Фынтынилор (Dumitrescu Vl., 1945, p. 37, 38, fig. 18), Шкаровка (Цвек Е.В., 1980, с. 170–173, рис. 2, *13*; 5), Веселый Кут (Цвек Е.В., 1980, с. 174, 175) и пр. Тогда же появляются и изготовленные из глины с ракушечной примесью миски (поселения Старый Орхей, Тырпешти и др.), повторяющие формы трипольских биконических и усеченно-конических (Виноградова Н.М., 1983, рис. 15, *5*; Marinescu-Bîlcu S., 1981, fig. 204, *6*). Преобладают плоскодонные формы. Следы выбивки прослеживаются на некоторых экземплярах изделий и позже – на этапе Триполье BII (отмечены автором на керамике из Веселого Кута в Буго-Днепровском междуречье).

Трансформируются не только орнаменты: в Незвиско (слой этапа BII), например, на многих сосудах появляется такая деталь, как цилиндрической формы налепы (рис. 2, *7*). Они, скорее всего, имитируют ручки, но не трипольские (в виде бугорков), а "трубчатые". Образцы с "трубчатыми" ручками и их имитациями есть и на многих других памятниках, например, в Кукутенах (Schmidt H., 1932, Taf. 22, *1*; 23, *3*) и Мерешовке-Четэцуе (Сорокин В.Я., 1983, с. 108, рис. Ш, *12*). Ракушечная примесь тоже не всегда является обязательной – в Клищеве, например, встречаются аналогичные горшки с примесью песка, дресвы или шамота (Заец И.И., Рыжов С.Н., 1992, с. 86).

Как отмечает ряд исследователей, на протяжении среднего Триполья проявляется тенденция замены традиционной "кухонной" керамики с примесью шамота в тесте посудой с "ракушечной" примесью, все более попадающей под влияние трипольской традиции (Мовша Т.Г., 1961, с. 196–198). В позднем Триполье различие основной группы и типа С проявляются лишь в составе теста, формы сосудов практически одинаковы (См.: Дергачев В.А., 1980), те и другие изготовляются преимущественно в плоскодонной традиции, следы выбивки практически не прослеживаются (наблюдения над коллекцией из Брынзен IX, раскопки Н.В. Рындиной).

В наиболее ранний период своего развития керамика типа Кукутени С выступает как совершенно особый компонент трипольских керамических комплексов. Прием отощения масс раковинами, как отмечала Э.В. Сайко, представляет собой "совершенно самостоятельное явление" (Сайко Э.В., 1984, с. 141, 143–145), то же можно сказать и о формовке с помощью выбивки. Подобная продукция не могла быть изготовлена трипольскими мастерами; изготовление керамики выбивкой требует знания иных технических приемов и применения другого набора инструментов. Примеров, отражающих взаимовлияние двух технико-технологических групп в это время практически нет. Поэтому нельзя согласиться с мнением А. Додд-Оприческу, что эта и расписная керамика изготовлялись "одним и тем же населением" (Dodd-Oprițescu A., 1980, p. 555–557; Marinescu-Bîlcu S., 1981, p. 88). Эти находки можно интерпретировать как импорты или как изделия, изготовленные выходцами из иной культурной среды. На последнее указывают и появление уплощенных днищ, приспособленных для использования в трипольском быту, и единичные находки подражаний трипольским орнаментам (как на упомянутом сосуде из Дрэгушен).

Керамику типа С большинство исследователей (Мовша Т.Г., 1961; 1981; Виноградова Н.М., 1983; Сорокин В.Я. 1989; Nestor I., Zaharia E., 1968; Dragomir I.T., 1982 и др.) рассматривает как показатель контактов трипольско-кукутенских общин со степными энеолитическими культурами. Точка зрения о северном ее происхождении (См.: Marinescu-Bîlcu S., 1981, p. 88; Crîşmaru A., 1977, p. 62) не имеет веских оснований. Ракушечная примесь широко распространена в керамике культур неолита лесной зоны Евразии, она есть даже, например, в буго-днестровской культуре, но при срав-

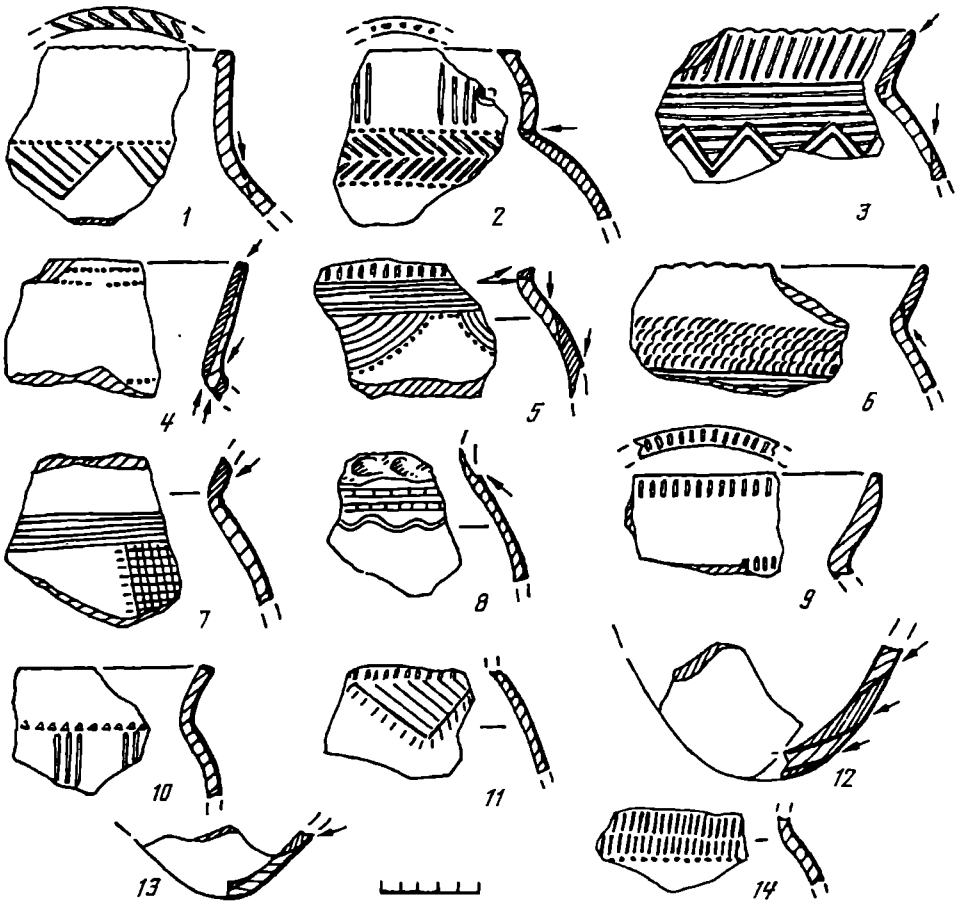


Рис. 4. Керамика из Стрильчей Скели (Волошское)

нении необходимо учитывать весь комплекс показателей. Эти же материалы, кроме примеси в тесте, с керамикой типа С мало что связывает.

Самые близкие аналогии описанным наиболее ранним проявлениям керамики типа С (время Кукутени А3-4 – А-В1) происходят со степных памятников типа Средний Стог II. В плане сравнения мною была рассмотрена коллекция с поселения Стрильча Скеля (слой III – среднестоговский), происходящая из раскопок А.В. Добровольского и В.Н. Даниленко 1946 г. Параллели с группой типа С прослеживаются в форме сосудов: это такие же округлобокие горшки с отогнутыми наружу или прямыми венчиками (рис. 4, *5–11*), для которых характерна круглодонная традиция изготовления (рис. 4, *12*). Кроме обильной примеси толченых раковин в тесте, на этих сосудах отмечаются следы выбивки (вследствие выбивки некоторые венчики даже приобрели выпуклую форму) (рис. 4, *7*). В изготовлении венчиков прослеживается несколько приемов (рис. *4, 5, 6, 9, 11*), но доминирует накладка ленты на край заготовки тулова изнутри. Сходство с материалами из трипольских поселений проявляется и в орнаментации этой керамики, что отмечалось еще Т.Г. Мовшей (1961, с. 193–196).

Памятники с керамикой, аналогичной Кукутени С, – Средний Стог II, Волошское (ур. Стрильча Скеля), Кичкас – были отнесены Д.Я. Телегиным к позднейшему дошнуровому (IB), или волошскому, этапу выделенной им среднестоговской культуры (Телегін Д.Я., 1973, с. 118–124), а ныне выделены Ю.Я. Рассамакиным в особый – скелянский тип памятников (Rassamakin Y. Ya., 1994). Найденные на поселении Стрильча Скеля фрагменты расписной трипольской керамики времени Кукутени А–В (Виноградова Н.М., 1983, с. 80) соотносятся, по-видимому, именно со среднестоговским слоем поселения, что дает определенные основания для синхронизации этих культур.

Исходя из сходства керамических комплексов степных приднепровских памятников и сосудов с ракушечной примесью трипольских поселений, появление и распространение керамики типа С в культуре Триполье-Кукутени можно рассматривать как отражение проникновения степного элемента и, в частности, как инкорпорацию носителей "степной" традиции в среду раннеземледельческих общин начиная с этапа Кукутени А3.

Это явление прослежено также и на некоторых памятниках культуры Гумельница группы Болград – Алдени (Сорокин В.Я., 1989, с. 17). Так, фрагменты аналогичного рассматриваемой группе сосуда со следами выбивки найдены на поселении у п.г.т. Тараклия (Манзура И.В., Сорокин В.Я., 1990, с. 90, 91, рис. 1, *9*), есть они и на поселении фазы Гумельница А/2 В/1 в Каркалиу, где отмечены также и импорты расписной кукутенской керамики (Lăzurcă E., 1991).

Еще одним показателем взаимосвязи раннеземледельческих культур балкано-карпатского круга и культур степной зоны являются находки каменных "скипетров в виде головы лошади". Вопросам их интерпретации и происхождения посвящен целый ряд работ (Даниленко В.М., Шмаглій М.М., 1972; Дергачев В.А., Сорокин В.Я., 1986; Brudiu M., 1975; Höusler A., 1982; Збенович В.Г., 1987 и др.). Ареал их охватывает территорию всей Юго-Восточной Европы от Поволжья до Придунавья. Отметим лишь, что находки их на трипольских поселениях (Верхние Жоры, Березовская ГЭС, Феделешени, Обыршени, Бырлелешти) соответствуют сравнительно небольшому хронологическому пласту – в пределах времени Кукутени А3-4 – и совпадают по времени с распространением "ракушечной" керамики. Именно в это время весьма ощутимую роль в процессе развития карпато-дунайских культур начинает играть степной компонент.

В степной зоне Северного Причерноморья распространяются памятники хвалынско-среднестоговской общности (Дергачев В.А., 1986, с. 65–74; Манзура И.В., 1992, с. 88, 89). По мнению ряда исследователей, в результате продвижения на запад этих носителей степных традиций в нижне-дунайском регионе исчезают поселения болградского варианта культуры Гумельница и возникает синкретическая в основе культура Чернавода I, вобравшая в себя как пришлые степные, так и местные традиции. Ранняя фаза Чернаводы I синхронизируется с Кукутени А4-А-В (Манзура И.В., 1992, с. 89, 90; Morintz S., Roman P., 1973).

В этом плане примечательны находки в слое Чернаводы I в Хыршове, где керамика типа Кукутени С обнаружена совместно с импортами расписной посуды, аналогичной происходящей с памятников типа Жур и Берешт конца Кукутени А (Popovici D., Hoşotti P., 1990, p. 293–297. pl. 1, *2*, 3, *3*). Возможно, сюда, как и на гумельницкое поселение Каркалиу, она попала именно вместе с кукутенской керамикой.

Появление степного элемента в материалах трипольских поселений не привело к заметным изменениям материальной культуры, что отражено, в частности, в керамическом производстве. Связано оно, как видно, с приходом нового населения и внедрением части его в среду раннеземледельческих общин. Это влияние было достаточно сильным и продолжительным, что привело к распространению керамики типа Кукутени С в пределах всего ареала культуры, но в области основного гончарного производства иная традиция не повлияла на изготовление трипольской посуды. "Ракушечные" горшки были со временем приспособлены к земледельческому быту и, по-видимому, с определенного этапа их следует рассматривать в виде своеобразной функциональной категории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Августинник А.И., 1956. К вопросу о методике исследования древней керамики // КСИА. Вып. 64.

Бурдо Н.Б., Станко В.Н., 1981. Энеолитические находки на стоянке Мирное // Древности Северо-Западного Причерноморья. Киев.

Виноградова Н.М., 1983. Племена Днестровско-Прутского междуречья в период расцвета трипольской культуры. Кишинев.

Даниленко В.М., Шмаглій М.М., 1972. Про один поворотний момент в історії енеолітичного населения Південної Європи // Ахеологія. Вип. 6.

Дергачев В.А., 1980. Памятники позднего Триполья (опыт классификации). Кишинев.

Дергачев В.А., 1986. Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы. Кишинев.

Дергачев В.А., Сорокин В.Я., 1986. О зооморфном скипетре из Молдавии и проникновении степных энеолитических племен в Карпато-Дунайские земли // Изв. АН МССР. Сер. обществ. наук. № 1.

Заец И.И., Рыжов С.Н., 1992. Поселение трипольской культуры Клищев на Южном Буге. Киев.

Збенович В.Г., 1987. Место трипольской культуры в энеолите Причерноморья // Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. Матер. I симпоз. "Кавказ и Юго-Восточная Европа в эпоху раннего металла". Телави – Сигнахи, 1983. Тбилиси.

Збенович В.Г., Шумова В.А., 1989. Трипольская культура Среднего Поднестровья в свете новых исследований // Первобытная археология. Киев.

Кожин П.М., 1964. О технике выделки фатьяновской керамики // КСИА. Вып. 101.

Кожин П.М., 1989. Значение керамики в изучении древних этнокультурных процессов // Керамика как исторический источник. Новосибирск.

Манзура И.В., 1992. Степные восточноевропейские общности энеолита – ранней бронзы в хронологической системе балкано-дунайских культур // Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдовы. Кишинев.

Манзура И.В., Сорокин В.Я., 1990. Гумельницкое поселение у п.г.т. Тараклия // Археологические исследования молодых ученых Молдавии. Кишинев.

Мовша Т.Г., 1961. О связях племен трипольской культуры со степными племенами медного века // СА. № 2.

Мовша Т.Г., 1981. Проблемы связей Триполье-Кукутени с племенами культур степного ареала // Studia Praehistorica. № 5/6. София.

Палагута И.В., 1995. Керамический комплекс трипольского поселения Друцы I в Северной Молдавии // Вестник МГУ. Сер. истории. № 5.

Сайко Э.В., 1984. Техническая организация керамического производства раннеземледельческих культур // Studia Praehistorica. № 7. София.

Сорокин В.Я., 1983. Раскопки многослойного поселения Мерешовка-Четэцуе в 1980 г. // Археологические исследования в Молдавии в 1979–1980 гг. Кишинев.

Сорокин В.Я., 1989. Культурно-исторические проблемы племен среднего Триполья Днестровско-Прутского междуречья // Изв. АН Молд. ССР. Сер. обществ. наук. № 3.

Телегін Д.Я., 1973. Середньостогівська культура епохи міді. Київ.

Цвек Е.В., 1980. Трипольские поселения Буго-Днепровского междуречья // Первобытная археология – поиски и находки. Киев.

Brudiu M., 1975. Despre două sceptre de piatră descoperite în Sud-estul Moldovei // SCIVA, T. 26. № 2.

Crîşmaru A., 1977. Drăguşeni. Contribuţii la o monografie arheologica. Botoşani.

Dodd-Opriţescu A., 1980. Consideraţii asupra ceramicii Cucuteni C // SCIVA. T. 31. № 4.

Dodd-Opriţescu A., 1981. Ceramica ornamentată cu şnurul din aria Culturilor Cucuteni şi Cernavoda I // SCIVA. T. 32. № 4.

Dodd-Opriţescu A., 1983. Vecinii estici şi nord-estici al triburilor Cucuteni-Tripolie // SCIVA. T. 34. № 3.

Dragomir I.T., 1967. Săpături arheologice la tg. Bereşti // Danubius. V. I. Galaţi.

Dragomir I.T., 1982. Elemente stepice "Cucuteni C" descoperite la Bereşti (jud. Galaţi) // SCIVA. T. 33. № 4.

Dumitrescu Vl., 1945. La Station Prehistorique de Traian // Dacia. NS. T. IX–X. 1941–1944.

Höusler A., 1982. Zum Problem des Vorgingen früher Steppen-elemente im Neolithicum Mittel und Sudosteneuropas // Thracia Praehistorica. Supplementum Pulpudeva 3. Semaines philippopolitaines de l'historie et de la culture thrace. Plovdiv, 4–9 octobre 1978. Sofia.

Lăzurcă E., 1991. Ceramica cucuteniană în contextul aşezării gumelniţene de la Carcaliu (judeţul Tulcea) // Peuce. X. V. I–III. Tulcea.

Marinescu-Bîlcu S., 1981. Tîrpeşti: from Prehistory to History in Eastern Romania // BAR. Internat. Ser. N 107. Oxford.

Matasă C., 1946. Frumuşica. Village préhistorique a ceramique peinte dans la Moldavie du nord Roumanie. Bucureşti.

Morintz S., Roman P., 1973. Über die Übergangsperiode vom Aneolithikum zur Bronzezeit in Romanien // Symposium über die Enstehung und Chronologie der Badener Kultur. Bratislava.

Nestor I., Zaharia E., 1968. Sur la periode de transition du neolithique a l'age du bronze dans l'aire des civilizations de Cucuteni et de Gumelniţa // Dacia. NS. T. XII.

Popovici D., Hasotti P., 1990. Considerations about the synchronism of the Cernavoda I culture // Pontica. 1988–1989. V. XXI–XXII. Constanţa.

Rassamakin Y.Ya., 1994. The Main Directions of the Development of Early Pastoral Societies of Nothern Pontic Zone: 4500–2450 BC (Pre-yamnaya cultures and Yampaya culture) // Baltic-Pontic Studies. V. 2.

Rye Owen S., 1981. Pottery Technology // Manuals on archaeology 4. Washington.

Schmidt H., 1932. Cucuteni in der oberen Moldau. Berlin; Leipzig.

Московский государственный
университет

I.V. PALAGUTA

LINKS BETWEEN TRIPOLYE-CUCUTENI AND THE ENEOLITHIC CULTURES ON THE NORTH BLACK SEA MARITIME STEPPES

Summary

The paper deals with the issues of the Cucuteni C ware origins and the spread of the Cucuteni A–B – Tripolye BI-BI/BII in the Tripolye settlements. The ceramics group differs from the Tripolye pottery proper not only in its forms and decorations, but in its beating forming technique and a tradition of round-bottom making. Such technologies were, probably, not used by Tripolye potters. The earliest C-ware appeared in southern Cucuteni A3 settlements (Novye Ruseshty, Berezovka, etc.) and then spread to the whole Tripolye culture area. Analogous pottery was found in the Low Dnieper area (Strilcha Skelya, Sredny Stog II). The author considers that C-ware illustrates and early diffusion of the steppe tradition bearers in the Tripolye environment. Later it transformed into a functional category of Tripolye pottery.

С.А. ГУСЕВ

К ВОПРОСУ О ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВАХ ТРИПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Пристальное научное внимание к трипольской культуре за столетний период ее изучения открыло пути к успешному решению многих вопросов, различным образом связанных с экономикой, общественными отношениями, идеологией, территориально-хронологическими отличиями. Вместе с тем отдельные аспекты трипольской проблематики все еще остаются малоисследованными. К таким, обойденным надлежащим вниманием ее сторонам, по нашему мнению, относится вопрос о транспортных средствах носителей трипольской культуры.

Разнообразные средства и приспособления транспортировки и передвижения с древнейших времен вплоть до наших дней играли и играют существенную роль в понимании уровня развития древних обществ. В отечественной и зарубежной научной практике накоплено много важных концептуальных разработок по древнему транспорту, но преимущественно касающихся скотоводческих обществ на территории Сибири, Средней и Передней Азии, Кавказа, Ближнего Востока времени конца энеолита – начала бронзового века (У. Треи, М. Литтанер, Д. Кроувел, С. Пигготт, А. Хейслер, Е.Е. Кузьмина, Н.Н. Чередниченко, П.М. Кожин, М.В. Горелик и др.). Материалы же раннеземледельческих археологических культур, в частности Балкано-Дунайского очага, освещены поверхностно (Л. Бона, М. Дину). Причина такого состояния, на наш взгляд, заключается в скудности источниковедческой базы в противовес изобилию пластических, графических и лингвистических источников, теснейшим образом связанных с транспортом, особенно колесным, у кочевников эпохи бронзы.

Разумеется, специфика подвижного скотоводческого хозяйства уже на ранней стадии своего развития способствовала тому, что транспортные приспособления колесного типа стали неотъемлемым элементом естественного существования значительной части древнего населения Евразии. Подвижность земледельческих коллективов была несколько ниже, чем у кочевников, однако и им время от времени было необходимо перемещать на новое место весь объем поселения. Наряду с этим, принимая во внимание особенности хозяйственного устройства древнеземледельческих общин, существовала постоянная потребность переездов от одного поселения к другому, доставки к жилищам урожая с полей, привоза древесины из леса и т.д., а также совершения экспортно-импортных операций (кремень, соль и пр.). Каким образом обеспечивалось выполнение всех этих и многих других транспортных работ? В данной статье мы попытаемся проанализировать некоторые разновидности средств передвижения древних земледельцев, основываясь прежде всего на материалах трипольской культуры.

Сухопутный транспорт в традиционном понимании определяется приспособлениями для перемещения грузов и тяжестей по земле, приводимыми в движение группами людей или животными (Свод этнографических понятий..., 1989, с. 190, 191). Он включает в себя три способа передвижения: вьючный, волочный и колесный.

Вьючная транспортировка. В многочисленной трипольской посуде и пластике имеется ряд находок, которые можно привлечь в качестве косвенных доказательств использования доместицированного скота под вьючные перевозки. Прежде всего это касается керамических ипостасей быка. Туловище вьючного быка изображали, видимо, многие трипольские зооморфные мисочки и сосуды на ножках с налепленными на

© С.А. Гусев, 1998 г.

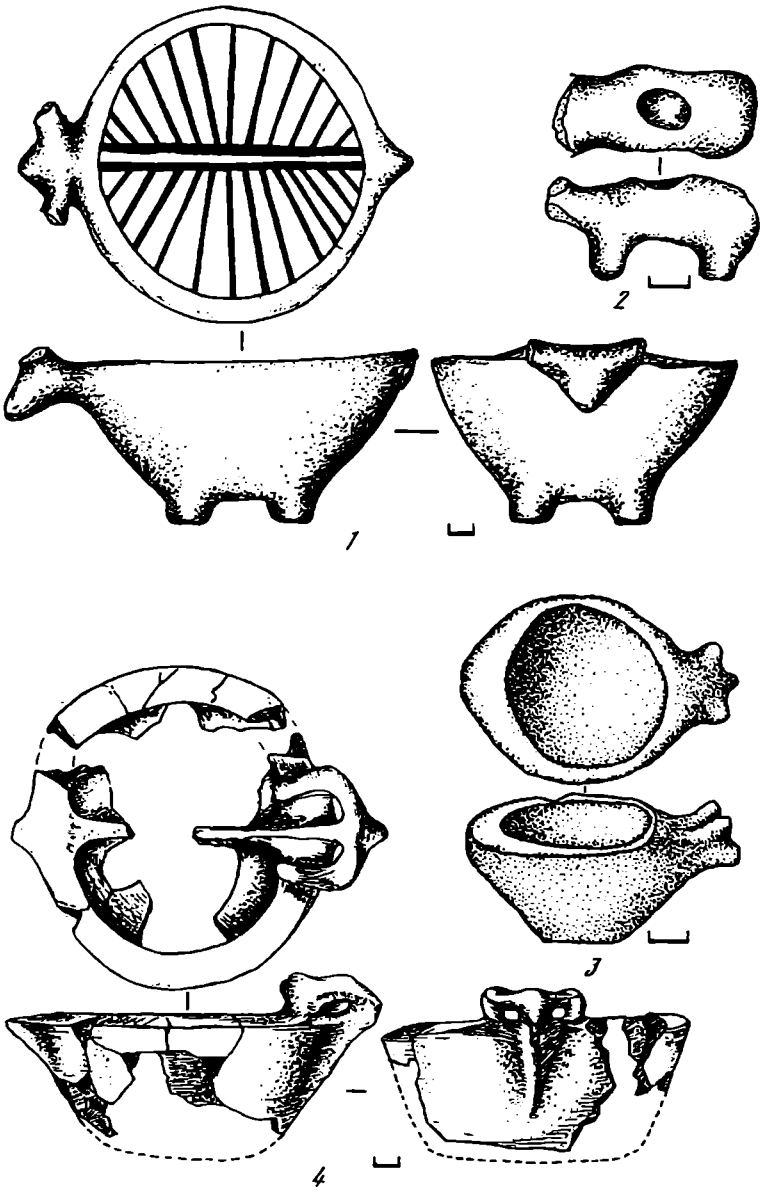


Рис. 1. Изображения вьючных животных. Ворошиловка (*1*, *3*); Белый Камень (*2*); Чечельник (*4*)

венчике головкой и хвостом (рис. 1, *1*, *3*, *4*). Часто в мордах головок проделывались горизонтальные отверстия для продевания веревки, имитирующие крепление повода к ноздревому кольцу быка (рис. 2, *1*; рис. 3, *1*, *2*). Весьма любопытным является уникальный зооморфный сосуд, закрывающийся небольшой круглой крышкой, из позднетрипольского поселения Кошиловцы-Обоз (Hadaczek K., 1914, tabl. XX). Вероятно, эта пустотелая фигурка-сосуд схематически изображала транспортную пару быков/волов. Остатки черной окраски на туловище вполне могли обозначать как упряжку-ярмо (Захарук Ю.М., 1971; с. 81), так и крепежный такелаж вьючного груза (рис. 2, *6*).

Уместно вспомнить и о скульптурных изображениях бычков из этого же памятника. На спинках некоторых фигурок белыми, черными и красными красками были нарисованы линии-упряжки и попоны (Hadaczek K., 1914, tabl. XIII, XVII), которые Х. Цехак понимала как покрывала вроде чапрака (Cehak H., 1933, S. 194). Б.Л. Богаевский предполагал, что в Кошиловцах-Обозе на скульптурках изображались покрывала в виде кусков плетенки или ткани, накинутых на быка для предохранения его спины от

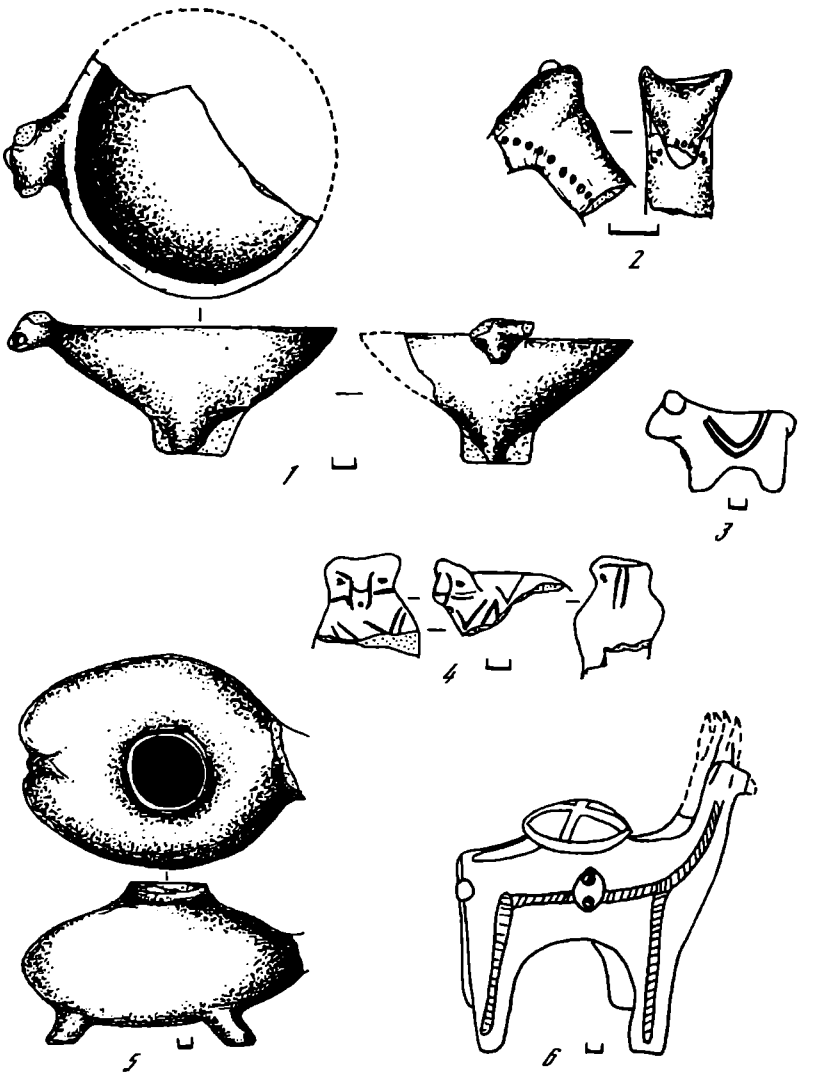


Рис. 2. Изображения вьючных и упряжных животных. Сосны (*1*); Чечельник (*2*); Сушковка (*3*); Усатово (*4*); Петрены (*5*); Кошиловцы-Обоз (*6*)

укусов оводов и мух (Богаевский Б.Л., 1937, с. 246). Фигурка быка из Сушковки, по мнению В. Козловской, также была покрыта попоной-подстилкой с обшивкой по краю, о чем свидетельствуют углубленные дуги на спине (Козловська В., 1926, с. 58, рис. 4) (рис. 2, *3*). Скульптурка быка из Чичеркозовки, по наблюдениям В.И. Балабиной и И.П. Гирныка, также сохранила черный рисунок попоны на туловище (Балабина В.И., Гирнык И.П., 1988, с. 82, рис. 1, *1*). Попонами, как известно, пользовались не только для предохранения спины животного от насекомых, но и для предотвращения потертостей грузом.

На спинке небольшой зооморфной статуэтки из Белого Камня (Макаревич М.Л., 1940, с. 458, рис. 11) сделано углубление диаметром 0,9, глубиной 0,4 см, в которое весьма удобно что-либо положить, подражая вьючному багажу (рис. 1, *2*).

Румынский археолог Д. Монах упоминает о неизвестной нам трипольской статуэтке барана, на спине которого, предположительно, находится вьюк (Монах Д., 1984, с. 24).

По утверждениям В.И. Маркевича, у трипольцев и конь мог выполнять транспортировку тяжестей на спине, при этом исследователь ссылается на имеющиеся в Триполье и некоторых синхронных ему культурах многочисленные конские псалии, указывающие на применение лошади даже для верховой езды (Маркевич В.И., 1981,

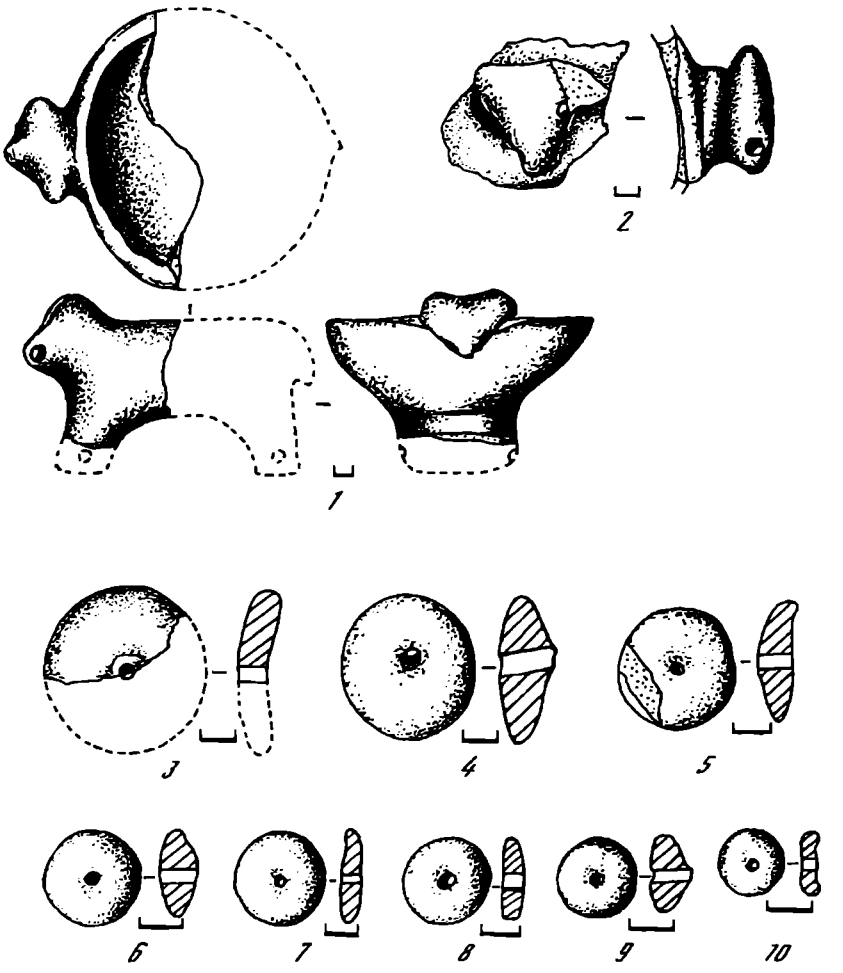


Рис. 3. Зооморфные повозки с осевыми втулками и модели колесиков. Раковец (*1*), Каролина (*2*), Ворошиловка (*3–10*)

с. 141–143). Нам представляется весьма спорным вопрос о псалиях трипольской культуры и о развитии вьючных перевозок на лошадях. Палеозоологи единодушно отмечают ограниченные физические возможности одомашненного трипольцами коня сравнительно небольшого размера, с массивной головой (Equus caballus) (В.И. Бибикова, В.И. Громова и др.).

Таким образом, приведенные археологические данные позволяют предположить распространенность среди трипольского населения практики вьючных перевозок с использованием домашнего скота, главным образом быка/вола.

Что касается других транспортных способностей крупного рогатого скота, то здесь практически все исследователи единогласны во мнении об активном применении его силы в качестве тягла. На этот счет имеются неопровержимые доказательства, в первую очередь многочисленные трипольские сосуды со спаренными головками бычков на венчике, имитирующие бычью парную упряжку, – Сороки-Озеро (Черныш Е.К., 1970, с. 77–83), Чечельник (Косаківський В.А., 1993, с. 106, рис. 7, *3*), Стена IV (Макаревич М.Л., 1960, с. 27, рис. 3, *1–3*, *8*) и др. Об этом же свидетельствует раннеземледельческая пластика: упряжная пара быков из поселения культуры колоколовидных кубков Крженица-Яр (Müller-Karpe H., 1974, Tabl. 483), модель повозки с бычьей упряжкой из энеолитического слоя памятника у с. Радошина (болеразская группа) (Vladár J., 1979, p. 65, fig. 40), реконструкция В.И. Маркевичем двух статуэток крупного рогатого скота в одной упряжке из трипольского поселения Флорешты (Маркевич В.И., 1981, с. 142, рис. 97, *6*). Чаще всего эти и подобные им арте-

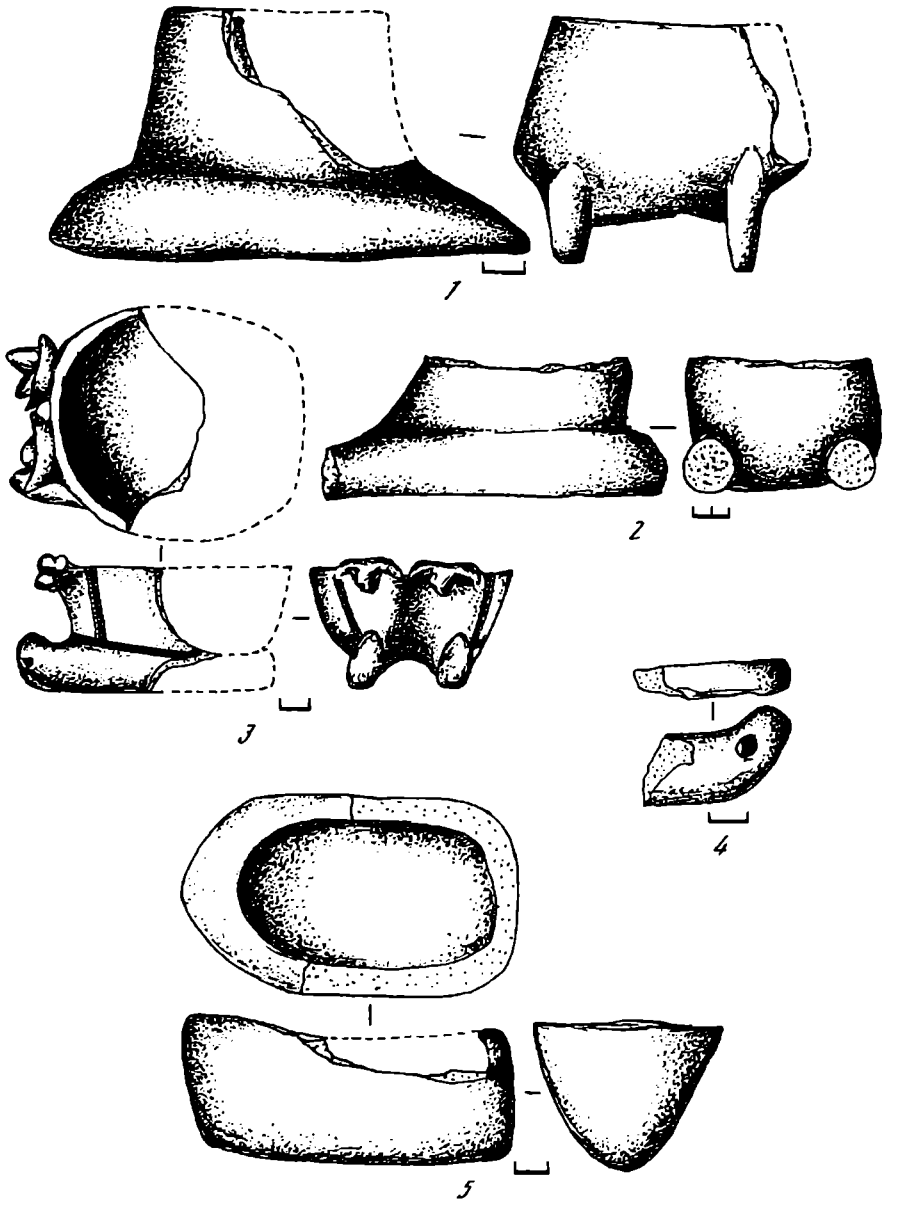


Рис. 4. Модели саней и лодки. Незвиско (*1*), Городница-Городище (*2*, *5*), Тальянки (*3*), Чечельник (*4*)

факты фигурируют в дискуссии о пахотном характере земледелия у трипольцев, но реже о них вспоминают в связи с вопросом о волочных транспортировках.

Волочные перевозки. В трипольской культуре могли успешно существовать транспортные средства волочного типа двух видов: волокуши и сани. В пользу волокуш с применением тягловой силы крупного рогатого скота определенно высказался С.Н. Бибиков. Он предполагал, что доставка продуктов урожая (зерна вместе с соломой) на поселение производилась на волокушах (Бибиков С.Н., 1953, с. 176). Достоверно установить конструкцию трипольских волокуш без экстраполяции этнографических данных затруднительно в отличие от санного транспорта, особенности которого засвидетельствованы керамическими моделями.

В начале 50-х годов XX в. В.П. Кравец опубликовал первые модели двухполозных саней, хранившихся около 20 лет в коллекциях Львовского исторического музея (Кравец В.П., 1951). Один экземпляр происходит из среднетрипольского поселения Незвиско (рис. 4, *1*). Это большой фрагмент кузова овальной формы высотой 2,8–3,5, сечением 5–8 см, помещенный на пару параллельных полозьев-коньков длиной 10,5,

шириной 0,5 и высотой 1,7 см. На внешней стороне передней стенки кузова, напротив каждого полоза, имеются два вертикальных углубления и небольшие вмятины, которые В.П. Кравец трактовал как схематические изображения отверстий, служивших для закрепления средств тяги (Кравец В.П., 1951, с. 127).

Вторая опубликованная находка сделана М.Ю. Смишко на поселении Граденшница-Городище (Smiszko M., 1939, S. 48–40). Небольшой округлый кузов миниатюрных саночек был низко посажен на два цилиндрических полоза (рис. 4, *2*). Отличительной особенностью вышеописанных моделей является высокая степень схематизма изображения – нет имитации тягла, отсутствует (не сохранилась) роспись, в полозьях нет явных отверстий для веревочек. Все же между ними усматривается существенное различие. Так, полозья городницких санок изображены в виде круглых бревнышек, в то время как незвиские имеют плоские полозья. В.П. Кравец предполагал, что в данном случае изображены сани различных типов, отвечающих разным хронологическим периодам трипольской культуры. Употребление бревенчатых полозьев исследователь относил к раннему Триполью, а досчатые существовали несколько позже, на развитом этапе (Кравец В.П., 1951, с. 128, 129).

Количество трипольских саночек заметно увеличилось благодаря археологическим исследованиям поселений развитого Триполья Буго-Днепровского междуречья. Здесь собрано около 50 экз. таких миниатюрных моделей. Они изготавливались из керамического теста, характерного для столовых сосудов (отмученная глина с примесями песка и шамота), имели естественный оранжевый ангоб и порой расписывались черной краской. Салазки состояли из двух конструктивных частей: верхней (кузов) и нижней (полозья). С.Н. Рыжов классифицировал кузова двух вариантов: реалистические и схематические (Рижов С.М., 1988). Первый вариант составляют емкости прямоугольной формы с точным воспроизведением конструктивных приемов изготовления реальных саней, собранных в основу из деревянных плах со стояками, что иногда подчеркивалось прокраской. Второй вариант моделирует округлый кузов, роспись которого (ленты, "сетка") порой указывает на то, что борта саней-прототипов создавались из плетня или ткани (шкуры), закрепленной на вертикальных стояках (рис. 4, *3*). Важной особенностью саночек второго варианта, как отмечает С.Н. Рыжов, является частое изображение одной или пары головок быка/вола на передней стенке кузова и прорисовки черной краской упряжи. В таких случаях тягловое животное и транспортное средство как бы объединены в одно целое, напоминая вышеописанное единение животного и вьючного багажа.

Нижняя часть саночек обычно снабжалась парой параллельных полозков, выполненных в виде валиков округлого сечения. Передние концы полозьев загибались кверху и в них проделывались горизонтальные отверстия для привязывания нитки, как полагает В.А. Круц (Круц В.А., 1989, с. 120).

Подчеркнем, что подавляющее большинство моделей транспортных средств санного вида найдено на поселениях развитого Триполья междуречья Южного Буга и Днепра (небелевская, томашевско-сушковская локально-хронологические группы). Единицы моделей происходят из Поднестровья. В других районах трипольской территории модели санок – крайняя редкость. Встреченные фрагментированные экземпляры на памятниках трипольской культуры в Среднем Побужье С.Н. Рыжов склонен рассматривать как импорт (Селище) или же они пришли вместе с переселившейся на запад частью томашевского населения (Чечельник (рис. 4, *4*))[1] (Рижов С.М., 1988, с. 4, 5). Недавние раскопки позднетрипольского памятника Ялтушков I (урочище Борисовое поле) в Днестро-Бугском междуречье позволили обнаружить и здесь фрагменты, возможно, модели саней (Рижов С.М., 1993, с. 89), теперь уже вряд ли импортного происхождения.

Таким образом, моделями засвидетельствовано знакомство с санным транспортом

---

[1] Выражаю искреннюю благодарность В.А. Косаковскому за предоставленную возможность познакомиться с материалами из поселения Чечельник.

носителей западного варианта трипольской культуры на развитом этапе. В какой степени концентрация миниатюрных салазок в Буго-Днепровском междуречье отражает реальную популярность здесь саней, судить трудно, поскольку этот археологический факт может зависеть не только от особенностей состояния транспортного хозяйства, но и быть следствием локальных явлений культового порядка или же отражать степень изученности района.

Колесный транспорт. Происхождение колесного транспорта многие исследователи относят к концу IV – началу III тыс. до н.э. (Кожин П.М., 1985, с. 172; Избицер Е.В., 1991 и др.). Средой, в которой зародилось транспортное колесо, были, вероятно, древнейшие пахотные земледельцы. Основой для возникновения повозок на колесах могли стать сплошные дощатые помосты или сани-волокуши, на которых увозили с полей собранный урожай. Бычья упряжка, используемая в пахоте, была в состоянии успешно перемещать на небольшие расстояния наполненные сельскохозяйственной продукцией грузовые платформы, под которые для облегчения перевозки поочередно подкладывались круглые бревна. Со временем подобная практика привела к изобретению простейшего сплошного "тяжелого" колеса (Piggott S., 1968, p. 266–318; Кожин П.М., 1985, с. 171, 172).

Поиск более определенного места зарождения колесного транспорта приводит исследователей в очаги раннего пашенного земледелия Старого Света. С. Пигготт, Е.Е. Кузьмина, П.М. Кожин, М.В. Горелик, некоторые лингвисты (Вяч.Вс. Иванов, Т.В. Гамкрелидзе) полагают, что колесные перевозки впервые стали практиковать в южном азиатском ареале, на просторах от Закавказья до Месопотамии, частично в Анатолии. Откуда колесо проникло в Среднюю Азию, на Балканы, в Центральную Европу, Северное Причерноморье и распространилось дальше в северо-восточном направлении. Рассматривая возможные изначальные территории формирования индоевропейцев, которые одними из первых стали пользоваться колесом, В.М. Даниленко писал, что после середины IV тыс. до н.э. именно из Северопричерноморского эпицентра колесный транспорт распространился по всей Восточной и Центральной Европе (Даниленко В.М., 1974, с. 114, 115). А. Хейслер, изучив как сами повозки, так и их глиняные модели, считает неубедительным доводы в пользу происхождения средне- и западноевропейских древнейших образцов колесного транспорта из Передней Азии или Закавказья, как и не находит указаний на заимствование повозки из северопонтийских территорий (Häusler A., 1981, p. 581–647).

Получив первое признание в земледельческих обществах, колесный транспорт, как ни странно, нашел свое широчайшее распространение не здесь, а у кочевников-скотоводов. Кочевые скотоводческие группы являлись не столько творцами культурных явлений, сколько передаточной средой, обусловившей как реальные контакты отдаленных областей, так и культурную интеграцию на гигантских территориях (Мерперт Н.Я., 1988, с. 27). Важнейшую роль в развитии транспорта отводил пастушеским племенам и В.М. Даниленко (Даниленко В.М., 1974, с. 113). Именно они, по мнению исследователя, усовершенствовали малоподвижные громоздкие бычьи телеги (арбы), превратив их в мобильные одноосные конские колесницы.

В период становления колесного транспорта древнеземледельческая трипольская культура достигла своего наивысшего расцвета и составляла одно из наиболее развитых обществ IV–III тыс. до н.э. С начала 80-х годов нынешнего века многие археологи стали пристальнее относиться к проблеме колеса в Триполье. За существование колесного транспорта на развитом этапе культуры высказался В.И. Маркевич. "Не вызывает сомнения факт, – писал исследователь, – что трипольцы знали колесо, особенно если учесть их связи еще в самом начале этапа В1 с Кавказом, где к этому времени оно получило широкое распространение". Столь оптимистический вывод В.И. Маркевич проиллюстрировал наличием на трипольских поселениях Варваровка VIII, Варваровка XV, Костешты IV, Брынзены III глиняных моделей колесиков от "вотивных повозок" (Маркевич В.И., 1981, с. 128).

Знакомство трипольского общества с колесом В.А. Дергачев и В.Я. Сорокин также

связывали с активным взаимодействием в эпоху энеолита земледельцев Северного Причерноморья (культуры Болград-Алдени, Триполье) с кочевниками на востоке (Дергачев В.А., Сорокин В.Я., 1986). Несколько иначе трактовала наличие колеса у трипольцев Т.Г. Мовша. Не исключая фактора межэтнических внешних связей уже не только с восточными областями, но и с западными (баденская культура), появление колесных повозок исследовательница объяснила возросшим уровнем внутренних экономических сношений, приведших к активной миграции трипольских общин, особенно в конце среднего – начале позднего периодов культуры, а также к росту в хозяйстве удельного веса скотоводства и появления лошади (Мовша Т.Г., 1982).

Другие немногочисленные версии о распространении колеса в Триполье основаны на еще более отдаленных свидетельствах. Так, в частности, упоминаются слабо доказуемые конские упряжные псалии из поселений раннего – начала развитого Триполья (Новые Русешты, Ленковцы, Сабатиновка I (Маркевич В.И., 1981, с. 140), о которых уже шла речь; принимаются во внимание известные следы изображения упряжи на фигурках лошадей из поселений Чечельник (КосакІвський В.А., 1993, с. 106, рис. 7, *13*) (рис. 2, *2*) и Усатово–Большой Куяльник (Збенович В.Г., 1974, с. 108, рис. 40, *6*) (рис. 2, *4*).

Таким образом, существует предположение о владении трипольским населением колесным транспортом. Но каков облик трипольских телег, каковы их конструктивные особенности? Еще в начале 1970-х годов В.М. Даниленко подчеркивал, что в пределах распространения Триполья неизвестно ни одной находки, надежно фиксирующей наличие колесного экипажа (Даниленко В.М., 1974, с. 113, 114). В наши дни ситуация несколько изменилась. Остановимся на этом более детально.

В качестве одного из наиболее весомых аргументов в пользу знакомства трипольцев с колесом приводятся небольшие в диаметре (1–6 см), плоские (0,3–0,7 см) глиняные кружки с отверстием в центре (рис. 3, *3–10*). Часто их относят к разряду трипольских прясел, хотя вряд ли они были таковыми, поскольку небольшой удельный вес этих керамических маховиков не обеспечивал надлежащего крутящегося момента толстому деревянному веретену. Больше они похожи на колесики, однако известные нам реалистически выполненные модели транспортных колес эпохи энеолита–бронзового века из Средней Азии (Кузьмина Е.Е., 1980, с. 11–35) и Подунавья (Bona L., 1960, p. 99; Dinu M., 1981) обязательно были со ступицей. В трипольских же экземплярах ступица отсутствует. Возможно, модели имитируют древнейшие колеса без ступицы. Сегодня исследователи выделяют три разных технологических типа колеса: 1) колесо, вырезанное из цельного куска дерева вместе со ступицей; 2) двухчастное колесо, имеющее сплошной диск и отдельно изготовленную ступицу, присоединенную к диску шкантовым путем с дополнительным кожаным креплением; 3) массивный диск, состоящий из трех частей – двух полукружий, образующих обод, и центрального ромбического или прямоугольного куска дерева, в котором неподвижно крепилась вращающаяся относительно рамы ось (Ляшко С.Н., 1994, с. 141, 142).

Первый и второй типы, как мы видим, имели ступицу, обеспечивающую колесу устойчивое вращение в одной плоскости на неподвижной оси. Выполнить технологические операции по изготовлению таких колес при помощи каменных инструментов трипольцы в принципе могли, но в работе над ступицами, как замечает С.Н. Ляшко, им бы понадобились специальные длинные и узкие тесла или металлические долота, каких у трипольцев не найдено. Что касается третьего типа, то здесь возможно крепление цельного или двух- трехчастного обода к вращающейся оси сквозь прямоугольное (ромбическое) гнездо и без ступицы. Теоретически это было под силу трипольским колесным мастерам. Подвижная ось, по-видимому, составляла переходное звено от волокуши с подкладными подвижными бревнами к телеге с закрепленными осями. Видимо, ось, а не колесо оставалось главенствующим элементом транспортного средства. Проводя лингвистические изыскания с целью изучения древнего транспорта, В.Н. Даниленко усматривал комбинацию тем *бык – ось* как более устойчивую и древнюю, нежели *конь – колесо*. Кроме того, в некоторых языках до настоя-

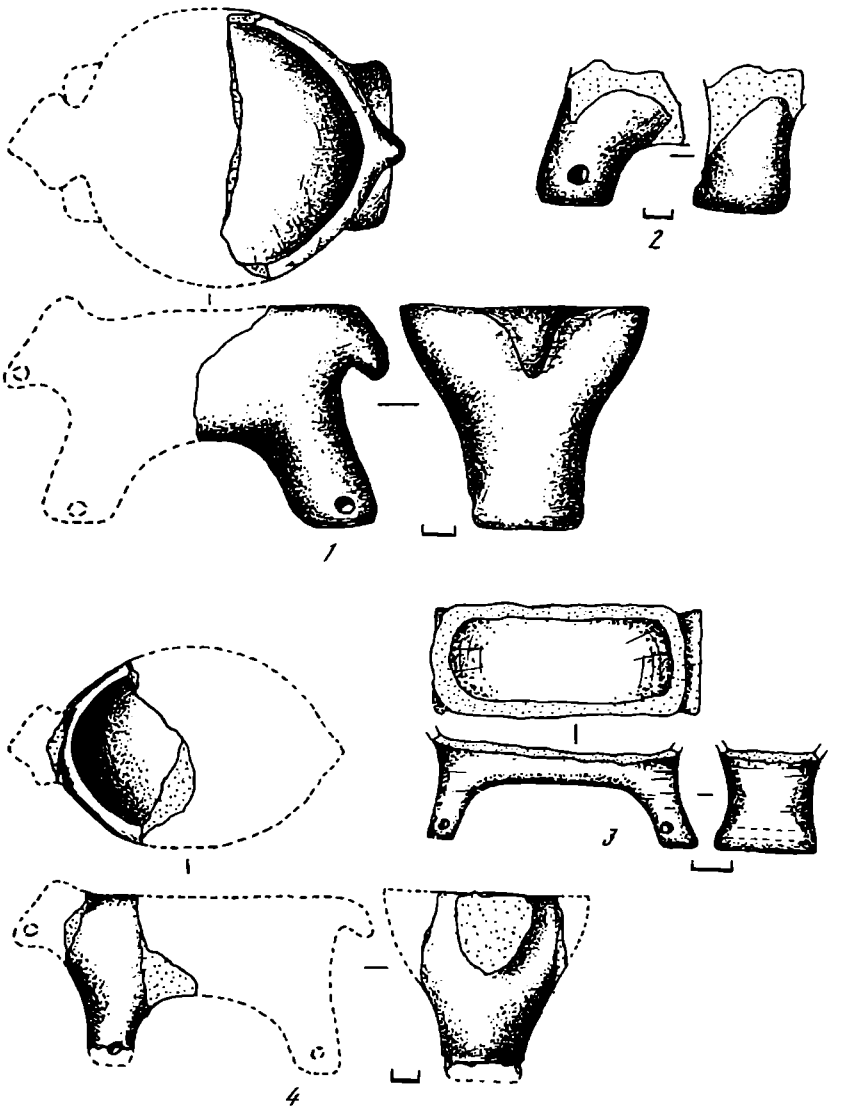


Рис. 5. Зооморфные повозки с осевыми втулками. Каролина (*1*, *2*), Немиров (*3*), Владимировка (*4*)

щего времени сохранилась любопытная связь колесных терминов с санями именно через ось (греч. πολος – ось; слав. *полозъ* – деталь саней) (Даниленко В.М., 1974, с. 114, 115).

Приспособления с простейшими бесступичными колесами на вращающейся оси (колесные пары), приводимые в движение бычьей/воловьей упряжкой, таким образом, могли стать древнейшими колесными транспортными средствами в трипольской культуре.

Теперь обратимся к вопросу о кузове колесных телег. Т.Г. Мовша, В.И. Маркевич, В.А. Дергачев, В.Я. Сорокин и другие археологи связывают бесступичные миниатюрные колесики с моделями культовых повозок, но при этом не указывают на облик самих повозок. По нашему мнению, колесиками оснащались зооморфные поделки в виде бычков с туловищем-мисочкой и сочлененными ногами (рис. 3, *1*; рис. 5, *1*, *3*, *4*; рис. 6), в нижней части ножек которых имелись поперечные отверстия-втулки для колесных осей. В данном случае, как и на моделях саней, налицо единение животного-тягла и транспортного средства. Все известные зооморфные мисочки-повозки маркируют территорию западного ареала Триполья, в частности они обнаружены на поселениях петренской (Раковец), среднебугской (Немиров, Каролина) и владимировской (Владимировка) локально-хронологических групп, датированных этапами ВII и начала

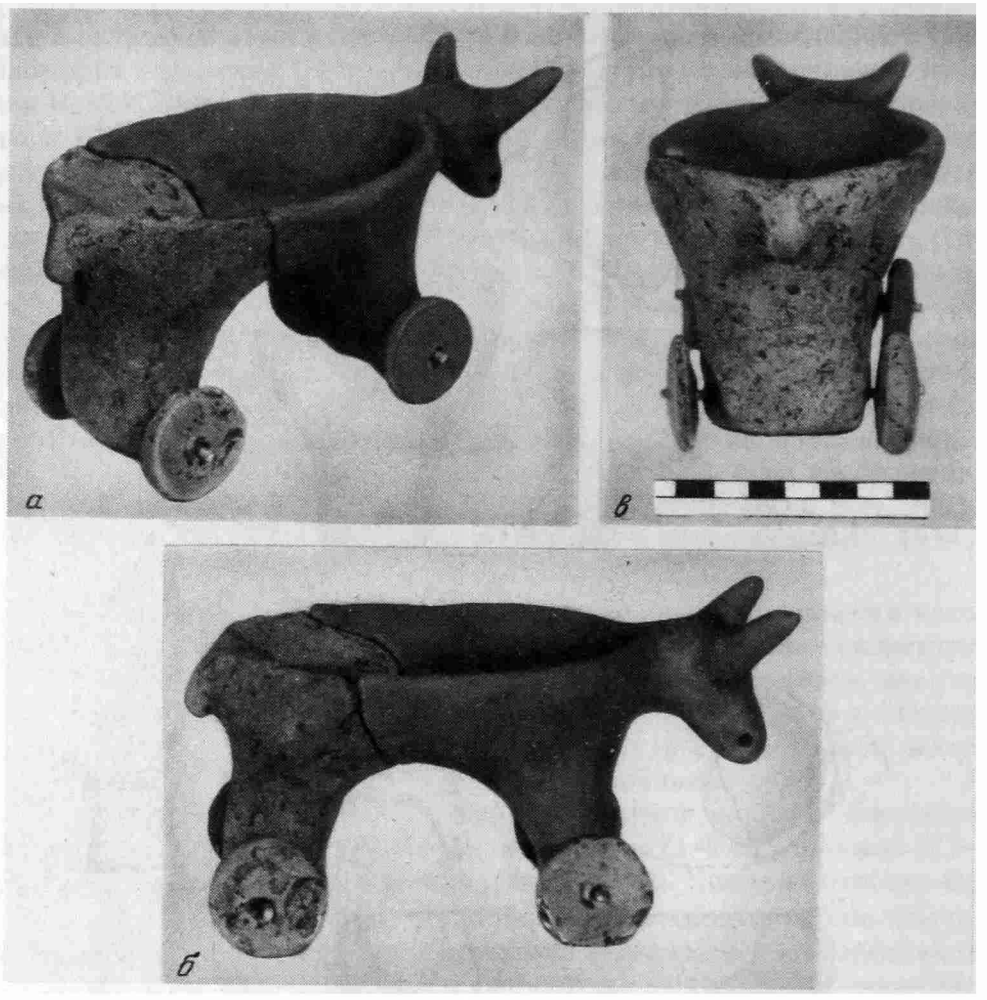


Рис. 6. Реконструкция зооморфной повозки на колесах. Каролина (*а*, *б*, *в*)

CI, т.е. периодом наивысшего расцвета культуры. Обратим внимание, что в это же время и практически на той же территории существовали модели санного транспорта.

В Триполье известны и собственно фигурки бычков с втулками в специально усиленных толстых ножках. Таковые найдены в Кошиловцах, Пещаной, Каролине (рис. 5, *2*), Ворошиловке (рис. 7, *1*). Реконструкции трипольских колесных статуэток встречают много аналогий в культурах энеолита – ранней бронзы Месопотамии (Тепе-Гавра) (Горелик М.В., 1985, с. 195, табл. I, рис. 5), Южной Туркмении (Алтын-депе, Намазга) (Кузьмина Е.Е., 1980, с. 15, рис. 2; Массон В.М., 1989, с. 161, рис. 38) (рис. 7, *2*), в Древнем Египте (Чизхолм Д., Миллард Э., 1995, с. 39). Особенно удивляет их большое сходство с колесными скульптурками животных древнеземледельческих культур Мезоамерики I тыс. н.э. (рис. 7, *3*, *4*). К концу нашего столетия на Американском континенте было учтено около 80 разнообразных изображений собаки, ягуара, оленя, обезъяны, даже крокодила. Многие фигурки окрашивались в неестественные, явно магические желтые, голубые, черные цвета (Diehl R.A., Mandeville M.D., 1987, p. 239–246). Как известно, в Новом Свете до начала XVI в. колесный транспорт не практиковался (Альперович М.С., Слезкин Л.Ю., 1991, с. 7), но при этом индейцы некоторых "классических государственных" образований (тольтеки, ольмеки) использовали колесо в культовых церемониях, что подтверждается изготовлением ритуальных колесных фигурок (Borhegyi de S.F., 1970, p. 18–25). Может быть нечто подобное имело место и в трипольской культуре, поскольку в обоих случаях модели колесиков ступицы не имели.

Зооморфные мисочки-повозки не сохранили росписи. Отсутствие раскраски в сочетании со стилизированным пластическим исполнением затрудняют воссоздание облика

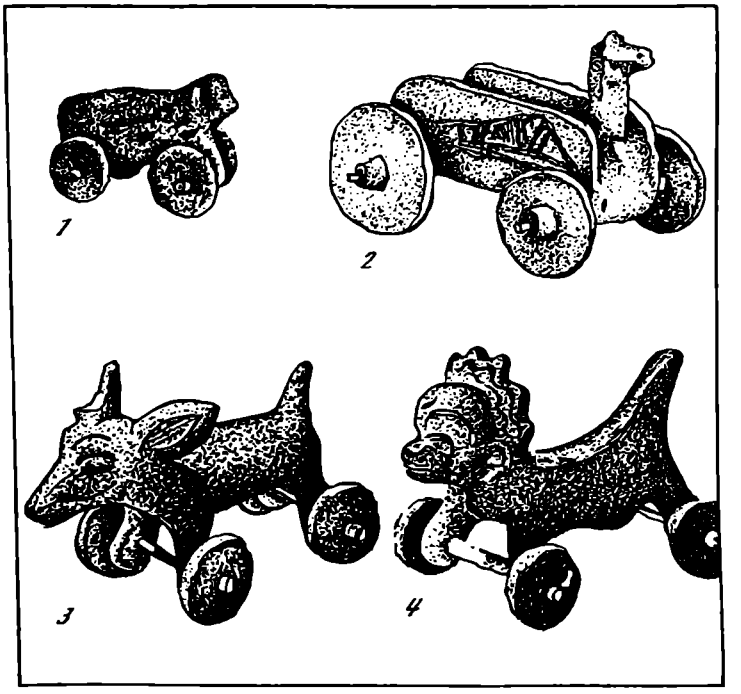


Рис. 7. Зооморфные фигурки на колесах. Ворошиловка (*1*), Алтын-депе (*2*), Мезоамерика (*3*, *4*)

реальных прототипов колесных транспортных приспособлений. Если модели повозок чем-то сходны с моделями саночек, то, вполне вероятно, кузова телег напоминали кузова саней.

Водный транспорт. Общеизвестно тяготение земледельческих поселений к водоемам. Это объясняется не только важной ролью рыболовства и прибрежного собирательства, хозяйственно-бытовыми потребностями в воде, но также коммуникационными удобствами разветвленных речных систем. Т.Г. Мовша оценивала сеть водных артерий как наиболее благоприятные пути контактов между разноэтническими ареалами эпохи энеолита Правобережной Украины (Мовша Т.Г., 1993, с. 46). Рядом археологов доказано, что расселение трипольских племен на новые территории происходило именно вдоль рек (Т.С. Пассек, Е.К. Черныш, В.Г. Збенович, В.А. Круц и др.). Очевидно, речной путь облегчал транспортировку части имущества переселенцев.

О водном транспорте трипольской культуры мы имеем очень мало свидетельств. Пожалуй, единственным известным образцом трипольского водного транспорта может служить глиняная модель лодки, обнаруженная М.Ю. Смишко на поселении Городница-Городище (Кравец В.П., 1951, с. 128, рис. 39, *6*) (рис. 4, *5*). Ее размеры по длине составляют 7,2 см, по ширине – 4 и по высоте – 3 см. Важно подчеркнуть, что в модели сохранены необходимые для простейшего речного плавсредства пропорции (ширина больше высоты, длина как минимум в 2 раза превышает ширину). Лодка имеет плавно спускающийся к днищу нос и плоскую кормовую часть. Внутри модельки дно овальное. Следов раскрашивания не видно.

На позднейшем этапе культуры наследники "классических" трипольцев обжили Северопричерноморское побережье (Усатово, Маяки), где могли каботажно выходить в море. Для плаванья в море им бы понадобились некоторые специальные снасти. Как утверждали В.И. Селинов, Е.Ф. Лагодовская и Э.Ф. Патокова, на позднетрипольском поселении Усатово найден морской якорь (Селинов В.И., Лагодовская Е.Ф., 1940, с. 245–257; Патокова Э.Ф., 1979, рис. 54, *2*). В.Г. Петренко усомнился в предложенной функциональной атрибуции стертой с двух сторон мелкозернистой известняковой конкреции ладьевидной формы, по крайней мере в ее принадлежности к поздне-

трипольскому времени (Петренко В.Г., 1989, с. 98). Мы не станем оспаривать ни первую, ни вторую точку зрения, но отметим, что выводы о водном транспорте носителей трипольской культуры могут быть сделаны после тщательных дополнительных исследований.

В заключение кратко остановимся на вопросе о роли и месте некоторых средств передвижения в идеологических воззрениях древних земледельцев. Миниатюрные трипольские модели санок, челна, зооморфные повозки, по всей видимости, являлись культовыми предметами. Обычно семантическое значение транспорта связывают с одним из древнейших обрядов – погребением. Обряд погребения являлся составляющим звеном культа предков, хорошо развитым у трипольцев. Постепенно у первобытных людей формировались представления о загробном мире, куда после трудного земного пути попадал умерший. Чтобы облегчить его душе путь на "свободу", поскорее доставить ее в потусторонний мир, помочь удалиться от царства живых, обычно использовался сухопутный и водный транспорт или же их модельные заменители.

Не исключено, что модели саночек, челна и повозок использовались в плохо изученном погребальном обряде трипольцев, как это известно для некоторых энеолитических – раннебронзовых культур Европы. Вспомним, для примера, находки венгерских археологов, сделанные неподалеку от Будапешта. Сосуд-модель четырехколесной повозки из Будакаласа Й. Маккай трактовал как атрибут культа мертвых, символизирующий или даже заменяющий погребение в повозке (Makkay J., 1965, p. 11–15). Ко времени энеолитической баденской культуры отнесено случайно обнаруженное в окрестностях Сигетсентмартона погребение с моделью повозки в виде кувшина с большой петлеобразной ручкой на месте дышла (Калиц Н., 1976, с. 106–117).

Подводя итог, отметим, что наиболее важные результаты исследования, на наш взгляд, коснулись проблемы становления в трипольском обществе колесных транспортных средств. Знание принципа качения, развитость санно-волочных перевозок с применением тягловой силы крупного рогатого скота способствовали распространению бесступичного колеса на вращающейся оси. Трудно воссоздать внешний вид кузовов трипольских телег, поскольку впервые опубликованные повозки-мисочки больше подражали тягловому быку, нежели транспортному средству. Относительно четкие понятия имеются о санном транспорте раннеземледельческого населения, меньше данных получено о вьючных и водных перевозках, хотя маловероятно, что трипольцы игнорировали эти древние виды транспортировки. Следует также учесть, что привлеченные в качестве источников модели транспортных средств, некоторые сосуды и пластика относятся к духовной сфере носителей трипольской культуры, поэтому они могут несколько односторонне отражать объективное состояние транспорта. Задача предстоящих исследований заключается в расширении круга источников и в более фундаментальной разработке темы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Альперович М.С., Слезкин Л.Ю., 1991. История Латинской Америки. С древнейших времен до начала XX века. М.

Балабина В.И., Гирнык И.П., 1988. Зооморфные изображения из Чичиркозовского поселения // КСИА. № 193.

Бибиков С.Н., 1953. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевецкая на Днестре // МИА. № 38.

Богаевский Б.Л., 1937. Орудия производства и домашние животные Триполья. Л.

Горелик М.В., 1985. Боевые колесницы Переднего Востока III–II тыс. до н.э. // Древняя Анатолия. М.

Даниленко В.М., 1974. Энеолит Украины. Киев.

Дергачев В.А., Сорокин В.Я., 1986. О зооморфном скипетре из Молдавии и о проникновении степных энеолитических племен в Карпато-Дунайские земли // Изв. АН МССР. № 1.

Захарук Ю.М., 1971. Пам'ятки кошиловецького типу // Археологія Української РСР. Т. I. Київ.

Збенович В.Г., 1974. Позднетрипольские племена Северного Причерноморья. Киев.
Избицер Е.В., 1991. Конструкция колес повозок эпохи ранней бронзы Восточной Европы // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V в. н.э.). Тез. докл. Киев.
Калиц Н., 1976. Новая находка модели энеолита из окрестностей Будапешта // СА. № 2.
Кожин П.М., 1985. К проблеме происхождения колесного транспорта // Древняя Анатолия. М.
Козловська В., 1926. Точки Трипільскої культури біля с. Сушківки на Гуманщині // ТКУ. Вып. I.
Косаківський В.А., 1993. Пізньотрипільське поселення Чечельник на Побужжі // Подільська старовина. Вінниця.
Кравец В.П., 1951. Глиняные трипольские модельки саночек и челна в коллекциях Львовского исторического музея // КСИИМК. Вып. 39.
Круц В.А., 1989. К истории населения трипольской культуры в междуречье Южного Буга и Днепра // Первобытная археология. Киев.
Кузьмина Е.Е., 1980. Этапы развития колесного транспорта Средней Азии в эпоху энеолита и бронзы // ВДИ. № 4.
Ляшко С.Н., 1994. Деревообрабатывающее производство в эпоху бронзы // Ремесло эпохи энеолита – бронзы на Украине. Киев.
Макаревич М.Л., 1940. Археологічні дослідн в селі Білий Камінь (розкопки 1928 р.) // ТК. Т. I. Київ.
Макаревич М.Л., 1960. Исследования в районе с. Стена на Среднем Днестре // КСИА АН УССР. Вып. 10.
Маркевич В.И., 1981. Позднетрипольские племена Северной Молдавии. Кишинев.
Массон В.М., 1989. Первые цивилизации. Л.
Мерперт Н.Я., 1988. Об этнокультурной ситуации IV–III тысячелетия до н.э. в циркумпонтийской зоне // Древний Восток: этнокультурные связи. М.
Мовша Т.Г. 1982. К вопросу о колесном транспорте в трипольской культуре // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа. Тез. докл. Ереван.
Мовша Т.Г., 1993. Взаємовідносини степових і землеробських культур в епоху енеоліту-ранньобронзового віку // Археологія. № 3.
Монах Д., 1984. Послание из глубины тысячелетий // Румынская литература. № 9.
Патокова Э.Ф., 1979. Усатовское поселение и могильники. Киев.
Петренко В.Г., 1989. Усатовская локальная группа // Памятники трипольской культуры в Северо-Западном Причерноморье. Киев.
Рижов С.М., 1988. Моделі саней пізньотрипільських пам'яток Буго-Дніпровського межиріччя // VI Вінницька обласна історико-краєзнавча конференція. Тез. доп. Вінниця.
Рижов С.М., 1993. Дослідження трипільських поселень по р. Лядовій у Середньому Подністров'ї // Подільська старовина. Вінниця.
Свод этнографических понятий и терминов. Материальная культура, 1989. М.
Селинов В.И., Лагодовская Е.Ф., 1940. Раскопки Одесского историко-археологического музея под Одессой в 1936 г. //СА. № 5.
Черныш Е.К., 1970. Трипольское поселение Сороки-Озеро // КСИА. № 123.
Чизхолм Д., Миллард Э., 1995. Ранние цивилизации. Иллюстрированная мировая история. М.
Bona L., 1960. Clay Models of Bronze Age Waggons and Wheels in the Middle Danube Basin // AAH. № 12.
Borhegyi de S.F., 1970. Wheels and Man // Archaeology. Vol. 23. № 1.
Cehak H., 1933. L'art plastique dans culture enéolithique de la céramique peinte en Pologne // Swiatowit. XXIV.
Diehl R.A., Mandeville M.D., 1987. Tula and Wheeled animal effigies in Mesoamerica // Antiquity. Vol. 61. № 232.
Dinu M., 1981. Clay Models of Wheels Discovered in Cooper Age Cultures of Old Europe mid-fifth Millennium B.C. // JIES. 9. № 1–2.
Hadaczek K., 1914. Osada pzemyslowa v Koszylowcach z epoki eneolitu. Album. Lwów.

Häusler A., 1981. Zur ältesten Geschichte von Rad und Wagen im nordpoutischen Raun // EAZ. 22. H. 4.
Makkay J., 1965. What was the Copper Age Clay Waggen Model of Budakalasz? // Alba Regia. № 4/5.
Müller-Karpe H., 1974. Handbuch der Vorgeschichte. Bd. III. Kupferzeit. III. Tafeln. München.
Piggott S., 1968. The Earliest Wheeled Vehicles and the Caucasian Evidence // PPS. XXXIV.
Smiszko M., 1939. Tymczacowe sprawozdanie z badań na osadzie neolitycznej w Horodnicy, pow. Horodenka // SPAU. T. XLIV. № 1.
Vladár J., 1979. Pravekâ Plastika. (Davnoveké Umenie Slovenska) // Ars Slovaca Antiqua. Bratislava.

Винницкий государственный
педагогический институт, Украина

S.A. GUSEV

ON THE ISSUE OF THE TRIPOLYE CULTURE TRANSPORTATION MEANS

Summary

The issue on transportation means of the Tripolye culture people is not studied thoroughly. This complicates the understanding of a number of archaeological and historical problems that are related to the primitive population of Southern and Eastern Europe. There are various evidences of the use of transport means, both land and water means, in the artifacts of Tripolye, that are reliable in various degree. Pack bulls, towing tug boats "volokushas" and slides represented by well preserved clay models (Fig. 4, *1–4*) as well as primitive wheeled transport vehicles are, apparently, examples of land transport. Availability of wheeled transport among Tripolye culture people is the most complicated research issue. In this connection this paper is the first to publish ceramic zoomorphic pictures of wheeled wagons (Fig. 3; 5; 6; 7. *1*) which, in our opinion, justify a hypothesis according to which the early Tripolye culture population knew about the use of wheeled wagons. A clay model of a boat from a Middle Tripolye settlement Gorodnitsa-Gorodishe (Fig. 4, *5*) is the only evidence of the water transportation use. The author thinks that a complex of factors, including world analogues, is indicative of a possible use of various transportation means or their models in cult ceremonies.

Б.И. ВАЙНБЕРГ, Е.В. ГЛУШКО, Е.А. ЦВЕЦИНСКАЯ

ЛАНДШАФТНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭВОЛЮЦИИ ПРИСАРЫКАМЫШСКОЙ ДЕЛЬТЫ АМУДАРЬИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ДИСТАНЦИОННЫХ МЕТОДОВ

Присарыкамышскую дельту Амударьи можно рассматривать как зону древнего экологического бедствия, до наших дней представляющую собой антропогенную пустыню и в то же время являющуюся резервом для расширения орошаемого земледелия. Формирование антропогенных модификаций ландшафтов на аллювиально-дельтовых равнинах длится 5 тыс. лет под воздействием взаимосвязанных природно-климатических, исторических и хозяйственно-культурных факторов. В историческом прошлом в Присарыкамышской дельте существовали обширные культурные оазисы, располагавшиеся в западной части древнего Хорезма. На протяжении 5 тыс. лет хозяйственного освоения дельты неоднократно чередовались периоды расцвета и упадка древних культур. Развитие антропогенных модификаций ландшафтов происходило на фоне существенно менявшихся климатических условий, многократных колебаний обводненности дельты, постоянной миграции дельтовых протоков, смены природных ландшафтов от лесных и степных до пустынных.

Нами проводились комплексные ландшафтно-археологические исследования и картографирование антропогенных модификаций ландшафтов с расположенными в них основными археологическими памятниками. При изучении ландшафтной структуры использовались материалы космической съемки, полученные в 1980–1989 гг. с картографического ИСЗ "Космос" в масштабах 1 : 1 000 000 и 1 : 200 000 с пространственным разрешением соответственно 30 и 10 м. Картографирование ландшафтов выполнено по фотопланам, покрывающим весь район исследования и составленным из космических снимков, увеличенных до масштаба 1 : 500 000. На них отражена природная ситуация, сложившаяся в 1983–1985 гг. В качестве вспомогательного материала были использованы многие картографические и текстовые источники (Геоморфологическая карта СССР, 1987; Карта растительности СССР, 1990; Карта систем..., 1984; Кесь А.С., 1991), а также результаты собственных полевых наблюдений, проведенных в составе комплексной экспедиции почвенного факультета МГУ в октябре 1991 г. Дешифрирование снимков осуществлялось по методике, разработанной в области космического ландшафтоведения (Глушко Е.В., 1988; 1991).

Исследование археологических памятников помимо опубликованных ранее Хорезмской экспедицией АН СССР (Низовья Амударьи..., 1960) оуществлялось в 1956–1959 и 1968–1991 гг. Б.И. Вайнберг. В настоящей статье учтены итоги исследований археологических памятников и гидрографической сети Присарыкамышской дельты, проводившиеся в разные годы сотрудниками Хорезмской экспедиции АН СССР (Низовья Амударьи..., 1960; Виноградов А.В. и др., 1986; Андрианов Б.В., 1969; Вайнберг Б.И., 1991). Особенное внимание мы уделяем итогам многолетних исследований отряда Хорезмской экспедиции под руководством Б.И. Вайнберг, проводившего комплексное изучение разновременных памятников западной части Присарыкамышской дельты и взаимодействия земледельцев и скотоводов на этой территории в древности, средневековье и в XIX – начале XX в. (Вайнберг Б.И., 1960; 1989; 1991). Во всех работах археологов, как мы уже отмечали, широко использовались материалы крупномасштабной аэрофотосъемки. Дешифрирование археологических объек-

© Б.И. Вайнберг, Е.В. Глушко, Е.А. Цвецинская, 1998 г.

тов проводилось по специально разработанной методике (Андрианов Б.В., 1969; Вайнберг Б.И., 1960). Комплексный анализ структуры, состояния, генетических рядов ландшафтов с помощью космической и наземной съемок и разновозрастных археологических комплексов с помощью аэро- и наземной съемок обеспечил установление региональных закономерностей и локальных особенностей формирования антропогенных модификаций ландшафтов пустынь в условиях длительного хозяйственного освоения.

На момент съемки (1980–1989 гг.) Присарыкамышская дельта представляла собой практически незаселенную антропогенную пустыню, почти сплошь занятую землями былого орошения. Пересохшие в прошлом веке дельтовые протоки частично используются сейчас в качестве коллекторов для сброса дренажных вод с прилежащих массивов орошаемых земель в высохшие ранее дельтовые озера и Сарыкамыш (Санин М.В. и др., 1991). Происходившее в последние десятилетия расширение орошаемых земель в дельте Амударьи затронуло и восточную периферическую часть Присарыкамышской дельты. К настоящему времени практически вся ее территория к востоку от шоссе Ташауз – Ашхабад в большей или меньшей степени распахана. Необходимость рекультивации земель былого орошения в целях создания современных культурных оазисов делает очевидной актуальность изучения современного состояния и истории формирования антропогенных модификаций ландшафтов на исследуемой территории.

На формирование ландшафтов в историческое время решающее воздействие оказывали две группы факторов: природно-климатические и историко-экономические. Изучение первой группы факторов включало систематизацию данных о климатических флюктациях на протяжении периода хозяйственного освоения территории по имеющимся публикациям (Виноградов А.В., Мамедов Э.Д., 1991; Шнитников А.В., 1983), об этапах формирования Присарыкамышской дельты по мере миграции дельтовых протоков с юга на север в условиях периодического обводнения и обсыхания дельты и заполнения водой впадины Сарыкамыша (Кесь А.С. и др., 1980; 1991; Вайнберг Б.И., 1991), сменах зональных типов ландшафтов и их интразональных вариаций в историческом прошлом (Виноградов А.В., Мамедов Э.Д., 1991; Кесь А.С., 1991; Мамедов Э.Д., 1980; Степанов И.Н., 1980), современных ландшафтах, образующих характерные ландшафтно-генетические ряды, и господствующих процессах опустынивания (Костюковский В.И., Санин М.В., 1991). Комплексный анализ второй группы факторов включал современные результаты изучения условий формирования культур и оазисов в различные исторические эпохи развития общества (Вайнберг Б.И., 1960; 1991) и специфики хозяйственного использования земель в исторический период в различных природно-климатических ситуациях (Андрианов Б.В., 1969; 1991).

Синтез историко-географических и археологических данных неоднократно проводился при изучении миграции населения в древности в связи с динамикой дельтовых протоков, размещения типов использования земель прошлого при различных геоморфологических ситуациях (Кесь А.С. и др., 1980). Нами выполнен сравнительный анализ климатических, гидрологических, ландшафтных и археологических данных за период освоения территории и формирования антропогенных модификаций ландшафтов Присарыкамышской дельты. В 1970–1990-е годы Хорезмской экспедицией АН СССР были проведены значительные по объему работы по археологическому изучению Присарыкамышской дельты, что позволило существенно и принципиально расширить наши представления о динамике и характере ее освоения человеком с IV тыс. до н.э. до современности (Вайнберг Б.И., 1989; 1991). В обобщенном виде систематизированные данные приведены в таблице.

Несмотря на большое количество привлеченных источников информации, относящихся к различным научным направлениям, в сводной таблице прослеживается четкая корреляция в периодизации основных этапов развития природы и хозяйственного освоения территории. Это дает возможность воссоздать наиболее целостную картину формирования антропогенных модификаций ландшафтов в различные клима-

Таблица

Эволюция ландшафтов Присарыкамышской дельты в период освоения ее человеком

1	Климатические периоды	Плювиальный (климатический оптимум)	Ксеротермический
2.	Функционирование гидросети	Обводнены дельтовые озера, русла и протоки, Сарыкамыш. К концу периода (конец III тыс. до н.э. – усыхание Сарыкамыша и дельтовых протоков)	Нет следов обводнения дельтовых протоков, озер и Сарыкамыша до VIII–VII вв. до н.э.
3.	Исторические эпохи	Эпоха неолита	Эпоха бронзы
4.	Абсолютная хронология	IV–III тыс. до н.э.	II – начало I тыс. до н.э.
5.	Археологические культуры (Хорезма)	Кельтеминарская культура	Нет археологических материалов эпохи бронзы
6.	Динамика населения	Население размещено у границ дельты и на внутридельтовом пространстве	Нет населения
7.	Хозяйственные занятия населения	Охотники и рыболовы; в конце периода, возможно, начало скотоводства	———
8.	Способы использования земель	Промысловый	———
9.	Исторические ландшафты	Степные, по долинам рек – лесные	Пустынные
10.	Современные ландшафты	Песчаные пустынные	
1.		Плювиальный	
2.	Начало обводнения дельты, периодический сток и заполнение водой котловины вблизи Сарыкамыша	Обводнение всей дельтовой территории. Сток по руслам дельты, постепенное заполнение Сарыкамышской впадины, с конца V в. до н.э. постоянный сток в Узбой	
3.	Конец эпохи бронзы – нач. железного века	Ранний железный век	Древность ("античность")
4.	VIII – нач. VII вв. до н.э.	VII–V вв. до н.э.	IV–II вв. до н.э.
5.	Амирабадская культура на самом позднем этапе	Куюсайская культура (I этап) и с VI в. до н.э. кюзелигырская (архаическая) культура	Раннекангюйская и куюсайская культура (II этап), подбойно-катакомбные погребения
6.	Население фиксируется вблизи озер и русел между Кангагыром и Тарым-кая	Активное заселение дельты оседлыми и полуоседлыми скотоводами. В конце периода – земледелие	Оазисы земледельцев и территория расселения скотоводов соседствуют, скотоводы преобладают в западной части дельты
7.	Скотоводы, охотники, рыболовы	Оседлые и полуоседлые скотоводы; возможно, земледелие без орошения	Оседлые пашенные земледельцы и ремесленники, оседлые и кочевые (полукочевые) скотоводы
8.	Вероятно, полуоседлое и оседлое скотоводство	Пастбищный; вблизи поселений у русел и озер, возможно, богарное и лиманное земледелие. В конце периода появляются первые каналы	Полевой мелкооазисный с развитой ирригацией. Крупный канал один – Куняуазский, на нем базируются мелкие оазисы. Пастбищный
9.	Возрождение степных ландшафтов и лесных по берегам водоемов	Степные, по долинам рек – лесные	
10.	Песчаные пустынные		Опесчаненные такырные
1.		Плювиальный	
2.	Прекращение стока по Кангадарье, остальные русла функционируют активно, Сарыкамыш обводнен, сток в Узбой	Сохранение стока по Даудану и Дарьялыку. Обводнение Сарыкамыша и сток в Узбой до конца IV в. н.э. к V в. н.э. усыхание дельтовых протоков, понижение уровня Сарыкамыша в связи с прекращением стока	

Таблица (продолжение)

3.	Древность ("античность")	
4.	II в. до н.э. – I в. н.э.	I–V вв. н.э.
5.	Позднекангюйская культура, куюсайская культура (III этап), подбойно-катакомбные памятники	Кушанская и кушано-афригидская культуры и памятники скотоводов
6.	То же, что в предыдущий период	То же, что в предыдущий период. Уход населения связан с усыханием дельты
7.	Те же, что в предыдущий период	Те же, что в предыдущий период
8.	То же, что в предыдущий период. Вместо отмершего русла Южного Даудана проведен канал Чермен-яб, обеспечивший водой поселения скотоводов по Адсызу и оазисы земледельцев в южной части дельты	То же, что в предыдущий период
9.	Степные, по долинам рек – лесные	
10.	Опесчаненные такырные	
1.	Ксеротермический	Плювиальный
2.	Отсутствие стока по руслам, усыхание Сарыкамыша	Обводнение Северного Даудана и Дарьялыка, сток в Сарыкамыш еще до XIII в.
3.	Средневековье	
4.	VI–IX вв.	X – начало XIII вв. (до монгольского нашествия)
5.	Отсутствие памятников в пределах "земель древнего орошения" в дельте	Хорезмшахская культура
6.	Нет населения на "землях древнего орошения"	Население – в оазисах по каналам по всей территории дельты
7.	Археологических данных о кочевниках нет, но небольшие группы их, использовавшие колодцы, могли быть	Земледельцы и ремесленники, археологических данных о кочевниках нет, письменные же памятники упоминают их в Хорезме
8.	———	Полевой мелкооазисный и крупнооазисный с развитой ирригацией, водоподъемными сооружениями. Каналы располагаются в междуусловых пространствах
9.	Пустынные	Степные
10.	Опесчаненные такырные	Такырные
1.	Плювиальный	
2.	Обводнение северного Даудана и Дарьялыка, сток в Сарыкамыш. Уровень +50 м (сток в Узбой) достигается до монгольского нашествия	Постепенное осушение Сев. Даудана и Дарьялыка, падение уровня Сарыкамыша
3.	Средневековье	
4.	XIII–XV вв.	XVI в.
5.	Золотоордынская культура Хорезма	Эпоха Хивинского Ханства
6.	То же, что в предыдущий период, только прекращается функционирование канала Чермен-яб и исчезает население в его зоне на юге дельты	То же, что в предыдущий период. Частичный отток земледельцев
7.	То же, что в предыдущий период. На востоке и северо-востоке Сарыкамыша в XIV–XV вв. появляются группы туркменских и узбекских племен – оседлые и полуоседлые скотоводы и на севере – кочевники, некоторое развитие земледелия у них. Водоподъемные каналы на берегах Сарыкамыша	То же, что в предыдущий период, сокращение земледельческой деятельности
8.	То же, что в предыдущий период и пастбищный	То же, что в предыдущий период
9.	Степные	
10.	Такырные	
1.	Ксеротермический	
2.	Осушение Сев. Даудана, Дарьялыка и Сарыкамыша (последнего – после XVII в.)	Кратковременные прорывы вод из Амударьи в Дарьялык, возможны даже сбросы в Сарыкамышскую впадину
3.	Переход к новому времени	Новое время

Таблица (окончание)

4.	XVII–XVIII вв.	XIX – нач. XX в.
5.	Эпоха Хивинского ханства	
6.	Уход населения в оазис Хивинского ханства на земледельческие территории, орошенные каналами из Амударьи, или на пустынные пастбища к колодцам	Расселение туркменских племен по Дарьялыку и каналам, выведенным из него
7.	———	Земледелие, скотоводство: оседлое, полуоседлое, пастушеское
8.	———	Полевой крупнооазисный с развитой ирригацией, водоподъемными плотинами при неустойчивом водоснабжении. Использование средневековых каналов. Пастбищный
9.	Пустынные	Культурные оазисы на освоенных территориях (вблизи Дарьялыка, междуречье Дарьялыка и Сев. Даудана, в урочище Уаз)
10.	Такырные	Засоленные такырные
1.	Ксеротермический	
2.	Усыхание всех русел дельты и Сарыкамыша. С 60-х гг. сток дренажных вод по Дарьялыку, а затем Даудану – Дарьялыку в Сарыкамыш и постепенное заполнение последнего. В 80-х гг. ввод в строй Ильялинского дренажного коллектора, с 1992 г. – оросительный канал с новым массивом освоенных земель до Шахсенема, в 80–90-е гг. – освоение земель к югу от Северного Даудана	
3.	Современность	
4.	20–90-е гг. XX в.	
5.	Республики Туркменистан и на севере – Каракалпакстан, на юго-востоке – Узбекистан	
6.		
7.	Оседлое земледелие, пастушеское скотоводство, на севере – кочевое и полукочевое скотоводство	
8.	Полевой крупнооазисный с развитым орошением, пастбищный	
9.	Пустынные	
10.	Солончаковые, агроирригационные	

тические эпохи. Соответствие хронологических рубежей природно-климатических периодов, изменений характера хозяйственного использования территории и этапов развития местной культуры в древности позволяет объяснить природные и антропогенные факторы формирования ландшафтов и более объективно охарактеризовать основные этапы освоения аллювиально-дельтовой равнины. Постепенный переход от влажных к засушливым климатическим периодам отразился на последовательности смены фаз развития хозяйства населения дельты. Однако в различные исторические эпохи взаимодействие природы и общества выражалось по-разному.

Комплексный анализ таблицы позволяет воссоздать общие черты эволюции природной среды и ее хозяйственного освоения в течение 5 тыс. лет. В III тыс. до н.э. в климатический оптимум, сохранявшийся в конце Лявляканского плювиала, аллювиально-дельтовая равнина была обильно обводнена. Вдоль проток произрастали тугайные леса, многочисленные дельтовые озера окаймлялись тростниковыми зарослями. Прилежащие к Сарыкамышу низменности на значительных площадях были заболочены; впадины Сарыкамыша и Ассаке-Аудана оставались затопленными водой, что обеспечивало сток по руслу Узбоя в Каспийское море (Глушко Е.В., 1990; Мамедов Э.Д., 1980). В условиях большой обводненности дельты племена охотников и рыболовов позднего неолита расселялись в основном в южной периферической части дельты вдоль русел Кангадарьи, Узбоя и по берегам Сарыкамыша на границе со степными ландшафтами, существовавшими на месте Заунгузских Каракумов (Кесь А.С., 1991). Свидетельством освоения племенами кельтеминарской культуры внутридельтового пространства является уникальный могильник Тумек-Кичиджик, исследовавшийся в 1970-е годы (Вайнберг Б.И., 1991; Виноградов А.В. и др., 1986). В настоящее время в районах поздненеолитических стоянок преобладают ландшафты песчаных антропогенных пустынь.

К наиболее ярко выраженным временным рубежам в эволюции природы и общества можно отнести переход от III ко II тыс. до н.э. Происходившая в это время смена Лявляканского плювиала Тубелекским аридом сопровождалась прекращением обводнения Присарыкамышской дельты, понижением уровня Сарыкамыша, прекращением стока по Узбою. Население покидает эту территорию.

Начавшийся с переходом от II к I тыс. до н.э. малый плювиальный период ознаменовал новый этап обводнения Присарыкамышской дельты и Сарыкамыша и возобновления древесно-кустарниковой тугайной растительности. Археологические исследования последних десятилетий дали бесспорные свидетельства устойчивого обводнения Присарыкамышской дельты Амударьи в период от конца VIII в. до н.э. до IV–V вв. н.э. Общая территория этой дельты с многочисленными руслами преимущественно широтного направления, впадавшими в Сарыкамышское озеро, достигает 15–18 тыс. км^2. При исследовании археологических памятников на этой территории были выявлены поселения и ирригационные сооружения древних земледельцев и многочисленные памятники разных по происхождению групп скотоводов (могильники и поселения). Взаимодействие их в пределах одной территории обводненной дельты проявлялось прежде всего в хозяйственной кооперации при значительной роли в этом процессе древнехорезмийского государства (например, земледельческие поселения в скотоводческой зоне с большими площадями полей, виноградниками с винодавильнями и большими хранилищами вина, гончарными печами практически на всех поселениях на западной окраине Хорезма).

Условия живой дельты определили особенности ирригационных сооружений левобережного Хорезма. В древности здесь было только два крупных канала, один из них – Куняуазский – был сооружен, когда Хорезм был ахеменидской сатрапией, а второй – Черменяб – был создан в первые века н.э. Он заменил собой отмерший проток самого южного в дельте русла, низовья которого были активно освоены скотоводами еще с VII–VI вв. до н.э.; земледельческие оазисы вдоль русла этого канала очень малочисленны, воды канала вливались в осушавшиеся русла на землях скотоводов на юго-западной окраине оазиса (рис. 1, 2).

Основной тип расселения, выявленный здесь, – небольшие оазисы, располагавшиеся между двумя параллельными протоками; каналы, орошавшие их, выводились из северного русла и вливались в южное (при общем их направлении с северо-востока на юго-запад). Таковы были небольшие (~10 км^2) оазисы к югу и северу от возвышенности Тузгыр, у культового центра Калалы-гыр 2.

Вероятно, подобные более крупные оазисы существовали в междуречье Даудана и Дарьялыка на территории, активно освоенной в средние века и новое время. Подтверждает это и топография крупных памятников древности (городище Кандумкала, крепость на городище Куня-Ургенч, Каладжик-баба и Курган-кала). Подобная организация орошения предупреждала заболачивание территории у концевых участков каналов и сохраняла существовавшее равновесие в экологической системе. В Нурумском оазисе к югу от возвышенности Тузгыр выявлено большое количество дамб, подпорных плотин и других сооружений в стороне от оазиса, обеспечивавших подобную систему обводнения на протяжении 600 лет.

Особенности скотоводства в условиях живой дельты многообразны. С VII в. до н.э. здесь жили оседлые скотоводы с поселениями вдоль действовавших русел. В их хозяйстве большое место занимало коневодство. С рубежа IV–III вв. до н.э. в этом регионе появляются скотоводы иного происхождения с другими хозяйственными традициями (скорее всего, овцеводы). Но и они в конкретных условиях живой дельты не могли проводить перекочевки более чем на 50 км. В последующие века их культура показывает тесные хозяйственные связи с земледельцами Хорезма.

Археологические материалы позволяют выдвинуть гипотезу об определенной государственной политике правителей древнего Хорезма, использовавших скотоводов как мощный воинский контингент и оплачивавших их службу зерном, вином, керамикой и другими ремесленными изделиями, производившимися на поселениях, спе-

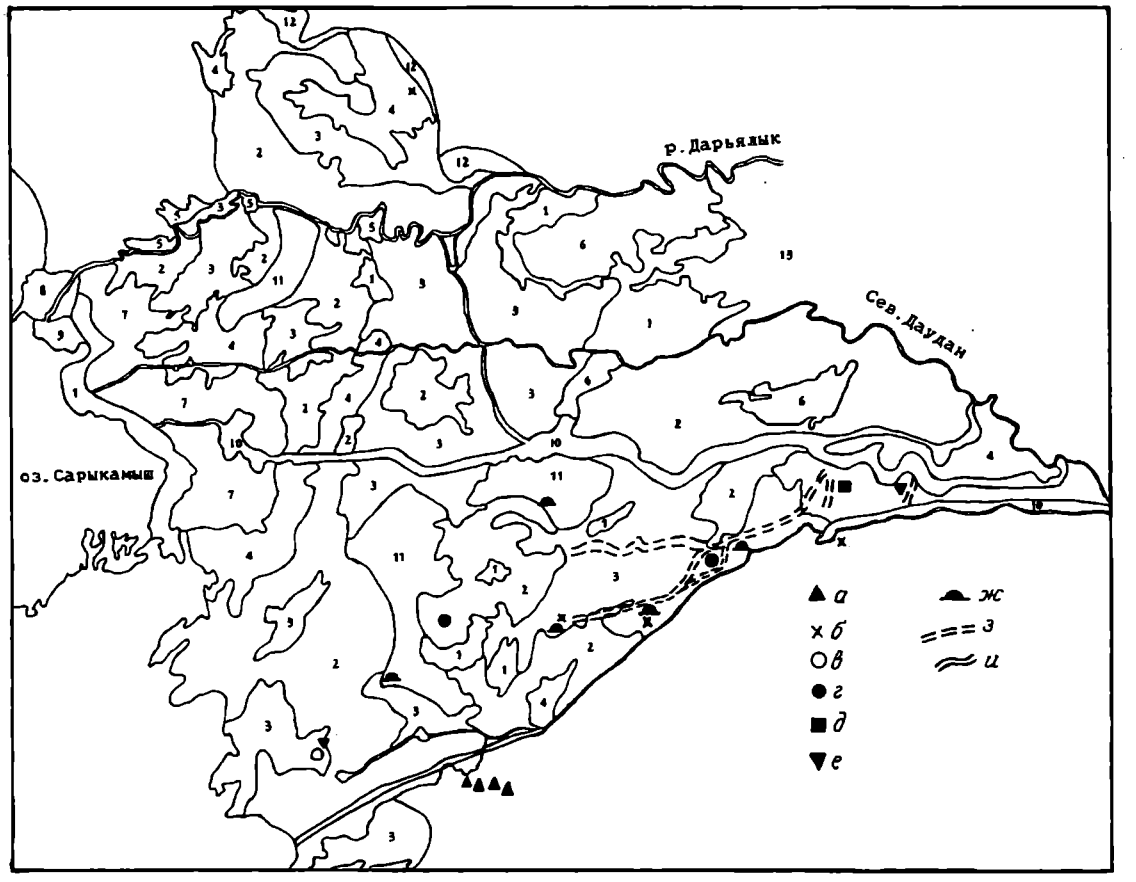


Рис. 1. Ландшафтно-археологическая карта Присарыкамышской дельты. Неолит, поздняя бронза (VIII в. до н.э.), ранний железный век (VII–V вв. до н.э.)

Ландшафты: *1* – плоские равнины с галофитной растительностью (солерос, солянка шерстистая, солянка Паульсена) на солончаковых почвах; *2* – плоские и пологоволнистые равнины с галофитно-кустарничковой растительностью (черный саксаул, кейреук, солянка шерстистая, солянка Паульсена) на солончаковых и такыровидных сильнозасоленных почвах с участками такыров, развеваемых песков, выходов коренных пород; *3* – плоские и пологоволнистые равнины с галофитно-кустарничковой растительностью (кейреук, солянка шерстистая, солянка Паульсена) на такыровидных почвах; *4* – бугристо-грядовые эоловые равнины с эфемерово-кустарниковой растительностью (белый саксаул, биюргун, полынь белоземельная) на такыровидных опесчаненных почвах; *5* – бугристые эоловые равнины с эфемерово-кустарниковой растительностью (белый саксаул, песчаная акация, сарсазан) на пустынных песчаных почвах; *6* – плоские равнины с суффозионными западинами с галофитно-кустарничковой растительностью (полынь белоземельная, солерос, солянка шерстистая, солянка Паульсена) на серо-бурых засоленных почвах; *7* – выположенные, пологонаклонные и плоские равнины с сельскохозяйственными культурами на такыровидных окультуренных засоленных почвах; *8* – современная дельта Дарьялыка с тростниковой растительностью на болотных солончаках; *9* – древняя дельта Дарьялыка с галофитной растительностью на солончаковых почвах; *10* – древние прирусловые валы с псаммофитной и галофитной растительностью (белый саксаул, солянка шерстистая) на пустынных песчаных почвах с участками солончаков; *11* – останцы столовых плато с эфемерово-кустарниковой растительностью (дайсанский саксаул, полынь белоземельная) на серо-бурых почвах; *12* – подножия склона плато с галофитно-кустарничковой растительностью (полынь белоземельная, солянка шерстистая, солянка Паульсена) на серо-бурых засоленных почвах с участками солончаков; *13* – современная дельта Амударьи, представленная выположенными пологонаклонными и плоскими равнинами с оазисами на орошаемых и залежных аллювиально-луговых сильнозасоленных почвах, с участками луговых солончаков, а также выположенные пологонаклонные и плоские равнины с древесно-кустарниковой растительностью (тугайные леса) на аллювиально-луговых, местами солончаковатых почвах межрусловых валов.

Условные обозначения: *а* – стоянки неолита; *б* – отдельные находки эпохи неолита; *в* – материалы эпохи поздней бронзы (VIII в. до н.э.); *г* – поселения и отдельные усадьбы; *д* – крепости и города; *е* – укрепленные поселения на возвышенностях; *ж* – погребения и могильники разных типов; *з* – каналы; *и* – русла; *к* – средневековые погребения и мазары; *л* – дорога (условные обозначения даны для всех рисунков)

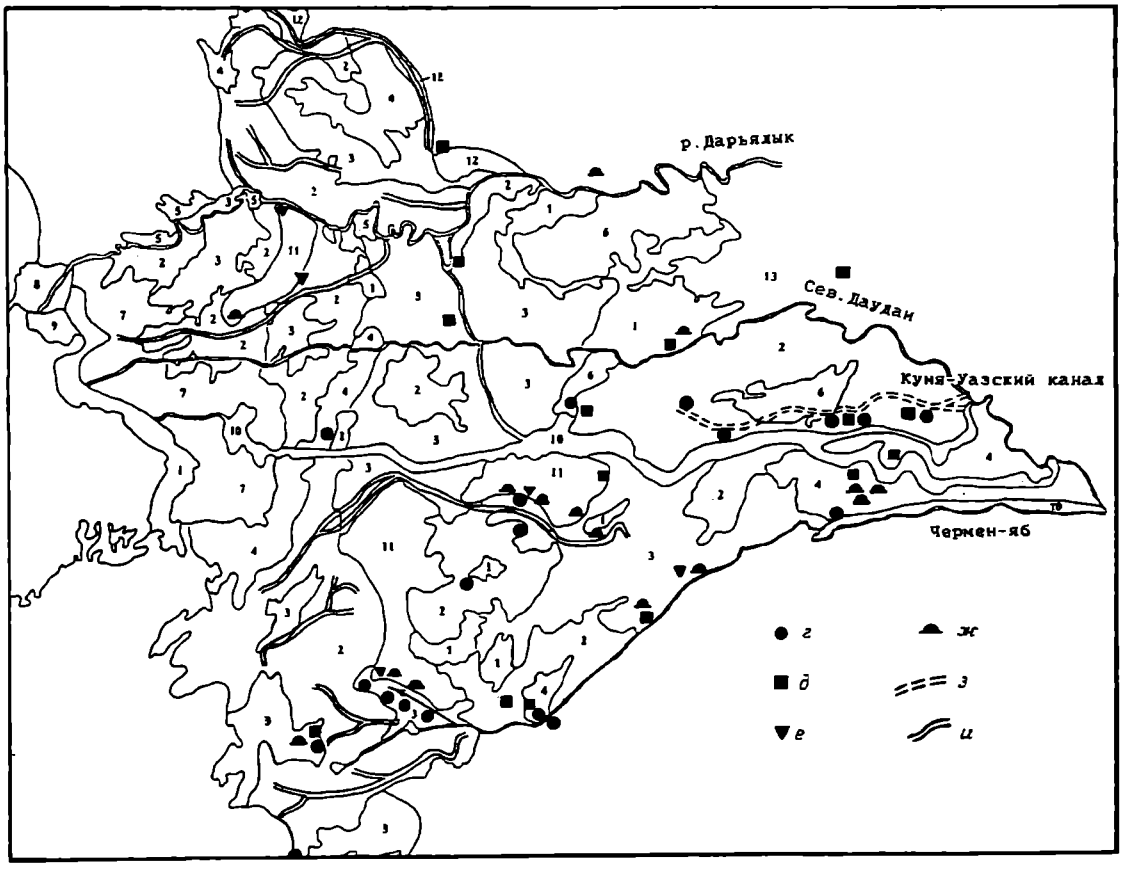


Рис. 2. Ландшафтно-археологическая карта Присарыкамышской дельты. Древность ("античность") – IV–V вв. н.э. Ильялинский коллектор проложен в основном по каналу Чермен-яб. Условные обозначения см. на рис. 1

циально созданных для этого на западных окраинах Хорезма в зоне расселения скотоводов.

Именно в условиях оседлого и полуоседлого скотоводства при обилии сочных кормов в обводненной дельте и развивалось традиционное для левобережного Хорезма вплоть до начала XX в. коневодство со стойловым содержанием и разведением высокопородистых лошадей. Новые памятники изобразительного искусства IV–II в. до н.э. показывают, что лошади типа текинских и иомудских были известны уже в то время. В связи с этим, вероятно, надо рассматривать особую роль Хорезмского оазиса в развитии семеноводства люцерны (данные Н.И. Вавилова), одной из основных кормовых культур.

После IV–V вв. н.э. происходит полное осушение Присарыкамышской дельты; в настоящее время на землях былого орошения периода древности ("античности") преобладают опесчаненные такыры. Присарыкамышская дельта вновь осваивается лишь в IX–X вв. и позднее. С IX в. аридность климата пошла на спад, возобновился сток по Даудану и Дарьялыку, послужив основой для возобновления орошения и расселения оседлых пашенных земледельцев по берегам этих русел (рис. 3).

В XIII в. начался новый малый плювиальный период. В Присарыкамышской дельте есть археологические материалы, указывающие на то, что обводнение дельты и распространение древесно-кустарниковой растительности на дельтово-аллювиальных равнинах начались еще раньше (Вайнберг Б.И., 1989; 1991). Степные ландшафты распространились по равнинной части всей Средней Азии. Сложившееся ранее представление, что только разгром монголами в начале XIII в. ирригационных систем Хорезма привел к стоку части вод Амударьи по Дарьялыку в Сарыкамыш, а затем и на короткое время в Узбой, сейчас в свете новых фактов не может быть признано

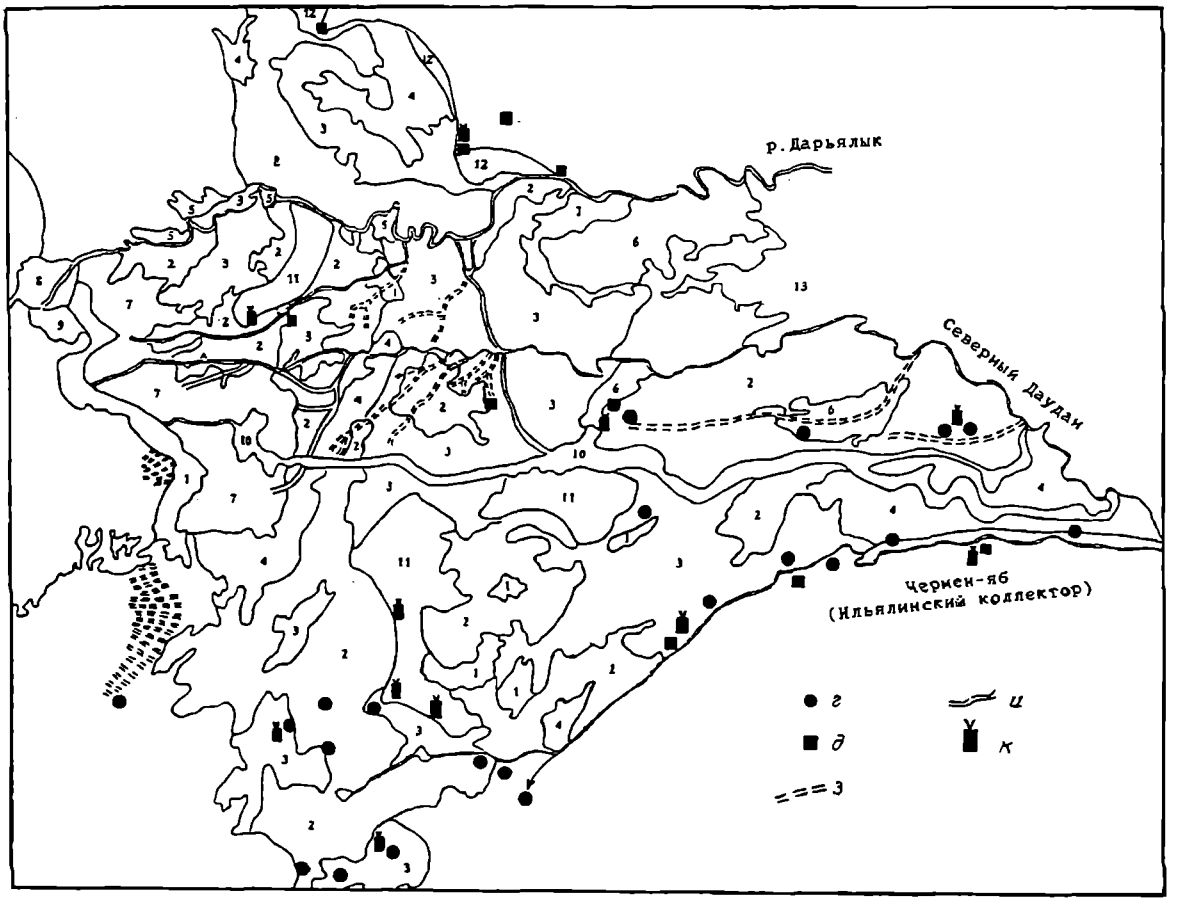


Рис. 3. Ландшафтно-археологическая карта Присарыкамышской дельты. Средневековье. Условные обозначения см. на рис. 1

справедливым. Открытая на территории Пишкекуинской котловины небольшая средневековая усадьба у Баймурад-кака с хорошими археологическими материалами XIII в. уже базировалась на небольшой протоке, по которой шел сток воды из заполненного водой Сарыкамышского озера (через дельту Кангадарьи), а к концу этого века, но не позже начала XIV в. усадьба была уже затоплена в связи с резким повышением уровня озера (Вайнберг Б.И., 1989; 1991). После монгольского нашествия произошло запустение земель в южной части Присарыкамышской дельты, отошедших при территориальных разделах к государству Тимура. Северная часть дельты, прилегающая к Ургенчу (современный Куня-Ургенч) в XIII–XIV вв. после короткого периода упадка бурно расцвела. Золотоордынское государство всячески способствовало развитию ремесел и торговли в Хорезме. Земледельческие оазисы вблизи Дарьялыка и Северного Даудана следовали один за другим (рис. 3).

В конце XIV–XV в. характер обводнения вряд ли претерпел существенные изменения. Не позже начала XIV в. Сарыкамышское озеро, как и в I тыс. в. до н.э., достигло уровня +50 м, с которого начинается постоянный сток в Узбой. Не позже конца XIV в. уровень озера достиг максимальных отметок от +53,54 – до +55 м. Это был максимум средневекового обводнения (Вайнберг Б.И., 1989; 1991). Позднее начинается постепенное падение уровня Сарыкамыша, происходившее на протяжении XV в. (скорее всего, в конце его). Резкое падение уровня воды в озере до отметок +40 м и прекращение обводнения Узбоя и юго-западной части Присарыкамышской дельты, обводнявшейся через Кангадарьинскую дельту из Сарыкамыша, произошло к XVI в. Особо следует отметить еще раз, что сток в Сарыкамыш в эту эпоху шел не только по руслу Дарьялыка, но и по Северному Даудану. В наши дни на месте средневековых культурных оазисов в Присарыкамышской дельте преобладают такырные равнины.

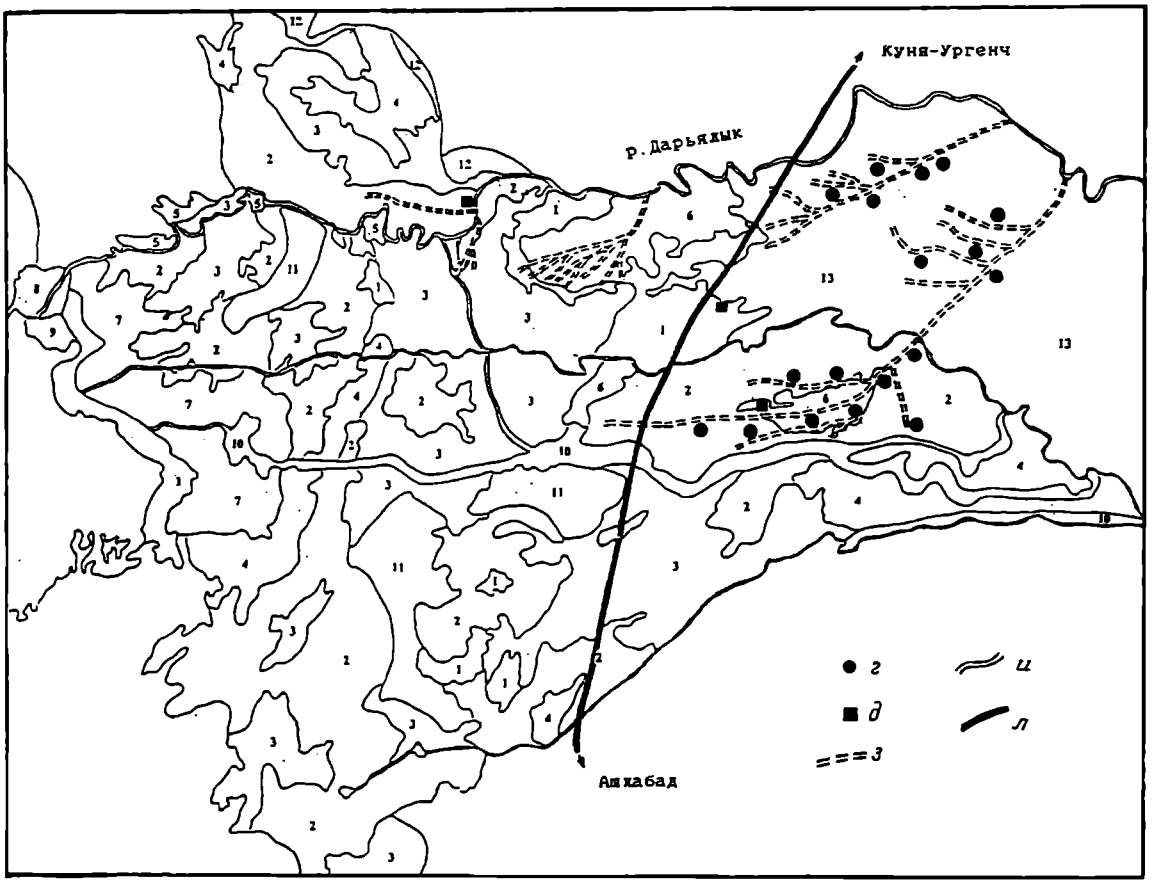


Рис. 4. Ландшафтно-археологическая карта Присарыкамышской дельты. XIX–XX вв. Условные обозначения см. на рис. 1

В XIX в. кратковременные, но достаточно мощные прорывы амударьинских вод через проток Лаудан в Дарьялык создали условия для нового освоения северной и северо-западной частей Присарыкамышской дельты. Осваивают эти земли по договору с хивинскими ханами туркменские племена. Вначале это были преимущественно укрепленные поселения скотоводов с небольшими участками полей у плотин, удерживавших воду в Дарьялыке на уровне, достаточном для орошения. Позднее, во второй половине XIX в., в результате упорной борьбы за землю и воду с ханской властью туркменские поселения с развитой ирригационной сетью и земледельческие оазисы охватывают берега Дарьялыка, междуречье Дарьялыка и Северного Даудана и урочище Уаз на канале Шамурат к югу от Даудана. Земли, выпавшие из хозяйственного оборота в новое время, представляют собой в наши дни сильно заселенные такыровидные равнины.

С началом современного ксеротермического периода с середины XIX в. Присарыкамышская дельта обсыхает. Естественный эпизодический сток по Дарьялыку зарегистрирован лишь в отдельные многоводные годы (Шнитников А.В., 1983). В начале XX в. почти все туркменские поселения, располагавшиеся вдоль этого русла, опустели из-за отсутствия воды для орошения, население перешло к кочевому скотоводству. С 30-х годов XX в. земли в правобережье Дарьялыка вновь орошаются колхозами Куня-Ургенчского района за счет каналов, питавшихся из Амударьи (Вайнберг Б.И., 1960). Заброшенные в настоящее время, но орошавшиеся ранее участки представляют собой многочисленные солончаки, распространенные в восточной части дельты. Наибольшего развития они достигают в периферических частях современных орошаемых оазисов (рис. 4).

В настоящее время Присарыкамышская дельта представляет собой обширную

антропогенную пустыню. Сток дренажных вод с массивов орошаемых полей осуществляется по Дарьялыку и Даудану в Сарыкамыш и до недавнего времени по Ильялинскому коллектору в дельтовые озера. В последние годы Ильялинский коллектор заполняется пресной водой для орошения новых массивов полей. Озеро Сарыкамыш, выполняющее функции водоема-накопителя коллекторно-дренажных вод, вновь заполнилось водой. На обсохшей аллювиально-дельтовой равнине господствуют процессы постирригационного опустынивания.

В результате комплексных исследований нами была составлена серия ландшафтно-археологических карт Присарыкамышской дельты в масштабе 1 : 500 000 (рис. 1–4). Показанные на картах ландшафтные выделы на уровне видов и подвидов обозначены с помощью цифр; важнейшие археологические памятники нанесены значками. Анализ карт позволил установить четкую приуроченность памятников различных исторических эпох к определенным ландшафтам, находящимся на разных стадиях эволюции в ходе постирригационного опустынивания земель древнего орошения. В основу составления ландшафтной карты положен принцип выделения ландшафтно-генетических рядов, хорошо прослеживающихся в районе исследования.

Закономерности смены ландшафтов аллювиально-дельтовых равнин пустынь в ходе постирригационного опустынивания неоднократно рассматривались специалистами. Н.Г. Минашина детально охарактеризовала механизм почвообразования и эволюции почв на древних аллювиально-дельтовых равнинах Средней Азии в ходе естественного опустынивания и на землях древнего орошения (Минашина Н.Г., 1978). На заброшенных из-за вторичного засоления территориях на протяжении тысячелетий происходила смена ландшафтов от солончаковых равнин к глинистым и затем песчаным пустыням. Последняя стадия является завершающей в генетическом ряду, для нее характерны формирование типов ландшафтов и их стабилизация. Подобная смена ландшафтов прослежена нами на землях древнего орошения Нижней Месопотамии (Глушко Е.В., Масленникова И.Н., 1987, с. 51–58). Длительность перехода от одной стадии к другой исчисляется веками и тысячелетиями в зависимости от региональных особенностей ландшафтной структуры территории и истории ее освоения. В упомянутых районах развитие полного генетического ряда ландшафтов длится 4,5 тыс. лет (Вайнберг Б.И. и др., 1995).

В Присарыкамышской дельте в прошлом, как и в настоящее время, орошаемые массивы полей нередко забрасывались вследствие чрезмерного засоления земель, население переходило к освоению новых массивов, оставляя за собой безжизненные солончаковые пустыни. Современные ландшафты плоских аллювиально-дельтовых равнин с галофитной растительностью (солерос, солянка шерстистая, солянка Паульсена) на солончаковых почвах занимают территории, вышедшие из хозяйственного оборота в конце прошлого и нашем столетии. Солончаковые равнины разбросаны небольшими участками по всей территории дельты и часто окаймляют массивы современных оазисов (рис. 1, *1*). Ландшафтные выделы, соответствующие солончаковым равнинам, занимают небольшие площади, что связано, по-видимому, не столько с быстрым ходом процессов рассоления и такырообразования, идущих в этих ландшафтах, сколько с тем, что в недалеком прошлом дельта уже была слабо обводнена. Археологические памятники, приуроченные к солончаковым равнинам, относятся к новому времени и к современному периоду. Для данного ландшафта характерно большое количество ирригационных каналов, отличающихся сложной, ветвистой планировкой. Каналы хорошо сохранились и четко выделяются на аэрофотоснимках.

Значительная часть Присарыкамышской аллювиально-дельтовой равнины, особенно в западной ее части, занята ландшафтами плоских и пологоволнистых равнин с галофитно-кустарничковой растительностью (черный саксаул, кейреук, солянка шерстистая, солянка Паульсена) на солончаковых и такыровидных сильно засоленных почвах с участками такыров, развеваемых песков, выходов коренных пород (рис. 1, *2*). Природные комплексы образовались в результате рассоления солончаков и являются экотонными. Большая часть обнаруженных на исследуемой территории археологиче-

ских памятников приурочена именно к этому ландшафту и относится к поздним памятникам (XIX в.), что отражает большую интенсивность освоения территории в это время, а также связано с относительной молодостью объектов и, следовательно, недостаточностью прошедшего времени для их разрушения. Важным аргументом для определения времени освоения ландшафта являются остатки древней оросительной сети. Каналы, заброшенные в новое время, дешифрируются на аэро- и космических снимках с высокой степенью достоверности. На снимках ландшафтов, освоение которых проходило в новое время, обычно хорошо видны как основные распределители, так и все детали мелкой арычной сети. В этих случаях аэрофотоснимки позволяют составить точный план антропогенных комплексов. Оросительные системы XIX в. характеризовались большим разнообразием, начиная от мощных водоподъемных плотин, головных сооружений с полуплотинами и разветвлениями, каналов с резервными водоемами и кончая агроирригационными планировками различных форм и размеров. В ряде поселений были восстановлены заброшенные средневековые крупные каналы. В большинстве своем оросительные системы нового времени (приуроченность которых к солончаковым равнинам и современным оазисам прослежена нами по картам и аэрокосмическим снимкам) отличаются сложной и ветвистой планировкой, хорошо выделяющейся на снимках.

Дальнейшее развитие процессов такырообразования и рассоления привело к развитию ландшафтов плоских и пологоволнистых равнин с галофитно-кустарничковой растительностью (кейреук, солянка шерстистая, солянка Паульсена) на такыровидных почвах. Эти ландшафты встречаются фрагментарно на территории всей Присарыкамышской дельты и являются доминирующими в ее центральной и восточной частях (рис. 1, *3*). Подобный ландшафт представляет собой крайне однообразную поверхность с растительностью, представленной главным образом кустами белого саксаула, отстоящими друг от друга на расстоянии ~1 м. Проективное покрытие растительности составляет 5–10%. Поверхность равнины очень ровная, покрыта такырной коркой. В археологическом отношении на ландшафтах такыровидных равнин преобладают ранне- и позднесредневековые памятники. Их количество, однако, невелико. Для средневековья характерно совершенствование ирригационных систем, которые приобретают ветвистую конфигурацию, что хорошо прослеживается на снимках. Земли внутри ирригационных систем используются более рационально, чем в предшествующие периоды, что связано с широким применением водоподъемного колеса – чигиря, неизвестного в античный период. Одной из характерных черт средневековых земель орошения является наличие в окрестностях городов обширных садово-парковых планировок. Типичным является подобный комплекс у крепости Шахсенем, датируемый XII–XIII вв. Оросительная сеть на его территории образует четкую, геометрически правильную планировку, разделенную крестообразно полосами аллей и заключенную в четырехугольную ограду с садовыми павильонами по углам и в центре. Магистральные каналы хорошо выделяются на снимках двойной темной линией на светлом фоне такыров.

Большая часть такыровидных равнин в Присарыкамышской дельте Амударьи охвачена процессами опесчанивания. Результатом этого является образование бугристо-грядовых эоловых равнин с эфемерово-кустарниковой растительностью (белый саксаул, полынь белоземельная) на такыровидных опесчаненных почвах (рис. 1, *4*). На них преобладают памятники древности – "античного" времени. Древние магистральные каналы в настоящее время имеют вид слегка приподнятых над окружающей местностью валов с округлым или плоским верхом, обрамленных прерывистой цепочкой останцов береговых отвалов.

Длительное интенсивное развитие процессов дефляции и эоловой аккумуляции привело к опесчаниванию такыров, а затем к формированию бугристых эоловых равнин с эфемерово-кустарниковой растительностью (белый саксаул, песчаная акация) на пустынных песчаных почвах. Данные ландшафты характерны главным образом для юго-западной, центральной и северо-западной частей Присарыкамышской аллювиаль-

но-дельтовой равнины (рис. 1, *5*). Эти ландшафты являются более устойчивыми к антропогенному воздействию, характеризуются значительным видовым разнообразием растительного покрова и наиболее высоким проективным покрытием растительности в Присарыкамышской дельте. В ландшафтах эоловых равнин располагаются стоянки эпохи неолита. Однако количество их очень мало, они сосредоточены в песках по окраине дельты или вблизи останцов в юго-западной части дельты. Вплоть до IV в. до н.э., когда начало практиковаться искусственное орошение, антропогенный фактор практически не участвовал в ландшафтообразовании.

Западная часть Присарыкамышской дельты занята своеобразными плоскими равнинами с суффозионными западинами с галофитно-кустарничковой растительностью (полынь белоземельная, солерос, солянка шерстистая, солянка Паульсена) на серо-бурых засоленных почвах. Эта территория примыкат с востока непосредственно к Сарыкамышскому озеру, что влияет на характер засоления почв (рис. 1, *6*). На берегах озера на расстоянии 10–15 м от уреза воды соли выходят на поверхность. Следы древних поселений в данных ландшафтах не обнаружены.

Современные массивы орошаемых земель с сельскохозяйственными культурами на такыровидных окультуренных засоленных почвах занимают выположенные, пологонаклонные и плоские равнины в восточной части дельты вблизи русел Даудана и Дарьялыка (рис. 1, *7*).

Таким образом, результаты исследований показали, что существует взаимосвязь между современным состоянием ландшафтов, историей их освоения и временем прекращения орошения. Был выделен генетический ряд ландшафтов, формирующихся на землях былого орошения, и выявлена закономерность, согласно которой ландшафты, где орошение прекратилось в новое время (XIX в.), соответствуют наиболее молодой стадии в генетическом ряду (стадии солончаковых равнин). В ландшафтах, в которых хозяйственная деятельность прекратилась в средневековье (IX–XV вв.), сформировались такыровидные равнины. Территории, заброшенные в "античное" время, представляют собой в наши дни опесчаненные такыровидные равнины. Результаты проведенных комплексных исследований истории формирования климата, ландшафтов и хозяйственного освоения территории могут служить базовым материалом для осуществления исторического геоэкологического аэрокосмического мониторинга Присарыкамышской дельты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андрианов Б.В., 1969. Древние оросительные системы Приаралья (в связи с историей возникновения и развития орошаемого земледелия). М.

Андрианов Б.В., 1991. Из истории орошения в бассейне Аральского моря // Аральский кризис (историко-географическая ретроспектива). М.

Вайнберг Б.И., 1960. Туркменские поселения по Дарьялыку // Материалы Хорезмской экспедиции. Вып. 4. М.

Вайнберг Б.И., 1989. Новые материалы к истории западных районов Хорезма в XIV–XVI вв. // Этническая история и традиционная культура народов Средней Азии и Казахстана. Нукус.

Вайнберг Б.И., 1991. История обводнения Присарыкамышской дельты Амударьи в древности в свете археологических работ последних десятилетий // Аральский кризис (историко-географическая ретроспектива). М.

Вайнберг Б.И., Глушко Е.В., Цвецинская Е.А., 1995. Поиск древних цивилизаций // Земля – планета людей. Взгляд из космоса. М.

Виноградов А.В., Итина М.А., Яблонский Л.Т., 1986. Древнейшее население низовьев Амударьи // Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. XV. Гл. 1. М.

Виноградов А.В., Мамедов Э.Д., 1991. Изменение климата и ландшафтов междуречья Амударьи и Сырдарьи (по археологическим и палеогеографическим данным) // Аральский кризис (историко-географическая ретроспектива). М.

Геоморфологическая карта СССР. Масштаб 1 : 2 500 000, 1987. М.

Глушко Е.В., 1988. Космические методы изучения современных ландшафтов материков. М.

Глушко Е.В., 1990. Исторические аспекты космического мониторинга опустынивания Приаралья и Месопотамии // Вестн. МГУ. Сер. 5, География. № 3.

Глушко Е.В., 1991. Космические методы исследования истории ландшафтов // Источники и методы исторических реконструкций изменений окружающей среды. Итоги науки и техники. Сер. палеогеография. Т. 8. М.

Глушко Е.В., Масленникова И.Н., 1987. Изучение формирования современных ландшафтов Нижней Месопотамии по космическим снимкам // Исслед. Земли из космоса. № 1.

Карта растительности СССР. Масштаб 1 : 4 000 000, 1990. М.

Карта систем почвенного покрова Туркменской ССР. Масштаб 1 : 1 500 000, 1984. М.

Карта четвертичных отложений СССР. Масштаб 1 : 2 500 000, 1973. М.

Кесь А.С., 1991. Естественная история Аральского моря и Приаралья // Изв. АН СССР. Сер. геогр. № 4.

Кесь А.С., Андрианов Б.В., Итина М.А., 1980. Динамика гидрографической сети и изменения уровня Аральского моря // Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М.

Костюковский В.И., Санин М.В., 1991. Динамика ландшафтов Сарыкамышской впадины и русла Узбой // Аральский кризис (историко-географическая ретроспектива). М.

Мамедов Э.Д., 1980. Изменение климата Среднеазиатских пустынь в голоцене // Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М.

Минашина Н.Г., 1978. Мелиорация засоленных земель. М.

Низовья Амударьи, Сарыкамыш, Узбой. История формирования и заселения, 1960 // Материалы Хорезмской экспедиции. Вып. 3. М.

Санин М.В., Костюковский В.И., Шапоренко С.И. и др., 1991. Озеро Сарыкамыш и водоемы-накопители коллекторно-дренажных вод. М.

Степанов И.Н., 1980. Периодическая повторяемость почвообразования в плейстоцене – голоцене Арало-Каспийского региона // Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М.

Шнитников А.В., 1983. Арал в голоцене и природные тенденции его эволюции // Палеогеография Каспийского и Аральского морей в кайнозое. Ч. 2. М.

Институт этнологии и антропологии РАН, Москва

Московский государственный университет

Университет г. Небраска, США

B.I. VAINBERG, E.V. GLUSHKO, E.A. TSVETINSKAYA

LANDSCAPE AND ARCHAEOLOGICAL STUDIES OF THE AMUDARYA PRISARYKAMYSHSKAYA DELTA EVOLUTION WITH THE USE OF LONG-DISTANCE METHODS

S u m m a r y

The development of anthropogenic modification on landscapes of the territory of the Amudarya Prisarykamyshskaya delta has been under way over the last three millennia due to economic activity of the population, though its exploitation by man started five thousand years ago. Two groups of factors that had an impact on this process have been reviewed: natural-climatic factors and historical-economic factors. The results of the study have shown that there is an interrelation between the current conditions of the landscapes, the history of their development and the period of the termination of their irrigation. A genetic range of the landscapes on the lands of ancient irrigation has been identified, it is the area where the lands developed during the New Age (the 19th) century correspond to the earliest stage in this range (saline plains). In the areas where the economic activity terminated in the 9th – 15th century, takyr-like plains appeared. Sand takyr-like plains correspond to "ancient" areas of settlement. The findings of the complex study of the Amudarya delta territory which is the largest as regards its area demonstrates good prospects of such an approach during the study of irrigated agriculture areas.

В.В. ОТРОЩЕНКО

О КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ ГРУППАХ ПОГРЕБЕНИЙ ПОТАПОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

Первая половина 90-х годов в российской археологии отмечена публикацией материалов важнейших памятников переходного периода от среднего к позднему бронзовому веку в лесостепной полосе Евразии. Ведущее место в их ряду занимают крепость и могильники на р. Синташта в Брединском р-не Челябинской обл. (Генинг В.Ф. и др., 1992). Сходные материалы представлены в могильниках: Каменный Амбар-5 в Карталинском р-не Челябинской обл. (Костюков В.П. и др., 1995, с. 156–207); VI Утевский могильник в Нефтегорском р-не Самарской обл. (Васильев И.Б. и др., 1992, с. 52–63); Потаповский могильник в Красноярском р-не Самарской обл. (Васильев И.Б. и др., 1994); Пичаевский курган в Жердевском р-не Тамбовской обл. (Моисеев Н.Б., Ефимов К.Ю., 1995, с. 72–81); Филатовский курган в Добровском р-не Липецкой обл. и кург. 16 Первого Власовского могильника в Грибановском р-не Воронежской обл. (Синюк А.Т., Козмирчук И.А., 1995, с. 37–72). Авторы публикаций не сомневаются в этнической принадлежности создателей упомянутых памятников (индоиранская, арийская), но расходятся в определении их культурной принадлежности (синташтинский, петровский, потаповский типы, абашевская культура). Ключевым для выяснения культурной специфики этих комплексов является Потаповский могильник, расположенный как бы на полпути между Зауральем и Подоньем. VI Утевский могильник занимает такое же положение, но опубликован лишь выборочно, что затрудняет возможность сопоставления памятников.

Материалы раскопок курганов у с. Потаповка на левом берегу р. Сок опубликованы монографически, с необходимым числом иллюстраций и приложениями, касающимися технологии изготовления керамики (Салугина Н.П., 1994, с. 173–186), металлического инвентаря (Агапов С.А., Кузьминых С.В., 1994, с. 167–173), орудий из камня (Цивинская Л.В., Пенин Г.Г., 1994, с. 205–207) и характеристики антропологического материала (Яблонский Л.Т., Хохлов А.А., 1994, с. 186–205). Приложения не только дополняют отчетную часть коллективной монографии, но и обнаруживают расхождения в интерпретации этого уникального памятника среди специалистов. В целом И.Б. Васильев, П.Ф. Кузнецов и А.П. Семенова издали добротный труд, интересующий всех, кто занимается проблематикой переходного периода.

Подготовке публикации предшествовали доклады ее авторов на симпозиумах в Санкт-Петербурге (1985, 1993), Аркаиме (1989), Самаре (1990) и Саратове (1991), связанные с тематикой Потаповского могильника (Васильев И.Б. и др., 1991, с. 8–10; 1993, с. 66–68). В ходе обсуждения докладов по Потаповке авторам указали на слабые места в интерпретации памятника: отмечены разновременность и культурная пестрота погребений могильника (Шарафутдинова Э.С., Кузьмина О.В., 1992, с. 249–253), механическое соединение разновременного инвентаря в некоторых комплексах (Качалова Н.К., 1993, с. 77). Во введении авторы монографии поблагодарили своих критиков за ценные замечания, но не учли их по существу. Потаповский могильник преподан читателю как памятник монокультурный, функционировавший в пределах 40–50 лет (Васильев И.Б. и др., 1994, с. 74). На самом же деле он сооружался и использовался для захоронений на протяжении нескольких веков, в эпоху ранней и средней бронзы.

Среди ряда археологов Среднего Поволжья и Южного Зауралья бытует взгляд на

© В.В. Отрощенко, 1998 г.

курган и курганный могильник как на закрытый комплекс: "Фактов взаимоперекрываний разнокультурных захоронений в лесостепном Поволжье вообще не известно. Таким образом, курган в лесостепи изначально является индивидуальным памятником или памятником определенной однокультурной и локальной группы... Обряд впускных погребений для эпохи бронзы на этой территории совершенно не характерен" (Васильев И.Б. и др., 1994, с. 11). Поскольку опровержение таких решительных утверждений обнаруживается на последующих страницах этой же книги, остается лишь удивляться безапелляционности авторов. Между тем практика степной археологии свидетельствует об обратном: курган, как правило, содержит разновременные захоронения и находки отдельных вещей и является открытым комплексом. Закрытым комплексом может быть отдельное погребение и лишь в том случае, когда оно не нарушено позднейшими проникновениями людей или землеройных животных. Обитатели лесостепи восприняли традиции курганного строительства от степняков, в том числе и обычай повторного использования древнего кургана для новых захоронений, хотя и далеко не всегда им пользовались. Парадокс заключается в том, что публикуются курганы многократного использования в Давыдовском, Лопатинском и Потаповском могильниках, опровергающие цитированные выше постулаты. Обратимся к фактам.

В насыпи полтавкинского кург. 2 Давыдовского могильника в Приволжском р-не Самарской обл. зафиксировано впускное погр. 2, отнесенное авторами раскопок к потаповскому типу. Отмечено отсутствие полтавкинских черт во впускном погребении (Васильев И.Б., и др., 1994, с. 51, 52). Как видим, в одном кургане лесостепного Поволжья выявлены два разновременных и разнокультурных захоронения. Вот вам и "совершенно не характерен"!

Еще более показательным выглядит кург. 2 Второго Лопатинского могильника, расположенного неподалеку от с. Потаповка, где выявлены два случая взаимоперекрывания древнейших захоронений 3 и 4 более поздними погр. 1 и 2 (Васильев И.Б., и др. 1994, с. 48–50, рис. 54, *1–4*). Погребения нижнего стратиграфического горизонта отмечены обильной посыпкой охры, а захоронения верхнего – керамикой переходного периода и поздней бронзы. Версия ярусных захоронений не может быть принята из-за существенных различий в обряде погребения между нижним и верхним ярусами. Из щекотливой ситуации авторы выходят за счет словесной казуистики, рассматривая кург. 2 Второго Лопатинского могильника "как условно закрытый комплекс" (Васильев И.Б., и др. 1994, с. 50).

Серия случаев прямой стратиграфии – частичного перекрывания древнейших захоронений более поздними – выявлена в кург. 3 и 6 Потаповского могильника. Исследователи курганов факты стратиграфии добросовестно зафиксировали графически и обошли вниманием текстуально. Между тем каждый из них настолько поучителен, что требует особого словесного описания.

В кург. 3 древнейшее погр. 1 (ямной культуры)[1] оказалось перекрыто погр. 10 и частично прорезано погр. 4. Оба поздних захоронения относятся к переходному периоду от средней к поздней бронзе. При выборке обширной ямы погр. 4 был снесен череп, ключицы и левая рука скелета из погр. 1, а на месте головы "ямника" оказался пробитый череп лошади, помещенный в северо-западный угол погр. 4. Второй пробитый череп лошади лежал в соседнем, юго-западном углу гробницы вместе с парой дисковидных псалиев с шипами (Васильев И.Б., и др., 1994, с. 113, рис. 9). Перед нами – имитация пароконной запряжки колесницы, столь характерная для склепов колесничих Синташты (Генинг В.Ф., и др., 1992, с. 210, рис. 111, 112). Однако авторы, увлеченные идеей открытия "кентавра наоборот" (Жигалов С., 1985, с. 4), изымают северо-западный череп коня из гробницы колесничего, из погр. 4, и публикуют план погр. 1 в виде скелета человека с конским черепом (Васильев И.Б., и др.,

[1] Выражаю благодарность Ю.Я. Рассамакину, оказавшему помощь в уточнении культурной принадлежности древнейших захоронений Потаповского могильника, относящихся к эпохе ранней бронзы.

1994, рис. 10, 11). Показательно, что на рис. 11 отсутствуют контуры могильных ям погр. 1 и 4, не оставляющие никаких сомнений в факте нарушения первого из них вторым. В результате нехитрой манипуляции забавный археологический курьез превращается в "... уникальное погребение 1, в котором вместо черепа погребенного находился череп коня, который одновременно являлся частью жертвенника центрального захоронения (погр. 4 – *В.О.*)" (Васильев И.Б., и др. 1994, с. 42). Бифункциональность этого черепа, который попеременно выполняет то роль запасной головы человека, то головы упряжного коня, умиляет, но и губит научную репутацию издания одновременно.

Примечательна стратиграфическая ситуация в кург. 5, где погр. 6 (полтавкинской культуры) оказалось буквально затертым между погр. 5 и 11 (переходного периода). При выборке ямы для погр. 5 были потревожены кости ног "полтавкинца" и окрашенные охрой суставы стоп оказались на ее дне. Яма погр. 11 уничтожила верхнюю половину того же окрашенного скелета и сосуд. Фрагменты последнего оказались в заполнении более поздней могилы, а на перевернутый вверх дном сосуд 5 из погр. 11 был положен обломок челюсти "взрослого человека, не имеющий отношения ни к одному из костяков погребения 11" (Васильев И.Б., и др. 1994, с. 36). Напрашивается допущение, что это часть черепа "полтавкинца" из погр. 6. Выходит, что строители гробниц переходного периода использовали для ритуальных целей ископаемые кости из более древних захоронений.

Проверить сделанное наблюдение помогает разбор следующего случая прямой стратиграфии в этом же кург. 5. В юго-западной стенке обширной ямы погр. 8 (склеп колесничего переходного периода) зафиксирован выступ прямоугольной формы с прослойкой дробленых костей у дна и пятном охры на материке. Раскопщики интерпретировали этот выступ как ступеньку, но не исключено, что это сохранившаяся часть ямы более древнего захоронения, нарушенного и использованного вторично уже в качестве ступеньки при оформлении склепа колесничего. Тогда становится понятным наличие охры, не использовавшейся в обряде погребения переходного периода, и дробленных костей у ее дна. Исходя из ситуации с погр. 5, 6, 11, следует поискать остальные кости человека из погребения-ступеньки и охру. Они были обнаружены: в заполнении ямы на различной глубине встречались как отдельные кости животных, так и кости человека – фрагменты черепа, ребра, позвонки, грудина. Все они сильно окрашены охрой" (Васильев И.Б., и др. 1994, с. 32, 33, рис. 15). Окрашенные кости находились выше просевших плах перекрытия погр. 8, т.е. они были уложены на перекрытие гробницы колесничего в качестве жертвоприношения. Скелеты мужчины и подростка на дне гробницы 8 не были потревожены и не посыпались охрой. Обозначим нарушенное погребение-ступеньку номером 8а. Учитывая, что смещенными оказались кости верхней части скелета из погр. 8а и что нарушенная яма имела ориентировку по оси юго-запад-запад – северо-восток-восток, можно реконструировать восточную ориентировку погребенного в ней человека.

Итак, в Потаповском, Втором Лопатинском и Давыдовском могильниках зафиксированы шесть случаев прямой и относительной стратиграфии. Во всех ситуациях более ранними и потревоженными либо перекрытыми оказались захоронения со скорченными и окрашенными скелетами. Нарушители древнейших могил в ряде случаев использовали вторично окрашенные человеческие кости. Очевидно, что в лесостепном Поволжье наряду с монокультурными курганами и могильниками эпохи бронзы имелись и курганы многократного использования. Они имеют особую ценность для уточнения последовательности археологических культур в регионах, бедных на стратифицированные курганы. Целенаправленный поиск таких памятников гораздо перспективнее, нежели расхолаживающие заявления о том, что таких курганов нет и быть не может.

Стратиграфические наблюдения, произведенные выше, заставляют нас возвратиться к ситуации в кург. 3 Потаповского могильника. Если из погр. 1 действительно был изъят окрашенный череп "ямника", то его должны были как-то использовать при

обустройстве погр. 4, нарушившего погр. 1. Действительно, такой череп покоился на дне ямы погр. 4, неподалеку от ритуальной ямки в центре гробницы, но сама ямка оказалась заваленной кучей окрашенных костей, извлеченных явно не из погр. 1 (Васильев И.Б. и др., 1994, с. 23, рис. 10). Возможным местом изъятия этих костей являлось погр. 5 (полтавкинской культуры), оказавшееся в нескольких десятках сантиметров к северу от погр. 4. Контур полтавкинского захоронения был выявлен при подготовке погребальной площадки, соединявшей ямы погр. 2 и 4 на уровне материка (Васильев И.Б. и др., 1994, с. 112, 113, рис. 8, 9). Любопытно, что из погр. 5 была извлечена лишь часть костей скелета и в качестве компенсации туда были положены ценные предметы: деревянная чаша (от нее сохранилась только бронзовая обойма), нож, шило, куски мела. Столь смелая догадка стала возможной в результате сопоставления химического состава металлических изделий в погр. 5. Если основной набор медных изделий из этого открытого комплекса относится к типам, характерным для Циркумпонтийской металлургической провинции (ЦМП), то привнесенные вещи отлиты из металла, вошедшего в употребление в Евразийской металлургической провинции (ЕАМП) (Агапов С.А., Кузьминых С.В., 1994, с. 170, табл. 3). Авторы приложения называют этот комплекс аномальным, "предполагая механическое смешение полтавкинских и петровских (синташтинских в нашем понимании. – *В.О.*) комплексов в Потаповке под одной насыпью" (Агапов С.А., Кузьминых С.В., 1994, с. 168). Как видим, смешение могло иметь место не только под одной насыпью, но и в пределах одной могильной ямы, нарушенной более поздним прокопом. Анализ отчетного текста и плана погр. 5 позволяет наметить микростратиграфию залегания вещей на дне могилы: поделки химической группы ЦМП находились в слое охры, а изделия ЕАМП – на нем (Васильев И.Б. и др., 1994, с. 25, 26, рис. 12, *1*). В публикации погр. 4 и 5 охарактеризованы как вторичные, но, в свете изложенных наблюдений не исключено, что погр. 4 являлось кенотафом, так как тело колесничего в нем не обнаружено. Находившееся в северо-западном углу гробницы тело ребенка являлось сопровождающим, а окрашенные кости "ямника" и "полтавкинца" у ритуальной ямки уместнее рассматривать в качестве жертвоприношения, а не как вторичное захоронение. Погр. 5 является, в силу изложенных выше обстоятельств, частично разрушенным, но никак не вторичным захоронением. Открытый комплекс вещей из погр. 5 можно дополнить фрагментами полтавкинского сосуда из заполнения ямы погр. 2 (переходного периода), являющимися для последнего механической примесью (Васильев И.Б. и др., 1994, с. 126, рис. 22, *4*).

Отмеченные выше стратиграфические и иные наблюдения позволяют прийти к однозначному выводу о разновременности погребений ямной и полтавкинской культур, с одной стороны, и захоронений переходного периода – с другой. Устроители последних имели контакт не с живыми "полтавкинцами", а с их истлевшими останками. Материалы Потаповского могильника практически демонстрируют своеобразие контактов живых с мертвыми. Люди переходного периода проявляли определенное уважение к обнаруженным окрашенным костям, хотя сами охру в обустройстве могил не использовали, по крайней мере в Потаповке. Полтавкинская культура повлияла на сменившую ее культуру переходного периода лишь в той мере, в какой мертвая культура может воздействовать на живую. Культурообмен современников здесь места не имел. С.А. Агапов и С.В. Кузьминых, говорившие о механическом смешении полтавкинских и петровских или синташтинских элементов в комплексах Потаповского могильника, оказались ближе к истине, нежели исследователи этого памятника.

Совокупность стратиграфических наблюдений, особенностей похоронных обрядов и сопровождающего инвентаря позволяет обосновать следующую историю создания и развития Потаповского могильника. Древнейшим из четырех раскопанных курганов являлся кург. 5, занимавший крайнюю северо-западную позицию в группе. Основным в этом кургане является погр. 1 с сосудом яйцевидной формы. С более ранним возрастом этого комплекса согласны и авторы монографии, но, защищая тезис об

однокультурности погребений кургана, им пришлось предположить существование бескурганного могильника на месте сооружения будущих курганов. Погребение 1, таким образом, объявляется грунтовым (Васильев И.Б. и др., 1994, с. 42). Наше понимание памятника не требует догадки о грунтовом могильнике. Первичный курган возник над погр. 1 и стал ориентиром при возведении последующих насыпей, которые расположились коротким клином, устремленным на северо-запад (рис. 1). Погребение 1 кургана 5 сопоставимо со второй хронологической группой древнеямных погребений Нижнего Поволжья (Мерперт Н.Я., 1974, рис. 14, 15). По периодизации И.Б. Васильева, оно может относиться к позднему энеолиту или раннему бронзовому веку лесостепного Поволжья (Васильев И.Б. и др., 1981, с. 124, табл. 39).

К позднему периоду древнеямной культуры относятся погр. 1 кург. 3 и погр. 16 кург. 5. Их отличает скорченное на спине положение умерших с ориентировкой головы соответственно на восток и север, яма подпрямоугольной формы и наличие охры в первом случае. Человек из погр. 16 кургана 5 был поражен кремневым наконечником стрелы асимметричной формы с одним шипом. Замечено, что этот наконечник "... и по форме, и по размерам, и по характеристике кремня не похож на наконечники стрел потаповцев" (Яблонский Л.Т., Хохлов А.А., 1994, с. 187). Отнесение его к эпохе ранней бронзы возможно. Все три захоронения эпохи ранней бронзы оказались практически на одной оси северо-запад-запад – юго-восток-восток.

Носители полтавкинской культуры возведением курганов 1 и 2 завершили оформление ансамбля курганов в виде клина. Сходящиеся оси этого клина как бы нанизывают все захоронения полтавкинской культуры. Точкой схождения оказалось стратифицированное погр. 6 кургана 5. Ведущей является ось, ориентированная с северо-запада на юго-восток и включающая погребения 6, 8а, 9 в кургане 5 и погребения 1, 5, 2, 4 в кургане 2. Вторая ось, по линии северо-запад-запад – юго-восток-восток, нанизывает погр. 6 в кургане 5, погребение 2 в кургане 3 и погр. 3 в кургане 1. Всего, таким образом, выявлено девять погребений полтавкинской культуры. Заметим, что погр. 16 в кургане 5, отнесенное выше к эпохе ранней бронзы, несколько выпадает из древнеямной оси, но идеально ложится на вторую полтавкинскую ось. Столь четкая планиграфия полтавкинских могил является весомым показателем их культурного единства (рис. 1).

Ведущим показателем полтавкинских погребений, отличающим их от последующих захоронений переходного периода, является наличие охры на дне ям и костях умерших. Лишь в погр. 5 кургана 2 (кенотаф) охра не отмечена и культурная принадлежность комплекса определялась по сосуду (Васильев И.Б. и др., 1994, с. 19, рис. 21, *8*). Положение умерших в захоронениях полтавкинской культуры – скорченное на спине или с разворотом на спину, ориентировка скелетов – преимущественно восточная, с отклонениями в пределах 0–135°. Шесть захоронений – одиночные, два – парные; одно – кенотаф. Возраст погребенных отмечен полярностью: шесть взрослых, в том числе три мужчины и одна женщина, и четыре младенца в возрасте до трех лет. Очертания могильных ям – неустойчивые (овальные, полуовальные, подпрямоугольные). Их величина – умеренная, обусловлена размерами тела или тел погребаемых.

Находки керамики, преимущественно орнаментированной и фрагментированной, связаны с шестью захоронениями (семи сосудов). В заполнении ямы частично разрушенного погр. 2 в кургане 2 обнаружен обломок венчика горшка переходного периода. Он к анализу полтавкинской керамики не привлекается (Васильев И.Б. и др., 1994, с. 111, рис. 7, *3*; с. 126, рис. 22, *8*). Сосуды полтавкинской культуры имеют баночную форму со стянутым краем венчика. Преобладает насыщенная орнаментация стенок, преимущественно в технике шагающей гребенки. Отмечены также оттиски ногтя, наколы, прямоугольный в сечении валик.

В наборе металлических изделий полтавкинской культуры помимо традиционного сочетания нож – шило привлекает внимание штыковидное оружие с крюкообразным окончанием черенка. Для него предложены убедительные переднеазиатские аналогии, датируемые средним бронзовым веком (Агапов С.А., Кузьминых С.В., 1994, с. 167).

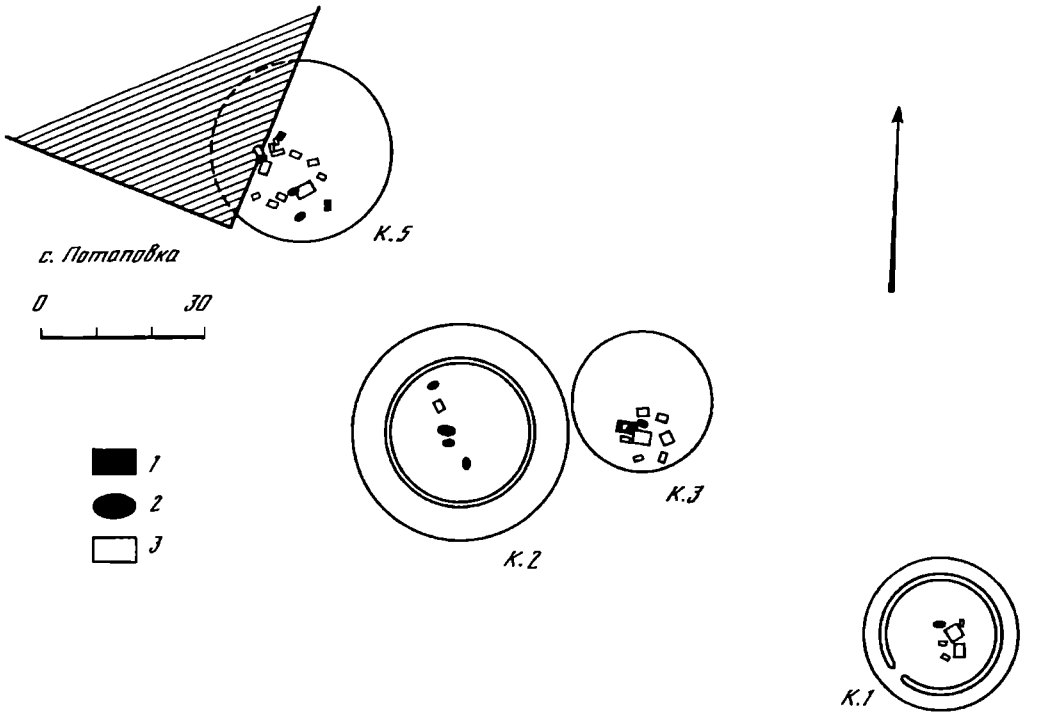


Рис. 1. Планиграфия погребений Потаповского могильника. *1* – погребения эпохи ранней бронзы; *2* – погребения полтавкинской культуры; *3* – погребения синташтинской культуры

Металл полтавкинских захоронений принадлежит к химической группе МП, характерной для ямно-полтавкинского очага ЦМП.

Погребение 4 кургана 2 выглядит наиболее поздним среди полтавкинских. Сосуд из него уже имеет слегка отогнутый наружу край венчика. Выполненный зубчатым штампом орнамент покрывает тулово, но техника шагающей гребенки утрачена. Бронзовые обоймочки из этого комплекса изготовлены из металла химических групп ВУ и ВК, характерного для производящих центров ЕАМП. Аналогии им найдены в погребении абашевской культуры из Никифоровского лесничества в Приуралье (Васильев И.Б. и др., 1994, с. 60, рис. 27, *4*). Вероятно, погр. 4 кургана 2 следует поместить между основной группой полтавкинских захоронений и погребениями переходного периода, синхронизируя его с абашевской культурой (по О.В. Кузьминой).

Наиболее многочисленную группу погребений Потаповского могильника составляют захоронения переходного периода (26 комплексов). Учитывая культурную пестроту могильника, не представляется удачным термин "погребения потаповского типа". Полагаем, что захоронения переходного периода из Потаповки следует относить к синташтинской культуре. Выделение названной культуры неоправданно затянулось из-за того что исследователи эпонимного памятника на р. Синташта увлекались этнической и социальной интерпретацией открытого ими феномена, так и не уделив должного внимания выработке археологической дефиниции этого явления. Нет ее и в монографическом издании Синташты. Другие исследователи, не имея доступа к ключевым материалам, употребляли более осторожные термины: "хронологический горизонт", "пласт", "тип памятников". Им следуют и авторы рассматриваемый монографии, рассуждая о "культурном образовании" и "культурном пласте (Новый Кумак, Синташта, Потаповка, Власовка)" (Васильев И.Б. и др., 1994, с. 92).

Необходимый в данном случае термин "культура" первым, кажется, употребил по отношению к Синташте индийский археолог Б.Б. Лал: "... Sintashta grave culture in the South Ural area" (Lal B.B., 1981, p. 292). О.В. Кузьмина четко провела линию разграничения между абашевской и синташтинской культурами с использованием адекватной терминологии и приведя аргументацию в пользу их разновременности (Кузьмина О.В., 1992, с. 74–76). Назрела потребность также в более четком разграничении

синташтинской и петровской культур, которые подчас еще воспринимаются как единое культурное явление по наличию смешанных (переходных) типов петровско-синташтинской керамики (Потемкина Т.М., 1995, с. 20–24). С.А. Агапов и С.В. Кузьминых называют позднейшие захоронения Потаповского могильника "петровско-абашевскими" и "петровскими" (Агапов С.А., Кузьминых С.В., 1994, с. 168). Между тем отличия синташтинской и петровской культур уже оговорены Н.Б. Виноградовым (Шарафутдинова Э.С., Кузьмина О.В., 1992, с. 250). В.В. Ткачев показал разновременность, по крайней мере частичную, Синташты и Петровки и синхронизовал первую с Потаповским могильником, а вторую – с Покровским (Ткачев В.В., 1995, с. 168–170). Синхронность и сходство ключевых характеристик обряда погребения позволяют нам относить позднюю хронологическую группу захоронений Потаповского могильника к синташтинской культуре.

"Синташтинцы" в отличие от "полтавкинцев" не возводили в Потаповке новых курганов, используя сооруженные предшественниками насыпи. Планиграфию синташтинских погребений в Потаповке можно назвать линейно-круговой. Линию по оси северо-запад-запад – юго-восток-восток образуют гробницы лиц высокого социального ранга колесничих: кург. 1, погр. 4; кург. 3, погр. 4; кург. 5, погр. 8. Вокруг них располагались могилы лиц рангом пониже (рис. 1). В кург. 5 намечено и второе кольцо синташтинских могил. Такой системе подчинены 25 захоронений и лишь погр. 3 в кургане 2 выпадает из нее, затесавшись в ряд полтавкинских захоронений. Гробницы знати лишь с оговоркой можно называть "центральными", поскольку в курганах 3 и 5 они заметно удалены от геометрического центра насыпи, а в кургане 5 погр. 8 еще и сдвинуто к внутреннему кольцу синташтинских могил. Центральное, точнее особое, расположение гробниц знати присуще и могильникам Синташты (Генинг В.Ф. и др., 1992, с. 244, рис. 42, 135, 167). Различия в планировке полтавкинского и синташтинского могильников Потаповки очевидны: линейное, сходящимися рядами в первом случае и линейно-круговое расположение погребений – во втором. В кургане 5, где ведущие оси полтавкинского и синташтинского могильников пересекаются, зафиксированы случаи прямой стратиграфии, убедительно свидетельствующие о разновременности названных культур.

В отличие от аморфных очертаний полтавкинских могил синташтинские имеют подпрямоугольную, реже – трапециевидную форму. Если первые оказались весьма близки между собой по размерам (колебания в длине и ширине в пределах 0,6 м), то вторые значительно различаются по своим параметрам (разница по длине составляет 2,6, а по ширине – 2,4 м). Столь внушительная разница объясняется фактором имущественной и социальной дифференциации в синташтинском обществе и практикой совершения коллективных захоронений в склепах колесничих и склепах семейного типа. Число умерших в таком склепе может достигать шести лиц (кург. 1, погр. 2). Такие склепы обычно сооружались с расчетом на дозахоронения, с оставлением свободных секторов. К числу склепов первого типа или склепов колесничих относятся все три центральные гробницы, составляющие группу сверхбольших сооружений (длина 3,0–3,6 м, ширина 2,37–2,75, глубина 1,55–2,55 м). Главным погребаемым здесь всегда является мужчина-воин-колесничий с оружием, элементами убранства упряжного коня, разнообразным вещевым сопровождением. Обустройство такого сооружения всегда сопровождалось жертвами домашних животных, от которых сохраняются чаще всего черепа и конечности, и захоронением зависимых лиц, вероятно, из числа обслуги.

Вторую группу (большие могилы) составляют шесть сооружений, длина которых с пристройками превышает 2 м. В нее входят два одиночных захоронения, два парных и два коллективных. В одном из коллективных захоронений были погребены, вероятно, три девочки с украшениями и костяным пряслом (кург. 5, погр. 11), а в другом – мальчики (4 бронзовых ножа, крючок) – погр. 14 в кургане 5. В обеих гробницах найдено также по шесть сосудов. Оружие присутствует в захоронениях юношей и мужчин. Исключение составляет погр. 8 в кургане 3, где погребена женщина. Однако кинжал с костяной рукоятью положен в пустующей половине могильной ямы, к нему

обращено лицо умершей, которой придана поза адорации, что позволяет предполагать здесь и символическое захоронение мужчины (Васильев И.Б. и др., 1994, с. 117, рис. 13, *3*). Количество жертв животных (шкур) зависело от числа погребаемых, их статуса и пола. Так, в склепе мальчиков при жертвеннике зафиксировано шесть особей крупных и мелких животных, а рядом со склепом девочек оставили лишь голову мелкого рогатого скота. Да и ее авторы раскопок поспешили связать с полтавкинским погр. 6, стратиграфически более ранним, хотя череп находился на 0,35 м ниже дна ямы погр. 6.

Третья группа погребений (10 комплексов) имеет длину ямы в пределах 1,3–1,9 м, что позволяет отнести их к разряду средних. Это преимущественно одиночные захоронения людей разного пола и возраста. Лишь одно захоронение парное (кург. 5, погр. 4). Набор сопровождающего инвентаря достаточно стандартен – два сосуда и шкура мелкого рогатого скота. Находки бронзовых орудий труда и оружия единичны. Чаще встречаются поделки из кости (навершия трости-жезла, пряжка, трубочка для доения, бусы, альчики). Две ямы с одиночными захоронениями детей младшего возраста имели длину до 1 м, но по составу инвентаря они сопоставимы с третьей группой и должны быть включены в нее. К ней же можно отнести те захоронения, ямы которых прослежены не были, но состав инвентаря стандартен. Это четыре одиночных захоронения. Особняком стоит семейный склеп погр. 2 в кургане 1, не имевший сопровождающего инвентаря при шести скелетах.

Для сооружений первых двух групп характерны конструктивные детали "канавки, уступы, ступеньки, ниши, ямки". Круглая ямка в центральной части гробницы погр. 4 в кургане 3 являлись, вероятно, условной вертикалью не только для этого сооружения, но и всего синташтинского могильника в целом, маркируя его исходную точку (рис. 1). Именно у края этой ямки совершена жертва окрашенных костей, извлеченных из соседних более ранних могил. Выше уже отмечалось, что захоронение в этом, наиболее раннем, склепе было символическим – в честь героизированного воина-колесничего.

Среди синташтинских захоронений Потаповки преобладает слабоскорченное положение умерших на левом боку в позе адорации. Отклонений больше в сторону средней степени скорченности, но есть и вытянутое положение на левом боку. Иная позиция отмечена лишь дважды: в погр. 8, кургана 5 воин-колесничий лежал вытянуто на спине, а в погр. 6, кургана 3 тело было уложено на правый бок в позе адорации. Решительно преобладает западная ориентировка умерших (отклонения в пределах 180–360°, 31 скелет в 23 гробницах). Альтернативной является восточная ориентировка (отклонения в пределах 45–90°, 8 скелетов в трех гробницах). Умершие в положении на левом боку и ориентированные на восток (семь индивидов) не сопровождались инвентарем. Таким образом, по ориентировке удается выделить группу погребенных с особым статусом. Именно они сохранили полтавкинскую традицию восточной ориентировки, но их хоронили по упрощенному ритуалу, без жертвоприношений животных и сопровождающего инвентаря. Западная же ориентировка явилась традицией зауральской, получившей развитие в культурах андроновской общности и многоваликовой керамики Украины, но быстро угасшая на Волге и Дону.

Среди сопровождающего инвентаря культурным индикатором Синташты является шкура жертвенного животного (череп и конечности в археологической фиксации) на перекрытии могилы, в ногах умершего. Признаки наличия шкур отмечены в 20 захоронениях из 26. Заметим, что в Большом могильнике Синташты, являющемся эталоном для изучения обряда погребения этой культуры, преобладает захоронение туш жертвенных животных, а шкуры чаще представлены в жертвенниках. В Потаповке же и при гробницах, и на жертвенниках доминируют шкуры. Ощущается заметная модификация обряда при продвижении синташтинского населения из Южного Зауралья на запад, в Европу. В Филатовском кургане на р. Воронеж шкуры животных сосредоточены на жертвенниках и реже у могил (Синюк А.Т., Козмирчук И.А., 1995, с. 50, рис. 5).

Другим важным культурным показателем Синташты является керамика, встреченная в 22 погребениях из 26. Это в большинстве своем горшковидные формы, выполненные по зауральским образцам на месте, с заменой талька на толченую ракушку в качестве добавки. Сосудов, доставленных из Зауралья, встречено немного (Салугина Н.П., 1994, с. 178, 179). Имел место процесс слияния местной и привнесенной традиций изготовления керамики. Прочий инвентарь не обладает выраженной культурной спецификой и достаточно хорошо представлен И.Б. Васильевым, П.Ф. Кузнецовым и А.П. Семеновой.

Остановимся также на негативном показателе, отличающем захоронения синташтинской культуры от могил эпохи ранней и средней бронзы – отсутствии охры в погребальной практике. О.В. Кузьмина отмечает этот фактор в погребениях абашевской культуры Волго-Уралья, сыгравшей существенную роль в становлении синташтинской (Кузьмина О.В., 1992, с. 10).

Стратиграфический потенциал Потаповского могильника и дифференцированное изучение разнокультурных групп погребений позволяют углубить наши представления о процессе перехода от среднего к позднему бронзовому веку в Среднем Поволжье. В результате проведенного анализа так называемый потаповский тип памятников подразделяется на несколько культурно-хронологических групп погребений. Позднейшая из них может рассматриваться в качестве потаповского локального варианта памятников синташтинской культуры в Европе. Уточнение его протяженности во времени и пространстве еще впереди. Разновременны и погребения Второго Лопатинского могильника. К числу синташтинских в нем может быть отнесено лишь погр. 1 в кургане 2 с набором костяных и кремневых стрел (Васильев И.Б. и др., 1994, с. 49, рис. 54, *1*, 56).

Очевидно, что такие могильники могли появиться в результате миграции синташтинцев на запад из Южного Зауралья, но И.Б. Васильев, П.Ф. Кузнецов и А.П. Семенова заявляют, что могут согласиться с такой точкой зрения "в наименьшей степени" (Васильев И.Б. 1995, с. 15). Они видят в потаповских комплексах результат непосредственного взаимодействия полтавкинской и абашевской культур с одновременным воздействием восточных групп населения (Васильев И.Б. и др., 1994, с. 78). При этом почему-то игнорируется вывод О.В. Кузьминой: "Контакты абашевской культуры с полтавкинской не зафиксированы..." (Кузьмина О.В., Шарафутдинова Э.С., 1995, с. 210). Материалы Потаповского могильника также не дают оснований для изменения его. Абашевская культура во времени следует за полтавкинской.

Движение синташтинцев на запад не ограничилось Средним Поволжьем, но в Подонье их памятники уже рассматриваются в доно-волжском абашевском контексте (Синюк А.Т., Козмирчук И.А., 1995). Почерпнутые в пути новации существенно видоизменяют исходную модель культуры. Изменяется состав памятников синташтинской культуры: Зауралье – городища и могильники; Среднее Поволжье – курганные могильники; Среднее Подонье – отдельные курганы (Филатовский, Пичаевский, кург. 16 Первого Власовского могильника); Нижнее Поволжье – отдельные гробницы (Покровск, кург. 35, погр. 2; Бородаевка-2, кург. 1, погр. 21; Старицкое, кург. 1, погр. 2). В последнем регионе упомянутые комплексы рассматриваются уже в контексте срубной культуры (Памятники срубной культуры..., 1993, с. 24–27, 34, 35). Отслеживая намеченную выше цепочку перемещений синташтинцев в Европе, можно прийти к выводу о постепенной трансформации синташтинской культуры в покровскую срубную. Причем качественные изменения происходят в Среднем Подонье и Саратовском Поволжье.

И.Б. Васильев, П.Ф. Кузнецов и А.П. Семенова показали значение памятников потаповского типа (по их терминологии) в сложении лесостепной (покровской) срубной культуры, аргументировав разновременность эпонимных памятников – Потаповского и Покровского могильников за вычетом погр. 2 в кургане 35 (Васильев И.В. и др., 1995, с. 22–37). Вывод о генетическом характере связей между потаповскими и

покровскими памятниками имеет принципиальное значение, но это уже тема для отдельного рассмотрения.

Систематическая публикация ключевых памятников переходного периода, включая Потаповский могильник, в сжатые сроки (1992–1995 гг.) стала событием не только российской, но и мировой археологии. Ныне синташтинская культура в совокупности важнейших источников стала доступна широкому кругу специалистов, что открывает большие возможности для новых заключений уже на интерпретационном уровне. Остается лишь выразить искреннюю благодарность первооткрывателям всех этих памятников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агапов С.А., Кузьминых С.В., 1994. Металл Потаповского могильника в системе Евразийской металлургической провинции // Васильев И.Б. и др. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара.

Васильев И.Б., 1981. Энеолит Поволжья: степь и лесостепь. Самара.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П., 1991. Памятники потаповского типа лесостепного Поволжья // Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы Волго-Уралья. Саратов.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П., 1992. Погребения знати эпохи бронзы в Среднем Поволжье // Археологические вести. Вып. I. СПб.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П., 1993. Периодизация культур бронзового века волго-уральского региона // Новые открытия и методологические основы археологической хронологии. СПб.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П., 1994. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П., 1995. Памятники потаповского типа в лесостепном Поволжье (краткое изложение концепции) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья. Самара.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В., 1992. Синташта: археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Т. I. Челябинск.

Жигалов С., 1985. Загадка "кентавра" // Волжская коммуна. 12 сентября. Самара.

Качалова Н.К., 1993. Относительная хронология полтавкинских памятников и их соотношение с потаповскими и покровскими // Новые открытия и методологические основы археологической хронологии. СПб.

Костюков В.П., Епимахов А.В., Нелин Д.В., 1995. Новый памятник средней бронзы в Южном Зауралье // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья. Самара.

Кузьмина О.В., 1992. Абашевская культура в лесостепном Волго-Уралье. Самара.

Кузьмина О.В., Шарафутдинова Э.С., 1995. Хроника семинара "Проблемы перехода от эпохи средней бронзы к эпохе поздней бронзы в Волго-Уралье" // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). Самара.

Мерперт Н.Я., 1974. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.

Моисеев Н.Б., Ефимов К.Ю., 1995. Пичаевский курган // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья. Самара.

Памятники срубной культуры: Волго-Уральское междуречье, 1993 // САИ. Вып. В 1–10. Саратов.

Потемкина Т.М., 1995. Проблемы связей и смены культур населения Зауралья в эпоху бронзы // РА. № 1.

Салугина Н.П., 1994. Технологическое исследование керамики Потаповского могильника // Васильев И.Б. и др. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара.

Синюк А.Т., Козмирчук И.А., 1995. Некоторые аспекты изучения абашевской культуры в бассейне Дона (по материалам погребений) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья. Самара.

Ткачев В.В., 1995. О соотношении синташтинских и петровских погребальных комплексов в степном Приуралье // Культуры древних народов степной Евразии и феномен про-

тогородской цивилизации Южного Урала. Матер. 3-й Междунар. науч. конф. "Россия и Восток: проблемы взаимодействия". Ч. V. Кн. I. Челябинск.

Цивинская Л.В., Пенин Г.Г., 1994. Минералогическая характеристика каменных орудий Потаповского могильника // Васильев И.Б. и др. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара.

Шарафутдинова Э.С., Кузьмина О.В., 1992. Семинар "Проблемы перехода от эпохи средней бронзы к эпохе поздней бронзы в Волго-Уралье". Самара, 1990 // РА. № 4.

Яблонский Л.Т., Хохлов А.А., 1994. Новые краниологические материалы эпохи бронзы Самарского Заволжья // Васильев И.Б. и др. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара.

Lal B.B., 1981. The Indo-Aryan hypothesis vis-á-vis Indian archeology // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н.э.). М.

Институт археологии НАН Украины,
Киев

V.V. OTROSHENKO

CULTRUAL AND CHRONOLOGICAL GROUPS OF GRAVES FROM THE POTAPOVO BURIAL GROUND

Summary

The paper analyses goods from a Potapovo burial ground located in the Samara Trans-Volga region presented in a monograph. The point of view presented by Vasilyeva I.B., Kuztetsova P.F., Semenova A.P., according to which this site is presented as a one-culture site is contested. Indisputable facts of direct stratigraphy of graves pertaining to different periods and different cultures from two mounds of the Potapovo ancient burial ground have been identified. Stratigraphic observations together with comparisons of the burial rite and accompanying goods allow the author of the paper to divide the graves of the Potapovo ancient burial ground into three cultural and chronological groups: a Late Bronze Age group, a Poltavka culture group and a Sintashta culture group. The latest and the most numerous group of the graves is defined by the author as the group belonging to the Potapovo local variant of the Sintashta culture. This point of view contradicts the position of Vasilyeva I.B., Kuznetsova P.F., Semenova A.P. who isolate a specific Potapovo type of the sites in the Middle Volga region that, in their view, developed on the local Poltavka-Abashevo basis. At the same time the authors of the monograph consider the Potapovo sites as a genetic basis for the development of the forest steppe (Pokrov) Timber-grave culture, presenting appropriate evidences.

Ф.Х. ГУТНОВ

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ СКИФОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

К узловым проблемам древнейшей истории Юго-Восточной Европы и Передней Азии относится круг вопросов, связанных со скифами. Скифские материалы весьма значимы также для индоиранистики в целом, для решения многих важных вопросов востоковедения. Изучение социальной истории скифов приобретает особую актуальность в свете продолжающейся дискуссии о "потолке" самостоятельного развития номадов. В настоящее время на материале разных этносов разрабатывается сразу несколько подходов к решению данной проблемы: концепции особого "номадного" способа производства, предклассового, раннеклассового и феодального состояния кочевых обществ (Першиц А.И., 1976; Хазанов А.М., 1976; Куббель Л.Е., 1988; Крадин Н.Н., 1994).

На материале архаических скифов создать "общепризнанную убедительную реконструкцию исторической картины до сих пор не удалось" (Раевский Д.С., 1989, с. 32). Одна из причин – неразработанность нашей методологии. Еще недавно историки, находившиеся в противоречии с концепциями марксистской науки, вынуждены были "подгонять" свои выводы под обязательную формулу, говорить не то, что хотелось бы, а то, что дозволено (Поплинский Ю.К., 1993, с. 17). Сейчас, конечно, положение изменилось и прежнего "пресса" жестких схем нет. Однако остались разногласия в определении критериев и механизма становления государства, а также характеристике его ранних форм (Ашрафян К.З., 1985; В научном совете..., 1988; Возникновение античного государства, 1989; 1990; Голубцова Е.С., 1995).

Изучение социальной структуры не только скифов или номадов вообще, но и всех дофеодальных обществ существенно затрудняется несовершенством понятийного аппарата (трактовкой понятий "власть", "эксплуатация", "раннеклассовое общество" и др.). Хотя в этой области в последнее время и достигнут определенный прогресс, мы разделяем пессимистичный прогноз В.С. Ольховского: "Полной унификации понятийно-терминологического аппарата в ближайшие годы вряд ли следует ожидать" (Ольховский В.С., 1995, с. 89).

Несмотря на эти сложности, обсуждение актуальных проблем скифологии продолжается, о чем свидетельствует, например, последняя дискуссия на страницах журнала "Российская археология" (Периодизация..., 1992; 1993). В целом в настоящее время отмечается буквально взрыв интереса к скифской истории; появилось много новых версий и оценок, при этом разброс мнений весьма полярен. Предлагаемая статья, конечно, не сгладит все разногласия; она представляет собой лишь попытку уточнить наши представления об общественном строе ранних кочевников на примере скифов Северного Кавказа VII–VI вв. до н.э.

Хотя источников, в первую очередь археологических, накопилось уже немало, их все еще недостаточно, поэтому иногда приходится обращаться к синхронным памятникам скифо-сакских племен других регионов.

Описывая племена скифо-сакского круга, античные авторы всегда подчеркивали два момента: что они 1) отважные воины и 2) номады-скотоводы. Еще Аристей отмечал, что исседоны – "многочисленные и очень доблестные воины, богатые конями и стадами овец и быков... они носят косматые волосы и являются самыми лучшими из всех мужей" (Латышев В.В., 1992, с. 46). Примерно так же Геродот характеризовал

© Ф.Х. Гутнов, 1998 г.

архаических скифов, а массагетов – как "племя большое и сильное" (Доватур А.И. и др., 1982, с. 85). Гиппократ назвал скифов "кочевниками", жившими "в кибитках", за которыми следовали "стада овец и коров и табуны лошадей" (Патракова В.Ф., Черноус В.В., 1990, с. 63).

Как видно, в сфере производительной деятельности скифо-сакских племен ведущее место занимало скотоводство. На стабильности хозяйства сказывались экономические изменения, стихийные бедствия и то обстоятельство, что скот как легко отчуждаемое имущество нередко утрачивался в результате вражеских набегов. В конечном итоге, получение прибавочного продукта в скотоводстве кочевников было значительно менее надежно, чем в земледельческом или комплексном земледельческо-скотоводческом хозяйстве (Першиц А.И., 1976, с. 288, 289).

В развитии производительных сил существуют определенные пределы, преодоление которых без технологических инноваций невозможно. В некоторых древних обществах в рамках системы натуральных производительных сил технологические изменения были невелики, а у кочевников скудный набор орудий труда практически не изменился с древности до наших дней (Крадин Н.Н., 1994, с. 64).

Развитие общества номадов связано не столько с изменениями в экономике, сколько с разделением и кооперацией труда. Одним из важнейших факторов классообразования во всем древнем мире являлась война, точнее говоря, специализация и ранжирование военной деятельности, узурпация функций военного управления (Першиц А.И., 1976, с. 293–295; Хазанов А.М., 1979, с. 137–140; Маретина А.И., 1987, с. 161; Куббель Л.Е., 1988, с. 126–129, 143–147; Павленко Ю.В., 1989, с. 87–89). Роль войны и специализация военной деятельности у ираноязычных племен стали значимыми очень рано. Симптоматично, что среди предлагаемых лингвистами этимологий этнонимов sak и skif есть и такие, как "лучшие мужи", "мужчины", "лучники", а в Ригведе sak – "быть сильным, искусным", засвидетельствован как эпитет к слову "муж" (Фрай Р., 1972, с. 69; Кузьмина Е.Е., 1977, с. 77).

Скифские воины обязаны были ходить в поход. Геродот в IV книге несколько раз указывал, что каждый скиф – воин. Такое же представление о скифах характерно и для других античных авторов. Подтверждение этим свидетельствам А.И. Мелюкова находила в археологических материалах Юго-Восточной Европы VII–VI вв. до н.э. В раскопанных курганах находки вооружения в мужских захоронениях – дело обычное (Мелюкова А.И., 1964, с. 82). То же самое наблюдается и в северокавказских скифских могильниках – Уле, Келермессе, Нартане, в Осетии и др. (Махортых С.В., 1991). В нартовском эпосе, ядро которого начало формироваться в скифский период (В.И. Абаев, Ж. Дюмезиль), тема военно-предпринимательских походов присутствует в большинстве циклов и сказаний. Воинские доблести у нартов (как и у скифов) считались высшими, а смерть в походе – самой почетной. Когда один из знатнейших нартов – Урызмаг – одряхлел и перестал ходить в походы, нартовская молодежь перестала его уважать и стала подвергать насмешкам (Осетинское..., 1961, с. 59, 60, 108, 109).

С того момента, как скифо-сакские племена попали в поле зрения античной традиции, древние авторы отмечали имущественное неравенство у номадов и различный статус воинов. Уже Геродот разделял войско массагетов на конных и пеших. Неравенство в бою (ибо конный воин гораздо мобильнее пехотинца) у кочевников очень рано привело к разной доле получаемой добычи. Конный воин получал три доли против одной у пешего (Куббель Л.Е., 1988, с. 146). Не случайно "рядовые" погребения саков весьма бедны сопровождающим инвентарем, а многие лишены его вовсе (Древнейшие государства..., 1985, с. 224). Та же картина наблюдается по материалам скифов Причерноморья и Северного Кавказа (Ильинская В.А., Тереножкин А.И., 1983). Но еще примечательнее указания античных источников на серьезное социальное расслоение скифских общинников. Они подразделялись, видимо, на три категории: 1) обладатели повозок на шести колесах с шестью быками; 2) владельцы "самых маленьких повозок" с четырьмя колесами и четырьмя быками; 3) владельцы "двух волов

и кибитки". Последние составляли категорию скифов, которые "не ездят верхом" (Гиппократ); они находились за той чертой, когда терялись самостоятельность, свобода, начинались зависимость и эксплуатация со стороны имущих (издольная аренда скота, найм, зачатки личной зависимости). У греческого поэта Пиндара, жившего на рубеже VI–V вв. до н.э., сохранились известия о людях, вовсе лишенных жилья, а в схоллиях к его рассказу (Аристофан) говорится, что не имевшие повозки составляли у скифов разряд "бесчестных" или "презираемых" (Степи европейской части СССР..., 1989, с. 123).

Свидетельства письменных источников проверяются при помощи археологических материалов. Захоронения рядов скифов дифференцируются по составу и богатству сопровождающего инвентаря. Как правило, в могилы с ними следовал очень небольшой комплекс предметов. Мужчин сопровождало оружие: колчан со стрелами или один набор стрел обычно входили в их погребальный инвентарь (Яценко И.В., 1959, с. 52). Среди могил рядового населения встречаются одно, два, а то и несколько относительно более богатых погребений мужчин и женщин. Вместе с тем в ряде могильников Юго-Восточной Европы встречаются довольно бедные или совсем безынвентарные комплексы (Степи европейской части СССР..., 1989, с. 58).

Судя по имеющимся источникам, в рассматриваемый период в структуре войска скифов особую роль играли специальные отряды молодых воинов. Проблеме воинского братства (мужских союзов) у древних иранцев посвящена известная работа К.В. Тревер (Тревер К.В., 1947). Молодых воинов, членов мужских союзов, называли "волками", их жестокие обряды были связаны с хтоническим культом. Это отчетливо прослеживается на материале архаических скифов, воевавших в Передней Азии. Интересна информация о скифском вожде Ишпакае, упоминаемом в ассирийских надписях (Дьяконов И.М., 1951) царя Асархаддона (680–669 гг. до н.э.). В 70-х годах VII в. до н.э. Ишпакай вступил в союз с Манной против Ассирии. В союзе с мидийцами скифы разгромили киммерийцев. Полиен, рассказывая об этом событии, утверждал, что киммерийцев разбили при помощи "отважнейших псов". По мнению А.И. Иванчика, это сообщение, в основе которого лежит, вероятно, достоверная информация, имеет явно фольклорный облик. Ученый обратил внимание на распространение в разных местах Малой Азии рассказа об изгнании киммерийцев псами. Таким образом, в фольклоре "отважные псы" заменяют скифов (Иванчик А.И., 1988, с. 38–40; 1993, с. 41–52). В этой связи напомним этимологию имени вождя скифов – Ишпакай, восходящего к spaka – "собака". Собака почиталась священной иранскими народами (Дьяконов И.М., 1956, с. 245, прим. 5), в том числе скифами. Приведенная информация сопоставима с запросом Асархаддона к оракулу Шамаша, в котором говорится о том, что скифы могут выставить "пса воинственно-яростно-бешенного" (Иванчик А.И., 1993, с. 45, 46), может быть имеется в виду Ишпакай?

Следы скифских представлений о воинах как псах-волках сохранились в нартовском эпосе. В некоторых вариантах один из героев эпоса Сауай, подобно римским близнецам, выкармливается волками. Сослан, один из виднейших нартовских героев, стал неуязвимым после того, как выкупался в волчьем молоке. Причем в ряде версий волчиц для этой цели сгоняет и помогает доить прародитель собак Селан (Миллер В., 1881, с. 147; Нарты..., 1989, с. 87–89).

Ряд сказаний свидетельствует о дружбе между нартами и волками. Так, умирающий Сослан предложил волку полакомиться его мясом. Однако волк благородно отказался, вспомнив многочисленные благодеяния, оказанные ему Сосланом. В сказании о "Черной лисице" волки дружески беседуют с обращенным в собаку Урызмагом, а затем последний помогает им опустошить стада своего хозяина (Нарты..., 1989, с. 18–20). Наконец, первопредок правящего рода Ахсаратггатов носил имя Уархаг, что в переводе означает "Волк" (Абаев В.И., 1965, с. 77–80).

Как дети Волка нарты "больше всего любят охоту, войны, набеги и походы за добычей"; относительно характера нартовских походов не приходится заблуждаться: «это были хищнические, "волчьи" походы» (Нарты..., 1989, с. 64).

И в эпосе, и в рассказе Полиена о скифских "отважнейших псах" мы имеем дело с союзами мужчин-воинов. Следы таких союзов находим и на средневековом Северном Кавказе. В "Книге познания мира" (1404 г.) архиепископ Иоанн де Галонифонтибус, описывая "Кавказские или Каспийские горы", среди примечательностей региона указал и то, "что там живут человекособаки – полусобаки и полулюди, которые бегают быстрее, чем олень". Архиепископ, заимствуя данный сюжет у Плано Карпини, писал далее об этих существах: "Они имели во всем человеческий облик, но концы ног у них были, как у ног быков, и голова у них была человеческая, а лицо как у собаки" (Галонифонтибус И., 1980, с. 15, 34). По нашему мнению, и в данном случае мы имеем дело с фольклорным отражением реального бытования мужского союза, поклонявшегося собаке.

Резюмируя изложенное, отметим, что рассказы античной традиции об "отважнейших псах" скифов связаны с общеиндоевропейскими представлениями о мужском союзе, находившемся под покровительством тотема волка (собаки). У скифов, по убеждению специалистов, были особенно развиты представления о молодых членах мужского союза как двуногих волках (псах). Показательно и то, что древняя традиция подвиги скифов в Передней Азии приписывала мобильному отряду воинов без женщин, т.е. настоящему мужскому союзу. Описание аналогичного союза скифских юношей оставил Геродот (IV, 3, Ш, 112).

С мужскими союзами связано и представление о великих воинах, во время битвы впадавших в неистовство, превращаясь в псов-волков. Кажется верной догадка А.И. Иванчика о том, что имя предводителя скифского отряда Ишпакай (от spaka – "собака") – не личное имя, а почетное прозвище главы войска членов мужского союза псов или волков. Возможно, упоминание пса-волка в запросе оракулу Шамаша, о котором говорилось выше, является лишь переводом почетного прозвища Ишпакая.

Очевидно, такие мобильные специальные воинские отряды, обосновавшись на Северном Кавказе, совершали челночные рейды в Переднюю Азию. В этом смысле перспективной представляется версия переднеазиатских походов, развиваемая М.Н. Погребовой и Д.С. Раевским. По их мнению, характер археологических находок на Северном Кавказе "свидетельствует, что этот скифский этнический компонент составляли преимущественно или даже исключительно мужчины-воины, причем ощутима тенденция к сохранению за ними данной социальной функции и в рамках аборигенных коллективов" (Погребова М.Н., Раевский Д.С., 1989, с. 60).

Из мужских союзов постепенно формировалась особая прослойка воинов-профессионалов, для которых походы и грабежи давали главный, а затем и единственный источник существования. Эти воины, группируясь вокруг военного вождя, известного своими удачами, создавали внутри племени относительно автономную военную силу, на которую в случае необходимости этот вождь мог опереться в противовес соплеменникам.

Мужские союзы не только у ираноязычных племен, но и у других народов являлись важным фактором институализации власти. Конечно, взаимоотношения мужских союзов и формальных вождей бывали различными, но в целом прослеживается тенденция к постепенному превращению союзов в реальную власть, как это было у населения п-ова Газели, некоторых африканских племен, тех же скифов и т.д. (Куббель Л.Е., 1988, с. 143–148, 152; История первобытного общества, 1988, с. 240, 241; Бочаров В.В., 1993, с. 241, 242). Здесь же отметим гипотезу Г.Н. Курочкина, по словам которого исследованный В.Г. Петренко кург. 1 у хутора "Красное Знамя" "очень соблазнительно" (по находке остатков ассирийской колесницы) связать с Партатуа, как известно, сватавшегося к дочери царя Ассирии Асархаддона (Курочкин Г.Н., 1994, с. 120). Но это лишь гипотеза и только.

Элитные могильники архаических скифов Северного Кавказа дают наглядный материал по структуре военной организации номадов. К числу признаков элитных погребений относят наличие курганной насыпи, сооружение которой связано со значительными трудовыми затратами, сложность внутреннего устройства могилы, богатст-

во сопровождающего инвентаря, заключавшегося не столько в количестве предметов, сколько в их уникальности и престижности, наличие повозок (колесниц) или останков лошадей, инсигний власти, проявление профессиональной (сословной) принадлежности погребенного. Выделены критерии социологической интерпретации неординарных погребальных сооружений ранних кочевников. Археологи вслед за К.А. Акишевым курганы диаметром 50–105 и высотой 8–17 м считают "царскими"; курганы диаметром 30–45 и высотой 5–6 м – принадлежавшими знати; курганы диаметром 6–18 и высотой 1–2 м – принадлежавшими рядовым воинам (Акишев К.А., Кушаев Г.А., 1963; Ставиский Б.Я., 1966, с. 103). В.М. Массон, учитывая ограбление могил охотниками за сокровищами, критерий трудовых затрат как отражающий организационный и престижный потенциал погребенного предложил считать "наиболее реальным в практике интерпретации данных археологии". В то же время он напоминает, что раннекочевнические образования не были обществами строгой социальной кодификации (Массон В.М., 1994, с. 46).

Со времени выхода работ М.И. Ростовцева, посвященных скифам, в науке твердо установилось мнение о скифской принадлежности курганов: станиц Келермесской и Костромской, Воронежа, Уля и др., а по времени они (в широком диапазоне) относятся к периоду переднеазиатских походов скифов (Ростовцев М.И., 1918, с. 34; 1925, с. 310; Петренко В.Г., 1994, с. 15, 16). Особо следует выделить Келермесские элитные курганы, так как они дают наиболее полную картину о захоронениях аристократии архаических скифов. В.М. Массон различает могилы: 1) рядовых воинов, 2) состоятельных скифов и 3) знати; в последней группе выделяются еще "царские" курганы (Массон В.М., 1976, с. 174–176).

В кург. 1, 3 и 4 Келермесса обнаружено немало уникальных золотых предметов, элементов защитного доспеха, разнообразное оружие и т.д. (Ильинская В.А., Тереножкин А.И., 1983, с. 58–72; Галанина Л.К., 1994а, с. 101–105).

Согласно анализу М.И. Ростовцева, кубанские погребения скифских "царей" значительно сложнее описанного Геродотом. Покойника привозили на катафалке; в жертву приносилось огромное количество лошадей. Погребались "цари кубанских скифов в полном вооружении, в богатой одежде, с большим количеством драгоценной утвари". Заметную роль играли медные котлы, о которых говорил еще Геродот, с кусками туш жертвенных животных и большие греческие глиняные амфоры, вероятно, наполненные греческим вином (Ростовцев М.И., 1918, с. 63, 64).

Одни современные исследователи, развивая идею М.И. Ростовцева, склонны отождествлять богатые курганы Кубани с геродотовым скифским Герросом – "царским" некрополем (Кузнецова Т.М., 1992, с. 48–50), другие отрицают это (Галанина Л.К., 1994б, с. 79, 80). Но в любом случае эти памятники – элитные курганы.

Из других погребений скифской знати примечателен 15-метровый курган в Уле. На глубине 5,5 м находилась платформа с останками около 50 лошадей. Чуть глубже – шатрообразная конструкция, вокруг которой лежали скелеты 360 (!) лошадей. Здесь же – богатый сопровождающий инвентарь. Отметим находку в Костромской богато украшенного щита, принадлежавшего, вероятно, скифскому вождю, а также находки остатков колесниц и костяка в тяжелом железном панцире в Елизаветинских курганах (Смирнов А.П., 1966, с. 76–78; Markowin W.I., Muntschajew R.M., 1988, S. 86).

Выразительным памятником является Краснознаменский курганный могильник на Ставрополье, состоящий из девяти захоронений военной аристократии. Кург. 1 В.Г. Петренко считает возможным причислить к разряду "царских". Его высота изначально достигала 15 м, диаметр 70 м, окружавший ров был 25-метровой ширины и 3,5 м глубины. К разряду захоронений высшей аристократии относятся курган 1984 г. на окраине Ставрополя и кург. 2 группы II у с. Новозаведенное. В этом же районе исследованы варианты менее богатых воинских захоронений VII–VI вв. до н.э. Высота насыпей доходила до 4,5 м, что свидетельствует о высоком социальном статусе погребенных, так как сооружение таких курганов требовало затрат труда значительного числа людей (Степи европейской части СССР..., 1989, с. 217, 218).

Из археологических находок последних лет выделим результаты раскопок В.М. Батчаева (Батчаев В.М., 1985, с. 7–115) у Нартана – селения, расположенного на Центральном Кавказе у лесистых гор Передового хребта, где раскопано 24 кургана. Доминирующей тенденцией погребального обряда являются погребение в огромных камерах, наличие конских скелетов со сбруей, оружия, керамики и жертвенной пищи, представленной костями крупного и мелкого рогатого скота, а в кург. 15 – скелетом молодого бычка. Следы конских захоронений не обнаружены лишь в кург. 6, 7, 9, 17, 21. М.П. Грязнов (Грязнов М.П., 1980, с. 49, 50) конские захоронения в богатых курганах скифской знати считал приношениями соплеменников или подчиненных общественных структур своему владыке (вождю). Исходя из этого, пять перечисленных выше курганов Нартана следует рассматривать не как нарушение традиции, а как отражение относительно невысокого статуса и имущественного положения погребенных. Пожалуй, под такое объяснение не попадает только кург. 9 с его богатым инвентарем: каменная плитка-жертвенник, разнообразная керамика, украшения из золота и бронзы, золотые орнаментированные пластины, многочисленные наконечники стрел, железный наконечник копья, маленький столик на трех ножках (ср.: осетин, "фынг"), 60 раковин каури и т.д.

В целом погребенных в Нартановских курганах В.М. Батчаев справедливо относит "к привилегированной прослойке общества". На наш взгляд, их можно отнести к военно-служилой знати, дружинникам. Причем, судя по нартановским материалам, в среде скифской военной аристократии уже имела место дифференциация – достаточно сопоставить комплексы 9 и 10 или 20 и 21 (Батчаев В.М., 1985, с. 27–30, 42, 43, 45).

В социальном плане очень интересен кург. 16, хотя он оказался почти полностью разграбленным. Его выделяют самые крупные размеры, сложность погребального ритуала, посвящение усопшему нескольких коней, расположение камня-стелы на вершине насыпи (в отличие от кург. 11, 17, 20, где они были скрыты под курганной насыпью), что также подчеркивает особый социальный статус покойного. Здесь же обнаружены остатки железного пластинчатого панциря и железного меча, которые традиционно рассматриваются в качестве атрибутов власти (Батчаев В.М., 1985, с. 45). Рукоятка одного из мечей и ножны имели золотую обкладку из тонкого листа. Можно предположить, что в кург. 16 погребен дружинный вождь; кург. 9 и 20 по размерам и богатству инвентаря также можно отнести к захоронениям вождей.

Вероятно, скифскому вождю принадлежит одно из погребений в Тли. Во всяком случае с приходом скифов связывается начало конских жертвоприношений на Кавказе. Показателен фрагмент композиции богато орнаментированного пояса из погребения 350 Тлийского могильника с изображением колесницы, запряженной двумя лошадьми, а колеса повозки имитируют эмблему солнца (Техов Б.В., 1993, с. 9, 10).

Наратановские находки кардинально меняют устоявшиеся представления о месте и роли тяжелой (панцирной) конницы (дружины) в структуре войска ранних скифов. Со времен Геродота, назвавшего скифов превосходными стрелками, бытовало мнение, что их основное оружие – лук и стрелы. Археологические материалы вроде бы говорили об этом же, так как во многих мужских (а после раскопок А.И. Тереножкина и в женских) обнаружены наконечники стрел. Вплоть до недавнего времени не признавалось наличие у скифов эффективного оружия ближнего боя. Акинак – короткий меч (длиной 40–60 см) для этой цели явно не пригоден, длинных рубящих мечей было известно мало, значение короткого копья недооценивалось, а использование длинных копий отрицалось.

Начнем с длинных мечей. Только в ходе последних раскопок в Кабардино-Балкарии их обнаружено несколько; и не только в Нартане, но и, например, у селения Лечинкай Чегемского р-на (Батчаев В.М., 1985, с. 15). Вообще же, по данным А.И. Мелюковой, такие мечи у скифов составляли ≈ 15% найденных (Мелюкова А.И., 1964, с. 46, 47); при этом мечи длиной до 1 м и более встречались редко, а самые ранние экземпляры (VII в. до н.э.) происходят с Северного Кавказа (Степи европейской части СССР..., 1989, с. 93). Очевидно, надо согласиться с А.М. Хазановым: длинные мечи у

скифов не стали ведущим оружием и встречаются преимущественно в погребениях аристократов (Хазанов А.М., 1971, с. 69). В этой связи напомним, что наиболее архаичные мечи в ножнах с золотой обкладкой были парадными; их поразительное сходство объясняется производством в одной и той же мастерской, хотя один найден в Келермессе на Северном Кавказе, а другой – в Мельгуновском кургане Северного Причерноморья (Черненко Е.В., 1980). Это еще раз свидетельствует о принадлежности мечей элите скифского общества.

Другой вид наступательного вооружения скифов – копья длиной, как правило, 1,7–2,2 м. Но еще у ранних скифов появились копья длиной 2,5–3,1 м. Е.В. Черненко называет их "штурмовыми" по аналогии с копьями тяжеловооруженных сарматских воинов, изображенных на стенах боспорских склепов. Им можно было достать как конного, так и пешего воина. В Нартановском могильнике обнаружено 10 наконечников копий; В.М. Батчаев по наконечнику и сохранившимся деталям одного из них восстановил возможную длину копья – 2,75 м (Батчаев В.М., 1985, с. 20). Наконечники копий обнаружены в скифских древностях у с. Дзинага Северной Осетии (Тменов В.Х., 1980, с. 28).

Из предметов защитного доспеха ранних скифов реже всего встречается щит. В архаических материалах Северного Кавказа их крайне мало, но они интересны. Вспомним щит со знаменитой золотой "пантерой" из Келермесского кург. 1. В Костромском кургане VI в. до н.э. на Северном Кавказе обнаружен круглый щит, покрытый сплошной железной пластиной; в центре укреплена эмблема – золотой олень. Из более поздних находок отметим щит из железных пластин, найденный в кургане IV в. до н.э. у г. Владикавказа; на нем укреплена массивная бронзовая рыба (Степи европейской части СССР..., 1989, с. 94). Редкие находки щитов объясняются не ограниченным их использованием, а плохой сохранностью дерева, из которого чаще всего они изготовлялись (Е.В. Черненко).

Представители скифской военной аристократии имели и более основательное защитное вооружение – кожаные панцири с пластинчатым набором (железным, бронзовым, костяным). Т. Сулимирский связывал появление данного вида защитного доспеха на юге России в VII–VI вв. до н.э. со скифами. Первые панцири, по его мнению, изготовлялись из бронзовых пластин; постепенно они дополнялись широкими боевыми ремнями, сделанными либо из маленьких железных или бронзовых пластинок, либо из длинных узких полосок, нашитых на кожу, и латами из толстой кожи (Сулимирский Т., 1970, с. 18). Наиболее ранняя северокавказская находка остатков панциря из кург. 9 у хутора Красное Знамя датируется VII в. до н.э. (Степи европейской части СССР..., 1989, с. 94). В Нартановском могильнике обнаружены остатки пяти панцирей: двух из железных пластин, двух из бронзовых и железных, одного из костяных.

На основании новых находок В.Р. Эрлих (Эрлих В.Р., 1994, с. 84–86, 119–122) недавно пересмотрел традиционную дату появления наборных чешуйчатых панцирей и поясов на юго-востоке Европы – VI в. до н.э. – и согласился с мнением В.И. Козенковой об их появлении на Северном Кавказе в новочеркасское время (с рубежа VIII–VII вв. до н.э.).

Шлемы, кажется, не являлись обязательными даже для самых знатных и богатых скифов. На это указывает, например, отсутствие шлема в Чертомлыке – одном из самых богатых курганов, если, правда, он не был оттуда похищен. Данный вид защитного доспеха скифам известен еще в VII в. до н.э. Поскольку большинство находок шлемов сделано в Прикубанье, основным местом их производства считается Северный Кавказ (Степи европейской части СССР..., 1989, с. 95).

Интересен бронзовый шлем из Фаскау Северной Осетии, найденный П.С. Уваровой. Последняя находка такого рода – бронзовый шлем из Нартана полусферической формы, с вырезом для глаз в виде двойной арки. Вдоль нижнего края шлема по окружности – девять отверстий для прикрепления кожаной бармицы (Батчаев В.М., 1985, с. 40, 41).

Изложенное позволяет присоединиться к мнению Е.В. Черненко: у скифов Север-

ного Кавказа еще в VI в. до н.э. "появилась сильная конница, способная успешно сражаться в открытом бою с конным и пешим противником" (Черненко Е.В., 1971, с. 38). Возможно (в свете последних изысканий В.И. Козенковой и В.Р. Эрлиха), эту дату можно удревнить до рубежа VIII–VII вв. до н.э.

Таким образом, у скифов Северного Кавказа в период переднеазиатских походов оформилась панцирная конница – дружина, внутри которой существовала определенная иерархия.

Позиции военной аристократии характеризуют тот факт, что главное оружие военной аристократии – меч – стал символом бога войны Ареса (Бессонова С.С., 1983, с. 23). В этой связи привлекает внимание большой курган Синташты в Азии, определяемый археологами, как погребальный комплекс, при сооружении которого каждый ярус камеры-клетки на $^3/_4$ заполнялся камышом, что напоминает описанную Геродотом (со слов информаторов) технологию возведения "в каждой области скифов святилища Ареса", на вершине которого водружался железный меч.

Из высшего слоя военной аристократии происходили "цари" скифов. Согласно Геродоту (I, 103, 205), скифских воинов в Азии после смерти Прототия (Партатуа) возглавил сын последнего – "царь" Мадий, "царицей" массагетов в период вторжения Кира – была Томирис, наследовавшая власть "после смерти (своего) мужа". Она не только управляла массагетами, но и возглавила войско в войне с персами. Ктесий писал о "царе скифов Скифарбе" (Латышев В.В., 1992, с. 115) и "царице" саков Зарине.

Приведенные свидетельства не следует понимать буквально, а термин "царь" трактовать в позднейшем его смысле. Перевод латинского rex как "царь" не всегда оправдан. Т. Бернс и Я. Харматта, анализируя источники, пришли к выводу, что термин rex с древних времен до падения империи римляне "употребляли для обозначения постоянных вождей варварских народов" (Ермолова И.Е., 1984, с. 234). Добавим к этому, что в архаичный период античные авторы о "царях" скифо-сакских племен говорят во множественном числе даже в рамках одного социума. Вспомним, например, совет трех "царей" саков и аналогичный совет трех "царей" скифов во время походов Кира и Дария.

О статусе верховного правителя саков можно судить по Бехистунской надписи, где глава Скунха обозначен термином, который Б.А. Тураев переводил как "вождь" (Латышев В.В., 1992, с. 25), В.В. Струве – как "наибольший" (Струве В.В., 1946, с. 231), а американский исследователь Г. Камерон – как "предводитель" (Ставиский Б.Я., 1966, с. 97). В рельефе с племенными "царями" антидариевских сил Скунха обозначен просто "сак". Конечно, он был не простым саком; его имя Skunh – "герой, человек, прославленный каким-либо подвигом" (Абаев В.И., 1949, с. 38) – указывает на связь с военной аристократией.

Для стадиально-типологической характеристики скифов Северного Кавказа, как и ранних скифо-сакских племен в целом, важна не только структура их этносоциальных организмов, но и характер отношений между сословными группами соплеменников. Древние авторы, называя саков и массагетов "богатыми конями и стадами овец и быков" (Латышев В.В., 1992, с. 46), вместе с тем отмечают у них обедневших и совсем неимущих. У европейских скифов Гиппократ различал "богачей", "самых благородных", с одной стороны, и "бедных людей", которые "не ездят верхом", "людей самого низкого происхождения" – с другой (Патракова В.Ф., Черноус В.В., 1990, с. 63, 65, 66).

Обедневшая и неимущая часть номадов, вероятно, подвергалась завуалированной эксплуатации со стороны знати. Одним из каналов формирования эксплуататорских отношений среди соплеменников являлся услугообмен. Обедневший или неимущий человек, обращаясь за помощью к богатому или сильному лицу, со временем оказывался включенным в сеть неравного услугообмена, когда "патрон" получал большую выгоду, нежели "клиент", получавший помощь. В условиях кочевого скотоводства распространение получила издольная аренда скота (саун), прикрываемая традициями взаимопомощи.

Таким образом, общество архаических скифов имело сложную структуру с ведущей ролью военной аристократии, которая в свою очередь также была неоднородной. Важным источником существования элиты являлись военная добыча и дань. Обедневшая и неимущая часть соплеменников уже подвергалась завуалированной эксплуатации со стороны знати. Наиболее точной стадиально-типологической характеристикой такого социума представляется определение "стратифицированное общество", если пользоваться терминологией М. Фрида (Куббель Л.Е., 1988, с. 101; История первобытного общества..., 1988, с. 235), или "позднепотестарное", по терминологии Л.Е. Куббеля (Куббель Л.Е., 1988, с. 57, 58) = "вождество" (чифдом). Вождество подробно проанализировано Л.С. Васильевым (Васильев Л.С., 1983, с. 32–40). С поправками Л.Е. Куббеля (Куббель Л.Е., 1988, с. 153–156) под "чифдомом" понимается основанная на нормах генеалогического родства, знакомая с социальным и имущественным неравенством, разделением труда и обменом деятельностью, с имевшей тенденцию к сакрализации властью позднепотестарная структура, главной функцией которой являлась административно-экономическая, отражавшая объективные потребности усложнявшегося коллектива. Чифдом являл собой тот этап, на котором правитель из слуги общества начинал становиться его господином.

В последнее время предприняты попытки модернизации социальной истории архаических номадов. Например, В.М. Массон призывает отвлечься от «примитивной бинарности "эксплуататоров" и "эксплуатируемых"», считая, что древние номады стояли на одной социологической ступени "с государствами зоны городских цивилизаций" (Массон В.М., 1994, с. 6, 7).

Для решения данного вопроса необходимо выделить критерии различий между вождеством и ранним государством. Наиболее аргументированной представляется позиция Л.Е. Куббеля, по убеждению которого о завершении политогенеза позволяет говорить только *совокупность* трех обстоятельств: 1) формирование системы налогообложения; 2) появление отделенной от основной массы народа публичной власти, располагавшей специализированным аппаратом внутреннего подавления; 3) переход к территориальному разделению народа вместо родоплеменного (История первобытного общества..., 1988, с. 244–247).

Исходя из этих критериев, общество скифов Северного Кавказа VII–VI вв. до н.э., как и древних ираноязычных кочевников Евразии вообще, следует считать не раннеклассовым, а стратифицированным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абаев В.И., 1949. Осетинский язык и фольклор. М.; Л.

Абаев В.И., 1965. Скифо-европейские изоглассы. М.

Акишев К.А., Кушаев Г.А., 1963. Древняя история саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата.

Ашрафян К.З., 1985. Всесоюз. конф. "Государство в докапиталистических обществах Азии" // НАА. № 3.

Батчаев В.М., 1985. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик.

Бессонова С.С., 1983. Религиозные представления скифов. Киев.

Бочаров В.В., 1993. К динамике потестарно-политических процессов в Восточной Африке // Ранние формы социальной стратификации. М.

Васильев Л.С., 1983. Проблема генезиса китайского государства. М.

В научном совете "Закономерности исторического развития и смены общественно-экономических формаций", 1988 // СВ. Вып. 51.

Возникновение античного государства, 1989 // ВДИ. № 1–4.

Возникновение античного государства, 1990 // ВДИ. № 1–4.

Галанина Л.К., 1994а. К проблеме хронологии келермесских курганов // РА. № 1.

Галанина Л.К., 1994б. О критерии выделения "царских" курганов раннескифской эпохи // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб.

Галонифонтибус И., 1980. Сведения о народах Кавказа (1404 г.). Баку.
Голубцова Е.С., 1995. Конф. российской ассоциации антиковедов "Формации и цивилизации" // ВДИ. № 3.
Грязнов М.П., 1980. Аржан – царский курган раннескифского времени. Л.
Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова А.И., 1982. Народы нашей страны в "Истории" Геродота. М.
Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии, 1985. М.
Дьяконов И.М., 1951. Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту // ВДИ. № 3.
Дьяконов И.М., 1956. История Мидии. М.; Л.
Ермолова И.Е., 1984. Общественный строй гуннов последней четверти IV – начала V в. // Древнейшие государства на территории СССР. М.
Иванчик А.И., 1988. Воины-псы. Мужские союзы и скифские вторжения в Переднюю Азию // СА. № 5.
Иванчик А.И., 1993. К истолкованию сообщения Полиена о киммерийцах // Кавказ и цивилизации Востока в древности и средневековье. Владикавказ.
Ильинская В.А., Тереножкин А.И., 1983. Скифия VII–IV вв. до н.э. Киев.
История первобытного общества. Эпоха классообразования, 1988. М.
Крадин Н.Н., 1994. Кочевые общества в контексте социальной эволюции // ЭО. № 1.
Куббель Л.Е., 1988. Очерки потестарно-политической этнографии. М.
Кузнецова Т.М., 1992. Памятники бассейна Кубани в контексте скифской археологии // XVII "Крупновские чтения". Майкоп.
Кузьмина Е.Е., 1977. В стране Кавааты и Афрасиаба. М.
Курочкин Г.Н., 1994. Хронология переднеазиатских походов скифов по письменным и археологическим данным // РА. № 1.
Латышев В.В., 1992. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. 1. СПб.
Маретина А.И., 1987. Социальная стратификация и становление государства // От доклассовых обществ к раннеклассовым. М.
Массон В.М., 1976. Экономика и социальный строй древних обществ. Л.
Массон В.М., 1994. Развитие элитарных структур как прогрессивный феномен скифской эпохи // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб.
Махортых С.В., 1991. Скифы Северного Кавказа. Киев.
Мелюкова А.И., 1964. Вооружение скифов. М.
Миллер В., 1881. Осетинские этюды. Ч. 1. М.
Нарты. Осетинский героический эпос, 1989. Кн. 2. М.
Ольховский В.С., 1995. Погребальная обрядность и социологическая реконструкция // РА. № 2.
Осетинское народное творчество, 1961. Т. 1. Орджоникидзе.
Павленко Ю.В., 1989. Раннеклассовые общества. Киев.
Патракова В.Ф., Черноус В.В., 1990. Кавказ и Дон в произведениях античных авторов. Ростов-на-Дону.
Периодизация скифской архаики и Древний Восток, 1992 // РА. № 3.
Периодизация скифской архаики и Древний Восток, 1993 // РА. № 2.
Першиц А.И., 1976. Некоторые особенности классообразования и раннеклассовых отношений у кочевников-скотоводов // Становление классов и государства. М.
Петренко В.Г., 1994. Центральное Предкавказье в VII–VI вв. до н.э. и его связи с Передним Востоком // Международное сотрудничество археологов на великих торговых и культурных путях древности. Кисловодск.
Погребова М.Н., Раевский Д.С., 1989. К вопросу об "отложившихся скифах" // ВДИ. № 1.
Поплинский Ю.К., 1993. Лев Куббель: историк, этнолог, источниковед, человек // Ранние формы социальной стратификации. М.
Раевский Д.С., 1989. О культурно-исторических последствиях скифских походов через Кавказ // Кавказ и цивилизации Древнего Востока. Орджоникидзе.
Ростовцев М.И., 1918. Эллинство и иранство на юге России. Пг.
Ростовцев М.И., 1925. Скифия и Боспор. Л.
Смирнов А.П., 1966. Скифы. М.

Ставиский Б.Я., 1966. Между Памиром и Каспием. М.
Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время, 1989. М.
Струве В.В., 1946. Поход Дария I на саков-массагетов // Изв. АН СССР. Т. III. Вып. 3. М.
Сулимирский Т., 1970. Сарматы. Нью-Йорк; Вашингтон / Пер. с англ. В. Огоева. Архив СОИГИ. Ф. 6. Д. 167.
Техов Б.В., 1993. Осетины. Древний народ Кавказа. Цхинвали.
Тменов В.Х., 1980. Новые археологические памятники на территории Северной Осетии // Вопросы осетинской археологии и этнографии. Орджоникидзе.
Тревер К.В., 1947. Древиранский термин "parna" // Изв. АН СССР. Т. IV. М.
Фрай Р., 1972. Наследие Ирана. М.
Хазанов А.М., 1971. Очерки военного дела сарматов. М.
Хазанов А.М., 1976. Роль рабства в процессах классообразования у кочевников евразийских степей // Становление классов и государства. М.
Хазанов А.М., 1979. Классообразование: факторы и механизмы // Исследования по общей этнографии. М.
Черненко Е.В., 1971. О времени и месте появления тяжелой конницы в степях Европы // Проблемы скифской археологии. М.
Черненко Е.В., 1980. Древнейшие скифские парадные мечи: Мельгунов и Келермесс // Скифия и Кавказ. Киев.
Эрлих В.Р., 1994. У истоков раннескифского комплекса. М.
Яценко И.В., 1959. Скифия VII–V вв. до н.э. // Труды ГИМ. Вып. 51. М.
Markowin W.I., Muntschajew R.M., 1988. Kunst und Kultur im Nord-kaukasus. Leipzig.

Североосетинский институт истории и археологии,
Владикавказ

F.H. GUTNOV

SOCIAL HISTORY OF THE NORTH CAUCASUS SCYTHIANS

Summary

The paper is devoted to problems related to the social and historical development of the North Caucasus Scythians during the Archaic Age (7th-6th centuries BC). The author comes to the conclusion that archaic Scythian society had a complex structure, with military aristocracy playing a leading part. Military trophies and contributions were a significant source of existence for the latter. Deprived and impoverished part of the population was exploited by the nobility, the exploitation being in the form of mutual assistance traditions. A number of scholars define such society as a "stratified", "late potestar" society, or "chiefdom". After analyzing differences between chiefdom and the early state the author comes to the conclusion that society of the North Caucasus Scythians of the 7th-6th centuries BC as the society of the early Iranian-speaking nomads of Eurasia in general should be considered stratified rather than an early class society.

А.В. БУЙСКИХ

ЕЩЕ РАЗ О ХЕРСОНЕССКОМ ГЕКАТОРЮГЕ

Среди многочисленных и разнообразных задач, связанных с изучением истории строительной деятельности греков в Северном Причерноморье, одними из наименее разработанных являются проблемы строительной метрологии, распространения и использования стандартов линейных мер. Всестороннее изучение их помогает полнее осветить различные аспекты применения античной строительной практики в регионе, проследить взаимосвязь с конкретными строительными приемами и традициями метрополии. В этом плане значительный интерес представляют градостроительные памятники Херсонеса – города и особенно его хоры, неоднократно становившиеся предметом специальных метрологических исследований. Среди последних особенное внимание привлекает проблема, имеющая почти столетнюю историю изучения и обширную историографию. Речь идет о гекаторюге, гапаксном термине, дважды употребленном в известной надписи об аренде земельных участков на хоре Херсонеса (IOSPE, 1^2, N 403). Кратко история изучения этого вопроса выглядит следующим образом.

Ф.Ф. Соколов (1902; 1903); мера площади – гекаторюг, "нечто вроде hextare", содержал 10000 квадратных локтей; Б. Кайль (1903): мера площади – гекаторюг, содержал 100 квадратных оргий; В.В. Латышев (1910): присоединился к мнению Б. Кайля; В.Д. Блаватский (1953): мера площади – гекаторюг, равен 100 квадратным оргиям. В.Д. Блаватский первый высказал мысль, что в Херсонесе была в ходу и обычная эллинская мера площади – плетр; С.Ф. Стрежелецкий (1961): мера площади – гекаторюг, равен 100 квадратным оргиям; Г.М. Николаенко (1983; 1985): мера площади – гекаторюг, содержал 100 оргий в квадрате, единица площади – плетр; Э.И. Соломоник, Г.М. Николаенко (1990): мера площади – гекаторюг, единица площади – плетр; Ю.Г. Виноградов, А.Н. Щеглов (1990): мера площади – плетр, гекаторюг – одна из категорий земель на хоре Херсонеса; А.Н. Щеглов (1993) – мера площади – плетр; В.М. Зубарь (1993): мера площади – плетр; С.Ю. Сапрыкин (1994): мера площади – плетр.

Как видно, если первоначально единственной мерой площади считался гекаторюг, то результатом исследования В.Д. Блаватского явилось установление двойной меры – гекаторюга и плетра (Блаватский В.Д., 1961, с. 33). Г.М. Николаенко назвала первый из них "мерой площади", а второй – "единицей площади" (Николаенко Г.М., 1983, с. 17). На уязвимость этого утверждения – невозможность использования двух разных мер площади в одном полисе – справедливо обратили внимание в критике такого подхода Ю.Г. Виноградов и А.Н. Щеглов. Авторы отметили, что, если «наделы в Херсонесе исчислялись в целых "гекаторюгах" и их долях, то незачем было применять соответствующие цифровые обозначения, основанные на другой единице измерения – плетре» (Виноградов Ю.Г., Щеглов А.Н., 1990, с. 367). В результате ими была предложена новая оригинальная трактовка рассматриваемого термина как одной из категорий земель, что и было принято в ряде последовавших затем работ.

Присоединяясь к критике Ю.Г. Виноградова и А.Н. Щеглова о невозможности параллельного существования двух мер площади в землемерной практике полиса, нам, однако, представляется, что указывать в надписи цифры в плетрах не имело смысла по иной причине. Плетрами земельные участки на хоре Херсонеса попросту *не*

© А.В. Буйских, 1998 г.

измеряли. Меряли их конкретными, поддающимися подсчету единицами, о чем свидетельствует их итог, приведенный в заключительной части кадастра (IOSPE, 1^2, № 403, B 18). Следовательно, этот термин применялся к конкретным участкам, подлежащим учету, а не к некоей абстрактной территории, пусть и обработанной с применением специальных агротехнических методов. Доказательству этого положения и посвящено дальнейшее изложение.

Нам представляется, что, учитывая уровень изученности указанного вопроса и отсутствие каких-либо новых фактических данных (прежде всего, эпиграфических документов) в настоящее время, решать его необходимо с применением несколько иных методических подходов. И в этом отношении возможности метрологии еще далеко не исчерпаны. Прежде всего необходимо вспомнить еще раз, в каких единицах вообще велся подсчет площадей в античном мире. Затем – строго разграничить два принципиально разных понятия – "площадь" и "величина", что обычно игнорировалось, более того, часто путалось в работах, так или иначе касающихся этого вопроса. Кроме того, никто из предыдущих исследователей, говоривших об использовании тех или иных мер площади при разбивке земельных участков на хоре Херсонеса, не обращал внимание на то, что в конечном результате получалось искусственное объединение двух различных систем линейных мер и, следовательно, принципов вычисления площадей – египетской и аттической.

Прежде чем выяснить, как измеряли херсониты земельные участки, уточним, какие единицы измерения (и стандарты линейных мер в том числе) были известны грекам для измерения площадей. В известном пассаже Геродота прямо говорится, что землемерному искусству (геометрии) греки научились у египтян, занимавшихся постоянными измерениями земельных участков, поврежденных разливами Нила (Herod., II, 109). Аналогичная реплика содержится у Страбона (Strab., XVII, 1, 3), позднее передана Проклом в "Комментариях" к Евклиду (Procli. Comment., 64). У Геродота сохранилось и наиболее раннее упоминание об аруре – египетской мере площади, принципе ее образования – 100×100 египетских локтей (Herod., II, 169). Следовательно, на протяжении всей античной эпохи, по крайней мере с V в. до н.э. по V в. н.э. греки помнили о египетском принципе измерения площадей земельных участков и, как будет показано ниже, отличали его от аналогичного греческого.

Принципиально иначе обстоит дело с определением величины конкретных объектов – "скифского четырехугольника" у Геродота (Herod., IV, 101), "земного круга" и различных географических объектов у Страбона (Strab., II, V. 4; 20–27) и Полибия (Polyb., I, 56, 4; II, 14, 8–12; IV, 39, 2–3, 64–65), многочисленных сооружений – храмов, жертвенников, памятников, статуй и пр. у Павсания (Paus., V, XII, 5), а также других авторов. Размеры всех без исключения объектов даны по *окружностям* или *периметрам* с указанием длины и ширины. Отсюда ясно различие между принципами вычисления площадей и определения физических размеров объектов.

В этой связи необходимо также пересмотреть одно весьма давнее положение В.Д. Блаватского, которое переходит из работы в работу, посвященную проблемам размежевки уже не только Гераклейского п-ова (Николаенко Г.М., 1985, с. 12; Соломоник Э.И., Николаенко Г.М., 1990, с. 86), но и сельскохозяйственных территорий на Боспоре (Масленников А.А., Безрученко И.М., 1991, с. 41). Имеется в виду указание В.Д. Блаватского на то, что "одно свидетельство Страбона косвенным образом позволяет заключить, что на Боспоре и в Херсонесе была в ходу обычная эллинская мера площади – плефр, равный примерно 950 $м^2$" (Блаватский В.Д., 1961, с. 33). Следует отметить, что В.Д. Блаватский ссылался на Страбона (VII, 4, 6), хотя в этом отрывке плетр не упомянут вообще, Г.М. Николаенко поправила ссылку на (Strab., VII, 3, 19), где действительно упомянут плетр при описании Северного Понта (Николаенко Г.М., 1985, с. 12, 13).

Что касается подсчитанной в свое время В.Д. Блаватским меры площади, основанной на аттическом футе в 30,8 см, то в настоящее время этому априорному

предположению противоречит обширная источниковая база, прежде всего многочисленные натурные обмены клеров и метрологические наблюдения С.Ф. Стрежелецкого (1961, с. 52, 163 сл.), А.Н. Щеглова (1978, с. 89, 101), Е.Н. Жеребцова (1981, с. 26) и Г.М. Николаенко (1985, с. 13). Поэтому, видимо, не случайно в последней работе Э.И. Соломоник и Г.М. Николаенко ссылаются уже не на В.Д. Блаватского, а непосредственно на первоисточник: "У Страбона (VII, 3, 19) имеется упоминание о применении в Северном Причерноморье меры площади – плетра, но без указания его величины" (Соломоник Э.И., Николаенко Г.М., 1990, с. 86). Однако в указанном отрывке у Страбона, во-первых, речь идет об Ахилловом дроме, расположенном, как известно, в территориальных владениях Ольвийского полиса, а во-вторых, определены его общие габариты в линейных мерах – "длиной почти в 1000 стадий; наибольшая ширина... 2 стадии, а наименьшая – 4 плефра" (Strab., VII, 3, 19). В данном контексте, как и во всем труде Страбона, плетр обозначает линейную меру длины, а не меру площади.

Метрологические исследования, проведенные Г.М. Николаенко, позволили окончательно установить модуль и, что особенно важно, его стандарт, с учетом которого велась размежевка участков как в пределах Гераклейского п-ова, включая Маячный, так и в пределах территориальных владений Херсонеса в Северо-Западном Крыму. Этим модулем был участок, размерами 52,5×52,5 м (100×100 египетских локтей) (Николаенко Г.М., 1985, с. 14). Необходимо отметить, что Г.М. Николаенко, ближе всех подошедшая к решению данной проблемы, первой обратила внимание и на равенство этого модуля египетской аруре. Она также вполне справедливо воздержалась от их терминологической идентификации – измерять участки на Гераклее в арурах, обосновав это тем, что "греки при образовании той или иной системы мер могли заимствовать величину меры, но принцип образования оставался греческим" (Николаенко Г.М., 1985, с. 15, прим. 5). Однако то, что греки знали и заимствовали у египтян не только линейный стандарт (фут и локоть, названные ими также самосскими), но и принцип вычисления площади квадрата по египетскому образцу, свидетельствовал еще Геродот.

Общепринятой же греческой мерой площади был плетр (100×100 футов). По крайней мере в нарративных источниках плетр как мера площади известен от Платона (Plat. Alc. I, 1, 123c; Tht., 174e) и Демосфена (Dem., XX, 115), а также из многочисленных лапидарных документов IV–III вв. до н.э. скорее касающихся юридических операций с земельными участками (Андреев В.Н., 1959, с. 121–146). Необходимо отметить, что плетр имел скорее всего аттическое происхождение: то, что эта мера площади изначально известна по памятникам лапидарной эпиграфики, происходящим из полисов материковой Греции и их колоний, – явление, видимо, не случайное. В настоящее время неизвестно, чтобы площадь плетра исчислялась в египетских по происхождению (малоазийских) стандартах линейных мер. И, наоборот, в Египте даже эпохи Птоломеев и в первые века н.э., не говоря уже о более раннем времени, измерение земли велось только в традиционных арурах, следовательно, и в египетской системе мер (Зельин К.К., 1960, с. 89 сл.; Павловская А.И., 1979, с. 40 сл.). Последняя, как известно, вошла в строительную практику малоазийских греков и существовала параллельно собственно аттическим стандартам. Уже поэтому, как представляется, херсониты, пользуясь египетскими стандартами, не могли измерять площади наделов плетрами.

36 плетров, которым равна площадь надела рядового гражданина Херсонеса, с чем единодушно согласились все, кто так или иначе касался вопроса размежевки херсонесской хоры в последние годы, – это результат *наших современных* вычислений, основанный на известной кратности линейных мер – египетских и в целом ближневосточных и греческих (аттических)[1]. В вопросе о мере площади, использовавшейся при размежевке земель хоры Херсонеса, следует переставить акценты: в каких

[1] Известно ratio – ионический фут: дорический: аттический – как 32 : 30 : 27 (Busing H., 1982, S. 9).

стандартах не мы в настоящее время измеряем земельный надел, а в каких стандартах измеряли этот надел херсониты?

Любая мера площади должна быть кратной всем остальным измеряемым участкам, т.е. являться модулем. В данном случае модуль, равный по площади 1 аруре, был правильно установлен Г.М. Николаенко. Если бы в основу модульной сетки был положен плетр, то он также должен был исчисляться целыми единицами, а не четвертями (2,25 плетра, по Г.М. Николаенко). Следовательно, именно арура, а не плетр и была положена в основу всей системы размежевки. Но такой вывод неизбежно порождает вопрос – почему херсониты использовали египетскую меру площади, а не одну из аттических?

Необходимо еще раз подчеркнуть, что парцелляция наделов на Гераклейском п-ове производилась по единому регулярному плану. В основу всей системы размежевки был положен единый модуль и соответственно единый принцип, апробированный в размежевке первых наделов граждан на Маячном п-ове в начале второй четверти IV в. до н.э.[2] К этому времени регулярная система планировки была уже хорошо известна греческой градостроительной практике; особенно активно применялась при планировке новых, либо перепланировке старых городов и пространственной организации территорий их хоры (Wasowicz A., 1991, S. 73; Boyd Th.D.; Jameson M.H., 1981). Скорее всего идея организации и парцелляции земель на хоре Херсонеса в египетской системе линейных мер была заимствована из Малой Азии, где последние к V в. до н.э., по свидетельству Геродота, традиционно воспринимались уже как местные, самосские.

В настоящее время из-за отсутствия конкретных данных о пространственной организации сельскохозяйственной округи Гераклеи Понтийской невозможно говорить утвердительно, являлось ли землеустройство хоры Херсонеса результатом прямого заимствования аналогичных традиций из Гераклеи, либо речь должна идти о явлениях более общего порядка, характерных, возможно, для целого ряда малоазийских полисов, включая их колонии.

Изложенные выше соображения, как представляется, дают возможность утверждать, что гекаторюг – это действительно нарицательное (снова необходимо вспомнить аргументацию contra Ю.Г. Виноградова и А.Н. Щеглова) (1990, с. 367), первоначально обозначавшее величину (но не площадь), а затем и название стандартного участка-модуля, лежавшего в основе системы размежевки. Стооргиевый участок – это квадрат величиной в 100 оргий по периметру (52,5×4 = 210 м), равный по площади 1 аруре. Поэтому участки, нарезавшиеся на Гераклее в египетской системе мер, могли измерять только гекаторюгами, суммарное количество которых и упомянуто в земельном кадастре. В данном случае гекаторюг действительно явился местным названием (что, однако, совсем не исключает возможное расширение географии употребления этого термина) хорошо известной в Малой Азии египетской меры площади. Весь надел рядового гражданина Херсонеса был равен тогда 16 гекаторюгам.

Понимание закономерностей построения внутренней структуры надела с применением египетских стандартов линейных мер помогает, как представляется, внести ясность в еще один спорный вопрос, касающийся количества получаемых участков земли на хоре рядовым членом гражданской общины. В свое время Г.М. Николаенко, исходя из известных литературных моделей устройства идеального полиса по Платону и Аристотелю, предположила, что рядовой гражданин получал при наделении землей два участка общей площадью 72 плетра или восемь участков по 9 плетров на Гераклее и четыре аналогичных участка на Маячном п-ове (Николаенко Г.М., 1983, с. 16). Эта гипотеза была недавно подвергнута аргументированной критике В.М. Зубарем, полагавшим, что, поскольку размежевка Гераклеи "была проведена не в период создания полиса, а позднее, в результате острой социальной борьбы между

[2] В вопросе о хронологии размежевки Гераклейского п-ова мы придерживаемся точки зрения А.Н. Щеглова (1993, с. 10–38), хотя существует и другая точка зрения – см. подробнее (Сапрыкин С.Ю., 1994).

потомками первых переселенцев и представителями новой колонизационной волны", граждане наделялись не двумя, а одним одинаковым по площади участком, отражавшим полноправное членство в гражданской общине (Зубарь В.М., 1993, с. 10, 11). Автор прав в основных положениях своей критики, акцентируя внимание разновременности волн колонизации и невозможности наделения эпойков двумя земельными наделами. Но ситуация с апойками (или же их прямыми потомками) яснее не становится – сколько же участков получали они? Ведь гражданские наделы по площади одинаковы везде – и на Маячном п-ове, размежевка которого как раз и проводилась в период окончательного оформления полисных институтов, и на всей остальной территории Гераклеи, несмотря на разновременность этих процессов и различный социальный статус лиц, получавших земельные участки[3].

Представляется, что ответ может подсказать сам принцип устройства земельного надела. Геометрическую основу его построения верно просчитал более 40 лет назад В.Д. Блаватский (1953, рис. 19–22) и окончательно подтвердила многочисленными натурными обмерами Г.М. Николаенко (1985, с. 13). Жесткая система парцелляции каждого надела с полной уверенностью дает возможность утверждать, что при размежевке земель на хоре Херсонеса была применена своего рода идеальная типовая схема землеустройства. Ее гибкая структура позволяла достаточно легко производить различные землемерные операции – уменьшать или увеличивать необходимую площадь участка, а также вести точный учет площадей. Это обстоятельство и позволяет с большой долей вероятности предполагать, что такая универсальная схема размежевки изначально учитывала и наделение землей двух основных категорий переселенцев – апойков и эпойков, т.е. была специально разработана для пространственной организации территорий хоры в период колонизации. Апойки могли получать два надела по 8 гекаторюгов (в сумме 4,4 га), а эпойки, в частности, – один надел меньшей площади – 8 или 12 гекаторюгов (2,2 или 3,3 га). Достаточно вспомнить многократно цитировавшийся декрет иссейцев о разделе земли колонистами, согласно которому эпойки получали один участок, на четверть меньший общей площади двух наделов апойков (Яйленко В.П., 1982, с. 112–128). Если мое предположение верно, то тогда получает объяснение и источник резерва фонда общественных земель. Общественные земли могли вычленяться в пределах заданных размеров участков именно в результате уменьшения наделов для эпойков.

Подводя итоги, подчеркну, что на хоре Херсонеса была успешно реализована гибкая идеальная схема устройства сельскохозяйственной территории, построенная с максимальным учетом требований, возникающих именно в период ее колонизационного освоения. Универсальность этой схемы была достигнута во многом благодаря использованию египетских стандартов линейных мер и меры площади, позволявших максимально облегчать и свободно производить необходимые землемерные операции. Только в таком случае становится понятным использование нарицательного "гекаторюг" в качестве меры площади при подсчете сдаваемых в аренду земельных участков херсонесской надписи IOSPE, 1^2, № 403.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андреев В.Н., 1959. Размеры земельных участков в Аттике в IV в. до н.э. // ВДИ. № 2.
Блаватский В.Д., 1953. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М.
Блаватский В.Д., 1961. Античная археология Северного Причерноморья. М.

[3] Необходимо отметить, что вопрос о земельных наделах, синхронных времени основания Херсонеса, т.е. тех, которые должны были получать апойки при разделе земли, весьма сложен. Большинство исследователей, соглашаясь с необходимостью их наличия, склонны локализовать их в непосредственной близости от границ городской территории (Кац В.И., 1990, с. 104). Как представляется, нельзя полностью исключать возможность сохранения приоритетного принципа наделения двумя участками земли потомков первых колонистов при регулярной размежевке земель хоры, начатой в начале второй четверти IV в. до н.э.

Виноградов Ю.Г., Щеглов А.Н., 1990. Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм: экономика, политика, культура. М.

Жеребцов Е.Н., 1981. Некоторые результаты сравнительного изучения клеров Гераклейского полуострова // КСИА. Вып. 168.

Зельин К.К., 1960. Исследования по истории земельных отношений в Египте II–I веков до нашей эры. М.

Зубарь В.М., 1993. Херсонес Таврический в античную эпоху. Киев.

Кац В.И., 1990. Эмпорий Херсонес // АМА. Вып. 7.

Масленников А.А., Безрученко И.М., 1991. Земельные наделы античного времени в Крымском Приазовье // КСИА. Вып. 204.

Николаенко Г.М., 1983. Метрология Херсонеса Таврического в эллинистический период. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Киев.

Николаенко Г.М., 1985. Межевание полей херсонесской хоры // КСИА. Вып. 82.

Павловская А.И., 1979. Египетская хора в IV в. М.

Сапрыкин С.Ю., 1994. Внутренняя колонизация Херсонеса Таврического // ВДИ. № 3.

Соломоник Э.И., Николаенко Г.М., 1990. О земельных участках в Херсонесе в начале III в. до н.э. (к IOSPE, 1^2, № 403) // ВДИ. № 2.

Стржелецкий С.Ф., 1961. Клеры Херсонеса Таврического // ХСб. Вып. VI.

Щеглов А.Н., 1978. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л.

Щеглов А.Н., 1993. Основные структурные элементы межевой системы на Маячном полуострове (Юго-Западный Крым) // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь.

Яйленко В.П., 1982. Греческая колонизация VII–III вв. до н.э. М.

Boyd Th. D., Jameson M.H., 1981. Urban and Rural Land Division in Ancient Greece // Hesperia. V. 50. N 4.

Busing H., 1982. Metrologische Beitrage // JDAI.

Wasowicz A., 1991. "Urbanistyczna szkoła" Sycylii i Wielkiej Grecji w okresie archaicznym // Lubelskie materiały archeologiczne. V.

Институт археологии НАН Украины,
Киев

A.V. BUYSKIKH

NEW INFORMATION IN CHERSONESE GEKATORUG

S u m m a r y

The author suggest a new interpretation of the Gapaks term "gekatorug" from the Cherhonese inscription about a lease of land plots (IOSPE, 21, #403). As a result of analyzing principles of measuring land areas in Ancient Egypt and Greece, the author comes to the conclusion that it is impossible to make use of pletr which is an Attic square measure in combination with Egyptian linear measure standards used in dividing the Chersonese chorus in the 2d 3d quarter of the 4th century BC. A gekatorug that was equal to an arura, i.e. an Egyptian square measure, at first indicated a size and later it became just a name of a standard plot-module, being a local name of a square measure. The gekatorug formed the basis of the whole system of land plots division. Therefore, the area of a land plot that belonged to an average Chersonese citizen was equal to 16 gekatorugs.

И.Л. КЫЗЛАСОВ

МАТЕРИАЛЫ К РАННЕЙ ИСТОРИИ ТЮРКОВ

II. ДРЕВНЕЙШИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА О ПИСЬМЕННОСТИ

Проблема первого появления и распространения письменности у тюркоязычных народов сегодня не может быть разрешена наукой. Но она постоянно ставилась и ставится специалистами разных гуманитарных дисциплин. Обойти ее вниманием совершенно невозможно – слишком важна эта тема в деле определения культурного уровня любого общества древности и средневековья[1].

На почве твердых фактов вопрос ныне сводится к началу и условиям применения средневековыми тюрками так называемого рунического письма. Самые ранние датированные его памятники относятся к VIII в. Но остается неизвестным, где и когда появилось степное руническое письмо. Вполне оправданы, как мы увидим, далее, попытки отыскать тюркоязычные надписи в эпохах более древних. Однако вести эти поиски следует, не выходя из сферы научного знания.

1. О поисках древнейших следов грамотности тюрков

Особо настойчивы стремления отыскать тюркоязычные надписи в древностях раннего железного века. Однако материалы для этого привлекаются без серьезных обоснований.

Знаменитая надпись на серебряной чаше из Иссыкского кургана IV в. до н.э.[2] отнесена к тюркским рунам лишь потому, что выполнена прямолинейными резными знаками, демонстрирующими несвязное и нескорописное написание (Аманжолов А.С., 1971; 1975, с. 48–52; 1985, с. 31–39). Но письменностей, отличающихся подобной техникой, в древности и средневековье было множество. Иссыкские знаки не имеют никакого системного сходства с письменами, известными как тюркские руноподобные алфавиты. Основывать их прочтение на поверхностном подобии *отдельных элементов* этих букв орхонским или енисейским рунам (как это было сделано) нельзя. Бесперспективность подбора внешних аналогий для прочтения неизвестных письменных знаков доказана долгим бесплодным периодом дешифровки енисейских рунических надписей, длившемся с 1721 по 1893 г. Лишь когда В. Томсен и В.В. Радлов занялись постижением внутренних особенностей азиатских рунических текстов, было понято звуковое назначение их знаков.

Надпись на иссыкской чаше принадлежит к архаичной форме неизвестного письма[3].

---

[1] "Российская археология" продолжает публикацию критически рассмотренных материалов, позволяющих получить твердые данные о ранней истории и культуре тюркоязычных народов. Начало цикла см. в № 3 за 1996 г. Настоящая статья о письменности публикуется двумя частями – в этом и следующем номерах журнала. В тексте памятники енисейского письма обозначаются сокращенно: Е, порядковый номер текста (см.: Малов С.Е., 1952; Древнетюркский словарь, 1969; Васильев Д.Д., 1983), номер строки.

[2] Лучшая ее публикация (Акишев К.А., 1978, с. 54, фото 70) показывает, что в прорисовку (Акишев К.А., 1978, с. 55, рис. 71) включено много царапин, не относящихся к письменным знакам. Вероятно, не лишено этих недостатков и более точное ее воспроизведение А.С. Аманжоловым (Аманжолов А.С., 1985, рис. 8).

[3] Ср. коллективное мнение об иссыкской надписи И.М. Дьяконова, В.А. Лифшица и С.Г. Кляшторного: (Акишев К.А., 1978, с. 59, 60).

© И.Л. Кызласов, 1998 г.

По данным В.А. Лифшица, оно было распространено на территориях современных Северного Афганистана, Южного Узбекистана и Южного Таджикистана вплоть до VI–VII вв. н.э. и некогда служило одной из трех официальных письменностей Кушанского царства. Ко времени публикации сакского кургана уже было известно не менее шести надписей, выполненных этим письмом (Лившиц В.А., 1976, с. 165, 166, прим. 14; 1978, с. 84–87; ср.: Дьяконов И.М., 1979, с. 224, прим. 73а).

Лишь игрой воображения вызвано восприятие в качестве древнетюркской рунической надписи полустертого вырезанного на кости изображения оленя из бобровского кургана V–IV в. до н.э. (Аманжолов А.С., 1965; 1967). Это ясно каждому археологу, знающему "скифский" звериный стиль, и давно получило надлежащий отклик в литературе (Грязнов М.П., Кляшторный С.Г., 1966). К сожалению, А.С. Аманжолов, воспользовавшись некорректным определением времени появления азиатского рунического письма, допущенным С.Г. Кляшторным, пренебрег и археологическим заключением М.П. Грязнова. В результате "прочтение" уцелевших линий изображения было, с натяжками, приближено к его образу (aq syqyn (suqyn) – "белый олень, марал") и повлекло целый экскурс о сакральной роли оленя (Аманжолов А.С., 1975, с. 32–34; 1985, с. 5–16).

Перед нами не курьез, а проявление широко существующего в тюркологии облегченного источниковедческого подхода к древним начертаниям. Осознаем: *возможности надуманного прочтения по-тюркски всяких произвольно взятых резов существуют реально*. Ибо редкие системы письма в такой степени, как руническое (опускавшее гласные звуки во многих позициях), и редкие языки в такой степени, как тюркские (отличающиеся множеством слов, состоящих лишь из одного слога), благоприятствуют произвольному подходу. Дело усугубляется простой линейной формой самих рунических знаков – сходство с ними при желании легко обнаружить в любых геометрически несложных фигурах или их частях. Следуя этим возможностям и этому методу, А.С. Аманжолов расценивает как тюркоязычные надписи ряд наскальных начертаний ущелий Терексай, Садыр и Надыр, изображение на перстне из погребения у с. Николаевка (Аманжолов А.С., 1985, с. 17–30). От некоторых первоначальных прочтений лингвист теперь отказывается сам: признает, что напрасно принял за тюркскую надпись вырезанные в ущелье Терексай цифры "1942". Указывает он и на ошибки, допущенные другими филологами Казахстана (Аманжолов А.С., 1985, с. 4, 17, прим. 1). Но у всех этих заблуждений общая природа – нельзя сказать, что они характеризуют одного автора или конкретную филологическую школу. Так, тюркологом И.А. Батмановым и его коллегами были приняты за надписи и "прочитаны" по-тюркски изображения скифского времени на двух стелах раннего железного века из Тувы (Батманов И.А. и др., 1962, с. 25–27) – ситуация, усугублявшаяся рядом археологических ошибок и также уже разобранная в литературе (Кызласов Л.Р., 1977).

Облегченный палеографический подход, явно подчиненный заранее заданной цели, полностью дискредитирует не только проводимые языковедами разыскания, но и саму определяющую их идею. В этом заключается слабость всех (уже не редких в литературе) подобных попыток прочесть по-тюркски многочисленные надписи и начертания, относящиеся к периоду ранее VIII в.[4]

Отсутствие источниковедческой строгости нередко встречается и в работах археологов, касающихся обсуждаемой проблемы. Приведу для примера показательное высказывание известного востоковеда: "Подлинной научной сенсацией является обнаружение в могильнике Чаа-Холь (в Туве, – *И.К.*) двух образцов неизвестной письменности, относящейся к хуннскому времени. Не исключено, что перед нами первые памятники хуннской письменности, предтечи тюркской руники..." (Массон В.М., 1983, с. 9). Между тем нет серьезных оснований полагать, что могильник Чаа-Холь

[4] Понятно, что ошибки такого рода характерны и для понимания многих более поздних средневековых изображений и знаков, но их рассмотрение не входит сейчас в мои задачи.

(гуннского времени) оставлен самими центральноазиатскими гуннами; что письмо гуннов бывшее, кстати, судя по всему, иероглифическим (Кызласов Л.Р., 1992, с. 56–58), явилось прототипом азиатской рунической письменности; что между собственно гуннами и тюрками существовала преемственная связь. Нет сомнений в большой значимости самих упомянутых находок (остающихся недоступными для эпиграфистов и все еще по-хорошему не опубликованных), но есть сомнения в необходимости источниковедчески не обоснованных утверждений, исходящих от специалистов и способных в силу этого стать основой для дальнейших построений менее сведущих лиц.

Необходимо предостеречь также от легких оценок и сравнений, нередко, к сожалению, допускаемых в отношении различных знаков даже хорошими археологами. Пример необязательного утверждения находим, скажем, в описании меток на костяных наконечниках стрел раннего железного века: "Отдельные знаки *даже* (выделено мною. – *И.К.*) напоминают буквы известной надписи из Иссыка или буквы арамейского, или прототюркского письма" (Кубарев В.Д., 1995, с. 101). Весьма показательно, что это "даже" относится к довольно простым фигурам. Загадкой остается, что подразумевается здесь под прототюркским письмом. Но главное состоит в том, что резные метки на костяном оружии, в том числе на наконечниках стрел, вообще никак не связаны с письменностью и известны с эпохи мезолита (Ошибкина С.В., 1992, с. 25–27, рис. 32–35). Не имеют отношения к письму и насечки на игральных костях-альчиках таштыкской культуры I в. до н.э. – V в. н.э. или знаки, прочерченные по еще сырой гуннской черепице начала I в. до н.э. и, по мнению столь авторитетного исследователя, как С.В. Киселев, "предвосхищающие орхонские" (Киселев С.В., 1951, с. 463, 480), а также любые другие подобные метки.

Ради прояснения ситуации обратимся туда, где знаки-метки подобны рассматриваемым, а письмо никак не похоже на руническое. Таковы древности Китая. Среди многочисленных знаков на неолитической керамике здесь легко отыскать группу точных соответствий ряду орхонских и енисейских букв. Но, как выясняется, эти специальные отметки не имеют никакого отношения даже к ранней иероглифике (Гао Мин, 1989). В отличие от письменных облик этих графически несложных знаков не меняется веками. Совершенно ясно, что они имели иное назначение, чем письмо.

В этом ином назначении знаков-меток заключена главная причина несостоятельности известной теории происхождения рунического письма из тамг. Давно сформулированная (Шифнер А.А., 1855, с. 605; Аристов Н., 1894, с. 410, 418–421; Маллицкий Н., 1897–1898), эта гипотеза и до сих пор находит сторонников среди людей, желающих показать автохтонность тюркоязычной рунической письменности в Азии (см. напр.: Батманов И.А., 1963, с. 8).

Заходя вперед, замечу, что тщательное палеографическое исследование средневековых тюркских рунических памятников, выявляет источники для постижения древнейших периодов истории этой письменности, делающие совершенно ненужными разнообразные натяжки и ухищрения, какое-либо использование всяких мало-мальских сомнительных материалов.

Не только памятники материальной культуры, но и письменные источники, оставленные соседями древних тюркоязычных народов, не предоставляют надежных сведений по интересующей нас проблеме.

В китайских хрониках "Чжоу шу" (составлена по архивам 557–581 гг., завершена в 629 г.), "Суй шу" (архивы 581–617 гг., окончена частями в 629–636 и 641–656 гг.) и "Бэй ши" (архивы 386–617 гг., дописана в 659 г.) письменность у народа türk отмечается при повествовании о событиях второй половины VI в. Об этом сказано практически одними и теми же словами: "Их письмо подобно хускому" (Бичурин Н.Я., 1950, Т. I, с. 231; Liu Mau-tsai, 1958, B. I. S. 10; Боровкова Л.А., 1992, с. 98). Однако нельзя сказать, какая письменность имеется в виду: термин "ху", как известно, не был связан с конкретным народом, а служил китайцам для обозначения всех "западных варваров". Для Иакинфа Бичурина это были сами тюрки, и он видел здесь намек на

происхождение монгольского письма от уйгурского (Бичурин Н.Я., 1950, Т. I, с. 231, прим. 1), для А.Н. Бернштама – "главным образом согдийское население" (Бернштам А.Н., 1950, с. XXXIX, XLVIII, XLIX), для Лю Маоцая и С.Г. Кляшторного – согдийцы, и соответственно речь могла идти об "уйгурском" курсивном либо (предпочтительнее) даже о руническом письме (Кляшторный С.Г., 1964, с. 49). Л.А. Боровкова приводит соображения в пользу того, что хуской здесь была названа письменность тюркоязычных теле, которые и передали ее тюркам при создании Первого Тюркского каганата (Боровкова Л.А., 1992, с. 97–99).

Византийские источники подтверждают существование у тюрок письменности уже в 60-х годах VI в. Менандр Протектор сообщает, что каган "Дизавул (тюркское имя: Истеми/Эштеми. – *И.К.*) отправил Маниаха и несколько турков (тюрков. – *И.К.*) в посольство к римлянам с письмами, приветствиями и подарками". По прибытии в 568 г. в Константинополь возглавлявший миссию согдиец Маниах "вручил письма и подарки приставленным к тому чиновникам... Царь (император Юстин II. – *И.К.*), прочитав через переводчиков скифское письмо, принял посланников весьма благосклонно" (Менандр Византиец, 1860, с. 373, 374). Примененная в этом случае письменность также не может быть определена – историк назвал ее "скифскими письменами" (Кляшторный С.Г., 1964, с. 48), что в устах ромеев практически равнозначно понятию "хуские письмена" у китайского царедворца. Известно еще одно византийское свидетельство, которое обычно относят к 598 г. (хотя есть мнение, что в основе его события 583 или 600 гг.), о том, что "тот, которого тюрки на востоке почетно называли каганом, отправил к императору Маврикию (582–602 гг. – *И.К.*) послов, направив с ними письмо, в котором были описаны с великим восхвалением все его победы. Начало этого письма слово в слово было следующее: "Царю ромеев каган, великий владыка семи племен и повелитель семи климатов вселенной" (Феофилакт Симокатта, 1957, с. 159).

О письменности тюрок VI в. имеются и иные упоминания: согласно переводам Н.Я. Бичурина, в китайских источниках идет речь о распространении тюркской письменности в Гаочане (Восточный Туркестан; об отнесении этих данных к народу теле см.: Боровкова Л.А., 1992, с. 97–99), в Судэ (Приаралье), Фуби, а в VII в. и в Кане (Самарканд) (Бичурин Н.Я., 1950. Т. II, с. 253, 262, 272, 281). В "Бэй ши" говорится о том, что в Кане "находится тюркское уложение, хранимое в храме" (Бичурин Н.Я., 1950. Т. II, с. 271). Известно также, что каган Тобо (Таспар) (572–581 гг.) получил из Северного Ци (550–578 гг.) "Нирванасутру", переведенную на тюркский язык и снабженную специальным предисловием (Габен А. фон, 1986, с. 170). Была ли это транскрипция китайскими знаками, применялось ли руническое, согдийское или уже "уйгурское" письмо, остается неизвестным (Gabain A. von, 1954, S. 164).

Можно привлечь сюда и некоторые сугубо лингвистические данные. Так, употребление тюркского слова bitigči – "писарь" отмечается уже для эпохи Северного Вэй (386–535 гг.) (Gabain A. von, 1954, S. 164). В документе B-8 из замка на горе Муг, составленном при Чыкын Чур Бильге – предшественнике Девештича (т.е. до 708 г.), написание тюркского слова bilgä в согдийской форме βylk (через β, а не p) "может указывать на то, что писец находился под влиянием написания этого слова тюркским руническим письмом" (Лившиц В.А., 1962, с. 45).

Зададимся простым вопросом: почему наиболее ранние свидетельства о письменности исследователи отыскивают в описаниях народа türk[5]? Потому что мы не уверены в тюркоязычности иных современных ему или более древних народов, имена которых сохранили (в транскрипциях с неизбежными звуковыми искажениями) лето-

[5] Излишне обобщенный взгляд на тюрок и их историю порождает ошибочное восприятие памятников рунического письма даже вполне знающими людьми: "Когда... руника была прочитана... оказалось, что еще в VI в.н.э. кочевники имели оригинальную письменность, государства" (Сагалаев А.М., Крюков В.М., 1991, с. 112). Здесь спутаны Первый Тюркский каганат, возникший в VI в., и Второй Восточнотюркский каганат (конец VII – середина VIII в.), к которому относятся расшифрованные В. Томсеном орхонские надписи.

писи Китая? Тот, кто уверен, в тюркоязычности жуань-жуаней (аваров) или гуннов, обращается и к ним. Но я не имею здесь в виду *личную* уверенность, а веду речь только об общепризнанных в науке отождествлениях, подкрепленных системой доказательств.

Для ответа на вопрос необходимо осознать причины иной широко распространенной в рунологии позиции. Из работы в работу перемещается уверенность в том, что орхонское письмо и его памятники представляют вершину письменной культуры, созданной раннесредневековыми тюркоязычными народами. Памятники енисейского и таласского письма выдаются за культурную окраину, которой присущи недоразвитость и в силу этого подражательность, стремление походить (иногда чисто внешне, имитационно-механически) на "царские" стелы собственно тюрок. При этом подразумеваются или прямо называются памятники Кюль-тегину, Бильге-кагану и Тоньюкуку.

Орхонские стелы, действительно, были выполнены весьма художественно и содержали обширные тексты. Но вместе с тем известно и о прямом участии в изготовлении некоторых из них специально присланных мастеров китайского двора. Вполне очевидно (и об этом еще придется говорить) общее сильнейшее влияние как на облик тюркских орхонских эпитафий, так и само содержание обряда их установки имперской эпитафийной традиции Китая. Казалось бы, при такой ситуации необходимо разобраться в том, что является исконным или традиционным для памятников рунического письма, а что привнесенным. Иными словами, понять, какие черты более древние, а какие более новые. Но исследовательское сознание оказывается подчиненным сложившейся рутине: общество тюрок – вершина развития раннесредневековых тюркоязычных народов.

Здесь нет места обсуждать, отвечает ли этот взгляд действительности. Важно понять, что он порожден не анализом самих памятников рунической письменности, а вызван приматом известных событий политической истории той эпохи (созданием тюрками, но ведь при активнейшем участии теле – огромного Первого Тюркского, а затем и Второго Восточнотюркского каганатов), т.е. привнесен из смежной исторической дисциплины. Выявлению скрытых в самом эпиграфическом материале историко-культурных свидетельств и посвящена настоящая статья.

2. О древнейшей форме рунического алфавита

Мною выполнена специальная работа для обоснования положения о бытовании в раннем средневековье не одной общей руноподобной письменности или ее локальных вариантов, а нескольких (семи-восьми) *самостоятельных алфавитов*. Между ними есть и родственные друг другу азбуки, но в целом их многообразие, вероятно, восходит к двум совершенно разным письменным системам. Происходящие от одного корня донской, кубанский, ачикташский, исфаринский и южноенисейский алфавиты, согласно своему ареалу, названы евроазиатской группой степного рунического письма[6]. Восходящие к другому корню орхонский, енисейский и таласский алфавиты по тому же признаку названы азиатской группой (Кызласов И.Л., 1990; 1994).

Установление палеографических основ лишает доказательности предлагавшееся в литературе определение известных рунических письмен Восточной Европы или Средней Азии как архаичной формы, изменением которой была получена орхонская письменность. Для евроазиатских и азиатских рун следует искать отдельные корни. В отношении евроазиатских письмен такую работу пока выполнить невозможно, поскольку они представлены малым числом кратких надписей, все еще остающихся недешифрованными (в связи с чем не приходится настаивать и на тюркоязычности всех этих текстов). Но для азиатских рунических письменностей: орхонской, енисейской и таласской – проблема вполне может быть поставлена.

Таласское письмо складывается позднее двух других азиатских рунических азбук на неком местном письменном субстрате (ачикташском?) под сильным воздействием

[6] Малочисленность материалов определяет условность выделения исфаринского алфавита.

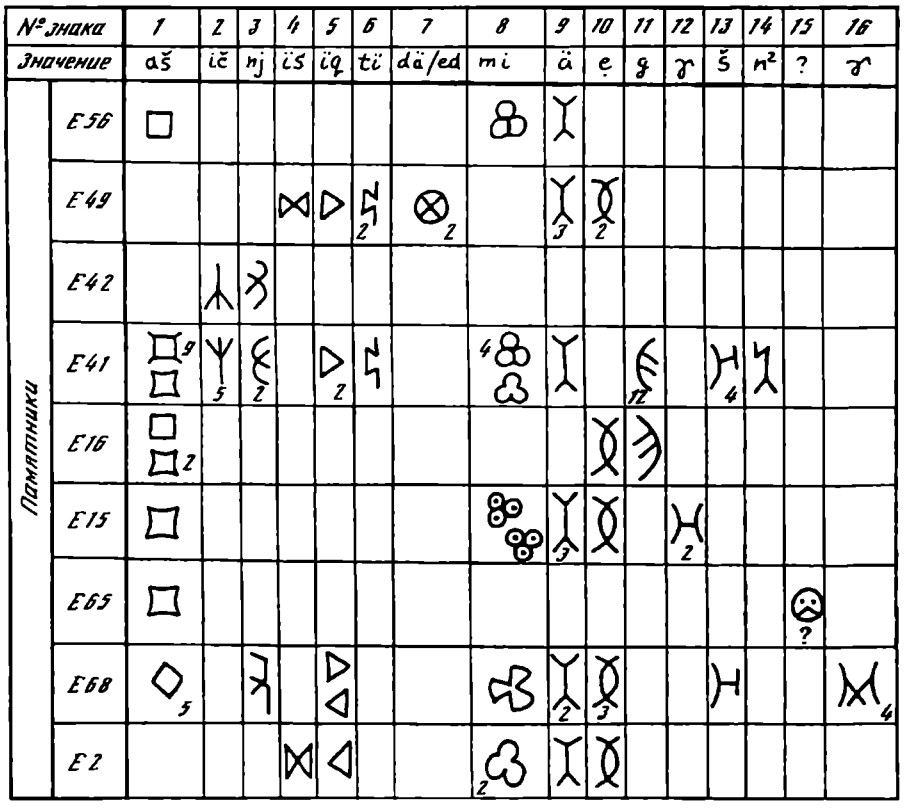


Рис. 1. Знаки верхнеенисейского письма и их значения. Цифра у знака указывает количество его употреблений в надписи

енисейского алфавита. Поэтому при поиске изначальных азиатских рун оно не рассматривается.

От момента открытия в 1721 г. и до 1960 г. основой для поиска проторунического письма служили знаки енисейской письменности, памятники которой до 1889 г. были единственно известными, а затем считались самыми ранними. После работ Л.Р. Кызласова, показавшего, что подавляющее большинство енисейских эпитафий относится к IX–X вв. (Кызласов Л.Р., 1960; 1965), отправной точкой сравнительных изысканий стали орхонские тексты Второго Восточнотюркского каганата VIII в. (Clauson sir G., 1970; Кормушин И.В., 1975; Лившиц В.А., 1978). Поскольку рунические знаки по облику и численности не имеют подобий среди иных письменных систем Азии, и их построение чрезвычайно точно передает звуковые особенности тюркской речи, исследователи были убеждены в сознательном создании рунического (орхонского) алфавита путем видоизменения какой-либо одной или сразу нескольких известных азбук, произведенного незадолго до VIII в.

Ныне есть основания считать, что азиатским рунам напрасно отказывалось в длительном историческом развитии.

Ситуация начала проясняться с выработкой строгого палеографического взгляда на памятники. Среди знаков енисейских надписей, ранее воспринимавшихся как пестрое и неустойчивое скопление, была выделена локальная группа, свойственная только эпитафиям Тувинской котловины (Кызласов И.Л., 1991, с. 78–81; 1994, с. 93–98). Без учета этой группы енисейская азбука предстала стройным и строгим построением, а выделившиеся памятники Тувы оказались смешанными в алфавитном отношении (тувинский вариант енисейского письма). Поскольку буквенное своеобразие отмечается в девяти надписях VIII–XI вв., оно является устойчивой местной чертой, уже существовавшей ко времени захвата бассейна Верхнего Енисея древнехакасскими феодалами в IX в. Выходит, что раннесредневековому тюркоязычному населению Тувинской котловины была известна некая руническая письменность, буквенный состав

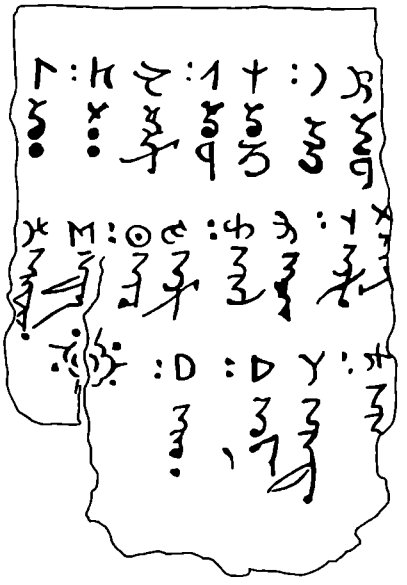


Рис. 2. Манускрипт Тойок I. По воспроизведению А. фон Лекока

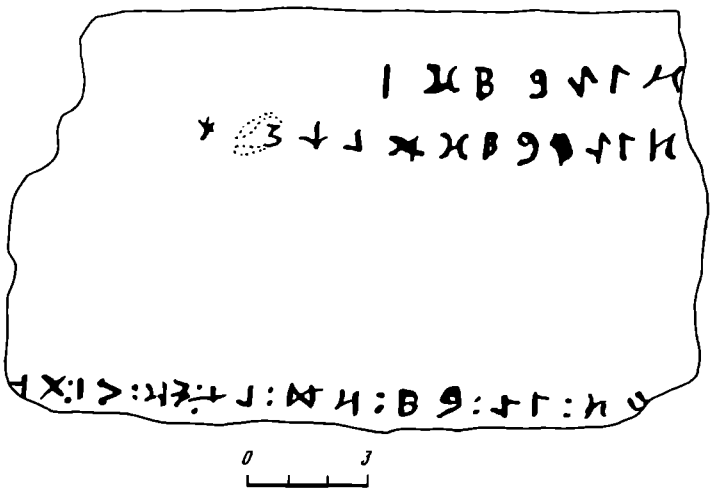


Рис. 3. Манускрипт из библиотеки Рюкоку. По воспроизведению О.Ф. Серткаи

которой отличался от собственно енисейского письма. Она продолжала использоваться после включения этих земель в Древнехакасское государство, в условиях официального введения енисейской рунической азбуки. Знание местными писцами и резчиками двух различных алфавитов привело к появлению надписей, смешанных в палеографическом отношении.

Выявленное по отдельным следам, но целиком пока неизвестное письмо предложено называть верхнеенисейским. Его отличием служит не только применение своеобразных знаков, но и их характерное звуковое значение. Половина обнаруженных верхнеенисейских рун обозначала не звук, а слог (Кызласов И.Л., 1994, с. 116–124) (рис. 1).

Следующим шагом было изучение буквенного состава двух раннесредневековых записей орхонского алфавита, некогда сделанных с учебными целями в манихейских общинах Восточного Туркестана. Так называемые манускрипты Тойок I (Ze Coq A. von, 1909, S. 1048–1052, taf. IX) и библиотеки университета Рюкоку (Akira Haneda, Nobuo Yamada, 1961, p. 198, fig. 29; Sertkaja O.F., 1994, S. 177) сохранились частично (рис. 2 и 3), но со всей очевидностью показывают твердый и очень самобытный порядок расположения письменных знаков в рунической азбуке (рис. 4). Незнакома и манера группировать руны по две, попарно отделяя их словоразделительными отметками.

Частично восстановленная благодаря двум рукописным обрывкам орхонская азбука – в том виде, как ее знали сами средневековые писцы, – оказалась весьма отличной от той, которая известна современной науке по надписям. В алфавитном ряду стояло значительно больше знаков (около 48), нежели применялось при письме (38 форм) (Кызласов И.Л., 1994, с. 109–115). Такое расхождение между письменными памятниками и орхонской азбукой невозможно объяснить, считая рунический алфавит актом недалекого от VIII в. изобретательства. Но оно становится вполне понятным, если признать эволюционный, постепенный, длительный путь развития этой письменности.

В алфавит всякой исторической письменности входит большее число букв, чем применяется на практике. Чтобы не ходить далеко за примерами, предлагаю отыскать в тексте этой статьи знак *ё*, все еще существующий в русской азбуке, вспомнить долго сохраняемые кириллицей буквы *омега, кси, пси, фита, ижица*, излишние для славянских языков. Аналогично в греческом алфавите уцелели семитские *вав, цаде, коф* (соответственно *вау* или *дигамма, сан* и *коппа*), с периода классики имевшие лишь цифровые значения. По традиции в согдийском алфавите обозначались арамейские *далет, тет, каф, айн*, не обнаруженные в известных текстах, и т.п.

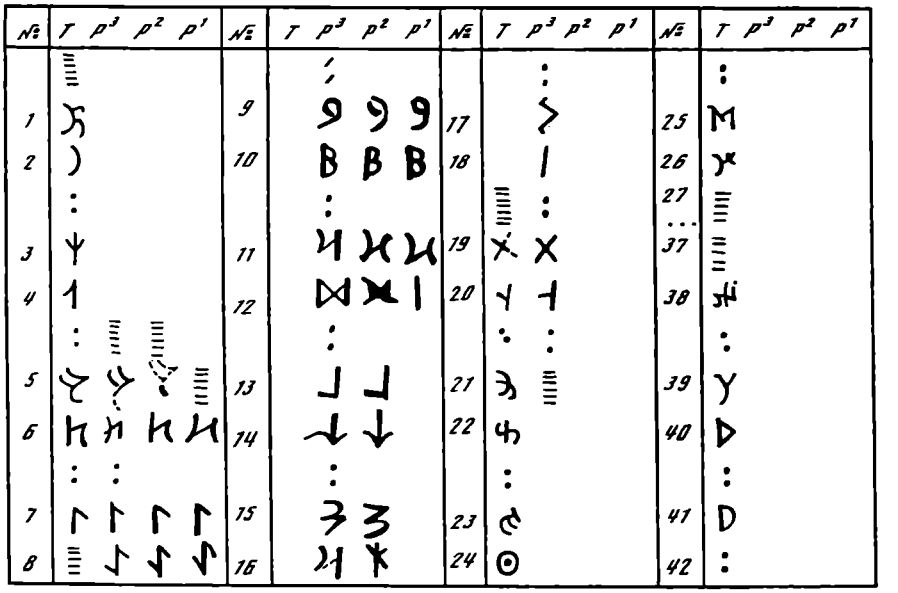


Рис. 4. Орхонский алфавит по раннесредневековым рукописным записям из Восточного Туркестана. Т – Тойок I, Р1-Р3 – фрагмент из библиотеки Рюкоку (строки 1–3)

При изучении рунических надписей далее оказалось, что на письме (уже в VIII в., во Втором Восточнотюркском каганате) не использовались (но в азбучном списке сохранялись) как раз те знаки, которые мы отнесли к верхнеенисейской письменности Тувы (ср. рис. 1, № 2, 4 и рис. 4, № 3, 12). В единичных случаях в орхонских надписях также применены верхнеенисейские руны: среди огромного числа многострочных написаний только в тексте стелы Тоньюкука (и только однажды, строка 8) встречен знак № 1 на рис. 1 (не отраженный в уцелевших фрагментах азбук); только в рукописи "Книги гаданий" (Yrq bitig) применен знак № 1 на рис. 4 (в Туве вырезан на двух памятниках, по палеографическим признакам не включенным в рис. 1, – Е 7,1 и Е 45,3).

Из этого следует единственный возможный вывод: *орхонское письмо Второго Восточнотюркского каганата представляет не самую раннюю форму древнетюркской рунической письменности. Оно является реформированным верхнеенисейским письмом.*

Отличие состоит в отказе от употребления ряда письменных знаков. Все эти руны (кроме знака для открытого *ä* – рис. 1, № 9) обозначали не отдельный звук, а слог. Это не означает, что все знаки, читавшиеся как слог, были вообще исключены из письма. Многие остались и хорошо знакомы нам по орхонским стелам и рукописям – таковы руны yq/qy, oq/qo, ök(ük)/kö(kü). Продолжали применяться и буквы, воспроизводящие сочетания согласных: nt/nd, nč, nj, lt/ld. Однако очень показательно и важно проследить, как со временем изменялось их употребление в текстах.

Развитие орфографии внутри орхонского письма от VIII к X в. в интересующей нас части следует явной, нарастающей тенденции свести значения букв, воспроизводящих сочетание двух звуков, до передачи одного. Так, первоначально заключенный в самом слоговом знаке гласный звук начинает обозначаться на письме отдельной буквой. Сохраняя прежние значения букв, выписанные таким образом слова приходится транслитерировать qyyrq (вместо qyrq) – "сорок", quul (вместо qul) – "раб", köök (вместо kök) – "голубой", türük или türkü (вместо türk) – "тюрк" и т.п. (Мелиоранский П.М., 1899, с. 26, 27). Этот выход гласного за пределы двузвучных рунических знаков свидетельствует о постепенном переходе орхонского письма к настоящему алфавитному принципу: один знак – один звук. Еще в большей степени на это указывает дублирование на письме согласного, который и так бы читался при традиционном восприятии двузвучного знака. Например, в Yrq bitig нередко встречаем начертание дополнительного n перед руной nč.

Как видим, реформирование доорхонского (верхнеенисейского) письма в орхонское было подчинено той же тенденции, что и дальнейшее развитие самой орхонской письменности – сокращению применения слогового принципа письма.

Обнаружив этот путь развития орхонской рунической письменности в VIII–X вв. (в енисейском письме двузвучных знаков было меньше, но эволюция орфографии в целом та же), пойдем по нему вспять. Тогда мы увидим, что основное противоречие в построении азиатской рунической письменности (и орхонской, и енисейской) заключается в подчинении не одному, а одновременно двум принципам передачи звуков. Часть знаков воспроизводит один звук (b, d, j, l, n и т.д.), а часть – сочетания двух. При этом для записи большинства отдельных согласных звуков, как известно, имеется пара рунических знаков (один b, d, j и т.д. для слов с мягкими, а другой b, d, j и т.д. – с твердыми гласными).

Изложенное делает очевидным, что это внешнее соединение двух принципов письма могло явиться результатом единого эволюционного процесса, происходившего во вполне однородной письменной среде. Достаточно предположить, что эта письменная среда *представляла собою слоговую (силлабическую) письменность*. Ее былое развитие плавно вело к алфавитному принципу письма, отличалось постепенным сокращением числа слоговых знаков и приданием им значения однозвуковых рун. Как мы только что видели, именно этот процесс продолжается еще и на стадии формирования и существования орхонского (и енисейского) письма.

Наша гипотеза одновременно объясняет и природу формирования системы пар знаков для мягко- и твердорядных согласных, и сохранение в письменности некоторых двузвучных знаков. Пережитком былого слогового принципа проторунического письма является наиболее длинный ряд из букв для k: qy, qo(u), kö(ü), q[a], k[ä].

Стоит учесть слоговые знаки доорхонского верхнеенисейского письма, и мы получим несколько пережиточных цепей из трех или двух звеньев каждая: ty – t[a] – t[ä], š[y?] – ša – š[ä], d[e?] – d[a] – dä, s[a] – s[ä] – sy(?), či – č[a?], mi – m[a?], p[ä] – po.

Новая разработка проблемы происхождения азиатских рунических письменностей как длительного, до конца не завершившегося процесса перерождения слогового письма в алфавитное позволяет построить таблицу выявляемых знаков исходной и пока неведомой проторунической слоговой письменности (рис. 5). Ее собственных памятников наука сегодня не знает. Но и эпоха, когда она могла существовать, остается неизвестной. Отразившиеся в раннесредневековой рунической письменности этапы ее истории указывают на очень длительный период развития и значительную изначальную древность (удается почувствовать, что слоговая природа рун первоначально была связана с передачей открытого, а затем закрытого слога) (Кызласов И.Л., 1994, с. 124–138).

Намечаемая картина не представляет ничего необычного в сравнении с известными ранними этапами существования и развития западноазиатских письменностей (Гельб И.Е., 1982). Своеобразие проторунического письма состоит в том, что его слоговые знаки передают стечение согласного *с определенным* по рядности главным, в то время как все известные западносемитские силлабарии выражают соединение согласного *с любым* гласным звуком. Для того чтобы прийти к руническому принципу письма, число знаков в таких силлабариях пришлось бы увеличить едва ли не вдвое. Но, как показано, реконструируемое направление развития проторунического письма обратное – число применяемых знаков, демонстрирующих качество сопряженного гласного, здесь постоянно сокращалось.

Остается предположить, что в глубокой древности в Срединной Азии получила распространение иная традиция слогового письма, изначально не связанная с силлабариями египетско-семитского типа и развивавшаяся параллельно с их широко распространившимися производными – арамейским и греческим алфавитами. В то время как последние хорошо известны науке, самостоятельная линия эволюции проторунического типа сегодня доступна для изучения только по своим поздним и последним вет-

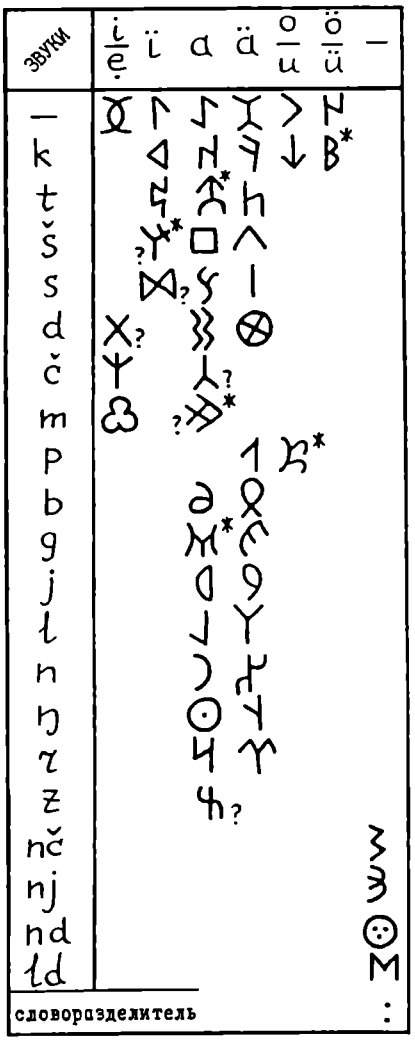


Рис. 5. Выявленные знаки проторунического слогового письма – предка орхонской и енисейской письменностей. Звездочка означает, что облик знака мог быть более архаичным, знак вопроса указывает на то, что знак мог занимать в строке иное место

вям: раннесредневековым азиатским руническим письменностям тюркоязычных народов.

Но означает ли это, что проторуническая письменность изначально связана именно с этой языковой семьей? По-видимому, нет.

Насколько известно языкознанию, в древнейшем состоянии тюркских языков и многочисленные краткие слова, и средства их изменения имели вид закрытого слога (Щербак А.М., 1970, с. 193–198). Следовательно, наиболее ранняя восстанавливаемая стадия письма со знаками, передававшими открытый слог, не должна иметь отношения к тюркским языкам. Столь отвечающий сингармонизму тюркской речи принцип парного обозначения согласных рунами также, вероятно, выработался до появления тюркоязычных надписей. Это мнение основано на наблюдаемой постепенной и явной утрате зависимости знаков от характера гласных звуков в слове. Такой процесс восстанавливается уже для доорхонской ступени существования рунического письма. Очевидно, не могут быть связаны с тюркской языковой средой и две другие особенности рун. Во-первых, применение общего знака сразу для двух губных гласных (как для o и для u, так и для ö и для ü) не отражает самостоятельности этих звуков в тюркской речи, бывшей и на стадии праязыка; значит, оно порождено иной языковой общностью, имевшей лишь один – узкий или широкий – губной звук. Во-вторых, специфически тюркского характера не носят те стечения согласных, для обозначения которых были введены (и сохранены) особые рунических знаки. Попытка на почве тюркских языков отыскать смысл в объединении знаков в рунической азбуке по парам (рис. 2–4) также не удается (Кызласов И.Л., 1994, с. 138–140).

Итак, насколько можно судить, появление рунической письменности у древних тюркоязычных народов есть все же результат заимствования. Причем система письма была, по-видимому, воспринята целиком, без заметных сегодня изменений. Творческий характер такого заимствования заключался, надо полагать, в выборе из многих письменных систем, имевшихся в неведомую нам эпоху, именно той, особенности построения которой в наибольшей степени соответствовали закономерности тюркской речи. С этой точки зрения руническое письмо, как известно, оказалось наиболее совершенной письменностью.

Вполне понятно, что сегодня нельзя назвать ни имени того тюркоязычного народа, ни названия того государства, для которого было впервые введено в обращение руническое письмо. Им не был народ с самоназванием türk, который создал сначала Первый, а затем и Второй Восточнотюркский каганаты. Показанные палеографические основания позволяют утверждать, что орхонская письменность, бывшая официальной во Втором Восточнотюркском каганате и заимствованная от него Уйгурским каганатом, является самой молодой из известных. Енисейская письменность (судя по большему числу знаков для гласных и некоторых согласных) восходит к более

архаичной ступени, чем орхонская. Но самый древний облик сегодня представлен, пожалуй, верхнеенисейским письмом, следы которого обнаружены в Туве.

Верхнеенисейская письменность была присуща чикам – аборигенному населению Тувинской котловины (археологию чиков и свод письменных источников по их раннесредневековой истории см.: Кызласов Л.Р., 1969, с. 22, 23, 50–52, 57, 58, 79, 80, 84, 86, 112–114). Об этом надежно свидетельствуют археологические и эпиграфические данные, связанные с письменным памятником Уюк-Аржан (Е 2), – обряд курганного захоронения, у которого он стоял, и облик личного тамгового знака, сопровождающего текст на стеле (Кызласов Л.Р., 1960, с. 97–100). На это указывают и композиционные особенности надписи, о которых речь пойдет в части III статьи, а также ареал самого письма (Кызласов И.Л., 1991, рис. 5; 1994, рис. 9). Условия, при которых чики восприняли и сохранили это письмо, остаются пока неизвестными. Нельзя назвать и времени прихода к ним верхнеенисейской письменности. Но, учитывая вышеизложенное, вероятно, это произошло до создания Второго Восточнотюркского каганата (682 г.).

Не приходится связывать верхнеенисейское письмо и с более ранним Первым Тюркским каганатом (552–630 гг.), поскольку государственной письменностью в нем была согдийская скоропись. Насколько известно, записи велись на согдийском языке (предположение о письме по-тюркски (Кляшторный С.Г., 1992, с. 328) пока не подтверждено документами). Об этом свидетельствуют Бугутская стела третьей четверти VI в. (Кляшторный С.Г., Лившиц В.А., 1971; 1978; Kljaštornyi S., Livšic V.A., 1972), а также тот факт, что согдийское письмо было официальным и в сменивших эту державу тюркских государствах Средней Азии. Его знаками (на согдийском языке) были, например, сделаны надписи на монетах тюргешских каганов (около 740–766 гг.) (Кызласов Л.Р., и др., 1958). По-видимому, именно к воспринятой Первым Тюркским каганатом согдийской письменности и относятся приводившиеся утверждения китайских хроник: "Их письмо подобно хускому". Официальный статус согдийского письма позволяет полагать, что оно утвердилось в каганате до обращения кагана Таспара к буддизму (574 г.), несшего с собою письмо брахми. Внутри этой согдотюркской традиции, можно думать, и сложилась та форма скорописи, которая предназначалась для письма на тюркских языках и обычно именуется уйгурской письменностью. Наиболее ранний ее памятник, исходя из его содержания, ныне может быть отнесен к VIII в. Он был составлен и водружен в соответствии с "рунической" поминальной традицией и найден на одном курганном поле с другой, собственно рунической эпитафией (Щербак А.М., 1961; Кляшторный С.Г., 1961).

Как видим, палеографические исследования азиатских рун не только формируют новый взгляд на их происхождение и развитие, но и ставят новые вопросы перед востоковедами: и историками, и археологами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акишев К.А., 1978. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана.

Аманжолов А.С., 1965. Древнетюркская руническая надпись из Прииртышья // Народы Азии и Африки. № 3.

Аманжолов А.С., 1967. Еще раз об иртышской надписи // Вестн. АН КазССР. № 9.

Аманжолов А.С., 1971. Руноподобная надпись из сакского захоронения близ Алма-Аты // Вестн. АН КазССР. № 12.

Аманжолов А.С., 1975. Материалы и исследования по истории древнетюркской письменности. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Алма-Ата.

Аманжолов А.С., 1985. Тюркская руническая графика. III. Алма-Ата.

Аристов Н., 1894. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой Орды и каракиргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований // Живая старина. Вып. III–IV.

Батманов И.А., 1963. Введение // И.А. Батманов, А.Ч. Кунаа. Памятники древнетюркской письменности Тувы. Вып. I. Кызыл.

Батманов И.А., Арагачи З.Б., Бабушкин Г.Ф., 1962. Современная и древняя енисеика. Фрунзе.

Бернштам А.Н., 1950. Н.Я. Бичурин (Иакинф) и его труд "Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена" // Н.Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.

Бичурин Н.Я., 1950. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I, II. М.; Л.

Боровкова Л.А., 1992. Проблема местоположения царства Гаочан. По китайским историям. М.

Васильев Д.Д., 1983. Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. Л.

Габен А. фон, 1986. Культура письма и печатания у древних тюрков // Зарубежная тюркология. Вып. I. М.

Гао Мин, 1989. О насечках на керамике и об истоках китайской иероглифической письменности // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXII. Языкознание в Китае. М.

Гельб И.Е., 1982. Опыт изучения письма. Основы грамматологии. М.

Грязнов М.П., Кляшторный С.Г., 1966. Надпись или олень? По поводу одной публикации // Народы Азии и Африки. № 2.

Древнетюркский словарь, 1969. Л.

Дьяконов И.М., 1979. Комментарии // И. Фридрих. История письма. М.

Киселев С.В., 1951. Древняя история Южной Сибири. М.

Кляшторный С.Г., 1961. К историографической оценке Уланкомской надписи // ЭВ. Вып. XIV.

Кляшторный С.Г., 1964. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М.

Кляшторный С.Г., 1992. Памятники древнетюркской письменности // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религии. М.

Кляшторный С.Г., Лившиц В.А., 1971. Согдийская надпись из Бугута // Страны и народы Востока. Вып. 10. М.

Кляшторный С.Г., Лившиц В.А., 1978. Открытие и изучение древнетюркских и согдийских эпиграфических памятников Центральной Азии // Археология и этнография Монголии. Новосибирск.

Кормушин И.В., 1975. К основным понятиям тюркской рунической палеографии // СТ. № 2.

Кубарев В.Д., 1995. Знаки на стрелах древних кочевников Алтая // Изучение памятников археологии Алтайского края. Ч. 1. Барнаул.

Кызласов Л.Р., 1960. Новая датировка памятников енисейской письменности // СА. № 3.

Кызласов Л.Р., 1965. О датировке памятников енисейской письменности // СА. № 3.

Кызласов Л.Р., 1969. История Тувы в средние века. М.

Кызласов Л.Р., 1977. "Древнетюркские" неурядицы // СТ. № 5.

Кызласов Л.Р., 1992. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. Красноярск.

Кызласов Л.Р., Смирнова О.И., Щербак А.М., 1958. Монеты из раскопок городища Ак-Бешим (Киргизская ССР) в 1953–1954 гг. // Ученые записки Института востоковедения АН СССР. Т. 16. М.; Л.

Кызласов И.Л., 1990. Древнетюркская руническая письменность Евразии. М.

Кызласов И.Л., 1991. Палеографическое исследование азиатских рунических алфавитов // СА. № 4.

Кызласов И.Л., 1994. Рунические письменности евразийских степей. М.

Лившиц В.А., 1962. Юридические документы и письма // Согдийские документы с горы Муг. Вып. II. М.

Лившиц В.А., 1976. Надписи из Дильберджина // Древняя Бактрия. М.

Лившиц В.А., 1978. О происхождении древнетюркской рунической письменности // СТ. № 4.

Маллицкий Н., 1897–1898. О связи тюркских тамг с орхонскими письменами // Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии. Ташкент.

Малов С.Е., 1952. Енисейская письменность тюрков. М.; Л.

Массон В.М., 1983. Археологические работы на новостройках и изучение древних культур // Древние культуры евразийских степей. По материалам археологических работ на новостройках. Л.

Мелиоранский П.М., 1899. Памятник в честь Кюль-Тегина // ЗВОРАО. Т. 12.
Менандр Византиец, 1860. // Византийские историки / Пер. С.Ю. Дестуниса. СПб.
Ошибкина С.В., 1992. Искусство эпохи мезолита // Искусство каменного века. Лесная зона Восточной Европы. М.
Сагалаев А.М., Крюков В.М., 1991. Г.Н. Потанин: опыт осмысления личности. Новосибирск.
Феофилакт Симокатта, 1957. История / Пер. С.П. Кондратьева. М.
Шифнер А.А., 1855. Об этнографической важности знаков собственности // Ученые записки Академии наук, I и III отделение. Т. 3.
Щербак А.М., 1961. Надпись на древнеуйгурском языке из Монголии // ЭВ. Вып. XIV.
Щербак А.М., 1970. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л.
Akira Haneda, Nobuo Yamada, 1961. A List of the Manuscript Remains in Uigur Script Preserved in Ryukoku Library // Monumenta Serindica. Vol. 4. Buddhist Manuscripts and Secular Documents of the Ancient Languages in Central Asia. Kyoto.
Clauson sir G., 1970. The Origin of the Turkish "Runic" Alphabet // Acta Orientalia. T. 32. Copenhagen.
Gabain A. von, 1954. Buddistische Türkmission // Asiatica. Festschrift F. Weller. Leipzig.
Kljaštornyi S., Livšic V.A., 1972. The Sogdian Inscription of Bugut Revised // Acta Orientalia. T. 26. Fasc. 1. Budapest.
Le Coq A. von, 1909. Koktürkisches aus Turfan // Sitzungsberichte der Preussischen Akademit der Wissenschaften. Phil.-hist. Klasse. Bd. 41, B.
Liu Mau-tsai, 1958. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (Tü-küe). Buch I, II. Wiesbaden.
Sertkaja O.F., 1994. Kağıda yazılı Göktürk metinleri ve kağıda yazılı Göktürk alfabeleri // Türk Dili Araştırmaları Yilligi. Belleten, 1990. Ankara.

Институт археологии РАН,
Москва

I.L. KYZLASOV

MATERIALS RELATED TO THE EARLY HISTORY OF THE TURKS

II. THE EARLIEST EVIDENCE OF WRITTEN RECORDS (PART 1)

Summary

It is not known when and where written records appeared among the Turkic peoples. The earliest records of the so called runic writing date to the 8th century. Attempts to find Turkic inscriptions in the known artifacts of the Early Iron Age of the Hunn-Sarmatian Age are not justified, as the author trinks. These are either unreadable records or signs-marings the very nature of which is not related to written records. The early history of the runic records of Asia is identivied through understanding intrinsic peculiarities of the written records proper. They are divided into several independent alphabets out of which two alophabets – Enisey and Orkhon – are analyzed in the paper. The Tuva variant of the Enisey alphabet that has preserved a group of archaic signs (Figure 1) that survived over as an element of the Orkhon alphabets known thanks to two manuscript fragments (figure 2, 3) is singled out in the Enisey alphabet. The order of placement and grouping of the letters does not have any analogues and the number of sings is greater than is known from the runes (Figure 4). Consequently, the Orkhon records is a result of reforms of the earlier records (let us call them the upper Enisey records) that had had a long history by the 8th century. The study of sings that are not used any more (Figure 1) and the analysis of general tendencies of the Orkhon spelling in the 8th and 10th centuries identity original syllable nature of the proto-runic records (See their reconstructed forms in Figure 5). Two stages of their evolution are identified: from showing the open syllable to showing the closed syllable. The further way is a gradual reduction of the signs applied, a smooth (but not completed) transition to an alphabet principle, i.e. one sign – one sound. At first, runes denoted a combination of one consonant and a specific vowel of the same line which make them different from known Egyptian and Semite syllables of the earliest times. Sound peculiarities of the earliest runic written records show that at first they were not related to the Turkic languages.

Х. ЦОЛЬ-АДАМИКОВА

НАЗЕМНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ С ТРУПОСОЖЖЕНИЕМ У СЛАВЯН В СВЕТЕ ПИСЬМЕННЫХ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

В произведениях средневековых писателей, сообщающих о погребальных обычаях славян периода до принятия христианства[1], обнаруживается удивительно мало данных о форме и типе погребений. Подавляющее большинство авторов, сведения которых касаются времени до конца X в., подтверждают повсеместный и исключительный характер кремации, тем самым косвенно свидетельствуя о погребениях с трупосожжением. Детальную характеристику этого обряда содержат только два источника, а именно: "Повесть временных лет" и так называемая "Анонимная реляция" (арабское произведение второй половины IX в., не сохранившееся в подлиннике, более древнюю выписку из которого привел Ибн-Русте – Lewicki T., 1955, s. 125). Оба отрывка относятся к восточным славянам[2] и единогласно свидетельствуют только об одном типе погребения – наземном урновом. По "Реляции", урна ставилась на курган, по "Повести" – на столб у дорог. Как в свое время Л. Нидерле (Niederle L., 1911, s. 324, 325), так и вслед за ним Б.А. Рыбаков (1970, с. 43), доказали, что слово "столпъ" обозначало в древнерусских текстах XI и XII вв., с одной стороны, столб, колоду, колонну, а с другой – башню, келью, небольшой домик. Это предоставляет две возможности интерпретации этих загадочных "столпъов" "Повести" и способа размещения урн: они сохранились на каком-то вертикальном деревянном сооружении или в домовине, домике мертвых (который, впрочем, возможно, ставился на столб). Не исключено, что столб мог находиться также на кургане или неподалеку от него[3].

Мы не располагаем данными письменных источников о типе погребений у западных славян, за исключением двух не очень ясных свидетельств. Одно из них – поучение Оттона, епископа Бамберга поморянам не помещать "палок" на могилах (Ebonis Vita S., 1969, s. 53), другое – приказы Бжетыслава II, чешского князя, который уничтожил

---

[1] Данные о письменных источниках, сообщающих о погребальных обычаях языческих славян, собраны в следующих работах: Zoll-Adamikowa H. 1975, s. 282–286; 1979, s. 162–204; Niederle L., 1911, s. 224–379; Lewicki T., 1955, s. 122–154; Лихачев Д.С., 1950, I, с. 15.

[2] Ф. Кветович (Kwietowicz F., 1976, s. 175–191) убедительно доказал, что славян, описанных в "Анонимной реляции", нельзя локализовать на территории Великой Моравии, а скорее где-то в центрально-южной части Киевской Руси.

[3] Это предположение опирается на дополнение "Повести" словами "Летописца Переяславля Суздальского" начала XIII в.: "и в курганы сыпаху" (Лихачев Д.С., 1950, II, с. 228), а также на факт повсеместного распространения курганов на восточнославянских землях. Вышеуказанную попытку интерпретации пытался опровергнуть Б.А. Рыбаков (1970, с. 41), однако его аргументация неубедительна. Он считает, что в "Повести" не могут упоминаться курганы, так как погребальные обряды вятичей, радимичей и северян были описаны во времена, когда эта форма погребения не была еще известна славянам. Согласно Б.А. Рыбакову, это вытекает из той хронологической последовательности, в которой о легендарных судьбах европейских народов повествовалось в начале "Повести". Описание быта древних славян будто бы вытекает из содержания третьей части начала "Повести", описывающей события до VI в. Однако в действительности на этом месте приводится только описание родов у полян и деревянных бань у новгородцев. Обширная характеристика древнерусских племен и их обычаев приводится дальше, а именно после упоминания об упадке авар (VIII/IX в.), но перед 852 г. Если принять, что древнейшая история Руси была описана Нестором с действительной исторической последовательностью, тогда восточнославянские погребальные обряды он относит ко времени первой половины IX в. (т.е. периода, когда курганы были повсеместной формой погребения), но ни в коем случае не к периоду древности.

© Х. Цоль-Адамикова, 1998 г.

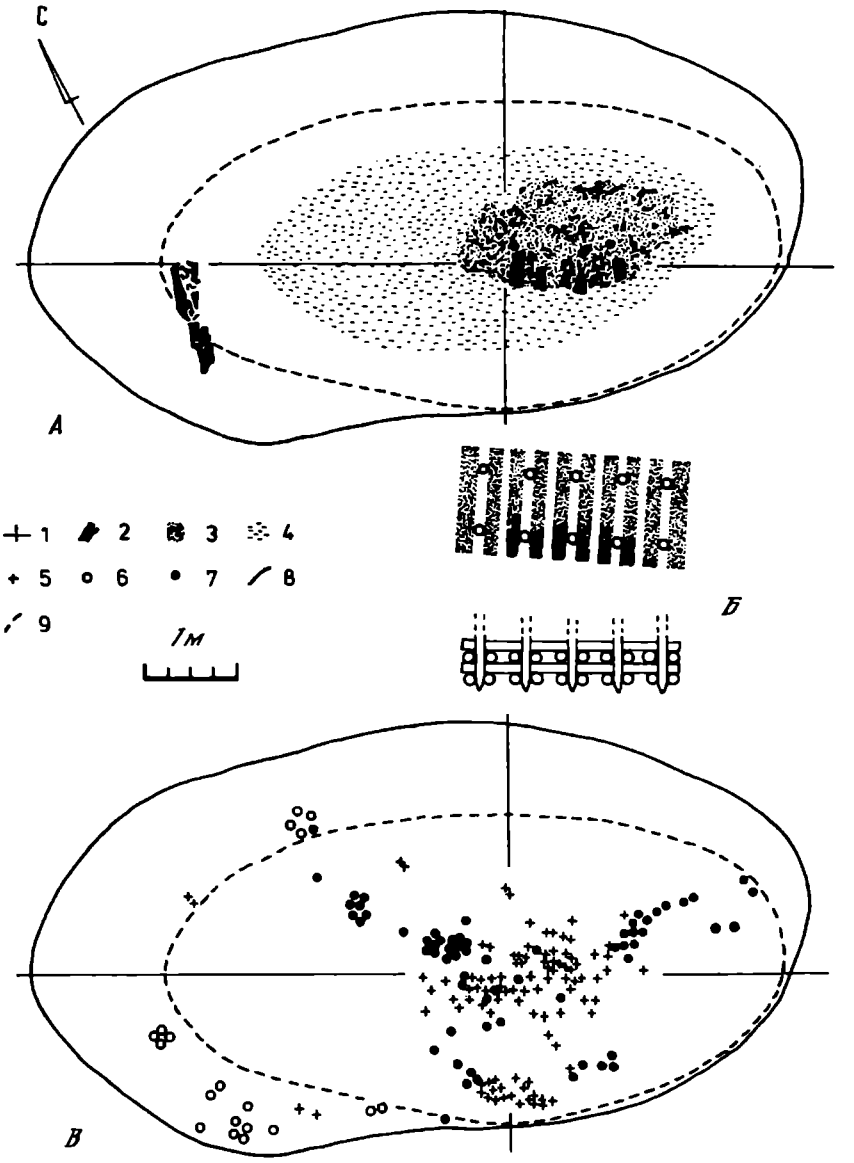


Рис. 1. Корнатка, воеводство Краков, кург. 3: *А* – план местонахождения трупосожжения; *Б* – реконструкция кострища (план и вид сбоку); *В* – разброс находок в кургане. *1* – осевые линии кургана; *2* – сожженная древесина; *3* – очень сильно обожженная почва, перемешанная с углями; *4*– участки слабо обожженной почвы; *5* – пережженные кости; *6* – фрагменты керамики из внешнего яруса; *7* – фрагменты керамики из внутреннего слоя; *8* – современные очертания насыпи кургана; *9* – первичные очертания насыпи кургана

какие-то "будки", поставленные по языческому обычаю для умерших на распутье (Cosmae Pragensis..., 1923, S. 161). Оба отрывка, кажется, подтверждают существование запрещаемого церковью обряда воздвигать какие-то деревянные конструкции, посвященные умершим. Аналогично столбам, упоминаемым в "Повести", можно и "палки" (вертикальные элементы), и "будки" (небольшие постройки-домики мертвых) предположительно считать деревянными наземными устройствами для хранения человеческих останков. Существуют, однако, и другие варианты интерпретации функции этих конструкций[4].

Из-за отсутствия четко прослеживаемых следов места погребения в славянских

[4] Эти "палки" можно также рассматривать как наземные обозначения или как магическое обеспечение погребения. Латинское слово "scenas" в Декретах, которое понимают в значении будки-домовины, вслед за С. Урбаньчик (Urbańczyk S., 1966, s. 148) переводится некоторыми исследователями как хороводы (Wojciechowska M., 1968, s. 214).

курганах с трупосожжением некоторые исследователи (Niederle L., 1911, s. 324–326; 330–336; Červinka I.L., 1928, s. 139; Drewko M., 1954, s. 308; Eisner J., 1966, s. 325) предполагали возможность существования каких-то форм наземного хранения останков умерших и сопутствующих им вещей. Эти предположения подтверждаются исключительно редкими археологическими находками таких бесспорных доказательств погребения на поверхности насыпи, как, например, урны, сохранившиеся целиком на верхушке холма, или нижние части столбов, осыпанные пережженными костями и остатками разбитых урн. Сведения о таких немногочисленных находках приводят Л. Нидерле (Niederle L., 1911, s. 330–336), В.В. Седов (1970, с. 85).

Только в 1963–1964 гг. в ходе систематических раскопок в Корнатке I и II удалось обнаружить остатки наземных погребений во всех исследованных тогда семи курганах, хотя пережженных костей на вершинах насыпей не было (Zoll-Adamikowa H., 1975, s. 126–129). Используя прием трехмерной фиксации местонахождения каждого обломка керамики и каждой кости, учитывая при этом глубину залегания предметов относительно поверхности склонов кургана и привязку находок соответственно к одному из четырех стратиграфических ярусов кургана (Zoll-Adamikowa H., 1976, s. 283, 284), удалось констатировать, что преобладающая масса пережженных костей и большинство сосудов не были накрыты первичной насыпью. В горизонтально-стратиграфическом плане они находились вне первичной основы кургана (рис. 1), в вертикально-стратиграфическом – залегали в гумусе и подпочве так называемого внешнего яруса (слой с дневной поверхностью) на склонах, у подножья, а также в курганном ровике, т.е. в тех пластах земли, которые сместились вниз по насыпи от исходного положения на верхушке и на склонах кургана в ходе его постепенного разрушения. Следовательно, пережженные кости первоначально находились не под насыпью кургана, а где-то на его поверхности. Поскольку их, как правило, сопровождают большие фрагменты сосудов, а также большие куски обугленных бревен, можно предположить, что кости были помещены в глиняные урны, стоявшие на или в каких-то деревянных конструкциях. Это, следовательно, мог быть тот самый тип наземного захоронения, который подтверждается для восточных славян "Анонимной реляцией" и "Повестью временных лет".

Со времени открытий в Корнатке в Польше и в Восточной Германии исследовано 18 могильников, входящих в состав большой курганной зоны по обе стороны Судет и Карпат. Не менее чем на 15 из них (особенно на тех, где с большой точностью фиксировались все кости и другие вещи) отмечен или факт появления, или чаще, преобладания наземных урновых погребений[5]. Эти исследования предоставили также новые данные для реконструкции способов захоронения останков умерших на поверхности кургана. Большинство из них подтвердило предполагаемую ранее локализацию урн на верхушке кургана. Однако в нескольких случаях (Гуциев I, кург. 11; Избицко, кург. 15; Гахро, кург. 2, 4) пережженные кости лежали вокруг столбовых ям, расположенных в курганном ровике или на краю первичной насыпи (рис. 2), что может указывать на возможность установки урн на столбы, вбитые у края кургана (рис. 3).

Эти открытия явились стимулом для верификации типов захоронений, выявленных во время прежних раскопок могильников с трупосожжением (главным образом на территории Чехословакии и Польши). В результате этого установлено, что пережженные кости и керамика (если их местонахождение было документировано), находились прежде всего во внешнем ярусе, стратиграфически отражающем накурганную локализацию захоронения[6].

---

[5] Гахро и Остро в Восточной Германии; Бендковице, Бялогуже I, II, Гуциев I, V, Избицко, Пётровице I, II, Рацибож-Обора I–III, Розумице и Трепча в Польше. Точные библиографические данные ко всем упомянутым могильникам с трупосожжением см. (Zoll-Adamikowa H., 1975, s. 43–273; 1979, s. 304–314, fig. 59).

[6] Например, могильники: Дахнов и Липско в Польше, а также Хотовице, Вшеляпы, Всесли, Бульхары, Порнице, Врбка, Битарова, Висолае в Чехословакии. Уже раньше это предполагали некоторые исследователи этих могильников: Л. Нидерле, И.Л. Червинка, М. Древко, Я. Айснер (см. список литературы), а также: Б. Достал (Dostal B., 1957, s. 58, 59), Й. Неквасил (Nekvasil J., 1955, s. 75–78), Р. Турек (Turek R., 1958).

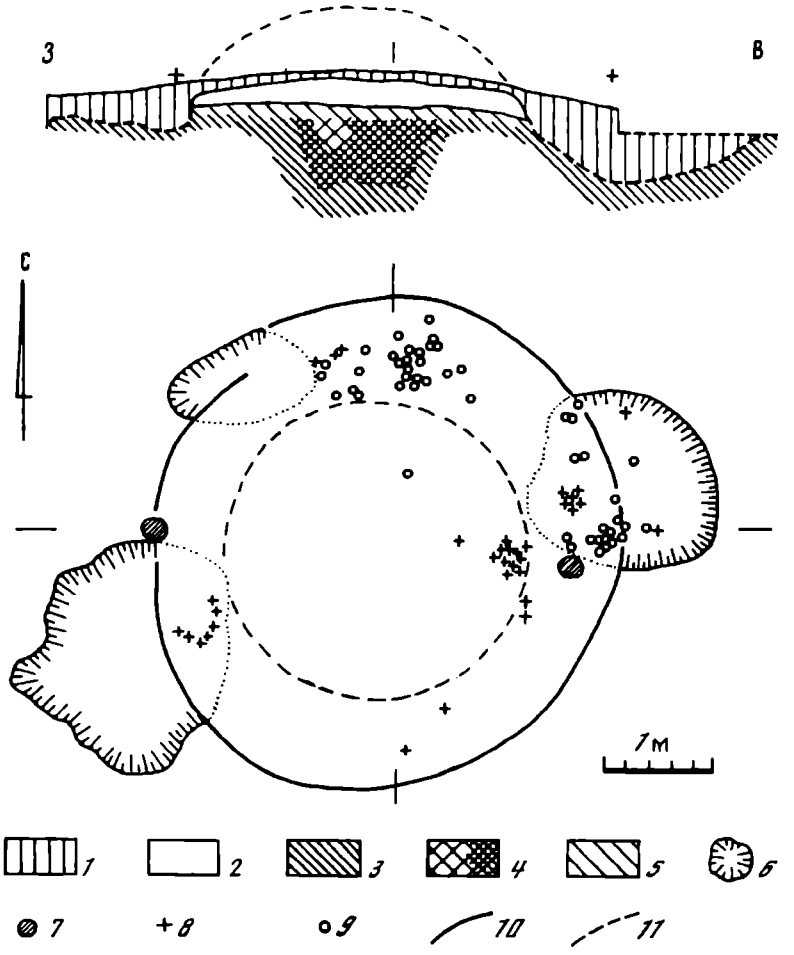


Рис. 2. Гахро, район Финстервальде. План и профиль кург. 4 (по рисунку Г. Ветцеля). *1* – дневная поверхность со слоем гумуса; *2* – остатки первичной насыпи кургана; *3* – древний горизонт; *4* – заполнение ямы с древнего горизонта; *5* – материк; *6* – яма; *7* – столб; *8* – пережженные кости; *9* – фрагменты керамик из внешнего яруса; *10* – современные очертания насыпи кургана; *11*– первичные очертания насыпи кургана

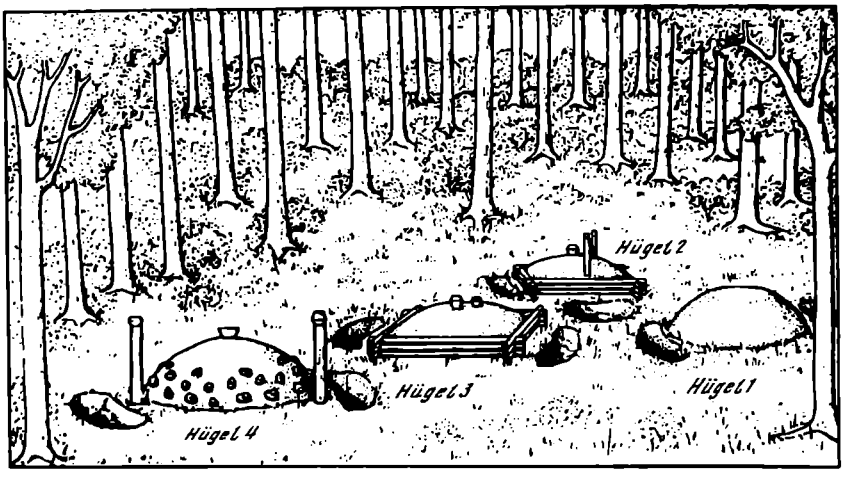


Рис. 3. Реконструкция северной части курганного могильника в Гахро, район Финстервальде (по рисунку Г. Ветцеля)

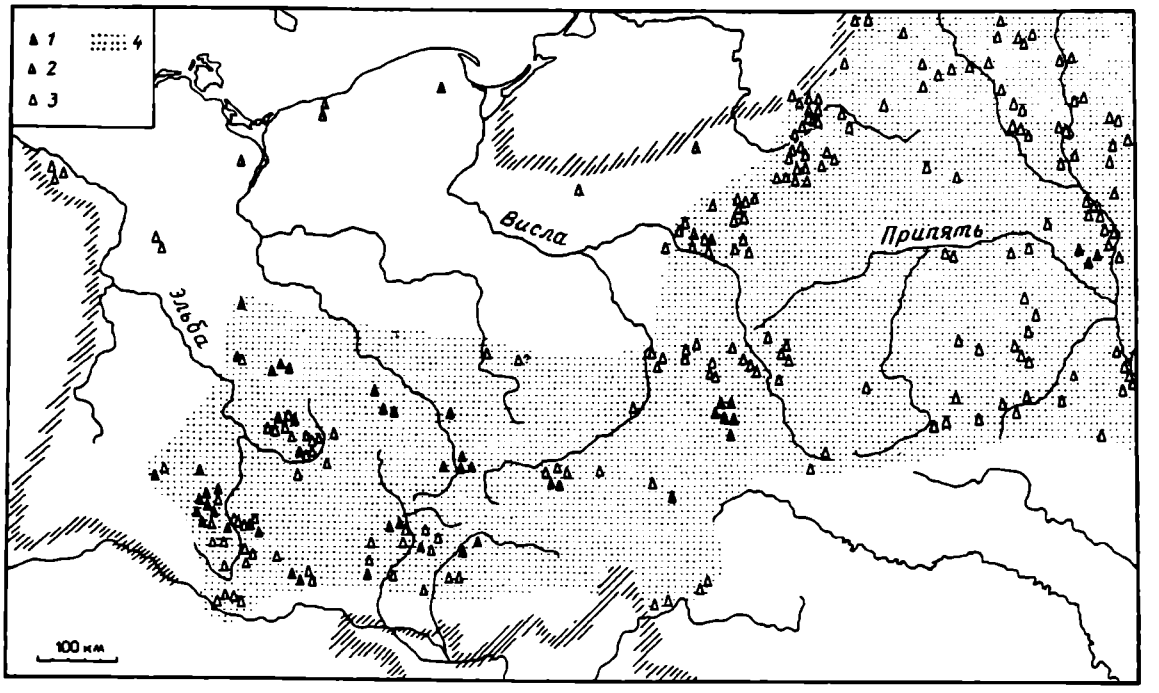


Рис. 4. Распространение и дифференциация славянских курганных могильников в междуречьи Эльбы и Днепра в фазе 2 (VII/VIII – вторая половина X в.). *1* – курганные могильники с трупосожжением на поверхности насыпи; *2* – курганные могильники с трупосожжением в насыпи или на уровне древнего горизонта; *3* – местонахождение трупосожжения не известно; *4* – ареал славянских курганных погребений

Рассматривая появление разных форм погребений во времени и пространстве, замечаем, что в курганной зоне западного славянства в период от рубежа VII–VIII вв. до распространения ингумации наземное захоронение было, по-видимому, доминирующим, во всяком случае единственным надежно документированным типом погребения (рис. 4). Объяснения требует также частота его встречаемости по отношению к другим формам погребения на территории Северо-Восточной Польши, Северной Моравии и Восточной Словакии. Наземные захоронения не были распространены в изолированной группе могильников IX–X вв. в устье Одры (рис. 4), где доминировали курганы скандинавского типа с подкурганными захоронениями в виде зольно-угольной прослойки на горизонте. На остальных западнославянских землях погребения периода VI–X вв. археологически пока не зафиксированы. Можно лишь догадываться, что и там существовали захоронения на дневной поверхности, которые, однако, устраивались не на курганах, а на грунтовых могильниках, может быть на какой-то деревянной конструкции. От такого типа погребений, если место могильника порастет лесом или станет пахотным полем, уже за краткое время не остается никаких материальных остатков.

Происхождение наземных захоронений, которые с конца VII в., похоже, являлись характерным признаком западнославянских погребальных обрядов, еще окончательно не выяснено. Применение почти точного эталона такого обычая (Kaus K., 1978, S. 91–94) констатируется на раннеримских курганных могильниках норико-паннонского типа, однако оба эти явления разделяет промежуток времени около пяти веков, причем в древнейшей фазе раннего средневековья (VI–VII вв.) захоронения на верхушке кургана не были известны западным славянам, так как они появляются у них только в следующей фазе. Кроме того, население, оставившее погребения в норико-паннонских могильниках, связано не с предками раннесредневековых славян, а с местным романизированным населением кельтского происхождения (К. Каус (Kaus K., 1978), Е. Бонис (Bonis E., 1957, s. 67–82) и следующие библиографические статьи, цитируемые в обоих работах). Следовательно, ввиду маловероятности заимствования

наземной формы захоронения непосредственно от античности проблема ее происхождения в раннем средневековье продолжает оставаться открытой. То же можно сказать и о генезисе курганов у раннесредневековых славян.

Археологические материалы не дают, к сожалению, однозначного ответа на вопрос о степени распространения накурганных захоронений на восточнославянских территориях, хотя именно там они не могли быть спорадическими, так как нашли отражение в двух названных выше письменных источниках. Основные трудности состоят в отсутствии публикаций с точными планами размещения вещевого инвентаря и костей в пределах кургана, что сделало бы возможной верификацию скупых, обобщающих словесных описаний. Появление наземных трупосожжений отмечено в междуречье Днепра и Припяти (Седов В.В., 1970, с. 85), в западной части роменско-борщевского культурного круга[7], в группе длинных курганов (Седов В.В., 1974. с. 19–23)[8], а кроме того, в небольшом проценте курганов на могильниках типа Гнездово – Старая Ладога, основная масса которых содержит, однако, подкурганные захоронения (Булкин В.А., 1973, С. 120–122). Последние содержат захоронения смешанного с этнической точки зрения населения, однако прежде всего скандинавского происхождения (Avdusin D.A., 1977, S. 263–290; Кирпичников А.Н. и др., 1978, с. 63–69). Для других территорий итоги сопоставления типов захоронений не подводились. Так как правильное установление первичного местонахождения останков умершего в курганах требует скрупулезных раскопок и точной фиксации расположения находок, в настоящий момент следует воздержаться от окончательного определения типа или типов захоронений, характерных для конкретных восточнославянских племен, до времени, пока не накопится достаточное количество могильников, исследованных и описанных, согласно современным требованиям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Булкин В.А., 1973. О так называемых пустых курганах Гнездовского могильника // КСИА. Вып. 135.

Кирпичников А.Н., Лебедев Г.С., Булкин В.А., Дубов И.В., Назаренко В.А., 1978. Русско-скандинавские связи в эпоху образования Древнерусского государства IX–XI вв. // Scando-Slavica. T. 24.

Лихачев Д.С., 1950. Повесть временных лет. Ч. I–II. М.; Л.

Рыбаков Б.А., 1970. Нестор о славянских обычаях // МИА. Вып. 176.

Седов В.В., 1970. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М.

Седов В.В., 1974. Длинные курганы кривичей. М.

Сухобоков О.В., 1975. Славяне Днепровского Левобережья. Киев.

Avdusin D.A., 1977. Gnezdovo – der Nachbar von Smolensk // Zeitschrift für Archäologie. № 11.

Bonis E., 1957. Csaszarkori halomsiros temetkeres ivancon // Folia Archeologica. T. IX.

Červinka I.L., 1928. Slovane na Morave a rišé Velkomoravska. Brno.

Cosmae Pragensis Chronica Boemorum, 1923 // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. N.S. II. Berlin.

Dostal B., 1957. Slovansky mohylnik u Zlutavy // Sbornik Praci Filosoficke Fakulty Brnenske University. E. № 2.

Drewko M., 1954. Wielki kurhan wezesnośredniowiecznego cmentarzyska we wsi Lipsko, pow. Zomość // Wiadomości Archeologiczne. T. XX.

Ebonis Vita S., 1969. Ottonis episcopi babenbergensis // Monumenta Poloniae Historica. Series Nova. VII, 2. Warszawa.

[7] Т.е. в рамках настоящей роменской культуры, на левобережье Среднего Днепра – ср. В.В. Седов (1970, с. 127, 128), О.В. Сухобоков (1975, с. 71–75). В восточной части этого культурного круга, в бассейне верхней Оки и среднего Дона (собственно борщевская культура) преобладают подкурганные захоронения: урновые или в форме зольно-угольной прослойки на материке.

[8] Следует, однако, подчеркнуть, что связь этой культурной группы со славянским населением все еще является предметом дискуссии.

Eisner J., 1966. Rukovet slovanske archeologie. Praha.
Kaus K., 1978. Kenotaph oder Gipfelgrab? Zur Problematic der fundleeren norisch-pannonischen Hügelgräber // Forschungsberichte zur Ur- und Frühgeschichte. T. 10.
Kwietowicz F., 1976. Tytuły uładców Słowian w tzw. "Relacje anonimowej" wschoduim źródle z konca IX wieku // Slavia Antiqua. T. XXIII.
Lewicki T., 1955. Obrzędy pogrzebowe pogańskich Słowian w opisach podróżników i pisarzy arabskich głównie z IX–X w. // Archeologia. T. V.
Nekvasil J., 1955. Slovanske mohyly u Bulhar // Archeologicke Rozhledy. T. VII.
Niederle L., 1911. Slovanske starožitnosti-Zivot starych Slovanů. T. I/1. Praha.
Turek R., 1958. Slawische Hügelgräber in Südböhmen // Fontes Archaeologici Pragensis. T. I..
Urbańczyk S., 1966. Wierzenia plemion prapolskich. Początki Państwa Polskiego. T. II. Poznań.
Wojciechowska M., 1968. Kosmasa Kronika Czechów. Warszawa.
Zoll-Adamikova H., 1975. Wczesnośredniowieczne cmentarzyska ciałopalne Słowian na terenie Polski. T. I. Wrocław.
Zoll-Adamikowa H., 1976. Uwagi o sposobach badania wczesnośredniowieczuych kurhanów ciałopalnych // Archeologia Polski. T. XXI.
Zoll-Adamikowa H., 1979. Wczesnośredniowieczne cmentarzyska ciałopalne Słowian na terenie Polski. T. II. Wrocław.

Институт археологии и этнологии ПАН,
Краков, Польша

H. ZOLL-ADAMIKOWA

FLAT BURIALS WITH CORPSE BURNING IN THE LIGHT OF WRITTEN AND ARCHAEOLOGICAL SOURCES

Summary

The paper is dedicated to the issue related to the existence of flat burials with corpse burning among western and eastern Slavs. According to the information in the "Story of Past Years" and "Anonymous Relation" flat burials in urns were used in the eastern Slav lands. For western Slavs written records indicate the existence of some flat wooden constructions dedicated to the dead. Artifacts from burial grounds Kornatna I, II provide new data on the form and the type of flat burials. Due to a detail recording of the location of the corpses burning traces (Figure 1-3) and the goods that accompany them, features of flat burials have been identified. On this basis, an attempt to reconstruct the types of flat constructions designed for keeping the remains of corpse burning has been made. In most cases remains were placed into urns which were then put on top the kurgan as well as on the posts installed at the edge of the kurgan mound or in a ring moat.

At the same time the author tries to identify the place of flat burials among the forms and types of the burials spread in the early Middle Ages on the territory of north-eastern Poland, northern Moravia, eastern Slovakia, presenting on-kurgan burials as predominant during the turn of the 7th-8th centuries before inhumation practice appeared. At the same time it is noted that the issue of the origin and genesis of the Slav on-kurgan burials as a whole has not been thoroughly studied.

А.Б. МАЗУРОВ

ОСНОВНЫЕ ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ КОЛОМНЫ

Коломна – один из средневековых городских центров Московской земли. Далеко не рядовой город, она особенно выдвинулась на политической сцене в XIV–XV вв. – в эпоху образования единого Русского государства, в процессе создания которого Коломне принадлежала довольно заметная роль.

Упомянутая впервые как крайний северо-западный город Рязанского княжества в 1177 г. (Лаврентьевская летопись, 1962, стб. 383) она вскоре стала удельным городом. Об этом свидетельствуют указания Ипатьевской летописи в статье 1180 г. о том, что она была "Рязанской волостью" (Ипатьевская летопись, 1908, стб. 614), и Лаврентьевской летописи на княжение здесь в 1186–1187 гг. Всеволода Глебовича (Лаврентьевская летопись, 1962, стб. 403, 406). Источники домонгольского периода высвечивают прежде всего военно-стратегическое значение города.

После присоединения к Московскому княжеству Коломна занимает совершенно особое место в его территориально-политической структуре, превращаясь в домен старшего князя княжеского дома Калитовичей. "Коломна с волостьми" XIV–XV вв. – главное достояние и материальная опора великокняжеской власти в борьбе за объединение Руси. Можно сказать, что в процессе собирания государства эта территория с крупным городским центром сыграла ту же роль, что и домен королей из династии Капетингов (Иль-де-Франс) в создании средневековой централизованной Франции. В отечественной историографии прочно укрепились представления о Коломне как о втором по значению городе Московского княжества XIV–XV вв. (Сахаров А.М., 1959, с. 101), подтвержденные недавним исследованием автора (Мазуров А.Б., 1995а; 1996а).

Н.М. Карамзин метко назвал Коломну "соцарственной Москве". Действительно, для данного времени она без всякого преувеличения сомасштабна столице. Город Коломна XIV–XV вв. – средоточие огромной доходной территории, крупный церковный центр (викарная кафедра русской митрополии с несколькими монастырями, возглавляемыми архимандритом), развитый центр ремесла и торговли, где царила атмосфера высокой духовной культуры.

Коломну данного периода можно с полным основанием отнести к "молодым" политическим центрам. Вокруг подобных новых территориальных баз начиналась консолидация русских земель и нарастание освободительной борьбы с иноземным господством. Уже поэтому ее история и археология заслуживают самого подробного конкретного описания и характеристики. Помимо общего представления о еще одном городском средневековом центре (что ценно и само по себе), это позволит получить и серьезные новые материалы по проблеме возвышения Московского княжества.

Вплоть до последнего времени археология Коломны была мало известна специалистам. Между тем за последние годы здесь накопился достаточно объемный новый материал. В настоящем сообщении предпринята попытка осмыслить основные итоги археологических работ в Коломне конца 1980-х – 1990-х годов, обозначить перспективы и направления будущих исследований[1].

---

[1] Статья носит обзорный характер, отдельные ее сюжеты предполагается развернуть в последующих публикациях.

© А.Б. Мазуров, 1998 г.

В археологическом изучении Коломны, начавшемся в 1903 г., довольно четко выделяются три основных периода.

1. 1903–1930-е годы – период первичного знакомства с городом как археологическим памятником. В 1903 г. два петербургских преподавателя Г.Т. Синюхаев и М.А. Ратманов попытались проверить известное предание о заточении Марины Мнишек в одной из башен Коломенского кремля и организовали раскопки в ее подвальных этажах. Разумеется, этот легендарный факт и не мог быть подтвержден археологическими методами. Раскопки закончились неудачей, так как поставленные цели не были достигнуты (Отчет ИАК..., 1906, с. 204; По ходатайству г. Г.Т. Синюхаева о разрешении ему производства раскопок в г. Коломне и его уезде. Архив ИИМК, ф. 1, 1903, д. 133).

В 1928 г. А.В. Арциховский в период сбора материалов к своей кандидатской диссертации "Курганы вятичей" провел шурфовку у стен храма Иоанна Предтечи в с. Городищи близ Коломны (ныне в черте города). Работы велись в составе комплексной научной экспедиции этнологического факультета I МГУ одновременно с архитектурным изучением памятника Ю.П. Кивокурцевым. Белокаменный храм, построенный в очень архаичной технике, был ошибочно датирован домонгольским временем (Труды кабинета истории..., 1930).

Наиболее масштабные исследования в Коломне проводились экспедицией Московского отделения ГАИМК в 1935–1936 гг. В 1935 г. их вели К.Я. Виноградов (1935) и Н.П. Милонов (1935, 1941), а в 1936 г. – только Н.П. Милонов (1937). За два года было изучено 800 м^2 в разных точках Коломенского кремля. К сожалению, документация по этим работам велась неудовлетворительно, отчеты неполны и весьма лапидарны, а вещевой инвентарь частично утрачен. Невысок был и методический их уровень. По итогам исследований Н.П. Милонов издал обширную статью (Милонов Н.П., 1948), отличающуюся смелыми социологическими обобщениями и спорными интерпретациями отдельных объектов. Выявив предшествующее городу поселение раннего железного века, он последовательно проводил крайне уязвимый тезис о генетической преемственности дославянского и славянского населения. В качестве нижней даты городского культурного слоя Н.П. Милонов предложил XI в., удревнив таким образом историческую биографию города на столетие. Обзорный и достаточно беглый (чаще лишь в плане упоминания) очерк найденных при раскопках вещей и объектов надолго, вплоть до начала 1990-х годов, оставался основным источником сведений по Коломне эпохи средневековья и для историков, и для археологов (Юшко А.А., 1991). Можно лишь сожалеть о том, что материалы раскопок 1930-х годов, несмотря на значительные объемы, лишены источниковедческой доброкачественности и могут быть использованы в очень ограниченном объеме и с крайней осторожностью.

2. 1947–1980-е годы – период исключительного внимания к памятникам раннемосковской архитектуры. Предметом изучения стали Успенский собор, упомянутый впервые в 1380 г., и Воскресенская церковь, в которой, согласно преданию, в 1366 г. венчался Дмитрий Иванович с суздальской княжной Евдокией Дмитриевной. В 1947 г. Н.Н. Воронин при участии тогда еще аспиранта П.А. Раппопорта провел шурфовку этих двух памятников (Воронин Н.Н., 1947; 1949). В результате были открыты фундаменты Успенского собора XIV в., а белокаменный подклет церкви Воскресения отнесен к XVI в. (Воронин Н.Н., 1962, с. 187–206).

В 1969–1970 гг. Подмосковная архитектурно-археологическая экспедиция под руководством М.Х. Алешковского и Б.Л. Альтшуллера возобновила работы на древних памятниках культовой архитектуры Коломны (Алешковский М.Х., 1969; 1970; Алешковский М.Х., Альтшуллер Б.Л., 1970; 1971). Они увенчались открытием фундаментов двух новых и весьма своеобразных памятников раннемосковского зодчества в Бобреневском Богородице-Рождественском и Старо-Голутвинском Богоявленском монастырях. Натурное исследование храма Иоанна Предтечи в с. Городищах позволило отнести его к той же группе храмов второй половины XIV в. (Альтшуллер Б.Л., 1975; 1977; 1978). Стало очевидно, что в Коломне в эпоху "русского Предвозрождения"

велось интенсивное каменное строительство, приближавшееся по масштабам к московскому.

Сложная строительная история кафедрального Успенского собора побудила вновь обратиться к его исследованиям в 1982–1984 гг. А.А. Молчанов и В.В. Кавельмахер уточнили характер "дособорного" культурного слоя, выявили ряд новых фактов строительства и предложили свою интерпретацию его этапов (Молчанов А.А., 1982; 1983; 1984; 1985; 1986; Кавельмахер В.В., Молчанов А.А., 1984).

Как это ни парадоксально, но городской культурный слой не привлекал внимания археологов. К сожалению, до 1989 г. в Коломне не проводились охранные археологические исследования, хотя ежегодно и в кремле, и на посаде велись земляные работы. Так, например, при строительстве кинотеатра "Восток" близ Ямской башни кремля с напольной стороны были отмечены кирпичеобжигательные печи, предположительно отнесенные к времени возведения кремлевских стен 1525–1531 гг. (Ефремцев Г.П., Кузнецов Д.Д., 1977, с. 27). Случайные находки резных белокаменных деталей в коммуникационных трассах близ Успенского собора дали серьезные основания говорить о существовании храма на его месте ранее 1379–1382 гг. (Кавельмахер В.В., Орловский С.П., 1984).

3. С 1989 г. по сегодняшний день – период начала и широкого развертывания охранных археологических исследований. Благодаря энтузиазму и инициативе М.Г. Савицкого в 1989 г. в Коломне впервые были организованы археологические наблюдения и шурфовка отдельных участков кремля и посада (Савицкий М.Г., 1989). К начатым местным краеведческим музеем работам в 1990 г. подключился Коломенский педагогический институт, после чего они приобрели планомерный и систематический характер. Результативные раскопки 1990 г., которые привели к открытию прекрасно сохранившихся деревянных конструкций (частоколов, срубов, мостовой) XIII в. и выразительной коллекции древностей (Савицкий М.Г., 1990; Мазуров А.Б., 1991а), доказали необходимость профессионального подхода к археологии города.

В 1991 г. городскими властями принимается специальное решение об охране городского культурного слоя, создается специальная структура, ведущая охранные исследования – Археологическая служба Коломны. Как и любые другие решения, затрагивающие хозяйственные и финансовые интересы лиц и организаций, далеких от потребностей науки, оно выполняется далеко не безупречно. Однако на его основе уже создана достаточно эффективная система, обеспечивающая проведение охранных мероприятий. Трудности работы в живом, развивающемся городе, общеизвестны. Фактором, существенно осложняющим работу, является то обстоятельство, что средневековая территория города в подавляющем большинстве занята частными дворовладениями. Тем не менее пока удавалось успешно решать спорные вопросы в пользу науки.

Регулярные исследования на протяжении 1991–1996 гг. проводил в Коломне автор (Мазуров А.Б., 1991б; 1992; 1993; 1994а, б, в, 1995б, в; 1996б; Мазуров А.Б., Огнев В.Н., 1992, 1993а). На территории Брусенского монастыря в 1991–1992 гг. охранные работы производили В.Л. Державин (1991) и Самошин С.И. (1992). Изучались предвалье западной части кремля XIV–XV вв. и некрополь Успенской церкви конца XV–XVI в. Чрезвычайно важные в научном отношении раскопки и наблюдения на прилегающей к Москве-реке части посада осуществил в это время В.Н. Огнев (Огнев В.Н., 1991; 1992; Мазуров А.Б., Огнев В.Н., 1992; 1993а, б). Они впервые позволили представить время освоения и характер использования данной территории.

В результате археологического изучения культурного слоя Коломны в 1990-х годах охвачены практически все ключевые точки средневекового города (рис. 1). За последние годы стационарными раскопками охвачено 1200 м^2 (не считая площади наблюдений). Получены наиболее существенные характеристики конкретных участков городской территории. Самыми крупными объектами исследований стали кремлевские раскопы по ул. Лазарева (Успенской): № 1 (1993 г. – 280 м^2); № 2 (1995 г. – 132 м^2); № 3 (1995 г. – 144 м^2); № 4 (1996 г. – 108 м^2). Кремль и посад неравнозначны по

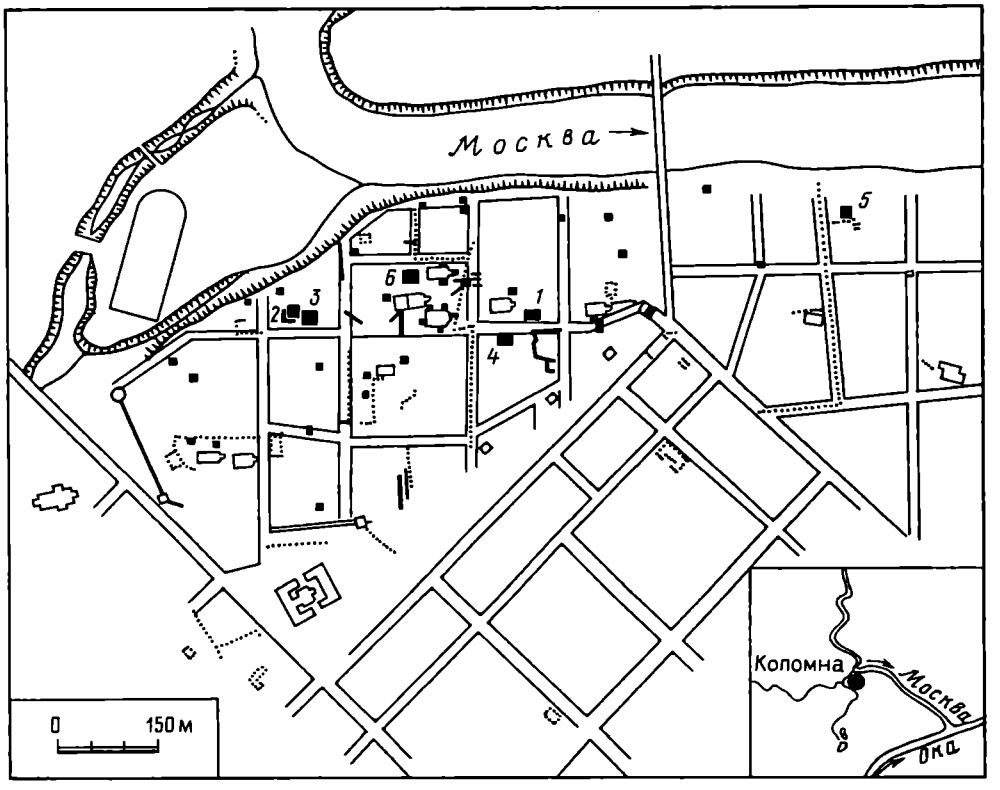


Рис. 1. Археологическая изученность культурного слоя Коломны. Полностью залиты стационарно изученные объекты, точечным пунктиром даны наблюдения.
Раскопы по ул. Лазарева: *1* – № 1; *2* – № 2; *3* – № 3; *4* – № 4; *5* – раскоп № 1 в порту "Коломна"; *6* – раскоп № 1 Н.П. Милонова 1935–1936 гг.

степени изученности. Если территория кремля довольно плотно покрыта сетью раскопов, шурфов и коммуникационных трасс, то археология посада известна гораздо хуже. Несмотря на очень существенное приращение наших знаний, необходимо все же отметить, что пока идет начальный этап освоения (стадия накопления) такого крупного археологического памятника, каким является средневековая Коломна.

Основной источник решения многих спорных вопросов истории древнерусских городов – культурный слой. В Коломне он в основном не сохраняет органику. Имеются лишь отдельные участки локального типа с хорошей сохранностью органических материалов. Как и в других городах, он подразделяется на две разновидности: 1) постсредневековый слой XVIII–XX вв. и 2) собственно средневековые отложения. Максимальная мощность слоев зафиксирована в прибрежной части кремля (2,4–3,3 м) и в заполнении древних оврагов (4,5 м). Поднимаясь выше по площадке городища, культурный слой уменьшается до 1,2–1,8 м. Это наиболее типичные для Коломны глубины "генетического" (непотревоженного ямами и перекопами) культурного слоя. В набережной части посада, в районе порта "Коломна", он имеет отметки 2,2–3,2 м, истощаясь в сторону нагорной части до 1,0–1,3 м. На местах малоинтенсивной застройки или не освоенных в средневековье глубина его не превышает 0,5–0,6 м.

Поверхность материка почти повсеместно представлена классическим подзолистым профилем. Типичными в Коломне являются глубокие перекопы материка и близко расположенные в плане разновременные ямы, заглубленные в материк. Слой имеет очень сложный характер из-за насыщающих его, часто взаимно перекрывающихся остатков сооружений и поздних перекопов. С методической точки зрения ведущими в этой ситуации, наряду с традиционным использованием вещевого материала, являются стратиграфо-планиграфические наблюдения.

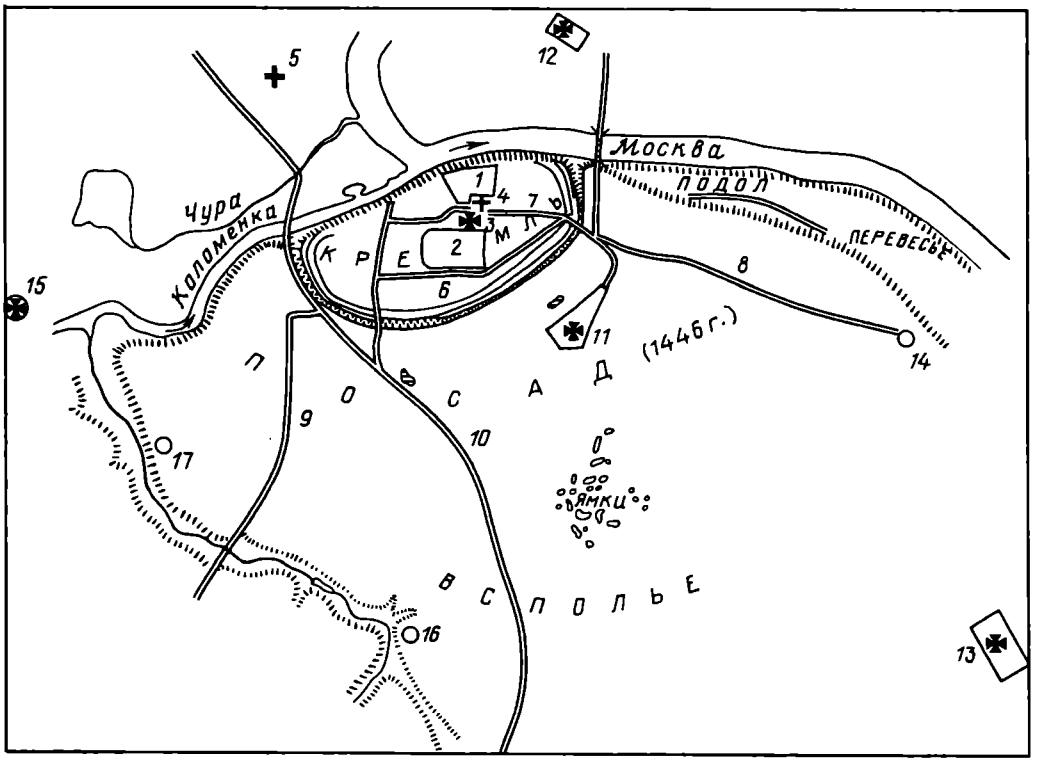


Рис. 2. Топография Коломны XIV–XV вв.

Усадебные комплексы: *1* – великокняжеский двор; *2* – владычный двор. Храмы: *3* – белокаменный Успенский кафедральный собор. Деревянные церкви: *4* – домовая церковь Воскресения великокняжеского двора; *5* – приходская церковь св. Бориса и Глеба. Улицы: *6* – Ильинская; *7* – Большая; *8* – Кудрина; *9* – Клязьмина; *10* – Николцева дорога. Монастыри с каменными храмами: *11* – Спасский; *12* – Богородице-Рождественский Бобренев; *13* – Богоявленский Старо-Голутвин. Подгородние села: *14* – Бабышево; *15* – Городищи (загородная владычная резиденция с каменным храмом); *16* – Репинское; *17* – Окуловское (?)

Приступая к изложению основных итогов археологических исследований[2], остановимся вначале на местоположении, рельефе и особенностях исходной территории. Коломна возникла в крупном гидроузле Волго-Окского бассейна – на мысу у слияния рек Москвы и Коломенки, в окружении более мелких рек Репинки, Чуры и Костерки, в 5 км от впадения р. Москвы в Оку. Это позволило рязанским князьям поставить под контроль территории нижнего течения Москвы-реки и важный торговый путь по ней. На основании материалов раскопок и наблюдений, а также планов XVIII в. удается восстановить утраченные со временем элементы древнего рельефа. Так, обозначается вновь выявленный пойменный участок городской территории, поднятый в результате целенаправленной деятельности человека и нарастания культурного слоя – подол (рис. 2). Картографируются овраги (использованные под рвы при строительстве укреплений и на жилой площадке городища), озерки и пруды.

Исходный ландшафт реконструируется по итогам палеоландшафтных исследований. Он был типичным для древнего Подмосковья – сосновые леса на слабопересеченной местности. В пойме существовал широколиственный, местами переувлажненный лес.

Позднейшая городская территория эпизодически обживалась в каменном веке

---

[2] Пользуюсь случаем выразить сердечную признательность всем, кто способствовал успешному проведению раскопок в Коломне: М.М. Наумовой (РНИИР), Е.В. Пономаренко (Лаборатория экологического проектирования), Н.Б. Черных (ИА РАН), Ю.Л. Щаповой (МГУ), А.Л. Александровскому (Институт географии РАН), Е.А. Цепкину (МГУ), Н.А. Кирьяновой (ИА РАН), коллеге и соавтору по раскопкам В.Н. Огневу (Коломенский педагогический институт).

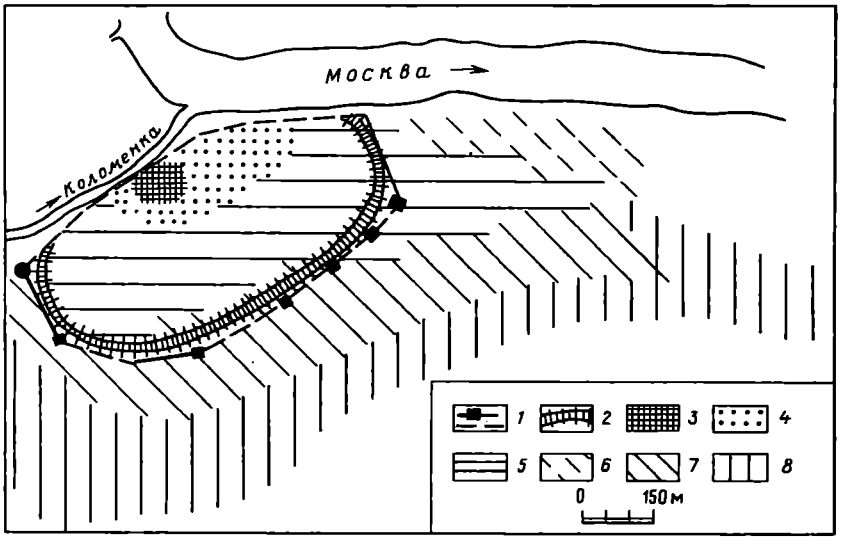


Рис. 3. Топография культурного слоя Коломны:
1 – линия стен кремля 1525–1531 гг. с обозначенными сохранившимися пряслами и стенами; *2* – вал XIV–XV вв.; *3* – славянское поселение XI в.; *4* – поселение дъяковской культуры второй половины I тыс. н.э.; *5* – культурный слой XII – первой половины XIII в.; *6* – территория, освоенная на второй половине XIII – начале XIV в.; *7* – культурный слой XIV в.; *8* – культурный слой XV в.

(начиная с мезолита) и в эпоху бронзы. Стабильное поселение, наиболее интенсивно существовавшее во второй половине I тыс. н.э., связано с носителями дъяковской культуры раннего железного века (рис. 3).

До последнего времени неясной оставалась ранняя дата городского культурного слоя. По итогам своих раскопок Н.П. Милонов датировал его нижние горизонты суммарно XI–XIII вв. (следуя принятой тогда традиции датирования домонгольских древностей в этих пределах), назвав при этом только неясные "костяные поделки XI в." (Милонов Н.П., 1948, с. 79, 82). В научном обороте эти данные закрепились. При этом исследователи относили начало городской жизни в Коломне то к XI, то к рубежу XI–XII, то к XII в. (Юшко А.А., 1991, с. 94, 95, 97, 103, 173). Однако собственно археологических аргументов в обоснование датировки не приводилось. Древнейший комплекс находок обнаружен нами в раскопе № 2 по ул. Лазарева. В переотложенных слоях найдена группа вещей, имеющих достаточно ранние датировки: крупный грушевидный крестопрорезной бубенчик с гравированным орнаментом, фрагмент калачевидного кресала и несколько бусин (две фрагментированных синих цилиндрических рубчатых прозрачных с поперечными полосами – так называемых "ягодовидных", часть сирийской многочастотной пронизки и желтая кубическая с сильно проточенным каналом). Первая находка по новгородской хронологии датируется X – началом XII в., а единичные экземпляры доживают до середины XII в. (Седова М.В., 1981, с. 156). "Ягодовидные" бусы датируются XI в. (Фехнер М.В., 1959, с. 167, рис. 5, *11*). Многочисленные подобные бусы встречены в погребениях первопоселенцев Старой Рязани середины XI – середины XII в. (Даркевич В.П., Борисевич Г.В., 1995, с. 366). Калачевидные кресала бытовали в Новгороде в XI – третьей четверти XII в. (Колчин Б.А., 1982, с. 163). Очень существенно и то, что представлена синхронная описанным вещам керамика. Хотя ее и очень немного (несколько десятков фрагментов), игнорировать ее нельзя. Это слабопрофилированные горшки с глубоко резанным линейным орнаментом и покатыми плечиками, при этом орнамент подходит к самой шейке. Представлен также штампованный и волнистый орнамент, выполненный в широкой размашистой манере расщепленной вилкой. Венчик слабопрофилированный, в тесте – примесь крупной дресвы, а у некоторых фрагментов – дробленого известняка или мела (?). Такие сосуды отсутствуют в керамике Коломны середины XII–

XIII в. Аналогичная керамика встречена на раннеславянских памятниках Ростиславльского стана и на левобережье Оки вместе с вещами XI в. (Коваль В.Ю., 1993, с. 73, рис. 2, *4–6*). Отсутствие следов сооружений и крайняя малочисленность находок не позволяют говорить о городском характере данного поселения. Оно занимало очень небольшую территорию (рис. 3) и существовало недолгое время. Кажется, между ним и собственно городскими слоями существовал определенный хронологический разрыв.

В ходе раскопок выяснено, что город возник чуть ранее даты первого летописного упоминания, около середины XII в. Если оперировать абсолютными датировками, то можно говорить о промежутке между 1140 и 1160-ми годами. Массовые находки городского характера относятся именно к середине – второй половине XII в. Это "курганная" керамика с линейно-волнистым орнаментом, вятический комплекс украшений (височные кольца и решетчатые перстни), классический домонгольский набор находок: многочисленные стеклянные браслеты, бусы и перстни, фрагменты киевских стеклянных сосудов, шаровидные и бипирамидальные бусы из горного хрусталя, шиферные пряслица, обломки амфорной керамики. Приходится признать, что разрыв между попаданием города на страницы летописи в 1177 г. и основанием Коломны был небольшим.

К сожалению, комплексы второй половины XII и первой половины XIII в. очень сложно различимы по составу находок и керамике. Все же последние данные позволяют говорить о динамике роста города и в этот ранний период.

В нижних горизонтах раскопа № 4 по ул. Лазарева, расположенного чуть к востоку от геометрического центра кремля, открыт домонгольский некрополь Коломны. Древнейшие погребения представлены курганами с трупоположениями на горизонте или подсыпке (рис. 4). Следы одного кургана сохранились в виде кольцевого ровика, в значительной степени нарушенного позднейшими сооружениями и вошедшего в пределы раскопа целиком. Судя по переотложенному комплексу фрагментированных вятических украшений (височные кольца, решетчатые перстни), это было женское захоронение. Затронут также ровик еще одного кургана. Следующий этап функционирования могильника – безынвентарные погребения в грунтовых ямах по христианскому обряду (головой на запад, с незначительными отклонениями). Всего зафиксировано семь погребений. Наблюдения над планиграфией позволяют утверждать, что могилы располагались на свободном межкурганном пространстве либо впускались в ровики. Иными словами, курганные насыпи не нарушались погребениями новой традиции. В последних десятилетиях XII в. некрополь поглощается городской территорией. Курганы и намогильные сооружения подвергаются планировке, здесь возникает жилая застройка.

В канун монгольского завоевания (конец XII – первая треть XIII в.) Коломна становится крупным городским центром, к второй четверти XIII в. занимая площадь, по самым скромным оценкам, не менее чем 20–25 га (рис. 3). Это довольно неожиданный, но все же закономерный показатель для стратегически важного удельного центра Рязанского княжества. Таким образом, достаточно уверенно устанавливается серьезный рост города в конце XII – начале XIII в., что вполне вписывается в общие закономерности, выявленные для городов на значительной части территории Руси и известные как "предмонгольский расцвет городской жизни".

Как это ни парадоксально звучит, но до сих пор не обнаружены домонгольские укрепления Коломны. Факты говорят о наличии достаточно мощных фортификаций этого периода. В 1180 г. Коломна осаждалась Всеволодом Большое Гнездо и союзными ему рязанскими князьями (Лаврентьевская летопись, 1962, стб. 387, 388; Ипатьевская летопись, 1908, стб. 614). Прямое летописное указание на существование княжеского стола в 1186–1187 гг. также предполагает наличие детинца. Зимой 1237 г. именно Коломна была выбрана в качестве опорного пункта для организации отпора Батыю (Лаврентьевская летопись, 1962, стб. 460). Поиски домонгольских укреплений остаются важнейшей задачей дальнейших исследований.

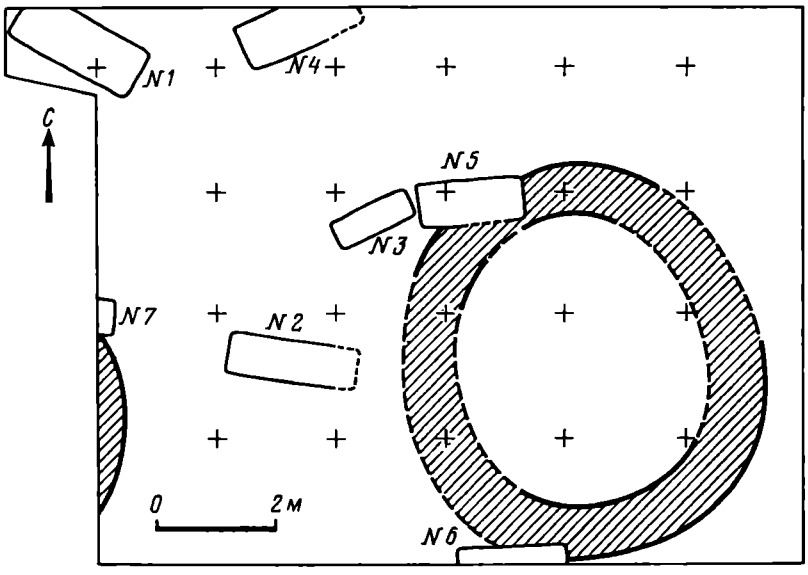


Рис. 4. Раннесредневековый могильник Коломны XII в. Кольцевые ровики от курганов и грунтовые захоронения. Раскоп № 4 по ул. Лазарева, 1996 г.

На материалах Коломны можно проиллюстрировать и такой достаточно темный период истории городов Московской земли, как вторая половина XIII – начало XIV в. В историографии он характеризуется как "время упадка" (Юшко А.А., 1991, с. 126). Между тем констатируется не только восстановление после нашествия монголов, но и дальнейшее развитие города. О его масштабах можно спорить, но отрицать его не приходится. После нашествия в скором времени городская застройка возобновляется. В восточной части кремля изучен фрагмент срубного подполья, дендрохронологически датированного Н.Б. Черных 1240 г. В кремле при раскопках у церкви Воздвижения Креста изучен ярус застройки, представленный частоколами, срубом, фрагментами деревянного замощения (в том числе, видимо, начальной частью Ильинской улицы) и несколькими ямами, датированный 1290-ми годами.

В это же время осваивается пойменное понижение в 300–500 м вниз от кремля прибрежной части Москвы-реки (подол). По данным древнейшего комплекса раскопа № 1 в порту "Коломна", его заселение относится к концу XIII – началу XIV в. В заполнении наиболее ранней ямы содержались почти исключительно серая керамика, оселки, имеющая точные аналогии в кремлевской коллекции Москвы литейная формочка, зеленый перевитой двумя желтыми нитями крученый прозрачный стеклянный браслет, византийская синяя зонная бусина. Последние находки носят явно пережиточный характер, так как домонгольские отложения здесь отсутствуют. Вскрытые фрагменты усадеб раннего времени имеют прямоугольные границы и ярко выраженный ремесленный облик (обработка черного и цветного металлов, косторезное ремесло). Со слоями конца XIII–XIV в. связаны находки значительного числа лепешкообразных округлой формы шлаков, литейной формы, большого количества рогов крупного и мелкого рогатого скота.

Вхождение в состав Московского княжества привело к резкой интенсификации городской жизни. В XIV в. в Коломне возводятся новые мощные укрепления. Они подробно и в нескольких местах исследованы раскопками и в ходе наблюдений. Самое раннее упоминание раннемосковских фортификаций Коломны содержится в "Задонщине" (Сказания и повести..., 1982, с. 11). По археологическим данным, древнейшее ядро насыпи было возведено около первой половины XIV в. С учетом косвенных соображений наиболее вероятное время постройки нового обширного кремля падает на 1320–1340-е годы. Овально-округлые в плане (рис. 3), дерево-земляные укрепления

Коломны охватили площадь 20–22 га[3], что по масштабам охваченной территории ставит Коломну на один уровень с синхронными укреплениями Москвы (кремль Калиты 1339 г. и белокаменный кремль Дмитрия Донского). Не менее показательны результаты сравнения со столичными центрами соседних княжений. Тверской кремль XIV в. занимал площадь 19 га (Рикман Э.А., 1953, с. 39), а кремль Переяславля Рязанского этого времени охватывал 12 га (Подземная охранная зона..., 1995, с. 65). Очевидно, великие московские князья, обустраивая свой удельный центр, руководствовались как идеей создания сильной крепости на пути основных маршрутов вторжения татар, так и соображениями престижа. Их резиденция должна была соответствовать столичному уровню. На протяжении своего двухсотлетнего существования (до 1525 г.) раннемосковские фортификации Коломны постоянно совершенствовались и подновлялись. Выявлено не менее четырех серьезных подсыпок насыпи вала. Здесь данные археологии и письменных источников, подчеркивающих военную значимость Коломны, коррелируются полностью.

Комплексный анализ источников позволяет прийти к выводу, что именно XIV в. стал решающим в сложении топографии средневекового города. В этот период оформляются основные звенья градостроительной структуры – главные улицы, трассирующие дороги, наиболее крупные усадебные комплексы, городские площади, монастырские ансамбли и сельская округа (рис. 2). По археологическим данным, намечается рост городской застройки посада по Кудрине улице в направлении подгороднего с. Бабышево (упоминается впервые в 1389 г.). Очаги городской застройки, села и монастыри возникали близ важнейших дорог, продолжающих городские улицы: на Москву (где в XIV в. уже существовал приходской храм св. Бориса и Глеба), Каширу (с. Окуловское? – 1417 г.), Переяславль-Залесский и Владимир (Бобренев монастырь – конец XIV – начало XV в.), Рязань (с. Репинское – 1389 г.). После событий 1385 г. у слияния Москвы-реки и Оки основывается Голутвин монастырь. Не позднее 1379 г. на периферии городской территории существовал Спасский монастырь. В 1 км от города на р. Коломенке в с. Городищи начинает функционировать загородный двор коломенского епископа с небольшим каменным храмом.

Следовательно, в XIV в. город испытал резкий рост. В контексте проблемы возвышения Московского княжества этот вывод представляется достаточно важным. Укрепление городов и общий подъем городской жизни в правление Калиты и его ближайших потомков проявились не только в столице княжества, но и в удельных центрах. Политические успехи московских князей не в последнюю очередь базировались на благосостоянии и развитии городов княжества.

Данные археологии позволяют констатировать и последующее расширение городской территории в XV в. (в основном во второй его половине). С окончанием феодальной раздробленности, с последних десятилетий XV в., относительная ценность Коломны в глазах московских династов, распоряжавшихся огромными территориями и людскими ресурсами, должна была понизиться. Все же и в середине XVI в. она входила в число крупных городов России. По подсчетам исследователей, в это время в Коломне существовало 1350,5 дворов с населением около 6750 человек (Булгаков М.Б., 1981, с. 143). К сожалению, границы распространения напластований XV–XVII вв. изучены еще далеко не полностью.

Важнейшим направлением исследований в Коломне являлась и является архитектурная археология. Фактически археологами написана "каменная летопись" Коломны – история зодчества XIV–XVI вв. Раннемосковским памятникам коломенской архитектуры посвящена солидная историография (Н.Н. Воронин, Е.В. Михайловский, М.Х. Алешковский, Б.Л. Альтшуллер, А.А. Молчанов, В.В. Кавельмахер, С.П. Орловский, Э.В. Суханова). Если до раскопок из письменных источников мы знали о

[3] Вал XIV–XV вв. идет с тыльной стороны стен кирпичного кремля 1525–1531 гг., занимающего площадь 24 га. Колебание размеров связано с тем, что вал сильно расплылся, а в некоторых местах он спланирован. Отсюда трудности определения абсолютных размеров. Приведены минимальные и максимальные оценки площади.

существовании лишь двух памятников XIV в., то теперь можно говорить о почти не прекращающейся строительной деятельности в течение полувека. В ряде случаев удается уточнить предложенные исследователями датировки с помощью современных методов источниковедческого анализа письменных источников.

История каменного зодчества как нельзя более подчеркивает роль Коломны как второго после Москвы города Московского княжества. В середине XIV – начале XV в., примерно за 50-летний промежуток, были возведены пять-шесть белокаменных храмов: собор – предшественник Успенского, Успенский собор 1379–1382 гг., храм Иоанна Предтечи в Городищах – около третьей четверти XIV в., Богоявленский собор Голутвина монастыря – конец XIV в., Богородице-Рождественский собор Бобренева монастыря – начало XV в. и, вероятно, Спасо-Преображенский собор Спасского монастыря (это был старший из коломенских монастырей, имевший настоятеля в титуле архимандрита). Ни в Серпухове, ни в Звенигороде, ни в Можайске работ подобного размаха не велось. При интенсивности каменного строительства этого времени, типологической однородности и своеобразии ряда коломенских храмов этого периода (три из них образуют группу бесстолпных храмов "с встроенными угловыми столпами-пилонами" и имеют крестообразно организованное внутреннее пространство) кажется вероятным, что в Коломне под покровительством великого князя московского и по его заказу работала своя строительная артель. Если это предположение верно, то к ее же творческому почерку можно отнести и Благовещенский собор Московского кремля конца XIV в., а также Никольскую церковь с. Каменского, связь которых с великокняжеским заказом несомненна.

В последнее время, в связи с начавшейся реставрацией и передачей храмов Московской Патриархии, накоплены новые данные по архитектурной археологии Коломны.

У стен храма в Городищах раскрыты два неглубоко залегающих крыльца (западное и южное), возникшие одновременно с капитальной перестройкой храма в первых десятилетиях XVI в. Найдены белокаменные детали перспективного портала XIV в., срубленного во время одного из этапов перестройки церкви, – капитель, фрагмент "дыньки" и фрагменты резных валиков (так называемые "косички"). После раскопок А.В. Арциховского и Н.Н. Воронина уточнены данные об освоении территории до построения здесь каменного храма. Под прослойкой белокаменного строительства XIV в. залегает небольшой по мощности культурный слой с редкой сетчатой керамикой дъяковской культуры и круговой славянской XIII–XIV вв.

У стен Успенского кафедрального собора при проведении благоустройства отмечены основания северной, южной и западной папертей 1672–1682 гг., в кладке которых вторично использованы квадры храма эпохи Дмитрия Донского. Среди них отмечен блок с орнаментальной фресковой росписью 1392 г. При работах на Соборной площади в 1991 г. изучалась площадка, где в XVIII в. перетесовывались камни XIV в. В чистом слое извести и белокаменных отесков собрано около 250 фрагментов полихромных фресок 1392 г., изученных естественнонаучными методами М.М. Наумовой (РНИИР). Среди них – первое граффити Успенского собора (надпись "СН ГО(сподень)"). Роспись выполнена на яичной основе. В качестве красителей использованы киноварь, охра, глауконит (зеленая земля), ультрамарин, сажа и древесный уголь, известь.

Шурфовка Воскресенской церкви великокняжеского двора подтвердила ее датировку началом XVI в. В фундаментной кладке выявлен белокаменный блок со штукатуркой от разборки какого-то неизвестного нам здания раннего времени. В XIV–XV вв. на месте храма стояла деревянная церковь-предшественница: в погребениях кладбища этого времени и фрагментах непотревоженного слоя следов каменного строительства нет.

Археологические исследования привели к накоплению серьезной вещевой коллекции. Среди них есть и группа редких находок. Так, в мусорном слое XVIII–XIX вв. обнаружен фрагментированный слиток стекла второй половины X в. – так называемая

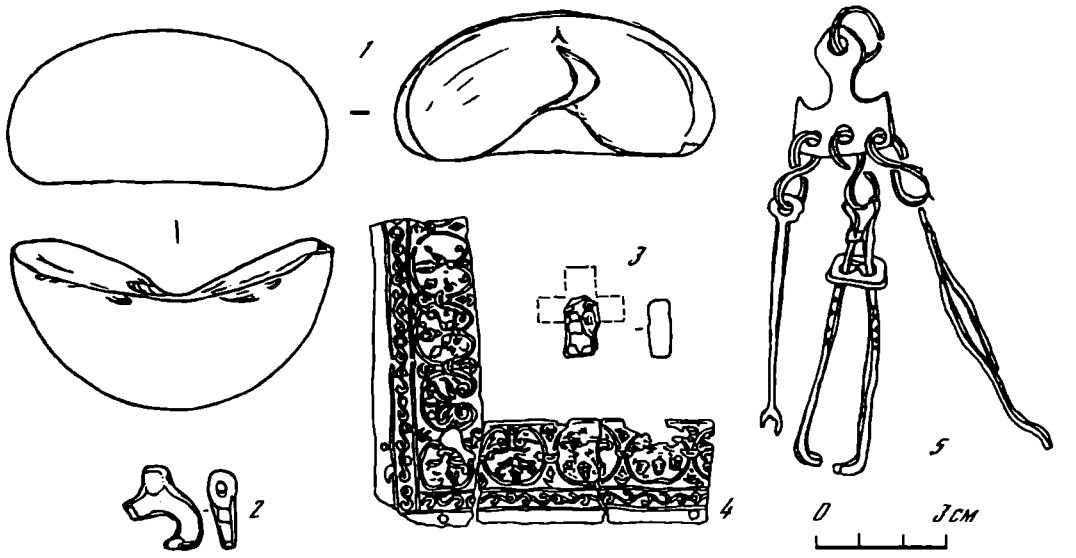


Рис. 5. Отдельные находки из раскопок в Коломне.
1 – "гладилка" второй половины X в.; *2* – стеклянная бирюзовая лунница-привеска XII в.; *3* – фрагмент литого стеклянного крестика XII в.; *4* – наугольная часть бордюрной басмы XV в.; *5* – набор ювелирных инструментов конца XII – начала XIII в.

"гладилка" (см. о них: Щапова Ю.Л., 1989; Олейников О.М., 1993) (рис. 5, *1*). Среди других находок из стекла уникальной находкой является фрагмент крестика-литика, изготовленного в мозаичной технике (рис. 5, *3*). Его размеры миниатюрны: фрагмент с лопастью и центральной частью имеет габариты 1,3 × 0,7–0,8 × 0,5 см; целая вещь имела равные перекладины длиной около 1,9–2 см и напоминала кресты-корсунчики. Стекло ярко-зеленое, лицевая поверхность имеет нарядный вид из чередующихся полос и пятен с неровными границами лимонно-желтого и коричневато-красного цветов. По заключению Ю.Л. Щаповой, предмет датируется XII в. и отлит в одночастную форму открытого типа, с фасочками по краям лицевой стороны изделия. Перед отливкой в форму покрошили стекло иного цвета, что и придало ему оригинальный вид.

В очень небольшом числе известны на Руси и литые стеклянные лунницы. Бирюзовая непрозрачная лунница из Коломны дополняет их перечень (рис. 5, *2*). Аналогичная из раскопок на Нутном раскопе в Новгороде найдена в слое последней четверти XII в. (Гайдуков П.Г., 1992, с. 105, рис. 76, *3*). В коллекции имеется стекло из Сирии и императорских стеклодельных мастерских Константинополя (Мазуров А.Б., 1991а, с. 129, 134, рис. 4, *17*, *19*).

К домонгольскому времени относится очень выразительный набор ювелирных инструментов (рис. 5, *5*). В яме первой половины – середины XV в. найден фрагмент наугольной части бордюрной басмы, изготовленной из сплава на медной основе (рис. 5, *4*). Это крайне редкая находка в городском культурном слое. Ближайшая аналогия орнаменту находится в окладе иконы так называемой Малой "Донской Богоматери" конца XIV в. (Государственная Третьяковская галерея..., 1995, с. 151), являющейся копией с "Донской Богоматери", до XVI в. находившейся в Коломне. Уникальна для городов Подмосковья серия прекрасных деревянных предметов XIII в. (Мазуров А.Б., 1991а, с. 131–135, рис. 5). Торговые связи с Западной Европой характеризуют клейменые ножи XIV–XVII вв.

Некоторые категории вещей позволяют осветить важные исторические проблемы. Хорошо известно, что через Коломну проходил основной путь из Москвы в Золотую Орду. Особая роль восточных связей Коломны иллюстрируется повышенной концентрацией находок поливной восточной керамики (более 70 фрагментов, в их число не вошли многочисленные находки Н.П. Милонова в 1935–1936 гг., место их

хранения в настоящее время неизвестно). Она отражает географическую близость города к Орде и интенсивность торговых контактов с Востоком, носивших как прямой, так и транзитный характер. По концентрации находок в культурном слое средневековой восточной керамики в расчете на вскрытую площадь Коломна имеет один из самых высоких показателей среди древнерусских городов – одна находка на 15–20 м^2. Такой показатель для Переяславля Рязанского составляет 1 на 25 м^2, и оценивается как очень высокий (Коваль В.Ю., Судаков В.В., 1995, с. 136). Судя по всему, Коломна играла роль важнейшего города в восточной торговле не только для Московского княжества, но и во многом для остальной территории Руси.

При раскопках в Коломне большое внимание уделяется естественнонаучным методам исследования и экологическим проблемам истории средневековья. В 1990–1995 гг. в соавторстве с Е.А. Цепкиным проводилась программа исследования костных останков рыб, что позволяет охарактеризовать рыбный промысел в низовьях Москвы-реки и прилегающего течения Оки на протяжении XII–XVII вв. В результате до вида было определено более 600 костей, не считая чешуи. Это достаточно крупная коллекция, которая может считаться эталонной для Волго-Окского междуречья. Например, на Дьяковом городище раннего железного века определено 185 костей (Кренке Н.А., Цепкин Е.А., 1991, с. 106), а в Пскове за 10 лет – 138 (Салмина Е.В., 1994, с. 26). Остеологические материалы рыб из Коломны привлекают систематичностью отбора, а также происхождением в большинстве своем из комплексов материковых ям, имеющих достаточно определенные датировки. Привлекая и сопоставляя их с ихтиофауной Дьякова городища и московскими коллекциями, можно охарактеризовать динамику рыбного промысла и экологическую ситуацию москворецкого бассейна на протяжении почти 2,5 тыс. лет. Видовой состав промысловых рыб из Коломны исключительно разнообразен – 20 видов (лещ, плотва, карась, сазан, голавль, язь, судак, жерех, окунь, сом, ерш, щука, налим, севрюга, осетр, стерлядь, белуга, шип, белорыбица, таймень). В то же время в этом наборе отсутствуют каспийский лосось (известный по находкам в Москве и Переяславле Рязанском), уклея (Псков), линь (Переяславль Рязанский). Особо отметим крайне редкие находки останков тайменя (5 экз.) – ценной промысловой рыбы из семейства лососевых. Он является индикатором не только чистой воды, но и вообще экологической чистоты всего русла реки с его каменисто-песчаными незаиленными грунтами.

Еще одним направлением исследований является изучение средневековых пахотных горизонтов (в соавт. с Е.В. Пономаренко и А.Л. Александровским). Специалистами-почвоведами на сегодняшний день в Коломне обследовано девять археологических объектов. Выявлены как обрабатывающие (рыхлящим орудием типа мотыги) почвы раннего железного века I тыс. н.э., так и средневековые пашни и огороды. Классический разрез пашни конца XIII – начала XIV в. в условиях закрытого комплекса получен под участком вала XIV в., исследованного в 1991 г. Мощность пахотного горизонта составляет 0,18 м, что бесспорно свидетельствует о плужной пахоте. Пахотный горизонт домонгольского времени обнаружен при наблюдениях по ул. Пушкина, 3. После прекращения функционирования здесь пашни сюда продвигается в первой половине XIII в. городская застройка. Хозяйственный режим меняется на обработку почвы рыхлящим орудием близ построек, т.е. пахота в поле трансформируется в усадебный огород. Очень значительный по площади огород, стратиграфически представленный заклинками от лопат в основании слоя, зафиксирован при наблюдениях у пересечения улиц Яна Грунта и Левшина. По керамике он датируется XIV – серединой XV в.

Важным аспектом взаимодействия человека и природы является также изменение и приспособление под свои нужды исходного природного рельефа – в частности, нивелировка оврагов, мешавших развитию дворовой застройки в пределах укреплений Коломны. Так, два близко расположенных раскопа по ул. Лазарева № 2–3 1995 г. попали на склоновую поверхность, прилегающую к двум притокам (отвершкам) мощного базового оврага. В древности он пересекал территорию сквера "Блюдечко" в

направлении юго-запад – северо-восток. Русло оврага выделено по падению горизонталей после изучения ранних инструментальных планов. Оба отвершка вскрывались в раскопе № 2. Один из них, глубиной 2,6 м и морфологически более молодой, был засыпан на рубеже XII–XIII вв., после чего снивелированная площадка занимается сооружениями. Другой гораздо более глубокий и сырой овраг-приток, заглубленный на 4–4,5 м, просуществовал более продолжительное время и был завален бытовым мусором не позднее первой половины – середины XV в.

Подведем итоги нашего обзора археологических исследований Коломны в конце 1980–1990-х годах. Организованные здесь охранные работы уже дали серьезные научные результаты. На основе комплексного анализа письменных и вещественных источников удалось воссоздать общую картину исторического развития Коломны в XII–XV вв. – одного из малых городов домонгольской Руси и крупного центра Московского княжества. Представляется, что наибольший интерес представляют реконструированная картина динамического роста города и его пиков, а также общая топографическая модель средневековой Коломны раннемосковского времени XIV–XV вв.

В археологии Коломны с точки зрения современного состояния проблемы и исходя из реалий нашего времени наиболее перспективными являются следующие направления: 1 – шурфовка и распространение практики охранных исследований на периферийные районы исторической части Коломны с целью картографирования распространения позднесредневековых слоев, сопоставление результатов с современными письменными источниками; 2 – проведение программ по карпологическим, палинологическим и металлографическим исследованиям; продолжение накопления материалов по палеоландшафтным и палеопочвенным исследованиям; 3 – углубленное изучение отдельных категорий находок, приоритет – за изучением коломенской керамики.

Важнейшей задачей является и введение в научный оборот уже полученных результатов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алешковский М.Х., 1969. Отчет об археологических раскопках в г. Коломне. Успенский собор и Богоявленский собор Старо-Голутвина монастыря // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 4232.

Алешковский М.Х., 1970. Отчет об археологических раскопках в Коломне. Успенский собор XVII в., Богоявленский собор Старо-Голутвина монастыря XVIII в. и Рождественский собор Бобренева монастыря XVIII в. // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 4386.

Алешковский М.Х., Альтшуллер Б.Л., 1970. Подмосковная историко-архитектурная экспедиция // АО-1969. М.

Алешковский М.Х., Альтшуллер Б.Л., 1971. Предварительные итоги раскопок в Коломне // АО-1970. М.

Альтшуллер Б.Л., 1975. К вопросу о реконструкции древнейших памятников Коломны // Реставрация и исследование памятников культуры. Вып. I. М.

Альтшуллер Б.Л., 1977. Бесстолпные храмы XIV века в Коломне // СА. № 4.

Альтшуллер Б.Л., 1978. Памятники зодчества Московской Руси второй половины XIV – начала XV в.: Автореф. дис. ... канд. архитектуры. М.

Булгаков М.Б., 1981. Структура и динамика населения г. Коломны в первой половине XVII в. // Русский город. Вып. 4 (Москва и Подмосковье). М.

Виноградов К.Я., 1935. Отчет о раскопках в кремле г. Тулы и в г. Коломне // Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 101.

Воронин Н.Н., 1947. Отчет о разведках в Коломне // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 151.

Воронин Н.Н., 1949. К характеристике архитектурных памятников Коломны времени Дмитрия Донского // МИА. № 12 (МИАМ. Т. 2). М.; Л.

Воронин Н.Н., 1962. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв. Т. 2. М.

Гайдуков П.Г., 1992. Славенский конец Древнего Новгорода. Нутный раскоп. М.

Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания. Т. I. Древнерусское искусство X – начала XV в., 1995. М.

Даркевич В.П., Борисевич Г.В., 1995. Древняя столица Рязанской земли. М.

Державин В.Л., 1991. Отчет о раскопках на территории Брусенского монастыря г. Коломны // Архив ИА РАН. Р-1.

Ефремцев Г.П., Кузнецов Д.Д., 1977. Коломна. М.

Ипатьевская летопись, 1908 // ПСРЛ. Т. 2. 2-е изд. СПб.

Кавельмахер В.В., Молчанов А.А., 1984. Новые исследования памятников раннемосковского зодчества в Волоколамске, Можайске и Коломне // Материалы творческого отчета треста "Мособлстройреставрация". М.

Кавельмахер В.В., Орловский С.П., 1984. Два архитектурных фрагмента из Успенского собора в Коломенском кремле (К вопросу о начале каменного строительства в Коломне) // Материалы творческого отчета треста "Мособлстройреставрация". М.

Коваль В.Ю., 1993. Археологические памятники Ростиславльского стана // Древние памятники Окского бассейна. Рязань.

Коваль В.Ю., Судаков В.В., 1995. Средневековая восточная керамика из Переяславля Рязанского // Археологические памятники среднего Поочья. Вып. 4. Рязань.

Колчин Б.А., 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М.

Кренке Н.А., Цепкин Е.А., 1991. Рыболовство на Москве-реке с V в. до н.э. по VII в. н.э. // СА. № 1.

Лаврентьевская летопись, 1962 // ПСРЛ. Т. I. М.

Мазуров А.Б., 1991а. Итоги археологических работ 1991 года в Коломенском кремле // Археология Верхнего Поволжья. Н. Новгород.

Мазуров А.Б., 1991б. Отчет об охранных археологических исследованиях на территории кремля г. Коломны. Ч. 1–2 // Архив ИА РАН. Р-1.

Мазуров А.Б., 1992. Отчет о спасательных археологических исследованиях на территории кремля г. Коломны // Архив ИА РАН. Р-1.

Мазуров А.Б., 1993. Отчет об охранных археологических исследованиях на территории кремля и в отдельных пунктах посада средневековой Коломны. Т. 1–3 // Архив ИА РАН. Р-1.

Мазуров А.Б., 1994а. Отчет об охранных археологических исследованиях на территории кремля и в отдельных пунктах посада средневековой Коломны. Т. 1–2 // Архив ИА РАН. Р-1.

Мазуров А.Б., 1994б. Раскопки в Коломне // АО-1993. М.

Мазуров А.Б., 1994в. Археология Коломны. М.

Мазуров А.Б., 1995а. Средневековая Коломна в XII–XV вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Мазуров А.Б., 1995б. Отчет об охранных археологических исследованиях на территории кремля и в отдельных пунктах посада средневековой Коломны. Т. 1–4 // Архив ИА РАН. Р-1.

Мазуров А.Б., 1995в. Охранные исследования в Коломне // АО-1994. М.

Мазуров А.Б., 1996а. Средневековая Коломна в XII–XV вв.: Дис. ... канд. ист. наук. М.

Мазуров А.Б., 1996б. Раскопки в Коломне // АО-1995. М.

Мазуров А.Б., Огнев В.Н., 1992. Новые данные по археологии Коломны (по материалам полевых работ 1991 года) // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья. Тез. докл. III регион. конференции. Н. Новгород.

Мазуров А.Б., Огнев В.Н., 1993а. Новые исследования в Коломне в 1992 г. // Плесский сборник. Вып. I. Плес.

Мазуров А.Б., Огнев В.Н., 1993б. Археологическое изучение городов Подмосковья // Страницы истории Подмосковья. Учеб. пособие. Вып. 2. Коломна.

Милонов Н.П., 1935. Отчет об археологических раскопках на территории Коломенского кремля и в пригороде Коломны с. Городище // Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 101.

Милонов Н.П., 1937. Отчет об археологических раскопках Ростиславльского городища и о раскопках Коломенского кремля и обследовании памятников в окрестностях Коломны // Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 219.

Милонов Н.П., 1941. Город Коломна // Археологические исследования в РСФСР в 1934–1936 гг. Краткие отчеты и сведения. М.; Л.

Милонов Н.П., 1948. Историко-археологический очерк г. Коломны // Историко-археологический сборник. М.

Молчанов А.А., 1982. Отчет об археологических раскопках Успенского собора в кремле г. Коломны // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 8949.
Молчанов А.А., 1983. Отчет об археологических раскопках Успенского собора в Коломенском кремле // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 10 067.
Молчанов А.А., 1984. Отчет об археологических раскопках Успенского собора в Коломне // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 10 473.
Молчанов А.А., 1985. Раскопки в Коломенском кремле // АО-1983. М.
Молчанов А.А., 1986. Исследования в Коломенском кремле // АО-1984. М.
Огнев В.Н., 1991. Отчет об охранных археологических исследованиях на территории посада г. Коломны // Архив ИА РАН. Р-1.
Огнев В.Н., 1992. Отчет об охранных археологических исследованиях на территории посада г. Коломны // Архив ИА РАН. Р-1.
Олейников О.М., 1993. К проблеме возникновения древнерусского стеклоделия // КСИА. № 208. М.
Отчет ИАК за 1903 г., 1906. СПб.
Подземная охранная зона исторической территории Рязанского кремля, 1995. Рязань.
Рикман Э.А., 1953. Новые материалы по топографии древней Твери // КСИИМК. Вып. 49. М.
Савицкий М.Г., 1989. Отчет об археологических наблюдениях и раскопках в Коломенском кремле // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 13 522.
Савицкий М.Г., 1990. Отчет об археологических исследованиях на территории Коломенского кремля и его посада // Архив ИА РАН. Р-1.
Салмина Е.В., 1994. Изучение костных останков рыб из раскопок в Пскове (1983–1993) // Археология и история Пскова и Псковской земли. 1993 г. Материалы семинара. Псков.
Самошин С.И., 1992. Отчет об охранных археологических исследованиях на территории Брусенского монастыря в г. Коломне // Архив ИА РАН. Р-1.
Сахаров А.М., 1959. Города Северо-Восточной Руси в XIV–XV вв. М.
Седова М.В., 1981. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). М.
Сказания и повести о Куликовской битве, 1982. Л.
Труды кабинета истории материальной культуры (I МГУ), 1930. Вып. 5. М.
Фехнер М.В., 1959. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. // Тр. ГИМ. Вып. 33. М.
Щапова Ю.Л., 1989. Некоторые проблемы средневекового стеклоделия в свете новых данных ("гладилка" из Новгорода) // СА. № 4.
Юшко А.А., 1991. Московская земля IX–XIV вв. М.

Государственный педагогический институт,
г. Коломна Московской обл.

A.B. MAZUROV

MAIN RESULTS OF THE KOLOMNA ARCHAEOLOGICAL STUDY

Summary

The paper summarizes the results of archaeological study conducted in one of small towns in Old Russia which is a large major center of the Moscow principality (second in its significance after Moscow), i.e. medieval Kolomna. The author establishes three periods in the town studies. The first period (1903-1930s) is just an attempt to form a general idea on this major archaeological site. The second period (1947-1980s) is characterized by an exceptional attention to the monuments of the cult architecture. A number of original early Moscow architecture monuments have been identified and studied: the Assumption Cathedral of 1379-1382; temples of the second half of the 14th century in the Old Golutvin and Bobrenev monasteries; a country bishop church in the town of Gorodishi. The third

period (starting from 1989) gave more significant and essential new materials on topography, crafts and trade development, life of citizens. It allowed to specify ideas on Kolomna's archaeology and history. Municipal archaeological service created in 1991 is in charge of the archaeological work that pursues exclusively protective objectives.

Nowadays it has been proved that Kolomna appeared as a town of the Ryazan principality in the middle of the 12th century in the place of earlier settlements of the Diakovo culture and a Slav town of the 11th century. On the eve of the Mongol invasion (the first quarter of the 13th century) it occupied the area of 20-25 hectares judging by minimal estimates. After having been incorporated into the Moscow principality in the 14th century, the town experienced flourishing. New defensive structures (covering 20-22 hectares) are erected; intensive stone construction is being conducted; a new topographic model of the town is being developed.

Публикации

А.А. ЧУБУР

ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА БЫКИ НА СЕЙМЕ

(предварительное сообщение)

Верхнепалеолитическая стоянка Быки расположена на левобережье р. Сейм, в 1,2 км к югу от эпонимного села на снивелированном более поздними отложениями мысообразном выступе второй надпойменной (однолессовой) террасы, на территории Курчатовского р-на Курской обл.

В 1994 г. в Курский областной государственный музей археологии (КГОМА) поступило сообщение о находке крупных костей на территории очистных сооружений А/О "Машиностроитель". Выехавшие на место А.Н. Апальков и Г.Ю. Стародубцев обнаружили культурные остатки палеолитического времени (Апальков А.Н., Стародубцев Г.Ю., 1995, с. 66). Находки некоторое время находились на экспертизе в НИИ антропологии МГУ, а зимой 1995 г. возвращены на постоянное хранение в фонды КГОМА.

Основное пятно культурного слоя в настоящее время практически обнажено земляными работами на территории карт очистных сооружений и нуждается в экстренном исследовании. Такие спасательные исследования начаты автором по просьбе КГОМА в 1996 г.

В районе ямы, вырытой школьниками в 1994 г., и промоины, образовавшейся на ее месте, был заложен раскоп площадью 20 м^2, одновременно произведен сбор подъемного материала с развеиваемой поверхности. Кроме того, для установления полной стратиграфической колонки отложений, перекрывающих культурный слой, в 90 м севернее раскопа на ненарушенном участке сделана врезка, позволившая зафиксировать следующий разрез (указана мощность слоев, м):

1. Горизонты A_0 и A_1 современной почвы – 0,30–0,33.
2. Горизонт В современной почвы, сформированной на лессовидном суглинке, нижний контакт нечеткий – 0,18–0,30.
3. Буро-палевый лессовидный суглинок с многочисленными корнеходами и ходами землероев, нижний контакт языковатый, местами нечеткий – 0,25–0,30.
4. Буровато-серый тяжелый лессовидный суглинок с отдельными кротовинами, нижний контакт четкий, практически горизонтальный – 0,23–0,33.
5. Супесь пепельного и желтовато-пепельного цвета с отдельными кротовинами, нижний контакт четкий, волнистый. Изредка встречаются железистые конкреции. Соответствует культурному слою стоянки Быки, встречены проксимальная часть ножевидной пластинки и костный уголек – 0,10–0,18.
6. Беловато-желтые средне- и мелкозернистые пески, слоистые, с локальными линзами слоя 5 – видимая мощность 0,50.

Слои 5 и 6 мы относим к пойменной фации аллювия второй террасы р. Сейм. Геологически культурный слой, таким образом, можно датировать временем завершения формирований аллювиальной толщи и начала накопления делювиального чехла второй надпоймы, что, на наш взгляд, соответствует максимуму осташковского похолодания – 17–21 тысяча лет назад.

© А.А. Чубур, 1998 г.

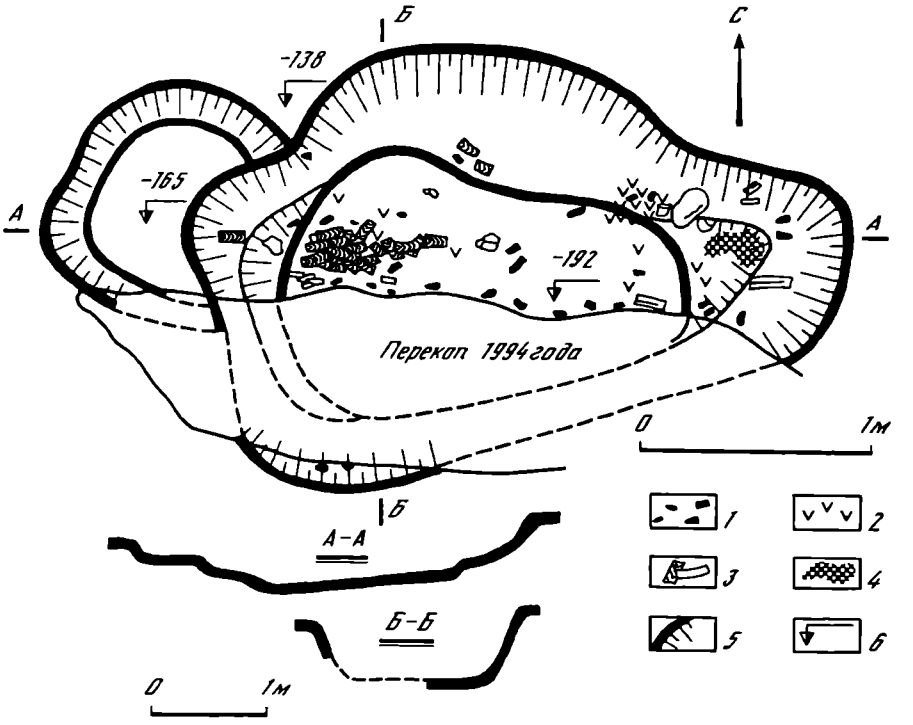


Рис. 1. Углубленное сооружение на палеолитической стоянке Быки. *1* – кремень; *2* – костный уголь; *3* – кости, пластины бивня; *4* – охра; *5* – края углублений; *6* – нивелировочные отметки

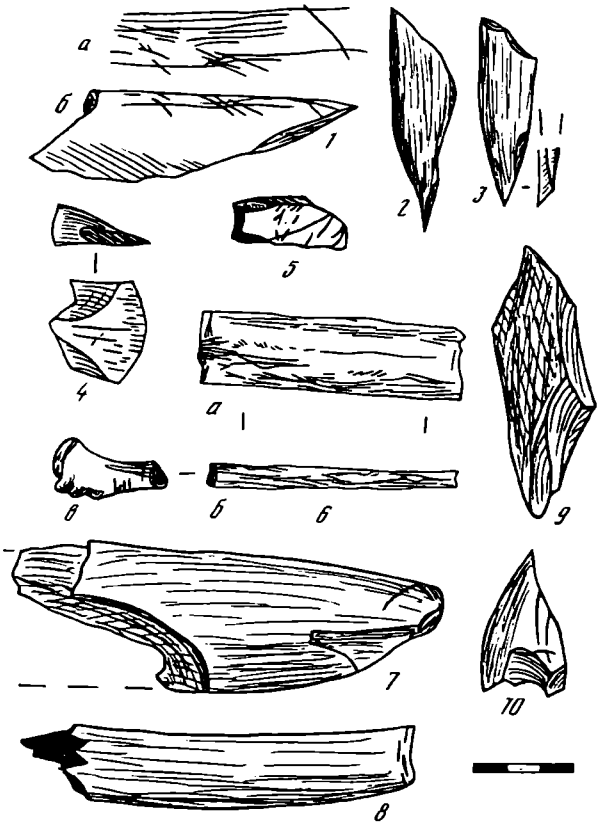


Рис. 2. Обработанная кость со стоянки Быки. *1* – обломок кости с нарезками (*а* – прорисовка, *б* – общий вид); *2, 3* – острия; *4* – клин; *5* – обломок кости с нарезками; *6* – игольник (*а* – прорисовка, *б* – общий вид, *в* – отчлененная часть); *7* – обломок лощила; *8* – ребро лошади со следами расчленения; *9* – обломок кости со следами снятия отщепов; *10* – отщеп

В процессе сбора подъемного материала и раскопок сезона 1996 г. собраны фаунистические остатки в пределах пятна культурного слоя (в числителе – количество костей и их обломков, в знаменателе – количество особей, определение автора): северный олень – 136/3, лошадь – 43/1, шерстистый носорог – 13/1, мамонт – 42/1 (учитывая обломки бивней), бизон – 2/1, волк – 2/1, песец – 5/2.

Вскрытый раскопом участок невелик, но чрезвычайно интересен ввиду того, что выявил следы углубленного в материк сооружения. Его часть оказалась разрушенной перекопом 1994 г., однако форму можно реконструировать (рис. 1). Сооружение в плане подовальное с длинной осью по линии запад – восток. Его размеры по верхнему краю 2,8 × 1,8 м, максимальная глубина от уровня материка 0,55 м, стенки наклонные, размеры днища по линии запад – восток 1,8 м, по линии север – юг – не более 1,3 м. С западной стороны примыкает углубленная в материк на 0,20–0,25 м ступень, ее форма – круг, срезанный по хорде основным углублением, диаметр – около 1 м.

Заполнение углубления и примыкающей к нему ступени отделено от перекрывающего культурного слоя линзочками песка, аналогичного материковому. Это либо переотложенный с более высоких участков материк, либо паводковый аллювиальный нанос на месте заплывшего углубления. Заполнение стратиграфически однородно, заметна лишь слабовыраженная слоистость – едва видимые прослойки полого спускаются от периферии к центру. Количество находок в верхней и средней частях заполнения минимально, в придонной части резко возрастает. На склоне восточной стенки отмечен небольшой участок, окрашенный буровато-красной охрой. В заполнении ступени находок не отмечено.

В первую очередь обращает на себя внимание большое количество обработанной кости в придонном заполнении. В западной его части выявлено компактное скопление пластин-заготовок и обрубков из бивня мамонта. Рядом с ними в вертикальном положении находились расположенные в анатомической связи пяточная, таранная и центральная тарзальная кости северного оленя. Вместе с обрубками и заготовками из бивня находился клин из костяного отщепа, возможно, применявшийся для расчленения бивня. Нет никаких сомнений в том, что обработка кости производилась здесь же. Об этом, в частности, свидетельствуют игольник из большой берцовой кости песца с нарезками и дистальный конец этой же кости, найденные в восточной и северной частях придонного заполнения (рис. 2, *6*). В углублении обнаружено лишь два резца, но при этом девять резцовых отщепов – значительная концентрация по сравнению с культурным слоем. При обработке кости могли быть использованы обнаруженные здесь же скребки-стамески, долотовидные орудия. Многочисленные концевые скребки, судя по следам сработанности, видимо, использовались для скобления мягкого материала. Об обработке шкур говорит и обломок рабочей части лощила из трубчатой кости (рис. 2, *7*).

Распределение расщепленного кремня в культурном слое неравномерно – он концентрируется к северо-западу-западу от углубленного сооружения, близ ступени – возможно, входа. Концентрация находок нарастает также в северной и юго-восточной частях раскопа, что, возможно, связано с еще неизученными комплексами. В юго-восточной части раскопа отмечен уходящий под стенку край пятна ямы. Этот участок законсервирован и в 1996 г. раскопкам не подвергался. В северо-западной части раскопа находки отсутствуют. К сожалению, слой вне углубления на вскрытой площади заметно нарушен распашкой, что пока не дало возможности для детального изучения микростратиграфии.

Перейдем к описанию инвентаря стоянки Быки по материалам исследований 1994 и 1996 гг.

В качестве основного каменного сырья на стоянке применялись черный плитчатый кремень и черный желвачный кремень из туронского яруса меловой системы, неместного происхождения. Встречен фрагмент ножевидной пластины из горного хрусталя. Общая характеристика каменного инвентаря Быков дана в табл. 1, характеристика комплекса морфологически выраженных орудий – в табл. 2.

Таблица 1

Каменный инвентарь стоянки Быки

№ п/п	Наименование изделия	Количество	Доля, %
1.	Нуклеусы	2	0,67
2.	Технологические сколы	2	0,67
3.	Отщепы	100	33,00
4.	Целые и фрагментированные пластины	47	15,51
5.	Микропластинки	5	1,65
6.	Осколки	6	1,98
7.	Резцовые отщепы	20	6,60
8.	Пластины и отщепы со следами утилизации	27	8,91
9.	Пластины и микропластинки со снятым ударным бугорком	2	0,67
10.	Фрагменты пластин с краевой ретушью	7	2,31
11.	Фрагменты пластин с притупляющей ретушью	4	1,32
12.	Неопределенные обломки орудий	4	1,32
13.	Морфологически выраженные орудия	77	25,41
	Всего предметов со вторичной обработкой и следами утилизации	121	39,93
	Всего	303	

Таблица 2

Морфологически выраженные орудия стоянки Быки

№ п/п	Наименование изделия	Количество	Доля, %
1.	Резцы	16	20,8
	двугранные	12	
	на сломе заготовки	1	
	боковые	2	
	комбинированные	1	
2.	Зубчато-выемчатые орудия	16	20,8
3.	Концевые скребки	13	16,9
	симметричные	6	
	асимметричные	6	
4.	Острия	11	14,3
5.	Проколки	6	7,8
6.	Треугольники	6	7,8
7.	Ножи	3	3,9
8.	Черешковый наконечник	1	1,3
9.	Комбинированные орудия (резец-проколка, скребок-резец, скребок-стамеска, скребок-долотовидное орудие)	5	6,4
	Всего	77	

Нуклеусов всего два. Один – кубовидный двуплощадочный, на кремневой плитке. Второй – одноплощадочный конический, со снятием заготовок по всему периметру. Площадка несет следы подправки. Длина пластинок, снимавшихся с нуклеуса, составляла 4–5 см, что соответствует среднему размеру применявшихся на стоянке заготовок (рис. 3, *1*). Технологических сколов два: боковой скол с нуклеуса и скол типа "таблетка" (рис. 3, *2*).

Отщепов – 100 экз., большинство из них не могли служить полноценными заготовками и являются технологическими отходами. Чешуек размером менее 1 см среди них 24 экз.

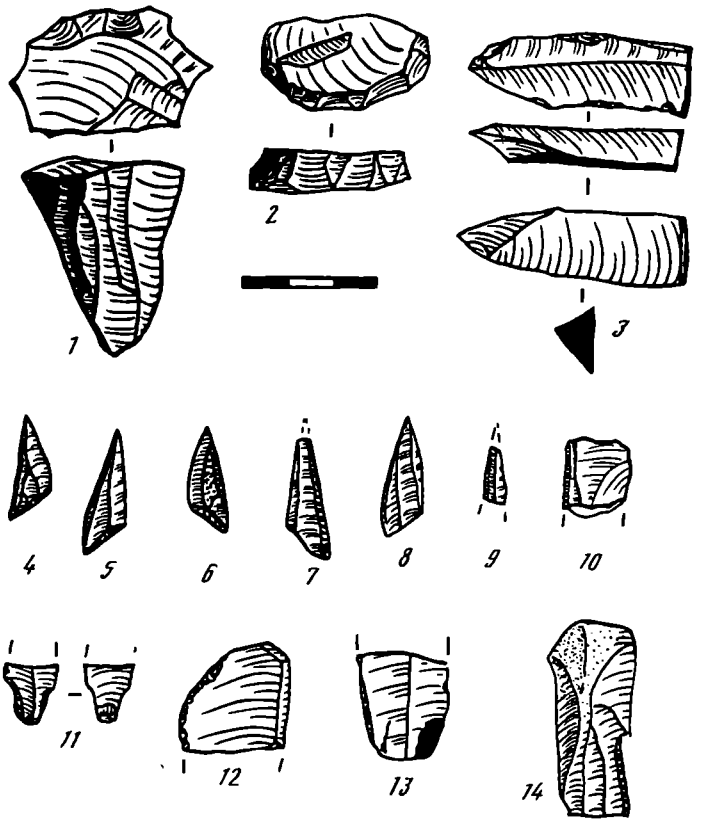


Рис. 3. Кремневый инвентарь со стоянки Быки. *1* – Нуклеус; *2* – технологический скол; *3* – нож; *4–9* – треугольники; *10, 14* – пластины с притупленным краем; *11* – фрагмент черешкового наконечника; *12, 13* – ретушированные пластины

Целых и фрагментированных пластин без следов сработанности и обработки – 47 экз., микропластин – 5 экз. Средняя длина заготовки 4–5 см, отдельные отборные экземпляры достигают 8 см; 27 целых и фрагментированных пластин и крупных отщепов несут следы утилизации, свидетельствующие об их использовании в качестве скобляющих и режущих орудий. Целых и фрагментированных пластин с краевой приостряющей ретушью – 7 экз., с притупляющей ретушью по участку одного из краев – 4 экз. (рис. 3, *10, 12–14*). Имеются также пластинка и микропластина со снятыми ударными бугорками. Резцовых отщепов – 200 экз., некоторые свидетельствуют о том, что с одной заготовки резцовый скол снимался неоднократно – происходила регулярная подправка рабочего края.

Наиболее многочисленной категорией морфологически выраженных орудий являются резцы и зубчато-выемчатые изделия. Их встречено по 16 экз. (табл. 2). Основную группу (75% всех резцов) составляют двугранные угловые, в свою очередь подразделяющиеся на симметричные (3 экз.) и асимметричные (9 экз.), среди последних – два двойных (рис. 4, *1–12*). Как правило, заготовкой служил массивный осколок или отщеп, ширина рабочих кромок от 2,3 до 8 мм. Для трех двугранных резцов в качестве заготовки была использована крупная пластина, в одном случае по краю ее нанесена крутая притупляющая ретушь, возможно, в целях аккомодации. Большинство двугранных резцов имеют следы подправки кромки повторными резцовыми сколами, ввиду чего они попадают в разряд множественных. Два резца – боковые (рис. 4, *15, 17*), один – на сломе заготовки (рис. 4, *13*), один – тройной комбинированный (рис. 4, *14*). Зубчато-выемчатые изделия встречены преимущественно в обломках, их край обработан зубчато-выемчатой ретушью или серией анкошей (рис. 4, *18, 19*).

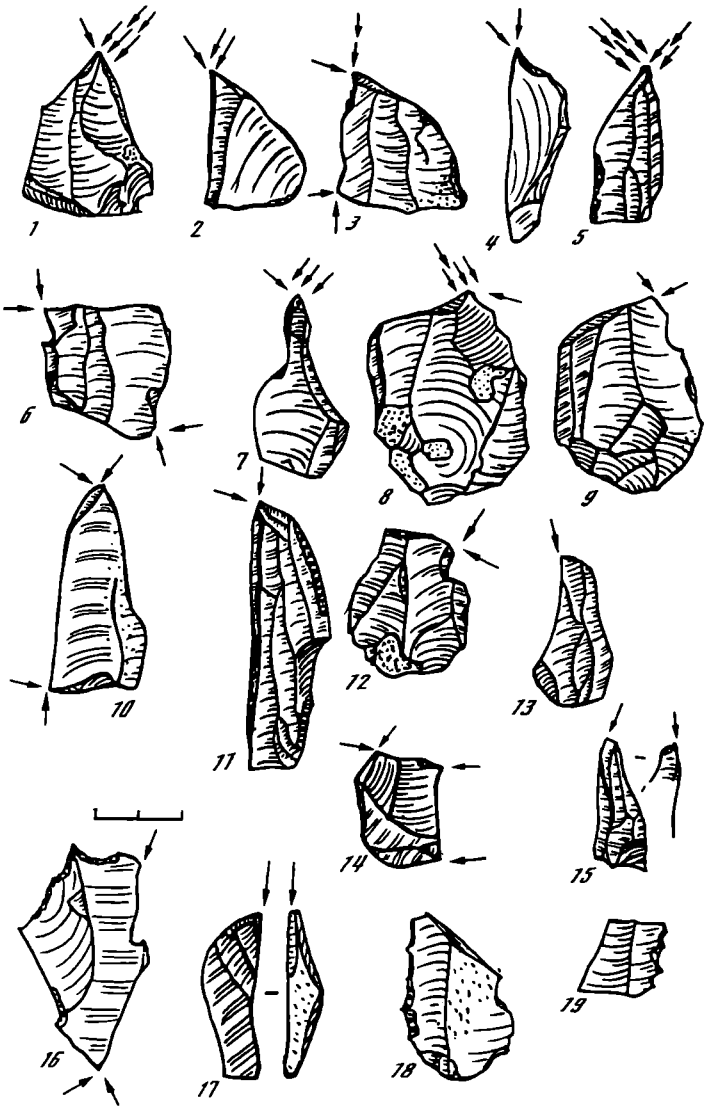


Рис. 4. Кремневый инвентарь со стоянки Быки. *1–15*, *17* – резцы; *16* – резец-проколка; *18*, *19* – изделия с зубчато-выемчатой ретушью

Следующей по многочисленности категорией орудий являются скребки – из 13 экз. Все они концевые, с дугообразным лезвием, изготовлены на пластинах укороченных пропорций. Основная часть встречена в фрагментах (отсутствуют проксимальные части заготовок), целых орудий лишь 3 экз. Скребков с лезвием, расположенным симметрично к оси заготовки, – 6 экз., у одного из них по правому краю нанесена мелкофасеточная ретушь, у остальных края неретушированные (рис. 5, *1–4*, *6*, *14*). Скребков с асимметричным лезвием так же 6 экз. (рис. 5, *5*, *7–9*, *11*, *13*). Три из них в укороченной части лезвия имеют слабовыраженный шип. Еще один скребок представлен мелким обломком лезвия (рис. 5, *10*).

Острий – 11 экз., 6 из них – острия провертки, изготовленные на сужающихся к концу пластинах, края которых лишь слегка подработаны (рис. 6, *1–6*). Наиболее интересно изделие со следами сильной сработанности (рис. 6, *5*). На рабочем крае имеются выщербленность и сильнейшая заполированность, он отмечен усиленной молочно-белой патиной. Палеолитовед Е.Ю. Гиря, ознакомившийся с коллекцией, определил изделие как сверло-провертку для работы по мягкому камню или очень плотной (дубленой?) шкуре. Пять экземпляров можно условно назвать "косыми

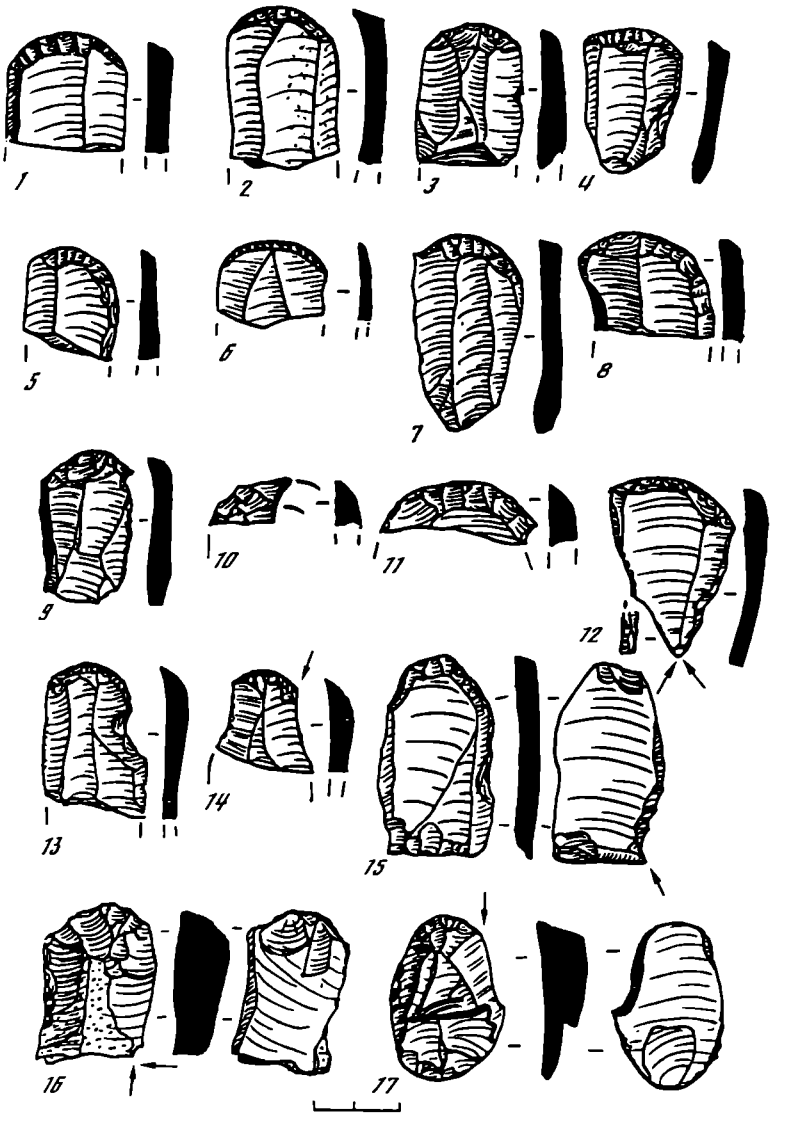


Рис. 5. Кремневый инвентарь со стоянки Быки. *1–11, 13, 14* – скребки; *12–15, 17* – комбинированные орудия

остриями", в целом виде встречено лишь одно орудие (рис. 6, *7, 13, 14, 16, 17*) – оно имеет скошенный к оси заготовки передний край, бока пластины обработаны притупляющей ретушью, частично срезающей даже углы основания.

Проколок – 6 экз. Две типичных срединных, четыре – косых, на правом краю одной из срединных проколок имеются две выемки и два зубца, сближающие это орудие с категорией зубчато-выемчатых орудий (рис. 6, *8–12, 15*).

Яркой серией в Быках представлены микролиты-треугольники. Основания и один из краев обработаны притупляющей ретушью. Функционально они могли быть наконечниками стрел (рис. 3, *4–9*).

Ножи – ретушированные отборные крупные ножевидные пластины в двух случаях (рис. 6, *18, 19*), еще в одном мы, возможно, имеем дело с ножом для подрезания сухожилий – орудие со скошенным лезвием, изготовленным сколом-транше (рис. 3, *3*).

Из подъемного материала происходит предмет, интерпретируемый нами как обломок черешкового наконечника стрелы (рис. 3, *11*).

Комбинированных орудий – 5 экз. Каждое своеобразно. Резец-проколка (рис. 4, *16*) – редкое сочетание. На обломке крупного отщепа двумя анкошами с мелкофасеточной ретушью изготовлено жальце проколки, с этой же стороны

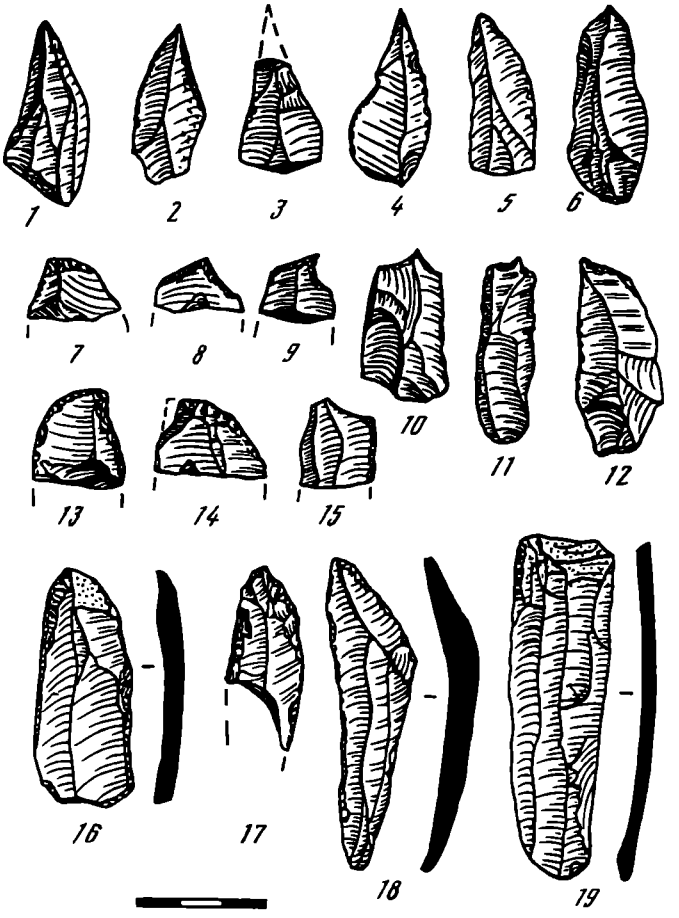


Рис. 6. Кремневый инвентарь со стоянки Быки. *1–6* – острия-провертки; *7, 13, 14, 16, 17* – острия; *8–12, 15* – проколки; *18, 19* – ножи

заготовки произведен неудачный резцовый скол. После этого на противоположном конце оформлен двугранный угловой срединный резец. Скребок-резец (рис. 5, *12*). На асимметричном концевом скребке, на противоположном лезвию конце изготовлен двугранный срединный угловой резец, одна из границ его сужена ретушью. Скребок-стамеска (рис. 5, *15*). Асимметричный концевой скребок имеет на противоположной лезвию части оформленное сколом-транше лезвие стамески, несколько суженное резцовым сколом. Благодаря образовавшейся в процессе работы чешуйчатой подтеске это изделие может быть отнесено и к категории долотовидных орудий. Скребок высокой формы – резец (рис. 5, *16*). На противоположном рабочему краю конце оформлен двугранный угловой асимметричный резец. На брюшке имеется образовавшаяся в процессе работы чешуйчатая подтеска. Скребок высокой формы – долотовидное орудие (рис. 5, *17*).

Что касается костяного инвентаря – в Быках встречены кости с различного рода нарезками, следами расчленения, снятия отщепов и, наконец, законченные изделия и орудия, а также многочисленные заготовки из бивня мамонта. К костям с нарезками можно отнести, в частности, лопатку и фрагмент пястной северного оленя (рис. 7, *1, 4*), а также многочисленные обломки. Очень характерной чертой обработки кости является поперечное расчленение, реже – продольное, отмеченное преимущественно на метаподиях северного оленя и лошади и ребрах лошади и мамонта (рис. 7, *2, 3, 5–8*; рис. 2, *8*). Имеются кости с негативами снятых отщепов, сами отщепы, иногда применявшиеся как клинья (рис. 2, *4, 6, 9*). Из кости изготовлены острия (рис. 2, *2, 3*), лощило (рис. 2, *7*), аккомодационная часть которого, видимо, сломана в процессе рабо-

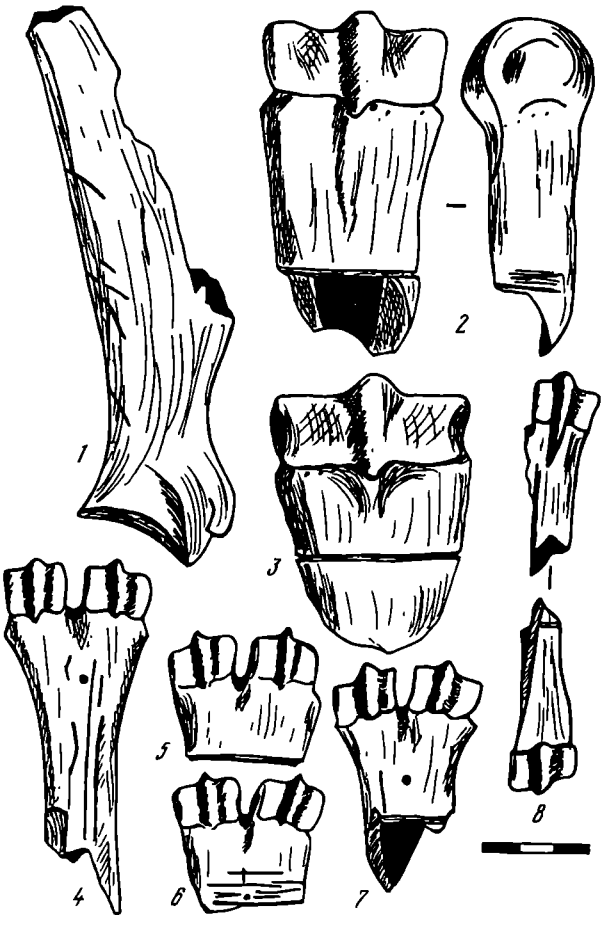


Рис. 7. Обработанная кость со стоянки Быки. *1* – лопатка северного оленя с нарезками; *2–8* – обрезки метаподиев лошади и северного оленя

ты, а рабочий край интенсивно, до блеска заполирован. В категорию костяных поделок попадают игольник из кости песца и осколок кости с сетью нарезок с неясной смысловой нагрузкой (рис. 2, *1, 6*).

На дне углубленного сооружения, как уже говорилось выше, было обнаружено скопление из 31 пластины-заготовки из бивня, а также 4 обрубков коротких, но затрагивающих в отличие от пластин до шести годовых слоев дентина. На торцевых частях пластинок и обрубков заметны следы раскалывания и разрезания. Длина заготовок не превышает 10–15, ширина – 4–6 см. Все они отделены по возрастным слоям бивня, возможно, при быстром его высушивании.

Немногочисленность и сильная сработанность нуклеусов, большое количество изделий со вторичной обработкой и следами утилизации говорят об удаленности месторождений кремня, которыми пользовалось население стоянки.

Сопоставление инвентаря Быков с территориально близкими стоянками (Авдеево, Курск 1–2) в целом демонстрирует больше отличий, нежели сходства. Исключение составляет лишь исследованная Г.В. Григорьевой Пенская стоянка, располагавшаяся в нескольких сотнях метров от Быков (Григорьева Г.В., Филиппов А.К., 1978, с. 162–175). Здесь также наблюдаются преобладание двугранных резцов, серия проколок, но инвентарь беднее, менее выразителен, многие категории орудий, характерных для Быков, отсутствуют (в том числе микролиты). При этом следует отметить, что стоянки Пены и Быки синхронны геологически (Чубур А.А., 1994, с. 65–68).

С памятниками бассейна Десны, относимыми в целом к максимуму осташковского похолодания, прямых и ярких аналогий у Быков нет. Долотовидные орудия в подесенье встречены лишь в Мезине и Супонево (Рогачев А.Н., Аникович М.В., 1984,

с. 200; Хайкунова Н.А., 1985), однако в целом их инвентарь разительно отличается от Быков.

Можно надеяться, что дальнейшие спасательные исследовательские работы помогут уточнить культурную принадлежность нового интересного палеолитического памятника Посеймья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Апальков А.Н., Стародубцев Г.Ю., 1995. Исследования Курского музея археологии // АО-1994. М.

Григорьева Г.В., Филиппов А.К., 1978. Пенская позднепалеолитическая стоянка // СА. № 4.

Рогачев А.Н., Аникович М.В., 1984. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР. М.

Хайкунова Н.А., 1985. Кремневый инвентарь стоянки Супонево и ее место в палеолите Бассейна Десны. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Чубур А.А., 1994. О геологическом возрасте и условиях залегания Пенской верхнепалеолитической стоянки // Историко-культурное наследие. Памятники археологии Центральной России: охранное изучение и музеефикация. Рязань.

Научно-производственный
археологический центр, Курчатов

A.A. CHUBUR

UPPER PALEOLITHIC CAMP BYKI ON THE SEIM

(Preliminary Information)

S u m m a r y

The paper is dedicated to a new Upper Paleolithic camp Byki discovered in 1994 by A. Apalkov and G. Starodubtsev near the village Byki of the Kursk region in Russia. The research started in 1996 by the author of the paper. The camp is located on the promontory of the second floodlands terrace of the river Seim and is dated based on the conditions of occurence by the Ostashkov maximum (21,000–17,000 BP). The excavations uncovered a sector of the occupation layer with a construction slightly sunk into the soil that is partially destroyed by digging that took place at a later period. The flint goods are characterized by the use of thick dulling retouch, a wide use of cutting split, availability of goods with lamella trimming, a lack of flat retouch. The presence of a series of microliths-triangles (supposedly, arrowheads) is of particular interest. A large number of bones with traces of processing have been found. The camp Byki is different from the sites located in the same territory by its stone goods except for the camp Peny investigated by G.V. Grigoryeva. The fauna of the camp Byki: northern deer, hairy rhinoceros, mammoth, horse, bison, wolf, arctic fox.

Ю.Б. СЕРИКОВ

ГЕОМЕТРИЧЕСКИЕ МИКРОЛИТЫ СРЕДНЕГО ЗАУРАЛЬЯ

Еще совсем недавно характерным признаком среднезауральского мезолита считалось отсутствие в нем геометрических микролитов (Старков В.Ф., 1980, с. 34). Широкие исследования мезолита, проведенные в течение последних 20 лет, показали ошибочность данного утверждения (Сериков Ю.Б., 1992 а). Практически на каждом мезолитическом памятнике, исследованном раскопками, встречены геометрические микролиты (Старков В.Ф., Сериков Ю.Б., 1975; Сериков Ю.Б., 1984; 1987; 1988а; 1989а; 1992б; 1994а; Варанкин Н.В., Сериков Ю.Б., 1989).

В настоящее время автору известны 154 геометрических микролита, найденных на 30 памятниках. Безусловно, это не полная сводка геометрических микролитов Среднего Зауралья. Новые раскопки ежегодно приводят к открытию новых геометрических микролитов. Изучение археологических коллекций из старых раскопок также увеличивает коллекцию геометрических микролитов.

На большинстве памятников выявлено по 1–2 экз. геометрических микролитов. На пяти памятниках найдено от 4 до 10 геометрических микролитов (Выйка II, Кокшаровско-Юрьинская, Калмацкий Брод – по 4 экз., Крутяки I – 8 экз., Уральские Зори V – 10 экз.). По 15 геометрических микролитов обнаружено на памятниках Уральские Зори I и Уральские Зори XI, расположенных в 100 м друг от друга на разных берегах р. Туры. И особняком стоит пещерное святилище на Камне Дыроватом (р. Чусовая), где найдено 68 геометрических микролитов (таблица).

Геог[illegible] распространения геометрических микролитов очень обширна. Они встречены н[illegible]ходки геометрических микролитов – поселение Атымки IV, находящееся на самом севере Свердловской обл. Самый южный – поселение Сухрино III под г. Шадринском Курганской обл. Геометрические микролиты обнаружены на всех крупных реках Среднего Зауралья – Исети, Туре, Нейве, Баранче, Чусовой, Салде. Они найдены на многих проточных озерах – Балтым, Черное, Юрьинское, Шайтанское, Шигирское – и торфяниках – Горбуновский, Полуденский, Кокшаровский, Шигирский (рис. 1).

Сериков Ю.Б. Геометрические микролиты Среднего Зауралья

В настоящее время все геометрические микролиты Среднего Зауралья можно подразделить на четыре типа. Основой для такой классификации является форма изделий и их функциональное название. К **I типу** автор относит геометрические микролиты в виде симметричных или асимметричных трапеций, прямоугольников и параллелограммов, изготовленных на мелких и узких (0,6–0,8 см) пластинах местного сырья. Вариантность формы здесь не играет никакой роли, поскольку функционально все эти подтипы геометрических микролитов являлись вкладышами для составных вкладышевых орудий. Этот тип геометрических микролитов на территории Среднего Зауралья преобладает: на 14 памятниках выявлено 93 микролита. По форме изделий внутри данного типа можно выделить пять подтипов. Самый распространенный *подтип – Iа* – представлен симметричными или слегка асимметричными трапециями. Они встречены на 11 памятниках в количестве 47 экз. (рис. 2, *2–6, 8–11, 14–18, 21–24, 28–30, 33, 34, 36, 37, 40, 43–45*). К *подтипу Iб* отнесены асимметричные трапеции. Их известно 24 экз. на семи памятниках (рис. 2, *7, 12, 13, 19, 20, 25–27, 31, 32, 35, 38, 39, 41, 42*). Прямоугольники (*подтипы Iв*) найдены также на семи памятниках, но в

© Ю.Б. Сериков, 1998 г.

Таблица

Геометрические микролиты Среднего Зауралья

№	Памятник	Тип								
		I					II	III	IV	Всего
		Ia	Iб	Iв	Iг	Iд				
1	Амбарка	1	–	–	–	–	–	–	–	1
2	Аракаево VIII	–	–	–	–	–	1	–	–	1
3	Атымья VI	–	–	–	–	–	–	1	–	1
4	Ашка I	–	–	–	–	–	1	–	–	1
5	Баранча II	–	–	1	–	–	–	–	–	1
6	Береговая III	–	–	–	–	–	1	–	–	1
7	Береговая VI	–	–	–	–	–	–	1	–	1
8	Выйка I	–	–	–	–	–	–	1	–	1
9	Выйка II	2	1	–	1	–	–	–	–	4
10	Гаревая II	–	–	–	–	–	2	–	–	2
11	Дыроватый Камень	24	13	11	1	1	–	17	1	68
12	Калмацкий Брод	–	–	–	–	–	–	4	–	4
13	Кокшарово I	–	–	–	–	–	–	1	–	1
14	Кокшарово VII	1	–	1	–	–	–	–	–	2
15	Кокшаровско-Юрьинская	2	2	–	–	–	–	–	–	4
16	Крутяки I	5	1	–	–	–	–	2	–	8
17	Лиственный мыс	–	–	–	–	–	–	1	–	1
18	Малая Горка II	1	–	–	–	–	–	–	–	1
19	Новая II	–	–	–	–	–	1	–	–	1
20	Палатки I	–	–	–	–	–	–	1	–	1
21	Полуденка I	1	–	1	–	–	–	–	–	2
22	Полуденка II	–	–	–	–	–	–	1	–	1
23	Полуденка VI	–	–	1	–	–	–	–	–	1
24	Серый Камень	–	1	–	–	–	–	1	–	2
25	Сулем II	–	–	–	–	–	1	–	–	1
26	Сухрино III	–	–	–	–	–	–	1	–	1
27	Уральские Зори I	1	–	–	–	–	14	–	–	15
28	Уральские Зори V	2	1	1	–	–	6	–	–	10
29	Уральские Зори XI	7	5	3	–	–	–	–	–	15
30	Шайтанское Озеро III	–	–	–	–	–	–	1	–	1

количестве 19 экз. (рис. 2, *47–58*). Параллелограммов (*подтип Iг*) известно только 2 на трех памятниках (рис. 2, *1*). И наконец, к *подтипу Iд* отнесено изделие, встреченное в одном экземпляре. Это пластинка, оба конца которой закруглены ретушью со стороны брюшка, в результате чего получился геометрический микролит в виде средней части круга (рис. 2, *46*). При желании в данном типе можно выделить и другие подтипы трапеций: высокие, низкие, короткие, длинные, с выемкой, без выемки, с ретушью со спины, с ретушью с брюшка и т.п. Все эти подтипы объединяет то, что они изготовлены на типичных для Среднего Зауралья микропластинах шириной 0,6–0,8 см (Сериков Ю.Б., 1988б). Практически все изделия изготовлены из местного сырья. Прежде всего это различные виды кремнистых сланцев, из которых изготовлено подавляющее большинство геометрических микролитов. Отдельные экземпляры изготовлены из халцедона, алевротуфа и бурой яшмы. Лишь один прямоугольник и две симметричные трапеции с Уральских Зорей XI изготовлены из светло-серой яшмы южноуральского происхождения.

Геометрические микролиты **II типа** до недавнего времени были представлены на территории Среднего Зауралья единичными экземплярами. Сейчас их известно 27 на

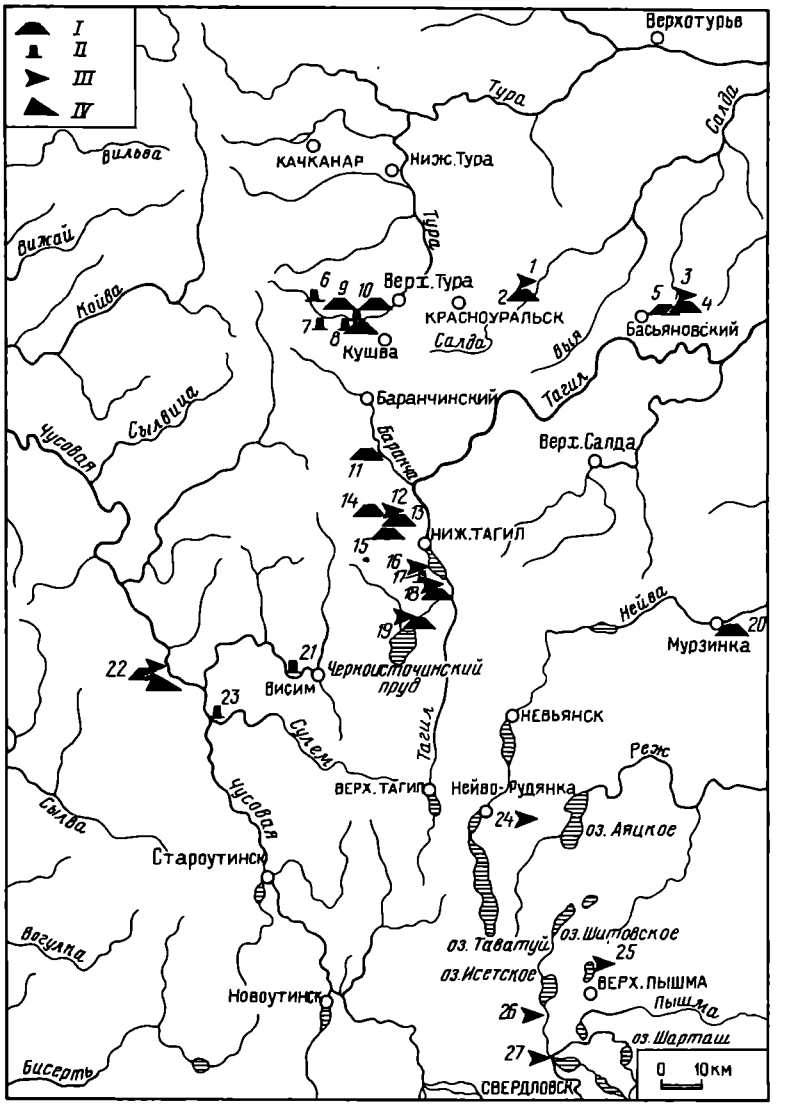


Рис. 1. Карта-схема расположения памятников с геометрическими микролитами (I–IV – типы микролитов). *1* – Выйка I; *2* – Выйка II; *3* – Кокшарово I; *4* – Кокшаровско-Юрьинская; *5* – Кокшарово VII; *6* – Новая II; *7* – Гаревая II; *8* – Уральские Зори I; *9* – Уральские Зори XI; *10* – Уральские Зори V; *11* – Баранча II; *12* – Полуденка II; *13* – Полуденка I; *14* – Малая Горка II; *15* – Полуденка VI; *16* – Береговая VI; *17* – Береговая III; *18* – Серый Камень; *19* – Крутяки I; *20* – Амбарка I; *21* – Ашка I; *22* – Камень Дыроватый; *23* – Сулем II; *24* – Шайтанское озеро III; *25* – Лиственный мыс; *26* – Калмацкий Брод; *27* – Палкино I

восьми памятниках. Причем 23 из них найдены на четырех мезолитических памятниках в верховьях р. Туры (таблица). Представлен этот тип трапеции, которые имеют симметричную или слегка асимметричную форму и боковые выемки. Изготовлены они на широких пластинах и вследствие этого всегда имеют высокую форму. Ширина пластин колеблется от 1 до 2,6 см, но преобладают изделия шириной 1,2–1,5 см. Ретушь, формирующая боковые выемки, практически всегда нанесена со стороны спинки (рис. 3, *1–18*). Изготовлены трапеции II типа из разнообразных местных пород камня – кремнистого сланца, алевротуфа, халцедона, полосчатой (красно-зеленой) яшмы.

К III типу отнесены низкие вытянутые асимметричные трапеции с одной боковой выемки. Они встречены на 13 памятниках в количестве 33 экз. Трапеции изготовлены на пластинах шириной обычно 1,1–1,3 см (рис. 3, *19–33, 35–37*). Для их изготовления применялись местные кремнистые сланцы, халцедон. Но в основном они выполнены на пластинах светло-серой яшмы южноуральского происхождения.

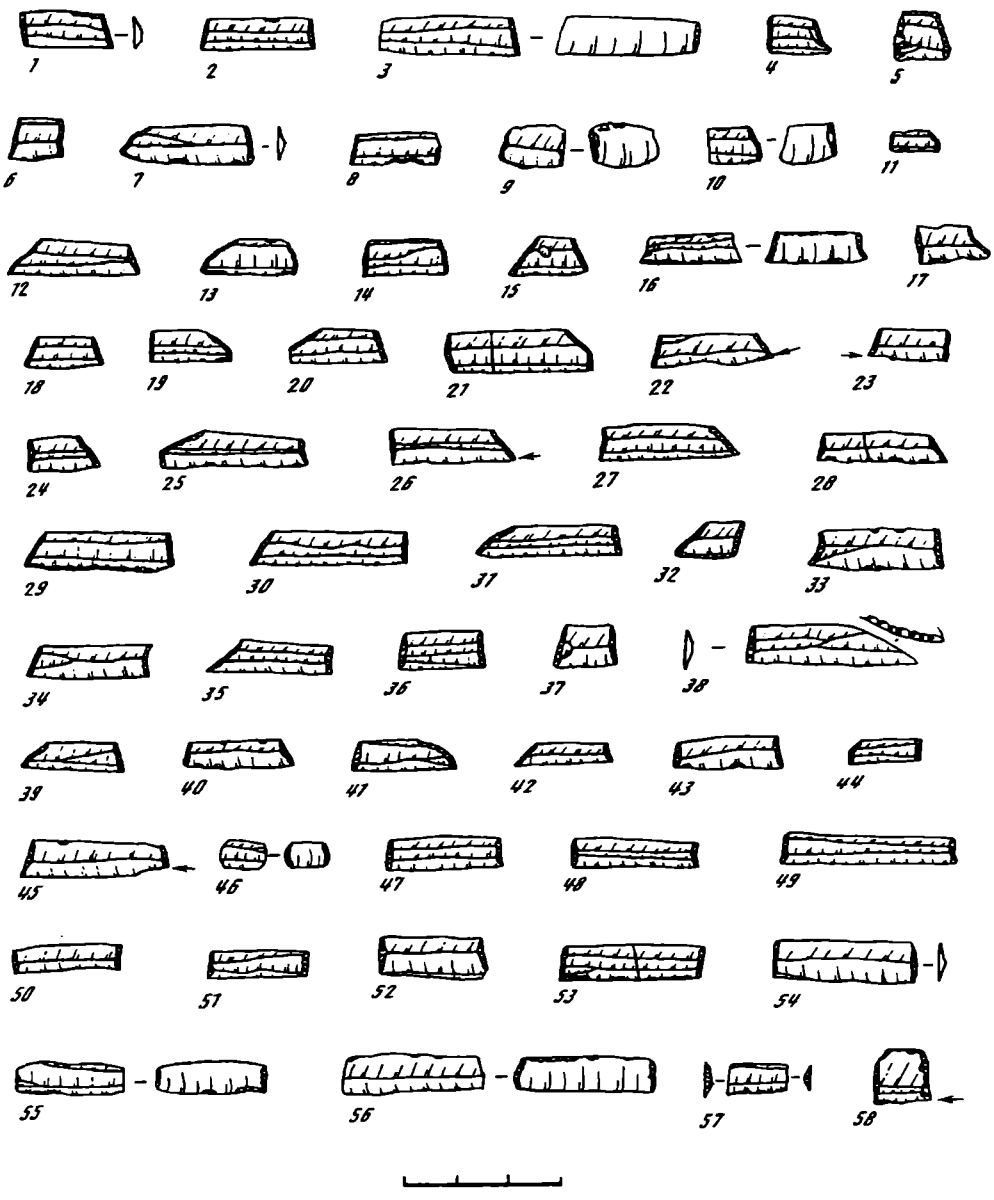


Рис. 2. Геометрические микролиты. *1* – Выйка II; *2, 55* – Полуденка I; *3–6* – Крутяки I; *7* – Серый Камень; *8* – Амбарка I; *9, 85* – Кокшарово VII; *10–13* – Кокшаровско-Юрьинская; *14* – Малая Горка II; *15* – Уральские Зори I; *16, 56* – Уральские Зори V; *17–28, 52, 53* – Уральские Зори XI; *29, 51* – Камень Дыроватый; *54* – Полуденка VI; *57* – Баранча II

IV тип представлен одним низким асимметричным треугольником с Камня Дыроватого (рис. 3, *34*). Изготовлен он из кремнистого сланца местного происхождения.

Следует отметить то, что уже было сказано в отношении геометрических микролитов I типа: и во II, и в III типах при желании можно выделить самые разнообразные подтипы и виды.

Вопрос о функциональном назначении геометрических микролитов решается в настоящее время довольно уверенно. Микролиты I типа являлись вкладышами составных вкладышевых орудий, прежде всего – наконечников стрел. В культовом комплексе святилища на Камне Дыроватом зафиксировано свыше 18 тыс. наконечников стрел из камня, кости и металла. Свыше 5 тыс. – вкладышевые наконечники стрел. Кроме наконечников стрел там найдено 3 тыс. микропластинок-вкладышей. 50 микропластинок являются геометрическими микролитами I типа. Причем в этом комплексе представлены микролиты всех пяти подтипов. Правда, некоторые сомнения можно вы-

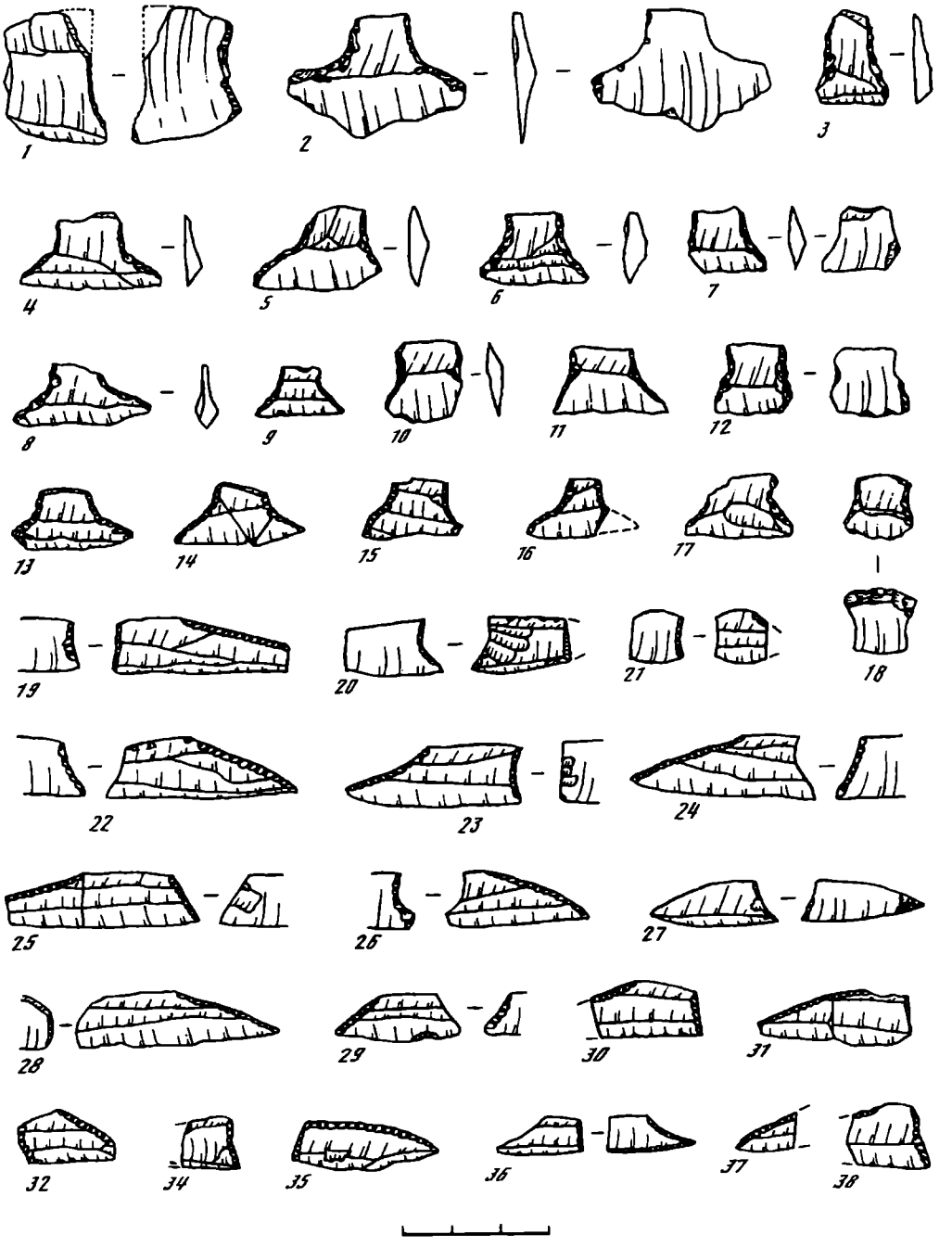


Рис. 3. Геометрические микролиты. *1–10* – Уральские Зори I; *11* – Гаревая II; *12* – Береговая III; *13* – Ашка I; *14–16* – Уральские Зори V; *17* – Новая II; *18* – Сулем II; *19* – Полуденка II; *20, 21* – Крутяки I; *22–24* – Калмацкий Брод; *25* – Серый Камень; *26* – Сухрино III; *27* – Кокшарово I; *28–36* – Камень Дыроватый; *37* – Шайтанское озеро III

сказать по отношению к асимметричным трапециям (подтип Iб). Дело в том, что на стоянке Уральские Зори XI, где найдено 15 геометрических микролитов (из них 5 – асимметричные трапеции), зафиксирована осенняя охота на водоплавающую и боровую птицу (Сериков Ю.Б., 1989б, с. 128). В связи с этим возможно допустить использование асимметричных трапеций в качестве миниатюрных наконечников стрел для охоты на птицу. В пользу данного предположения может, на наш взгляд, свидетельствовать и асимметричная трапеция с Серого Камня. Скошенный край этой трапеции обработан ретушью с двух сторон и образует слегка асимметричное острие (рис. 2, *7*). Смещение кончика острия путем дополнительной обработки ретушью к центральной

продольной оси изделия может свидетельствовать о том, что данная трапеция, возможно, использовалась в качестве наконечника стрелы. Но в большинстве своем асимметричные трапеции служили, видимо, конечными вкладышами наконечников стрел.

Геометрические микролиты II типа применялись в качестве поперечно-лезвийных наконечников стрел. Подобные наконечники стрел с остатками смолы или в прикрепленном к древку стрелы виде неоднократно находили в торфяниках Дании, Германии, Швейцарии (Нужный Д.Ю., 1984, с. 25). Поэтому их функциональное назначение не должно вызывать сомнений. Причем применялись они для охоты на крупных животных. Население стоянки Уральские Зори I занималось весенней поколюгой на лося или северного оленя. И среди остатков охотничьего вооружения найдено 14 трапеций с боковыми выемками – поперечнолезвийных наконечников стрел. На многих из них присутствуют диагностические для функции наконечников макроследы использования – боковые резцовые сколы и плоские фасетки со ступенчатым окончанием (рис. 3, *4, 5, 7, 10, 12, 14, 16, 18*) (Лозовская О.В., 1994, с. 159, 160, 164).

Геометрические микролиты III и IV типов также служили наконечниками стрел, но не поперечно-лезвийными, а колющими. Низкая вытянутая трапеция с остатками смолы была найдена на поселении Стар-Карр (Англия). Подобная же трапеция обнаружена среди костей одного из погребенных могильника Васильевка III (Украина) (Нужный Д.Ю., 1984, с. 25–27). Асимметричные треугольники зафиксированы среди костей погребенных в могильниках Тевьен (Франция) и Васильевка III (Нужный Д.Б., 1984, с. 26, 27).

Необычайно интересен вопрос о происхождении геометрических микролитов. Г.Н. Матюшин считает, что трапеции распространяются из одного центра, причем области распространения трапеций, по его мнению, совпадают с регионами наиболее раннего распространения производящего хозяйства (Матюшин Г.Н., 1976, с. 243). А.А. Формозов связывает присутствие геометрических орудий с проникновением с юга индоевропейского населения (Формозов А.А., 1977, с. 130–140).

Наши многолетние исследования мезолита на территории Среднего Зауралья позволяют высказать некоторые предположения о происхождении и хронологии геометрических микролитов Среднего Зауралья. Геометрические микролиты I типа имеют, бесспорно, местное происхождение. Все они изготовлены из местного сырья (за исключением трех изделий), по ширине пластин и технике обработки ничем не отличаются от других изделий пластинчатого комплекса среднезауральского мезолита. Об их хронологии говорить пока преждевременно, так как периодизация зауральского мезолита до сих пор не разработана. Но с определенной долей уверенности можно сказать, что практически все мезолитические памятники Среднего Зауралья относятся к позднему мезолиту. Об этом свидетельствует и единственная более-менее достоверная радиоуглеродная дата с Кокшаровско-Юрьинской торфяниковой стоянки – 6470 ± 80 лет назад (ЛЕ – 2060) (Сериков Ю.Б., 1992а, с. 146). Следовательно, геометрические микролиты также будут датироваться поздним мезолитом.

Геометрические микролиты II типа до недавнего времени вообще не были известны на территории Среднего Зауралья. Только в 1985 г. при изучении мезолитических памятников в верховьях р. Туры были найдены первые высокие трапеции с боковыми выемками. Из 27 таких трапеций, известных на территории Среднего Зауралья, 23 найдены на р. Туре. Остальные трапеции также тяготеют к горной части восточного склона Среднего Урала. Следует отметить, что верховья р. Туры близко подходят к верховьям рек Серебрянка и Койва, которые являются правыми притоками р. Чусовой. А р. Чусовая – единственная река, которая с восточного склона Урала переходит на западный. А на западном склоне Урала – в Среднем Приуралье и Прикамье – трапеций с боковыми выемками известно свыше 80. И происходят они с двух десятков памятников (Галимова М.Ш., 1994, рис. 1). Подобные трапеции известны и на Южном Урале, но встречены только на двух памятниках по одному экз. – на мысе Безымянный и Мурате (Матюшин Г.Н., 1976, табл. 19, *5*; 44, *8*). По мнению самого

Г.Н. Матюшина, они характерны для поздних этапов мезолита Южного Урала. Трапеции же усть-камской культуры Прикамья имеют, несомненно, более ранний возраст. М.Ш. Галимова датирует начальный этап этой культуры (памятники Сюкеевский взвоз, Камское устье II, Беганчик) рубежом плейстоцена и голоцена (Галимова М.Ш., 1992, с. 15). Причем она придерживается мнения о местном происхождении трапеций с боковыми выемками в недрах усть-камской культуры (Галимова М.Ш., 1994, с. 13). На территории Пермского Прикамья, т.е. еще ближе к Среднему Зауралью, в последние годы выявлен ряд позднепалеолитических и раннемезолитических местонахождений с отдельными трапециями с боковой выемкой (стоянки типа Горной Талицы) (Мельничук А.Ф., Павлов П.Ю., 1987). Исследователь этих памятников А.Ф. Мельничук отмечает их сходство как с памятниками усть-камской культуры, так и с зауральскими материалами (Мельничук А.Ф., 1989, с. 249). Особенно ярко это сходство (присутствие в комплексах трапеций с боковыми выемками, массивных боковых резцов, усеченных ретушью пластин, зубчато-выемчатых изделий) проявляется в материалах поселений Уральские Зори I, III, V и Гарева II (Варанкин Н.В., Сериков Ю.Б., 1989, с. 140–143). Все эти памятники располагаются очень компактно (полосой в 5 км) в верховьях р. Туры. И если вышеперечисленные признаки сближают их с памятниками Прикамья, то по этим же признакам они отличаются от десятков мезолитических памятников Среднего Зауралья. При отсутствии радиоуглеродных датировок до сих пор неясно, в чем тут дело. То ли туринские памятники будут датироваться более ранним временем, чем остальная масса памятников, то ли будут представлять новый локальный вариант мезолита в Среднем Зауралье. В любом случае связь туринских памятников с Прикамскими представляется достоверной. На наш взгляд, приведенные факты могут свидетельствовать если не о прямых перемещениях населения с территории Среднего Приуралья, то о достаточно тесных контактах с ним. Проникновение трапеций с боковыми выемками в Среднее Зауралье происходило с запада, возможно – по р. Чусовой. Но и здесь не все ясно. В крупнейшем святилище Среднего Урала на Камне Дыроватом, которое "обслуживало" громадную территорию от истоков до устья Чусовой, найдены все типы и подтипы геометрических микролитов, кроме трапеций с боковой выемкой (таблица). Поэтому, возможно, их проникновение на восток происходило не только по р. Чусовой, сколько по ее притокам.

Геометрические микролиты III типа – низкие вытянутые асимметричные трапеции с одной боковой выемкой – составляют 21,5% всех микролитов. Встречаются они на всем протяжении Среднего Зауралья, но в единичных экземплярах. Только на Камне Дыроватом их найдено 17 экз., да в Калмацком Броде – 4 экз. и Крутяках I – 2 экз. На десяти памятниках зафиксировано по одной такой трапеции. Следует отметить, что в "кусте" туринских памятников такие трапеции полностью отсутствуют. Не зафиксировано их присутствие и на других памятниках, где имеются трапеции с боковыми выемками (таблица). Почти половина из них изготовлена из светло-серой яшмы.

К настоящему времени сырье эпохи мезолита на территории Среднего Зауралья изучено достаточно хорошо (Сериков Ю.Б., 1989в). И мы знаем, что сургучные, бурые, зеленые и красно-зеленые яшмы встречаются и в Среднем Зауралье, причем практически всегда в виде галек. Но светло-серой яшмы на данной территории нами не обнаружено. Необходимо также отметить, что светло-серая яшма в мезолитических комплексах Среднего Зауралья встречается исключительно в виде готовых изделий. Отходы производства – отщепы и чешуйки – практически отсутствуют. Да и сами изделия – нуклеусы, пластинки, скребки, резцы, острия, трапеции – обычно в этих комплексах единичны.

Широкое распространение низких асимметричных трапеций и светло-серой яшмы в Южном Зауралье позволяет связывать находки трапеций и других изделий из светло-серой яшмы на территории Среднего Зауралья с заметным южно-уральским влиянием. Пока нет данных о перемещениях южно-уральского населения эпохи мезолита в более

северные районы. На настоящий момент можно говорить только о внедрении южных культурных элементов в мезолит Среднего Зауралья, которое происходило на поздних этапах мезолита. Низкие асимметричные трапеции хоть и не всегда, но сопутствуют геометрическим микролитам I типа (таблица). Видимо, и хронологически они одновременны им. Можно наметить путь, по которому происходило внедрение южноуральских элементов. Пролегал он вдоль восточного склона Урала, образуя цепочку из памятников: Янгелька – Мурат – Чебаркуль II – Большие Аллаки – Калмацкий Брод – Крутяки I – Серый Камень – Полуденка II – Кокшарово I и дальше на север. Самым северным памятником пока можно считать поселение Атымья IV, где был найден обломок низкой асимметричной трапеции, изготовленной из светло-серой яшмы. Находится он на 61° северной широты, т.е. на самом севере Свердловской обл. (Сериков Ю.Б., 1994б).

Низкий асимметричный треугольник представлен единственным экземпляром. Поэтому любые предположения о характере его происхождения и возрасте в настоящий момент преждевременны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Варанкин Н.В., Сериков Ю.Б., 1989. Исследования памятников каменного века на реке Туре // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар.

Галимова М.Ш., 1992. Исследования на Сюкеевском взвозе в 1989–1990 гг. // Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада. Казань.

Галимова М.Ш., 1994. О территории усть-камской культуры // Памятники древней истории Волго-Камья. Казань.

Лозовская О.В., 1994. К вопросу о трасологических признаках составного метательного оружия // Экспериментально-трасологические исследования в археологии. СПб.

Матюшин Г.Н., 1976. Мезолит Южного Урала. М.

Мельничук А.Ф., 1989. Материалы мезолитического Огурдинского поселения // СА. № 4.

Мельничук А.Ф., Павлов П.Ю., 1987. Стоянка Горная Талица на р. Чусовой и проблема раннего мезолита в Прикамье // Проблемы изучения древней истории Удмуртии. Ижевск.

Нужный Д.Ю., 1984. Об использовании острий и геометрических микролитов // Материалы каменного века на территории Украины. Киев.

Сериков Ю.Б., 1984. Новые памятники Горбуновского торфяника // СА. № 2.

Сериков Ю.Б., 1987. Мезолитические памятники полуострова Крутяки (Среднее Зауралье) // Северная Азия в эпоху камня. Новосибирск.

Сериков Ю.Б., 1988а. Выйка II – опорный памятник эпохи мезолита в Среднем Зауралье // СА. № 1.

Сериков Ю.Б., 1988б. Материальная культура мезолитического населения Среднего Зауралья // Материальная культура древнего населения. Свердловск.

Сериков Ю.Б., 1989а. Мезолитические памятники реки Баранчи (Среднее Зауралье) // СА. № 1.

Сериков Ю.Б., 1989б. "Конкретные ситуации" в археологии и их роль в археологических реконструкциях // Актуальные проблемы методики западносибирской археологии. Тез. докл. регион. науч. конф. Новосибирск.

Сериков Ю.Б., 1989в. Производящие формы труда населения Среднего Зауралья в каменном веке // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск.

Сериков Ю.Б., 1992а. Кокшаровско-Юрьинская торфяниковая стоянка в Среднем Зауралье // РА. № 4.

Сериков Ю.Б., 1992б. Геометрические микролиты Среднего Зауралья // Проблемы палеолита и мезолита Волго-Уралья. Тез. регион. совещ. Саратов.

Сериков Ю.Б., 1994а. Работы Нижнетагильской экспедиции // Археологические открытия Урала и Поволжья. Йошкар-Ола.

Сериков Ю.Б., 1994б. Южные и западные связи мезолитического населения Среднего Зауралья // Европейский север: взаимодействие культуры в древности и средневековье. Междунар. науч. конф. Тез. докл. Сыктывкар.

Старков В.Ф., 1980. Мезолит и неолит лесного Зауралья. М.
Старков В.Ф., Сериков Ю.Б., 1975. Стоянка Полуденка II в Среднем Зауралье // СА. № 2.
Формозов А.А., 1977. Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории европейской части СССР. М.

Нижнетагильский государственный
педагогический институт

Yu.B. SERIKOV

GEOMETRICAL MICROLITHS OF THE MIDDLE TRANS-URALS REGION

S u m m a r y

The paper analyses geometrical microliths in the Middle Trans-Urals. The author identifies four types of geometrical microliths. The first type includes five subtypes of microliths. They are united in one group because all of them are made on small and narrow plates (0.6-0.8 cm) of the local raw materials and served as inserts of composite weapons. It is the most widespread type on the territory of the Middle Trans-Urals which is of local origin. The second type is presented by high trapeziums with side hollows. They tend to come from the mountainous part of the Middle Trans-Urals (the upper Tura). Their origin should, probably, be related to the Ust-Kama culture of the Kama basin. They served as crosswise razor arrowheads. The third type includes squat elongated asymmetrical trapeziums with a side hollow. Few examples of this kind have been found across the whole of the Middle Trans-Urals. Almost half of these microliths have been made of light gray jasper that comes from the South Urals. It allows to speak about the introduction of South Urals cultural elements at the later stage of the Mesolithic. They were used as thrusting arrowheads. The fourth type, a squat asymmetrical triangle, is represented by only one sample, that is why any suggestions about its age, functions and origin are premature.

В.В. СИДОРОВ, А.В. ЭНГОВАТОВА

ЗНАКИ И ОРНАМЕНТЫ НА ИЗДЕЛИЯХ СО СТОЯНОК ЗАБОЛОТСКОГО ОЗЕРА

Знаки на предметах и один из их видов – орнаменты – несли информацию в культуре, код которой сохранялся в системе, изучаемой нами в облике культуры археологической. Приблизиться к пониманию этой информации и тем самым – к пониманию мышления людей глубокой первобытности можно при всестороннем исследовании предметов, отмеченных знаками. Нужно учесть обстоятельства появления знаков – круг предметов, на которые они наносились, условия их бытования. Это позволит подойти к реконструкции ситуации, за которой может быть узнаваем обряд, ограничить поле семантических связей. Культурный контекст археологически наблюдаемого явления нужно искать непосредственно в археологическом материале. Привлечение же для реконструкции этнографических параллелей полезно, но ни в коем случае не может стать основой для достоверной реконструкции.

Орнамент на бытовых предметах, посуде сопряжен в основном с женской, оружие и ряд орудий труда – с мужской субкультурой. Ряд предметов относится к сакральной субкультуре, но с ней же могут быть связаны и любые другие предметы. Необходимо помнить также о неполноте наших источников: на большинстве памятников не сохраняются органические артефакты.

Одним из основных условий, позволяющих проводить комплексный анализ, является сочетаемость разных видов материалов в пределах одной культурной системы. Находки в пределах единого археологического комплекса отвечают такому условию. Такая возможность возникает как результат исследования группы многослойных поселений Заболотского озера: здесь встречена серия камней со знаками, костяные и роговые орудия, среди которых в мезолитических и ранненеолитических слоях многие орнаментированы, обильна керамика в неолитических слоях. Всего здесь раскопками В.В. Сидорова, А.В. Энговатовой и В.М. Лозовского вскрыто в 1987–1995 гг. свыше 400 м^2. Получены обширные коллекции, включающие около 150 тыс. фрагментов орнаментированной посуды, около 3,5 тыс. костяных предметов, из которых свыше 300 несут орнамент и знаки, 64 камня со знаками, около 200 амулетов, деревянные предметы.

Стоянки приурочены к берегам проток при впадении р. Дубны в Заболотское озеро в восточной части Верхневолжской низменности (Сидоров В.В., 1996). Здесь выделены слои позднего мезолита (конец VI тыс. до н.э.), верхневолжской культуры (начало V тыс. до н.э.). На всех изученных участках они связаны с водными и прибрежными отложениями, льяловской культуры (середина – конец IV тыс. до н.э.), которые формировались на жилых площадках и береговом склоне. В верхних слоях встречена протоволосовская и волосовская керамика. Часть материала происходит из участков переотложений. Обнаруживается преемственность культуры позднего мезолита, раннего и среднего неолита в каменной технике, типах костных орудий. Культурный разрыв отмечается только с появлением протоволосовского комплекса.

Группы материалов по характеру сырья, а следовательно, и по технологии орнаментации, по сферам применения рассматриваются последовательно: камни со знаками, костяные инструменты, оружие, ритуальные предметы, керамика.

© В.В. Сидоров, А.В. Энговатова, 1998 г.

А. Орнаментированные камни (рис. 1, таблица)

Камни, на которых удается заметить процарапанные знаки, встречаются во многих неолитических комплексах. Условно по аналогии с австралийскими орнаментированными гальками их обычно называют "чурингами". Пока находки таких камней оставались единичны на памятнике – уловить какие-либо следы действий с ними не удавалось. Концентрация чуринг в раскопе Замостья 2 требует объяснения. Основная их часть найдена в омуте у подножья поселения. Здесь происходило их накопление в результате систематически повторяющихся действий, связанных с использованием этого участка на протяжении жизни многих поколений.

Камни укладываются на ладони, средние диаметры – около 4 см, крупные – около 6 см, толщина от 0,4 до 2,8 см. Использовались мергель (12 экз.), известняк (15 экз.), песчаник (8 экз., одна чуринга из осколка пилы), сланец (18 экз., из них 4 экз. первоначально были шлифованными теслами) и окремнелый известняк (1 экз.). Тип рисунка не связан с характером сырья. Встречаются шлифовка контуров, придающая изделиям прямоугольное сечение (2 экз.), заполированность поверхностей (26 экз.). Почти все камни несут следы действия огня: растрескивание, изменение текстуры, цвета (46 экз.). На 21 экз. из них – темные пятна – следы сгорания на поверхности камня смолистых веществ или жира. Следов преднамеренного разбивания, отмеченных М.Г. Жилиным (Жилин М.Г., 1994), не наблюдалось ни разу.

Знаки наносились на одной или обеих сторонах (достоверно восемь случаев). Наблюдается ряд от сложных, включающих максимум элементов, до примитивных – с одним элементом. Рисунок сложных включает параллельные резко врезанные линии, выполненные многократным прочерчиванием. Пространство между параллельными линиями заполнено – это может быть "лесенка", "елочка со стеблем", решетчатая или косая штриховка, зигзаг, одиночный или парный. У наиболее тщательно выполненных штриховка одного рода укладывается между соседними линиями, но чем небрежнее знак, тем чаще штриховка покрывает сразу несколько полос. Заполнение между параллельными линиями всегда выполнено легким штрихом (рис. 1, *26–53*). Эту группу знаков будем называть линейной.

Особую группу составляют знаки с участием заполненного треугольника или зигзага (9 экз.). Иногда это зигзаг с продольной штриховкой, иногда – штриховка параллельно разным сторонам треугольников (рис. 1, *34, 36*). Разделительные линии на этих чурингах выражены слабее. На некоторых простейших наложение штриховки под разными углами создает в хаотическом рисунке несколько заполненных треугольников (рис. 1, *14, 15*).

Примитивный рисунок – решетка, косая, крестообразная или параллельная штриховка, есть несколько случаев, когда виден только ряд продольных линий (17 экз.) – возможно, что легкая штриховка заполнения просто не сохранилась. Эти знаки будем называть простыми штриховками (рис. 1, *10–25*).

Некоторые обломки позволяют предполагать существование каких-то иных рисунков (рис. 1, *39*). На второй стороне линейной чуринги имеется рисунок типа шеврона. На другом изделии встречены заштрихованные треугольники, соприкасающиеся вершинами (рис. 1, *51*). Отметим концентрический рисунок, выполненный короткими надрезами (рис. 1, *37*). Единичность таких знаков не позволяет говорить о типе.

Композиционно рисунок камней лишен динамики. Расположение знака ориентируется на середину естественной плоскости. Направленность нанесения знака или чтения его не угадывается. Единственный организующий элемент – это продольные параллельные линии, между которыми укладываются различные виды штриховки. Ориентировка верх – низ среди орнаментированных предметов достоверна только для керамики.

Камни с желобками обычно рассматриваются как абразивы для полировки древков. На Замостинских стоянках в мезолитических слоях найдены девять камней с проточенным желобком. Орнаментация желобка на восьми из них позволяет объединять их

Рис. 1. Камни со знаками со стоянок Заболотской группы с желобчатым орнаментом (*1–9*); с примитивным орнаментом (*10– 25*); со сложным орнаментом (*26–53*): со стоянки Замостье 2 (*1–5, 7, 8, 10, 11–16, 19–22, 24–49, 51, 53*); Замостье 5 (*6, 9, 50*); Замостье 13 (*12, 52*); Языково 1 (*17*); Замостье 3 (*23*)

с остальными чурингами (12 экз. рис. 1, *1–9*). Встречаются желобки как с плоским дном, углубленные не более чем на 2 мм, но с четкими краями, так и с округлым сечением, более глубокие, шириной 12–18 мм. Заметна залощенность дна желобков, возникшая от воздействия органического материала. В трех случаях желобки сочетаются с линейным рисунком. Отдаленная аналогия – поперечный желобок – характерная деталь "утюжков" (човников) днепро-донецкой культуры, памятников типа Орловки на Нижней Волге. Среди "утюжков", особенно сурско-днепровской культуры, встречаются орнаментированные, изготовленные из мягкого камня (Археология..., 1983, с. 137, 138).

Чуринги связаны с мезолитическим и ранненеолитическим слоями Замостья 2, 5, 13, часть происходит из переотложенного материала, но две встречены и в позднельяловском слое на стоянке Замостье 5 (рис. 1, *50, 54*).

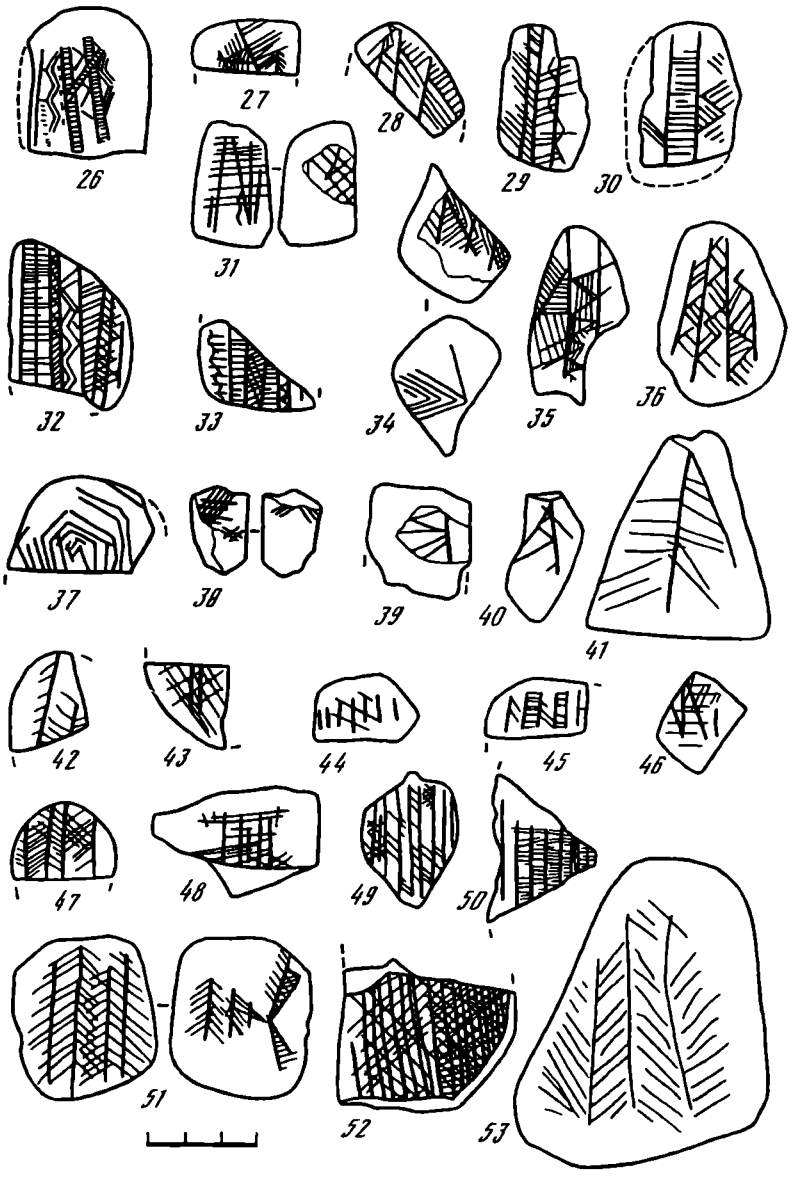


Рис. 1 (*продолжение*)

Следы на камнях стоянок Заболотского озера позволили установить последовательность действий с ними. Выбирается мягкий камень, чаще галька. Камнем трут по относительно мягкому материалу (дерево, кора, натянутая кожа), иногда шлифуют контуры, наносят на него знаки, кладут в огонь, капают на него жир, смолу или кладут на него смолистый корень, мясо. В конце обряда раскаленный камень кидают в воду у подножия берега.

Прямые аналоги нашим материалам есть на стоянках Верхневолжской низменности: камни с орнаментами встречаются регулярно в мезолитических и неолитических слоях (Жилин М.Г., 1994; Сидоров В.В., 1973; 1984; Искусство..., 1992, рис. 92, 93). Есть они и в Карелии, но там они несколько отличаются по орнаменту – для них, например, характерно поле параллельных зигзагов (Филатова В.Ф., 1991; Гурина Н.Н., 1956).

Само использование камней, которые можно взять на ладонь и нанести на них знак, проявляется в обрядовых действиях по всей ойкумене и не является культурно-специфическим. Во Франции известны случаи массовых находок подобных предметов, они детально описаны и классифицированы, но к истолкованию их так и не приступали (Ackerman R.E.,1965). Серии небольших галек с гравировками отмечаются на Средней

Таблица 1

Камни со знаками (чуринги)

№	Памятник, горизонт	Сырье	Размер, мм	Следы			Использ. орудия	Желобок		Знаки	
				огня	смолы	лощения		форма	знак	1 сторона	2 сторона
1	Зам.* 2, VI	1	37 × 40 × 7	+	–	+	–	1	3	–	
2	Зам. 2, п.м.	2	48 × 48 × 25	–	–	–	–	2	3	1.3	
3	Зам. 2, VI	2	47 × 63 × 27	+	–	–	–	2	2	–	
4	Зам. 2, VII	1	>37 × 42 × 27	+	+	–	–	2	3	–	
5	Зам. 2, VI	2	32 × 65 × 20	+	+	–	–	2	2	–	
6	Зам. 5, VIII	2	47 × 38 × 20	+	+	+	–	2	–	1.3	
7	Зам. 2, VI	3	>30 × 20 × 10	+	+	–	–	1	2	–	2
8	Зам. 2, VIII	1	>40 × 32 × 22	+	+	–	–	1	3	1.3.4	
9	Зам. 5, VII	2	98 × 63 × 37	+	+	+	–	2	3	–	
10	Зам. 2, VI	5	>35 × >22 × >20	+	–	–	–	–	–	3	
11	Зам. 2, VI	3	37 × 26 × 9	+	–	–	–	–	–	3	
12	Зам. 13	1	>33 × 45 × 17	+	–	+	–	–	–	3	
13	Зам. 2, VIII	4	70 × 37 × 20	+	+	+	–	–	–	2.3	
14	Зам. 2, VII	4	37 × 29 × 5	–	–	–	–	–	–	1.3.4.9	
15	Зам. 2, V	4	25 × 28 × 9	+	+	+	–	–	–	1.2.3.4	
16	Зам. 2, VIII	2	>35 × >40 × 12	+	–	–	+	–	–	3	
17	Язково	4	40 × 25 × 9	–	–	+	–	–	–	1.2.4	
18	Зам. 2, V	2	>30 × 35 × 24	+	–	–	–	–	–	1	
19	Зам. 2, п.м.	2	>20 × 45 × 17	+	–	–	–	–	–	1	
20	Зам. 2, п.м.	1	35 × 57 × 25	+	+	–	–	–	–	1.3	1
21	Зам. 2, VIII	4	68 × 54 × 18	+	+	–	–	–	–	1	
22	Зам. 2, VII	2	55 × 48 × 27	+	–	–	–	–	–	1	
23	Зам. 3, п.м.	2	>28 × 21 × 4	–	–	–	–	–	–	1.2	
24	Зам. 2, VI	4	84 × 72 × 14	+	+	+	+	–	–	3	
25	Зам. 2, V	1	>28 × 37 × 17	+	–	+	–	–	–	1	
26	Зам. 2, VII	1	45 × >52 × 22	+	+	+	–	–	–	1.5.6.8	8

27	Зам. 2, VI	4	>15 × 37 × 13	+	–	+	–	–	–	1.4.7.8.9	
28	Зам. 2, V	4	>45 × >20 × 12	+	+	+	–	–	–	1.4.5.8.9	
29	Зам 2, V	4	48 × 30 × >12	+	+	–	–	–	–	1.2.3.5	
30	Зам. 2, VI	1	>50 × 35 × 25	+	+	+	–	–	–	1.4.5.7.8	
31	Зам. 2, V	4	42 × 27 × 9	+	–	+	+	–	–	1.2.5	3.4
32	Зам. 2, IV	3	57 × 40 × 16	+	+	+	–	–	–	1.2.3.6.8.9	
33	Зам. 2, п.м.	4	>37 × 40 × 18	+	–	+	–	–	–	1.2.4.5.8	
34	Зам. 2, VI	4	34 × 40 × 11	+	+	–	–	–	–	1.3.4.5.9	10
35	Зам. 2, V	4	60 × 33 × 7	+	–	+	+	–	–	1.5.7	
36	Зам. 2, п.м.	2	62 × 42 × 22	+	?	+	–	–	–	1.5.7	
37	Зам. 2, VI	2	50 × >35 × 16	+	+	–	–	–	–	12	
38	Зам. 2, VIII	4	>32 × >20 × 18	+	–	+	+	–	–	6	3.4
39	Зам. 2, п.м.	4	38 × 35 × >9	+	+	+	+	–	–	1.2.4?	
40	Зам. 2, VI	3	>46 × >22 × 8	+	–	+	+	–	–	1.2.7	
41	Зам. 2, V	4	72 × 60 × 9	+	–	+	–	–	–	3.9	
42	Зам. 2, п.м.	2	>36 × >24 × 10	+	+	+	–	–	–	1.4.9	
43	Зам. 2, VII	3	>29 × 30 × 9	+	+	–	–	–	–	1.3	
44	Зам. 2, VI	1	>22 × 35 × 9	–	–	–	–	–	–	1.4	
45	Зам. 2, IV	2	>18 × 40 × 16	+	+	–	–	–	–	1.2.4.8	
46	Зам. 2, VI	1	>28 × 22 × 12	+	+	–	–	–	–	1.2	
47	Зам. 2, III	4	>26 × 36 × 9	+	+	–	–	–	–	1.3.4	
48	Зам. 2, VI	3	>20 × >22 × 9	+	–	–	–	–	–	1.2.3	
49	Зам. 2, VI	1	47 × 32 × 28	+	–	+	–	–	–	1.3.4.9	
50	Зам. 5, III	3	>53 × >33 × >3	–	–	+	+	–	–	1.2	
51	Зам. 2, VII	4	62 × 46 × 20	+	+	+	–	–	–	1.3.4.9	1.3.7.9
52	Зам.13	4	45 × 56 × 10	–	–	+	–	–	–	1.3	
53	Зам. 2, п.м.	3	67 × 57 × 28	–	–	+	–	–	–	1.4.9	
54	Зам.2, п.м.	2	50 × 50 × 17	+	–	–	–	–	–	1	
55	Зам. 5, III	2	57 × 54 × 26	–	–	+	–	–	–	1.4	

Примечание: номера в таблице соответствуют номерам на рис. 1; Зам.* – Замостье; п.м. – подъемный материал; сырье: 1 – мергель, 2 – известняк, 3 – песчаник, 4 – глинистый сланец, 5 – кремнистый сланец; желобок: 1 – плоскодонный, 2 – круглодонный; знак: 1 – продольные параллельные линии, 2 – поперечные линии, 3 – косая решетка, 4 – косая штриховка, 5 – зигзаг, 6 – парный зигзаг, 7 – заполненный треугольник, 8 – лесенка, 9 – елочка со стеблем, 10 – угол, 11 – крест, 12 – спираль.

Волге, в Крыму, Японии, на Аляске, Чукотке, Байкале (Gidding W.J., Anderson D.D., 1986; Кирьяк М.А., 1993; Климашевский Э.Л., 1974).

Некоторые исследователи пытаются увидеть в знаках на камнях реальные предметы – жилища, сети, ловушки, даже географические карты. На наш взгляд, знаки на чурингах совершенно лишены изобразительности. Случаи читаемых изображений единичны. Такова антропоморфная фигура со стоянки Красное 10 с р. Десны (Смирнов, А.С., 1984): туловище выполнено "лесенкой", кисти и стопы – заполненными треугольниками. Другой случай – охотничья сцена на сланцевой гальке со стоянки Ивановская VII (Уткин А.В., 1994). С чурингами их сближает техника гравировки на камнях.

Б. Орнаментированные орудия (рис. 2; 3)

На костяных орудиях Замостья орнамент и знаки встречаются довольно часто в мезолитических и ранненеолитических слоях, единично – в льяловских. С волосовскими комплексами орнаментированных орудий не встречено.

Наиболее массовыми среди орнаментированных орудий, особенно в мезолитическом слое Замостья 2, являются кухонные ножи из ребер (рис. 2, *1–5, 17, 18, 28–30;* 3, *1, 8*).

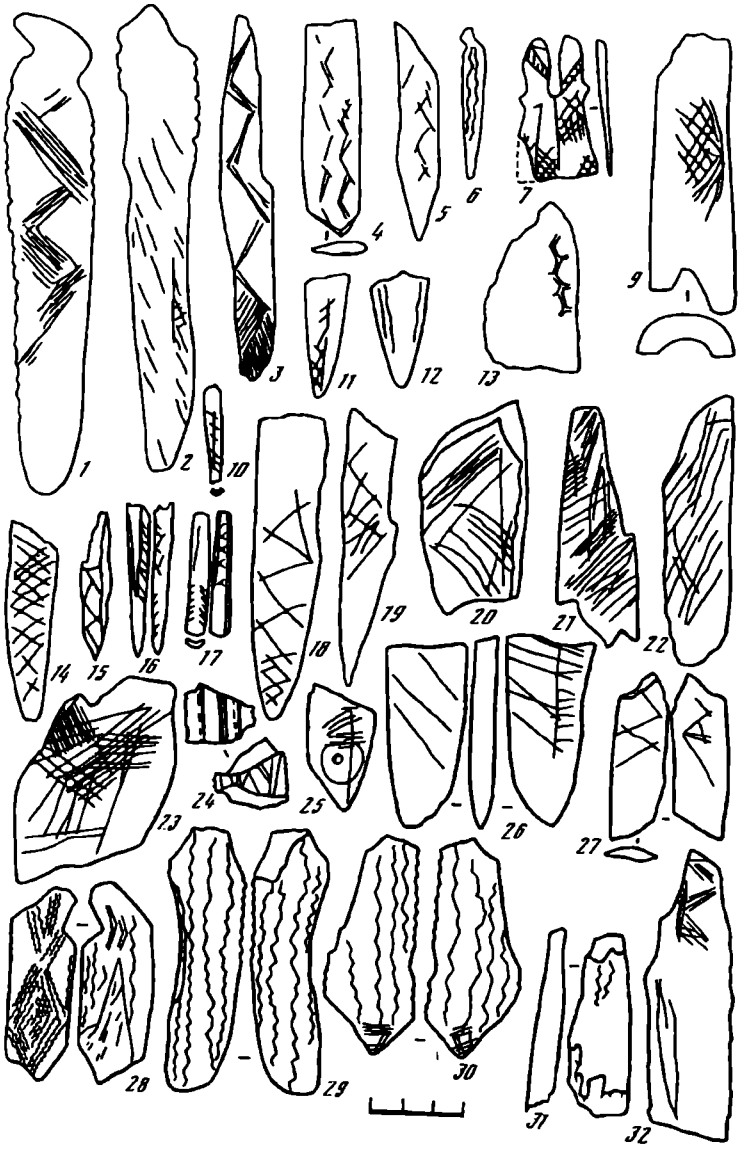


Рис. 2. Заболотская группа стоянок. Орудия и обломки костей с орнаментом, стоянка Замостье 2

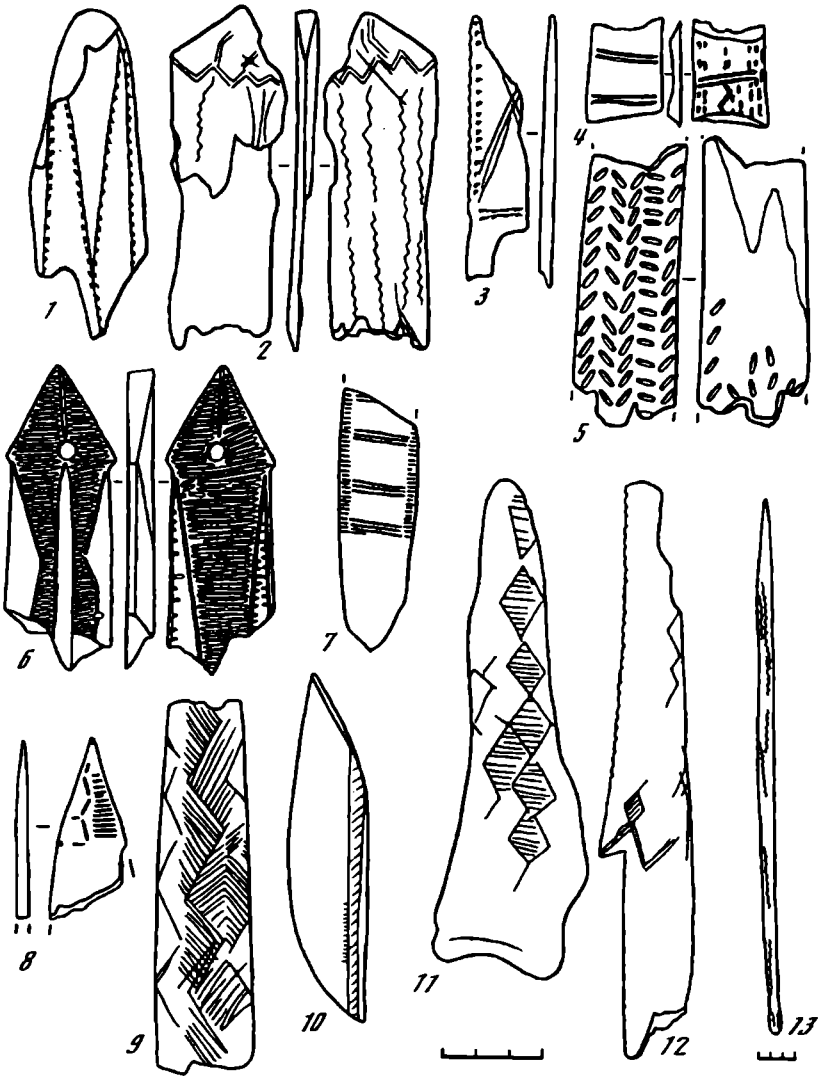


Рис. 3. Заболотская группа стоянок. Оружие и орудия с орнаментом, стоянка Замостье 2

Часть орнаментации примитивна – это простая косая решетка, косая редкая штриховка и зигзаг, шагающий от одного лезвия до другого. В орнаментации ножей устойчиво повторяются: 1) волнистые края от выделенной головки до плоского симметричного острия; 2) продольные зигзаги, обязательно по четыре на каждой стороне, иногда в сочетании с поперечными поясками парного зигзага; 3) деление плоскости орудия поперечными поясками, иногда с заполнением продольных отрезков каким-либо видом решетки; 4) оконтуривание периметра орудия "лесенками". Встречаются одиночный продольный зигзаг, зигзаг из сгруппированных параллельных штрихов, парный поперечный зигзаг с заполнением поверхности параллельными извилистыми линиями. Более сложные формы орнамента, встреченные в единственных экземплярах, – цепочка заполненных ромбов (рис. 2, *28*), полосы взаимопроникающих заполненных треугольников, сплошное покрытие полем зигзага, выполненного овальными насечками.

Функционально ножам из ребер близки ножи из лопаток лося (рис. 2, *12, 19*). На них встречаются простейшие рисунки – зигзаги и штриховки. Можно отметить единичный случай зигзага с отростками в углах, как на одном из камней (рис. 3, *8*).

На других видах рабочего инструмента знаки встречаются крайне редко. Найдено всего две орнаментированных редкой поперечной штриховкой орудия из челюсти

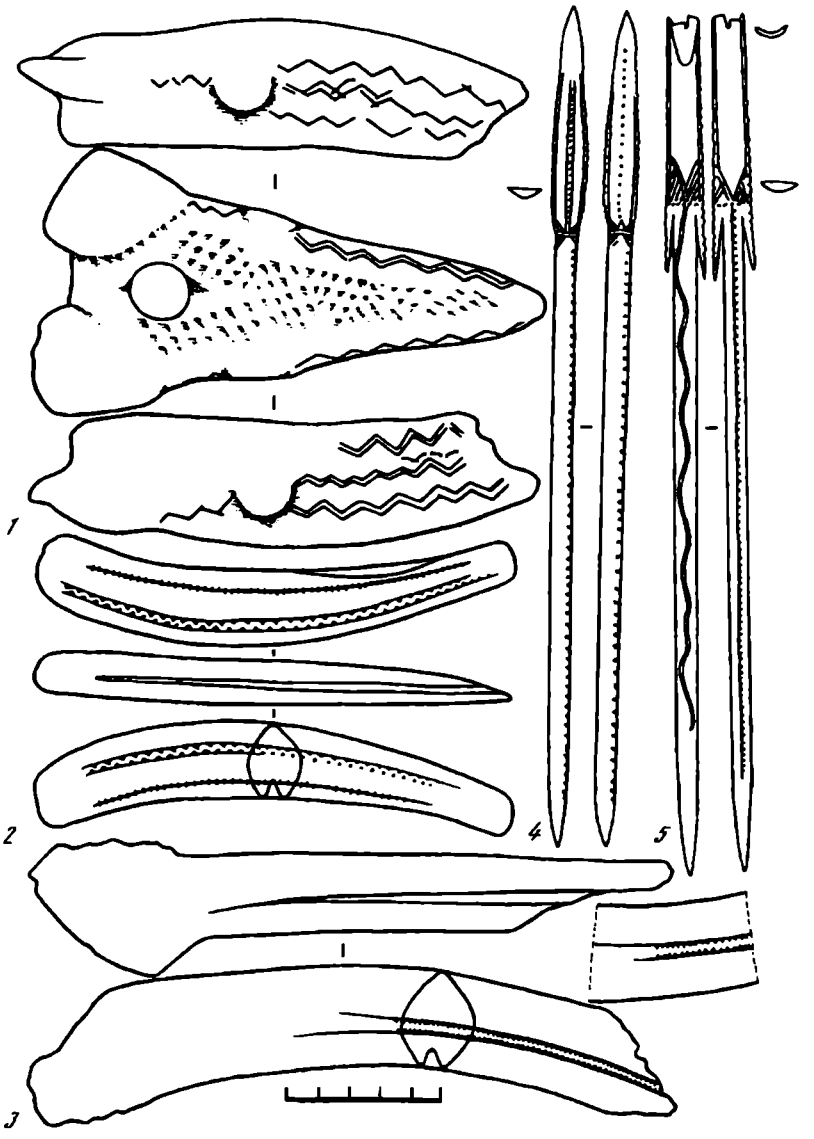


Рис. 4. Заболотская группа стоянок. Оружие с орнаментом, Замостье 2 (*1–3*); Замостье 5 (*4, 5*)

бобра (из нескольких сотен не орнаментированных) из мезолитических и ранненеолитических слоев. М.Г. Жилин истолковывает их как резцы для работы по дереву, а В.В. Сидоров – как кожевенные скребки. На двух рубящих орудиях из кости и рога (тоже весьма представительная категория в этих же слоях) отмечены парные зигзаги.

Среди осколков крупных костей встречаются предметы с сериями параллельных штрихов, косой решетки, аналогичными знакам на камнях (рис. 2, *22*). Они могут являться осколками бытовых предметов или костяными чурингами (30 экз.). Как правило, знаки нанесены на обломки бытовых, хозяйственных ножей, т.е. кость к моменту нанесения знака была полностью очищена и сухая. Возможно, в остальных случаях кость тоже специально подготавливали. На костях мы встречаем только примитивные знаки. Единственный достоверно ритуальный предмет – плоская двухголовая фигурка с острыми головами, с обозначенными короткими выступами руками. На обеих головах наискось нанесены "лесенки", на туловищах – пятна косой решетки (рис. 4, *1*).

В. Орнаментированное оружие (рис. 4)

Большую серию составляют острия под 45° (около 80 экз.). Функционально – это копья и кинжалы. Орнаментация отмечена только два раза: косая решетка, полностью покрывающая плоскую сторону орудия из обломка острия, орнамент относится к последней стадии функционирования предмета; у другого обломка – лесенка, выполненная шагающим резцом в сочетании с крупным зигзагом.

На оружии знаки иные, чем на орудиях: орнаментально очерчены контуры предмета сплошными или зубчатыми полосами (периодический нажим резцом) – на клевцах, кинжалах. Отмечена совершенно иная техника – короткие овальные надрезы заполняют поверхность рукоятки многорядным зигзагом (есть на ножах из ребер). Такая техника орнаментирования рукоятки отмечалась С.В. Ошибкиной на стоянке Нижнее Веретье (Искусство..., 1992, рис. 9).

Две великолепные костяные стрелы из мезолитического слоя Замостья 5 имеют на лопасти изображение крыльев, на длинном стержне – продольные полосы параллельных нарезок и цепочек насечек, лезвия волнистые (рис. 4, *4, 5*). Еще один вид орнамента – параллельные сгруппированные поперечные штрихи, часто с заполнением между ними: продольными рядами коротких насечек, косым крестом, "змейками" (на игловидном наконечнике, рис. 3, *12*) из верхневолжского слоя Замостья 2.

Специфичны для оружия именно линейные орнаменты, оконтуривающие край, а из изолированных знаков – парный зигзаг (рис. 5; 6). Орнаменты непосредственно обращены к функции орудия, завершают его форму. Но встречаются знаки иного рода: изолированные линии зигзага (на зубчатом копье и гарпуне) с добавлением заполненного штриховкой ромба. Знаки занимают вполне произвольные места на орудии – на удобной плоскости, никак не очерчивают его форму. Такое положение изолированных знаков мы вполне можем рассматривать как самостоятельное по отношению к орудию.

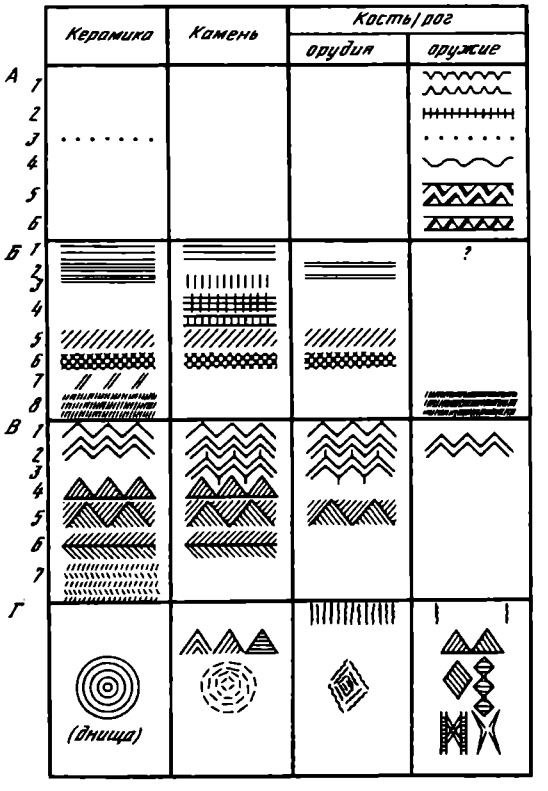


Рис. 5. Заболотская группа стоянок. Сравнительный состав орнаментальных мотивов на предметах из разных материалов

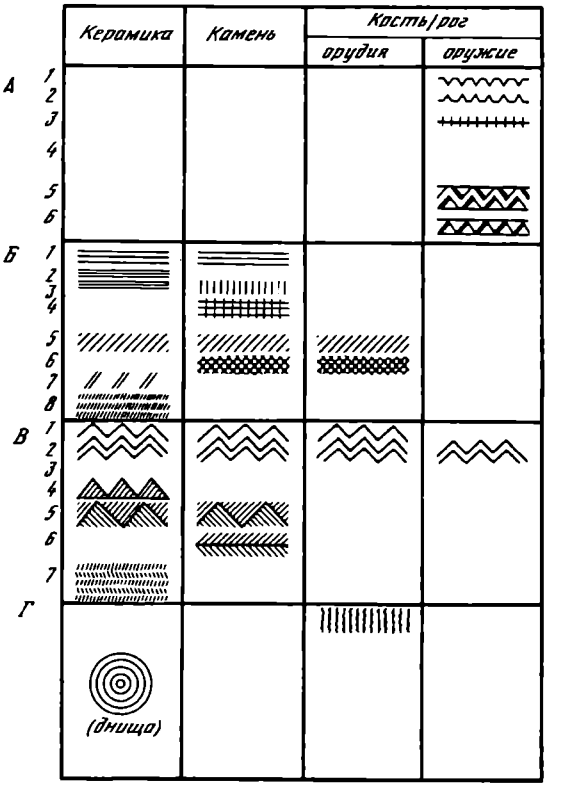


Рис. 6. Заболотская группа стоянок. Часто встречающиеся (более двух раз) орнаментальные мотивы

Коллекция орнаментированной кости Замостья может быть сопоставлена с материалами стоянок Верхневолжской низменности, Нижнего Веретья, Прибалтики. Максимум близости – со стоянками бассейна р. Дубны, торфяника Озерки, несколько менее – с комплексами Ивановского торфяника, Сахтыша, Стрельни. Все эти памятники входят в круг позднебутовской традиции, к которой генетически восходит и верхневолжская культура. Значительно меньше близость с комплексом Нижнего Веретья, хотя совпадают некоторые детали (Искусство..., 1992 г., рис. 25). Этот комплекс входит в круг культур Северо-Запада Русской равнины, южная граница которых проходит по Валдайской возвышенности. Еще меньше совпадений с ранненеолитическими и мезолитическими комплексами Прибалтики (Loze I., 1983).

Г. Орнамент на сосудах

На стадии неолита камни со знаками сосуществуют с массовым материалом, несущим орнамент, – это керамика. Наибольшую методологическую трудность сопоставления орнамента керамики иными материалами, сохранившими орнамент и знаки, представляет слишком большая разница в технике нанесения знаков на мягкой глине и твердых материалах. В этом сопоставлении нужно абстрагироваться от типа штампа (несущего иногда основную семантическую нагрузку) и техники орнаментации. Сопоставлению поддаются мотивы орнамента, в меньшей мере – композиция (поскольку она непосредственно зависит от его формы и функции).

Верхневолжская керамика на ранней стадии имеет мало вариантов орнаментальных схем (рис. 7). Наиболее обычен мотив повторяющихся в определенном ритме поясков однородных оттисков. Пояски бывают поставлены в несколько рядов, иногда – чередование поясков разной ширины. Встречается установка штампа в соседних линиях одного пояска под разным углом, что дает рисунок короткого вертикального зигзага. Следующий по количеству вид – это простой зигзаг, вписанный между поясками, он может быть выполнен одиночными и сдвоенными линиями, обычно идет в верхней части сосуда, но случаются чередования поясков и зигзагов (рис. 7, *6, 8, 11*). Достаточно часты случаи отдельных наискось поставленных линий, в том числе многорядных, которые соединяют соседние горизонтальные пояски (рис. 7, *5, 7*).

Зоны взаимопроникающих треугольников (рис. 7, *10, 16*) сочетаются со сплошным заполнением поля штампом под одним или разными углами. На сосудах никогда не встречаются заполнение поля перпендикулярно горизонтальным пояскам или сочетания разных типов заполнения, какое мы видим на чурингах. Не встречены на верхневолжской керамике Заболотского озера такие элементы знаков на камнях и костяных орудиях, как лесенка, прямая решетка. Вертикальный зигзаг с горизонтальной разделительной линией можно рассматривать как "елочку со стеблем" в иной ориентировке (рис. 7, *8*). На позднем этапе появляются вертикальный зигзаг отдельными полосами и косая решетка, но такие сосуды единичны.

Раннельяловские сосуды содержат тот же набор орнаментальных мотивов: пояски разной ширины, зигзаг, наклонные линии, соединяющие пояски, решетка. Несколько позднее появляются зоны наклонных линий, которые можно рассматривать как проявление косой штриховки и пояски треугольников. Нередко придонная зона отличается по орнаменту от остальной поверхности. Позднельяловская керамика включает небольшие серии сосудов с выделенным орнаментальным поясом под венчиком, но большинство орнаментировано скромно: редкие однообразные горизонтальные пояски; увеличивается количество сосудов, полностью покрытых полем ямок. На финальном этапе, когда рисунок в основном выполнялся ямками на гладком фоне (редкоямочная керамика), он включает горизонтальный зигзаг, треугольники и ромбы, наклонные линии, решетку и редко – вертикальный зигзаг.

Этнографической параллелью орнаментальной системе населения Заболотского озера может быть характерная черта орнаментов обских угров: распределение рисунков в зонах-секциях, разграниченных вертикальными линиями (Этногенез..., 1980,

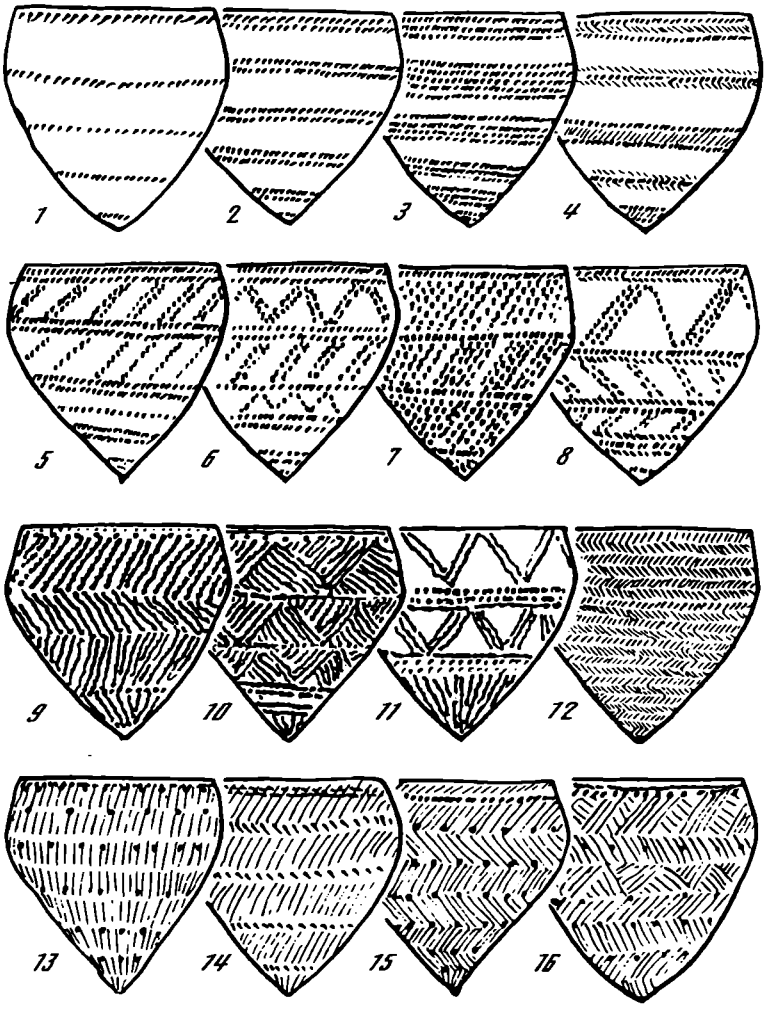


Рис. 7. Заболотская группа стоянок. Орнаментальные схемы верхневолжских сосудов

с. 106). У них же распространен орнамент, состоящий из треугольников, углов, зигзага, перекрещенных квадратов и различных комбинаций этих фигур (Иванов С.В., 1963, с. 53, 154).

Среди верхневолжских и льяловских сосудов встречаются орнаментированные в верхней зоне поясками заполненных треугольников. Небезынтересно сопоставить его использование с тем, какое мы встречаем на камнях и костяных орудиях. Подсказать семантику этого знака могут наконечники Замостья 5. Треугольники располагаются на острых крыльях стрелы, усиливая их сходство с крыльями пикирующего на добычу сокола (по мнению В.В. Сидорова). Ассоциация "стрела – сокол" достаточно естественна. Необходимо вспомнить сосуды с изображениями уточек (Гурина Н.Н., 1972), занимающих то же место на сосудах, что и фризы из флажковых треугольников. Таким образом, знак птицы, или ее условного обозначения – крыла оказывается присущ серии сосудов. Предложенное толкование относится только к одной разновидности треугольников – заполненные, вершинами вверх. Другие, гораздо чаще встречаемые – вершинами вниз, – могли читаться иначе. Для их дешифровки можно было бы обратиться к древнейшей иероглифической письменности, поскольку характер стилизации реальных объектов здесь один и тот же.

Орнаментация керамики – обширная тема, требующая специального исследования. Орнамент может нести информацию о разных сферах функционирования сосуда: обеспечивать его сохранность при изготовлении, при хранении, быть обращен к содержимому сосуда, к его обрядовому употреблению. Подавляющее большинство

верхневолжско-льяловской керамики несет информацию о "магической технологии" изготовления самого сосуда (Сидоров В.В., 1987). Необходимо специальное исследование для выделения исключений, где орнамент обращен к иным сферам. Интересно соображение И. Калининой об орнаменте как шкуре (в сакральном значении) (Калинина И.В., 1993).

Подойти к пониманию значения орнаментов позволяет использование орнаментальных мотивов в заведомо ритуальных предметах и комплексах: фигурках, идолах, петроглифах. В заполнении антропоморфных фигур используются те же знаки, какие мы находим на чугунках (Loze I., 1983, fig. 3; Helskog K., 1988; Мошинская В.И., 1976, табл. 3). В зооморфных изображениях Альта-фьорда состав знаков иной, чем в антропоморфных, в частности здесь используется "елочка со стеблем", которая заставляет вспомнить "линию жизни" на изображениях животных сибирских писаний.

Использование камней с орнаментами и знаками в мезолите и неолите лесной зоны возникает в обрядовых действиях, и один из таких циклов прослеживается на Заболотских стоянках. Состав знаков, используемых для этих целей, при всей элементарности специфичен именно для данного обряда. По-видимому, штриховка, аналогичная простейшим знакам чуринг на костях и обломках орудий, возникала в использовании их в разновидности того же обряда, в каком участвовали чуринги.

Орнаментальные мотивы чуринг, керамики и костяных орудий образуют одно поле, оружие резко различается по составу мотивов, характеру размещения (рис. 5, 6). Это может быть связано с принадлежностью к двум субкультурам – мужской и женской, а также с использованием для магического воздействия на предмет разных знаков систем.

Вывод о "довольно резком отличии искусства эпохи мезолита от неолитического" (Искусство..., 1992, с. 6) не подтверждается материалами стоянок Заболотского озера. Орнаментация позднемезолитических и ранненеолитических слоев не различается: употребляются те же знаки и их сочетания. Не оправдалась, на взгляд авторов, гипотеза М.Е. Фосс об орнаментах на керамике как "племенных символах" (Фосс М.Е., 1952, с. 69). Элементы орнамента, набор знаков, на наш взгляд, шире локальных археологических культур. Знаки и орнаменты оказываются более специфичны для предметов, связанных с определенным видом деятельности, чем для какой-либо археологической культуры. За ними стоят системы представлений об этих видах деятельности и стереотипы, связанные с ними, которые могут оказаться исключительно устойчивыми, переживающими тысячелетия, общими у разных этносов, восходя к глубокой древности. Элементарность знаков создает дополнительные сложности для их дешифровки – они могут быть слишком полисемантичны. Этнокультурное функционирование представлений, выражение в знаках нужно изучать вместе со средой бытования этих представлений, т.е. с рекомендуемой деятельностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Археология Украинской ССР, 1983. Т. 1. Киев.

Гурина Н.Н., 1956. Оленеостровский могильник // МИА. № 47. Л.

Гурина Н.Н., 1972. Водоплавающая птица в искусстве неолитических лесных племен // КСИА. Вып. 131.

Жилин М.Г., 1994. Некоторые вопросы перехода от мезолита к неолиту на Верхней Волге // Проблемы изучения первобытности и раннего средневековья Восточной Европы. Вып. 1. Иваново.

Иванов С.В., 1963. Орнаменты народов Сибири как исторический источник. М.; Л.

Искусство каменного века. (Лесная зона Восточной Европы), 1992. М.

Калинина И.В., 1993. Неолитическая керамика лесной зоны Уральского региона. Автореф. дис... канд. ист. наук. СПб.

Кирьяк М.А., 1993. Археология Западной Чукотки. М.

Климашевский Э.Л., 1974. Орнаментированные гальки из района истоков Ангары // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Вып. 2. Иркутск.

Мошинская В.И., 1976. Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. М.
Сидоров В.В., 1973. Давыдковская стоянка на р. Яхроме // СА. № 3.
Сидоров В.В., 1984. Маслово болото – льяловское поселение в Подмосковье // СА. № 2.
Сидоров В.В., 1987. Орнаментация керамики как магическое действие // Тез. докл. конф. Религиозные представления в первобытном обществе. М.
Сидоров В.В., 1996. Озерная система р. Дубны в мезолите и неолите // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь.
Смирнов А.С., 1984. Работы Деснинской экспедиции // АО – 1982. М.
Уткин А.В., 1994. Гравировка на камне с Ивановского болота // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья Восточной Европы. Вып. 1. Иваново.
Филатова В.Ф., 1991. Хронология и периодизация мезолита Карелии // Хронология и периодизация археологических памятников Карелии. Петрозаводск.
Фосс М.Е., 1952. Древнейшая история Севера Европейской части СССР // МИА. № 29.
Этногенез народов Севера, 1980. М.
Ackerman R.E., 1965. Art or Magic: The incised pebbles from Sauherm Alaska // Michigan archaeologist. Washington.
Giddings W.J., Anderson D.D., 1986. Beach ridge archeology of cape Krusenstern. Providence.
Helkog K., 1988. Helleristningane i Alta. Spor etter ritualler og Dagligliv i Finnmarks forhistorie. Alta Museum. New York.
Loze I., 1983. Akmens laikmeta Maklsla Austrumbaltija. Riga.

Институт археологии РАН,
Москва

V.V. SIDOROV, A.V. ENGOVATOVA

SIGNS AND ORNAMENTS ON THE GOODS FROM THE CAMPS OF THE ZABOLOTSKY LAKE

S u m m a r y

Multi-layer camps of Zamostye 1–13 studied in the peat of the Zabolotsk lake in the basin of the river Dubna gave around 350 ornamented objects found in the layers of the Late Mesolithic, Early and Middle Neolithic. These are stones with signs (churinguas), fragments of bone, tools and weapons made of bone and horn (Figure 1-5) as well as around 150 thousand fragments of ornamented vessels (Figure 6). Such collections allow to identify specific features of using different signs and ornaments and to come close to their deciphering.

Elements of the rite in which stones with signs are used have been identified: polishing, fire treatment, throwing into the water. Elements of the signs used in the churinguas are found in the composition of petroglyphs, on ritual objects, ceramics of the Upper Volga culture. Ornaments similarity on bone tools is less conspicuous: elements are similar, which can not be said about their grouping. The system of the weapons ornamentation is, as a whole, different.

A series of differences between the sign system of the Mesolithic and the Neolithic of the Volga Oka basin and the Mesolithic of the North, the Baltics is identified, but as a whole they form part of the system of the Finno-Ugric peoples ornaments.

Н.А. ФРОЛОВА, Е.А. САВОСТИНА

НАХОДКИ ПОД СТЕНАМИ БОСПОРСКОЙ УСАДЬБЫ: КЛАД ИЛИ СТРОИТЕЛЬНАЯ ЖЕРТВА?

Раскопки позднеэллинистических усадеб на азиатской части древнего Боспора – ныне землях виноградарского хозяйства "Юбилейный" (Темрюкский р-н Краснодарского края), начатые в 1983 г. сотрудниками ГМИИ им. А.С. Пушкина (Савостина Е.А., 1987, с. 58–71), вскрыли остатки двух домов, расположенных на отдельных участках сельскохозяйственной территории – греческой хоры – примерно в 500 м друг от друга. Обе усадьбы исследовались по единой системе, на широких площадях, с детальной фиксацией полученного материала.

Лучше сохранился дом из трех помещений на усадьбе Юбилейное I. Его стены шириной около 2 м имели в основании мелкий рваный камень, уложенный в 1–3 ряда, над ним был сооружен каменный цоколь высотой 0,8 м из обработанных блоков вторичного использования, верхняя часть стены, судя по многочисленности найденных фрагментов, могла быть сложена из полуобожженного кирпича.

Поскольку сельскохозяйственные наделы на Тамани до сих пор практически не изучались, особое внимание было уделено проблеме формирования культурного слоя усадеб, его структуре, методике и приемам строительства греческого дома, находящегося вне города, с его бесконечными перестройками и перекопами. Раскапывая памятник, мы искали ответы на многие вопросы: как возникло поселение на этом месте, как оно существовало и т.д., – но не на каждый вопрос был получен ответ.

Коротко можно сказать, что позднеэллинистический этап существования обеих усадеб был единым для всех поселений данного района; что наделы были освоены раньше, но от первого и, если был таковой, предшествующего позднеэллинистическому этапа ничего не осталось, кроме множества ям; что большинство ям было засыпано уже пустыми, причем верхние части их стенок были срыты или обрушены внутрь ям; что заполняющий их грунт в качестве примеси содержал керамику – почти целые амфоры или их крупные фрагменты, – уложенную пластами. При этом пласт "чистого" IV в. до н.э. (колпачковые амфоры) перекрывал яму, на дне которой находились фрагменты терракот и сосудов более позднего времени: III–II вв. (Савостина Е.А., 1994, с. 9, 11). Эти наблюдения, равно как и характер грунтов, лежащих "порционными" пластами и линзами, что особенно хорошо читалось на больших площадях, позволяют считать культурный слой поселения результатом не столько постепенного отложения "остатков жизнедеятельности" греков, сколько результатом строительной деятельности тех, кто возводил дошедшие до нас постройки (Блаватский В.Д., 1970). Что же до слоя, одновременного существованию дома, то он был значительно поврежден позднейшей плантажной вспашкой.

Итак, весь слой от материка до основания стен сохранившегося дома (мощностью 1–1,2 м), перекрывающий ямы предыдущего строительного периода, имеет характер искусственной субструкции. Основания стен выложены непосредственно на ней, без специального котлована. Искусственные насыпи, перекрывающие остатки ям в материке и служащие платформой для кладок, широко известны в Ольвии, где еще в 1902 г. они были определены Б.В. Фармаковским как "слоевые основания" стен (Фармаковский Б.В., 1904, с. 25 сл.). Последующие работы (раскоп А.С. Русяевой) показали, что помимо типичных для Ольвии слоевых субструкций, выполненных по

© Н.А. Фролова, Е.А. Савостина, 1998 г.

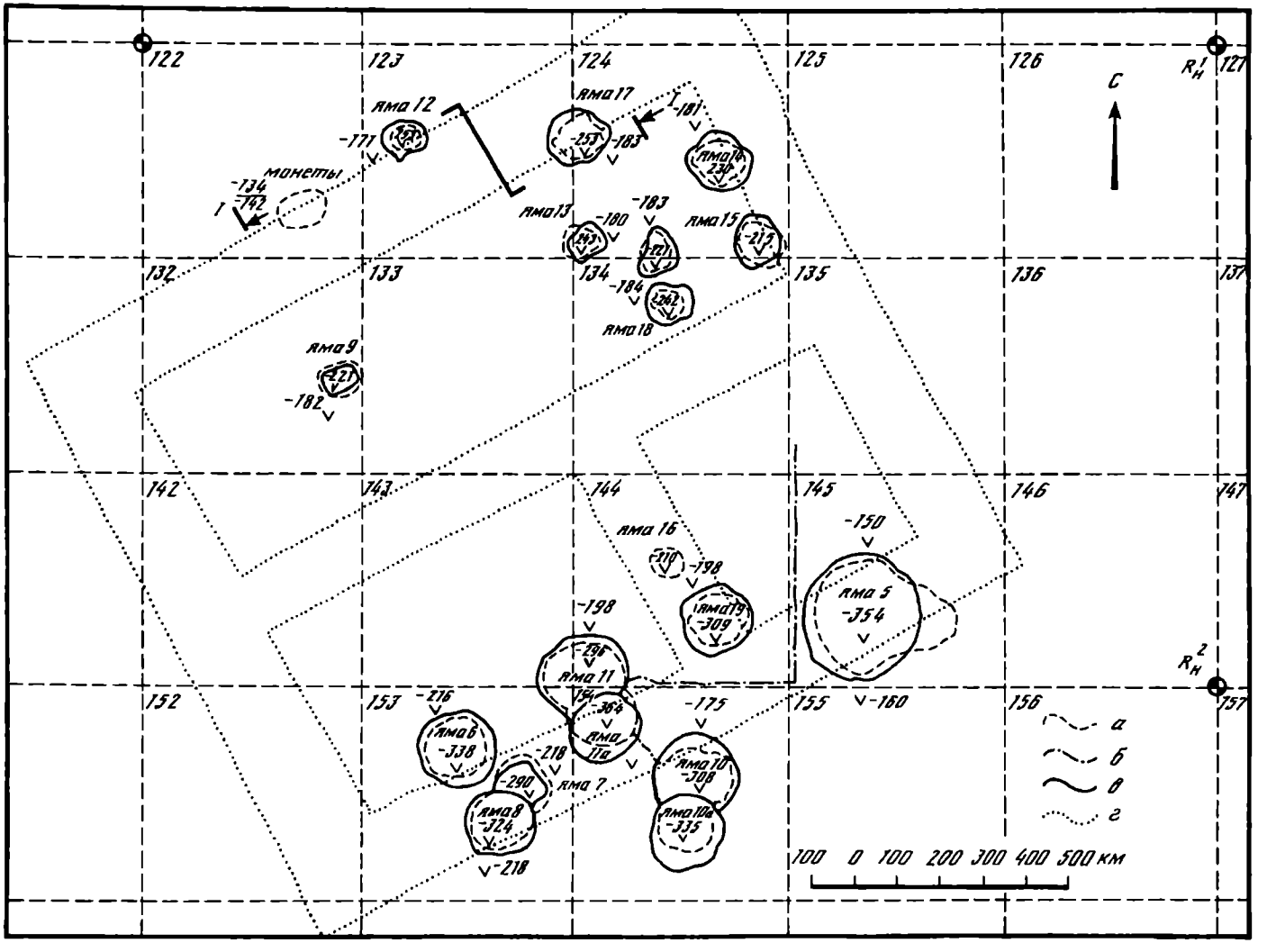


Рис. 1. Генплан раскопа на уровне ям с проекцией плана усадьбы
а – верхняя кромка ямы; *б* – граница штыка; *в* – дно ямы; *г* – проекция кладки

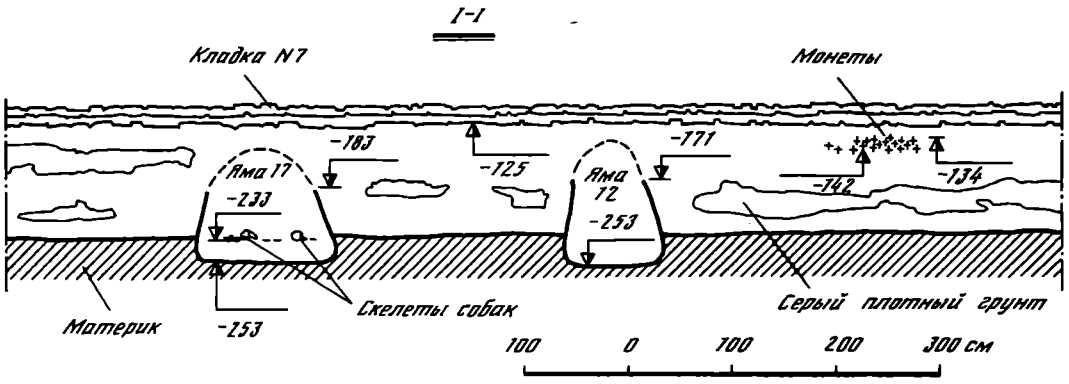


Рис. 2. Разрез по линии I–I (вид с севера)

контуру плана сооружения, имеются и другие, покрывающие значительные площади и состоящие "из нерегулярных прослоек пепла и глины" (Крыжицкий С.А., 1985, с. 72), т.е. аналогичные тем, что были зафиксированы на усадьбах Юбилейное I и II.

Такие субструкции, подсыпки либо засыпи котлованов известны в Греции и прослеживаются на многих городищах Азиатского Боспора (Гермонасса, Фанагория, Горгиппия). Можно говорить и о том, что состав этих специально приготовленных грунтов соответствует определенному времени. Однако документально как строительный прием они зафиксированы пока только в Кепах (субструкция римского времени "зеленоватого" суглинка с примесью керамической крошки: Кузнецов В.Д., 1992, с. 30).

Высказанные наблюдения требуют, несомненно, более детального анализа и обоснованной аргументации, здесь же они приведены для того, чтобы предварить следующее утверждение: исследованные дома были поставлены на искусственно возведенную земляную площадку, все находки из которой нужно рассматривать как попавшие в грунт до сооружения субструкции – привнесенные с "перемешанным грунтом" во время возведения платформы (пока неважно, происходят ли они с самой усадьбы или привезены) или попавшие сюда после того, как строительство было завершено. Материалы, о которых пойдет речь в данной статье, по всей вероятности, связаны именно с сооружением многослойного основания – субструкции, его завершающим периодом и началом закладки дома.

В 1991 г. под северной стеной дома на усадьбе Юбилейное I (рис. 1; 2) была обнаружена группа монет. Тридцать пять бронзовых дисков боспорской чеканки (некоторые из них – с характерной надчеканкой времени "моментного кризиса") находились на отм. –134–142 см от условного репера, ниже подошвы стены (отм. – 125–130 см). Однородные монеты лежали рассыпью на одной глубине, с небольшим разбросом: основная масса их была найдена на площади 50 × 50 см^2, две монеты – в 1 м от остальных. Понятно, что они попали сюда одновременно, поэтому первое, что пришло в голову: "Это клад". Однако никакого сосуда, хранящего клад, никакого специального потайного углубления под стеной явно не было. Не замечено было и никаких следов иных "контейнеров", в которых могли храниться монеты (ткань, кожа и т.п.). Кроме того, они не лежали единой массой, как это обычно бывает в тех случаях, когда монеты сохранялись в каком-либо (даже не дошедшем до нас) "контейнере". В некотором отдалении от места расположения этой группы, но тоже под северной стеной дома была обнаружена яма, в которой лежали скелеты трех собак, определенно, как и монеты, попавшие сюда в одно время. Таким образом, возник вопрос о единовременности двух "зарытий" и их смысловой связи. Но прежде чем перейти к этой теме, рассмотрим каждую группу упомянутых материалов отдельно.

"Клад" из Юбилейного и проблема монетного кризиса на Боспоре

Группа монет или клад с усадьбы Юбилейной I по характерной надчеканке относится к эпохе так называемого монетного кризиса. Казалось бы, эта проблема не имеет непосредственного отношения к жизни усадьбы. Однако публикация клада должна не только ввести его в научный оборот, но и включить в боспорский нумизматический контекст. Чтобы понять его, сделаем некоторое отступление в историю изучения этого явления.

Существование продолжительного и глубокого кризиса денежного обращения Боспора, которое приходится на конец IV в. до н.э. (правление Евмела 310/9–304/3) и заканчивается в правление Левкона II (вторая четверть III в. до н.э.), ни у кого не вызывает сомнений. Исследование этого процесса на Боспоре не обошли вниманием большинство археологов и нумизматов. Этот вопрос изучали: А.Н. Зограф (1951; 1955), В.Ф. Гайдукевич (1949; 1955); В.Д. Блаватский (1964), К.В. Голенко (1955; 1978), В.М. Брабич (1956; 1964), Д.Б. Шелов (1952; 1953; 1954; 1956; 1965; 1981), П.О. Карышковский (1957; 1960а, б; 1961; 1964), Н.А. Фролова (1970), В.А. Анохин (1986). Однако причина кризиса остается до сих пор проблематичной и прежде всего потому, что, судя по археологическим данным, картина Боспора этой эпохи – первой половины и середины III в. до н.э. – не соответствует катастрофическому спаду экономики. На этом основании С.А. Жебелев не выделял этот период в истории Боспора как период экономического упадка. Течение всего IV и первой половины III в. до н.э. он называл эпохой наивысшего процветания Боспорского государства, как экономического, так и политического (Жебелев С.А., 1953, с. 128, 138). То же самое писал и М.И. Ростовцев о том времени, когда краткое правление Евмела сменилось царствованием Спартока III (304/3–284/3 гг. до н.э.) и затем Перисада II (284/3 – около 252 г. до н.э.). Правления этих династов, продолжавших в общем старую политику Спартокидов, не были еще временем упадка Боспора. Экономические условия оставались те же, торговля развивалась, Пантикапей богател. Не падало и благосостояние граждан. Гробницы этого периода были хотя и малочисленнее, но и не беднее гробниц более раннего времени (Ростовцев М.И., 1918, с. 101). Только вторую половину III в. до н.э. М.И. Ростовцев считал временем династических и политических смут (Ростовцев М.И., 1918, с. 102).

Таким образом, нумизматический материал оказался единственным свидетельством экономического спада, имевшего место в Боспорском государстве в III в. до н.э. Только в истории медной чеканки, отразившей такие кризисные явления, как многочисленные над- и перечеканки монет, резкое падение их веса, деградацию стиля и частую смену типов, находится подтверждение кризисных явлений в денежном хозяйстве Боспора.

Причинам кризиса посвящена большая литература, высказано множество гипотез, частично взаимодополняющих, а нередко и взаимоисключающих. Так, А.Л. Бертье-Делагард полагал, что кризис на Боспоре был вызван убытками, связанными с выпуском золотых монет повышенного веса (Бертье-Делагард А.Л., 1911, с. 53). В.Ф. Гайдукевич считал причиной кризисных явлений напряженное состояние и упадок внешней торговли Боспора, что, по его мнению, отразилось на денежном обращении государства (Gajdukevich V.F., 1970. S. 84). Подобное же мнение по поводу причин кризиса было высказано В.Д. Блаватским: "Сокращение хлебной торговли привело к тому, что золото стало поступать в боспорную казну не в прежнем количестве, что вызвало денежный кризис" (Блаватский В.Д., 1959, с. 24). К ним присоединился К.В. Голенко, указавший, что существенное ослабление внешней торговли привело в III в. до н.э. к денежному кризису, который ясно прослеживается на нумизматическом материале этого времени: прекращение чеканки серебряной монеты и массовая пере- и надчеканка медной (Голенко К.В., 1955, с. 138). Не отрицая причин кризиса, высказанных прежними исследователями, В.М. Брабич придавал главное значение пе-

ремещению торговых путей (Брабич В.М., 1956, с. 65–67). По его мнению, в III в. до н.э. на первый план в боспорской экономике выступила периферийная торговля и особое значение получил натуральный обмен. Развитие ремесел на основе сбыта продукции на периферийных рынках без посредства монеты – вторая особенность боспорского денежного кризиса, как считал В.М. Брабич. Третьей его особенностью он назвал отказ от обращения собственной монеты из драгоценных металлов в условиях натурального обмена на периферийных рынках и удовлетворение внутренних нужд обращением только медной монеты: "Резкое ухудшение медной монеты свидетельствует о нарушении нормального товарообмена. Эти нарушения вызывали в свою очередь колебания цен на продукты производства на внутренних рынках Боспорского царства и необходимость неоднократного подтверждения стоимости оставшихся в обращении монет". Он пишет, что причинами, вызвавшими затруднения в области товарообмена, очевидно, были перемещения племен, осложнившиеся отношения со скифами, политическая борьба внутри самого Боспора (Брабич В.М., 1956, с. 68). Издав клад монет III в. до н.э. из Мирмекия, найденный в 1960 г., В.М. Брабич на основании анализа стиля изображения на монетах типа сатир–лев, осетр и сатир–голова быка, а также самих монетных кружков, сохранивших следы отруба литников и скошенный гурт, что свидетельствует о небрежности в их отливке, считает, что предпосылки кризиса следует искать в экономической и политической жизни Боспорского общества еще в конце IV в. до н.э. (Брабич В.М., 1964, с. 193–195). Д.Б. Шелов в своих ранних работах, посвященных разработке кризисных явлений денежного обращения на Боспоре в III в. до н.э., считал, что кризис III в. был не самостоятельным явлением, но следствием значительных изменений в экономической и политической жизни Боспора в последней трети IV в. до н.э. (Шелов Д.Б., 1954, с. 63–65; Shelov D.B., 1978, p. 89–94). В более поздней статье о кризисе III в. до н.э. он выдвинул идею об изменении номинальной стоимости меди путем контрамаркирования монет (Шелов Д.Б., 1981, с. 31–42). П.О. Карышковский, не раз обращавшийся к проблемам III в.до н.э., одной из главных причин его называл переход функции меры стоимости от серебра к золоту, а затем и отказ от греческого золота вовсе. По его мнению, кризис зародился уже в то время, когда золотые эмиссии Филиппа, Александра и Лизимаха подорвали значение серебра как меры стоимости. Боспор пытался закрепить денежный характер своих тяжелых золотых монет, присоединив к ним монеты младшего номинала (Бурачков П.О., 1884, табл. XX, *61*). П.О. Карышковский считал, что эти попытки можно расценивать как первый симптом кризиса, а вторым признаком кризиса было вскоре полное прекращение выпуска золота (Карышковский П.О., 1960а, с. 117–120; 1961, с. 114). В последнее время В.А. Анохин сделал попытку пересмотреть вопрос о причинах кризиса денежного обращения, а также и его датировку, включив в этот период и некоторые монеты (см. например, Анохин В.А., 1986, № 140, 142), явно относящиеся к другому, более позднему времени (Анохин В.А., 1986, с. 48–60). Он считает, что над- и перечеканка меди демонстрируют здоровые экономические тенденции (Анохин В.А., 1986, с. 48). Предполагая, что вес медных монет строго соответствует их номинальной стоимости, он убежден, что наложение надчеканок звезда–горит (Бурачков П.О., 1884, табл. XX, 721) уменьшает номинальную стоимость этой монеты в четыре раза. Перечеканка этой же монеты с надчеканками звезда–горит в новый тип сатир–лук, стрела (Бурачков П.О., 1884, табл. XX, 75–78) увеличивает номинальную стоимость этой монеты в восемь раз. Позже наложение на эту же монету контрамарки в виде треножника, ΠΑΝ, по его мнению, уменьшает стоимость монеты в два раза (Анохин В.А., 1986, с. 50). Эти положения В.А. Анохина были встречены критически (Фролова Н.А., 1989а, с. 121–123; 1992, с. 212–214; Widawski M., 1990, p. 133, 134).

Все без исключения теории русских исследователей, изложенные выше, польский исследователь М. Видавский объявил ошибочными (Widawski M., 1990, p. 104). Прежде всего, он не согласен с тем, что контрамаркирование считается результатом экономических нужд Боспорского царства. Он заявил, что никто из русских ученых не

высказал правдоподобной идеи об основе предпосылок для контрамаркирования, что все интерпретации причин кризиса денежного обращения на Боспоре в Ш в. до н.э. никогда не затрагивали такого понятия, как "меркантильные тенденции государственных властей", а обращали внимание только лишь на одну причину – стремление оздоровить денежный рынок Боспора. Поставив перед собой задачу выяснить цели контрамаркирования, перечеканки и изменения типа монет, М. Видавский дал обзор литературы, в которой затрагиваются вопросы причин над- и перечеканок античных монет (Milne J.G., 1913, p. 389–393; Thompson M., 1954, p. 28; Le Rider G., 1975, p. 27–56). Он выделил три аспекта интерпретации самого факта надчеканок на монетах: религиозный, политический и экономический (Widawski M., 1990, p. 105). К экономическим причинам отнесены те случаи, когда контрамаркированию подвергались иноземные монеты, обращавшиеся наравне с местными монетами на внутреннем рынке того или иного города. Кроме того, контрамарки могли иметь целью восстановление номинальной стоимости стершихся монет.

Проблему контрамаркирования в 235 г. до н.э. в Византии и Калхедоне серебряных тетрадрахм аттического веса изучал Г. Сейриг. Он исследовал контрамаркирование серебряных тетрадрахм аттического веса из опубликованного М. Томпсон клада (Thompson M., 1954, p. 28 ff.), состоявшего из тетрадрахм Византия и Калхедона и тетрадрахм аттического веса, но имевших надчеканки городов Византия и Калхедона. Вывод его был таков: обращение в одно и то же время (235–220 гг. до н.э.) на одном внутреннем денежном рынке легкого веса тетрадрахм Византия и Калхедона и большего веса иноземных тетрадрахм, надчеканенных контрамарками этих городов, свидетельствуют о существовании монетной монополии, доход от действия которой обогатил казну обоих городов (Seyrig H., 1968, p. 183–200). Результаты Г. Сейрига подтвердил О. Мархолм, исследовавший историю денежного обращения Византия и Калхедона в период между 235–220 гг. до н.э. (Morkholm O., 1982, p. 298–300). Он отметил, что, судя по составу клада, аттического веса монеты с контрамарками считались равными новым местным более легкого веса тетрадрахмам Византия и Калхедона. Следовательно, заключил О. Мархолм, новые тетрадрахмы были увеличены в стоимости на 19% в пользу двух городов – Византия и Калхедона. Однако, добавил он, это осталось лишь эпизодом в их истории конца Ш в. до н.э. (Morkholm O., 1982, p. 299).

Исследуя историю введения в обращение кистофоров легкого веса в Пергамском царстве в 175 г. до н.э., О. Мархолм писал, что цари Пергама создали закрытую монетную систему для увеличения доходов царской сокровищницы и получали прибыль от своей монетной монополии около 25%, контрамаркировав инициалами отдельных своих городов (Тралл, Сард, Пергама и др.) иноземные тетрадрахмы тяжелого веса (16,80 г), тем самым уравняв их со своими кистофорами меньшего веса (12,60 г) (Morkholm O., 1982, p. 300, 301). То же самое превышение стоимости кистофоров отметил К. Хаугего, указав, что контрамаркирование аттического веса тетрадрахм законно принуждает их обращение наравне с кистофорами, вес которых равен только трем аттическим драхмам – это доказывает превышение стоимости кистофоров минимум на 33% (Howgego C.J., 1982/83, p. 47–58; 1990, p. 18). О. Мархолм останавливается еще на одном подобном случае, уже в истории Селевкидского царства II в. до н.э., где при сокращении собственной чеканки серебра иностранные тетрадрахмы, чтобы стать законным платежным средством, подверглись надчеканке, а налоги за эту операцию обогатили царскую казну (Morkholm O., 1982, p. 301–305).

М. Видавский первым заметил, что явление контрамаркирования в целом исследовал Г. Сейриг, но при этом М. Видавский обратил внимание на заключение Г. Сейрига о том, что в античное время контрамаркирование бронзовых монет вызвано в общем экономическими причинами (Seyrig H., 1958, p. 187–190). Не может быть сомнений и в том, что в процессе контрамаркирования, обмена монет и смены типов городские власти взимали определенный налог, который и становился источником дохода для государства, нуждающегося в дополнительных финансах.

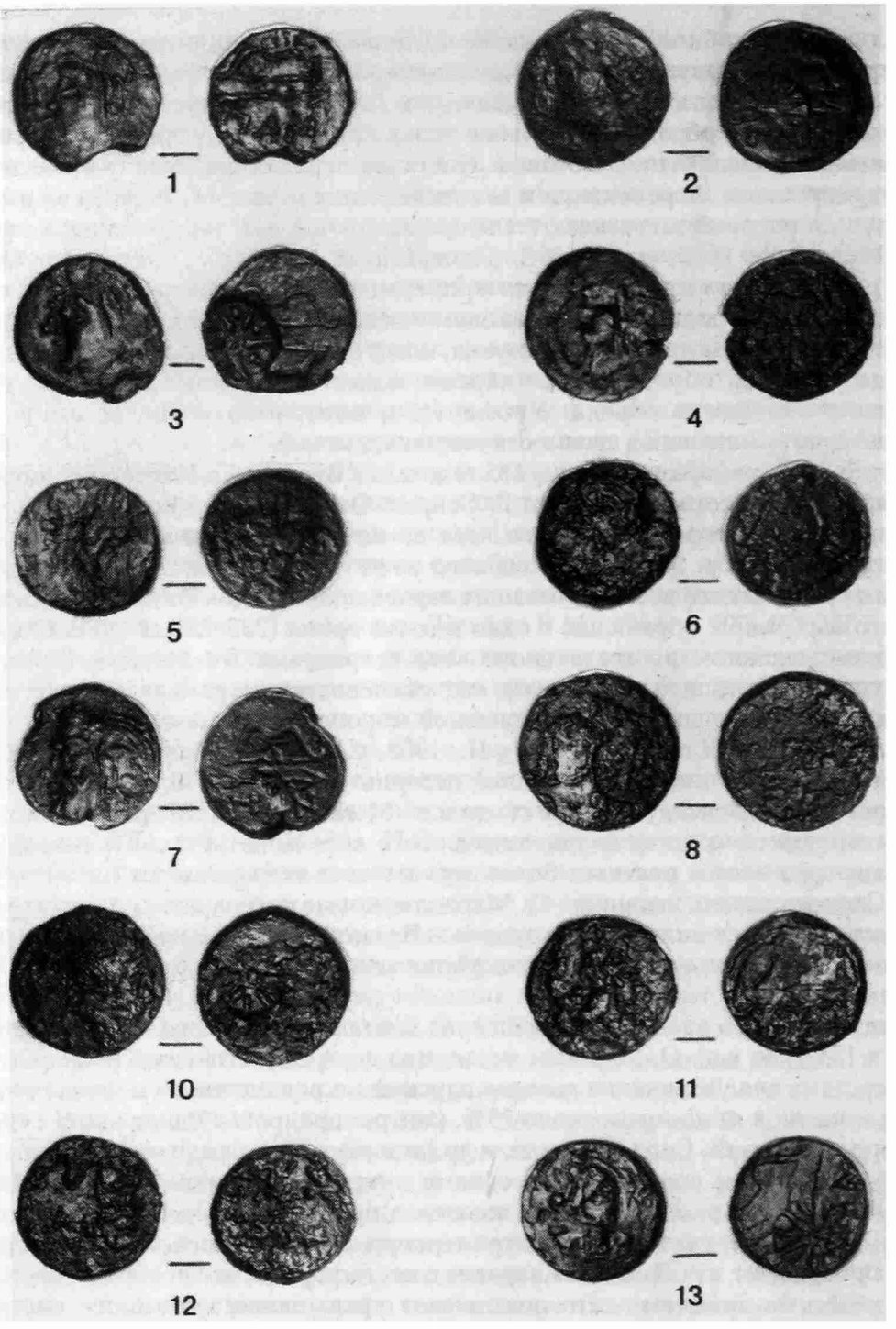


Рис. 3. Монеты, найденные под северной стеной усадьбы

Собственно, первая часть этого тезиса мало чем отличается от выводов русских ученых, видевших в зарождении денежного кризиса на Боспоре экономические причины. Кроме того, всеми исследователями, которые касаются истории денежного кризиса Боспора III в. до н.э., цитируется рассказ Полиена (Polyaen, Strateg.VI, 9, 1) о том, что на Боспоре Левкон отозвал монеты, находившиеся в обращении, перечеканил их, удвоив стоимость, и вернул обратно, оплатив тем самым все долги (Шелов Д.Б., 1953, с. 30–39; Minns E., 1913, p. 576; Howgego C.J., 1990, p. 15, note 102; Widawski M., 1990, p. 109). Если это сообщение достоверно, то Левкон I получил

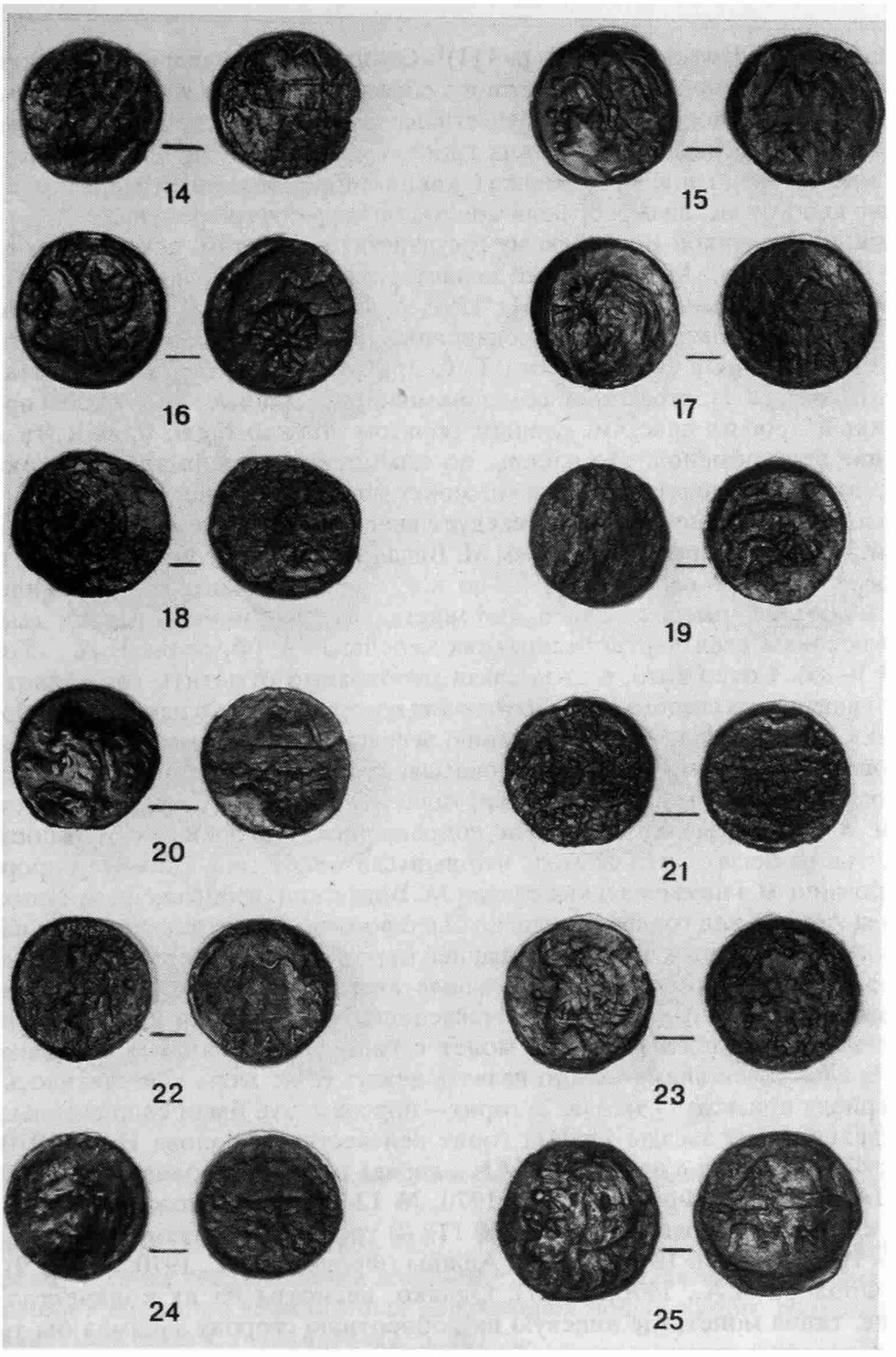


Рис. 4. Монеты, найденные под северной стеной усадьбы

определенную выгоду от этой операции, и известно, что именно на время правления Левкона II (с середины III в. до н.э.) приходится стабилизация денежного обращения Боспора. Интересно отметить, что установленный Л. Робером факт помещения надчеканок на бронзовых монетах в большинстве случаев только в том городе, где были выпущены монеты (Robert L., 1949, p. 240), полностью соответствует положению, наблюдаемому в Пантикапее в III в. до н.э. Это неудивительно, так как медная монета, обладающая условной стоимостью, как правило, обращается только на внутреннем рынке. Это подтверждают составы кладов III в. до н.э., найденные на территории Боспора. Список состава девяти боспорских кладов III в.до н.э. приведен

М. Видавским (Widawski M., 1990, p. 111)[1]. Он пришел к выводу, что каждый клад содержит монеты одной стадии денежного обращения III в.до н.э. Таким образом, по мнению автора, они подтверждают существование периодической смены типов монет, сопровождаемой деградацией прежних типов. Следует отметить также, что боспорские клады III в. до н.э. не содержат каких-либо иноземных монет и в них не встречены ни золотые, ни серебряные монеты более раннего времени.

В главе, посвященной Боспорскому государству и монетам, чеканенным в Пантикапее в III в. до н.э., М. Видавский делает ряд замечаний, не отмеченных ранее русскими нумизматами (Widawski M., 1990, p. 108–112). Например, о превышении числа контрамаркированных и перечеканенных монет по отношению к монетам первоначального типа. Он соглашается с Г. Сейригом в том, что быстрая смена типов могла быть связана с узаконенным обменом монет, который должен был бы приносить узаконенный профит властям. Равным образом должно было приносить доход и повторение этих обменов, что влекло, по его мнению, ненормально высокий рост достоинства медных монет и сокращение монет малого достоинства.

В приведенную выше дискуссию следует внести некоторые коррективы. Прежде всего заметим, что вопреки ожиданиям М. Видавского основную часть монет периода денежного кризиса – середины III в. до н.э. – представляют монеты маленького размера и веса, т.е. именно малого достоинства, что как именно медные маленькие монетки несут на себя черты нескольких перечеканок (Фролова Н.А., 1970, с. 35, схема № 9–15). Более того, в этой связи необходимо отметить тот удивительный факт, что никто из исследователей, изучавших историю кризиса денежного обращения III в. до н.э., не обращался к исследованию весовых данных самих монет. Между тем как раз они совершенно убедительно доказывают, что крупный номинал – тетрахалх (так определяют монеты начала кризиса) типа сатир-лев, осетр – так и остался самым крупным, а эмиссии мелких монет не сокращались. Наконец, но не в последнюю очередь, нужно сказать, что сказать, что выпуска монет типа Посейдон-прора с уже выгравированным в штемпеле, как считал М. Видавский, изображением таких клейм, как голова Афины или голова сатира, не было вообще. Все эти надчеканки нанесены позже эмиссий монет этих типов. По крайней мере до сих пор в кладах такие моменты (с головой Афины или сатира в штемпеле аверса и реверса) не были найдены. Невозможно также согласиться с утверждением, что изображение на контрамарке соответствовало появлению новых монет с типом, аналогичным изображению в клейме. В настоящее время можно назвать девять (а не пять, как считалось) типов клейм периода кризиса: 1) звезда; 2) горит – впрочем, это были сопряженные штемпели: отдельного от звезды клейма горит неизвестно (Фролова Н.А., 1970, № 5); 3) венок; 4) треножник с надписью ΠΑΝ – справа и слева (Фролова Н.А., 1970, № 9, 10); 5) ΠΑΝ – внизу (Фролова Н.А., 1970, № 12–15); 6) треножник без надписи в круглом клейме (Фролова Н.А., 1970, № 17); 7) треножник в прямоугольном клейме (Фролова Н.А., 1970, № 18); 8) голова Афины (Фролова Н.А., 1970, № 26); 9) голова сатира (Фролова Н.А., 1970, № 27). Однако, несмотря на их количество и разнообразие, типов монет, где лицевую или оборотную сторону занимал бы тип, аналогичный перечисленным выше изображениям клейм, никогда до сих пор не встречалось.

При изучении группы монет, найденной в Юбилейном, все названные неточности метода исследования были учтены. Тип и весовые данные для 35 экз. приведены в таблицах (рис. 3–5, приложение). Как следует из них, клад, найденный в Юбилейном, содержит только два типа монет. Оба они относятся к первоначальному периоду кризиса. Первый тип представляет собой монеты, претерпевшие две перечеканки. Начальный тип – л.с. голова молодого сатира влево, о.с. – голова льва влево, внизу

[1] Следует добавить к этому списку еще несколько вкладов. Кроме хорошо изданного клада 1964 г. из с. Виноградного Анапского р-на (Салов А.И., 1974, с. 94–98), несколько неопубликованных кладов хранится в Анапском музее: Анапский клад 1976 г. (500 экз.); клад из с. Фаддеева, Анапский р-н, 1977 г. (ок. 2000 экз.); Анапский клад 1977 г. (1503 экз.).

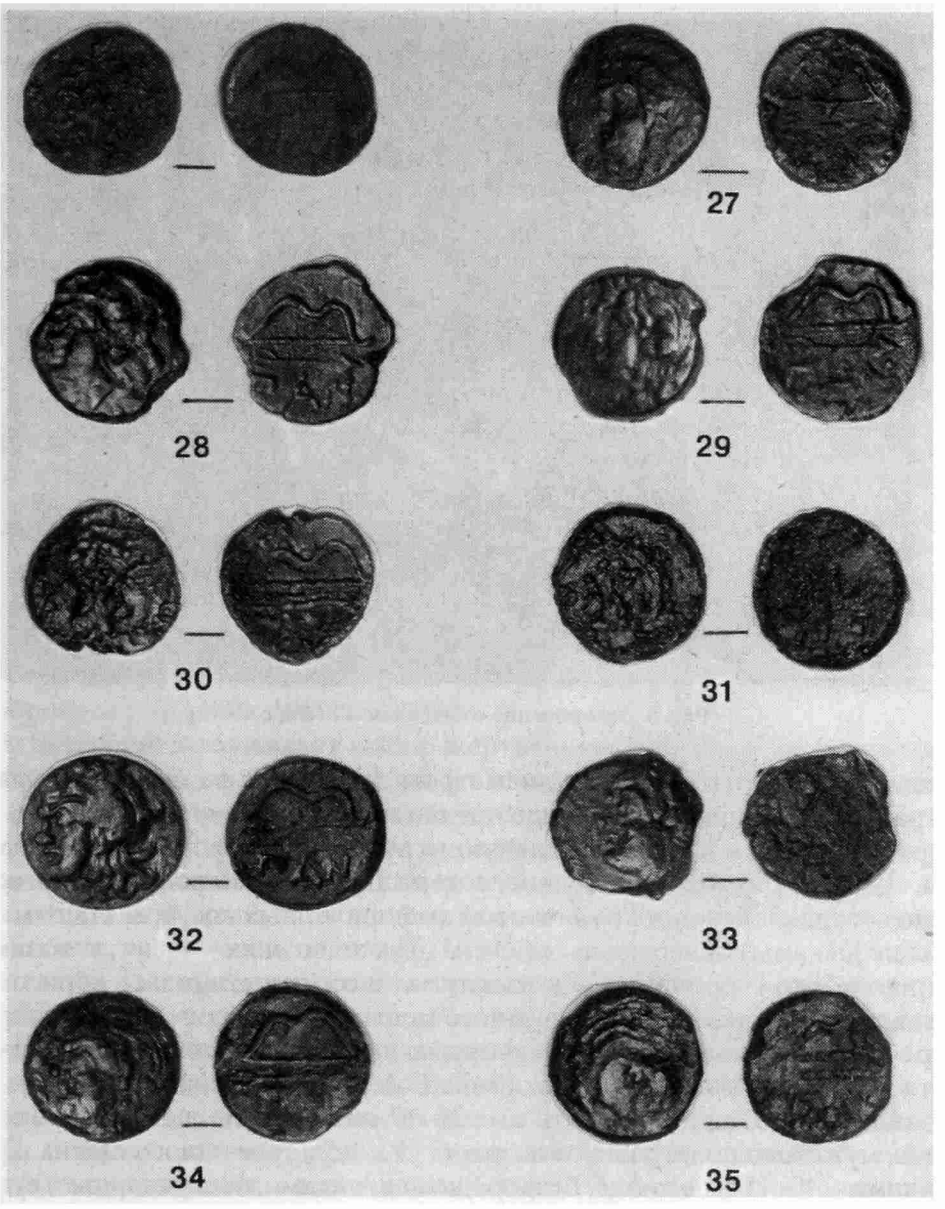


Рис. 5. Монеты, найденные под северной стеной усадьбы

осетр, по сторонам ΠΑΝ (Бурачков П.О., 1884, табл. XX, *70*, *71*). В первый раз подвергся надчеканке соединенными клеймами: многолучевая звезда – горит. Позже этот тип монет вместе с клеймами был перечеканен новым типом: голова сатира – лук, стрела, ΠΑΝ (рис. 3, *2–13*; 4; *14–25*; 5, *26*).

Второй тип представляет собой отчеканенные на неровных монетных кружках, с которых уничтожен первоначальный тип – хотя следы его заметны – изображения другого рода: л.с. – голова молодого сатира, влево; о.с. – лук, стрела, ΠΑΝ (рис. 3, *1*; 4, *28–35*). Клад датируется началом III в. до н.э.

Весовые данные, приведенные в описании найденной группы монет, увеличивают наши знания о метрологии монетной системы Боспора в начале III в. до н.э. и подтверждают мнение о том, что медные, над- и перечеканенные монеты, а также монеты, отчеканенные на старых стершихся и сбитых кружках, могли обращаться только на внутреннем рынке города или государства.

Захоронение собак. Примерно в 5 м к востоку от места находки монет и несколько глубже его, по рыхлой структуре грунта и керамике, встречаемой в однородном слое начиная с отм. –140 см, была обнаружена яма № 17 (Савостина Е.А., 1991, с. 8, 9).

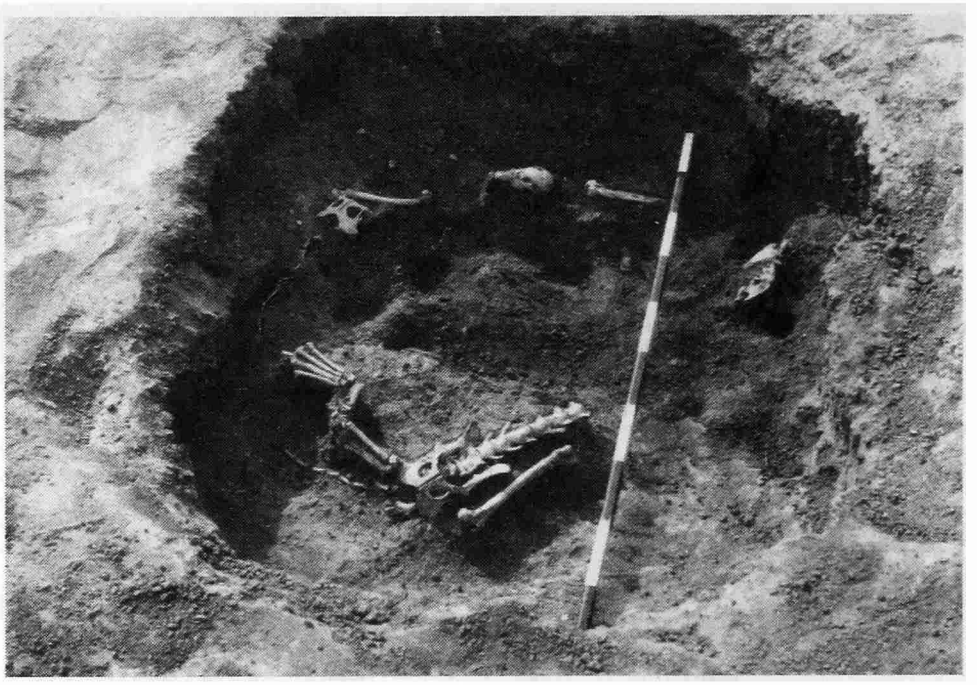


Рис. 6. Захоронение собак в яме 17 (вид с востока)

Верхнее пятно ее (отм. –183 см) диаметром около 100 см имело округлую форму. Ниже границы ямы приобрели более четкие очертания, она расширилась до 120 см в диаметре, сохранив в плане правильную округлую форму. Дно обнаружено на отм. –253 см. Заполнение ямы однородное, содержащее небольшое количество керамики: фрагменты гераклейской и колпачковой амфор, лепных сосудов. На отм. –220 см (на 20 см выше дна ямы) обнаружены скелеты двух животных – собак, лежащих головами на север по обеим сторонам ямы и изогнутых в соответствии с ее абрисом (рис. 2; 6). Ниже найден череп еще одного животного меньших размеров. Костяки определены на Кафедре зоологии позвоночных животных и общей экологии биологического факультета МГУ С.П. Масловым (Савостина Е.А., 1991, приложение 3)[2].

По заключению специалиста, в яме № 17 находились скелеты трех собак: двух взрослых, мужского пола, разного возраста (5 и 1,5 лет) и одного щенка. Собаки были небольшими – 40–45 см в холке, беспородные и, видимо, беспризорные, судя по следам многочисленных травм, перенесенных ими в течение жизни.

Как следует из генплана, на котором абрисы ям совмещены с проекцией дома усадьбы (рис. 1), и из разреза I–I (рис. 2), яма № 17 находилась под северной стеной помещения так же, как и рассмотренная ранее группа монет. Судя по тому, что скелеты были найдены в анатомическом порядке, а также по характеру их залегания, собаки были явно захоронены здесь, причем захоронены одновременно. Весьма вероятно, что найденные костяки являются остатками жертвоприношения, совершенного при начале строительства усадьбы. К следам строительной жертвы, видимо, следует отнести и зарытие группы монет, брошенных под северную стену.

В древности всякое событие было связано с определенным ритуалом и сопровождалось обрядами, включающими жертвоприношение. Такое важное начинание, как закладка нового дома, также, несомненно, требовало жертв богам, которые будут охранять и дом, и его обитателей всего его дальнейшего существования (Зеленин Д.К., 1937, с. 3–30; Байбурин А.К., 1979, с. 155–162; Рыбаков Б.А., 1987, с. 465, 466). Как обитаемое пространство, выделенное из хаотического окружения, дом воплощал мифологическую картину мира, и в этом смысле его устройство понималось

[2] Пользуясь случаем, авторы выражают искреннюю благодарность С.П. Маслову и Е.Е. Антипиной за то, что они взяли на себя труд по определению остеологических материалов из Юбилейного.

как акт творения (Мифологический словарь, 1991, с. 663, 665). Как и мир, создаваемое сакрализованное пространство дома членилось по вертикали и по горизонтали, и в этой организации особого внимания требовали четыре угла жилища, обращенные в разные стороны света, дверные и оконные проемы, "впускающие" потоки из другого мира, и стены, являющиеся его границей. Неслучайно одним из богов, охраняющих пределы дома, был Зевс в древнейшей ипостаси Оградителя, Геркейос: домашний бог очага, алтарь которого был почти в каждом жилище, покровитель семьи, защитник дома и находящихся там запасов. Как пишет А. Боннар, по этому признаку его называют Зевсом Ктесием (Стяжателем) (Боннар А., 1992, с. 194 сл.). Он сторожит хлеб и соль, простейшую пищу и предлагает их путнику, переступившему порог. Возможно, поэтому ему приносится в жертву какая-то часть богатства, выраженная в горсти монет.

Археологические свидетельства захоронений собак в жилищах, зерновых ямах и во дворах известны, однако интерпретация их нередко затруднительна (Емец И.А., Масленников А.А., 1991, с. 112–122). Как остатки жертвоприношения можно трактовать, видимо, лишь те случаи, когда костяки животных связаны со структурой жилища. На Боспоре известны захоронения собак по углам живых помещений в Илурате и Танаисе (Арсеньева Т.М., 1976, с. 22). В Неаполе Скифском костяк собаки найден в притолоке двери склепа, где был заложен сырцовым кирпичом (Шульц П.Н., 1953, с. 14). Внутри жилого помещения была захоронена собака на поселении Золотая Балка (Добровольский А.В., 1960, с. 146).

Особого внимания заслуживает выбор жертвенного животного при закладке дома. Первое объяснение его напрашивается из общих представлений о собаке как защитнике и "друге человека". Древние авторы же очень скупы на этот счет. Например, Павсаний упоминает только два случая принесения собак в жертву: говоря о реальном обряде, сохранившемся у лаконских эфебов (Paus. III, 14,9), и описывая статую прорицателя Фрасибула, у ног которого лежит, "несомненно, как жертвенное животное, собака, разрезанная пополам" (VI, 2,4).

Свидетельства Павсания касаются не только роли собак в ритуале: она, как мы видим, к тем временам уже почти стерлась из памяти эллинов. Его рассказы подтверждают важное мифологическое значение этого животного. Например, в эпизоде о землях локров в Фокиде он пишет, что собака царя Оресфея родила кусок дерева, и когда Оресфей закопал его в землю, из него вырос виноград (Paus. X, 38,1). Смысл этого мифа очевиден и имеет прямые параллели с мифологемами божества, прорастающего в виде растения, – как Адонис, Озирис, Дионис; происхождение растения из тела или крови Нарцисса, Гиакинфа, Аттиса с той разницей, что растение здесь изоморфно не человеку (божеству), а животному. Следуя этому мифу, можно связать жертвоприношение собак и их захоронение в землю с актом творения на ней нового дома.

Комплекс находок под стенами усадьбы должен был бы прояснить и еще один вопрос – время закладки дома. Однако до сих пор остается неясным, как ходили монеты с надчеканкой и соответственно когда мог быть зарыт "клад"? При раскопках верхних слоев наиболее важным хронологическим ориентиром в существовании усадеб были фрагменты светлоглиняных амфор с двуствольными ручками (Внуков С.В., 1984, с. 45) и монета Кессарии конца I в. до н.э. (Бурачков П.О., 1884, табл. XXI, *133*; табл. I). Под стенами усадьбы таких материалов нет – ни в ямах, ни в слое. Могли ли принести в жертву старые монеты – тогда это было сделано в конце эллинизма? Или закладку дома нужно связывать с более ранним временем, около III–II вв. до н.э.? Вот вопросы, которые ждут своего разрешения.

Монеты из"клада", найденного при раскопках усадьбы Юбилейное I в 1991 г.

Номер п.п.	Описание	Издание	Дата	Вес
1.	Пантикапей л.с. голова сатира вправо, о.с. голова льва, осетр, надчеканена звездой-горитом, поверх этого типа– новый: голова молодого сатира-лук, стрела	Шелов Д.Б. 1954, VI, 65	Первая половина III в. до н.э.	5,6
2.	То же	То же	То же	7,03
3.	"	"	"	7,44
4.	"	"	"	5,96
5.	"	"	"	7,54 На табл. Первоначальный тип
6.	"	"	"	6,09
7.	"	"	"	7,35
8.	"	"	"	7,74
9.	"	Плохая сохранность	"	4,93
10.	"	"	"	7,80 На табл. II Тип и звезда
11.	"	"	"	7,29
12.	"	"	"	6,39
13.	" На аверсе соединилось клеймо от первого типа, в виде горита, на реверсе – клеймо от второго типа – звезда	"	"	6,95
14.	"	"	"	7,01
15.	"	"	"	8,69
16.	"	"	"	6,69
17.	"	"	"	6,05
18.	"	"	"	6,88
19.	"	"	"	7,12
20.	"	"	"	5,97
21.	"	"	"	7,13
22.	На л.с. первоначальный тип не виден	"	"	6,80
23.	То же	"	"	7,81
24.	"	"	"	6,89
25.	Л.с. – голова молодого сатира влево – лук, стрела ΠΑΝ, чеканка на использованном кружке	"	"	7,03
26.	То же	"	"	4,64
27.	То же	"	"	6,52
28.	То же, следы отруба литников	"	"	6,36
29.	То же, о.с. одного штемпеля с № 28	"	"	6,54
30.	То же, но л.с. плохо сохранилась на перечеканенном кружке	"	"	4,25
31.	То же	"	"	5,32
32.	То же, но штемпель о.с. тот же, что № 28 и 29	"	"	5,12
33.	То же, на вторичном кружке следы использования литников	"	"	4,85
34.	То же, следы прежнего типа	"	"	5,31
35.	То же, на л.с. следы от клейма в виде звезды, наложенного на I тип голова сатира–лев, осетр	Плохая сохранность	"	6,80

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анохин В.А., 1986. Монетное дело Боспора. Киев.

Арсеньева Т.М., 1976. Отчет о работах Нижне-Донской экспедиции ИА АН СССР // Архив ИА РАН. Р-1.

Байбурин А.К., 1979. "Строительная жертва" и связанные с нею ритуальные символы у восточных славян // Проблемы славянской этнографии. Л.

Бертье-Делагард А.Л., 1911. Относительная стоимость монетных металлов на Боспоре и Борисфене в половине IV в. до н.э. // НС. I.

Блаватский В.Д., 1959. Процесс исторического развития античных государств Северного Причерноморья // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М.; Л.

Блаватский В.Д., 1964. Пантикапей. Очерки истории столицы Боспорского царства. М.

Блаватский В.Д., 1970. Античная полевая археология. М.

Боннар А., 1922. Греческая цивилизация: Пер. с фр., М.

Брабич В.М., 1956. Особенности кризиса денежного обращения на Боспоре в III в. до н.э. // КСИИМК. Вып. 66.

Брабич В.М., 1964. Клад монет III в. до н.э. из Мирмекия // СА. № 4.

Бурачков П.О., 1884. Общий каталог монет. Одесса.

Внуков С.В., 1984. Светлоглиняные амфоры городища Чайка близ Евпатории // Вестн. МГУ. № 6.

Гайдукевич В.Ф., 1949. Боспорское царство. М.; Л.

Гайдукевич В.Ф., 1955. История античных городов Северного Причерноморья // АГСП. М.; Л.

Голенко К.В., 1955. Датировка медных монет Пантикапея конца III–II вв. до н.э. // КСИИМК. Вып. 58.

Голенко К.В., 1978. К хронологии некоторых медных монет Боспора III в. до н.э. // НЭ. Вып. VIII.

Добровольский А.В., 1960. Раскопки делянок А і Г та могильника Золотобалківского поселения рубежу н.е. в 1951 і 1952 рока // АН УРСР. Т. IX.

Емец И.А., Масленников А.А., 1991. Культовые захоронения животных на позднеантичных поселениях Европейского Боспора // Реконструкция древних верований. СПб.

Жебелев С.А., 1953. Северное Причерноморье. М.; Л.

Зеленин Д.К., 1937. Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов. М.; Л.

Зограф А.Н., 1951. Античные монеты // МИА. № 16.

Зограф А.Н., 1955. Денежное обращение и монетное дело Северного Причерноморья // АГСП. М.; Л.

Карышковский П.О., 1957. К истории денежного кризиса на Боспоре в первой половине III в. до н.э. // ВДИ. № 2.

Карышковский П.О., 1960а. Новые материалы к истории денежного кризиса на Боспоре в первой половине III в. до н.э. // ВДИ. № 3.

Карышковский П.О., 1960б. Из истории денежного обращения в Северном Причерноморье в III в. до н.э. // ЗОАО. Т. I. (34). Одесса.

Карышковский П.О., 1961. К вопросу о причинах и характере денежного кризиса на Боспоре в первой половине III в. до н.э. //ВДИ. № 4.

Карышковский П.О., 1964. О начальной дате денежного кризиса на Боспоре в III в. до н.э. // ВДИ. № 1.

Крыжицкий С.А., 1985. Ольвия. Историографическое исследование архитектурно-строительных комплексов, Киев.

Кузнецов В.Д., 1992. Раскопки в Кепах 1984–1989 гг.

Мифологический словарь, 1991 // Очерки археологии и истории Боспора. М.

Ростовцев М.И., 1918. Эллинство и иранство на юге России. Пг.

Рыбаков Б.А., 1987. Язычество Древней Руси. М.

Савостина Е.А., 1987. Античное поселение Юбилейное I на Тамани // СА. № 1.

Савостина Е.А., 1991. Отчет о раскопках античного поселения Юбилейное I в 1991 г. // Архив ИА АН РАН. Р-1. № 15963.

Савостина Е.А., 1994. Отчет о раскопках античного поселения Юбилейное I в 1993 г. Архив ИА АН РАН. Р-1. № (б/н).
Салов А.И., 1987. Клад боспорских монет из пос. Виноградный // НЭ. Вып. XI.
Фармаковский Б.А., 1904. Раскопки в Ольвии // ОАК за 1902 г. СПб.
Фролова Н.А., 1970. О денежном обращении Боспора в III в. до н.э. // СА. № 4.
Фролова Н.А., 1989а. К вопросу о кризисе денежного обращения на Боспоре в III в. до н.э. // Проблемы и исследования античных городов. Тезисы конф. М.
Фролова Н.А., 1989б. Медные монеты Боспора конца I в. до н.э. – начала I в. н.э. // НЭ. Вып. XV.
Фролова Н.А., 1992. Монетное дело Боспора VI в. до н.э. – середины IV в. до н.э. в свете новых исследований // Очерки археологии и истории Боспора. М.
Шелов Д.Б., 1952. Пантикапейские монеты третьей четверти III в. до н.э. с надчеканками // КСИИМК. Вып. 43.
Шелов Д.Б., 1953. Денежная реформа Левкона II // ВДИ. № 1.
Шелов Д.Б., 1954. Чеканка монеты и денежное обращение на Боспоре в II в. до н.э. // МИА. № 33.
Шелов Д.Б., 1956. Монетное дело Боспора в VI–II вв. до н.э. М.
Шелов Д.Б., 1965. Материалы к истории денежного обращения в городах Боспора в VI–I вв. до н.э. // НЭ. Вып. V.
Шелов Д.Б., 1981. Еще раз о боспорских монетах периода денежного кризиса III в. до н.э. // СА. № 2.
Шульц П.Н., 1953. Мавзолей Неаполя Скифского. М.
Gajdukevich V.F., 1970. Das Bosporanische Reich. Berlin.
Howgego C.J., 1982/83. The Behaiviour and Function of Greek Imperial Countermarks // The Israel Numismatic Journal. V. 6, 7.
Howgego C.J., 1990. Why did ancient States strike Coins // Numismatic Chronicle.
Le Rider G., 1975. Contermarques et surfrappes dans l'antiquite Grecque // Numismatique antique. Problemes et methodes. Nancy, Louvain.
Milne J.G., 1913. Counternarked Coinst of Asia Minor // Numismatic Chronicle. N XIII.
Minns E., 1913. Scythians and Greeks. Cambridge.
Morkholm O., 1982. Some Reflections on the Production and Use of Coinage in Ancient Greece // Historia. Bd. XXXI. H. 3. Wiesbaden.
Robert L., 1949. Countermarques monetaires // Hellenica. № VII.
Shelov D.B., 1978. Coinage at the Bosporus in the VI–II Centuries B.C. // BAR. Oxford.
Seyrig H., 1958. Antiquites Syriennes, 67. Monnaies contermarquees en Syria // Syria. V. XXXV.
Seyrig H., 1968. Mounaies hellenistique de Byzance et de Calcedoine // Essay in Greek Coinage Presented to Stanley Robinson. Oxford.
Thompson M., 1954. A countermarked hoard from Buyukcekmece // Museum Notes. № VI.
Widawski M., 1990. The Exchange of Coins in the Bosporan State in the 3-rd century B.C. // Polish Numismatic News. № V.

Государственный исторический музей,
Москва
Государственный музей изобразительных
искусств, Москва

N.A. FROLOVA, E.A. SAVOSTINA

DISCOVERIES UNDER THE WALLS OF A BOSPORUS ESTATE: A HIDDEN TREASURE OR A CONSTRUCTION SACRIFICE?

Summary

During the excavations of the remains of a rural estate of the lst century BC – the lst century AD (Jubilejnoye I, Taman peninsula), it was very important to study building techniques and methods of houses construction at the initial stage of the construction period. It seems that when a new building was constructed, the territory was completely cleaned and new walls were erected on a special substructure. Evidently, this method of construction was spread in the Asian part of Bosporus (Kepoi, Hermonassa, Gorgippia, Phanagoria) and it is very likely that the material for making the substructure in Jubileinoye I was brought from the poleis that owned that territory.

The hypothesis put forward above fits well the fact that all discoveries made under the estate walls were brought simultaneously. Among the materials of the substructure a set of 35 Bosporus coins and three dog skeletons placed in one spot were found, and the authors argue that they were special offerings related to the construction.

О.Н. МОШЕЕВА

ГАГАТОВЫЕ БУСЫ В САРМАТСКИХ ПОГРЕБЕНИЯХ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ III–I ВВ. ДО Н.Э.

Одной из отличительных черт раннесарматских погребений с украшениями из могильников Нижнего Поволжья является большое количество гагатовых коротко-цилиндрических пронизей в сочетании с бусами из стекла и других материалов.

В своей работе Е.М. Алексеева собрала и обработала данные по античным гагатовым украшениям Северного Причерноморья, в основном городов и примыкающих к ним районов (Алексеева Е.М., 1978). Большинство гагатовых бус эллинистического времени происходит с азиатской стороны Боспора и Танаиса, что связано, вероятно, с производством и распространением этих украшений из какого-то единого центра, возможно, Кавказа (Алексеева Е.М., 1978, с. 8, 9). Сопоставляя массовость находок гагатовых бус в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе, Е.М. Алексеева выдвигает гипотезу о производстве украшений в кавказских центрах исключительно на продажу (Алексеева Е.М., 1978, с. 10).

К III–I вв. до н.э. относятся массовые находки гагатовых короткоцилиндрических пронизей из погребений сарматов Нижней Волги – тип 27 по Е.М. Алексеевой (1978, с. 14, табл. 20, 30–34, 36–38).

Обрабатывая данные по украшениям сарматов Нижнего Поволжья, мы столкнулись с тем, что в каждом пятом погребении с короткоцилиндрическими гагатовыми пронизями встречается новый вариант этих бус, отличный от античных цилиндриков с узким каналом сверления и гладкими или слегка подтесанными внутрь краями отверстия.

Это короткоцилиндрические бусы с матовой или блестящей поверхностью, хорошо отполированные, из твердого, не слоящегося камня (рис. 1, *2, 3*). Цвет дисков чисто черный или с темно-коричневым оттенком, возможно, указывающим на то, что мы имеем дело не только с настоящим гагатом, но и с его ближайшими аналогами: лигнитом, глинистым сланцем или кеннельским углем. Английские археологи, изучающие древние гагатовые украшения, пришли к выводу, что по сей день во многих музеях, располагающих коллекциями предметов бронзового века или Древнего Рима, не могут четко отличить гагат от других подобных ему материалов (Polland A.M., et al., 1981). То же положение характерно и для российских собраний гагатовых украшений. Диаметр отверстия дисков чаще всего 1 мм; их толщина различна, с преобладанием 1–3 мм. Наиболее распространенный диаметр цилиндриков 4 и 6 мм (рис. 1, *4*). У всех пронизей входное отверстие имеет две крупные насечки по краям, у некоторых экземпляров насечки встречаются с обеих сторон; $^1/_2$–4, 4–8, 1–2. Код по классификации Е.М. Алексеевой: 301.1107.06 + 10.02.0.111; Г1–3, Е02 + 11, Ж01 + 10 + 11.

Всего учтено 1059 экз. короткоцилиндрических гагатовых пронизей в 16 из 85 комплексов Волгоградской и Астраханской областей, а также 12 экз. в двух из 21 комплекса в Ростовской обл. (см. таблицу).

Все эти комплексы относятся к раннесарматской культуре и датируются III–I вв. до н.э. Исключение составляет позднесарматское погребение II–III вв. н.э. (Ленинск, кург. 24, погр. 1) (Шилов В.П., 1963). Е.М. Алексеева в своей работе указывает, что бусы типа 27 появляются в III в. до н.э., но число комплексов, относящихся к элли-

© О.Н. Мошеева, 1998 г.

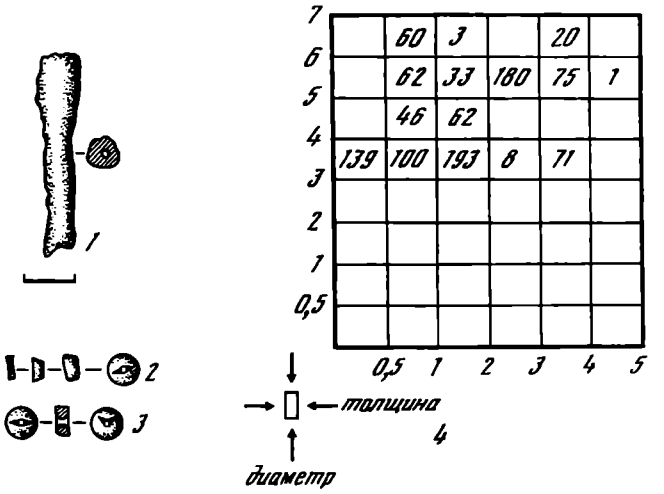


Рис. 1. *1* – гагатовая палочка (Вишневая балка, кург. 1. погр. 2); *2* – гагатовые пронизи с насечками у края входного канала (Бахтияровка, кург. 33, погр. 2); *3* – гагатовые пронизи с насечками у краев входного канала (Белокаменка, кург. 6, погр. 5); *4* – размерная характеристика гагатовых бус: по вертикали – диаметр, мм; по горизонтали – толщина, мм

низму, невелико. Большинство их относится к I–IV вв. н.э., при преобладании экземпляров I–II вв. н.э.

Бусы выделенного варианта появляются в Нижнем Поволжье в III в. до н.э. Во II–I вв. до н.э. их количество возрастает, однако в погребениях первых веков н.э. короткоцилиндрические пронизи уже не встречаются за исключением вышеназванного комплекса. Таким образом, гагатовые диски с насечками у входного отверстия канала сверления можно датировать III–I вв. до н.э., причем в некоторых местах бусы, вероятно, доживают до II–III вв. н.э.

Итак, прослеживаются две различные тенденции использования гагатовых бус во времени и пространстве.

На территории Нижней Волги пронизи с насечками у краев отверстий появляются и доминируют в наборах украшений с III в. до н.э. Здесь же со II в. до н.э. распространяются гагатовые диски с иными, севернопричерноморскими технологическими харак-

Гагатовые бусы из сарматских погребений Нижнего Поволжья

Название комплекса	Количество бус	Литература, архивные данные
Бахтияровка, кург. 33, погр. 2	62	Кригер В.А., 1982
Белокаменка, кург. 3, погр. 5	164	Лукашов А.В., 1987
Белокаменка, кург. 4, погр. 3	40	Там же
Белокаменка, кург. 4, погр. 7	16	– " –
Белокаменка, кург. 6, погр. 5	265	– " –
Быково, кург. 2, погр. 1	111	Скрипкин А.С., 1977
Быково, кург. 2, погр. 5	147	Там же
Верхнее Погромное, кург. 15, погр. 4	4	Шилов В.П., 1957
Дмитриевка, кург. 10, погр. 3	1	Клепиков В.М., 1987
Киляковка, кург. 1, погр. 10	2	Мыськов Е.П., 1984
Киляковка, кург. 4, погр. 4	46	Мыськов Е.П., 1984
Колобовка, кург. 2, погр. 7	3	Мамонтов В.И., 1973
Ленинск, кург. 24, погр. 1	142	Шилов В.П., 1963
Новый, кург. 63, погр. 2	1	Ильюков Л.С., Власкин М.В., 1992
Рыбное, кург. 2, погр. 9	1	Скрипкин А.С., 1976
Соленое Займище, кург. 10, погр. 8	25	Дьяченко А.Н., 1988
Торгун, кург. 2, погр. 1	26	Лукашов А.В., 1982
Тузлуки, кург. 10, погр. 1	11	Беспалый Е.И., 1980

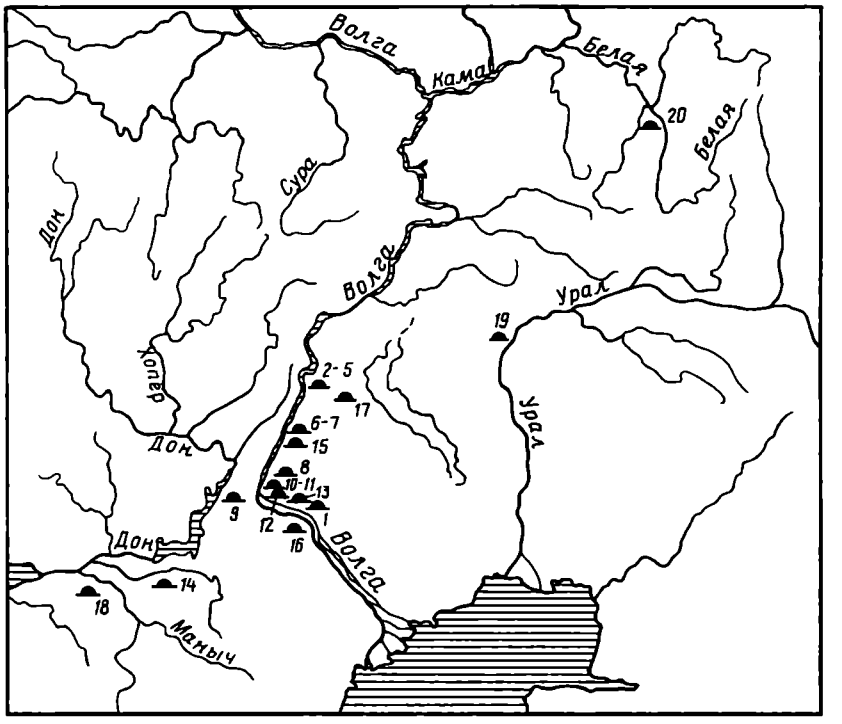


Рис. 2. Археологические комплексы III–I вв. до н.э. с гагатовыми бусами нового варианта. *1* – Бахтияровка; *2–5* – Белокаменка; *6–7* – Быково; *8* – Верхнее Погромное; *9* – Дмитриевка; *10–11* – Киляковка; *12* – Колобовка; *13* – Ленинск; *14* – Новый; *15* – Рыбное; *16* – Соленое Займище; *17* – Торгун; *18* – Тузлуки; *19* – Вишневая балка; *20* – Старые Киишки

теристиками, но и они редки в погребениях I–IV вв. н.э. В Северном Причерноморье гагатовые диски почти отсутствуют в эллинистический период, а большинство их датируется римским временем.

Картографирование бус показало их сосредоточение в междуречье Волги и Узеня – девять курганных могильников (1026 экз.); один комплекс находится на правом берегу Волги в Астраханской обл. (25 экз.); один – в междуречье Волги и Дона (5 экз.); два – в Ростовской обл. (12 экз.) (рис. 2). Перечисленные памятники в IV–I вв. до н.э. входили в область распространения раннесарматской культуры, а в погребальных комплексах Нижней Волги того времени наблюдается много общего с захоронениями Западного Казахстана и Южного Приуралья.

Кроме того, характер размещения находок гагатовых дисков, видимо, связан с какими-то торговыми путями. По гипотезе Е.М. Алексеевой, центр обработки гагата находился в районе Северного Кавказа (Алексеева Е.М., 1978, с. 10), но вполне вероятно, что в древности были известны также месторождения Закавказья (близ Кутаиси, Тбилиси) и Северного Причерноморья (Черноморское побережье, близ Новороссийска на Кубани, Крым) (Минералы и горные породы СССР, 1970, с. 241). Наиболее часто гагат, хотя и в довольно ограниченных количествах, встречается в буроугольных пластах, а также в породах, содержащих угольные прослои, линзовидные образования или примазки угля. На рис. 3[1] обозначены месторождения и угленосные районы, где встречается гагат или его присутствие наиболее вероятно по следующим признакам: марочному составу, повышенно битуминозности, возрасту и содержанию витранита в углях.

Если бусы исследуемого типа делались исключительно на продажу, то при их полном отсутствии на Кавказе они должны были по крайней мере оседать в степях

[1] Карту размещения гагатосодержащих угольных бассейнов составил К.К. Ходоровищ (Институт горного дела им. Скочинского). Выражаю глубокую благодарность за оказанную помощь.

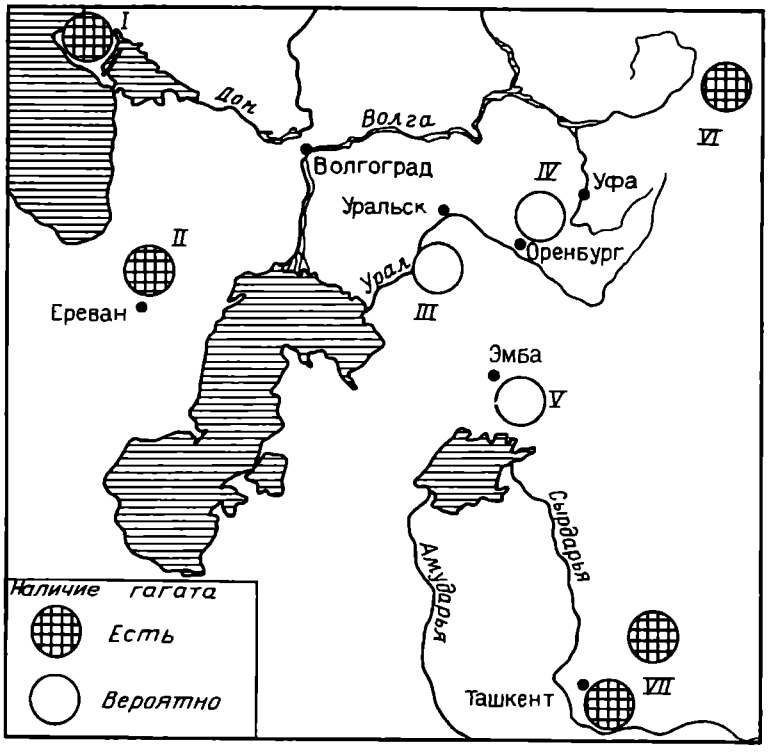


Рис. 3. Размещение гагатосодержащих угольных бассейнов.
I – Крым; II – Ткибули-Шаортское месторождение; III – Урало-Каспийская площадь (Уральская и Актюбинская области); IV – Южно-Уральский бассейн: Маячное, Бабаевское, Кривлевское месторождения (Оренбургская обл., Башкирия); V – Приаральская группа (Актюбинская обл., Челкарский р-н); VI – Серовский район; Богословское и Волчанское месторождения (Свердловская обл., города Волчанск, Карпинск); VII – Каратаусская группа месторождений (Алгабасский и Сузакский районы Чимкентской обл.)

Дона, Маныча или Сала. Но там бус с подобными технологическими характеристиками не отмечено. Е.М. Алексеева обращает внимание на специфику обработки гагата, которая свидетельствует о том, что изготовление изделий из этого вида материала обязательно должно находиться вблизи мест его добычи (Алексеева Е.М., 1978, с. 6). При наличии большого количества гагатовых пронизок на левобережье Волги возникает вопрос: мог ли существовать иной центр обработки гагата, например на Урале или в Западном Казахстане?

Гагат – битуминизированный уголь; черная, плотная и вязкая разновидность ископаемых углей, занимающая по степени диагенеза исходных растительных остатков промежуточное положение между бурым и каменным углем (Муллер Э., 1991, с. 6). Ближайшие к исследуемой территории месторождения с выходами гагатовой гальки находятся в Уральской и Оренбургской областях, а также в Башкирии. Кроме того, некоторая часть фигурных гагатовых украшений, возможно, имеет среднеазиатское происхождение. К сожалению, до сих пор нет способа определить, откуда поступал гагат, используемый в древности для изготовления украшений. В пользу южноуральского или урало-каспийского происхождения гагатовых пронизей с насечками у краев отверстий из раннесарматских погребений Нижнего Поволжья говорит факт их находок в комплексах левобережья Волги. В 20 курганных могильниках Нижнего Поволжья найдено 1154 экз. гагатовых бус, из них 1077 бусин происходят из погребений Заволжья.

В 1977 г. недалеко от г. Уральска, в курганном могильнике Вишневая балка, в погр. 2 кург. 1, датируемом IV–III вв. до н.э., была найдена хорошо отполированная гагатовая палочка с двусторонним незаконченным каналом сверления (Железчиков Б.Ф., 1977, с. 119). Ее длина 38 мм, наибольший диаметр 8, наименьший – 5 мм

(рис. 1, *1*). Технологические особенности обработки палочки в отчете не указаны. Видимо, эта находка представляет собой заготовку для изготовления дисковидных бусин, которые делали, "разрезая длинную цилиндрическую бусину на тонкие дольки" (Муллер Э., 1991, с. 5). Процесс изготовления гагатовых пронизей достаточно прост, и при наличии определенных профессиональных навыков мастер-кочевник вполне мог сам на месте пилить заготовку-брусок на диски, а затем сверлить их.

Г.Г. Леммлейн подчеркивает, что традиции одной и той же мастерской проявляются прежде всего в способе сверления, который одинаков во всех экземплярах (Леммлейн Г.Г., 1947, с. 22). Наличие надпилов – упоров для сверления – у краев отверстия диска показывает, что работающие с гагатом не имели еще достаточной подготовки для работы с этим материалом. Мастер боялся расколоть тонкий диск и поэтому сверлил каждую пронизь отдельно, а не всю трубочку-заготовку сразу. Г.Г. Леммлейн указывает, что каменные бусы с надпилами характерны для III–I вв. до н.э. – I–II вв. н.э.

Курганный могильник Вишневая балка находится между двумя наиболее вероятными угленосными бассейнами, откуда гагатовые украшения могли поступать в виде полуфабрикатов или готовых наборов к местным племенам с их последующей поставкой на левобережье Волги. Также на территории Башкирии известны курганные комплексы, относящиеся к концу IV – началу III вв. до н.э., с большим количеством гагатовых дисков (например, курганный могильник Старые Киишки: кург. 5, погр. 6 – 171 экз.; кург. 13, погр. 3 – 170 экз.; кург. 13, погр. 10 – 223 экз.; кург. 13, погр. 12 – 146 экз.; кург. 14, погр. 7 – 31 экз.; кург. 20, погр. 11 – 92 экз.) (Садыкова М.Х., 1962). Технологические особенности этих бус нам неизвестны, но даже дата погребений, в которых они найдены, и место находки говорят о том, что перед нами не северопричерноморский гагат.

Итак, короткоцилиндрические гагатовые диски с насечками у входного отверстия из погребений Нижнего Поволжья, датируемые III–I вв. до н.э., предлагаем считать новым вариантом типа 27 (по классификации Е.М. Алексеевой) урало-каспийского происхождения. Согласно концепции К.Ф. Смирнова о нескольких этапах сарматских миграций в степи Северного Причерноморья первый этап датируется V–III вв. до н.э. Автор связывает его с мирным переходом савроматов (сарматов) через Дон, занятием ими некоторых районов Приазовья и очень незначительной инфильтрацией отдельных савроматских отрядов вглубь скифской территории вплоть до Днепра (Смирнов К.Ф., 1984, с. 115–123); V–IV вв. до н.э. датируются и малочисленные гагатовые изделия из северопричерноморских комплексов. С III в. до н.э. начинается период активного взаимодействия античных полисов и кочевников Евразийских степей. Возможно, что именно сарматы, носители этого украшения, продиктовали моду на гагатовые диски в Северном Причерноморье, пик употребления которых приходится на первые века нашей эры, что совпадает со временем наиболее интенсивной сарматизации Боспора. Вместе с основными заказчиками перемещается и большая часть бус. В средне- и позднесарматских погребениях Нижнего Поволжья гагатовые диски не являются уже доминирующим и характерным украшением, в то время как в погребениях I–III вв. н.э. Северного Причерноморья они становятся массовой находкой. Совершенствуются технические характеристики короткоцилиндрических бус: исчезают насечки у входных отверстий, увеличиваются толщина и длина дисков (Алексеева Е.М., 1978, с. 14, рис. 8). Близость крупных гагатовых месторождений Северного Кавказа и Кубани, постоянный спрос на украшения во вновь сформированной среде потребителей – все это обеспечивало в I–III вв. н.э. массовость производства бус на продажу, так как в европейской части Боспора, видимо, ранее не существовало традиции ношения подобных гагатовых украшений.

С развитием экономических связей сарматских племен и античных центров резко увеличивается количество украшений, поступающих или непосредственно с Кавказа, или через полисы Северного Причерноморья (например, тип 27а – 4186 экз.), и "уральские" гагатовые бусы вытесняются северопричерноморскими.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеева Е.М., 1978. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Г1–12.

Беспалый Е.И., 1980. Отчет об исследовании курганов в зоне строительства орошаемого участка в совхозе "Орошаемый" у х. Тузлуков за 1980 г. // Архив АМК.

Дьяченко А.Н., 1988. Отчет об археологических раскопках могильника Соленое Займище в Черноярском районе Астраханской области в 1988 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 14332.

Железчиков Б.Ф., 1977. Отчет об археологических работах в Уральской области в 1977 г. // Архив НИС ВолГУ.

Ильюков Л.С., Власкин М.В., 1992. Сарматы междуречья Сала и Маныча. Ростов-на-Дону.

Клепиков В.М., 1987. Отчет о работе Донского отряда археологической экспедиции ВолГУ в 1983–1987 гг. // Архив ИА РАН. Р–1. № 11404.

Кригер В.А., 1982. Отчет об археологических исследованиях на территории Волгоградской области в 1982 г. // Архив НИС ВолГУ. № 25.

Леммлейн Г.Г., 1947. Техника сверления каменных бус из раскопок на Кавказе // КСИИМК. № 32.

Лукашов А.В., 1982. Отчет о работе Заволжской экспедиции ВГПИ в Палласовском районе Волгоградской области за 1982 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 9247.

Лукашов А.В., 1987. Отчет о работе Заволжской экспедиции ВолГУ за 1987 г. // Архив НИС ВолГУ. № 47.

Мамонтов В.И., 1973. Отчет об исследованиях Приволжского отряда Волго-Донской экспедиции ЛОИА АН СССР и Волгоградского отделения ВООПИК за 1973 г. // Архив ВОКМ.

Минералы и горные породы СССР, 1970. М.

Муллер Э., 1991. Гагат. Разновидность угля, используемая в художественном промысле. М.

Мыськов Е.П., 1984. Отчет о раскопках курганов у с. Киляковка Среднеахтубинского района Волгоградской области, проведенных Волго-Ахтубинским отрядом археологической экспедиции ВГПИ в 1984 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 10256.

Садыкова М.Х., 1962. Сарматские памятники Башкирии // МИА. № 115.

Скрипкин А.С., 1976. Отчет об археологических раскопках экспедиции ВГПИ в 1976 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 6458.

Скрипкин А.С., 1977. Отчет об археологических раскопках в зоне строительства Большой Волгоградской ОС в Быковском районе Волгоградской области в 1977 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 6839.

Смирнов К.Ф., 1984. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.

Шилов В.П., 1957. Отчет о раскопках Астраханской экспедиции ЛОИА АН СССР в Пролейском районе Волгоградской области за 1957 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 1563–1564.

Шилов В.П., 1963. Отчет о работе Астраханской экспедиции АН СССР за 1963 г. // Архив ВОКМ. Фонды № 15 п/д.

Pollard A.M., Bussell G.D., Baird D.C., 1981. The analytical inverstigation of early bronze age jet and jet-like material from the Devizes museum // Arheometry. 23.

O.N. MOSHEEVA

A NEW VARIANT OF JET BEADS IN SARMATIAN BURIALS OF THE LOWER VOLGA REGION IN THE 3d – 1st CENTURIES BC

Summary

The author of the paper suggests that small cylindershaped jet beads with notches at the entrance hole from the Lower Volga region burials that date to the 3d – 1st centuries BC be considered a new variant of type 27 (using E.M. Alekseeva's classification) of the Urals-Caspian Sea origin. One thousand fifty three samples from 16 complexes out of 85 found in the Volgograd and Astrakhan regions as well as twelve samples from two complexes out of 21 found in the Rostov region have been accounted for.

With the development of economic links between Sarmatian tribes and ancient centers the amount of jewelry coming directly from the Caucasus or through the poleis of the Black Sea maritime region (for example, type 27 – 4,186 samples) increases significantly and the "Urals" jet beads are ousted by the Black Sea maritime region beads.

Ю.А. ЗАДНЕПРОВСКИЙ

ГОРОДИЩЕ МАДЫ

(некоторые итоги историко-археологического изучения)

Исключительно большое развитие городов и городской культуры в домонгольский период IX–XII вв. отмечается в Средней Азии повсеместно, в том числе и на территории Киргизстана. Среди немногих средневековых городов юга Киргизии, названия которых сохранились в письменных источниках IX–X вв. и которые сопоставлены с конкретными археологическими памятниками, издавна привлекал внимание исследователей город Медва (Мадва), отождествляемый с развалинами городища Мады в Ошском оазисе.

Первое краткое описание городища содержится в рапорте начальника Ошского уезда майора Ионова военному губернатору Ферганской области от 15 августа 1877 г. В нем сообщается, что курган (крепость) Мады находится в 12 верстах от г. Ош. Сохранились две квадратные цитадели на расстоянии 30 шагов одна от другой. На участке между ними имеются следы двух водоемов. Местные жители показали также следы арыка, выведенного из р. Кара-Су для снабжения цитаделей водой. По их рассказам, в Мады был прежде большой город (ЦГА УзССР, ф. И276, д. 114)[1]. Приведенное краткое описание дает достаточно точное представление о сохранившейся укрепленной части города, которая в таком виде дошла до наших дней.

Рядом с городищем, среди карагачевой рощи находился мазар Шейх-Ады (Новицкий В.Ф., 1903; Умняков И.И., 1928, с. 344), пользовавшийся тогда большой известностью. Ныне он уже не существует.

Нам неизвестно, дошли ли сведения о старинной крепости в Мадах до В.В. Бартольда или он опирался лишь на изучение картографических материалов, но только в 1900 г. в своем фундаментальном труде он помещает средневековый город Медва, находившийся, по данным источников, в двух фарсахах от Оша, в современном селении Мады (Бартольд В.В., 1963, с. 214). Никаких доказательств этой локализации он не приводит.

Первое специальное обследование Мады осуществил почти 60 лет тому назад Б.М. Зима во время историко-археологической экспедиции 1937 г. Результаты поездки не опубликованы, и только в газетной статье автор отнес крепость ко времени господства калмыков (джунгаров) в Ферганской долине в XVI–XVII вв. (Зима Б.М., 1937; 1982).

Более подробные сведения о городище Мады появились в результате работ А.Н. Бернштама, проведенных летом 1941 г. В его отчете говорится, что средневековое (мусульманское) городище Мады-Курган находится в самом селении, по обеим сторонам Памирского тракта. В юго-западном углу располагается высокая цитадель, а на север тянется линия стен. Развалины занимают участок на протяжении более полукилометра. Часть городища находится под современными постройками, а часть занята пашней. Судя по собранной керамике, развалины относятся "к средневековому

---

[1]Сведениям об этом архивном документе автор обязан В.Я. Галицкому, которому выражает искреннюю благодарность. Об упоминании в нарративных источниках кокандского времени крепости Мады в окрестностях Оша см. (Галицкий В., Плоских В., 1987, с. 58).

© Ю.А. Заднепровский, 1998 г.

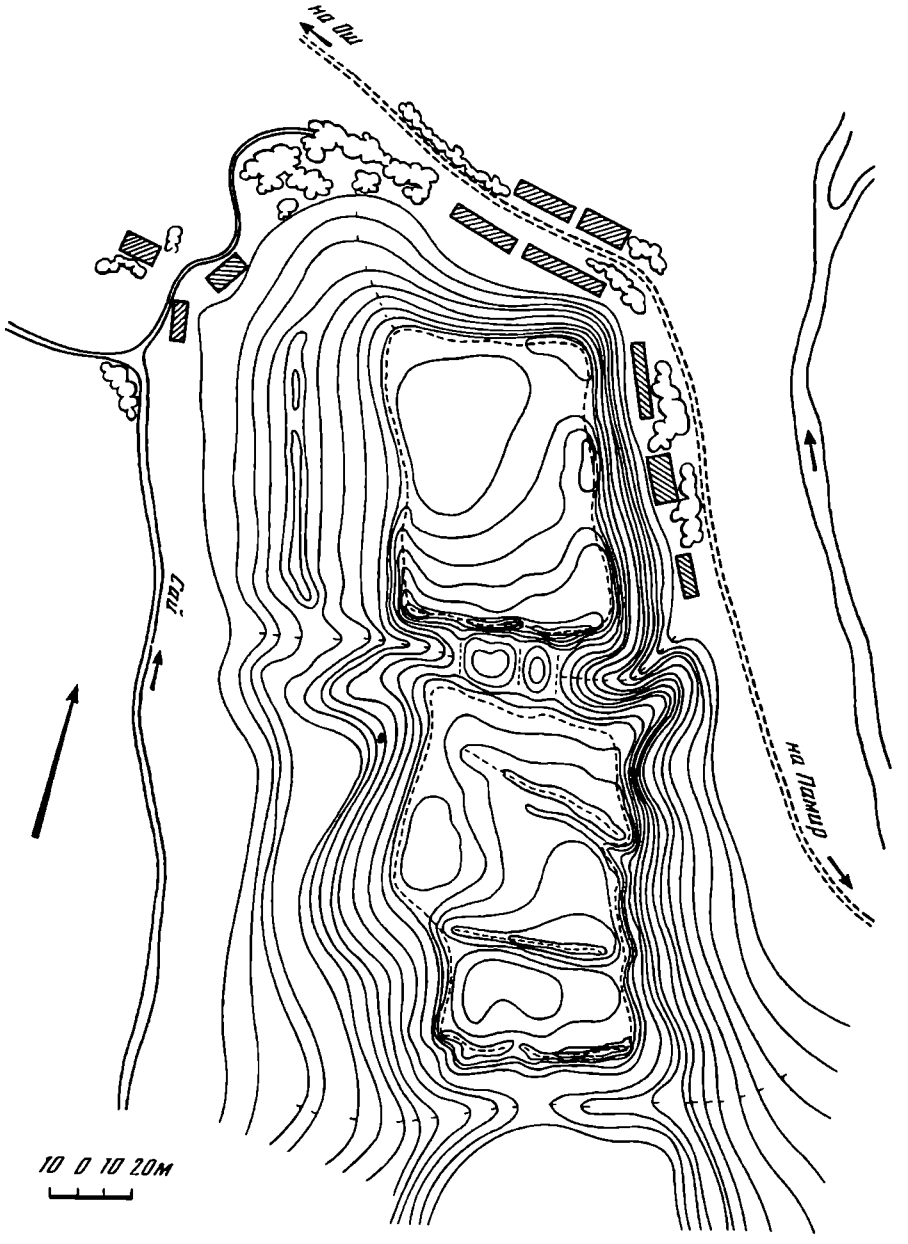
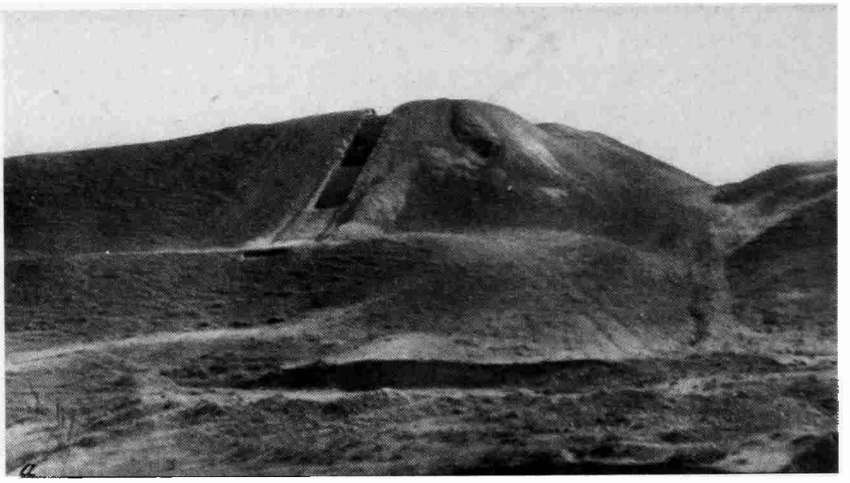


Рис. 1. Городище Мады. План

городу, хотя и стоящему в отдельных частях на более древних поселениях". Далее автор пишет, что вслед за В.В. Бартольдом городище следует отождествлять со средневековым городом Медва (Бернштам А.Н., 1943, с. 30, 31; История Киргизии, 1956, с. 136, 137). Таким образом, А.Н. Бернштам первым предложил отождествлять город Медву с конкретным археологическим объектом.

Повторно городище обследовал автор этих строк в 1956 г. К этому времени исчезли остатки северной стены и невозможно было проследить развалины на территории самого селения. Был снят план укрепленной части городища, которая состоит из двух площадок, что точно совпадает с описанием в рапорте майора Ионова 1877 г. Кроме того, на второй площадке возвышается южная часть, особо выделенная валом. Следов населения не обнаружено к западу и югу от обследованных развалин (Заднепровский Ю.А., 1959, с. 172–174, рис. 17). Снятая на план укрепленная часть, несомненно, соответствует цитадели (рис. 1). На поверхности была собрана средневековая керамика, а также образцы с красным ангобом, относящиеся к древнему периоду. Разнородность подъемного материала позволила отнести Мады к группе многослойных



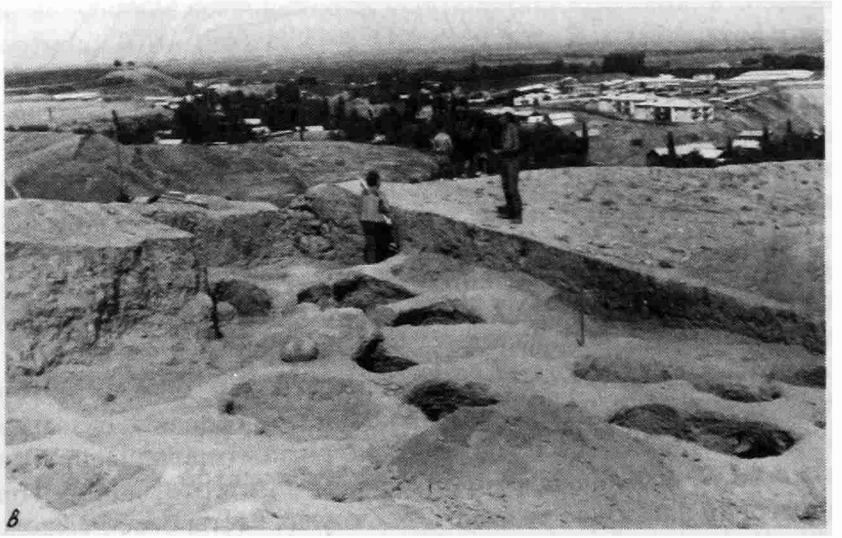


Рис. 2. Городище Мады. *а* – юго-восточный угол и траншея на валу; *б* – северо-восточная часть раскопа; *в* – северо-западная часть раскопа

памятников. Городище вслед за Бартольдом – Бернштамом сопоставлено с городом Медва (Заднепровский Ю.А., 1960, с. 153–155).

Это отождествление города Медва с городищем Мады было принято О.Г. Большаковым в обобщающем труде. Основываясь на опубликованном мною плане укрепленной части городища, он определяет площадь города Мадва равной 1,5 га (Беленицкий А.М. и др., 1973, с. 203, рис. 85, *б*). Эта цифра не отражает реальных размеров города, поскольку автор не учел наблюдений А.Н. Бернштама о значительно бóльших размерах города в целом.

Новые археологические данные по истории Мады получены во время разведывательных работ, проведенных в 1982 и 1984 гг. Ферганской экспедицией ЛОИА АН СССР (Заднепровский Ю.А., 1984а, с. 509; 1986, с. 460). Раскопки имели целью выявить стратифицированные материалы о последовательном развитии культуры в Ошском оазисе от древности до средневековья. Городище располагается в 12 км к востоку от г. Ош, что равно двум фарсахам, поскольку точку отсчета километров еще при мне перенесли в г. Ош. С вершины городища (цитадели) на высоком адыре хорошо просматривается окружающая местность вплоть до построек Оша. Склоны городища крутые и обрывистые. С запада проходит русло сая, а с востока – небольшая речка Мады-Булак (рис. 2). Поселение занимает две площадки, причем на южной выделяется еще более высокая часть размером 140×75 м. С южной стороны две лощины-овраги отделяют эту часть от остального адыра. Обе части соединены тремя проходами, четко прослеживаемыми ныне. Северная часть четырехугольной формы (110×80 м), ориентирована углами по странам света. Обе части вытянуты с севера на юг. В наиболее возвышенной южной части видны валы. Обследованные развалины, очевидно, составляли основную укрепленную часть средневекового города. К югу на адыре следов заселения не обнаружено так же, как и к западу. Весьма возможно, что основные постройки располагались восточнее на месте современного поселка.

В 1982 г. на городище Мады в юго-западном углу северной части городища был заложен раскоп 100 м^2 (рис. 3). В верхних слоях обнаружены большое количество хозяйственных ям и позднесредневековая керамика. Это позволило уточнить представление о позднем этапе жизни города, который существовал по крайней мере до XIII–XV вв. Во время зачистки оборонительной стены найдена красноангобированная и шурабашатская расписная керамика, что указывало на наличие нижних слоев IV–I вв. до н. э.

В 1984 г. работы в стратиграфическом раскопе площадью более 100 м^2 были продолжены. Раскоп находился в юго-западном углу впритык к южной и западной оборонительным стенам. На всей площади углубились на 0,6–1 м, и в этих слоях найдены материалы позднесредневекового периода. Затем работы были продолжены в шурфе в юго-восточной части размером 4×5 м, а в самом низу – на еще меньшей площади. Верхний горизонт был сильно разрушен многочисленными хозяйственными ямами. Толщина культурного слоя с позднесредневековой керамикой достигает почти 5 м. Необычно мощные слои свидетельствуют об интенсивности жизни в этот период. В нем выделяются несколько прослоек. Так, на северном борту раскопа хозяйственная яма начинается на отметке 20 см ниже поверхности. Следовательно, на этом уровне залегал верхний пол, который не сохранился. Второй пол находился на отметке ~ 1 м, ниже дна упомянутой хозяйственной ямы. На этом полу в восточном обрезе залегают остатки тандыра размером 64×60 см. Дно его – на глубине 130 см. На глубине 140 см выявлен третий пол с кладкой валунов, которые составляли фундамент постройки. Около валунов в восточной части пол прокален, ибо здесь находился очаг.

В шурфе на глубине 3,5 м залегал толстый зольный слой, который имеет падение с юга на север до отметки 4,15 м. На глубине 4 м в южной половине шурфа выявлены ровные прослойки пола, подстилаемые слоем зеленой глины. В южном обрезе шурфа на глубине 4,6 м оконтурена часть стены из сырцовых кирпичей. Позднесредневековый слой закончился на отметке 4,8 м у восточного края шурфа. Он залегает

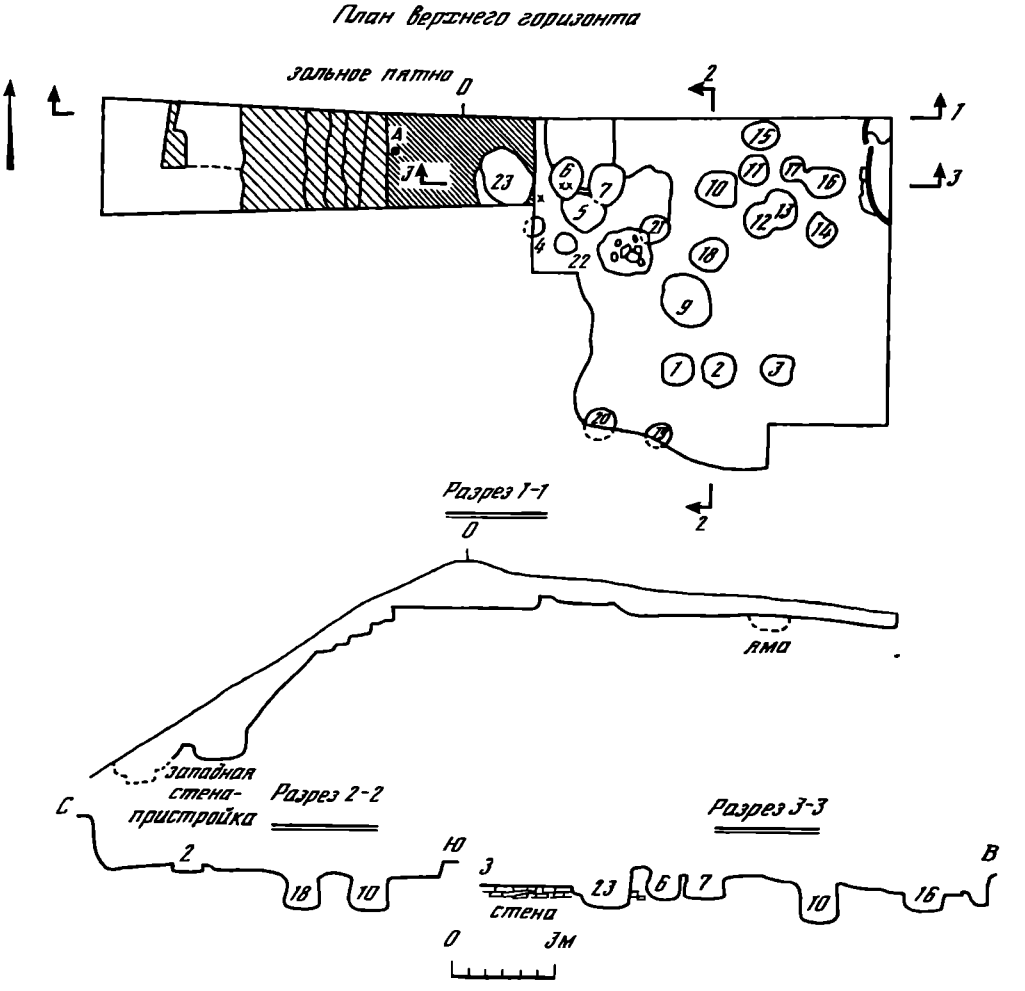


Рис. 3. Мады. План и разрезы раскопа 1982 г.

непосредственно на слое с шурабашатской керамикой IV–I вв. до н. э. Следует оговорить, что единичные фрагменты ранней керамики встречались и в самых верхних отложениях раскопа. Наряду с позднесредневековой керамикой они чаще стали появляться с отметки 3 м.

Толщина этого нижнего шурабашатского слоя 2,2–2,4 м. На глубине 7,2 он закончился и появился слой гальки. Для контроля углубились до 7,5 м и убедились, что галечник составляет уже материковый грунт. Таким образом, на городище Мады стратиграфически можно выделить два периода обитания и перерыв длительностью 1000–1500 лет, учитывая хронологические рамки датировки шурабашатского и позднесредневекового комплексов.

Поскольку вся вскрытая в 1982 г. площадь была разрушена 20-ю хозяйственными ямами, то начат разрез западной оборонительной стены. Северный край траншеи является продолжением северного края раскопа (рис. 4). Ширина траншеи на востоке 2,5 м, а в западном конце – около 3,5.

На месте вала в северном обрезе траншеи хорошо видна кладка оборонительной стены, по всей вероятности, послемонгольского времени. Сырцовые кирпичи размером 34–38×12 см образуют стенку толщиной 1 м и высотой до 1 м. Края ее плохо прослежены. С внешней стороны они разрушены, а с внутренней прорезаны ямой и поэтому точные размеры, толщина ее не прослежены. Эта стена построена на выровненной поверхности более ранней массивной стены. Основная стена в верхней части идет уступами, а затем наклонно. В нижней части при зачистке стены обнаружена яма, заполненная золой и обломками посуды древнего периода. Здесь найдены фрагменты

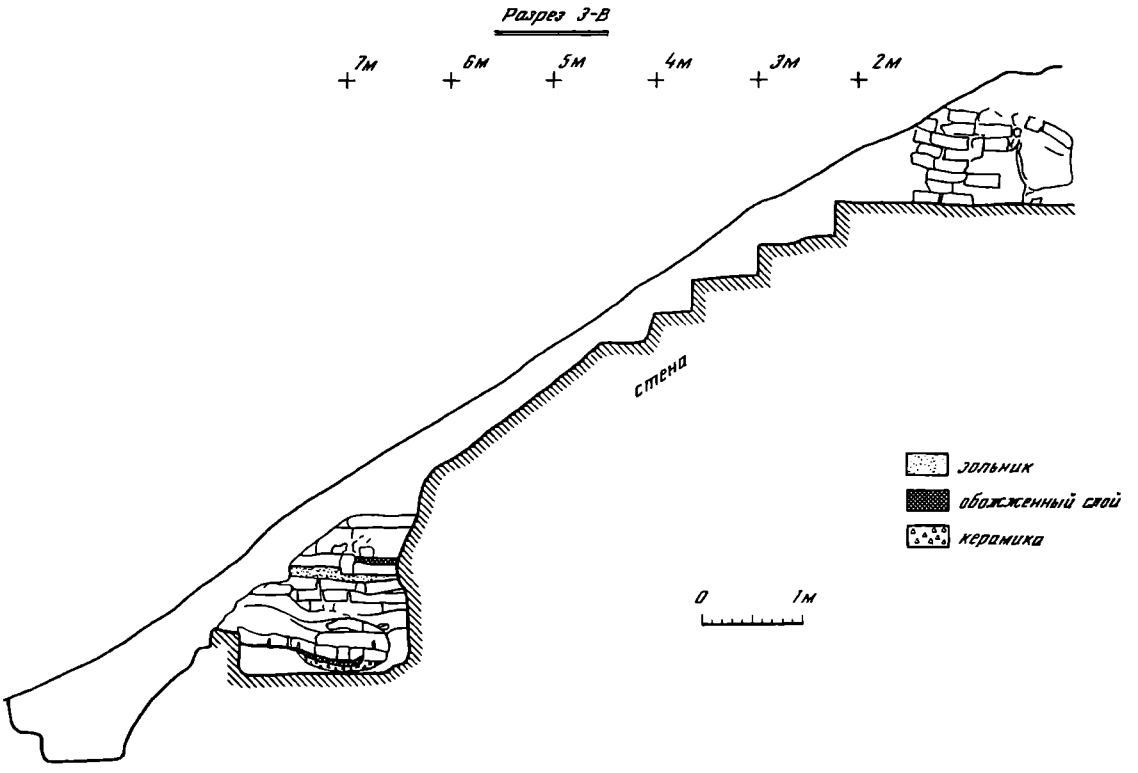


Рис. 4. Траншея на западном краю городища. *1* – зольник; *2* – обожженный слой; *3* – керамика

чаш и кувшинов, покрытые красным, коричневым и черным ангобом, а также значительное количество лепной посуды, украшенной росписью. Узоры нанесены буро-коричневой и карминно-фиолетовой красками. Среди мотивов орнамента встречается изображение ромбов, заштрихованных сеткой, и комбинации перекрещивающихся линий. По составу теста, формам сосудов и характеру росписи эти образцы сходны с шурабашатской керамикой. Находки ее в основании западной стены указывают на то, что эта стена была построена или отремонтирована в шурабашатский период (в IV–I вв. до н. э.).

В 1,5 м от массивной стены внизу обнаружена перегородка из сырцового кирпича. От этой перегородки массивная стена круто уходит вниз, и дойти до ее основания в 1982 г. не удалось.

В 1984 г. продолжено исследование западной оборонительной стены. Прежде всего был зачищен внутренний край оборонительной стены в раскопе на всем протяжении. Она сохранилась уступами. На отметке 4 м от поверхности оборонительной стены в раскопе находился первый крупный уступ, в обрезе которого в 1982 г. была найдена шурабашатская керамика. Ниже на 3 м залегает второй уступ, в обрезе которого оконтурена регулярная кладка сырцового кирпича (рис. 5), между кирпичами и на их поверхности преобладали находки красноангобированной и шурабашатской расписной керамики. Отметим совпадение уровня нижнего слоя с шурабашатской керамикой в шурфе с уровнем находок подобной керамики при зачистке оборонительной стены снаружи. Из этого следует, что нижняя часть крепостной стены сооружена в шурабашатский период. Эта первоначальная стена сохранилась на высоту ~ 7 м. Остатки древних укреплений после длительного перерыва были надстроены и использованы в позднесредневековое время.

Ниже следует ровный твердый склон. Основание стены, по всей вероятности, залегает на глубине 12,5 м от сохранившейся поверхности оборонительной стены. Нижняя часть склона до основания на отметке 20 м от поверхности городища составляет естественную поверхность адыра, использованную древними фортификаторами для усиления обороны крепости (рис. 4).

Рис. 5. Кладка шурабашатского периода в основании западной крепостной стены

Профиль расчищенной оборонительной стены был с большой точностью снивелирован Л.Л. Гуревичем. Этот образцовый чертеж дает документальное скрупулезное представление о конфигурации и размерах западной стены Мады.

Следует отметить, что нижний слой с шурабашатской керамикой в шурфе залегает на одном уровне с находками шурабашатской керамики на первом уступе оборонительной стены. Следовательно, нижняя часть крепостной стены сохранилась на высоту 7 м. Все, что находится ниже, составляло фундамент-стилобат стены, который дополнительно был усилен использованием натуральной поверхности адыра. За два сезона произведена лишь зачистка оборонительной стены. Можно надеяться, что разрез ее позволит выявить материалы, характеризующие строительные приемы и конструктивные особенности фортификации шурабашатского периода. Характер кирпичной кладки и найденная керамика не оставляют сомнения в датировке оборонительной стены древним периодом. Развалины довольно сильной крепости шурабашатского периода были использованы после длительного перерыва в позднесредневековый период.

Небольшой шурф размером 3×2 м заложен на второй южной площадке в северо-западном углу. На отметке 1 м от поверхности в шурфе обнаружен уровень верхнего пола, на глубине 1,8 м – кладка кирпича. В северо-западном углу расчищен участок стены с оштукатуренной поверхностью. На отметке 3,3 м появилось скопление валунов, и, хотя культурный слой продолжается, на этой глубине работы прекращены.

В шурфе обнаружена неполивная малохарактерная керамика, и никаких материалов, характерных для домонгольского периода IX–XII вв., в нем не оказалось. Таким образом, на обоих частях городища не выявлено данных о жизни города в период, который соответствует времени существования города Медвы по сведениям письменных источников. Действительно, часть городища, расположенная к югу от дороги, по всей вероятности, в домонгольский период не была заселена. Но у нас нет материалов, происходящих с той части городища, которая находится под современными постройками к северу от дороги и которые еще видел А.Н. Бернштам. Поэтому вопрос о локализации средневекового города Медва остается открытым до проведения специальных работ на территории современного райцентра Мады.

Находки, главным образом керамика, дают основание датировать этапы жизни городища. Возникновение Мады относится к шурабашатскому периоду IV–I вв. до н. э. Именно к этому времени относятся чаши с перегибом бортика диаметром 13–16

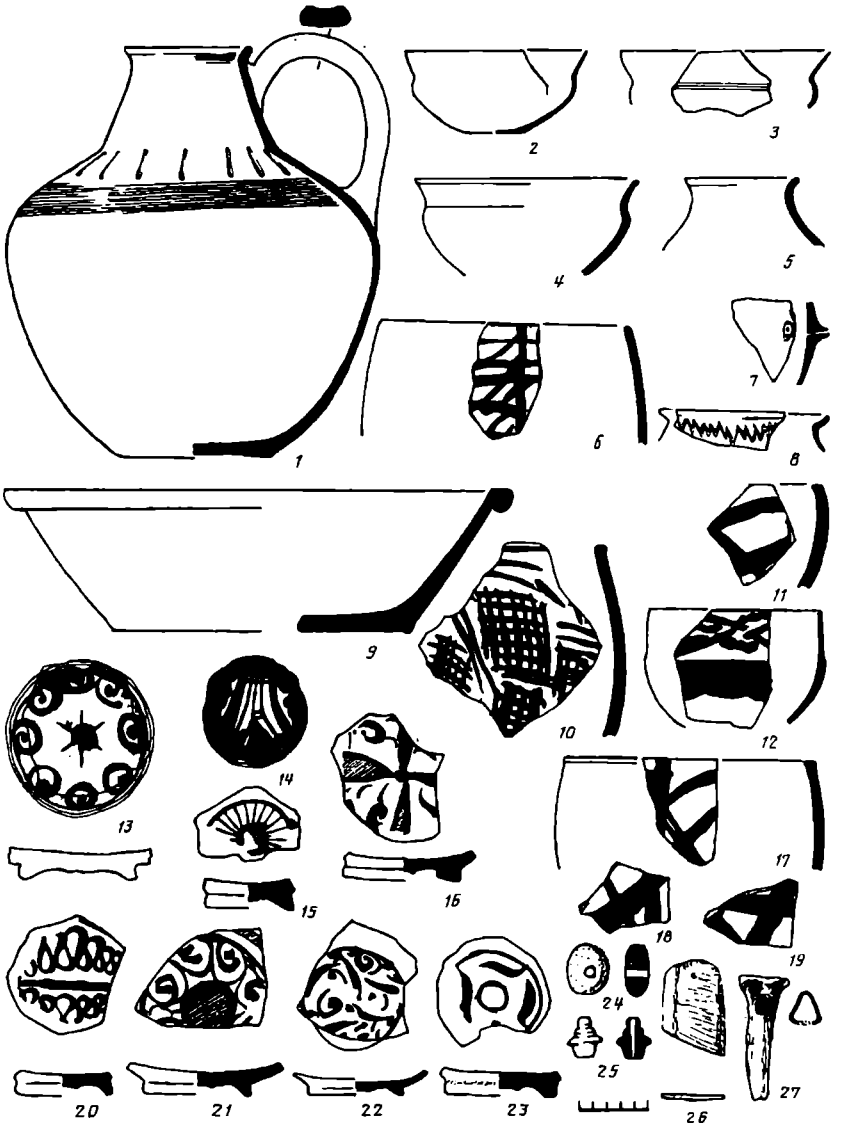


Рис. 6. Городище Мады. Керамика

см, покрытые красным ангобом (рис. 6, *2–4*), кувшин с горловиной диаметром 8 см (рис. 6, *5*), фрагмент сосудика с носиком (рис. 6, *7*), а также венчик сосуда, украшенный процарапанным зигзагом (рис. 6, *8*). Вместе с этой станковой посудой найдены образцы лепных сосудов, украшенные по светлому фону коричнево-красной краской. Узоры – ромбы, заштрихованные сеткой, волнистые линии и др., типичные для шурабашатского комплекса (рис. 6, *6, 10–12, 17–19*). К этому же времени относится также типичное пряслице, покрытое красным ангобом (рис. 6, *25*). Перечисленные находки позволяют сделать заключение о возникновении укрепленного поселения-крепости в последних веках до н. э. Городище Мады – еще один памятник шурабашатской культуры в Ошском оазисе.

К сожалению, находок мало и невозможно уточнить, к какому этапу шурабашатской культуры относится комплекс Мады (Заднепровский Ю.А., 1994).

Значительное количество поселений и городов с шурабашатской керамикой сосредоточено в дóлинах рек Яссы и Кара-Дарья. Там же располагается и самое крупное в Фергане городище древнего периода Шурабашат (70 га) (Заднепровский Ю.А., 1962; 1985, с. 306), давшее название всей археологической культуре. Расцвет оседло-земледельческой культуры и древняя урбанизация в этих районах, несомненно, связаны со становлением важного международного торгового пути между Западом и

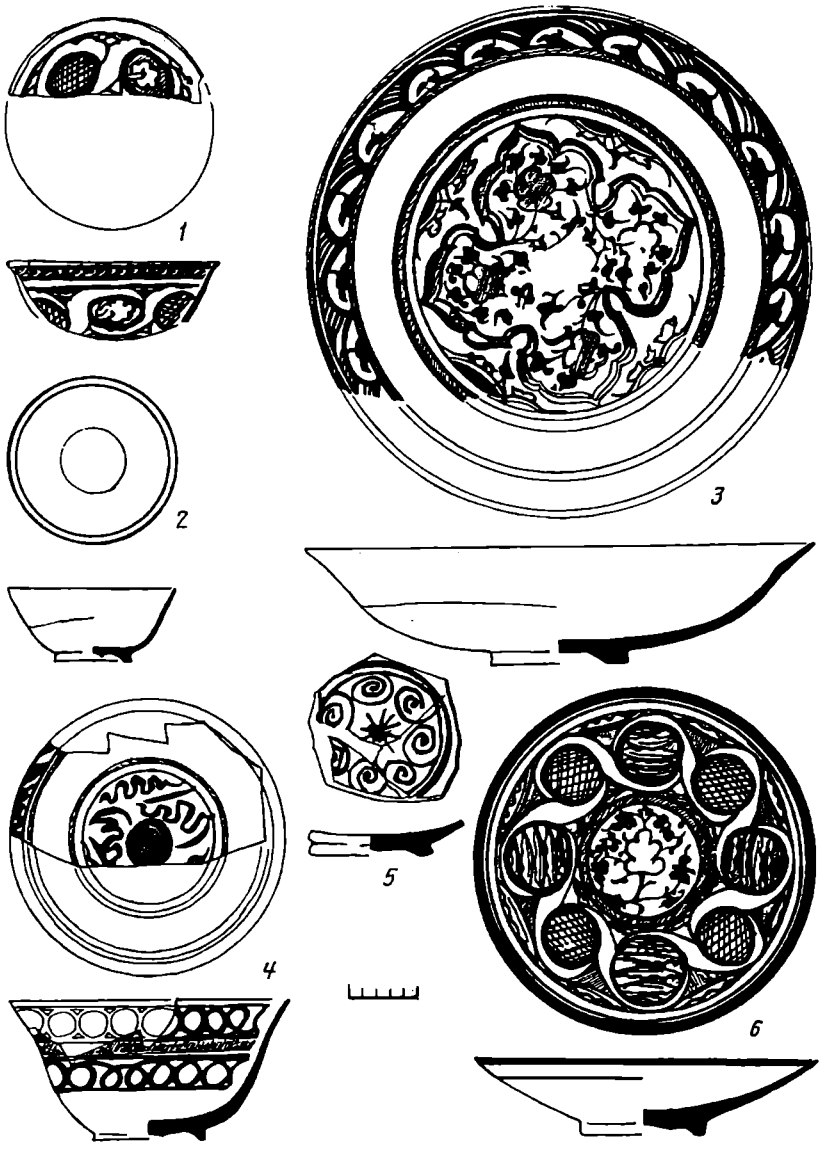


Рис. 7. Городище Мады. Поливная керамика XVII–XVIII вв.

Востоком – Великого шелкового пути – непосредственно через Синьцзян. Второе крупное скопление шурабашатских памятников находится в Ош-Карасуйском оазисе (Заднепровский Ю.А., 1985, с. 306). Несколько памятников здесь обследовал О. Береналиев (Береналиев О., 1974, с. 521; 1975, с. 549). К ним относятся также Хожамбаг-Тепе и Мирзалим-Тепе (Заднепровский Ю.А., 1984б, с. 183, 184) на восточной окраине г. Ош, исследованное автором, Мады и Шалтакская группа тепе в нескольких километрах юго-восточнее Мады (в 20 км от Оша) (Заднепровский Ю.А., 1960, с. 153–155; 1984б, с. 183, 184). Перечисленные памятники образуют цепочку поселений, расположение которой документирует направление еще одного ответвления Великого шелкового пути – через Алтай.

Второй комплекс керамики включает неполивную и своеобразную поливную посуду. К первой группе относится крупный кувшин с конической горловиной и большой петлевидной ручкой, с плоским дном, высота его 29 см, диаметр 27, дно 11 см; кувшин покрыт светло-коричневым ангобом и на плечиках опоясан полосой концентрических линий, выше которых проходят отпечатки гребенки (рис. 6, *1*) и тагора конической формы и отогнутой закраиной, плоским дном, диаметром 36,5 см (рис. 6, *9*).

Среди поливной керамики выделяются замечательные образцы прикладного ис-

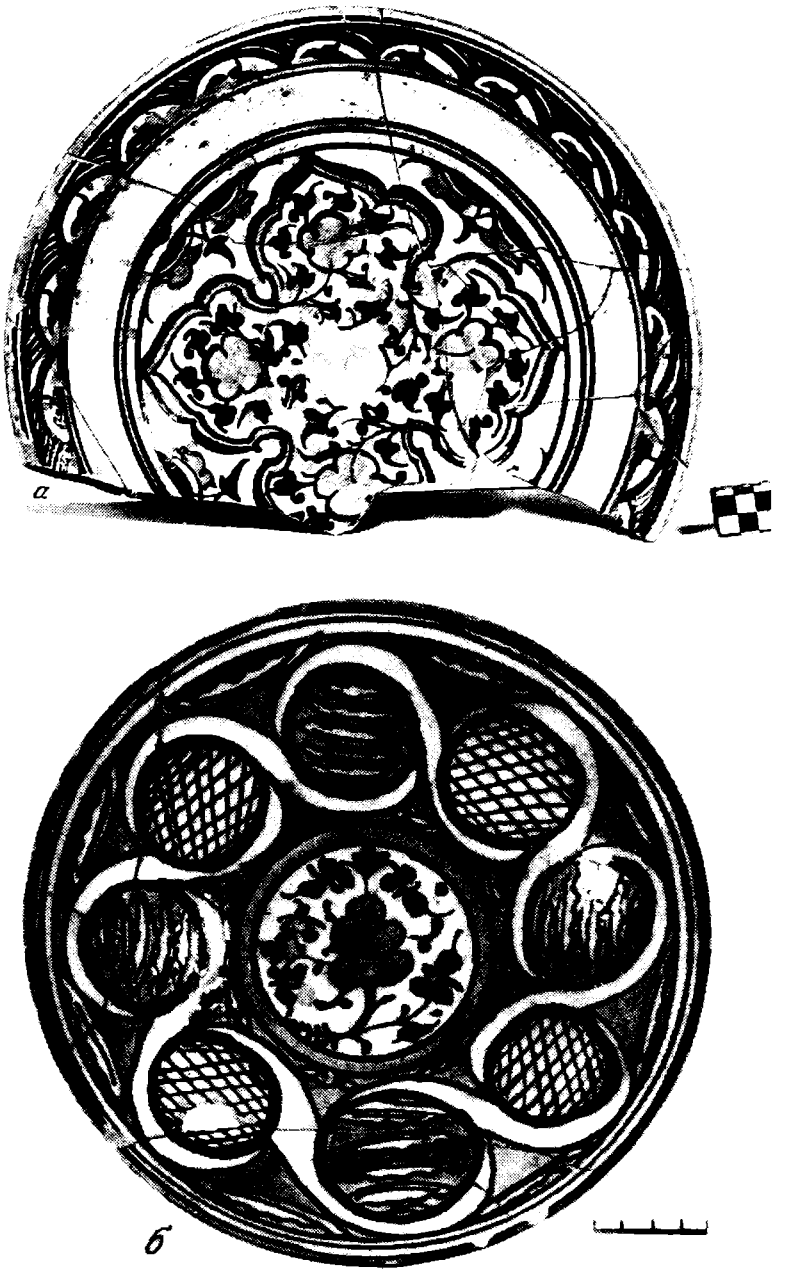


Рис. 8. Поливные блюда. Фото

кусства. Большое блюдо диаметром 36,5 см на кольцевом поддоне (рис. 7, *3*; 8, *а*) украшено концентрическими полосами по бортику. Середину его занимает крупная четырехлепестковая композиция, заполненная растительными побегами с крупным бирюзовым цветком в центре. Узор двухцветный – черный и бирюзовый на белом фоне. Второе блюдо меньшего размера – его диаметр 25 см (рис. 7, *6*; 8, *б*) – также на кольцевом поддоне. В центре в круге изображен крупный бирюзовый цветок в окружении побегов с листочками, затем идет полоса из восьми кружков, попеременно заштрихованных решеткой и волнистым узором. Все круги связаны зигзагообразной белой лентой. Чаша диаметром 20 см, на кольцевом поддоне, украшена с обеих сторон. Снаружи – две полосы завитков-спиралей, разделенные бирюзовой полосой. Внутри зигзагообразный узор проходит вдоль закраины, а в центре – кружок бирюзового цвета, окаймленный черной линией, и вокруг него несколько зигзагов (рис. 7, *4*). Сегментовидная чаша со сплошным украшением обеих поверхностей. Внутри – круги,

заштрихованные решеткой и окруженные зигзагообразной белой лентой, как на втором блюде. На внешней поверхности (рис. 7, *1*) – точно такой же мотив, а вдоль закраины – полоса белых шевронов углом вправо. Целая пиала на кольцевом поддоне, диаметром 12 см (рис. 7, *2*). Белая полива снаружи покрывает примерно $^2/_3$ поверхности. Черной полосой украшена закраина, внутри – две черные концентрические полосы вдоль закраины.

В собранной коллекции имеется большая серия обломанных донцев блюд на кольцевом поддоне диаметром 8–10 см (рис. 6, *13–16, 20–23*). По светлому фону они украшены коричневато-черными и бирюзовыми узорами: полоса завитков, расположенная по окружности с розеткой в центре, вытянутые зигзагообразные линии, разделенные прямой, узоры в виде розетки и др.

Образцы поливной керамики Мады относятся к позднему средневековью. Материалы этого периода в Фергане изучены слабо. Стратифицированы только находки в Ходженте – Ленинабаде (Беляева Т.В., 1983, с. 38–51). Они подразделены на XIII–XVI, первую и вторую половины XVII и XVIII–XIX вв. Керамика Мады в целом отличается по орнаменту и мотивам. Некоторое общее сходство наблюдается лишь с материалами первой половины XVII в. К сожалению, находки второй половины XVII в. в статье не опубликованы. Они резко отличаются от керамики XVIII–XIX вв. Ходжента. Сопоставление с Ходжентом дает известное основание датировать художественную керамику Мады XVII в.

В настоящее время в среднеазиатской археологии керамика позднего времени наиболее полно изучена по находкам в Отраре. Первоначально ее делили на комплексы XIII–XIV, XV–XVI и XVII–XVIII вв. (Акишев К.Е. и др., 1972). В последней публикации дано более дробное подразделение: вторая половина (?) XVI в. – первые три четверти XVII в. и конец XVII – первая половина XVIII в. Больше всего сходства наблюдается между материалами Мады и 2–3 периодами Отрара, XVII – первой половины XVIII в. Одинаковы формы чаши с двусторонним украшением на кольцевом поддоне (Акишев К.А., и др., 1981, с. 160, рис. 67, *3*), а также блюда. Встречаются одинаковые элементы узора – завитки, спирали и др. Совпадают концентрическая композиция орнамента и цветовая гамма. Однако прямых аналогий на обнаружено, и поэтому можно говорить о самобытности изделий мастеров Оша и Ошского оазиса. Учитывая сопоставления с Ходжентом и Отраром, в предварительном порядке художественную поливную керамику Мады можно датировать XVII – началом XVIII в.

Несколько медных мелких монет, найденных в раскопе городища Мады, сильно стерты и не поддаются датировке. По заключению нумизмата Л. Шпеневой, они, вероятно, относятся к XIV–XVII вв. Из других находок отметим овальное плоское прясло (рис. 6, *24*), точильный брусок с отверстием (рис. 6, *26*) и приспособление для детской люльки – сувак из кости животного с отверстием (рис. 6, *27*), имеющий прямые аналогии в материалах Позднего Отрара.

В последние годы опубликованы новые интересные материалы по художественной поливной керамике Бухары XVII–XX вв. (Мирзаахмедов Д.К., 1990). В обстоятельной работе комплексы глазурованной посуды подразделены на три этапа: вторая половина XVII – середина XVIII в., вторая половина XVIII – середина XIX в., вторая половина XIX – начало XX в.

Этот третий в Средней Азии хорошо стратифицированный комплекс отличается своеобразием и самобытностью, и прямых аналогий в Мадыйском комплексе не наблюдается. Совпадают только типологические формы чаши на кольцевом поддоне, пиалы, а также блюда. Близки также и размеры этих изделий. Но стиль украшения, художественное оформление бухарской посуды более упрощенные и уступают изысканному декору Отрара и Мады. Следует подчеркнуть, что изготовление глазурованной посуды в XVII–XIX вв. продолжают местные традиции повсеместно в разных частях Средней Азии и она употребляется наряду с привозной дешевой русской посудой.

Обнаруженный на городище Мады комплекс керамики XVII – начала XVIII в.

является наиболее поздним в археологии Киргизии в целом. Он восполняет наши знания о культуре позднесредневекового населения Ферганской долины, и в этом его важное значение, так как он позволяет связать археологические материалы с музейными коллекциями и этнографическими данными.

Добытые материалы служат показателем высокого мастерства местных гончаров и соответственно уровня культуры, они расширяют наши представления о хронологических рамках существования Мады-Медвы до XVII – начала XVIII в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б., 1972. Древний Отрар. Алма-Ата.

Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б., 1981. Позднесредневековый Отрар (XVI–XVIII вв.). Алма-Ата.

Бартольд В.В., 1963. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Собр. соч. Т. I. М.

Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г., 1973. Средневековый город Средней Азии. Л.

Беляева Т.В., 1983. Художественная керамика XIII–XIX вв. // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата.

Береналиев О., 1974. Древний канал Карасу в Ош-Карасуйском оазисе // АО – 1973. М.

Береналиев О., 1975. Работы в Ош-Карасуйском оазисе // АО – 1974. М.

Бернштам А.Н., 1943. Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала. Фрунзе.

Галицкий В., Плоских В., 1987. Старинный Ош. Фрунзе.

Заднепровский Ю.А., 1959. Работы Южнокиргизского отряда в 1956 г. // Тр. Ин-та истории АН КиргССР. Т. 5. Фрунзе.

Заднепровский Ю.А., 1960. Археологические памятники южных районов Ошской области. Фрунзе.

Заднепровский Ю.А., 1962 Древнеземледельческая культура Ферганы // МИА. № 118. М.; Л.

Заднепровский Ю.А., 1984а. Исследования в Ошском оазисе // АО – 1982. М.

Заднепровский Ю.А., 1984б. Древняя Фергана // История Киргизской ССР. Т. I. Гл. 3. § 3. Фрунзе.

Заднепровский Ю.А., 1985. Фергана (в античную эпоху) // Археология СССР. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Гл. 1. § 6. М.

Заднепровский Ю.А., 1986. Работы в Ошском оазисе // АО – 1984. М.

Заднепровский Ю.А., 1994. Шурабашат и Керкидон // Фергана в древности и средневековье. Самарканд.

Зима Б.М., 1937. Историко-археологическая экспедиция в Киргизии // Советская Киргизия. 21 сентября.

Зима Б.М., 1982. Избранные научные труды по истории Коммунистической партии Киргизии и истории Киргизской ССР. Фрунзе.

История Киргизии, 1956. Т. I. Фрунзе.

Мирзаахмедов Д.К., 1990. К истории художественной культуры Бухары. Ташкент.

Новицкий В.Ф., 1903. Из Индии в Фергану // Зап. РГО по общей географии. Т. 38. № 1.

Умняков И.И., 1928. Изучение культуры и быта Средней Азии в 1920–1927 гг. // Новый Восток. № 23/24.

ЦГА УзССР. Ф. И 276. Д. 114.

Институт истории материальной
культуры, Санкт-Петербург

Y.A. ZADNEPROVSKY

THE HILL-FORT MADY

(Some Results of Historical and Archaeological Studies)

Summary

Following the suit of the academician V.V. Bartold, all scholars compared a hill-fort called Mady located in the suburbs of the city Osh with a medieval city Medva (Madva) mentioned in written manuscripts on the 9th – 11th centuries. In the course of inspection exploration work conducted by the Fergana expedition of the LOIA of the USSR Academy of Science in 1982 and 1984 no artifacts characteristic for the 9th – 11th centuries were uncovered on the hill-fort and the question of the indentification of the hill-fort Mady with the medieval city remains open. Given the finds of ceramics uncovered in the layer and discovered during the clearing of the battlement, the origin of the hill-fort dates to the Shurabashat period, i. e. the 4th – the 1st centuries BC. Late medieval strata dating from the 13th-14th – the 17th-18th centuries overlie the lower layer. Uncovered samples of wonderful decorative glazed vessels can be dated to the 17th – beginning of the 18th centuries using as an analogy those of Otrar. A ceramics complex discovered in Mady belongs to the latest period in archaeology of Kirgizia, expanding chronological frames of Mady existence as far as the 18th – the beginning of the 18th centuries. Decorative ceramics serve as the index of a high level craftsmanship of local potters.

Н.А. МАКАРОВ, С.Д. ЗАХАРОВ, Н.А. КИРЬЯНОВА

ПАЛЕОБОТАНИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ БЕЛОЗЕРЬЯ: К ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ НА СЕВЕРНЫХ ОКРАИНАХ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Рост интереса к палеоботаническим материалам, ярко проявившийся в последние десятилетия, отражает общую тенденцию к более глубокому исследованию как сельскохозяйственной экономики прошлого, так и самих механизмов взаимодействия человека и природной среды в древности и средневековье. При этом палеоботанические исследования на Западе и в России существенно различаются по характеру разрабатываемых вопросов и методу сбора материалов. В практике отечественной археологии остатки зерен, собранные в ходе раскопок, используются главным образом для исследования состава основных возделываемых культур и изменений его с течением времени, для оценки уровня развития сельского хозяйства и реконструкции систем земледелия в древности и средневековье (Кирьянов А.В., 1959; Кирьянова Н.А., 1992). Западноевропейская археология обращается к карпологическим материалам и для решения ряда других проблем, таких, как особенности питания различных этнических и социальных групп, торговля зерном, воздействие земледелия на природную среду отдельных регионов (van Zeist K. et al., 1991; Res archaeobotanicae, 1995; Alsleben A., 1991). Предметом изучения отечественных палеоботаников являются главным образом скопления зерна, обнаруженные в процессе раскопок (Кирьянов А.В., 1959; Кирьянова Н.А., 1992; Туганев В.В., Ефимова Т.П., 1982; Петрашенко В.А., Пашкевич Г.А., 1992). На Западе в практику полевой археологии уже давно вошла флотация (промывка) культурного слоя для сбора остатков зерен, которые остаются незамеченными в культурном слое при разборке его совком или лопатой (Archaeobotany, 1989), – методика, позволяющая гораздо более системно подойти к сбору карпологических материалов. В России эта методика стала внедряться со второй половины 1980-х годов после раскопок Н.А. Кренке на Дьяковом городище, в ходе которых благодаря промывке грунта удалось собрать огромную коллекцию зерен, принципиально изменившую традиционные представления о хозяйстве дьяковских племен во второй половине I тыс. до н.э. (Кренке Н.А., 1987, с. 18). В самое последнее время программа палеоботанических исследований с использованием флотации грунта была развернута в Новгороде и на поселениях Новгородской округи при участии палеоботаников из Германии и Ирландии (Alsleben A. et al., 1993; Альслебен А. и др., 1994; Монк М., 1996). Очевидно, что широкое использование методики промывки культурного слоя даст возможность получить конкретный ответ на вопрос о существовании земледелия в целом ряде археологических культур лесной полосы Восточной Европы, хозяйственная основа которых пока остается неясной.

Настоящая работа представляет собой попытку оценить уровень сельскохозяйственного развития Белозерья в X–XIII вв., основываясь на собранных здесь в последние годы зерновых материалах. Эти материалы невелики по объему – со средневековых памятников Белого озера происходит в общей сложности около 2000 целых и фрагментированных зерен – гораздо меньше, чем из отмывок и скоплений с других средневековых памятников, изучаемых обычно агробиологами. В то же время белозерские отмывки добавляют 17 новых пунктов на карту находок зерновых материалов XI–XIII вв. в лесной зоне Древней Руси, на которой ранее значилось 38 точек (Кирь-

© Н.А. Макаров, С.Д. Захаров, Н.А. Кирьянова, 1998 г.

янова Н.А., 1992, с. 20, 21), увеличивая их общее число почти в полтора раза. Зерновые материалы из Белозерья представляют существенный интерес, если учесть крайнюю неопределенность наших знаний о времени появления земледелия на Европейском Севере России и о хозяйстве финно-угорского и славянского населения, осваивавшего в X–XIII вв. северные окраины Древней Руси. Действительно, исследователи высказывали достаточно противоречивые мнения об экономическом укладе северных окраин: от полного отрицания существования здесь земледелия в X–XII вв. (Платонов С.Ф., 1923) до признания принципиального сходства экономики Севера и центральных областей Древней Руси (История северного крестьянства..., 1984, с. 46, 47).

Белоозеро, упомянутое в летописи в числе древнейших русских городов, лежит практически на границе основного ядра древнерусских земель и обширной зоны внешней колонизации, простиравшейся к востоку от Шексны и к северу от Белого озера. В районе Белого озера зафиксировано в настоящее время около 120 поселений и могильников X–XIII в., составляющих достаточно однородную в культурном отношении группу. Эта территория насыщена средневековыми памятниками значительно выше, чем лежащие к северу и востоку от нее области: Поонежье, Присухонье, Важская земля, Подвинье, хотя по сравнению с центральными районами Новгородчины, Судско-Моложским регионом, Суздальским Опольем или районом оз. Неро она выглядит слабозаселенной. Большинство поселений группируется вокруг самого Белого озера, в устьях впадающих в него рек и в долине вытекающей из него р. Шексны, некоторые поселения располагаются на мелких и средних озерах к югу, северу и востоку от Белого озера. Памятники с комплексами X в. на Белом озере немногочисленны – достоверные материалы этого периода зафиксированы примерно в 20 пунктах. Наиболее изученным памятником является поселение Крутик, почти полностью исследованное раскопками Л.А. Голубевой и атрибутированное как памятник белозерской веси (Голубева Л.А., Кочкуркина С.И., 1991). Материальная культура Крутика имеет ярко выраженный финно-угорский облик. Второй половиной X в. датируется и нижний горизонт Белоозера, однако характеристика культурного комплекса этого горизонта как чисто финского проблематична. Присутствие славянских элементов в материальной культуре белозерских памятников прослеживается с конца X в., с течением времени удельный вес их возрастает, в XII в. они становятся доминирующими. Главную линию культурного развития региона в X–XIII вв. можно определить как формирование локального варианта древнерусской культуры на основе синтеза славянских и финских элементов (Макаров Н.А., 1990). На протяжении всего периода X–XIII вв. мы фиксируем рост числа поселений и расширение освоенных территорий вокруг Белого озера. Этот процесс приобретает особенно бурный характер во второй половине XII в., когда значительно увеличивается площадь города Белоозера – экономического и административного центра региона, интенсифицируется использование белозерских волоков, открывавших дорогу на Северную Двину и Онегу, а на месте одиночных селищ формируются гнезда поселений. Существенно, что ландшафтная приуроченность поселений на протяжении всего этого времени почти не меняется: они располагаются на побережьях наиболее крупных озер и рек на невысоких береговых террасах. Огромные территории, лежащие за пределами береговой зоны, оставались совершенно не освоенными вплоть до XIV в.

Многочисленные поземельные документы конца XIV–XVI вв., сохранившиеся в архиве Кирилло-Белозерского монастыря, свидетельствуют о том, что Белозерье в этот период представляло собой развитую аграрную область, значительная часть территории которой была превращена в сельскохозяйственные угодья. Информация о более раннем периоде ограничивается археологическими, палинологическими (Афанасьева Н.Б., 1996) и антропологическими материалами. При раскопках поселения Крутик на площади около 1600 м^2 не были найдены ни земледельческие орудия, ни жернова (Голубева Л.А., Кочкуркина С.И., 1991, с. 95), поэтому вопрос о существовании здесь земледелия остался неясным. Земледельческие орудия не встречены и

на других белозерских поселениях X–XIII вв. Исключение составляет Белоозеро, в культурном слое которого найдена целая серия предметов, связанных с земледелием: наральник, плужный нож, восемь серпов, целые и фрагментированные жернова. Все эти находки относятся к XII– XIII вв. (Голубева Л.А., 1973, с. 189–191). Как свидетельства существования земледелия в регионе в XII–XIII вв. можно рассматривать присутствие пыльцы культурных злаков в пыльцевых комплексах Нефедьева, относящихся к этому периоду (Макаров Н.А., Спиридонова Е.А., 1993), и микроэлементный состав костной ткани в погребениях могильника Шуйгино, отражающий преобладание растительной пищи в диете населения (Козловская М.В., Федосова В.Н., 1992, с. 43–51). Излишне говорить о том, насколько фрагментарны эти данные, не позволяющие составить сколько-нибудь ясное представление о масштабах распространения земледелия.

Первые попытки промывки грунта для сбора зерновых материалов были предприняты Онежско-Сухонской экспедицией в 1986–1989 гг. при раскопках могильника Нефедьево (промывались грунт из сосудов, находившихся в могильных ямах, и заполнение самих могильных ям) и при раскопках селищ XII–XIII вв. в районе Великого Устюга (промывалось заполнение материковых ям). Эти попытки не дали результатов. Получить отмывки с зернами впервые удалось в 1991 г. при раскопках селищ Волок А и Волок В на Волоцком озере, а затем при обследовании одного из селищ в Киснеме, на северном берегу Белого озера в 1992 г. Хотя в обоих случаях в отмывках были представлены лишь единичные зерна, находки убедили в перспективности использования самого метода на белозерских селищах. Поэтому широкая программа выявления и фиксации средневековых памятников в районе Белого озера и Верхней Шексны, осуществлявшаяся Онежско-Сухонской экспедицией ИА РАН в 1992–1995 гг., включала в себя в качестве одного из основных элементов промывку грунта на всех поселениях с ненарушенными культурными напластованиями. Отбор проб был осуществлен в 27 точках на 22 памятниках – 21 поселении и могильнике Крохинские Пески. На всех памятниках, кроме двух (Крохинские Пески и Усть-Ситское III), в отмывках присутствовали зерна (рис. 1).

Чтобы яснее представлять репрезентативность и информативные возможности полученного материала, охарактеризуем более подробно методику отбора проб.

Как правило, промывка грунта для сбора зерновых материалов практикуется на поселениях при проведении на них более-менее широких раскопок, что дает исследователю возможность отбирать грунт с различных участков раскопа, отдавая предпочтение заполнениям жилищ, хозяйственных ям и участкам, насыщенным органикой. На Белозерье отбор проб осуществлялся в иной ситуации, обычно вне связи с раскопками (исключением можно считать работы на селищах Волок А, Волок В, селище и могильнике Пружинино I, IV и могильнике Крохинские Пески). В ряде случаев мы отбирали пробы из стенок раскопов 1970–1980-х годов, частично вскрыв засыпанные котлованы и зачистив профили (Никольское V, Крутик, Кудрино, сходный характер имели работы в Белоозере, где был зачищен обрыв берега у края старого раскопа с хорошо документированной стратиграфией). Но чаще всего пробы отбирались в шурфах, закладывавшихся на памятниках при выявлении в них ненарушенного культурного слоя, содержащего датирующие материалы. При подобном характере работ мы не всегда могли выбрать на поселении участок с наиболее насыщенным органикой культурным слоем. Кроме того, следует иметь в виду, что по внешним признакам трудно определить, насколько насыщен грунт зерновыми материалами. На поселениях Никольское IX, Карботка III, Покровское II для промывки был взят сильно гумусированный насыщенный углями и органическими остатками грунт из слоя очагов и заполнения подпечных ям, но количество зерновых материалов во всех трех случаях оказалось достаточно скромным. На поселении Никольское X высокая концентрация зерен была зафиксирована на участке с обычным культурным слоем небольшой мощности.

Включив отбор карпологических проб в программу разведочных работ, мы не всег-

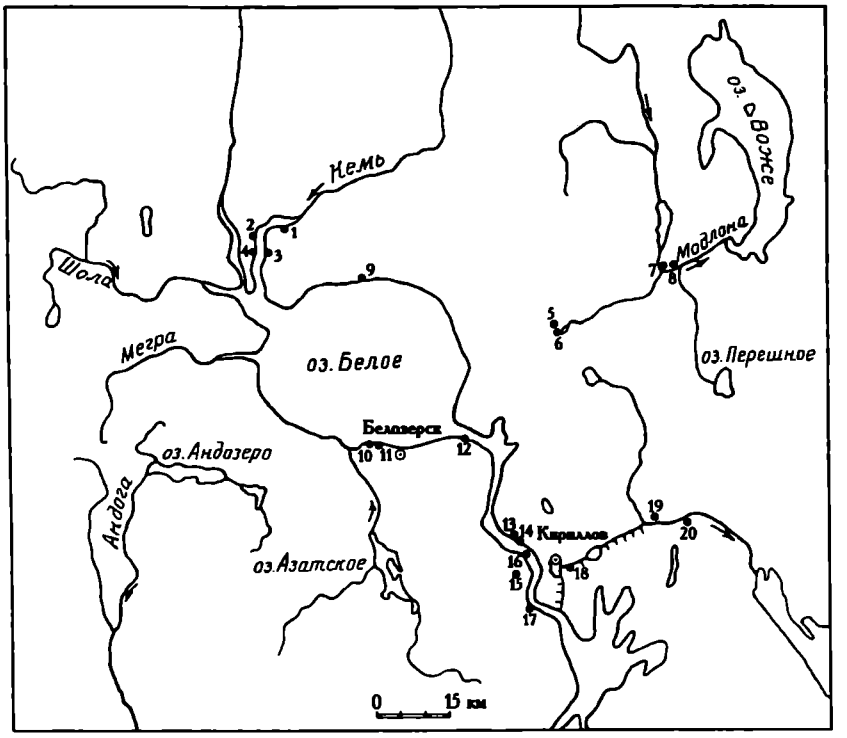


Рис. 1. Находки зерен на средневековых памятниках Белозерья. *1* – Покровское II; *2* – Никольское V; *3* – Никольское IX; *4* – Никольское X; *5* – Волок В; *6* – Волок А; *7* – Погостище III; *8* – Погостище VI; *9* – Троицкое VI; *10* – Маэкса I; *11* – Маэкса II; *12* – Белоозеро; *13* – Пружинино II; *14* – Пружинино IV; *15* – Крутик; *16* – Федосьин Городок; *17* – Шуклино; *18* – Карботка III; *19* – Гора; *20* – Кудрино

да располагали возможностью промыть на обследуемых памятниках большое количество земли. Объем грунта, отбиравшегося для промывки, колебался от 12 до 192 л, наибольшие объемы были промыты на памятниках с чистым культурным слоем X и X – начала XI в. (Крутик, Никольское V, нижний горизонт Белоозера). В то же время в ходе обследований мы смогли проверить присутствие зерен на целой серии близких по времени памятников и таким образом получить представление об общем состоянии аграрного развития в Белозерском регионе в X–XIII вв.

Пробы были отобраны как на поселениях, находящихся в центре Белозерского региона, на берегах Белого озера и Шексны, так и на памятниках, расположенных на периферии, на малых и средних озерах (Волоцкое, Покровское, Лукинское) и на реках, не связанных с речной системой Белого озера (Модлона, Порозовица). Охвачены районы, лежащие к северу (Киснема, долина Кемы, Модлона), к югу (Маэкса, долина Шексны) и к юго-востоку (Волок Славенский) от Белого озера (рис. 1). Материал отобран как на рядовых сельских поселениях, так и на памятниках, являвшихся крупнейшими историческими центрами региона – на Белоозере и на поселении Крутик. Хотя памятники, на которых производилась промывка культурного слоя, составляют примерно одну шестую от всех зафиксированных в этом районе поселений X–XIII вв., пробы собраны почти на всех памятниках, где такие работы в принципе возможны – на большинстве остальных культурный слой сильно нарушен распашкой или размыт и в силу этого мало пригоден для флотации.

Все зерна найдены в обугленном состоянии. Поверхность их зачастую повреждена. В подсчетах учитываются целые зерна и те обломки, которые удается отнести к определенному роду хлебных злаков. Мелкие обломки подсчитываются отдельно.

Наибольшее количество зерен и наиболее высокая концентрация их в культурном слое отмечены в пробах, собранных на двух памятниках – на Белоозере в центральной части города (слои второй половины X – начала XI в. и XI в.) и на поселении

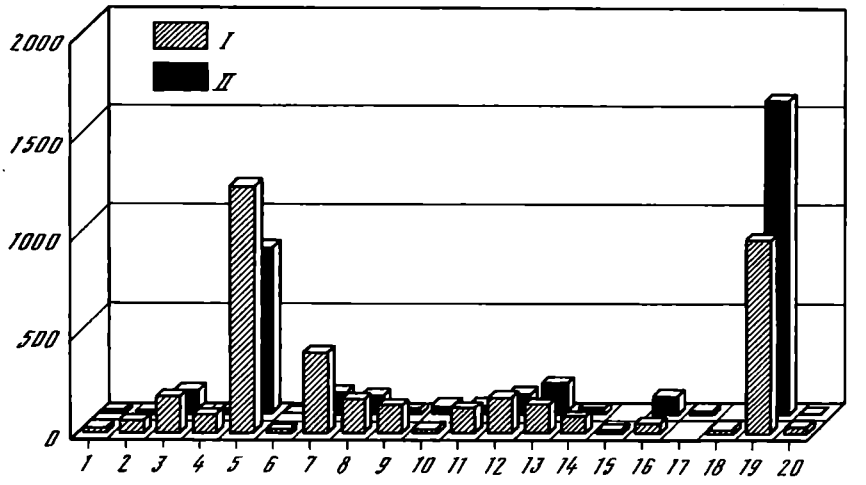


Рис. 2. Насыщенность культурного слоя средневековых поселений Белого озера и Верхней Шексны зернами злаков и их обломками (в пересчете на равный объем промытого грунта). I – целые зерна; II – обломки зерен. *1* – Крутик; *2* – Волок В; *3* – Никольское V; *4* – Пружинино IV; *5* – Белоозеро; *6* – Никольское IX; *7*– Маэкса II; *8* – Карботка III; *9* – Кудрино; *10* – Гора; *11* – Покровское II; *12* – Погостище III; *13* – Погостище VI; *14* – Волок А; *15* – Шуклино; *16* – Троицкое VI; *17* – Маэкса I; *18* – Пружинино II; *19* – Никольское X; *20* – Федосьин Городок

Никольское X (слои, датированные в широком хронологическом интервале конца X–XII в. (рис. 2). На поселении Никольское V (культурный слой второй половины X – начала XI в.) получить относительно большое количество зерновых материалов удалось благодаря промывке большого объема грунта (120 л); при этом концентрация их в слое была примерно такой же, как на большинстве остальных памятников. Зерновые материалы, собранные во всех трех пунктах, довольно резко выделяются по своему объему на фоне других поселений, на которых встречено в лучшем случае по несколько десятков зерен. Очевидно, контраст во многом объясняется случайными обстоятельствами: в центральной части Белоозера и на Никольском X пробы были взяты на участках, где залегают скопления зерен, не прослеженные во время полевых работ, но четко фиксируемые при лабораторном исследовании образцов. Интересно отметить, что в зачистке культурного слоя в западной части Белоозера зерновые материалы не были обнаружены вовсе. Таким образом, у нас нет достаточных оснований полагать, что Белоозеро и поселения Никольское V и Никольское X реально выделялись по количеству хранившегося здесь зерна или по своему особому земледельческому характеру.

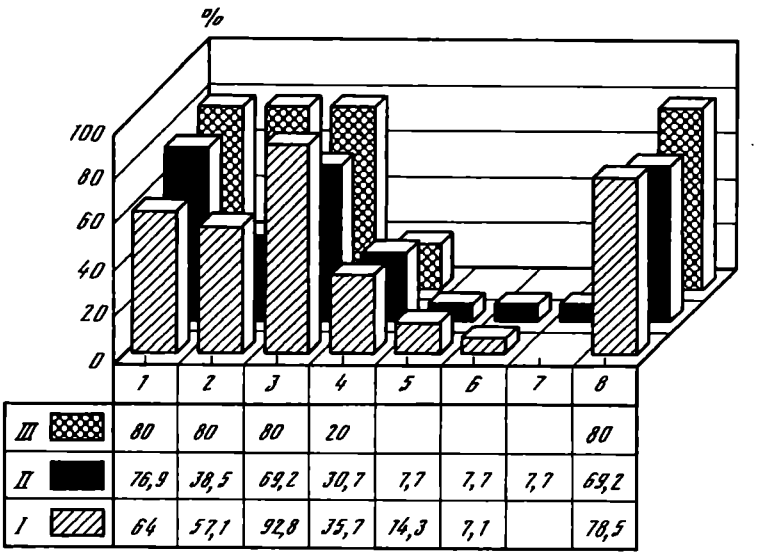
Часть проб, собранных на белозерских поселениях, датируется в относительно широких хронологических рамках XI–XIII вв. (Маэкса I, Пружинино II, Никольское X, верхний слой Белоозера), хронологические позиции других определяется более точно. Эти отмывки разделены нами на две хронологические группы: раннюю – X–XI вв. (Крутик, Волок В, Никольское V, Никольское XI, нижний слой Белоозера, Пружинино IV) и позднюю – XII–XIII вв. (Маэкса II, Карботка III, Кудрино, Гора, Покровское II, Погостище III, Погостище VI, Волок А, Шуклино, Троицкое VI). В обеих сериях присутствуют отмывки, имеющие еще более узкие даты. Мы располагаем, таким образом, некоторыми данными для оценки динамики изменения состава сельскохозяйственных культур на Белом озере в X–XIII вв.

Период X–XI вв. представлен 14 отмывками с 6 памятников (таблица). По встречаемости в пробах на первом месте стоит ячмень, на втором – рожь, третье место занимает пшеница и на четвертом месте находится овес. Горох, лен и конопля встречены каждый в одной пробе. Древнейшие зерновые находки в рассматриваемой серии относятся к X в., причем материалы Крутика могут быть надежно датированы временем ранее последней четверти X в. и связаны с финно-угорской средой, мало

Находки зерен в отмывках культурного слоя памятников на Белом озере и Верхней Шексне

№ п/п	Памятник	Время	Рожь	Пшеница	Ячмень	Овес	Горох	Лен	Конопля	Обл. зер.
1	Крутик	конец IX–X в.	–	–	3	–	–	–	–	1
2	То же	То же	1	1	12	3	–	–	–	17
3	"	X в.	–	–	2	–	–	–	–	–
4	"	То же	–	1	–	–	–	–	–	–
5	Волок В	"	1	1	2	–	–	–	–	1
6	Белоозеро	X – начало XI в.	145	30	156	3	–	–	–	140
7	То же	То же	–	–	1	–	–	–	–	1
8	"	"	1	1	1	–	–	–	–	1
9	"	XI в.	96	26	195	2	–	–	–	320
10	Никольское V	вторая половина X в.	30	7	20	2	5	2	–	40
11	То же	То же	30	3	17	2	3	–	–	40
12	Пружинино IX	X–XI вв.	1	–	7	–	–	–	–	–
13	То же	То же	–	–	4	–	–	–	–	–
14	Никольское IX	вторая половина X–XI вв.	1	–	1	–	–	–	–	1
	Итого	X–XI вв.	306	70	421	12	8	2		562
15	Маэкса II	XII–XIII вв.	–	1	26	–	–	–	–	7
16	Карботка III	XII в.	13	–	8	1	–	–	–	12
17	Кудрино	XIII в.	3	1	3	2	–	7	1	4
18	Гора	То же	1	1	–	–	–	–	–	6
19	Покровское II	XII–XIII вв.	14	–	3	–	–	–	–	7
20	Погостище А	конец XII в.	24	1	1	5	4	–	–	2
21	Погостище Б	первая половина XII в.	14	3	5	2	–	–	–	25
22	Волок А	XII–XIII вв.	6	–	–	–	–	–	–	4
23	То же	То же	1	–	–	–	–	–	–	–
24	"	"	–	–	1	–	–	–	–	–
25	"	"	3	–	–	–	–	–	–	–
26	Шуклино	"	–	–	1	–	–	–	–	–
27	Троицкое VI	XIII в.	2	–	1	–	–	–	–	6
	Итого	XII–XIII вв.	81	7	49	10	4	7	1	73
28	Маэкса I	XI–XII вв.	–	–	–	–	–	–	–	1
29	Пружинино II	То же	1	1	1	–	–	–	–	–
30	Никольское X	конец X–XII вв.	115	74	4	3	–	–	–	320
31	Белоозеро	XI–XII вв.	17	19	30	–	–	–	–	21
32	То же	То же	12	5	12	–	–	–	–	24
	Итого	конец X–XII вв.	145	99	47	3				366
33	Федосьин Городок	XV–XVI вв.	3	1	–	1	–	–	–	1

затронутой славянским влиянием. На поселении Крутик представлен характерный набор сельскохозяйственных культур, включающий рожь, пшеницу, ячмень и овес, при этом зерна ячменя заметно преобладают над зернами остальных растений. Те же злаки, за исключением ячменя, встречены на синхронном Крутику поселении Волок В. Пробы, собранные на поселении Никольское V и в нижнем слое Белоозера, имеют, очевидно, несколько более позднюю дату (вторая половина X – начало XI в.) и связаны со своеобразным культурным комплексом, характеризующимся сочетанием славянских и финских элементов. При сравнении зерновых материалов Крутика и Никольского V – близких по времени поселений со сходными характеристиками культурного слоя – нетрудно заметить, что на втором памятнике концентрация зерен значительно выше. Отчетливо фиксируется также более высокая доля ржи в ассор-



	1	2	3	4	5	6	7	8
III	80	80	80	20				80
II	76,9	38,5	69,2	30,7	7,7	7,7	7,7	69,2
I	64	57,1	92,8	35,7	14,3	7,1		78,5

Рис. 3. Частота встречаемости зерен различных культур на средневековых поселениях Белого озера и Верхней Шексны в различные периоды (процентное содержание отмывок с зернами различных культур в общем количестве отмывок с зернами) I – X–XI вв.; II – XII–XIII вв.; III–XI–XIII вв. *1* – рожь; *2* – пшеница; *3* – ячмень; *4* – овес; *5* – горох; *6* – лен; *7* – конопля; *8* – обломки зерен

тименте сельскохозяйственных культур поселения Никольское V и нижнего горизонта Белоозера. В Никольском V рожь является доминирующей культурой.

Период XII–XIII вв. характеризуется преобладанием ржи в палеоботаническом спектре белозерских поселений (таблица). В 13 отмывках с 10 памятников с культурным слоем XII–XIII вв. встречены зерна тех же хозяйственных культур, что и в слоях более раннего времени, но на первом месте по встречаемости в пробах находится рожь. Ячмень стоит на втором месте, за ним следуют, как и в предыдущий период, пшеница и овес. Горох, лен и конопля встречены также в единичных пробах. Оценить изменение концентрации зерен в культурном слое по сравнению с предыдущим периодом затруднительно, поскольку на большинстве поселений XII–XIII вв. промыты сравнительно небольшие объемы грунта (12–24 л), но некоторое увеличение концентрации тем не менее фиксируется.

В немногочисленных отмывках с широкой датой (XI–XIII вв), включающих материалы обоих периодов, встречены только зерна четырех основных земледельческих культур (таблица). Значительно более поздним временем (XV–XVI вв.) датируется единственная отмывка с Федосьина Городка, содержащая единичные зерна ржи, полбы и овса.

Таким образом, в белозерских материалах почти всех периодов присутствуют зерна четырех главных зерновых культур древнерусского земледелия. Бобовые культуры представлены очень небольшим количеством гороха, а прядильные – единичными семенами льна и конопли (рис. 3). Весь набор земледельческих культур характерен для домонгольского периода земледелия лесной зоны Древней Руси.

Частая встречаемость зерен ячменя (рис. 4, *3*) в пробах X–XI вв. объясняется, вероятно, почвенно-климатическими условиями Белозерья. Встреченные зерна принадлежат скорее всего пленчатым формам дву- и многорядных ячменей. Эта культура может идти на север дальше всех других культур и требует для произрастания самую меньшую сумму положительных температур – 1750° (Прянишников Д.Н., Якушкин И.В., 1936, с. 44). Ячмень очень требователен к питательности и чистоте почв, отличается коротким вегетационным периодом и является культурой сжатого срока накопления питательных веществ (Прянишников Д.Н., 1922). Преобладание ячменя в находках характерно для ряда памятников лесной зоны, датируемых второй половиной I тыс. н.э. (Кирьянова Н.А., 1992, с. 17–20), а также для памятников железного века.

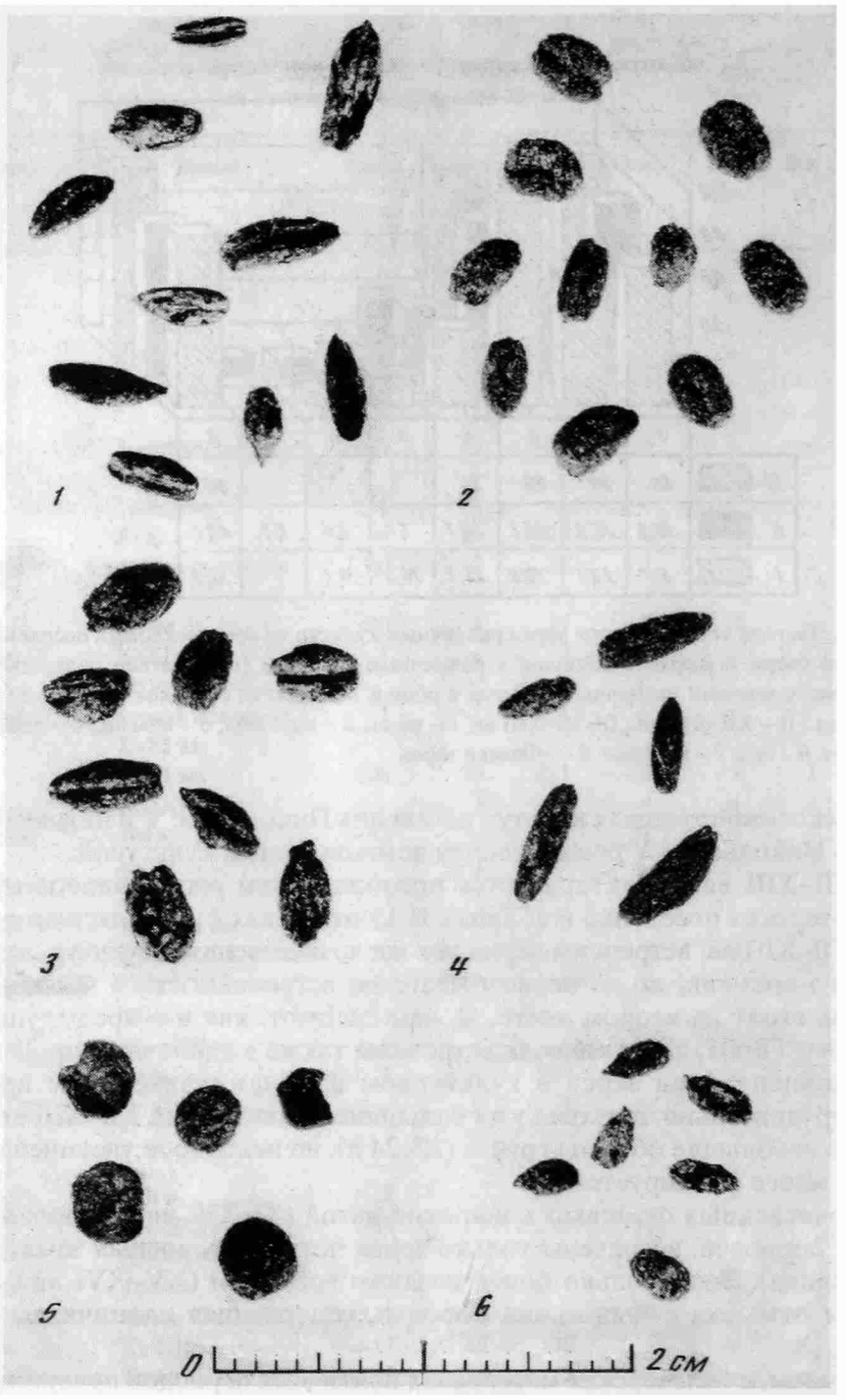


Рис. 4. Зерна из культурного слоя средневековых поселений на Белом озере и Верхней Шексне. *1* – рожь, Погостище VI, 1995; *2* – пшеница, Белоозеро, 1994; *3* – ячмень, Маэкса II, 1994; *4* – овес, Погостище III, 1995; *5* – горох, Никольское V, 1995; *6* – лен и конопля, Кудрино, 1994

Именно ячмень и рожь были основными культурами, возделывавшимися коми, как культуры, выдерживающие суровый климат северных районов (Жеребцов Л.Н., 1985, с. 33).

Озимая рожь (рис. 4, *1*) широко входит в культуру земледелия на рубеже I–II тыс. н.э. По материалам из отмывок не удается определить форму этой культуры – яровую или озимую. Но по многим средневековым памятникам лесной зоны, где найдены скопления зерна, широкое возделывание озимой формы бесспорно, хотя часть зерен

этой культуры могла принадлежать и яровой ржи. По своим биологическим особенностям рожь – культура, которая менее пшеницы и ячменя требовательна к плодородию почвы. Она может извлекать питательные вещества из более глубоких почвенных слоев. Кроме того, озимая рожь кустится с осени и обладает способностью подавлять сорную растительность и тем самым очищать посевные площади для следующих за ней культур, повышая их урожайность.

Пшеница (рис. 4, *2*) – культура, известная в земледелии Восточной Европы на протяжении нескольких тысячелетий. В древнерусском земледелии была распространена популяция культуры, состоящая из смеси мягкой и карликовой пшениц. Пшеница несколько более ячменя чувствительна к плодородию и засоренности почв. Она способна хорошо использовать свойства пласта.

Овес (рис. 4, *4*) по требовательности к почвам близок ржи, но активных температур требует больше, чем рожь и даже пшеница.

Обращает на себя внимание полное отсутствие в находках проса, в то время как в материалах домонгольского времени лесной зоны Восточной Европы зерна этой культуры встречены в 23,5% всех скоплений и в 55% памятников (Кирьянова Н.А., 1992, табл. 3, 4). Такое положение объясняется скорее всего тем, что просо чувствительно к заморозкам и требует для развития суммы положительных температур в 2300° (Прянишников Д.Н., Якушкин И.В., 1936, с. 44, 45), в то время как на территории Вологодской области наибольшая сумма температур составляет лишь 1750° (Агроклиматические ресурсы..., 1972, с. 23). Кроме того, просо принадлежит к группе культур короткого дня, которые с продвижением на север удлиняют вегетационный период (Прянишников Д.Н., Якушкин И.В., 1936, с. 45; Берг Л.С., 1938, с. 211). Археологические памятники Белозерья, на которых были собраны исследуемые материалы, являются самыми северными памятниками лесной зоны (59–61° северной широты), где просо не успевает вызреть.

Белозерские селища, на которых производился отбор проб, существенно различаются по своему географическому положению, ландшафтной приуроченности и размерам. Среди них несколько крупных поселений (площадь их варьирует от 1 до 11 га), расположенных в долине Шексны и Кемы или на побережье Белого озера на участках, которые, судя по письменным документам, возделывались в XV–XVI вв. и в настоящее время носят следы длительного сельскохозяйственного использования – селище Троицкое VI в Киснеме, поселения Маэкса I и II на южном берегу озера, поселения Пружинино II и Шуклино на Шексне, селище Покровское II на Кеме. Учитывая топографию и размеры этих памятников, находки в их культурном слое остатков зерен, документирующих существование земледелия, нельзя считать неожиданностью. С другой стороны, зерна встречены и в культурном слое небольших (площадь 400–2500 м^2) поселений, находящихся на слабоосвоенных участках Белозерья, окруженных болотами и никогда не представлявших ценности для земледелия: таких, как Волок А, Волок В, Погостище III, Погостище VI. Возможность существования земледелия на этих памятниках была малопрогнозируема – по всем характеристикам они более походили на поселки, связанные с организацией пушного промысла и обслуживанием волоков и речных путей.

Представляется существенным прежде всего сам факт присутствия зерен четырех основных сельскохозяйственных культур в культурном слое большинства поселений X–XIII вв. в районе Белого озера, однозначно указывающий на знакомство их обитателей с земледелием. Карпологические материалы позволяют говорить о существовании в изучаемом районе типичного для Древней Руси набора земледельческих культур. Как и на остальных территориях Руси, на Белозерье четко прослеживается увеличение роли ржи в сельском хозяйстве. Повторяемость находок и относительное обилие зерен в пробах, взятых в произвольно выбранных точках, в том числе на рядовых, ничем не выделяющихся селищах, делают малоправдоподобным предположение, что мы имеем дело с зерном, попавшим на север в результате торговли. Из этого не следует, конечно, делать заключение, что земледелие было

основным занятием белозерцев в X–XIII вв. и главным источником их существования. Мы располагаем выразительным археологическим и остеологическим материалом, раскрывающим исключительное значение промыслов, в том числе пушной охоты, в хозяйстве этого региона (Андреева Е.Г., 1991; Makarov N.A., 1994; Макаров Н.А., 1994; Захаров С.Д., 1996). Новые материалы документируют скорее существование на Белоозере сложного комплексного хозяйства, строившегося на сочетании земледелия, скотоводства и промыслов.

Севернее и восточнее, в частности в Поонежье и на Кубенском озере, обнаружить зерна культурных злаков в отмывках культурного слоя до сих пор не удалось. Таким образом, можно считать, что карпологические материалы, собранные на белозерских памятниках, маркируют пока северо-восточную границу распространения земледелия в домонгольский период.

Делать какие-либо заключения о системах земледелия, существовавших на Белом озере, по имеющимся материалам довольно сложно. Общий объем материалов невелик, кроме того, в коллекции отсутствуют семена сорняков, сопутствовавших зернам культурных растений. Но поскольку состав культур и их соотношение повторяют картину, зафиксированную на других памятниках лесной зоны, мы вправе предположить, что в изучаемом районе шел процесс расширения старопахотных земель, на которых использовалась для восстановления плодородия почвы паровая система земледелия. Это предположение не исключает и существования переложных участков, использовавшихся на севере в течение длительного времени. Очевидно, наличие нескольких систем и различные их комбинации характерны для средневекового земледелия Руси.

Можно ли считать финские и славяно-финские памятники X–XI вв. древнейшими на Белом озере поселениями, обитатели которых практиковали земледелие?

Дать определенный ответ на этот вопрос довольно трудно, особенно если учесть что памятники I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. в районе Белого озера никогда не были объектами целенаправленных раскопок – культурные напластования этого времени вскрывались, как правило, лишь как "сопутствующие" отложения при исследовании более ранних и более поздних комплексов. Сетчатая и гладкостенная керамика, сходная с дьяковской и датирующаяся ориентировочно второй половиной I тыс. до н.э. – первой половиной I тыс. н.э., встречена в регионе на значительном количестве памятников. Присутствие зерен ячменя и пшеницы в культурном слое дьяковских поселений на Верхней Волге (Вишневский В., 1994), казалось бы, дает основание предположить, что земледелие было распространено и на близких им в культурном отношении памятниках района Белого озера. Однако нельзя упускать из виду, что памятники с сетчатой керамикой на Белом озере и Верхней Волге существенно различаются по целому ряду характеристик: по типу поселений (среди белозерских поселений нет городищ), по их топографии (белозерские поселения располагаются на низких террасах и небольших возвышениях в пойме), наконец, по количеству встречающихся на поселениях металлических вещей (на белозерских памятниках они единичны (Манюхин И.С., 1989). Вполне вероятно, что за этими различиями стоят и различия в хозяйстве: более архаичной культуре белозерских памятников с сетчатой керамикой соответствует и более архаичный хозяйственный уклад. Еще более фрагментарны наши знания о памятниках следующего хронологического пласта – середины – третьей четверти I тыс. н.э. Комплексы этого периода зафиксированы на Белом озере лишь на нескольких памятниках, скудный материал этих комплексов не позволяет делать каких-либо выводов о хозяйственных занятиях населения (Макаров Н.А., 1986). Очевидно, этот период характеризуется заметным спадом в заселенности региона, продолжавшимся вплоть до конца I тыс. н.э. Дать определенный ответ на вопрос о существовании земледелия у финно-угорского населения, обитавшего на Белом озере в I тыс. н.э., станет возможным лишь после получения отмывок из непотревоженного культурного слоя этого времени.

При всей неопределенности наших знаний о хозяйстве населения Белозерья в

I тыс. н.э. мы имеем некоторое основание рассматривать земледелие, зафиксированное на памятниках конца I – начала II тыс., скорее как инновацию, распространяющуюся под влиянием импульсов с запада и юго-запада и связанную с мощным колонизационным подъемом этого времени, чем как развитие местной традиции сельского хозяйства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агроклиматические ресурсы Вологодской области, 1972. Л.

Альслебен А., Кенигсен Л.-К., Кролль Х., Мюллер-Вилле М., Носов Е.Н., Хаммер Т., Янсон И., 1994. Международные палеоботанические исследования в Новгородской земле (400–1200 гг. н.э.) // Археологические вести. № 3. СПб.

Андреева Е.Г., 1991. Фауна поселения Крутик (по остеологическому материалу из археологических раскопок) // Голубева Л.А., Кочкуркина С.И. Белозерская весь (по материалам поселения Крутик IX–X вв.). Петрозаводск.

Афанасьева Н.Б., 1996. Современная лесная растительность и ее история в пределах южной части Белозерско-Кирилловских гряд (Вологодская область). Автореф. дис. ... канд. биол. наук. М.

Берг Л.С., 1938. Физико-географические зоны СССР. Ч. 1. Л.

Вишневский В.И., 1994. Новые материалы о земледелии племен дьяковской культуры Верхнего Поволжья // РА. № 3.

Голубева Л.А., 1973. Весь и славяне на Белом озере. М.

Голубева Л.А., Кочкуркина С.И., 1991. Белозерская весь (по материалам поселения Крутик IX–X вв.). Петрозаводск.

Жеребцов Л.Н., 1985. Этнографический обзор народа коми // Жеребцов Л.Н., Конаков Н.Д., Королев К.С. Из жизни древних коми. Сыктывкар.

Захаров С.Д., 1996. Железные наконечники стрел из Белоозера // РА. № 2.

История северного крестьянства, 1984. Крестьянство Европейского Севера в период феодализма. Т. I. Архангельск.

Кирьянов А.В., 1959. История земледелия в Новгородской земле X–XIII вв. // МИА. Вып. 65.

Кирьянова Н.А., 1992. Сельскохозяйственные культуры и системы земледелия в лесной полосе Руси XI–XV вв. М.

Козловская М.В., Федосова В.Н., 1992. Ранние этапы славянской колонизации Русского Севера. Ч. 2. Морфофизическая изменчивость // ВА. № 86.

Кренке Н.А., 1987. Культура населения бассейна Москвы-реки в железном веке в раннем средневековье. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Макаров Н.А., 1986. О некоторых комплексах середины – третьей четверти I тыс. н.э. в Восточном Прионежье и на р. Сухоне // КСИА. Вып. 183.

Макаров Н.А., 1990. Население Русского Севера в XI–XIII вв. М.

Макаров Н.А., 1994. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. (по материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья). Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М.

Макаров Н.А., Спиридонова Е.А., 1993. К истории формирования культурного ландшафта на Русском Севере // Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы. М.

Манюхин И.С., 1989. Позднекаргопольская культура. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Монк М., 1996. Предварительный анализ растительных остатков по образцам культурного слоя Троицкого XI раскопа, собранным во время раскопок 1995 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 10. Новгород.

Петрашенко В.А., Пашкевич Г.А., 1992. К изучению земледелия Древней Руси по материалам поселения у д. Григоровка на Среднем Днепре // РА. № 1.

Платонов С.Ф., 1923. Прошлое Русского Севера. Пг.

Прянишников Д.Н., 1922. Растения полевой культуры. М.

Прянишников Д.Н., Якушкин И.В., 1936. Растения полевой культуры. М.

Туганев В.В., Ефимова Т.П., 1982. Возделываемые культуры и их засорители на полях северных удмуртов в IX–XII вв. н.э. // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы. Ижевск.

Alsleben A., 1991. Archaobotanische Untersuchungen in der Hansestadt Lubek // Offa. B. 48.
Alsleben A., Jansson I., Hammar T., Konnigsson L.-K., Kroll H., Muller-Wille M., Nosov E., 1993. Paleobotanical studies on the Novgorod Land C 400 – 1200 AD // Archaeologisches Korre spondenzblatt. V. 23. H. 4/ Mainz.
Archaeobotany, 1989. Handbook for Archaeologists. Prepeared by James. Grieg; Strasburg.
Makarov N. A., 1994. The Colonization of Volok Slavensky in the Eleventh – Thirteenth Centuries – the Medieval Economy of the New Settled Areas // Fenno-Ugri et Slavi 1992. Helsinki. Res archaeobotanicae, 1995. Kiel.
van Zeist K., Wasylkova K., Behre K.E., 1991. Progress in Old World Paleoethnobotany. Rotterdam; Brookfield; Vermont.

Институт археологии РАН,
Москва

N.A. MAKAROV, S.D. ZAKHAROV, N.A. KIRYANOVA

PALEOBOTANICAL MATERIALS FROM BELOZERYE: HISTORY OF THE CROP GROWING DEVELOPMENT ON NORTHERN BORDERS OF OLD RUSSIA

Summary

The paper is an attempt to assess the level of the agricultural development of Belozerye in the 10th-13th centuries based on the grain samples collected here over the recent years. Two thousand fully preserved and fragmented grains obtained by flotation of the occupation layer recovered from the bore pits and excavation areas come from 20 medieval settlements in the region of the Beloye lake and the Upper Sheksna.

The period of the 10th-11th centuries is presented by 14 washing-offs of six sites. Based on occurrence in the samples, barley occupies the first place, then goes rye which is followed by grain, oats takes the fourth place. Peas, flax and hemp are found each in one sample. The earliest grain finds in the series under consideration date to the 10th century, the goods of the settlement Krutik can be dated to the period preceding the last quarter of the 10th century without any doubts and can be related to the Finno-Ugric environment with practically no impact on the part of the Slavs.

The period of the 12th-13th centuries is characterized by the predominance of rye in the paleobotanical specter of the Belozerye settlements. In the 13 washing-offs from the sites with the occupation layer of the 12th-13th centuries grains of the same agricultural plants than those uncovered in the earlier layers have been found, but rye occupies the first place in the samples. It is followed by barley, then grain and oats. Peas, flax and hemp are found in single samples. There is some increase in the concentration of the grains compared to the previous period.

What is important is, first of all, the very fact of the presence of four major agricultural grains in the occupation layer of most settlements of the 10th-13th centuries located in the region of the Beloye lake that is a direct evidence of its inhabitants being engaged in crop-growing. Carpological materials allow to speak about the existence of a typical set of agricultural cultures in the region under investigation typical for Old Russia.

Критика и библиография

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРАКТИКИ

(вместо рецензии)

Автор и рецензент. В.Б. Ковалевская известна как один из зачинателей формализации археологии в нашей стране. Ее великолепное владение математическими методами и информатикой обеспечило ей видное место в истории нашей науки, причем новые методы Ковалевская не только предлагала, но и внедряла на практике сама и с помощью своих учеников. Она известный кавказовед с весьма широким диапазоном интересов – от бронзового века до средневековья – и с неоднократными выходами далеко за пределы Кавказа.

В ее только что вышедшей книге (Ковалевская В.Б., 1995) обобщены результаты размышлений над теорией и методами проблем археологии – размышлений, выросших из практики обработки полевого материала (в частности, ее личной практики). Книга названа "Археологическая культура – практика, теория, компьютер". Порядок перечисления понятий в заглавии очень точно отражает ранжирование тематики – доли, уделенные каждому из них. Читатель найдет в книге пространные рассуждения об археологической культуре, много практических разработок (собственных и привлеченных), гораздо меньше теоретического анализа и почти ничего по проблемам компьютеризации, хотя приложены таблицы расчетов, составленные на компьютере.

Книга состоит из введения, пяти глав и заключения на английском языке. Первая глава содержит историографию вопроса. Далее следуют три главы, разбирающие аспекты структуры понятия: это главы о его "внутренней структуре", о "вертикальной структуре" (периодизации) и "горизонтальной структуре" (территориальном членении и составе). За ними помещена глава об интерпретации, а перед английским резюме, вместо русского заключения – текст, так и обозначенный ("вместо заключения") и названный "Состояние и перспективы формализации в археологии". Эти вопросы рассмотрены тоже на примере археологической культуры.

Как археолог, написавший полутора десятилетиями раньше книгу по той же проблеме (Klejn L.S., 1982; Клейн Л.С., 1991а), я, с одной стороны, видимо, наиболее подготовлен к рецензированию труда В.Б. Ковалевской, а с другой – оказываюсь в трудной ситуации. Конечно, часть наших выводов совпадает, часть нет. Но если я буду акцентировать внимание на первой части, то моя рецензия будет выглядеть самолюбивой попыткой выпятить заимствования (от чего исследовательница заранее защитилась эпиграфом из Декарта – о неизбежности заимствований). А сосредоточившись на второй части, я, естественно, буду отстаивать свои взгляды и, следовательно, больше критиковать книгу, чем усматривать то положительное, что в ней, несомненно, есть. Оно вряд ли ограничивается тем, что совпадает с моими взглядами, но трудно это увидеть. Я – рецензент, вероятно, компетентный, но, безусловно, пристрастный. То, что я это сознаю, делает мою рецензию менее уверенной, но не превращает ее в менее критичную.

Предлагая книгу по теме, только что разработанной мною, В.Б. Ковалевская также ощущала некоторое неудобство и сочла уместным оговорить отличия своего подхода. Она видит их в ином объеме проработанной литературы и в иной постановке цели. Сопоставив свой список литературы со списком в моей монографии, она пришла к выводу (с. 136), что библиография совпадает всего на 12–16%, тогда как книжка моего ученика Е.М. Колпакова (1991), тоже вышедшая после моей, совпадает по библиографии с моей на 40%.

Сравнение не вполне корректно. Что толку сопоставлять полные списки литературы?

© Л.С. Клейн, 1998 г.

Ведь значительная часть ее – конкретные работы, рассматриваемые как примеры классификации разного рода и вполне в этой функции взаимозаменимые (а в небольшой книге Е.М. Колпакова таких примеров вообще нет). Различие выбора определяется всего лишь расхождением наших конкретных интересов. Есть и просто случайные ссылки на всякого рода посторонние книги, упоминаемые по дальним ассоциациям (эпиграфы, сравнения и проч.). Вот если это отсеять и оставить только теоретическую литературу по теме, тогда обнаружится совпадение книги В.Б. Ковалевской с моею, куда большее, чем на 40%. Есть и различия: мой список теоретических работ полнее, зато список В.Б. Ковалевской богаче работами по математике и, конечно, работами последних лет (вышедшими после написания моей книги).

Что касается различий по подходу, то они более существенны.

Теория и практика. "Специфику данной книги, – пишет В.Б. Ковалевская, – я вижу в попытке не отрываться от практики археологического исследования и при этом главным предметом рассмотрения выбрать теорию и метод..." (с. 137). Заниматься теорией, не отрываясь от практики ... А можно ли заниматься алгеброй, не отрываясь от арифметики? Теория предполагает отлет от эмпирического уровня, в этом ее специфика. Адресуя книгу читателю-практику, теоретик, конечно, должен пояснять свои идеи примерами, но не забывать, что он решает теоретическую задачу. Мне кажется, например, что изложение методов и понятий применения математики к археологии только выиграло, если было бы не разбросано по конкретным примерам, сгруппированным по видам археологических объектов (керамика, погребения и т.п.), а систематизировано по теоретическим проблемам. Важно ведь не что считать, а как и зачем считать. Применяя математику к керамике, фибулам, погребениям, кладам, жилищам и пр., археологи сталкиваются с общими проблемами (репрезентативность выборки, выбор методов и критериев, соответствие распределений материалу – по Гаусу, по Пуассону и т.п.). Автор говорит о них, но каждый раз вскользь, увязая в разборе конкретных разработок, важных для специалиста по данному конкретному вопросу.

Многие теоретики сейчас пишут о своей нацеленности на помощь практикам. Я ведь тоже, задумывая свою книгу, не был чужд этого желания. Но средства помощи разные. Я исходил из того, что в практике есть классификации, которые хорошо работают, и теоретический анализ должен показать, почему это так – чем они отличаются от тех, которые работают плохо. Я считал, что это для практиков важнее, чем писать о теоретических понятиях языком практики (что, кстати, и вряд ли осуществимо без ущерба для сути дела).

А именно это избрала своим девизом В.Б. Ковалевская в данной книге. По-видимому, она придает этому очень большое значение, поскольку текст в полсотни строк с изложением этого девиза подан в книге дважды почти без изменения (с. 4 и 145). Исследовательница исходит из той мысли, что результаты теоретического исследования "должны быть общепонятны и не затемнены терминологией, имеющей очень узкое хождение". Я же исходил в своей монографии из того, что терминов у нас в обиходе недостаточно по сравнению со сложившимся набором понятий, который мы осознанно или неосознанно употребляем, и что это приводит к путанице. Что термины должны отличаться от обиходных слов – чтобы не было сбоев. Конечно, в популярном тексте термины надо употреблять в меру, следить за тем, чтобы они были понятны читателю, но обходиться без них – себе дороже.

В.Б. Ковалевская, по ее словам, "ограничивала использование терминов-калек из англоязычной литературы, что вполне естественно для монографии Л.С. Клейна, которого обстоятельства вынудили печатать "Археологическую типологию" сначала в Великобритании и только почти через 10 лет в России" (с. 4, см. также 145). Произошла какая-то странная аберрация при чтении моей монографии. "Терминов-калек" с английского в ней просто нет, и переводить ее на английский было неимоверно трудно. Для новых терминов, вводимых мною, я использовал иногда (чтобы термины отличались от обиходных слов) иноязычные слова, но английские как раз очень мало. Из моих терминов (их более двухсот) всего шесть английского происхождения: патерн, фокус, фрейм, буклет, дизайн и кластер, причем пять из них уже ранее прижились в русском научном языке. Остальные термины у меня в основном сформированы из латинских и греческих корней, как это принято в русской научной терминологии. Есть несколько французских и немецких.

В.Б. Ковалевская сетует на мои "восходящие к зарубежной археологии представления о "секвенциях" (последовательностях – этот русский термин был бы предпочтительнее) ..." (с. 35). Я был бы признателен исследовательнице, если бы она указала в зарубежной археологии источник моих представлений о секвенциях, колонных и трассовых. Я-то считал, что это мое нововведение: в зарубежной литературе я ничего похожего не встречал. "Последовательность" – слово слишком широкого значения, термин же имеет более узкий смысл.

Я перенес в археологию термин из русского музыкального обихода. Английское sequence (сикуенс – последовательность) здесь не при чем (этимологически оно из того же латинского источника).

Но вернемся к принципам В.Б. Ковалевской. Она "предпочла описательные характеристики тем иноязычным терминам, которые предопределяют необходимость пользоваться словарем .." (с. 4). Странное предпочтение для теоретика. Почему же тогда она не избегает терминов "медиана", "сигма", "дисперсия"? О многих теоретических вопросах археологической классификации В.Б. Ковалевская предпочитает говорить не как теоретик, а как практик. Что же, это позволяет иногда обойтись без терминов. Но в таких вопросах, где В.Б. Ковалевская чувствует себя действительно специалистом (а она специалист первоклассный) – в археологическом применении математики и информатики, – она без терминов обойтись не может: "синергетика", "бифуркация", "кумуляты", "энтропийный анализ" – так и сыплются из-под ее пера. Она рада, что обошлась без онтологии и гносеологии. Кажется, она действительно думает, что полевому археологу ближе и понятнее негаусовы распределения, коэффициент корреляции рангов Кенделла, критерий инверсий Уилкоксона, законы Ципфа – Парето и Лотки. Все они даны без всяких пояснений. Мне это кажется очень трогательной наивностью.

Культура и типология. Хотя В.Б. Ковалевская много пишет о классификации, но ее предметом, собственно, является не археологическая классификация вообще, а одно из ее узловых понятий – археологическая культура. Это позволяет автору не только отграничить "археологическую культуру" от других родственных понятий тематически, но и обособить ее, в частности отделить от понятия "тип", с которым она тесно связана и которому, как показал ряд авторов, родственна по природе и структуре. В.Б. Ковалевская не раз подчеркивает свою неприязнь к "типу" и готовность работы скорее с "признаками" непосредственно (с. 58, 59, 72). Это вряд ли приближает нас к практике археологических исследований, потому что на практике археологи даже чаще имеют дело с "типом", чем с "культурой". Тип – это понятие, выросшее из сопоставления схожих вещей одной категории (одного функционального назначения), а вещи – это непосредственные объекты всякого археолога, выходит он на культуру или нет.

О типах В.Б. Ковалевская говорит только в связи с интуитивным подходом: "Под интуитивной классификацией понимается такая группировка материала, когда исследователь определяет соответствие каждого предмета "типовому экземпляру", причем степень соответствия не учитывается и принципы выделения "типового экземпляра" не приводятся (с. 70). А если учитываются и приводятся, но мысленный типовой экземпляр (идеал типа) все-таки налицо? Ведь это не только не интуитивная, но и вообще не классификация с ее жесткими разграничениями и каталожными ящичками.

В.Б. Ковалевская совершенно не интересуется различиями между классификацией и типологией. Эти понятия она употребляет безразлично, в основном первое. Между тем, как я старался показать в своей книге, развитие идей группирования шло по двум линиям, четко отразившимся в языке: по линии классификации и по линии типологии. Классификация оперирует четко разграниченными множествами, типология – множествами с размытыми и взаимоналагающимися границами, и для нее внутри каждого множества располагается мысленный идеал, к которому тяготеют схожие объекты. Археологическая же культура – вообще понятие скорее не классификации, а типологии. Различение этих двух видов группирования особенно важно как раз для приложения математических методов, ибо культурная реальность предстает нам в виде типов, а математические методы к ним большей частью не могут быть применены непосредственно и требуют классов, т.е. всякий раз нужен перевод типов в классы (Клейн Л.С., 1987; 1991а; с. 245, 246).

Культура как динамическая система. Соответственно московской советской традиции, идущей от Арциховского и Рыбакова, В.Б. Ковалевская рассматривает археологию, не как источниковедческую науку, а как часть истории, неоднократно подчеркивая это (с. 5, 8, 17, 19, 143): "Ответом на вопрос о том, считать археологию чисто источниковедческой наукой или частью истории, является все содержание представленной монографии" (с. 143). Мое категорическое несогласие с этим тезисом я неоднократно отстаивал и аргументировал в печати (Клейн Л.С., 1977; 1986; 1991б), так что здесь незачем останавливаться на этом. Отмечу лишь, как это сказывается на трактовке археологической культуры.

В.Б. Ковалевская понимает ее как "динамическую систему всех археологических памятников" (с. 3, 4, 113). Она пропускает археологическую культуру через бифуркации, флуктуации, говорит о ее формировании и развитии и ставит перед археологом задачу выявлять

закономерности этих процессов посредством установления меры организованности ... Чего? Археологической культуры. Но она же мертвая! Мне уже доводилось писать о том, что в отличие от живой культуры археологическая культура не может считаться динамической системой. Она – система псевдо-динамическая, т.е. в ней движения и эффекты живой динамической системы отражаются опосредствованно – в мысленной траектории через ряд статических состояний, и только так. Каждое изменение в археологической культуре нельзя трактовать как результат непосредственного воздействия тех или иных социальных или природных импульсов – войн, торговли, засух и т.п. Могут сказываться и некие постдепозиционные факторы (изменяющие именно мертвую культуру) и, чтобы вычленить прижизненные, надо источниковедчески исследовать те. Между процессами действительного развития социокультурных общностей и организованностью археологической культуры – огромное расстояние и множество "искажающих" сил.

Структура археологической культуры. Изучая археологическую культуру прежде всего как источниковедческое понятие, причем с позиций формализации, В.Б. Ковалевская, естественно, должна была заняться его структурой. Действительно, этому посвящены три из пяти глав ее книги. Дело в том, что структуру она рассматривает в разделении на три аспекта – на три отдельные структуры: внутреннюю, вертикальную и горизонтальную. Под внутренней структурой, хотя это нигде четко не сформулировано, она понимает содержательный состав культуры: материальные объекты, которые ее составляют. Под вертикальной структурой – протяженность и члененность культуры во времени, ее периодизацию, членение на фазы или хронологические варианты. Под горизонтальной структурой – ее пространственный состав, членение на локальные варианты (а может быть и объединение в провинции и т.п.).

Наименования вряд ли удачные. Внутренней структуре логично противостояла бы внешняя, но ни вертикальная, ни горизонтальная на такой статус не претендуют. Они все внутри. Вертикальная и горизонтальная структуры – это просто переименования более точных и понятных привычных выражений "хронологическое членение" и "пространственное членение". Тогда внутренняя останется просто структурой. И это тоже будет понятнее. Почему автор отказался от этих простых и понятных выражений – неясно.

Анализируя эти три структуры археологической культуры, автор пишет, что "относительно ее внутренней структуры наблюдается наибольшее, пожалуй, единство во взглядах" (с. 56). Правда, дальше она отмечает, что в дефинициях культуры "характеристика горизонтальной структуры значительно более единообразна, чем характеристика внутренней и вертикальной структур" (с. 113). Несмотря на это единообразие и согласие что-то здесь не ладится.

Как верно отмечает В.Б. Ковалевская, в археологии все время происходят "споры, в каком случае мы имеем дело с хронологическим этапом, а в каком с локальным вариантом" (с. 100). Так, в частности, обстояло дело с вариантами срубноандроновской общности, так и с кавказской культурой бронзы, а в одном случае было даже объявлено, что общность (катакомбная – в книге Т.Б. Поповой) содержит четыре локальных варианта и один хронологический – понимай как хочешь! В.Б. Ковалевская констатирует, что "дискуссионность основных проблем с течением времени усиливается, но не уменьшается ... причем меньше всего причиной этого является недостаточное количество материала" (с. 101). И она очень точно уловила значение этого синдрома: "Здесь мы вплотную подходим к вопросу, имеющему теоретический интерес: каковы соотношения внутренней, вертикальной и горизонтальной структур при решении проблемы выделения локальных вариантов внутри АК?" (с. 115). Однако решения загадки этого синдрома исследовательница не дала, разменяв общетеоретический вопрос опять на конкретные решения частных вопросов об отдельных вариантах тех или иных культур.

Между тем разгадка этого синдрома проста. Методически неверно делить каждую культуру дважды – отдельно на локальные и хронологические варианты: ведь те и другие складываются из одних и тех же компонентов и определяются одними и теми же признаками, из которых каждый может иметь значение в одних случаях хронологического индикатора, в других – картографического. Членить археологическую культуру нужно прежде всего типологически – по сочетаемости и группировке ее морфологических элементов. Будучи выделены, ее типологические варианты займут определенное место и во времени и в пространстве – и на хронологической таблице, и на карте. Те из них, которые гораздо меньше всей культуры по хронологической протяженности (но не по территории) и смыкаются во времени с другими такими вариантами, приобретут статус чисто хронологических, а те, которые меньше культуры по территории (но не по длительности) и соседствуют на

ней с другими вариантами, окажутся чисто территориальными (локальными), но это предельные казусы. Чаще важны оба параметра типологического варианта – и пространственный, и временной, его границы во времени и пространстве. Обычно они очень индивидуальны для каждого типологического варианта, что не позволяет разместить варианты как ячейки единой сети с прямолинейным вертикальным и горизонтальным членением, разве что очень условно.

А это значит, что неверно рассматривать три аспекта структуры как равнопорядковые и рядомположенные структуры. У археологической культуры есть структура (как характеристика она не имеет множественного числа), выражаемая типологическими средствами, а у последней есть два естественных ракурса рассмотрения – временной и пространственный, приложимые к каждому ее компоненту. В этом смысле все относящееся к этой теме построение В.Б. Ковалевской может иметь резон лишь при историографическом рассмотрении темы (уж коль скоро она исследовалась именно так, порознь), но вряд ли приложимо к теоретическому решению проблемы.

Для структуры очень важно определить основные структурные единицы археологической культуры – типы ли это, признаки, вещи, комплексы и т.п. Этот раздел в книге В.Б. Ковалевской (с. 56–58) крайне невелик и слабо разработан. В выборе структурных единиц она останавливается на "памятниках", ничем этого не мотивируя. Да и как мотивировать такой сугубо далекий от задач формализации выбор: ведь "памятник" – понятие очень многозначное. Более того, памятник может быть и многокультурным. Ковалевская пишет, что ее "внутренняя структура" – это примерно то же, что у Клейна "культурный комплекс" (с. 34). Но мой "культурный комплекс" ("фокус") состоит из взаимосвязанных типов со встречаемостью в комплексах; с ним ассоциирована "культурная группа" – совокупность схожих комплексов (связанная проявлением одного фокуса). Оба понятия характеризуют археологическую культуру в плане ее структуры и обусловливают ее место во всей системе археологической классификации (уровнем выше типов, но в той же линии). Памятники остаются далеко в стороне. На мой взгляд, не видеть структурного родства типа и культуры нельзя.

Культура и этнос. Хотя интерпретация на схеме В.Б. Ковалевской (рис. 1) весьма богата компонентами (тут и социум, и миграции, и происхождение и пр.), главу об интерпретации археологической культуры автор посвятила почти исключительно связям культуры с этносом. С сочувствием отозвавшись о предостережениях Куфтина, Монгайта и др. от принципиального отождествления культуры с этносом, В.Б. Ковалевская делает неожиданный поворот на всем скаку и признает, что "создатели АК безусловно являлись носителями этносоциального организма" (с. 126).

Это не случайная оговорка, есть и обоснование. Определение этноса исследовательница берет у В.В. Пименова, расценивая его дефиницию как очень влиятельную среди археологов. Это странно – ведь статья Пименова появилась в не самом распространенном археологическом издании ("Вопросы археологии Урала") в 1975г. и ссылок на нее мало. Согласно В.В. Пименову (1975, с. 29), "этнос есть относительно автономная, сложная, исторически возникшая, динамическая, самовоспроизводящаяся и саморегулирующаяся социальная система, компоненты которой – демографическая, пространственно-географическая, экономическая, социальная, языковая, культурная, бытовая и психологическая субкультуры – связаны отношениями числа, порядка, направления, силы, координации и субординации". Со времени публикации этой статьи появилось много гораздо более авторитетных и, главное, дельных определений. Что же привлекло В.Б. Ковалевскую в дефиниции В.В. Пименова? Вероятно, язык системного подхода.

В.Б. Ковалевская убеждена, что подстановка понятия "археологическая культура" вместо "этноса" в данном определении оставляет его истинным по крайней мере на 90%". На каком компьютере вычислены эти 90%? Перечисленные субструктуры, рассуждает далее В.Б. Ковалевская, они же комплексы специфических элементов, находят отражение как в археологической, так и в этнографической системах (здесь опять смазано различие между живой системой и ее мертвым, частичным отражением). Поскольку, продолжает исследовательница, похоже характеризуют этнос другие авторы (Геродот, Сыма-Цянь), эти комплексы важны как этнодифференцирующие признаки. Логика этих рассуждений от меня ускользает, а исходное положение я должен забраковать.

Дефиниция В.В. Пименова – откровенно слабая по двум причинам. Во-первых, она не улавливает специфику этноса – под нее можно подвести и популяцию, и корпорацию, и партию, и мафию (а вот археологическую культуру как раз нельзя: она не динамическая, не самовоспроизводящаяся и не саморегулирующаяся). Во-вторых, жесткая связь между "субструктурами" этноса ("в числе, порядке, направлении" и т.д.) как раз отсутствует – его

субструктуры могут изменяться порознь, независимо друг от друга (с чем и связаны трудности прослеживания этногенеза).

Для меня остаются в силе предостережения Куфтина и др. от принципиального отождествления культуры с этносом. Соответствие часто бывает, но его может и не быть.

Эксперимент и цель. В остальном книга оставляет двойственное впечатление. С одной стороны, масса конкретных разработок, сделанных по самой передовой методике и пронизанных здравыми рассуждениями и оценками. С другой – разработки эти в большинстве не очень укладываются в тему книги – об археологической культуре. Они посвящены скорее обработке вещественного материала вообще и классификационным проблемам в частности. При этом читателя не оставляет ощущение, что цель теоретических исследований автора не вполне ясно поставлена или, может быть, не отвечает читательским ожиданиям от автора.

Мы знаем В.Б. Ковалевскую как борца за формализацию и математизацию археологии и ожидаем от нее не только особой четкости и ясности языка, но и обоснования необходимости и полезности формализации или ее определенных форм.

Но вот пространно изложенный эксперимент, проведенный самой исследовательницей (с. 88–94). Десяти неспециалистам (непрофессионалам и археологам другого профиля) было предложено классифицировать интуитивно одну и ту же серию древней керамики, и результаты были обобщены с помощью компьютера. Что должен был выяснить, проверить, показать этот эксперимент? На мой взгляд, он проверил разброс психологических способностей к классифицированию, и только. Но В.Б. Ковалевская считает, что таким путем добыта классификация, которая может послужить эталоном для профессионалов. Она же усреднена, да еще на компьютере! К этой средней ближе оказалась классификация социолога, чем классификация археологов, и исследовательница поэтому ставит первую выше! «Эксперимент, – пишет она, – ставит своей целью проверку постулата об объективно существующей группировке сосудов (наличие "культурных типов") у создателей керамики и древнего населения, ее использовавшего». Как это? А вот почему: "Коль скоро объективно существовала в изучаемое время определенная группировка, то она могла и должна была оказать влияние на суждение экспертов" (с. 90). Но ведь для этого вывода незачем обобщать на компьютере. Да, эксперты высказались в пользу наличия неких типов в материале. Они не очень далеко разошлись (впрочем, не мера расхождения интересовала экспериментатора), но никаких доказательств, что это действительно культурные типы, эксперимент не дал.

Затем исследовательница сама с помощью компьютера классифицировала эту же серию, несколько расширив ее (проделала частично формализованную морфологическую классификацию). Ее обрадовало то, что результаты мало отошли от первых. "Следовательно, в целом автоматическая классификация, произведенная на ЭВМ, хорошо согласуется с интуитивными и полуформализованными классификациями ..." (с. 94). Это что же, подтверждение правильности автоматической классификации – в ее совпадении с интуитивными? А можно тот же вывод сформулировать и наоборот: следовательно, интуитивные и полуформализованные классификации хорошо согласуются с автоматической ... Тогда зачем вся дорогостоящая возня? Исследовательница явно доказывает не то, что хотела.

Вообще оценка эффективности классификаций недостаточно продумана автором. "Конечно, – пишет она, – если бы у нас было объективное знание о том, как группировали и как называли эти сосуды древние гончары или местное древнеосетинское население Верхнего Кобана, у нас было бы основание для проверки. Но коль скоро этих данных у нас нет, методом проверки остается сравнение данной обобщенной классификации, полученной по экспертным оценкам, с другими различными классификациями, полученными иным способом" (с. 90). То есть, не выходя из убеждения в субъективности нашего знания, приходится уповать на интерсубъективность. Слаба надежда выйти таким путем на объективное знание.

Кстати, и знание о том, как группировали и называли свои изделия древние гончары, не является абсолютным критерием истинной группировки этих изделий. У гончаров были субъективность, своя предвзятость, свои традиционные представления, искажавшие реальность, свои ошибки, своя ограниченность видения, которую как раз современные исследователи, знающие больше, могут преодолеть. Критерий проверки многие археологи-теоретики увидели в том, как классификация "работает" – как она обнаруживает связи выявленных групп с внешними данными о материале, с его средой, хронологией и т.п. Если такие связи есть, значит выявленные типы и культуры – не фикции, не наши выдумки, не просто условные рамки, наложенные на материал. В.Б. Ковалевская знает об этих критериях, упоминает о них, но оставляет втуне. А жаль.

Стиль и язык. Нужно отметить и некоторую неряшливость языка и стиля, в общем простительную для археолога-полевика, но нетерпимую в труде пропагандиста формализации теоретика столь высокого класса. Здесь мы вправе ожидать высокой точности формулировок и продуманности терминологии.

Язык книги непринужденный и легкий, но торопливый: если взять каждую фразу в отдельности, то она не всегда отточена. Часто попадаются фразы длинные и запутанные (попробуйте распутать на с. 104 на стыке колонок фразу в 110 слов!). Глава 3 начинается фразой: "Членение археологической культуры на компоненты и рассмотрение их изолированно отвечает принятой процедуре исследования, справедливо страдая схематизмом". "Справедливые страдания" мне непонятны, даже если их причиняет схематизм. На с. 117 сказано: "Исследователи оперировали одним набором признаков и приходили к альтернативным выводам" – очевидно, "к разным ..." или "к противоположным выводам".

Автор самокритично считает своей слабостью опору главным образом на франкоязычную литературу в ущерб англо- и германоязычной. Это бы не беда (кому что легче читать), если бы иностранный язык предпочтения не превращался в призму, сквозь которую автор смотрит на остальные. Режут глаз франкизированные имена английских и американских ученых: В. Тейлор, Ж. Потрац, Чайльд, Дефельсон, Ф. Холь, Вилькоксон (вместо У. Тейлора, Й. Потраца, Чайлда, Детлефсона, Ф. Хоула, Уилкоксона).

Заключение. Написал я эти критические замечания и опечалился. Ну, лучше владеет автор книги французским языком, чем английским, и ее французский окрашивает английские слова – что ж я попрекаю этим образованнейшего археолога, когда многие у нас ни одного иностранного языка толком не знают, да и русским не очень хорошо владеют. По какому праву я сетую на неловкости в том или ином компьютерном эксперименте замечательной исследовательницы, когда для большинства археологов у нас компьютер и математические методы – все еще китайская грамота? С какой стати я пеняю В.Б. Ковалевской на теоретические огрехи, когда исследователей, всерьез занимающихся теорией, – у нас раз-два и обчелся?

Но я потому и критикую своего друга В.Б. Ковалевскую, что глубоко ее уважаю и, зная ее потенциал, всегда ожидаю от нее большего, чем она на деле реализует. Но и то, что она выдает на-гора, несомненно, заслуживает самого внимательного прочтения и продумывания. Не сомневаюсь, что среди наших коллег найдется немало тех, кто увидит и подчеркнет позитивные стороны ее труда. Такой менее пристрастный рецензент, конечно, отметит, что историографические обзоры в разных главах ее труда чрезвычайно полны и полезны. Он обратит внимание на то, что франкоязычную теоретическую литературу никто не проработал у нас с такой полнотой. Он, несомненно, оценит многие разработки по применению математических методов, разбросанные по всему труду; он восхитится тем, как зорко В.Б. Ковалевская выискивает, отмечает и пропагандирует успехи молодых исследователей (например, Богачева, Слонова) на поприще математизации археологии, как многим она помогает своими знаниями и поддержкой. Наконец, он укажет на бесчисленные разработки и выводы по конкретным вопросам археологии, которыми этот труд обогатил археологию.

На этом фоне мои полемические заметки будут носить частный характер. Надеюсь, что они послужат для автора книги побуждением к дальнейшей работе, а может быть в чем-то и помогут.

Л.С. Клейн

Санкт-Петербургский государственный
университет, Европейский университет
в Санкт-Петербурге

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Клейн Л.С., 1977. Предмет археологии // Археология Южной Сибири. Кемерово.

Клейн Л.С., 1986. О предмете археологии // СА. № 3.

Клейн Л.С., 1987. Классификация и типология // Исторические чтения памяти Л.П. Грязнова. Ч. I. Омск.

Клейн Л.С., 1991а. Археологическая типология. Л.

Клейн Л.С., 1991б. Рассечь кентавра. О соотношении археологии с историей в советской традиции // Вопр. истории естествознания и техники. № 4.

Ковалевская В.Б., 1995. Археологическая культура – практика, теория, компьютер. М.

Колпаков Е.М., 1991. Теория археологической классификации. СПб.

Пименов В.В., 1975. Еще раз об определении понятия "этнос" // ВАУ. № 13.

Klejn L.S., 1982. Archaeological typology // BAR.

Ю.Б. ЦЕТЛИН. ПЕРИОДИЗАЦИЯ НЕОЛИТА ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ. М.: ИА, 1991. 195 с.

Испытание любого метода конкретным археологическим материалом всегда остается экспериментом, позволяющим выявить свойства и пределы применимости самого этого метода в гораздо большей мере, чем археологического материала. Даже исторические выводы и реконструкции, полученные в ходе такого эксперимента, остаются в первую очередь источником для проверки самого метода. Реконструкция же, имеющая реальное значение для понимания исторического процесса, возникает как синтез многих методов. Как и в любом эксперименте, необходимым условием является определение его правил и строгое следование им. Достоверность полученных выводов зависит от адекватности выбранных правил той реальности, для изучения которой ставится эксперимент. В работе Ю.Б. Цетлина эти условия соблюдены. Из предпосылок сделаны именно те выводы, которые логически из них следуют. Но верны ли предпосылки?

Исходная предпосылка следующая. Вертикальная последовательность расположения материала на памятнике совпадает с хронологической, и, выяснив эту последовательность, мы получаем и "культурную стратиграфию" – схему смены культур во времени и пространстве. Вторая предпосылка – герметичность культур. Каждая из них представляется чем-то неизменным, постоянно равным самой себе, что только и позволяет подсчитывать фрагменты покультурно, без учета изменения их во времени в пределах одной культуры.

Исходя из первой предпосылки, на памятниках вскрываются "стратиграфические контрольные участки" (СКУ) 2 × 2 м, подсчитываются разнокультурные черепки по условным горизонтам взятия в 5 см и особенности расположения черепков в слое принимаются за закономерность смены разновременных поселений. "Суть стратиграфического метода состоит в том, что археологические объекты отлагаются в слое, как правило, последовательно по мере их бытования и выхода из обращения у древнего населения, т.е. более ранние залегают ниже, чем более поздние. Основной задачей его применения является, таким образом, относительная хронологизация культурных явлений" (Цетлин Ю.Б., 1991, с. 9).

Можно несколько иначе определить содержание стратиграфического метода, представив его как способ установления последовательности событий (т.е. той же относительной хронологии) и их связи с природными факторами через наблюдения над характером слоя и выяснение связи со слоем археологического материала. Культурные остатки бывают заключены во вмещающем материале, накопление которого совершалось как естественный процесс – смыв с вышележащих участков, оседание эоловых отложений (пыль, песок), аллювиальные наносы на низких участках, нарастание торфа, а также отходы строительной деятельности (выбросы земли при рытье ям и котлованов жилищ, разрыхление ее, щепа, вышедшие из употребления конструкции), остатки хозяйственной деятельности (кухонные остатки, зола). Для выяснения условий залегания культурных остатков совершенно необходимо выяснить условия формирования вмещающего материала и попадания в него артефактов. Последовательность формирования прослоек, тем более скорость их формирования далеко не всегда очевидны и обычно требуют специального истолкования. Сверх того, слои и заключенный в них археологический материал находятся под воздействием среды, существенно изменяясь. Характер этих изменений неодинаков на разных участках поселений и тоже требует своего истолкования. Без анализа происхождения слоя вертикальная последовательность расположения материала не свидетельствует о его хронологической последовательности.

К механизму образования слоя Ю.Б. Цетлин обращается на примере формирования шлейфов поселений (с. 16, 17). И здесь, имея опыт наблюдения формирования слоя на многих стоянках со шлейфом, невозможно согласиться с Ю.Б. Цетлиным. По сути он игнорирует реальное расположение древних поселений *на берегу водоемов*, то, что в процессе жизнедеятельности человек существовал здесь на грани двух стихий и обе они – части его среды обитания. Культурный слой в прибрежной части – это вовсе не смыв с площадки и не временно обитаемые участки в моменты падения уровня водоемов, как считает Ю.Б. Цетлин. Вещи попадали в воду точно так же, как в слой жилой части поселения, будучи выброшенными или утерянными. Прибрежные склоны летних поселений бывают сплошь завалены хозяйственным мусором, отходами, и в той части склонов,

© В.В. Сидоров, 1998 г.

которые находятся ниже уровня воды, они не подвергаются антропогенному воздействию, накапливаясь строго последовательно вместе с формированием алюминия. Слои могут быть разрушены или "обогащены" последующим размывом, могут быть спроецированы на единую плоскость размыва или снесены в глубинные участки водоема, где в таком случае формируется переотложенный слой. Прибрежные слои никогда не залегают строго горизонтально, имея выраженное падение от берега. Сверх того, существенно меняется их литологический состав, что, конечно, не облегчает работу с материалами шлейфов. Нужно учитывать и проницаемость некоторых слоев. Так, детритовая взвесь позволяет проваливаться предметам на разную глубину в зависимости от удельного веса, положения в слое, площади и формы предмета.

Неверно представление Ю.Б. Цетлина о бедности шлейфов. Он, видимо, основывался на одном типе поселений – зимнем. Шлейфы же разносезонных поселений резко различаются по насыщенности. Так, Языково 1, Маслово Болото 2, 4, Никольская-Правая имели исключительно богатый шлейф, а Ловцы 1, площадка которого не менее насыщена, чем у названных, – очень бедный: здесь жилая площадка отодвинута от кромки берега. Таким образом, не оправдан был отказ Ю.Б. Цетлина от работы со шлейфами: именно здесь можно было найти богатейшие и надежно стратифицированные участки. Ю.Б. Цетлин же предлагает отказаться от поиска стратифицированных участков и основываться на методе погоризонтальной статистики, примененной им для площадей по 4 м^2 (с. 113).

Жилые площадки поселений сложны для стратиграфических наблюдений. Никакой гарантии отсутствия переотложения значительного объема культурного слоя в процессе строительной деятельности, особенно на тех памятниках, где имеются волосовские слои, нет. Сооружение одного жилища – это переотложение десятков кубометров слоя, который оказывался рассеян на уровне жилой поверхности волосовского времени и обогащен материалом предшествовавших периодов. Множество хозяйственных ям волосовских поселений также перемещали в верхние слои ранний материал, а волосовский – в низ культурного слоя. Такие детали удается заметить при широких раскопках, регулярных разрезах, профилях (отсюда – необходимость внимания к детальной, тонкой стратиграфии), но мало шансов зафиксировать их на площади в 4 м^2. Контрольные участки могут обладать какой-то достоверностью лишь в сочетании с широкими раскопками, которые позволили бы понять природу формирования слоя. Такой привязки Ю.Б. Цетлин не делал, проигнорировав даже готовые наблюдения над стратиграфией, сделанные его предшественниками (в частности, это касается Языково 1, где и Ю.Н. Урбаном, и мной наблюдалось 3–4 литологически выраженных культурных слоя, а не 1–2, как это удалось ему), поэтому достоверность наблюдаемой им стратиграфии для культурной интерпретации можно считать основанной лишь на вере и в горизонтальность и последовательность напластований слоев.

Поскольку исходный постулат оказывается недостоверным, нет смысла анализировать и конкретные ситуации, прослеженные автором по 21 участку. Истолкование приведенных им наблюдений может быть и культурно-стратиграфическое, какое дает Ю.Б. Цетлин, а может быть и чисто стратиграфическое и показывать не смену культур, а особенности формирования слоя из выбросов на данном конкретном участке. Вопреки утверждению автора, строительный выброс вовсе не обязательно ведет к измельчению черепков. Наоборот, формирование мягких отвалов нередко способствуют сохранению таких фрагментов. Это я наблюдал на поселении Маслово Болото 8, где выброс из котлованов волосовских землянок, легший поверх части волосовского слоя и более древних слоев, содержал более крупные фрагменты сосудов, чем на участках, не затронутых строительной деятельностью, где они, залегая в нормальной хронологической последовательности, оказались основательно растоптанными.

Интересно проследить, что разнокультурные слои самых различных поселений на удаленных друг от друга озерных системах обладают устойчивыми различиями и сходством со слоями той же культуры. Это можно объяснить формированием слоев в одинаковых климатических условиях (с одинаковым количеством осадков, сходным типом растительности и эоловых процессов), но не менее вероятны здесь антропогенные факторы – одинаковый образ жизни, одинаковый состав отходов (особенно существенно для изменения характера слоя использование моллюсков, которое изредка удается наблюдать в волосовских слоях), а также одинаковая интенсивность перемешивания слоя, что связано с сооружением землянок, ям. Так, верхневолжские и раннельяловские слои формируются в слабогумусированных толщах, что связано с незначительностью антропогенного воздействия этих поселений из-за их относительной кратковременности. Слои среднего и

позднего этапов льяловской культуры формируются в темно-гумусированных толщах, уплотненных и достаточно однородных, что определяется длительной оседлостью и малым количеством ям, которые привнесли бы в гумусные слои материковые выбросы. Волосовские слои отличаются большой пестротой, рыхлостью и, как правило, присутствием мергеля, происхождение которого можно было бы связывать с обилием ракушек, но сохраняются они редко.

Предположим, что пики частот встречаемости крупных черепков в СКУ действительно отражают реальные поселения разных культур. Тогда следовало бы показать реальное содержание каждого периода – в какой форме льяловская культура сосуществует с верхневолжской, а в какой – с волосовской. Ю.Б. Цетлин этого, однако, не делает, предлагая вместо археологической конкретики статистику признаков, связь которых с тем или иным слоем (а не с теоретическими положениями, вытекающими из связей признаков, основанных на совпадении их названий) не дается. Основанием для выяснения культурного взаимодействия остается не реальный комплекс, а идеальный образ сосуда, сконструированный для каждой из культур.

Далеко не всегда понятно, почему выбраны эти, а не иные признаки, почему вместо реального штампа – а именно их специфика в значительной мере определяет облик керамики разных культур и этапов – используются "основные морфологические черты орнамента", например ямка, чем бы она ни наносилась. Но у верхнеднепровской неолитической культуры все ямки делались только палочкой, обмотанной тонким шнуром, льяловские – белемнитом, а волосовские – углом гребенчатого штампа. Общее у этих ямок – только название. Под морфологической группой понимается всего лишь общий вид, но лишь такой, каким он видится исследователю. Костные штампы или штампы из ископаемых раковин, а также из намотанного на палочку шнура попадают, по-видимому, в гребенчатые, а пунктирному, который представляет собой просто тонкий зубчатый штамп, нередко переходящий далее в обычный средней ширины, потребовалась почему-то особая морфологическая группа.

С примесями в тесте тоже далеко не все ясно. Так, поздняя льяловская керамика (а по количеству она обычно преобладает на многослойных памятниках) не имеет в тесте дресвы. По Ю.Б. Цетлину же, дресва – обязательный признак ямочно-гребенчатой керамики. Обязательность присутствия птичьего помета почти во всех типах керамики, на которой настаивает Ю.Б. Цетлин, позволяет выдвинуть гипотезу о естественном происхождении этой примеси в составе озерной глины. Неясно, почему он игнорирует примесь птичьего пуха в волосовской керамике, явственно читаемую во всех черепках, а на позднем этапе – абсолютно господствующую. Наши эксперименты показали, что эта примесь технологически оправдана – тесто с примесью пуха упруго, не дает трещин при высыхании. Видимо, он считает эту примесь сопутствующей помету, но по количеству она явно не случайна. К тому же ее совершенно нет в составе тех черепков, где он видит тот же помет, но не относящихся к волосовской культуре: ни в одном льяловском, ни в верхневолжском черепке не встречено ни одного отпечатка пера. Вызывает сомнение достоверность определения шамота в ранненеолитической керамике. Эксперимент с лепкой и обжигом из не полностью размоченной глины показал, что при этом в керамике наблюдаются точно такие же вкрапления, какие в верхневолжской керамике принимаются за шамот.

Невероятная ситуация складывается и с взаимодействием разных культур. Если ранняя волосовская керамика обязательно имеет в своем составе примесь раковины, то в поздней льяловской, которую Ю.Б. Цетлин считает синхронной волосовской, нет ни раковины, ни пуха, ни следов влияния волосовской. Пористость же некоторых льяловских сосудов сближает, и то чисто внешне, поскольку в льяловской керамике пуха нет, с поздним, а не с ранним этапом волосовской. Нет на этом этапе и следов воздействия льяловской культуры на волосовскую. Примесь дресвы характеризует некоторые волосовские сосуды финального этапа и никак не может связываться с льяловским влиянием, поскольку сама льяловская керамика давно ее утрачивает. Исключения есть, и именно они показывают реальные этнические процессы, а вовсе не статистика черепков и их элементов.

Вопрос отношения верхневолжской и льяловской культур не нов. Ю.Н. Урбан впервые высказал мысль об их генетической преемственности (Урбан Ю.Н., 1976) , опровергаемую Д.А. Крайновым (Крайнов Д.А., 1986) и Ю.Б. Цетлиным (Цетлин Ю.Б., 1988). В настоящее время материалов, подтверждающих точку зрения Ю.Н. Урбана, прибывает. Стратифицированные памятники дали одну схему развития ямочно-гребенчатой керамики от архаичной гребенчато-ямочной, сохраняющей ряд верхневолжских элементов, к чистоямочной, в которой уже невозможно узнать ни одной верхневолжской черты (Сидоров В.В., 1991).

Поздний этап верхневолжской культуры все больше показывает протольяловских черт. Так, к этому этапу полностью изчезает пластинчатая техника и облик каменной индустрии становится вполне льяловским. В технологии керамики тоже видны льяловские черты: обильна примесь дресвы, появляется яйцевидность форм сосудов, донышко становится одинаковой толщины со стенками, используются те же штампы, что стали определяющими для льяловской, за исключением одного – белеменита: с появлением его керамика становится уже собственно льяловской. Ни верхневолжская, ни льяловская керамики не остаются неизменными, меняются технология, тоже отнюдь не единая для всей культуры, формы, орнаментация. В архаичных льяловских комплексах изредка встречаются сосуды с примесью шамота (?), с заглаженной поверхностью, неглубоко вдавленным штампом, часто используемым в "скорописной манере", т.е. как отступающий верневолжский штамп. Все это можно было бы рассматривать как результат взаимодействия культур, как ассимиляционный процесс, если бы был хоть один достоверный случай, когда типичный льяловский комплекс предшествовал бы верхневолжскому. Таких случаев нет. Чистые комплексы, без следов взаимодействия, разделены промежуточным, который следует считать переходным, а не гибридным, так как в таком случае получается, что один из родителей "гибрида" младше собственного "ребенка". Не дает Ю.В. Цетлин никакого объяснения и такому факту, что в комплексах тех выделяемых им этапов, когда каждая из культур остается в одиночестве, следы былого взаимодействия исчезают полностью.

Переходные комплексы сейчас известны на большой территории – это Бабулек 3 на Валдае, Маслово Болото 5, 8, Воймежная, Владычино-Береговая в Мещере, Языково, Замостье 7. Характерно также, что именно архаичные формы гребенчато-ямочной керамики встречаются наиболее широко, повторяясь во всех деталях на Цне, Мокше, Ижме, Выге, Синдоре, Сейме, Мсте, а не только в Волго-Окском междуречье. Это говорит о гораздо большей подвижности населения именно с архаичной по нашему толкованию (гибридной – по Ю.Б. Цетлину и Д.А. Крайнову) керамикой, чему соответствует и кратковременность стоянок раннего неолита.

Плавность выработки льяловских черт в верхневолжской культуре свидетельствует об их генетической преемственности. Совсем иная картина наблюдается в отношениях с волосовской. Появление протоволосовских комплексов в западной части Волго-Окского междуречья ведет к исчезновению здесь льяловской культуры. Гребенчатые котловидные сосуды их не имеют ничего общего с позднельяловскими ни в технологии, ни в орнаменте, ни в форме и оформлении венчика. Но, видимо, не все льяловские группы оказались вытеснены. Часть их взаимодействовала с волосовцами. Этим можно объяснить появление костяной скульптуры, набора орудий, раковинной примеси в тексте и изредка – типичных волосовских штампов у финально-льяловских групп Борани, Балахинской низины, Центральной Мещеры. Здесь мы действительно фиксируем сосуществование двух культур.

Гораздо слабее заметны следы льяловского влияния на волосовскую культуру – это несколько сосудов с имитацией льяловского ямочного рисунка. В стратифицированных памятниках такая керамика зафиксирована в конце раннего этапа (Никольская-Правая и Маслового Болото 4 – в надежно делящихся зольниками мощных волосовских слоях). Непонятно, о какой ямочности волосовской керамики говорит Ю.Б. Цетлин, когда приводит для нее 85,5 и 41,8%. Видимо, здесь речь идет всего лишь о глубоко вдавленных зубчатых штампах.

Однако вытесение одной культуры другой – это совсем не тот процесс, какой видится Ю.Б. Цетлину в виде постепенных просачивания и вытеснения с периодическими возвратами. Речь должна идти о занятом пространстве с ограниченным количеством экологических ниш, вытеснение группами друг друга не могло не сопровождаться конфликтами. Постепенно такие вопросы не решаются, что мы видим на примере западных льяловских групп, которые после вытеснения оказываются далеко за пределами своих родных мест. То же происходило и с "лапчатой" керамикой при миграции среднеднепровской культуры на территорию верхнеднепровской.

Каковы же положительные итоги экспермента? Их немного. Среди них – доказанность недостаточной информативности мелких черепков, которая полностью перекрывается информацией о распóложении крупных. Но это известно и эмпирически: О.Н. Бадер не включал в статистику черепки меньше 4 см^2.

Показаны также, вопреки утверждению автора, неслучайная смешанность слоев, присутствие крупных выбросов и ям, остающихся незамеченными, и пригодность предложенной им методики для распознания таких перемещений слоя.

Что дает подсчет разнокультурных черепков на мешанном памятнике? Какова инфор-

мация в их процентном соотношении? Эти данные нередко приводятся в публикациях и отчетах. Если бы речь шла о сосуществующих комплексах, их соотношение отражало бы структуру популяций. Но их сосуществование доказывается совсем иными методами, а подсчет черепков дает совершенно случайные числа, характеризующие только объем источников. Оно отражает также различие механических свойств разнокультурной керамики, особенности быта (много-мало керамики), особенности функционирования данной части поселения. Значительно содержательней информация о количестве сосудов разных этапов на поселении в целом и в его частях.

Стратиграфия памятника – важнейший источник для реконструкции последовательности явлений культуры, а также конкретной ситуации. Но на поселении, где обитали достаточно долго, стратиграфия не бывает простой. Не имеет смысла и обычно требуемая "общая характеристика стратиграфии" – она различна на жилой площадке, в зоне воздействия строительства, кухонных остатков, склонов, подножия поселения, к тому же в разное время эти участки не совпадали и подвергались разному воздействию естественных факторов. Можно говорить о "сводной" стратиграфии, объединяющей наблюдения на разных участках в процессе крупномасштабных раскопок. Это тоже своего рода реконструкция. И лишь случайно небольшие контрольные участки могут оказаться достаточно репрезентативны.

Хорошо стратифицированные участки оказываются разбросаны в разных частях памятника, крайне редко удается на одной вертикали проследить соотношение всех выделенных на сложном памятнике компонентов. Его приходится реконструировать, базируясь на разных участках, порой с очень различной насыщенностью находками. Это затрудняет статистический анализ комплексов – слишком они неравноценны. Ценность стратифицированных участков – в возможности выявить последовательность событий. Но статистическая характеристика комплексов разных этапов редко может быть дана по таким колонкам. Ее можно получить при анализе относительно чистых и богатых комплексов памятников, которые были обитаемы на ограниченном отрезке времени. Такие памятники довольно редки, что заставляет обращаться к реконструированным комплексам относительно узких этапов, вычленяемых из смешанных памятников.

Это достаточно традиционные процедуры, но сталкиваясь с отсутствием внимания к условиям залегания, с игнорированием смешанности материала (это присуще как всем работам В.П. Третьякова, где вычисляется степень сходства заведомо случайных комбинаций разновременных комплексов (Третьяков В.П., 1990), так и работам Ю.Б. Цетлина, где смешанность рассматривается не как механическая, а как органическая, присущая самой культуре), приходится напоминать о них.

И наконец, действительно ли проблема периодизации относится к фундаментальным, как это считает автор (с. 112)? Периодизация – всего лишь инструмент познания, позволяющий сгруппировать источники для повышения репрезентативности выборки и на этой основе получить более обоснованную характеристику ее содержания. Периодизация же процесса, протекающего плавно и по многим параметрам, каким является естественное развитие культуры, достаточно условна. Чем больше параметров мы наблюдаем, тем больше периодов можно выделить в таком процессе. И лишь системообразующие факторы, связанные со многими из них, способны создавать скачки́ в развитии культуры, при которых одновременно меняются несколько факторов. К ним относятся взаимодействие с иной этнической системой, освоение нового вида хозяйства и, в меньшей мере, климатический сдвиг.

На протяжении раннего и среднего неолита, с нашей точки зрения, в Волго-Окском междуречье существовала одна и та же этническая среда, хотя контакты с инородными общностями менялись, что придает определенную специфику некоторым локальным вариантам. Шло совершенствование одного и того же типа хозяйства, хотя накопление навыков позволило здесь совершить скачок к довольно прочной оседлости. И лишь миграция волосовской культуры – это вполне объективный рубеж.

Институт археологии РАН,
Москва

В.В. Сидоров

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Крайнов Д.А., 1986. Спорные вопросы неолита центра Русской равнины // Проблемы эпохи неолита степной и лесостепной зоны Восточной Европы. Тез. докл. Оренбург.

Сидоров В.В., 1991. Многослойные стоянки Варос и Языково // Многослойные стоянки Верхнего Поволжья. М.

Третьяков В.П., 1990. Волосовские племена в европейской части СССР в III–II тыс. лет. до н.э. Л.

Цетлин Ю.В., 1988. К проблеме неравномерности этнокультурного развития Верхнего Поволжья в эпоху неолита // Познание исторического процесса в археологии. М.

Цетлин Ю.Б., 1991. Периодизация неолита Верхнего Поволжья. М.

Урбан Ю.Н., 1976. К вопросу о ранненеолитических памятниках Верхнего Поволжья // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.

М.В. КОЗЛОВСКАЯ. ЭКОЛОГИЯ ДРЕВНИХ ПЛЕМЕН ЛЕСНОЙ ПОЛОСЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ. М., 1996.

Монография М.В. Козловской посвящена одной из наиболее интересных и актуальных проблем древнейшей истории лесной зоны Восточной Европы – анализу экологического фактора и его воздействия на население этой обширной территории в эпоху мезолита и неолита. Отчетливо видно стремление автора к комплексному использованию различных источников, характеризующих развитие климата и растительности, археологические памятники и культуры, антропологические особенности древнего населения. Такой подход представляется вполне оправданным и наиболее перспективным.

Работа состоит из 240 страниц текста, включая таблицы, графики и карты, разделена на 4 главы. В первой главе дается краткая характеристика важнейших природных изменений в финальном плейстоцене – среднем голоцене на рассматриваемой территории, при этом используются и новейшие разработки. Здесь же показаны и адаптивные реакции популяций к разным экологическим условиям, прослеженные антропологами. Вместе с тем в конце этой главы, где автор подводит итоги, имеется ряд неточностей. Так, таежная зона сложилась уже в начале оптимума пребореала около 9500 лет назад, а не в бореале (с. 33). Вряд ли стоит делать предположения, "не используя в данном случае сведения археологии, а ограничиваясь только одним независимым источником" (с. 33). Такая посылка неизбежно приведет к ошибкам, одной из которыых является предположение, что "территории со вновь образовывающимися лесными ландшафтами занимало мигрантное население из более южных областей (с. 33). Имеющиеся данные показывают, что эти территории преимущественно заселялись мигрантами из западных областей.

Глава 2 посвящена характеристике мезо-неолитического населения лесной зоны по данным археологии. После определения основных понятий и терминов автор переходит к обзору мезолитических культур, взяв, к сожалению, за основу во многом устаревший том (Мезолит СССР // Археология СССР. М., 1989). Вследствие этого археологическая картина, представленная в рецензируемой работе, во многом неточна, а в ряде случаев получилась совершенно неверной. Не касаясь мелких неточностей, отметим наиболее существенные. Неверно утверждение о заселении Восточного Прионежья во второй половине бореала (с. 53). Уже в первой половине этого периода регион был плотно заселен, имеются и отдельные более древние даты. В могильнике Звейниеки нет погребений пребореального времени (с. 56): одно относится к бореалу, несколько к началу атлантика, остальные – к неолиту. Культура Кунда занимает не "небольшой ареал" (с. 57), а распространена от северо-востока Польши до южной Финляндии и Ленинградской обл. Наиболее ранние памятники Верхневолжского региона датируются не "бореальным либо атлантическим периодами" (с. 61), а аллередом и дриасом 3, т.е. финалом плейстоцена. О специализации к охоте на северного оленя в раннем мезолите Волго-Окского междуречья (с. 63) нет никаких данных. С самого начала мезолита охота была ориентирована на лесную фауну, в которой на протяжении всей этой эпохи доминировали лось и бобр. Неверно, что "систематических наблюдений о рыболовстве и собирательстве к настоящему времени нет" (с. 64). Их не

© М.Г. Жилин, 1998 г.

было, когда писался том "Мезолит СССР", а уже к началу 1990-х годов их стало достаточно, чтобы подробно характеризовать эти отрасли хозяйства. Население иеневской культуры не "мигрантное для Волго-Окского междуречья" (с. 64), а автохтонное, и появилось оно не "в середине седьмого тысячелетия до н.э.", заняв частично "районы обитания бутовцев" (с. 65). Иеневская культура сложилась в регионе не позднее самого начала голоцена и сосуществовала с бутовской около 1500 лет. Имеются памятники с признаками обеих культур в инвентаре. Данных для предположения о существовании специализированной сезонной охоты у населения иеневской культуры (с. 65) нет. Различия в типах вооружения объясняются разной хронологией памятников.

Раздел, посвященный археологической характеристике неолита лесной зоны Восточной Европы, написан на основе более разнообразной литературы и не содержит таких погрешностей. Видимо, принесли пользу консультации специалистов-археологов (с. 12). Можно только отметить, что наибольшего развития неолитическая система хозяйства, образ жизни и адаптация к природным условиям отмечаются не во время климатического оптимума (с. 92), а с последующий, неблагоприятный, период суббореального похолодания (волосовская и другие культуры позднего неолита). Так что эти климатические изменения отнюдь не сказались наиболее неблагоприятно на лучше адаптированных группах (с. 92). Тем самым опровергается "важнейший исторический вывод" автора: "Развитие адаптивной приспособительной направленности не может обеспечить длительную благополучную перспективу" (с. 92). Именно такая перспектива и была обеспечена за счет максимальной динамичной адаптации волосовского населения. Переход к производящему хозяйству в лесной зоне был связан с контактами с носителями культур бронзового века и произошел значительно позже. Там, где подобных контактов не было (многие территории лесной зоны Сибири, Северной Америки), охотники-рыболовы-собиратели, находившиеся на уровне развитого неолита, просуществовали значительно дольше, до контактов с европейцами или другими народами, стоявшими на более высоком уровне развития.

Наибольший интерес для археологов, вероятно, представляет глава 3, посвященная антропологическим исследованиям в палеореконструкциях мезо-неолитического населения лесной полосы Восточной Европы. Здесь М.В. Козловская хорошо показала возможность использования различных методов для получения палеоэкологической информации. Немногочисленность и разрозненность материалов не явились препятствием для реконструкции влияния экологических условий как на жизнь палеопопуляций, так и на изменение физических особенностей древних людей. Убедительно показаны достаточно высокий уровень жизни мезо-неолитических коллективов, оставивших могильники в лесной зоне, и различия этого уровня в конкретных популяциях. Вместе с тем помимо экологических факторов на физический облик древнего населения оказывали существенное влияние как его происхождение, так и различные контакты, смешения разных этнических групп первобытного населения. Однако разделить воздействие этих факторов довольно сложно, тем более что действовали они одновременно. Надежно фиксируются следы стрессов, которые на протяжении жизни испытывал древний человек, убедительно показано воздействие этих стрессов в зависимости от пола и возраста. Чрезвычайно интересны предложенные реконструкции типа питания древнего населения лесной полосы, полученные на основе проведенных химических анализов. К этому было бы очень хорошо добавить данные по флористическим и фаунистическим остаткам, копролитам из культурных слоев поселений эпохи мезолита и неолита, которые в работе практически не использованы.

В четвертой главе подводятся итоги исследования, предлагается опыт комплексного описания экологического своеобразия лесного населения эпох мезолита и неолита. Эта глава по сути является заключением книги.

В целом работа М.В. Козловской представляет большой научный интерес, она подводит итог многолетних исследований автора по данной теме. Следующим шагом, вероятно, будет комплексный экологический анализ мезолита и неолита лесной зоны Восточной Европы с привлечением всех имеющихся данных во всей их полноте. Такое исследование, на мой взгляд, может быть успешно выполнено авторским коллективом, состоящим как из специалистов-археологов, так и специалистов естественных наук.

Институт археологии РАН,
Москва

М.Г. Жилин

ТИПОЛОГИЯ И ДАТИРОВКА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ. Межвузовский сборник научных трудов. Ижевск, 1995. 208 с.

Статьи, включенные в сборник, посвящены одной из важнейших проблем археологии – типологии и датированию находок, а также периодизации археологических культур. Авторами статей являются как российские археологи, так и иностранцы. Сборник знакомит как с новыми материалами, полученными при исследованиях последних лет, так и с классификациями, в которых учтен весь имеющийся материал. Нельзя не отметить, что все статьи, кроме одной, сопровождаются таблицами и картами в количестве, необходимом для обоснования положений автора.

Сборник начинается статьей *С.Р. Волкова* "Опыт типологии железных наконечников стрел (на материалах раннесредневековых могильников Верхнего и Среднего Прикамья)". Хорошо известно, насколько многообразны по форме железные наконечники стрел и сложна их классификация. Автор в полной мере учел исследования предшественников – А.Ф. Медведева и Ю.С. Худякова. Он разделил материал на отделы – по способу крепления наконечника к древку, на группы – по сечению пера и на типы – по форме пера в плане. Отделов автор выделил два – черешковые и втульчатые, групп – пять. В основу выделенных типов положены шесть основных форм, но различие в деталях и пропорциях позволило автору выделить значительно большее их количество: для группы первой – 30 типов. Всего в типологию включено 496 наконечников стрел. Благодаря выработанной классификации автор пришел к выводу, что, хотя наконечники одного типа встречаются на большей территории в памятниках разных культур, они имеют различное процентное соотношение. Так, в памятниках ломоватовской культуры преобладают черешковые плоские наконечники с пером листовидной или треугольной формы. Втульчатые наконечники составляют около 10%. На памятниках поломской культуры процент втульчатых стрел значительно больше – около 35%, хотя преобладают черешковые. Основную массу составляют плоские наконечники, менее распространены трехлопастные.

На памятниках неволинской культуры подавляющее большинство составляют черешковые наконечники, а втульчатые менее 30%. От соседних территорий неволинский комплекс отличает высокий процент трехлопастных наконечников – более 58%. По мнению автора, неволинский комплекс наконечников стрел наиболее близок западносибирскому, где так же преобладают трехлопастные. Эти выводы, сделанные на основании классификации, трудно переоценить.

Р.Д. Голдина (Ижевск) в статье "О датировке поломской культуры" на базе новых материалов уточнила существующую периодизацию. Поломская культура была выделена В.Ф. Генингом в 1950-е годы и разделена на три этапа в рамках с III по IX в. н.э. Большие полевые исследования, проведенные в последние годы на могильниках поломской культуры, дали материал, который заставил вернуться к проблеме датирования и периодизации этих древностей. Главную роль при выработке новой периодизации сыграли материалы Варнинского могильника, на котором В.А. Семеновым были исследованы 312 погребений и который функционировал на протяжении всей поломской культуры и даже в более позднее время. При выработке новой периодизации Р.Д. Голдина максимально использовала работы В.Ф. Генинга. Однако новые материалы заставили ее пересмотреть начальную дату и вместо трех выделить четыре стадии: 1 – гыркесщурская (VI в. н.э.), 2 – варнинская (конец VI–VII в.), 3 – весьякарская (конец VII–VIII в.), 4 – мыдлыншайская (конец VIII–IX в.). Для каждой стадии определен комплекс характерных находок.

Интересна статья *П. Штадлера* (Вена) «Аргументы в пользу подлинности "Аварского сокровища"». Предметы, о которых пишет автор, были выставлены на аукционе фирмы "Сотби" в Лондоне, но покупателя не нашлось. Одна из причин – сомнение в подлинности предметов, которые якобы были найдены в 1894 г. у Врапа или, по другой версии, в местечке Эрзебе, т.е. примерно в 115 км на греко-албанской границе. Автор не держал находки в руках и судит о них по иллюстрациям в каталоге аукциона. Надо также отметить, что статья П. Штадлера единственная в сборнике не имеет иллюстраций и в ней даже не перечислены предметы, входящие в состав клада. Из текста можно понять, что были найдены детали поясов, изготовленные из серебра и золота.

Важной проблеме посвящена статья *Ч. Балинта* (Будапешт) "Введение в археологию авар". Нет необходимости говорить об огромной роли авар в Европе в эпоху раннего

© К.А. Смирнов, 1998 г.

средневековья. Связанный с ними археологический материал весьма богат: как отмечает автор, имеется около 40 тысяч погребений. Статью Ч. Балинт начинает с методических проблем, связанных с классификацией аварских древностей, включающих помимо богатейших могильников и поселения, кратко характеризует источники. Далее он характеризует древности по трем периодам: ранне-, средне- и позднеаварскому. Для каждого периода он выделяет комплекс находок, характерный для мужских и женских погребений. По мнению автора, материал поселений позволяет сделать вывод, что в начале VII в. у авар начался переход "от кочевий к городам" (раннеаварский период). В погребальных памятниках высок процент украшений, изготовленных из золота и серебра. Автор приходит к выводу, что богатство погребения не обязательно отражает высокое социальное положение погребенного (с. 43). По его мнению, наибольшего размера Аварская держава достигла в поздний период. Ряд данных указывает на то, что в это время у них был оседлый образ жизни, а экономика основывалась на земледелии. Особый раздел статьи посвящен рассмотрению историко-этнических вопросов, а также взаимодействию с Византией и влиянию на материальную культуру авар.

Особый раздел статьи посвящен рассмотрению этнических компонентов Аварского каганата, в состав которого входили различные этнические группы. В частности, подробно рассмотрен вопрос о взаимоотношениях авар со славянами и о роли славян в жизни каганата.

В заключение автор коснулся находки клада из Надьсентмиклоша (1799 г.), включавшего 23 золотых сосуда, переданных в венскую императорскую сокровищницу, и, кроме того, по некоторым сведениям, серьги и крест. Эти предметы много раз привлекали внимание специалистов, и о них имеется обширная литература. По мнению автора, клад является собранием художественных произведений аварского ювелирного искусства VII–VIII вв. и самым крупным кладом Средней Европы эпохи раннего средневековья.

Надо особо отметить, что в примечаниях к статье указана обширная литература по проблеме. Статья Ч. Балинта представляет огромный интерес для всех, изучающих древности второй половины I тыс. в Восточной Европе и главным образом в ее южной части.

Статья *Н.А. Лещинской* "Хронология и периодизация могильников бассейна р. Вятки (I – начало II тыс. н.э.)" посвящена анализу материалов, накопленных за период со второй половины прошлого века по настоящее время. В основу исследования положены 219 погребальных комплексов, полученных при раскопках на 17 могильниках. Автор кратко останавливается на истории изучения могильников в бассейне р. Вятки и излагает основные концепции, из чего следует, что по мере накопления материала точка зрения на хронологию памятников менялась и мнения предшественников пересматривались. Далее автор кратко останавливается на примененной методике исследования.

Всего было выделено 10 хронологических групп, охватывающих время с I по XI в. Каждая группа охватывает примерно один век, кроме первой, которая охватывает I – начало III в. н.э. При определении времени бытования IX и X групп, по словам автора, были сложности с точным датированием (примерно IX–XI вв.). Помимо иллюстраций к статье прилагается список литературы по данной проблеме – всего 102 работы.

Статья *Т.А. Лаптевой* (Ижевск) "Эполетообразные застежки Прикамья" посвящена классификации этих украшений, которые всегда вызывали интерес исследователей. В начале 1960-х годов В.Ф. Генинг обобщил известный к тому времени материал, наметил схему эволюции и определил время их бытования с III в. до н.э. по V в. н.э. Им было использовано 79 застежек с 24 памятников. Материалы, накопленные после выхода работы, подтвердили правильность его основных положений и вместе с тем позволили в ряде случаев уточнить их и дополнить. В настоящее время известно около 190 застежек с 49 памятников. Однако Т.А. Лаптева не располагала изображениями всех находок и смогла обработать 173 экз. с 39 поселений и могильников Среднего и Нижнего Прикамья, а также Среднего Поволжья. При классификации автор выделила 8 типов застежек и в рамках каждого типа – варианты. Время их бытования автор определяет с III в. до н.э. по начало VII в. н.э. Интересен вывод, что около рубежа н.э. центр дальнейшей эволюции застежек переместился с левого на правый берег Камы. Это согласуется с мнением В.Ф. Генинга, считавшего, что около рубежа н.э. произошло переселение чегандинского населения с левого берега Камы на правый.

Большой интерес представляет статья *О.А. Казанцевой* (Ижевск) "Хронология погребальных комплексов Красноярского могильника". Могильник, находящийся в Бардымском

р-не Пермской обл. был исследован в 1986–1989 гг., в результате чего было изучено 144 погребения. По мнению автора статьи, изученные погребальные комплексы, возможно, станут эталонными для могильников гляденовской культуры. Для обработки было взято 22 погребения, содержащих не менее двух вещей различных категорий. Железные предметы, имеющие, по мнению автора, широкий период бытования, не учитывались. В результате проведенного исследования были выделены группы вещей, имеющие определенное время существования. Из них три в пределах одного века: I, II, IV и пять более широкие: I–II вв. н.э., II–III вв. н.э., I–III вв. н.э., IV–V вв. н.э. и III–V вв. н.э. В ряде случаев автор усматривает признаки, свидетельствующие о южном влиянии, что вполне закономерно. Есть украшения, имеющие аналоги в мазунинских некрополях. Как признак, отличающий исследованный могильник, автор отмечает наличие в межмогильном пространстве остатков кострищ, столбовых ям и большого количества вещей. Наиболее близким Красноярскому могильнику автор считает Охлебининский и объясняет это тем, что оба памятника имеют элементы ананьинских погребальных традиций.

Статья *Л.Д. Макарова* (Ижевск) "Типология и хронология древностей Хлынова" посвящена проблеме определения даты возникновения города Вятки (Хлынова). Вначале автор подробно рассматривает сведения письменных источников и мнения разных исследователей, но центральное место в статье занимают археологические материалы. Автор достаточно высоко оценивает результаты раскопок Л.П. Гуссаковского, не отрицая ряда недостатков, если оценивать их с позиций науки настоящего времени. Анализируя материалы раскопок в центре города, в кремле, автор выделил восемь строительных ярусов при мощности слоя более 3 м. Анализ находок, прежде всего керамики, позволил ему сделать вывод, что письменные источники, сообщающие о раннем времени возникновения города, заслуживают доверия. Археологические материалы свидетельствуют, что во второй половине XII – начале XIII в. (несомненно, в домонгольское время) на месте будущего кремля возникло сельское поселение, которое в середине – второй половине XIII в. было преобразовано в столицу Вятской земли – город Вятку (Хлынов).

Сборник завершает статья *И.Г. Шаприна* (Ижевск) "Позднесредневековые удмуртские и марийские могильники правобережья Вятки". Рассматриваемый в статье район имел смешанное население, которое, судя по могильникам, переселилось на эту территорию относительно поздно. Культура марийцев и удмуртов, проживающих в этом районе, отличается от той, что существует в основных районах проживания и имеет много общих черт – результат контактов разного рода. Эти различия наблюдаются и в языке. Автор попытался реконструировать процесс формирования населения бассейна Вятки.

Институт археологии РАН,
Москва

К.А. Смирнов

MADRIDER MITTEILUNGEN. N 32, 1991. Mainz. 258 S., 72 Taf.; MADRIDER MITTEILUNGEN. N 33, 1992. Mainz. 197 S. 28 Taf.

Интерес немецких исследователей к памятникам Пиренейского полуострова традиционно высок. Целый ряд принципиально важных для археологии этого региона исследований было осуществлено германскими учеными уже в конце XIX – первой половине XX века (А. Шультен, Х. Дрессель, Г. и В. Лейснер и др.). В настоящее время немецкие археологи работают в тесном сотрудничестве с испанскими учеными. Координатором совместных работ выступает Мадридское отделение Немецкого археологического института. Основанное в 1943 г. Мадридское отделение превратилось в крупнейший научный центр на территории Испании, располагающий большой библиотекой, фототекой и архивом (Ausgrabungen..., 1983, S. 20). Оно выпускает целый ряд широко известных в научном мире изданий ("Madrider Forschungen", "Madrider Beitrage" и др.). С 1961 года как ежегодник стало выходить первое периодическое издание Мадридского отделения – "Madrider Mitteilungen". Вниманию читателей предлагается обзор статей, опубликованных в этом ежегоднике за два года.

© А.А. Малышев, 1998 г.

Археология эпохи бронзы представлена тремя исследованиями. Статья Х. Цюхнера посвящена интерпретации петроглифа щито- или гербообразной ("escudiformes") формы. Этот памятник наскального искусства был открыт Р. Собрино Бухигасом к югу от Сантьяго де Компостела еще в 1935 году (Züchner C., 1992, S.1–5). Пена Сантос, опубликовавший большую часть петроглифов в 1979 году, описал изображения семи кинжалов, посоховидной формы и сопоставил их с оружием раннего бронзового века.

По мнению автора, все предложенные до сих пор интерпретации щитообразного изображения, как, к примеру, лицо идола, неудачны. Он сопоставляет загадочный петроглиф из Кастро де Коньо с популярными в наскальном изобразительном искусстве схематичными изображениями двухколесных повозок (Züchner C., 1992, Abb. 1, 2–5). Подобные им по конструкции, как отмечает автор, можно встретить на дорогах Галисии и в наше время. Изображенные рядом кинжалы указывают на связь композиции с военной тематикой и позволяют автору трактовать эту повозку как боевую колесницу.

Широкую известность приобрели мегалитические памятники Пиренейского полуострова. Вклад сотрудников Мадридского отделения (прежде всего Г. и В. Лейснер) в систематизацию памятников мегалитической культуры трудно переоценить. Геолого-петрографические исследования памятников мегалитической культуры Португалии из пяти пунктов: Вале де Родриго (четыре могилы), Фонте де Малга и Кота (восемь подкурганных гробниц), Барро (толос), Прайя де Мачас (две гробницы) (Dehn W. et al., 1991, Abb. 1), проведенные двумя археологами (В. Ден, Ф. Калб) и геологом (В. Фортиш), в 1985–1987 гг. (Dehn W. et al., 1991, S. 1–28) продолжают эту традицию. Использованная авторами методика исследования, уже успевшая хорошо зарекомендовать себя при изучении мегалитов Стоунхенджа, Бужона и др., предполагает прежде всего определение пород камня, из которых изготовлены блоки конструкций, что, в свою очередь, позволяет обнаружить используемые в древности каменоломни, предположить возможные способы транспортировки, обработки и укладки каменных блоков. В результате выяснилось, что одним из определяющих условий при выборе места для возведения мегалитических гробниц (см., например, гробница в Барро) являлась близость пригодного для строительства материала и удобство рельефа для транспортировки камня (Dehn W. et al., 1991, S. 27), хотя в ряде случаев по совершенно непонятным причинам материал транспортировался из гораздо более отдаленных мест (Dehn W. et al., 1991, S. 27).

Изучению золотых предметов аргарской культуры – одной из самых динамичных культур эпохи бронзы Испании (юго-восток Пиренейского полуострова), известной благодаря высокоразвитой для своего времени металлургии – посвящена статья В. Пингель (Pingel V., 1992, S. 6–24). Приведенная сводка местонахождений золотых вещей свидетельствует, что основная часть золотых предметов происходит из погребальных комплексов, точнее из мужских захоронений с оружием в каменных ящиках (ступень А культуры Аргар) (Pingel V., 1992, S. 20, 21). Дублирование изделий из золота формами из бронзы и серебра культуры Аргар, наряду с повышенным содержанием серебра в некоторых золотых предметах культуры Аргар указывают на местное производство этих предметов (Pingel V., 1992, с. 23, Abb. 1b).

Как известно, с появлением в конце II тыс. до н.э. финикийцев в Западном Средиземноморье и основанием ими на юго-восточном побережье Пиренейского полуострова городов (Гадес, позднее Малака, Эбес, Секси и др.) (Blazquez J.M., 1983), для многих его районов началась практически новая эпоха: регион был включен в общесредиземноморский исторический процесс. Самая западная из всех известных финикийских колоний на средиземноморском побережье Андалузии, была основана позднее всех остальных, в конце VIII века до н.э., на острове, расположенном в дельте р. Гвадалхорс (Малага). Статья М.Е. Аубет Земмлер посвящена результатам его изучения в 1986–1989 гг. (Aubet Semmler M.E., 1991, S. 29–51). Поселение в Серро дель Вильяр было открыто А. Аррибасом еще в 1966–1967 гг., им было выделены две фазы в развитии этого центра: финикийская (втор. пол. VII в до н.э.) и пуническая (VI–IV вв. до н.э.). Комплексный анализ данных (геоморфологический, палеозоологический, ихтиологический, карпологический, а также споропыльцевой) позволил определить изменения в хозяйственной деятельности, связанные в том числе с изменениями природно-климатических условий (Aubet Semmler M.E., 1991, S. 35). Выяснилось, в частности, что с момента основания в конце VIII в. до н.э. до VI в. до н.э. поселение переживало интенсивный подъем. В центре острова в конце VII в. до н.э. получило развитие керамическое производство. Позднее на острове остаются только производственные (керамические) комплексы, которые уже в середине VI в. до н.э. приходят в упадок (Aubet Semmler M.E., 1991, S. 34, 50). В эллинистическое и римское время,

судя по данным геоморфологии, остров становится частью побережья. Одну из основных причин упадка поселения автор видит в интенсивном антропогенном воздействии на окружающую среду района и прежде всего в хозяйственной деятельности (сельское хозяйство, гончарное производство (амфоры), добыча бронзы и железа) (Aubet Semmler M.E., 1991, Abb. 2).

Довольно значительная часть статей ежегодника затрагивает проблему взаимоотношений местных культурных традиций и инноваций. В частности, статья Хр. Бризе и Р.Ф. Доктера (Briese C., Docter R., 1992, S. 70–101) посвящена распространению греческих традиций в финикийских колониях на керамических материалах, чашах для питья геометрического времени, обнаруженных при раскопках семи памятников (Карфаген, Серро дель Пенон, Тоскано, Мотиа и др.). Находки проанализированы с учетом их культурного, географического и хронологического контекста, проведено сопоставление с наиболее типичными для этого времени формами и типами росписи на греческих сосудах. Авторами выделены четыре разновидности скифосов: импортные сосуды с территории метрополии или местная керамика, изготовленная греческими мастерами на финикийских поселениях; чисто местные сосуды, созданные под явным влиянием греческой традиции; сосуды, имеющие едва заметные черты заимствования (Briese C., Docter R., 1992, S. 26–27). Появление этих форм датировано VII в. до н.э. Авторы проследили некоторое запаздывание проникновения заимствованных форм греческих типов у финикийцев, а также дальнейшую эволюцию этих заимствований (см. например, форма Карфаген 1 в сравнении греческими формами класса Тафоса (Briese C., Docter R., 1992, S. 41)).

С археологией Тартесса, первого государственного образования на Пиренейском полуострове, возникшего в VIII в до н.э. во многом под воздействием восточных импульсов, проводником которых были финикийские колонисты, связана статья С. Селестино Перес (Celestino Perez S., 1991, p. 52–85). В ней сообщается о находке пяти бронзовых кувшинчиков на территории, прилегающей к святилищу, а также в самом святилище Санчо Роано возле Заламеи де ла Серена (юг Пиренейского п-ва). Форма сосудов, близкая по стилю к характерному вообще для тартессийской торевтики ориентализирующему койне, а также химический состав свидетельствуют об их производстве в мастерской, функционировавшей, по мнению автора, непосредственно на территории святилища, в конце VI – первой половине V века до н.э.

Позднее, в VII – первой половине VI вв. до н.э., на юге и юго-востоке Испании, прежде всего по археологическим данным, особенно ощущается греческое присутствие (Козловская В.И., 1990, с. 24, 25). Одним из центров взаимопроникновения греческой и иберийской культур на востоке и юге Пиренейского полуострова стал город Эмпорион, основанный фокейцами в первой половине VI в. до н.э. и состоявший из двух частей: греческой и иберской, каждая из которых была обнесена стеной циклопической кладки. Систематические раскопки этого памятника ведутся с середины XX века (работы М. Альмагро). Раскопки 1988–1990 гг. позволили Э. Санмарти-Грего, П. Кастанье и Мазоливер, и Х. Тремоледа и Трилла воссоздать историческую топографию южной системы обороны с V в. до н.э. до римского вторжения в конце III в. до н.э. (Sanmartî-Grego E. et al., 1992, S. 113–132).

Длительное существование греческих колоний на Пиренейском полуострове привело к глубокому проникновению античных традиций в местную культуру, прежде всего культуру иберов. Одно из наиболее ярких проявлений этого влияния – это группа зооморфных скульптурных изображений, известных на юго-востоке Пиренейского полуострова. В статье М. Блех и З. Руано Руис рассматриваются фрагменты скульптур (головы человека и двух фрагментов изображения быка), обнаруженные на античном поселении Убеда ла Вьейя, идентифицируемой с античной коллонией Салария, в верховьях Гвадалкивира (Blech C., Ruano Ruiz E., 1992, S. 102–112). Связывая голову человека со скульптурой сфинкса, авторы опирались на находки из Агоста и Богарры, выполненные в традициях иберийского искусства, находившееся в тот период под сильным влиянием греческой традиции. На Пиренейском полуострове прижились распространенные в греческом архаическом изобразительном искусстве образы зверей и причудливые гибриды человека с животным (лошадью, сиреной, быком, рыбой). Это направление в монументальном искусстве было довольно скоротечным, оно распространилось в основном в погребальных памятниках, отразив, как отмечают авторы, тщеславные устремления местной родовой знати подчеркнуть свой социальный ранг. Голова сфинкса датирована не раньше середины V в. до н.э., временем, когда влияние античного искусства существенно сокращается. Фрагменты головы и брюха быка также принадлежали надгробной скульптуре, выполненной в конце VI века до н.э.

Значительное влияние греческое искусство оказало и на развитие мелкой пластики. М. Блехом и Д. Марцоли прослежено проникновение позднеархаических и раннеклассических элементов, по всей видимости из Великой Греции, на примере бронзовых статуэток культуры Талайот (Майорка) (в основном IV в. до н.э.), фигурок воинов в шлемах, называемых условно, так как авторы не решаются провести параллель с Марсом, Зевсом или Гераклом), балеарским Марсом (Blech M., Marzoli D., 1991, S. 94–116). Основная масса этих скульптурок обнаружена случайно (Blech M., Marzoli D., 1991, S. 105). Лишь в одном случае три статуэтки происходят из развалин святилища, погибшего в пожаре в I в. Они довольно разнообразны в стилистическом отношении (Blech M., Marzoli D., 1991, S. 101, 102) и, как подчеркивают авторы, олицетворяют собой очаг самостоятельных культурных традиций, просуществовавший до эпохи поздней республики, бесследно исчезнув в эпоху принципата.

Довольно широко на страницах ежегодника представлены исследования по археологии римской эпохи. Эволюция античных архитектурных традиций в провинциальном контексте проанализирована К. Маркесом на примерах капителей, происходящих из колонии Патриция Кордуба (Marquez C., 1992, S. 133–144). В республиканский период (I в. до н.э.) в Кордубе, столице провинции Бэтика, благодаря деятельности бродячих мастеров – резчиков по камню – получают распространение стандартные для Рима и других крупных городов Италии приемы декорировки архитектуры (Marquez C., 1992, S. 122). Вместе с ростом масштабов строительства, о чем свидетельствует также и широкое применение мрамора, начиная с эпохи Юлиев-Клавдиев архитектурный стиль сооружений Кордубы обнаруживает все больше локальных особенностей. Своего апогея местный архитектурный стиль достигает, по наблюдению автора, в III и особенно в IV в.

Статья Е.М. Коппел посвящена изучению двух фрагментов скульптур (обломков щитов), обнаруженных при раскопках в 1968 г. в развалинах фригидария "южных" терм виллы "Эльс Мунтс" (Тарракона) (Koppel E.M., 1992, S. 133–145). Их форма типична для щитов римских легионеров либо гладиаторов. Изображения на одном из щитов: астральных божеств (Солнца, Луны), а также природных стихий (Океана, Гесперии), – известны на доспехах императоров и гладиаторов, вооруженных щитом и мечом (secutores). Манера передачи деталей сохранившихся на них изображений (трактовка мускулатуры мужского божества, лошадей) позволила датировать эти скульптуры концом I – началом II вв. н.э. Автор склоняется к мысли, что они принадлежали к одной скульптурной группе.

Причины проникновения кампанских терракотовых плиток, как одного из италийских стереотипов, в домашнюю архитекутуру Испании стали темой для статьи Кс. Дюпре и В. Ревилья (Dupré X., Revilla V., 1991, p. 117–140). Несмотря на находки в Египте, Греции и Германии, традиционно считалось, что кампанские плитки не были предметом экспорта и не встречались за пределами Италии. Находки в Тарраконе и его окрестностях (вилла Эль Виларенк) 5 фрагментов этих плиток позволяет пересмотреть эту точку зрения. С самого начала римской экспансии на полуострове Тарракон, будучи крупным административным центром, был прочно связан с Италией. Кампанские плитки, бытующие в эпоху поздней республики и Августа-Клавдия, являются, по мнению авторов, свидетельством ранней и интенсивной романизации этого центра.

М. Грипентрог в своей публикации сообщил о результатах археологических раскопок в 1989 году на территории святилища в Мунигье, расположенной к северо-востоку от Севильи (Griepentrog M. 1991, p. 141–152). Материалы из трех заложенных здесь траншей позволили проследить основные строительные горизонты памятника, выяснить, когда на месте более раннего поселения было начато сооружение построек святилища. Интенсивная строительная деятельность, по предположению автора, тесно связана со стремлением жителей получить lex municipalis, что способствовало подъему статуса города. Керамические находки (главным образом обломки испанской терры сигилляты) датируют ранний слой нероновским-раннефлавианским временем.

Статья С. Ноак-Хали посвящена проблеме датировки архитектурной детали, использовавшейся в церквушке селения Карвоэйра как угловой квадр (Noack-Haley S., 1991, S. 153–157). Орнамент, покрывающий поверхность квадра, позволил автору предположить, что она была изготовлена во II–III в. н.э. На основании многочисленных аналогий вестготского времени, известных на территории Пиренейского полуострова, этот предмет был определен как раннехристианский столик-алтарь.

В статье С.Ф. Шрёдер рассмотрен недостаточно известный в литературе шедевр – саркофаг Ахилла и Поликсены, хранящийся в Прадо (Schröder S.F., 1991, S. 158–169). Некогда распиленный для удобства транспортировки, он был недавно собран воедино.

Опираясь на находку части этого саркофага в Кап Мизено (Schröder S.F., 1991, S. 167), автор считает, что саркофаг происходит из окрестностей Неаполя. На датированном еще А. Джулиано и Б. Палма серединой III в. саркофаге изображены, по всей видимости, события Троянской войны, которые повлекли к гибели Ахилла, а точнее эпизод, связанный с попытками Ахилла заключить мир между греками и троянцами. Отмеченная автором необычность выбора темы для круга саркофагов с изображением эпизодов мифа об Ахилле и объяснение этого явления тоской заказчика саркофага, свидетеля многочисленных военных потрясений в бурную эпоху солдатских императоров, по миру и согласию были поддержаны в недавно вышедшем в свет фундаментальном исследовании по аттическим саркофагам (Rogge S., 1994, S. 39, Anm. 151).

У. Эспиноза и С. Ноак-Хали опубликовали и всесторонне изучили великолепный образец позднеримского ювелирного искусства – серебряный медальон, украшенный прорезным орнаментом (opus interrasile), фоном для которого послужила золотая пластинка. Он вставлен в свинцово-цинковую оправу диаметром 9,8 см. Пельтообразные (близкие по форме греческому щиту – пельте) завершения оправы, как и прорезной орнамент медальона, создают впечатление легкости, ажурности всему изделию. В центре медальона – головка Медузы (Espinosa U., Noack-Haley S., 1991, S. 170–184, Fig. 2, Farbtafel 2). Совокупность всех данных: археологический контекст находки (слой разгрома города германскими племенами в 409 г.), результаты технологического и стилистического анализа, – позволяет датировать этот предмет скорее IV, чем III в. Использованная техника прорезного орнамента указывает, что этот фалар был в мастерских города Колония (Espinosa U., Noack-Haley S., 1991, S. 176, 177, 183). Он принадлежал представителю местной аристократии, игравшему видную роль при дворе, в местном управлении либо в вооруженных силах.

Не менее разнообразны статьи по средневековой тематике. В частности, статья М. Машинской посвящена классификации (список типов: Maczynska M., 1992, S. 150–155), датировке и сочетаниям (Mączýnska M., 1992, S. 173, 174) бус, подвесок и амулетов из западноготских некрополей (Mączýnska M., 1992, S. 146–183). К исследованию, которое велось в рамках программы по изучеию вестготских древностей на юго-востоке Европы, автор привлекла материалы из комплексов некрополей Карпио де Тайо, Кастильтьерра, Дурасион, Сигуера (провинция Сеговия), а также из несистематических раскопок (1434 экз., см. каталог, С. 174–181). Приемы изготовления бус, как отмечает автор, были широко распространены в предшествующее, римское время, когда обработка отличалась большей тщательностью и аккуратностью (Mączýnska M., 1992, S. 157). Основная масса исследуемых бус имеет южное происхождение (Италия, Византия). Значительные сложности вызвала датировка бус, бытующих, как правило, очень долго, поэтому автору представляется более целесообразным установить хронологию комбинаций типов в ожерельях. На настоящий момент оказались установленными стандартные наборы бус для временного промежутка со второй половины V по середину VI вв. (Mączýnska M., 1992, S. 168).

Т. Ульберт сообщил о результатах археологического зондажа пространства вокруг исследованной ранее, в 1971–1972 гг., раннехристианской базилики в Каса Геррера в Мериде (Ulbert T., 1991, S. 185–207). Проведенные в 1987 году раскопки позволили выделить здесь две строительные фазы (Ulbert T., 1991, S. 202). К югу от церкви выявлены лишь части сильно разрушенных современной распашкой фундаментов. Слой датирован находками IV–V вв. Несмотря на отрывочность данных, все свидетельствует о континуитете хозяйственных и религиозных традиций в эпоху перехода от античности к средневековью. В одном из пяти христианских погребений, исследованных к востоку от базилики, обнаружены мраморные плиты, использованные для устройства перекрытий погребальных сооружений (Ulbert T., 1991, S. 203–207). М.К. Вилайон, исследовавшая декор на этих плитах, считает, что наиболее близкие аналогии ему – в вестготской архитектуре Мериды, где, по-видимому, они и были изготовлены.

Раздел мусульманской археологии представлен двумя статьями. Ж.-П. Виссхак публикует результаты кропотливых работ по реконструкции первоначального облика первой мечети Кутубий в Марракеше (Wisshak J.-P., 1991, S. 208–213). Разная сохранность объектов этого архитектурного ансамбля, подтвердившаяся результатами археологических работ еще в 1952 году, довольно сильно осложнила исследования автора. Интересно исследование О. Виртх о городской планировке в исламском Магрибе на примере Фес Джедида (города, заложенного султаном Абу Юсуфом, взявшим по некоторым данным в качестве образца античную Александрию), основанное на сопоставлении письменных источников и археологических данных. Он картографировал все засвидительствованные в

источниках здания эпохи Меринидов. Это позволило ему определить основные составляющие городской планировки – пять веерообразно расходящихся от северных ворот и расположенных друг от друга под углом примерно в 50 градусов основных улиц города (Wirth E., 1991, S. 218, 224). Статья Р. Комез – одно из немногочисленных исследований иудейской архитектуры на Пиренейском полуострове. Оно посвящено изучению особенностей планировки синагоги базиликального типа, связанных с сакральным назначением этого сооружения (Санта Крус, Севилья) (Cómez R., 1992, p. 184–195).

Задачи опубликованных в ежегоднике "Madrider Mitteilungen" работ различны: одни имеют чисто информационный характер, другие являются самостоятельными исследованиями, третьи – пролог к большой, обобщающей работе по намеченной теме. Знаменателен тот факт, что интерес к истории и культуре народов Пиренейского полуострова объединил на страницах этого издания ученых разных стран и разных специализаций.

Институт археологии РАН,
Москва

А.А. Малышев

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Козловская В.И., 1990. Ионийская колонизация Западного Причерноморья VIII–VI вв. до н.э. Сущность, типология, значение. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М.

Ausgrabungen Funde Forschungen, 1983 // Kulturgeschichte der antiken Welt. Sonderband. Mainz am Rhein.

Aubet Semmler M.E., 1991. Die phonizische Niederlassung vom Cerro del Villar (Guadalhorce, Malaga). Die Ausgrabungen von 1986–1989 // Madrider Mitteilungen. N 32.

Blazquez J.M., 1983. Panorama general de la presencia fenicia y punica en Espana // Atti dei Congresso Internazionale di Studi Fenici e Punici. V. II. Roma.

Blech M., Marzoli D., 1991. Bronzestatuetten von Mallorca: Mars Balearicus // Madrider Mitteilungen. N 32.

Blech C., Ruano Ruiz E., 1992. Zwei iberische Skulpturen aus Ubeda la Vieja (Jaen) // Madrider Mitteilungen. N 33.

Briese C., Docter R., 1992. Der phonizische Skyphos: Adaption einer griechischen Trinkschale // Madrider Mitteilungen. N 33.

Celestino Peres S., 1991. Nuevos jarros tartesicos de bronce en el Sur peninsular // Madrider Mitteilungen. N 32.

Cómez R., 1992. La antigua sinagoga del barrio de Santa Cruz, en Sevilla // Madrider Mitteilungen. N 33.

Dehn W., Kalb Ph., Fortisch W., 1991. Geologisch-Petrographische Untersuchungen an Megalithgrabern Portugals // Madrider Mitteilungen. N 32.

Dupre X., Revilla V., 1991. Lastras Campana en Tarraco (Hispania Citerior) y su territorio // Madrider Mitteilungen. N 32.

Espinosa U., Noack-Haley S., 1991. Pieza de orfebreria bajoimperial en Vareia (Varea-Logrono, La Rioja) // Madrider Mitteilungen. N 32.

Griepentrog M., 1991. Munigua 1989. Die Grabung in der Heiligtumterrasse // Madrider Mitteilungen. N 32.

Koppel E.M., 1992. El escudo de la villa de 'Els Munts' (Tarragona) // Madrider Mitteilungen. N 33.

Marquez C., 1992. Desarollo de los ordenes arquitectonicos en los capiteles de Colonia Patricia Corduba // Madrider Mitteilungen. N 33.

Mączyńska M., 1992. Westgotische Perlen. Funde vom Graberfeld Carpio de Tajo und aus den Sammlungen in Barcelona und Nurnberg // Madrider Mitteilungen. N 33.

Noack-Haley S., 1991. Ein romischer Altaraufsatz aus dem Sizandrotal (Nachtrag MM 31) // Madrider Mitteilungen. N 32.

Pingel V., 1992. Die Goldfunde der Argar-Kultur // Madrider Mitteilungen. N 33.

Rogge S., 1994. Die attischen Sarcophage. Achill und Hipooltytos // Die antiken Sarkophagenreliefs. Fasz. I. Teil I. B. 9. Berlin.

Sanmartí-Grego E., Castanyer i Masoliver P., Tremoleda i Trilla J., 1992. Nuevos datos sobre la historia y la topografia de las murallas de Emporion // Madrider Mitteilungen. N 33.

Schröder S.F., 1991. Der Achill-Polyxena-Sarkophag im Prado. Ein wenig bekanntes Meisterwerk // Madrider Mitteilungen. N 32.

Ulbert T., 1991. Nachuntersuchungen im Bereich der frühchristlichen Basilika von Casa Herrera bei Merida // Madrider Mitteilungen. N 32.

Wirth E., 1991. Stadtplanung und Stadtgestaltung im islamischen Maghreb. Fes Djedid als "ville royale" der Meriniden (1276 n. Chr.) // Madrider Mitteilungen. N 32.

Wisshak J.-P., 1991. Zum Teilwiederaufbau und zur kultischen Neunutzung der ersten Kutubiya-Moschee in Marrakesch: ein Rekonstruktionsmodell // Madrider Mitteilungen. N 32.

Züchner C., 1992. Idol, Schild oder Wagen? Zur Deutung einer Gravierung vom Castro de Conjo bei Santiago de Compostela // Madrider Mitteilungen. N 33.

A. VASKS. BRIKULU NOCIETINĀTĀ APMETNE: LUBĀNA ZEMIENE VĒLAJĀ BRONZAS UN DZELZS LAIKMETĀ (1000. g. pr. Kr. – 1000. g. pēc. Kr.). Riga: Preses nams, 1994. 124 lpp.: il. (на латыш. яз.)

Археологические памятники эпохи первобытности, расположенные в котловине Лубанского озера, являются на сегодняшний день, пожалуй, самыми изученными на территории Латвии. Их материалы освещены во множестве публикаций, среди которых выделяются два монографических исследования И.А. Лозе (1979; 1988). Как своеобразное хронологическое продолжение последних следует рассматривать новую книгу А. Васкса "Укрепленное поселение Брикули: Лубанская низменность в позднебронзовом и железном веках (I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.)".

Рецензируемая работа представляет собой подробную публикацию результатов раскопок памятника. Структура изложения традиционна: короткое введение, далее блок из пяти разделов, где дается раздельное описание остатков сооружений, вещественных находок и хронология. В двух последних главах анализируются социально-экономическая ситуация в микрорегионе в указанное время и культурно-этническая принадлежность населения. Работа завершается блоком иллюстративных таблиц и пространным (на десяти страницах) резюме на английском языке.

Специалистам это поселение уже известно по ряду информационных сообщений и статей (Васкс А., 1982; 1987), поэтому позволю себе привести лишь краткую характеристику материалов публикуемого памятника, обратив внимание читателя на наиболее интересные и спорные моменты по ходу изложения.

Укрепленное поселение Брикули располагалось на мысу небольшой возвышенности коренного берега Лубанского озера. Оно исследовалось экспедицией под руководством А. Васкса в 1970-е годы. За пять полевых сезонов здесь было вскрыто почти 3,5 тыс. м^2, т.е. практически вся площадка мыса и частично его склоны.

В функционировании поселения автор выделяет две фазы: раннюю и позднюю, причем первую из них он делит на два строительных горизонта. В начальный период городище по склонам было окружено двумя широкими рвами с интервалом в 5 м, а по краям площадки – деревянным частоколом с проходом в северо-западной стене, т.е. памятник относится к типу городищ с кольцевой системой укреплений. В период первого строительного горизонта замкнутая бревенчатой стеной площадь поселения составляла 1350 м^2, после реконструкции она была расширена до 2000 м^2. Тогда же в юго-восточном углу стены из вертикально поставленных бревен построено башнеобразное сооружение, в основании которого найдены человеческие метаподия и фаланга пальца, являвшиеся, скорее всего, остатками строительной жертвы.

Какой тип оборонительных сооружений имел поселок во время поздней фазы его функционирования (и были ли они вообще), неясно, так как верхний культурный слой на памятнике нарушен глубокой распашкой. По этой же причине нельзя сказать ничего конкретного и о типах жилых построек. На их существование указывают только 37 сохранившихся каменных очагов.

Для ранней фазы поселения на городище прослежены достаточно четкие следы небольших наземных или слегка углубленных в землю построек столбовой конструкции прямоугольной формы площадью 6–15 м^2 с кострищами внутри. Их атрибутация как жилищ, предложенная А. Васксом, достаточно убедительна. Большинство построек концентрировалось вдоль северной и южной стен частокола. В полу некоторых из них зафиксированы неглубокие ямы-подполья, а под одним – строительная жертва, состоявшая из конского черепа, челюсти свиньи и отдельных костей крупного рогатого скота, овцы/козы, собаки, лося и бобра, а также целого горшка, костяного долота и двух проколок.

Обнаруженные в постройках кострища были двух типов: простые грунтовые и с песчаной подушкой, окруженной глиняным бортиком, ширина которого колебалась от 8 до 15 см, а сохранившаяся высота – от 2 до 7 см. Если первые представляли собой остатки обычных бытовых очагов, то вторые (кстати, они доминировали) использовались и как бытовые, и как производственные – для плавки бронзы и обжига керамической посуды. Массовое появление подобной конструкции очага на многих поселениях позднебронзового и раннежелезного веков на территории лесной зоны Восточной Европы было обусловлено

© А.В. Уткин, 1998 г.

необходимостью получения жидкотекучей бронзы для отливки изделий по восковой модели. Позднее на ее базе будут созданы различные модификации примитивного плавильного горна для варки железа из болотной руды.

На некоторых вскрытых участках непосредственно у стен первого строительного горизонта с внутренней стороны прослежены ряды столбовых ямок – остатков небольших по размерам строений секционного типа. Они не отапливались и являлись, очевидно, зимними загонами (стойлами, хлевами) для домашней скотины, а их сплошные крыши, как полагает А. Васкс, служили одновременно помостом, где располагались дозорные.

Коллекция индивидуальных находок с городища Брикули относительно небольшая – всего 1092 предмета, которые в монографии детально систематизированы и скрупулезно описаны с привлечением широкого круга аналогий. Среди каменных изделий следует отметить находки обломков сверленых топоров-молотков поздних форм и их цилиндрические высверлины. Последние надежно документируют факт изготовления этих топоров непосредственно на поселении. Серийно представлены также клиновидные топоры-тесла и долота, небольшие шаровидные куранты, обломки шлифовальных плит и т.п. Из кремневых находок морфологически выраженные типы имеют лишь четыре наконечника стрел, прочие – эрзац-орудия и отходы производства.

Среди артефактов из кости и рога доминируют всевозможные заострения и долота. Наконечники копий и стрел немногочисленны. Гарпуны, рукояти – единичны и все в обломках. Интересны подборка костных булавок-заколок, черпак от столовой ложки и два фрагмента мундштуков от конских удил.

На изделия из глины приходится 38% всех индивидуальных находок на городище. К поздней фазе заселения памятника относится небольшая коллекция пряслиц, в основном биконических. Прочие артефакты датируются ранней фазой и свидетельствуют о широком бронзолитейном производстве в поселке. Среди них количественно выделяются фрагменты миниатюрных плоско- и округлодонных тиглей и осколки форм для отливки дротовых браслетов и шейных обручей. Единично представлены обломки формочек для отливки втульчатых наконечников копий с листовидным пером и, по-видимому, кельта акозинско-меларского облика.

Самих бронзовых предметов встречено немного – 40 экз., из которых половину автор связывает с ранней фазой. Это в основном обломки украшений – браслетов, гривн, нашивок на одежду. Из орудий встречены только шилья и короткое лезвие бритвы. В период поздней фазы в культурном слое отложились главным образом фрагменты украшений, в том числе трапециевидные привески от шумящей бахромы. Этим временем датируются и почти все находки из железа.

Массовый материал – обломки керамической посуды – в рецензируемой работе рассматриваются достаточно подробно и всесторонне, но предельно лаконично, без утомительного описания деталей и классификационных схем реконструируемых форм сосудов. Вся керамика (чуть более 33 тыс. черепков) на основании типологии и морфологии разбита автором на шесть групп, а на основании стратиграфического положения в культурном слое и статистических подсчетов – на два хронологических горизонта. К ранней фазе заселения городища отнесены три керамические группы: гладкостенная, штрихованная и текстильная. На две первых приходится соответственно 60,7 и 26,7% всех обломков. Доля черепков с сетчатой поверхностью, наоборот, крайне ничтожна, она не превышает и половины процента. Керамика поздней фазы – лощеная, с пальцевыми вдавлениями и рустованная – немногочисленна; количественно выделяется лишь последняя группа – около 10% всех обломков.

Сохранившиеся в культурном слое (в основном в нижних горизонтах) кости животных дают представление о занятиях жителей городища придомным животноводством, охотой и рыболовством. Среди кухонных отбросов преобладали кости домашних животных (86,7%) – крупного рогатого скота, овец, коз, свиней и лошади. Из диких животных (всего 12 видов) наиболее часто встречались остатки лося и кабана, а из восьми видов рыб абсолютное большинство приходилось на кости судака.

На фоне столь подробных данных странным выглядит отсутствие в монографии всяких упоминаний о птицах. Это обусловлено, очевидно, не тем, что брикулийцы не охотились на птиц, в изобилии гнездившихся как на самом озере, так и в его окрестностях, а тем, что не были сделаны определения костных остатков орнитофауны. О присутствии птичьих костей на памятнике свидетельствуют изготовленные из них проколки (с. 94, табл. VI, *9–16*).

Хронология памятника построена на стратиграфических наблюдениях, типологии вещественного материала и радиоуглеродных датировках. По находкам обломка сосуда

типичной гребенчатой керамики и двух кремневых наконечников стрел ромбической формы с двусторонней ретушью, фиксирующих, по-видимому, кратковременную остановку древних охотников, начальное заселение холма А. Васкс относит к периоду среднего неолита. Однако первое посещение этого места человеком, скорее всего, состоялось еще в позднем мезолите, о чем свидетельствует черешковый наконечник стрелы на ножевидной пластинке постсвидерского облика (с. 98, табл. X, *2*), который автором ошибочно приписан к древностям позднебронзового века.

Начало второго строительного горизонта укрепленного поселения по двум радиоуглеродным датам относится к рубежу VIII–VII вв. до н.э., конец – по находкам железной стамески с втулкой и обломка тока древка копья – к I–II вв. н.э. Возраст же первого строительного горизонта определен главным образом по стратиграфии следов оборонительного частокола в пределах 950–750 гг. до н.э., т.е. первая фаза функционирования поселка длилась почти тысячу лет. Вторая фаза была менее продолжительной: хронологические рамки, судя по типологии некоторых вещей, ограничиваются VII–XI вв. н.э.

Рассматривая хозяйство жителей городища и округи, А. Васкс акцентирует внимание на его комплексном характере с доминантой скотоводства. Становление последнего он вслед за своими восточно-прибалтийскими коллегами (Денисова Р., 1985) связывает с кризисом присваивающей экономики, который начался в среднем неолите с появлением в регионе нового населения – представителей культуры типичной гребенчатой керамики, вследствие чего здесь якобы произошло перенаселение, а завершился на рубеже суббореаля и субатлантика, когда под влиянием похолодания и увлажненности климата местное население в массовом порядке вынуждено было будто бы перейти от активной охоты к разведению домашнего скота. С подобными выводами согласиться трудно. Мигранты-охотники с северо-востока не могли лишить туземцев части природных ресурсов, они всего лишь заполнили пустовавшие или полупустовавшие экологические ниши. В противном случае миграция бы не состоялась, так как пришельцев добровольно просто не пустили бы в жизнеобеспечивающий ландшафт. (А археологических свидетельств о военных столкновениях в регионе этого времени нет.)

Находки немногочисленных костных остатков домашних животных в средненеолитических культурных слоях следует синхронизировать с обломками посуды культуры воронковидных кубков, встречающихся эпизодически в тех же самых слоях, и вместе рассматривать как след инфильтрации отдельных групп инородного южного населения, которое в силу своей малочисленности и, очевидно, разрозненности не могло ни повлиять, ни тем более изменить психологию аборигенов. Кардинальная смена поведенческих стереотипов у местного населения региона и всей лесной зоны Восточной Европы, фиксируемая археологически кардинальной сменой облика материальной культуры, произошла позднее, но не под влиянием климатических изменений, не носивших, кстати, катастрофического характера, а под сильным воздействием пастушеских племен культуры шнуровой керамики и боевых топоров.

Значение земледелия в жизни брикулийцев в период первой фазы заселения холма А. Васксом, на наш взгляд, явно преувеличено. Прямых свидетельств – зерен злаковых или их отпечатков на керамике – не обнаружено. Косвенные данные – обломки каменных плит с зашлифованной поверхностью – неубедительны, так как совершенно неясно, служили ли они для помола зерна или использовались при обработке многочисленных топоров, костяных орудий и изделий из бронзы. Не следует, по-видимому, рассматривать в качестве доказательства существования подсечного земледелия и случайные находки каменных топоров, обнаруженные в округе: они могли быть потеряны пастухами, случайно забыты в процессе заготовки веток для зимнего корма скотине и т.д. Скорее всего, в начальный период земледелие как отрасль было еще не освоено жителями городища. Активное занятие им в регионе началось позднее, что в итоге (наряду с другими факторами, в частности с развитием варки железа) повсеместно привело на рубеже эр к запустению крупных укрепленных поселков как социально-экономических центров округи и к росту небольших открытых поселений-селищ.

Вторично городища здесь возникают в третьей четверти I тыс. до н.э. Но причиной на этот раз была уже не столько экономическая потребность, сколько политическая: в это время активно идут разложение родовых общин, имущественная дифференциация, формируется слой аристократии, начинаются локальные военные столкновения и т.п.

Этническую принадлежность обитателей поселка Брикули периода ранней фазы и всей Лубанской низменности А. Васкс определяет как балтскую с незначительной примесью финского элемента (сетчатая керамика). Позднее на ее основе при постоянном взаимо-

действии местного субстрата с группами пришлого населения складывается однородная латгальская народность.

В целом главное достоинство монографии, написанной талантливым латышским археологом, состоит в добротной и обстоятельной публикации полностью раскопанного памятника. Благодаря ей городище Брикули займет достойное место среди древностей позднебронзового и раннежелезного веков. К его материалам, без сомнения, будут неоднократно обращаться многие исследователи, занимающиеся изучением эпохи палеометалла на территории лесной зоны Восточной Европы, и в этой связи приходится сожалеть, что издание не сопровождается резюме на русском языке.

Комитет по культуре и искусству. *А.В. Уткин*
Иваново

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васкс А., 1982. Ранний комплекс керамики укрепленного поселения Брикули // Изв. Лат. АН. № 9.
Васкс А., 1987. Очаги с глиняными бортиками на укрепленном поселении Брикули // Изв. Лат. АН. № 5.
Денисова Р., 1985. Культура шнуровой керамики Восточной Прибалтики и проблема балтского этногенеза // Проблемы этнической истории балтов. Тез. докл. Рига.
Лозе И.А., 1979. Поздний неолит и ранняя бронза Лубанской равнины. Рига.
Лозе И.А., 1988. Поселение каменного века Лубанской низины: Мезолит, ранний и средний неолит. Рига.

В.Я. ПЕТРУХИН. НАЧАЛО ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ РУСИ IX–XI ВЕКОВ. Смоленск; М., 1995. 317 с.

В изучении домонгольской Руси еще в "застойный период" появились капитальные труды (И.Я. Фроянов), пересматривавшие, казалось бы, ставшие аксиомами выводы советской историографии. Борьба между "норманистами" и "антинорманистами" лишается политической окраски, которая диктовалась ложно понимаемым патриотизмом. Начинается комплексное изучение русско-скандинавских отношений IX–XI вв. (обширная библиография приведена в рецензируемой книге). Все более осознается ошибочность стремления историков – марксистов удревнить на несколько столетий образование Древнерусского государства и городов (Даркевич В.П., 1994). На современном уровне знаний трудно оспорить мнение А.П. Новосельцева: "У восточных славян в IX в. отделения города от села еще не произошло, вряд ли можно говорить о существовании у них в ту пору классового общества и государства в подлинном смысле этого слова. Можно говорить о предпосылках государства, результатом чего и были те политические формирования, о которых упоминается в ПВЛ. Летописец называет области, в которых были свои княжения" (Новосельцев А.П., 1991, с. 11).

На фоне распада истматовской "псевдорелигии" появление исследования А.Я. Петрухина о начальных стадиях русской истории и культуры, впитавшего результаты многолетних изысканий автора, вполне естественно. Работа представлена в виде очерков, объединенных идеей этнокультурной истории с использованием междисциплинарного подхода. Такая структура представляется правомерной, раскрепощая ученого: очерковая форма наиболее подходит для постановки проблем. В.Я. Петрухин в полной мере овладел "наукой постановки проблем" (Л. Февр), не претендуя на окончательное разрешение наиболее дискуссионных. Вместе с тем монография содержит и ответы на ряд спорных вопросов, с которыми трудно не согласиться.

В главе 1 «Славяне и летописная предыстория Руси» В.Я. Петрухин примыкает к концепции исследователей, которые считают самой ранней достоверно славянской культуру Прага – Корчак VI–VII вв. «Безусловной вехой в этнической истории славян – временем "прорыва" их в историю – остается VI в., а главным этнокультурным рубежом, на котором осуществлялся этот прорыв, – Дунай» (с. 15).

© В.П. Даркевич, 1998 г.

Далее, на основе анализа сообщений ПВЛ, их гипотетической реконструкции историк вкратце воссоздает ход миграции славян на восток под натиском волохов (франки Каролингской империи) – на Днепр, Вислу и вплоть до Ильменя (VIII–IX вв.). Славянские передвижения происходили во взаимодействии с венграми-уграми, варягами (общее наименование всех скандинавских племен), чудью и «всими языцами» – мерой, муромой и т.д. Интересна гипотеза о включении в ПВЛ некоторых сведений древнерусского перевода еврейского хронографа середины X в. «Книги Иосиппон», где народ русь размещается среди германцев. Но «народа "русь" не существовало среди скандинавских народов – так назывались скандинавские дружины "гребцов" (Мельникова Е.А., Петрухин В.Я., 1989), участников походов на гребных судах, проникавшие в Восточную Европу и получившие в славянской среде название "русь", которое распространилось на земли и народ нового Русского государства» (с. 28). По предположению Петрухина, «летописцу, которому было известно предание о варяжском происхождении "изначальной" руси, нужно было найти для нее место среди варяжских народов – это место он нашел, опираясь на "Иосиппон"» (там же). Исследователь напоминает, что арабские авторы IX–X вв. отождествляли русь с народом ал-Маджус ал-Урдмани – норманнами ("урмане" в ПВЛ). «Экспансия народа ар-рус охватывает в описании восточных авторов X в. почти весь Европейский континент. Такому охвату соответствует в описании ПВЛ главная государственная магистраль Руси – "путь из варяг в греки и из грек", восточное ответвление которого – по Волге – связывает Русь с "Хвалиським" (Каспийским) морем» (с. 34). В свете археологических открытий этот тезис кажется неопровержимым. Заметим попутно, что на основании датировок кладов дирхемов распространилось мнение, что Великий Волжский путь начал функционировать раньше, чем путь из Прибалтики в Ромейскую империю и Средиземноморье (через "протогородские" центры типа Ладоги, Рюрикова городища, Гнездова). Думается, что обе трансконтинентальные артерии функционировали синхронно, хотя приток восточных монет по Дону и Волге являлся доминирующим.

Письменные известия о древнейшей Руси наряду с достоверными сведениями, естественно, включали мифологические. Отделение исторических от мифо-поэтических, легендарных мотивов требует специальной исследовательской подготовки. В этом смысле особый интерес представляет глава 2 "Начальная история Руси и космологическая традиция". Так, в описании народов-монстров на краю ойкумены в «Хронике» сирийского автора VI в. Псевдо-Захарии упомянут соседний с амазонками народ ерос (рос, рус, согласно Пигулевской Н.В., 1952). Это невооруженные мужчины, которых не могут носить кони из-за их огромных конечностей. Если следовать взгляду на мир древнего историка, приверженного книжной традиции, «то, "народ рос" оказывается "автохтонным" не в историческом, а в мифологическом смысле – длинные конечности указывают на хтоническую (змеиную) природу» (с. 46). Однако в трудах некоторых советских ученых, работавших в условиях послевоенной кампании борьбы за национальные приоритеты во всех областях науки и стремившихся удревнить русскую историю, фантастические «русы» обрели вполне исторический контекст. С «древностями русов» были отождествлены так называемые древности антов (середина I тыс. н.э.), обнаруженные в лесостепной зоне, включающей Среднее Поднепровье. В комплексы входили вещи частично византийского происхождения: их считали трофеями после удачных походов на империю (Рыбаков Б.А., 1953). Хотя сами анты оказывались на периферии собственно восточнославянской истории, сужение ареала этих древностей (В.В. Седов) максимально приблизило их к Киеву. «Дальнейшая "реконструкция" истории не представляла никакой проблемы: поскольку русь известна в Среднем Поднепровье с VI в., то, стало быть, она выстояла в борьбе с аварским нашествием, создала могучий союз руси, полян и северян и т.д. вплоть до образования Древнерусского государства» (с. 43). Петрухин предпочитает не давать прямой оценки подобным построениям, но вплотную подводит читателя к выводам об их бездоказательности, изъянах в методике анализа материала.

В следующем параграфе исследователь показывает, как «губительный на деле и по имени народ» росы благодаря походам на Константинополь (860, 911, 944 гг.) «вырывается из мифологического контекста описаний окраин ойкумены и включается в исторический контекст "у врат Царьграда"» (с. 51). Но если для ромеев рос – варварский народ, чьи нашествия обрисовываются эсхатологическими красками, то «для руси появление ее имени в греческих хрониках равнозначно включению во всемирную историю» (с. 50). Во главе военных и дипломатических акций народа рос стояли викинги. Посольство, прибывшее в 839 г. из Константинополя к Людовику Благочестивому в Ингельгейм, принадлежало к «народу свеонов» – выходцев из Швеции. Петрухин констатирует, что в этноисторическом

введении к ПВЛ летописец помещает изначальную русь среди племен Скандинавии в «колене Афетове», а «легенда о призвании варягов» имеет исторический фон. Что касается «фольклорного» мотива трех братьев со скандинавскими именами, то автор придерживается мнения, что разделить здесь «историю и сагу» не представляется возможным (§ 3). Тем более что, по данным археологии, Изборск и Белоозеро, где сели меньшие братья Рюрика, служили форпостами славянской колонизации финноязычного севера. ПВЛ под 862 г. сообщает, что по прибытии братья «пояша по собе всю русь», что значило не конкретное племя, а дружины в походе на гребных судах. Отсюда следует важный вывод: «Это название княжеских дружин распространилось в процессе консолидации древнерусского государства на все непосредственно подвластные ему территории от Ладоги и Верхнего Поволжья до Среднего Поднепровья, дав наименование "Русской земле" и "всем людям Русской земли" – восточнославянской в своей основе древнерусской народности» (с. 55). Согласно Константину Багрянородному, между русью и славянами существовали договорно-даннические отношения, связанные с организацией походов на Византию по пути «из варяг в греки».

Принципиально новым является текстологический анализ греческих («Об управлении империей» Константина Багрянородного) и русских (ПВЛ и Новгородская первая летопись) источников, в которых отражена характерная для Средневековья «эгоцентрическая» система описания окружающего мира. Ученый, географ или хронист представлял точку своего местонахождения в данный момент времени в центре известного ему земного пространства. Так, для Константина «внешняя Россия» – это более северные области Руси, а для составителя ПВЛ (вернее, киевского Начального свода) главенствующей выступает земля полян, имеющих обычай «кроток и тих». Это «мужи мудры и смыслены» в противоположность прочим племенам, живущим «звериньским образом». Петрухин воссоздает способ мышления древнего автора, что при скрупулезном исследовании текстов позволяет извлекать из них важные сведения (§ 4 и 5). Слово «русь» в источниках IX в., по мнению большинства языковедов, имеющее скандинавскую этимологию, более древнее, чем «варяги». Первоначальное значение последнего – «наемник, принесший клятву верности» (М. Фасмер) в отличие от члена княжеской дружины. С XI в. в русской традиции оно распространилось на всех заморских скандинавов. Петрухин справедливо критикует прочно вошедшую в советскую историографию с 1940-х годов концепцию южного происхождения руси.

Важное значение имеет глава 3 «Варяги и хазары в истории Руси», посвященная проблеме созидательного взаимодействия разных этносов в начале истории русского народа и его государства. Пожалуй, впервые в послереволюционной литературе появляется уверенное, без обычных оговорок утверждение: «"Русью" назывались дружины первых русских князей (IX – первой половины X в.), состоявшие по преимуществу из норманнов (варягов русской летописи)...» (с. 84). Под пером советских историков, особенно в период борьбы с «безродными космополитами», Хазарскому каганату отводилась роль паразитического ханства, «иго» которого сдерживало рост Древнерусского государства. В дальнейшем в трудах авторитетных ученых эта концепция была подвергнута обоснованной критике (М.И. Артамонов, С.А. Плетнева, А.П. Новосельцев). Автор книги справедливо отмечает, что урегулированные отношения со степью (хазарская дань) были предпочтительнее спонтанных набегов кочевников. Их этнокультурный симбиоз со славянами отражен в древностях волынцевской культуры VIII–IX вв. в Левобережье Среднего Днепра.

Активность варягов и хазар в Восточной Европе приводила к столкновению их интересов. Хазары пропускали дружины руси, плывшие по «реке славян» (Танаису-Дону?) через территорию каганата, взимая с них десятину. Взамен варяги получают доступ к арабскому серебру: первый период проникновения дирхемов вплоть до Ладоги и Балтики начинается на рубеже VIII–IX вв. После захвата Олегом Киева (882 г.) он овладевает хазарской податной территорией в Среднем Поднепровье (с. 92), а также «устави дани словеном, кривичем и мери, и устави варягом дань даяти от Новагорода» (ПВЛ под 882 г.). Возможно, поход Олега на Царьград способствовал улучшению русско-хазарских отношений: между 909 и 914 гг. хазары пропустили русь в грабительский поход на Каспий против своих мусульманских противников. Несколько преждевременно звучит утверждение, что «Русское государство включается в геополитическую систему Евразии» (с. 93), хотя бы потому, что насильственное объединение Олегом Новгорода и Киева отнюдь не означало создания прочного государственного единства. Вхождение в «геополитическую систему Евразии» не могло произойти в результате исключительно военных акций. Решающую роль в консолидации Руси сыграл фактор духовного единства только после победы христианства.

В параграфе 1 главы 3 Петрухин рассматривает вопрос о материальной базе варяжских

по происхождению князей для организации широкомасштабных походов на Царьград. Согласно трактату Константина Багрянородного «Об управлении империей» (составлен в середине X в.), росы каждую весну собирают в крепости Киева ладьи-однодеревки. Их приводят на Днепр и продают славяне из Новгорода, Смоленска, Любеча, Чернигова и Вышгорода. В июне росы по Днепру отправляются в Византию. Зимой «все росы» выходят со своими архонтами (т.е. представителями знати) из Киева в полюдье и кормятся у славянских племен – древлян, дреговичей, кривичей, северян и др. Даннические отношения основаны на договоре. Внешние – торговые и военные – предприятия Руси в X в. непосредственно связаны с системой полюдья. По мнению Б.А. Рыбакова без системы даней никакие далекие экспедиции были бы невозможны.

В этой связи возникает уже давно дискутирующийся в отечественной науке вопрос о функциях так называемых дружинных центров и их соотношении с возникшими поблизости городами в X в., что создавало своеобразный «дуализм». Проблема продолжает рассматриваться в главе 5 «К начальной истории русского города. Города и погосты». К парным поселениям относятся Гнездово и Смоленск, «Рюриково Городище» – Новгород (их сосуществование в X в. – свидетельство различного назначения, как и в других случаях), Шестовицы – Чернигов, Лысая гора – Киев (по Г.С. Лебедеву), Сарское городище – Ростов, Тимерево – Ярославль. На мой взгляд, «дружинные центры» (их еще называют «городами-эмбрионами», «протогородами») – прежде всего временные сезонные места оседания купцов-воинов-пиратов (для IX–X вв. почти синонимы), рыночные пункты на магистральных водных артериях. Стоявшие здесь княжеские гарнизоны контролировали судоходство, взимая пошлины с проходящих судов. Товарооборот этих ключевых пунктов в организации трансконтинентальных связей базировался на использовании общей «валюты» – арабского серебра. Отсюда обилие монетных и денежно-вещевых кладов на их территории. Система мелких речек и волоков связывала главные «фактории» с глубинными районами в стороне от основных путей.

В.Н. Петрухин склонен объяснять дуализм поселений экстерриториальностью князя и его дружины с их резиденцией вблизи города (как впоследствии в Новгороде). Этот тезис уязвим, поскольку большинство поселений с некрополями дружинной знати скандинавского происхождения возникают раньше, чем собственно города типа Смоленска или Чернигова. Слоев X в. здесь пока не обнаружено, а по упоминаниям в ПВЛ нельзя составить представления о типе памятников (летописец называл «градами» любые огороженные укрепленные места).

Автор выделяет характерные черты дружинных некрополей и поселений, расцвет которых приходится на середину – вторую половину X в. Не отрицая наличия погребений скандинавских вождей в «больших курганах» с типичными элементами обрядности и инвентарем викингов (особенно вооружением), археологи делали упор на полиэтничности захороненных, на быструю ассимиляцию скандинавов в местной славянской среде. Петрухин приходит к более взвешенному выводу, что эти могильники и укрепленные поселения «развиваются под сильнейшим воздействием скандинавской культуры эпохи викингов – "местные" традиции в их быте связаны по преимуществу с керамическим производством, домостроительством, деталями костюма, общими для всей Восточной Европы» (с. 97). Естественно, курганы норманнских военных предводителей, представителей правящей элиты, наиболее ярко сохраняли этноопределяющие признаки. Но не только они принадлежали заморским пришельцам. Погребения рядовых дружинников, судостроителей, ремесленников – кузнецов или создателей «вещей-гибридов», торговцев драгоценной пушниной, а также продуктами лесных промыслов и т.д. – только в идеале могли иметь чисто скандинавский облик. Наивно полагать, что закономерное усвоение некоторых черт автохтонной материальной культуры вело к утрате скандинавами своей самобытности и менталитета уже в X в. Речь может идти лишь об адаптации к новым условиям. Следовательно, подсчеты в процентах местных и норманнских курганов представляются бесперспективными. Разумеется, В.Я. Петрухин не ставит под сомнение полиэтничность «протогородских центров»: здесь жили славяне, в них вливался финнский и балтский субстрат. Исследователь справедливо признает многофункциональность образований типа Гнездова. Это не только места дислокации дружин, готовящихся к опасным походам, но и пункты, куда свозили дань (погосты), собиравшуюся во время полюдья. Автор обращает внимание, что расцвет дружинных поселений по времени совпадает с реформами княгини Ольги, установившей фиксированные «уроки и уставы». В них могли находиться представители княжеской администрации с правом сбора дани с окрестного населения. Здесь же на международных торжищах функционировали невольничьи рынки.

При констатации доминирующей роли вождей скандинавского происхождения в работе справедливо отмечена полиэтничность дружинной культуры, что проявлялось в погребальных ритуалах, характере инвентаря и орнаментике вещей. Наряду с норманнами и славянами в состав русской дружины входили выходцы из кочевого мира степей – хазары, венгры, печенеги. Обряд Черной могилы в Чернигове не чисто «варяжский», хотя курган принадлежал знатному боярину-скандинаву. В X в. в дружинных «станах» и возникающих городах Поднепровья происходил этнокультурный синтез, сплавлявший скандинавские, хазарские (салтовские), славянские элементы. Еврейско-хазарская община существовала в Киеве. «Нет ничего удивительного, что в Чернигове, центре Северской земли, платившей, как и полянский Киев, дань хазарам, было хазарское (салтовское) население» (с. 100). Господствующий слой Руси усваивал «хазарские ритуалы» – отсюда претензии русских князей на титул кагана. Определенную роль в дальнейшей аккультурации Руси сыграли киевские варяги-христиане. Крах традиционного строя жизни варваров – переход от родоплеменной организации к территориальной – одна из причин их относительно быстрой христианизации не только в Западной, но и в Восточной Европе.

В.Я. Петрухин справедливо отмечает, что «с упрочением Древнерусского государства и новым пониманием его внешних и внутренних целей при Владимире меняется отношение к экзогенным факторам государственного развития – в том числе к варягам и хазарам (равно как и к Византии)» (с. 106). Завершается активная роль норманнов: в пантеоне Владимира нет «варяжских» божеств; при последнем походе на Царьград в 1043 г. цели варягов противопоставлены руси (славянам). Поклонение славяно-иранским божествам при Владимире исследователь связывает с хазарским наследием.

Но через всю работу проходит сквозная идея: на ранних этапах становления русской государственности договорные отношения славян и руси, а также хазарское влияние на юге стали важнейшими структурообразующими факторами на пути к государству. Состав княжеской дружины запечатлел следы синтеза – славяно-варяжского и славяно-хазарского. "Дружинное название "русь" распространяется на территорию всего государства; княжеским доменом – Русской землей в узком смысле – становится территория, с которой брали дань хазары» (с. 108).

В главе 4 проведен анализ летописного рассказа о призвании варяжских князей – традиционного в Средневековье мифологического сюжета о происхождении правящей династии. Однако фольклорный пласт «варяжской легенды» вряд ли опровергает ее историческую основу: конфликт новгородцев с норманнами завершился «рядом» – договором с русью – дружиной призванных князей. При восприятии славянской социальной терминологии скандинавы усваивали и местные правовые нормы. Трудно различимы легенда («сага») и история в летописных сказаниях о первых русских князьях – Вещем Олеге (явно мифологизирован эпизод его смерти), Игоре (его гибель также ритуализирована, как и месть княгини Ольги древлянам). Сказания о первых русских правителях с их эпическими реминисценциями, предшествовавшие составлению летописных сводов, вероятно, были популярны в княжеско-дружинной среде. По мысли Петрухина, в бесписьменный период русской дохристианской истории эти предания служили обоснованием легитимности княжеской власти, ее прав по отношению к славянским племенам. X столетие – период непрочных протогосударственных образований, когда происходят «столкновения старого племенного права с зарождающимся государственным – княжеским» (с. 150). После древлянского восстания и казни Игоря архаическое полюдье было заменено фиксированными правовыми нормами («уставы») и данями («уроки»), взимаемыми представителями княжеской администрации.

Что касается главы 5 «К начальной истории русского города. Города и погосты», то автора можно упрекнуть в недостаточно четком разделении между дружинными поселениями-погостами на «пути из варяг в греки» (некоторые археологи сравнивают их с германскими «виками») и городами в понимании современных исследователей. Никак нельзя сказать, что первые уже в IX в. образуют «сеть раннегородских центров» (Мельникова Е.А., Петрухин В.Я., 1986). Они лишены присущих собственно городу признаков, представляя собой качественно иные образования. Некоторые перечисленные Константином Багрянородным в середине X в. города упомянуты лишь в связи с присылкой славянами однодеревок для походов на Византию. Они еще только зарождались. Расцвет памятников типа Гнездова, не имевших ничего общего с урбанистическими объединениями, – результат заморских экспедиций и торговли под началом викингов, сбора даней с окрестного населения.

Упрочение Древнерусского государства, тесные связи с византийским миром после при-

нятия христианства, отказ от международной экспансии в связи с задачами консолидации Киевской Руси, ее внутреннего устроения повлекли за собой постепенный упадок поселений с ведущей ролью дружинного слоя. Преобладание созидательных начал – усложнение аппарата управления, создание письменного свода законов («Русская Правда»), становление церковной организации и образование монастырей, развитие письменности, монументальной архитектуры и искусства, уничтожение приводившего к сепаратизму пантеона разноплеменных языческих богов и т.д. – требовало совсем иных форм человеческого общежития. Около середины XI в. происходит «городская революция». Так же, как и на Руси, в Скандинавии отсутствует прямая преемственность между виками IX–XI вв. и средневековыми городами во всем многообразии их функций (Лебедев Г.С., 1985, с. 102, 103).

Под воздействием христианской культуры на Руси стали постепенно меняться стереотипы мышления и поведения, самый духовный облик общества. В этих условиях поселения типа Гнездова, ремесло которых ориентировалось на потребности дружины, к началу XI в. прекратили свое существование. Некоторые исследователи связывают их упадок с прекращением притока восточного серебра, изменением водных путей или переносом «города» с одного места на другое (например, из Гнездова в Смоленск, из Тимерева в Ярославль), чему противоречат данные археологии, как верно отмечает В.Я. Петрухин. Автор объясняет угасание погостов только политическими причинами. «На Черниговщине с разгромом Хазарии отпала прямая нужда в укрепленном лагере в Шестовице... Не нужен стал и погост в Гнездове – княжеский стол появился в старом "племенном" центре» (с. 166). Реформа Владимира пришла на смену полюдья: княжеская власть его сыновей утвердилась в возникающих не без участия воли киевского повелителя городах. Отныне новгородцы и кыяне, а не варяги служат опорой князя. К нему же стекается собранная дань. Мне представляется, что проблема происхождения городов и упадка рассчитанных на дальние военные предприятия дружинных станов, где повелевали варяжские «находники», решается с учетом нескольких факторов – не только политических, но и культурологических. Она требует более широкого подхода в контексте христианизации Руси на переходе от эпохи военной демократии к образованию государства.

В главе 5 ученый пишет об отношениях господства – подчинения княжих и «племенных» центров, а иногда их «компромиссного» сосуществования. «Собственно в эпоху становления государства вплоть до второй половины X в. великокняжеская власть стремилась подчинить себе старые племенные территории...» (с. 168). Уточним, что по летописным известиям подчинение «племенных территорий» продолжалось значительно позже. Поскольку «племенная теория» происхождения наиболее известных городов не подтверждается (Даркевич В.П., 1994, с. 45, 46), нельзя согласиться с тезисом, что «расположение великокняжеских погостов вблизи древнейших городов, вероятно, указывает на то, что их социальные силы – дружина – призваны были не только взимать дань, но и противостоять центробежным устремлениям "племенной" верхушки древнерусских городов (? – *В.Д.*) – центров местной (племенной) округи» (с. 168). Ввиду того что местами слова племя, племенной центр, племенная верхушка забраны в кавычки, не мешало бы пояснить, что автор понимает под этими терминами. Видимо, он считает, что в домонгольской Руси господствовали феодальные отношения, так как пишет, что с прекращением полюдья началась феодальная эксплуатация «волостей», где сидели князья и боярская знать[1].

В главе 6 В.Я. Петрухин на примере оковок питьевых рогов из Черной могилы прослеживает процесс этнокультурного синтеза – восприятия и переработки на русской почве в X в. различных этнических традиций. В ритонах из знаменитого кургана отчетливо проявились типичные черты «метисной» дружинной культуры. К существующим интерпретациям композиций на большом ритоне В.Я. Петрухин добавляет свою. Развернутая аргументация позволила ему придти к выводу, что «композиция в целом соответствует универсально распространенной в архаическом и средневековом искусстве космологической схеме мирового дерева» (с. 176). Объяснение, исключающее какую-либо повествовательность, можно принять при допущении, что «смысл символа в "знаковой системе" абсолютно доминирует, подчиняя сюжетные стереотипы» (с. 181). Этому толкованию не противоречит хазарский эпический мотив поражения кагана – культурного героя (первого царя?) в борьбе с соперником. Изучение декора на оковке питьевого рога из Чернигова –

[1] Развитие феодального «способа производства» в домонгольской Руси – один из главных постулатов советской историографии – вызывает серьезные возражения (Н.П. Павлов-Сильванский, И.Я. Фроянов). Проблема требует широкого обсуждения.

единичного факта в истории культуры – позволило проследить механизм взаимодействия и концентрации разных культурных импульсов в дружинном искусстве Руси X в.

«Космополитизм» культуры дружинных верхов, ее гетерогенность объясняют распространение в Восточной, Средней и Северной Европе «вещей-гибридов», в орнаментике которых сочетаются норманнские, венгерские, тюркские (хазарские), иранские, среднеазиатские и византийские элементы. Синкретичное искусство дружинного слоя распространяется из Хазарии и Южной Руси до Скандинавии. Полиэтничность великокняжеской дружины, естественно, приводила к синтезу неоднородных по происхождению составных частей в ее материальной культуре и прикладном искусстве.

Глава 7 «Язычество и отношение к смерти» посвящена анализу курганных дружинных погребений IX–XI вв., поскольку отрывочные данные летописей и археологии («святилища») всесторонне изучены. Предпринята попытка реконструировать представления о смерти и посмертной судьбе, свойственные славянской дохристианской культуре. Важен методологический вывод, что бедность погребального обряда не дает оснований для социологических выводов о неразвитости социальной дифференциации. Относительные, иногда выраженные очень слабо бедность и богатство сопровождающего инвентаря нередко приводят археологов к ошибочным выводам о структуре общества. «Бедность» и «богатство» характеризуют в данном случае не прямо социальную действительность, а погребальный культ, традицию: «к примеру, отсутствие оружия в славянских погребениях свидетельствует об отсутствии традиции оставлять оружие с умершим, но, конечно, не об отсутствии вооружения у славян» (с. 196). Так, погребальные почести у родоплеменной знати балтов и финнов в I тыс. н.э. (в том числе воинские погребения) характерны для последнего периода первобытнообщинного строя. Для славянского обряда вплоть до X в. типична скудость инвентаря, хотя по уровню социального развития они, скорее, опережали своих соседей. «Богатство и бедность инвентаря... не являются надежным показателем социального ранга погребенного без учета иных признаков – размеров кургана, количества жертвоприношений и т.п. ...Малоинвентарные кремации содержали кости принесенных в жертву животных – коня, собаки и птицы; эта иерархия жертв характеризует, скорее, ритуал социальных верхов, чем бедных низов...» (с. 197).

Исследователь обращает внимание на биритуальность обрядов, приписываемых дружинным верхам X в. На единство ритуала вне зависимости от способа захоронения в погребениях всадников указывает одинаковое расположение костей коня в ингумациях и кремациях Среднего Поднепровья (так же, как и вещевого инвентаря). В биритуальности X в. едва ли можно усматривать этнические или конфессиональные признаки. В заключение главы автор резюмирует: «Типологически (и генетически) сходные погребальные обычаи германцев, балтов и славян, сходное отношение к умершему и смерти способствовали процессам этнокультурного синтеза уже в языческую эпоху – становлению древнерусской курганной культуры X в.» (с. 215).

В последней главе 8 исследователь справедливо отрицает достоверность известий о начальных «крещениях руси» в IX в. После похода Олега на Царьград (911 г.) его мужи – русь и словене – при заключении договора клянутся Перуном и Волосом. При Игоре в 40-х годах X в. в Киеве соседствовали разные религиозные общины, как и в других столицах раннесредневекового мира. О христианском субстрате на Руси в середине – третьей четверти X в. свидетельствуют находки в некрополях крестовидных подвесок из листового серебра, а также малоинвентарные могилы с западной ориентировкой, открытые в некрополях Гнездова, Тимерева, Киева (X в.). Но В.Я. Петрухин признает преждевременность окончательного решения вопроса: «Сочетание языческого инвентаря (в том числе амулетов. – *В.Д.*) и христианских символов в камерных гробницах не позволяют интерпретировать эти комплексы однозначно как христианские» (с. 225). Языческий контекст находок крестов, включенных в состав ожерелий в женских комплексах X в. (не только на Руси, но и в Бирке), оставляет открытым вопрос о крестовидных привесках как христианских символах у славян. Они обнаружены главным образом в скандинавских могилах, что связывается с летописными известиями о варягах-христианах, крестившихся в Византии. Не увенчалось успехом «феминистическое» христианство (крещение княгини Ольги и ее приближенных), поскольку Святослав был противником этой религии, но его война с христианской Болгарией и Византией кончилась крахом. В 70-е годы X в. в Гнездове и Тимереве продолжает распространяться языческий ритуал погребения в камерных гробницах.

Первая языческая реформа Владимира I не привела к государственной консолидации, не могла преодолеть обособленность региональных культов. В пантеон Владимира, кроме

верховного дружинного бога Перуна, были включены иранские божества Хорс и Симаргл, что не могло способствовать объединению государства, его сплоченности при сохранявшихся этнокультурных различиях. Последующее возведение универсальной мировой религии в ранг официальной государственной явилось взрывом во всех сферах культуры, интеллектуальной революцией, на столетия определившей развитие древней Руси. «С христианизацией стало исчезать и традиционное для ранних источников противопоставление руси (варягов) словенам и другим племенам – единая христианская культура способствовала консолидации нового восточнославянского – древнерусского – этноса» (с. 233).

В заключении книги ученый определяет христианство как своеобразный «культурный переворот». Действительно, как одно из вершинных достижений человеческого духа оно определило нравственное и эстетическое развитие русского народа, утверждая новые духовные ценности и формы повседневного бытия, ломавшие архаические и изжившие себя общественные модели. С XI в. трансформация языческой культуры охватила не только города, естественные центры христианизации, где были сосредоточены правящие верхи, но и сельскую глубинку, о чем свидетельствуют изменения в погребальном обряде. Параллельно с упрочением государственности и христианства происходит расцвет сети древнерусских городов – вместе с их подъемом во всей Европе. В XI в. на основе предшествующего этнокультурного синтеза «завершилось формирование древнерусской народности в пределах единого древнерусского государства – Руси» (с. 245).

Книгу В.Я. Петрухина можно без преувеличения рассматривать как принципиально новое слово в исторической науке, итоговый труд многолетних исследований. Работа посвящена одному из наиболее сложных переходных от варварства к цивилизации периодов истории Руси (IX–X вв.).

Основная задача исследования – определение места Руси в славянском и раннесредневековом мире в целом – решается ученым со всей возможной объективностью. Изученный во многих аспектах этнокультурный синтез, характерный для эпохи «последнего великого переселения народов», едва ли позволит вернуться к утверждениям советской историографии (с конца 1940-х годов) об обособленности славян от народов Северной Европы и от Хазарии, о преимущественно враждебных отношениях между ними. На деле военная каста – дружинники во главе с авторитетными вождями норманнского происхождения – послужила катализатором политического развития при создании раннегосударственных образований в Восточной Европе.

Думается, что актуальная монография В.Я. Петрухина имеет не только самодовлеющую ценность, но и дает направление для дальнейших изысканий в разных областях истории и культуры этого определившего будущее периода раннего Средневековья Восточной Европы.

Институт археологии РАН,
Москва

В.П. Даркевич

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Даркевич В.П., 1994. Происхождение и развитие городов древней Руси (X–XIII вв.) // ВИ. № 10.

Лебедев Г.С., 1985. Эпоха викингов в Северной Европе. Л.

Мельникова Е.А., Петрухин В.Я., 1986. Формирование сети раннегородских центров и становление государства // История СССР. № 5.

Мельникова Е.А., Петрухин В.Я., 1989. Название "Русь" в этнокультурной истории Древнерусского государства // ВИ. № 8.

Новосельцев А.П., 1991. Образование Древнерусского государства и первый его правитель // ВИ. № 2–3.

Пигулевская Н.В., 1952. Имя "рус" в сирийском источнике VI в. н.э. // Академику Б.Д. Грекову ко дню семидесятилетия. М.

Рыбаков Б.А., 1953. Древние русы // СА. Вып. XVII.

А.Е. ЛЕОНТЬЕВ. АРХЕОЛОГИЯ МЕРИ. К ПРЕДЫСТОРИИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ. М., 1996. 340 с.

Это четвертый выпуск интереснейшей серии "Археология эпохи великого переселения народов и раннего средневековья", издаваемой Институтом археологии РАН и Институтом доистории и ранней истории университета в Вене под общей редакцией Г.Е. Афанасьева и Ф. Дайма при участии Д. Кидда. Ранее в этой серии вышли книги Г.Е. Афанасьева "Донские аланы. Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения Среднего Дона" (М., 1993), М.П. Абрамовой "Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.)" (М., 1993) и В.И. Кулакова "Пруссы (V–XIII вв.)" (М., 1994), заслуживающие специального рассмотрения. Издания сопровождены развернутыми резюме на английском языке, что делает их доступными для широкого круга зарубежных археологов.

Во введении рецензируемой книги А.Е. Леонтьев кратко знакомит читателей с историей изучения мери, традиционно рассматриваемого как одно из поволжско-финских племен, заселявшее междуречье Волги и Клязьмы до славянского освоения этого края. В первой главе дается обзор состояния источниковой базы для изучения истории и культуры мери – фрагментарным письменным свидетельствам, материалам археологии и топонимики. Здесь помещены две очень важные для всего исследования карты. Одна из них – "Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья I – начала II тыс. н.э.", где зафиксированы 133 памятника, анализируемые в книге. Вторая карта – топонимическая, на которой помещены названия с элементом "бол" (с предполагаемым значением "поселение"). Считаю необходимым сразу же сделать два замечания по этим картам. Граница мерянской земли по данным археологии на карте (рис. 1) проведена в ряде мест неоправданно. Произвольной представляется граница на ее северном и юго-западном участках. Так, северный рубеж земли мери очерчен почему-то в 50–80 км от археологических памятников, относимых автором к этому племени. Неясно, на каком основании в ареал мери включен бассейн нижнего течения р. Унжи. Никаких мерянских памятников здесь нет, пояснения в тексте книги отсутствуют.

Карта субстратных ойконимов и гидронимов с элементом "бол" (рис. 2) крайне неполна. В 30-х годах нашего столетия эти географические названия были описаны М. Фасмером, став наряду с топо-гидронимами с элементом "бож" основой для определения ареала мери (Vasmer M., 1935, S. 580–589). Этот труд немецкого лингвиста упоминается А.Е. Леонтьевым на с. 15 (страницы указаны неверно) и назван в списке литературы, но при составлении топонимической карты, к сожалению, не использован. Среди неучтенных А.Е. Леонтьевым названий с элементом "бол" большинство (Александровский, Переяславский и Суздальский уезды Владимирской губ., Галичский и Кологривский уезды Костромской губ. и Пешехонский, Рыбинский и Угличский уезды Ярославской губ.) локализуется на территории мери, очерченной в его книге. Более существенно то, что имеются пропуски подобных топо-гидронимов за пределами основной земли мери. М. Фасмером они выявлены в Белозерье (Ватбол и Патробол), по всей вероятности, свидетельствуя о лоскутном расселении здесь мерянского населения из Волго-Клязьминского региона. Один гидроним (Возобол) зафиксирован М. Фасмером в верхнем течении р. Лух (памятники бассейна этой реки некоторыми исследователями относятся к мери, что оспаривается А.Е. Леонтьевым), еще один топоним (Атебол) имеется в Дмитровском уезде Московской губ.

В трех основных разделах рецензируемой книги (главы 2–4) всесторонне и обстоятельно анализируются археологические материалы области расселения мери. Значительную их часть составляют данные, полученные в результате полевых изысканий последних десятилетий, доминирующая роль в которых принадлежит автору. Новые материалы вводятся в научный оборот не изолированно, а в контексте с ранее собранными. Таким образом, систематизируется и детально анализируется весь обширный источниковый фонд по археологии Ярославско-Костромского Поволжья и междуречья Волги и Клязьмы второй половины I тыс. н.э.

Отдельные главы посвящены археологии важнейших регионов ареала мери. А.Е. Леонтьев начинает исследование с анализа данных археологии тех местностей, где проживание мери зафиксировано древнерусскими летописями – регионов Ростовского озера (Неро) и оз. Клещино (ныне Плещеево). Основными памятниками исследуемого периода здесь являются селища, давшие сравнительно небольшие керамические и вещевые материалы. Однако

© В.В. Седов, 1998 г.

автору удалось извлечь из этих данных очень многое, превратив их в ценный исторический источник. Помимо обстоятельной характеристики топографии поселений и домостроительства, описания быта и культуры обитателей селищ, определяемых в пределах VII–X вв., А.Е. Леонтьевым сделаны важные исторические наблюдения. Утверждается, что жизнь на городищах дьяковской культуры в рассматриваемых регионах, как и во всей восточной области ее распространения, прекращается в первых веках нашей эры. Памятники второй четверти и середины I тыс. н.э. в этой местности остаются неизученными, а малое их число (как и городищ дьяковской культуры) позволяет говорить о весьма небольшой плотности "домерянского населения". Появление селищ в VII в., как считает автор, было следствием расселения здесь нового, пришлого населения, которое и отождествляется с мерей.

Следующая глава исследования А.Е. Леонтьева целиком посвящена Сарскому городищу и связанному с ним грунтовому могильнику. Это единственное укрепленное поселение в области ростовской мери. При анализе селищ автором рецензируемой книги замечено, что они образуют несколько локальных групп, указывающих на вероятное существование каких-то небольших племенных образований, состоящих из патронимий. Сарское городище не входило ни в одну из таких территориальных групп и, таким образом, может рассматриваться как племенной центр ростовской мери, о чем предполагали ранее и другие исследователи.

Сарское городище и могильник дали весьма обширные материалы для изучения истории и культуры ростовской мери. Монографический анализ этих данных позволил А.Е. Леонтьеву восстановить характер оборонительных сооружений поселения, особенностей домостроительства и погребальной обрядности. Обстоятельно рассмотрен многочисленный вещевой материал, включающий и орудия труда, и предметы быта, и разнообразные украшения, и вооружение, и керамику. Коллекции Сарского городища дали возможность детально охарактеризовать культуру, быт и экономику его обитателей. При описании украшений отмечается, что проволочные височные кольца являются "самым распространенным видом украшений из культурного слоя поселения и из могильника". Поселение было не только ремесленным центром, но и военно-административным. Возникнув в VII в. как племенной центр, городище за свою 300-летнюю историю выросло в три раза, а в X в. за пределами укреплений образовался посад, что, безусловно, отражает зарождение городских особенностей. А.Е. Леонтьев не соглашается с теми исследователями, которые рассматривают Сарское городище как полиэтничное (славяно-мерянское) протогородское поселение. Он утверждает, что до конца своего существования оно оставалось чисто мерянским центром.

В следующем разделе рецензируемого издания исследуются древности мери Суздальско-Юрьевского ополья, поречья Клязьмы, Ярославского Поволжья и Заволжья. При характеристике памятников Суздальско-Юрьевского региона помимо описания материалов селищ и немногочисленных городищ весьма детально исследованы материалы городища Выжегша, включающие два клада – монетный и вещевой. Известные в низовьях р. Теза и в среднем течении р. Лух памятники, в том числе Хотимльский, Холуйский и Кочкинский могильники, по мнению автора, оставлены не мерянским населением.

При обращении к материалам известного Березняковского городища, расположенного в Ярославском Поволжье, на основании краткого обзора вещевой коллекции из раскопок памятников А.Е. Леонтьев разрушает сложившееся по работам П.Н. Третьякова представление об этом поселении. Городище исключается из числа памятников мери, нижние слои его А.Е. Леонтьев относит к раннему железному веку, слои V–VI вв. – к позднедьяковской культуре, вещи IX–X вв. приписываются финскому населению Верхнего Поволжья. Высказываются сомнения в интерпретации П.Н. Третьяковым одной из построек городища как "домика мертвых". Заволжский регион мери характеризуется в основном по материалам комплекса памятников у д. Попово в среднем течении р. Унжи, Дурасовского городища в низовьях р. Стежеры и у могильника у д. Большое Молочное на р. Костроме.

Исследование древностей мери второй половины I тыс. н.э. выполнено А.Е. Леонтьевым высокопрофессионально. Сводка с исчерпывающим привлечением новейших материалов заслуживает высокой оценки. Думается, что к памятникам мери следовало бы отнести еще городище Пушкариха в г. Юрьевце. Оно известно по обследованиям А.А. Спицына 1897 г. и в большей степени по раскопкам Л.А. Евтюховой 1928 г. В составе керамической коллекции немало фрагментов сосудов с замытой и заглаженной поверхностью, что, по А.Е. Леонтьеву, весьма характерно для мерянской керамики. Есть в материалах Пушкарихинского городища и венчики с насечкой по краю. Глиняная посуда и пряслица Л.А. Ев-

тюховой сопоставляются с материалами Сарского городища и синхронных ему поволжских могильников. Металлические находки определяют время функционирования поселения второй половиной I тыс. н.э. Рукописный отсчет о раскопках Л.А. Евтюховой и находки хранятся в Ивановском музее (Инв. № 2446–2459, 2495).

Заключая анализ памятников Волго-Клязьминского междуречья и смежных земель Поволжья, А.Е. Леонтьев утверждает пришлый характер культуры мери в целом, с чем нельзя не согласиться. Хронологической преемственности между отложениями раннего железного века и второй половины I тыс. н.э. нигде зафиксировать не удалось. Исследователь также обращает внимание на то, что системы расселения носителей дьяковской и раннесредневековой мерянской культур различны. Распространенное в археологии представление о генетической связи раннесредневековой мери с предшествующими дьяковскими племенами, как полагает автор, оказывается ошибочным.

С большим интересом читается пятая глава исследования "Меря в составе Древнерусского государства". Здесь речь идет о расселении в земле мери древнерусского населения. Начало миграции определяется концом IX в., широко она развернулась только спустя полстолетие. Переселенцы на первых порах оседали в уже обжитых местностях. Новые поселения возникали или в непосредственной близости от мерянских, зачастую граница с ними, или прямо на селищах мери. Топографические особенности поселений остаются прежними, различия заключаются только в том, что в древнерусский период поселения становятся более крупными, увеличивается плотность заселения. Слои мерянского времени отличаются от древнерусских только особенностями лепной керамики. Вместе с переселенцами в земле мери получает распространение курганный обряд погребения.

А.Е. Леонтьев утверждает, что Тимеревский и Михайловский археологические комплексы – военизированные форпосты славянского освоения Волго-Клязьминского междуречья, массовое же заселение осуществлялось уже после установления и укрепления государственной власти. Параллельно начался активный процесс ассимиляции финноязычной мери. Формирующаяся древнерусская культура отражает процесс формирования новой общности, включающей в себя славянский и мерянский этносы, и дифференцировать эти этносы в древнерусских археологических материалах уже довольно затруднительно, а часто и просто невозможно. Финские украшения, встречаемые в древнерусских курганах, отражают процесс включения мерянского населения в состав древнерусского, но не могут рассматриваться как прямые маркеры финских захоронений. Согласно исследованию А.Е. Леонтьева, немногочисленное мерянское население, не затронутое ассимиляционным процессом, продолжало жить в отдельных селениях, характеризующихся иными топографическими особенностями. Оно было вытеснено со своих исконных земель. Как и позднейшие "мерянские станы", известные по историческим источникам, селения мери располагались в землях с бедными супесчанистыми почвами и на заболоченных участках, не пригодных для пашенного земледелия.

Эти важные историко-археологические наблюдения изложены в работе А.Е. Леонтьева весьма интересно, с достаточной аргументацией. С большинством выводов автора, безусловно, согласятся многие исследователи.

Вместе с тем в рецензируемой работе имеются некоторые положения, которые представляются мне дискуссионными и обсуждение которых должно способствовать развитию наших знаний по предыстории Северо-Восточной Руси.

Одним из существенных результатов исследования А.Е. Леонтьева является положение о том, что культура междуречья Волги и Клязьмы второй половины I тыс. н.э. сформировалась не на местной основе, а стала следствием расселения в этих землях пришлого населения. Вопрос о происхождении последнего остался нерешенным. Мимоходом автором высказывается мысль о возможной миграции нового населения из региона рязанско-окских могильников. Однако эту догадку он не пытается подкрепить какими-то аргументами, а сравнительный анализ всех особенностей культуры рязанско-окских могильников и рассматриваемой культуры мери Волго-Клязьминского междуречья вполне определенно свидетельствует о невозможности генезиса последней из первой. Весьма различны и погребальный обряд, и комплекты женских украшений, и глиняная посуда. Конечно, в древностях мерянской и окской культур есть отдельные однотипные украшения, предметы труда и быта, но их нельзя отнести к характерным элементам названных культур, поскольку они широко представлены и в других древностях Среднего Поволжья.

Представляется, что для решения вопроса о происхождении пришлого населения следует обратиться к древностям более западных территорий. А.Е. Леонтьев, связанный предпосылкой о поволжско-финской языковой принадлежности рассматриваемых древностей

Волго-Клязьминского региона, при анализе вещевых материалов указывает аналогии преимущественно в финских древностях Поволжья. Между тем ряд предметов мерянской культуры имеет и западные аналогии. Остановлюсь только на одной категории таких находок – проволочных (браслетообразных) височных кольцах, которые сравнительно широко представлены в рассматриваемой мерянской культуре. Большинство их имеет сомкнутые или заходящие концы. Местной разновидностью браслетообразных колец являются украшения со втулкой на одном из концов.

Вопрос о происхождении браслетообразных височных колец А.Е. Леонтьевым даже не ставится. Между тем вполне очевидно, что ни одному из средневековых племенных образований финно-угров, не затронутых славянским влиянием, ношение височных колец не было свойственно. В мерянском ареале браслетообразные височные кольца имеют бесспорное западное начало. Наиболее ранним регионом их распространения были земли Юго-Восточной Литвы, где большое число таких украшений датируется концом IV–V в. (Lietuvos TSR archeologijos atlasas, 1978, p. 6–8, zem. 2). В V–VI вв. браслетообразные височные кольца получают распространение (в результате инфильтрации нового населения с запада) на территории тушемлинской культуры и в ареале позднедьяковской культуры (Седов В.В., 1994, с. 56–69). В VII в. такие украшения появляются и в междуречье Волги и Клязьмы, как раз в то время, когда началось формирование новой мерянской культуры. Среди древностей последней широко представлены кольца, совершенно аналогичные украшениям более западных земель, и их появление в Волго-Клязьминском междуречье объяснимо только проникновением в эти земли нового населения с запада.

С расселением носителей браслетообразных височных колец в междуречье Волги и Клязьмы происходят принципиальные изменения в системе расселения. На смену небольшим поселениям, приуроченным к пойменным лугам, получают распространение неукрепленные поселения более крупных размеров, основная часть которых тяготеет к участкам с наиболее плодородными почвами. Ведущую роль в экономике теперь стало играть земледелие.

Получившие распространение во второй половине I тыс. н.э. браслетообразные височные кольца непрерывно бытовали в лесной зоне Русской равнины до XIII в. включительно в эпоху Древней Руси. Они надежно связываются со славянским этносом. Поэтому мысль о славянской принадлежности расселившегося в VII в. в Волго-Клязьминском междуречье нового населения вполне допустима. Переселенцы вместе с местными финноязычными племенами и создали мерянскую культуру, обстоятельно описанную в книге А.Е. Леонтьева. Думается, что в керамической коллекции этой культуры можно будет выявить отдельные черты западного происхождения.

Как отмечалось выше, А.Е. Леонтьев пишет об отсутствии преемственности между местными дьяковскими древностями раннего железного века и мерянской культурой второй половины I тыс. н.э. С этим никак нельзя согласиться. Мощный пласт древней финно-угорской гидронимии – надежное свидетельство непрерывности заселения Волго-Клязьминского междуречья. Проследить эту непрерывность в археологических материалах середины I тыс. н.э. оказалось затруднительным. Как известно, в первых веках этого тысячелетия дьяковское население оставляет городища и основывает небольшие неукрепленные селения, археологически пока весьма слабо изученные. По всей вероятности, они во многом напоминали "мерские станы", известные по историческим данным. Историю последних следует начинать с первой половины I тыс. н.э. Основой хозяйства их обитателей оставались скотоводство, охота, рыбная ловля и подсечное земледелие. Такие малые селения финноязычной мери, очевидно, функционировали и во второй половине I тыс. н.э., но в местах концентрации нового населения, в частности в регионах озер Неро и Клещино, аборигены в той или иной мере активно смешивались с пришельцами, создавая общие селения и единую культуру, отражающую славяно-мерянский симбиоз. Участие финского населения в генезисе культуры Волго-Клязьминского междуречья второй половины I тыс. н.э. несомненно. Этноним финно-язычной мери, таким образом, был распространен на всех носителей мерянской культуры.

К сожалению, эта культура охарактеризована А.Е. Леонтьевым целостно для всего периода ее функционирования. Было бы целесообразным разделить эти древности на два этапа. Поздний, датируемый IX–X вв., показал бы эволюцию мерянской культуры (судя, например, по изделиям железообрабатывающего ремесла) в древнерусскую.

Таким образом, можно полагать, что меря русских летописей – это население Ростовской земли, сложившееся в условиях славяно-мерянского симбиоза.

Распространение курганов в Волго-Клязьминском междуречье отражает следующие

этапы колонизации этих земель. В настоящее время установлено, что славяне вступили в эпоху средневековья далеко не монолитной массой как в культурном, так и в диалектно-языковом отношениях. Первоначально славяне не знали курганной обрядности, постепенно она получила распространение у части славянских племенных образований, другие племена хоронили умерших по бескурганным ритуалам. К последним, очевидно, принадлежали славяне, осевшие в междуречье Волги и Клязьмы во второй половине I тыс. н.э. В X–XIII вв., когда переселенцами из Новгородчины и кривичных земель сюда был привнесен обряд насыпания курганов, население более ранней миграционной волны продолжало хоронить умерших в основном в бескурганных могильниках. Таковы могильники Купанский на Плещеевом озере, у с. Великое в Ярославском р-не и многие другие.

Предлагаемое решение вопроса о формировании ядра древнерусского населения Северо-Восточной Руси прежде всего за счет славянских переселенцев второй половины I тыс. н.э. находит подтверждение в материалах антропологии и диалектологии (Седов В.В., 1994, с. 67).

Завершая рецензию, считаю возможным еще раз отметить большое значение труда А.Е. Леонтьева для более глубокого понимания предыстории Ростово-Суздальской земли. Он привлечет внимание не только археологов, но и историков Руси, этнологов и финно-угроведов.

Институт археологии РАН,
Москва

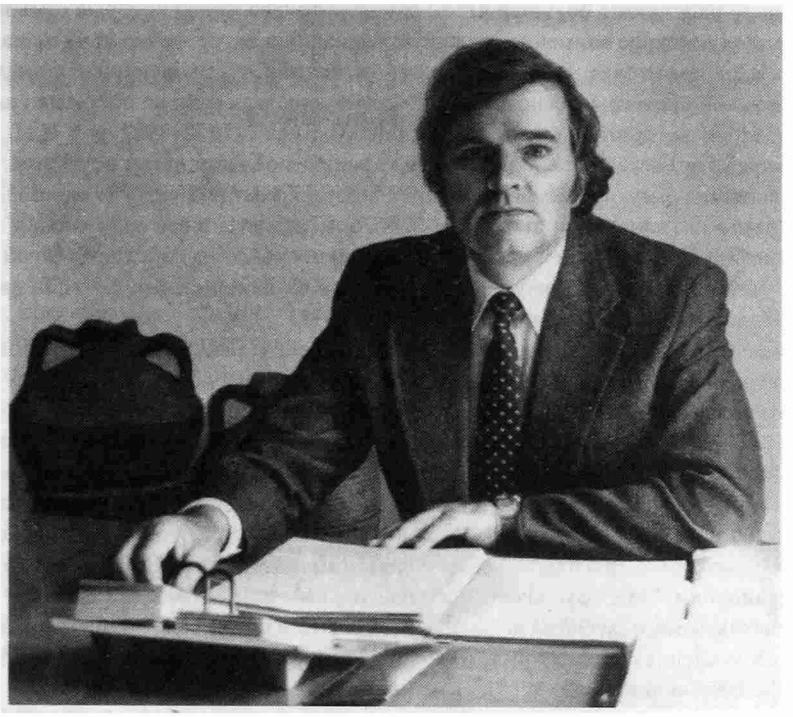
В.В. Седов

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Седов В.В., 1994. Об этнической истории населения средней полосы Восточной Европы во второй половине I тысячелетия н.э. // РА. № 3.

Lietuvos TSR archeologijos atlasas, 1978. T. IV. Vilnius.

Vasmer M., 1935. Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. III. Merja und Tscheremissen // Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophische-historische Klasse. Berlin.



К 60-ЛЕТИЮ ПЕТРА ПЕТРОВИЧА ТОЛОЧКО

21 февраля 1998 г. известному археологу и историку, доктору исторических наук, профессору, академику Национальной Академии наук Украины Петру Петровичу Толочко исполняется 60 лет. Известный ученый, исследователь славяно-русских древностей, он сделал значительный вклад в решение многих актуальных проблем, касающихся средневековой истории восточных славян. Им написано более 250 научных работ, в том числе 12 монографических исследований, а также важные разделы в обобщающих академических изданиях*.

Родился Петр Петрович в простой сельской семье в с. Пристромы недалеко от Переяслава-Хмельницкого. Уже в студенческие годы увлекся археологией, работал в разных экспедициях. Кстати, в экспедиции 1958 г., которая под руководством Б.А. Рыбакова иследовала летописный Любеч, вместе с П.П. Толочко и другими киевскими студентами работали московские аспиранты и студенты: И.П. Русанова, Т.И. Макарова, Р.Л. Розенфельдт, Г.А. Вознесенская, А.А. Медынцева. После окончания исторического факультета Киевского университета им. Т.Г. Шевченко в 1960 г. и кратковременной музейной работы П.П. Толочко связывает свою научную судьбу с Институтом археологии НАН Украины: в 1966–1970 гг. – ученый секретарь института, с 1974 г. – заведующий отделом археологии Киева, с 1982 г. – заведующий отделом древнерусской и средневековой археологии, с 1987 г. – директор Института. В 1966 г. он защитил кандидатскую диссертацию, а в 1981 – докторскую. С 1993 г. является вице-президентом НАН Украины.

Особое место в исследованиях П.П. Толочко занимает древний Киев, изучаемый им более 35 лет. В 1970 г. он создает Киевскую постоянно действующую археологическую экспедицию, которая осуществила масштабные раскопки в исторической части города. Это позволило сделать ряд новых важных выводов о социально-историческом развитии Киева. Открытие на Подоле срубных строений (раскрыто около 100 жилищ и мастерских) полностью развенчало миф о полуземляночной застройке столицы государства. Ряд статей и публикаций посвящен памятникам каменной архитектуры, дате строительства Софийского собора. Результаты исследований в Киеве обобщены Петром Петровичем Толочко в монографиях "Історична топографія стародавнього Києва" (1970), "Древний Киев" (1983), "Киев и киевская земля в период феодальной раздробленности XII–XIII веков" (1980), «Парк-музей "Древний Киев"» (1989). Он является одним из авторов и редактором фундаментальной монографии "Новое в археологии Киева" (1981), для которой подготовил разделы о новых археологических исследованиях города, его происхождении и ранних этапах развития, ремесленном производстве, торговле. Анализ археологических материалов и письменных источников позволили П.П. Толочко достаточно убедительно обосновать численность населения этого крупного средневекового центра – 50 тыс. человек.

---

* Полный список работ публикуется в юбилейном сборнике "Історія Русі – України". Киев, 1998.

© А.П. Моця, А.В. Чернецов, 1998.

Под его редакцией напечатано большое число научных трудов, среди которых семь киевских сборников (1972–1993), в которых основное внимание уделено публикации и интерпретации материалов, полученных во время раскопок в Верхнем городе, на Подоле, в его окрестностях. Выявленные в последние десятилетия памятники материальной культуры являются уникальными, они значительно обогатили источниковедческую базу. За цикл работ по истории и археологии древнего Киева (1972–1982 гг.) П.П. Толочко вместе с коллегами стал лауреатом Государственной премии Украины в области науки и техники 1983 г.

Кроме Киева исследователь проводил раскопки и в других местах. В 1979 г. он копал в Вышгороде, где в юго-восточной части детинца были выявлены жилые и хозяйственные сооружения. В 1982–1984 гг. он руководил Днепровской Древнерусской экспедицией во время работ на городищах Иван и около с. Ходоров на Среднем Днепре. Кроме того, им изучены открытые поселения сельского типа на р. Тетерев (1962–1963 гг.), укрепленные центры на Киевщине и Черкащине (1973).

Археологические материалы из столицы Киевской Руси, а также других городов и селищ вместе с письменными источниками позволили поднять и решить ряд актуальных вопросов не только в плане урбанизации восточноевропейского региона. Поэтому важное место в разработках П.П. Толочко заняла книга "Древняя Русь (очерки социально-политической истории)" (1987), в которой автор исследовал вопросы зарождения и формирования древнерусской государственной системы, сложения народности, введения на Руси христианства и роли церкви в жизни страны, международные связи и т.д. Тематически она стала продолжением уже упомянутой монографии "Киев и Киевская земля в период феодальной раздробленности XII–XIII веков" и некоторых других. За монографию "Древняя Русь" П.П. Толочко в 1992 г. получил премию НАН Украины им. М.С. Грушевского, став ее первым лауреатом.

Проблема происхождения и развития древнерусских городов продолжает оставаться в сфере профессиональных интересов исследователя. Этой теме посвящены ряд новых публикаций, а также монография "Древнерусский феодальный город" (1989). В ней на добротной источниковедческой основе достаточно аргументированно отстаивается тезис о взаимозависимости процессов градостроительства и становления государства, а также о феодальной сущности древнерусских градов. Еще одним важным научным направлением является изучение летописания, результатом чего стало появление монографии "Літописи Київської Русі" (1994). В этой работе также имеются оригинальные авторские наблюдения и выводы. В частности, это касается датировки и места написания Древнейшего свода 1039 г., авторства "Повести временных лет", времени появления и характера "Поучения" Владимира Мономаха, объема Киевского летописания XII в., структуры галицко-волынского летописного свода, авторства Новгородской летописи второй половины XII в.

К фундаментальным обобщающим исследованиям П.П. Толочко относится и монография "Київська Русь" (1996). В ней археологические разработки удачно объединены с выводами, полученными при анализе письменных источников: образование и политическая история Киевской Руси, социальное и этническое развитие восточных славян в IX–XIII вв., вопросы истории христианской церкви и культуры.

Исследования в области истории и археологии Киевской Руси легли в основу написания разделов в многотомных изданиях, таких, как "Історія Української РСР" (т. 1), "Історія Києва" (т. 1), "Археологія Української РСР" (т. 3). Хорошим пособием для преподавателей, студентов, учащихся старших классов является опубликованный в 1994–1995 гг. двухтомник "Давня історія України", в котором Петр Петрович выступил как главный редактор и автор нескольких разделов. Он является автором многих научно-популярных книг: "Таємниці Київських підземель", "Нащадки Мономаха", "Історичні портрети", "Володимир Святий. Ярослав Мудрий". П.П. Толочко – редактор академического журнала "Археологія" и научно-популярного журнала "Київська старовина".

Высок и международный авторитет П.П. Толочко, что отразилось и в публикации его работ в Германии, Франции, Канаде, США, Болгарии, Польше и других странах. Он – член Исполнительного комитета Международной унии славянской археологии, член-корреспондент Центрального Германского института археологии, член Академии Европы.

Занимаясь научной деятельностью, П.П. Толочко проводит и значительную научно-организационную, педагогическую и общественную работу. Под его руководством целый ряд специалистов-археологов защитил кандидатские и докторские диссертации. Он регулярно читает лекции в отечественных и зарубежных университетах, является председателем специализированного ученого совета по защите докторских диссертаций при ИА НАН Украины. В свое время П.П. Толочко был одним из инициаторов создания Украинского общества охраны памятников истории и культуры, а с 1989 г. является его председателем.

Свое 60-летие Петр Петрович встречает полным сил и энергии. Сотрудники Институтов археологии Российской Академии наук и Национальной Академии наук Украины желают ему крепкого здоровья и новых творческих успехов.

Институт археологии НАН Украины, Киев — *А.П. Моця*,
Институт археологии РАН, Москва — *А.В. Чернецов*

ЛАДОГА И СЕВЕРНАЯ ЕВРОПА.

Вторые чтения памяти А.Д. Мачинской в Староладожском музее-заповеднике

22–23 декабря 1996 г. в Староладожском историко-архитектурном и арехологическом музее-заповеднике проходили Вторые чтения, посвященные памяти сотрудника Эрмитажа Анны Дмитриевны Мачинской († 3.09. 1994). Были заслушаны и обсуждены 20 докладов и сообщений, посвященных проблеме взаимоотношений Северной Руси и ее соседей на раннем этапе становления Русского государства – основной проблеме, составлявшей предмет исследовательского интереса А.Д. Мачинской. В чтениях приняли участие сотрудники Староладожского музея (СЛМ), Эрмитажа, Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН (ИРИ), Института истории материальной культуры РАН (ИИМК), Санкт-Петербургского университета (СПбГУ), Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия (КПН). К началу чтений был издан сборник материалов (Ладога и Северная Европа, 1996).

Заседания открыла директор Староладожского музея-заповедника *Л.А. Губчевская*, приветствовавшая участников чтений. В коротком вступительном слове *Д.А. Мачинский* (Эрмитаж) напомнил о пожелании, высказанном участниками Первых чтений 1995 г., сделать чтения памяти А.Д. Мачинской регулярными и приурочить их к дням зимнего солнцестояния. Было высказано сожаление в связи с отсутствием С.Ю. Каргопольцева, А.А. Молчанова, А.Е. Мусина, Н.И. Платоновой, А.И. Саксы, П.Е. Сорокина, представивших на чтения тексты докладов.

Как и на Первых чтениях, проходивших в декабре 1995 г., основным памятником, вокруг которого развернулась дискуссия, стала Ладога – первая столица Русского государства, резиденция Рёрика Ютландского (Рюрика Новгородского). Вместо ранее заявленного доклада «"Сказание о призвании варягов": легенда и действительность» *А.Н. Кирпичников* (ИИМК) выступил с обобщающим докладом, посвященным многолетним историко-археологическим исследованиям в Ладоге. Докладчик подвел итоги и наметил перспективы изучения этого уникального музея-заповедника под открытым небом. *Г.С. Лебедев* (КПН) дал обзор конференций и научных программ, обсуждавшихся в течение 1996 г. в Новгороде, Осло, Риге, Копенгагене, Стокгольме, Гданьске, Токио и Любеке. Докладчик подчеркнул растущее международное значение проблематики Балтийского региона и место в этой проблематике исследований Старой Ладоги. Участникам чтений были представлены второй номер эстонско-российского археологического журнала "Восточный путь", первый номер альманаха "Археология Петербурга" и финляндско-российское издание "Карелия и Петербург". *З.Д. Бессарабова* (СЛМ) рассказала об археологических наблюдениях последних лет за земляными работами в черте с. Старая Ладога. *Б.Г. Васильев* (СЛМ) проанализировал рисунки-граффити из церкви Св. Георгия в Старой Ладоге. Докладчик полагает, что большинство известных рисунков на стенах храма должно быть отнесено к XII–XV вв. *А.В. Плохов* (ИИМК) в докладе "Еще раз о керамике ладожского типа" выступил с критикой мнения Т.Б. Сениченковой, считающей понятие "керамика ладожского типа" историографическим мифом (Сениченкова Т.Б., 1995, с. 19–22). Докладчик убежден в том, что керамика ладожского типа имеет определенную хронологию, территорию распространения, однозначно опознается археологами и нет никаких причин отказываться от этого понятия.

В интереснейшем докладе *Р.М. Минасяна* (Эрмитаж) "Старая Ладога – крупнейший производственный центр VIII–IX вв. в Восточной Европе" были собраны воедино и проанализированы данные раскопок о ремесленном производстве в Ладоге. Докладчик отметил, что в VIII–IX вв. в Ладоге выявлено высокоразвитое кузнечное и косторезное производство, а также токарное производство, опирающееся на быстровращающейся станок с ножным приводом. Р.М. Минасян достаточно уверенно связывает технологические новации с деятельностью в Ладоге выходцев из Скандинации и подчеркивает, что ничего подобного по уровню технической оснащенности неизвестно в это время нигде более на территории Восточной Европы: в пределах Восточной Европы столь высокий уровень ремесленного производства не фиксировался со времен античных городов Северного Причерноморья и черняховской культуры.

В рамках "ладожской проблематики" ряд докладов был посвящен персоналиям. *С.В. Белецкий* (ИИМК) проанализировал серебряную подвеску с лично-родовыми знаками из Рождественского могильника в Прикамье и высказал гипотезу о принадлежности знака не оборотной стороне этой подвески Олаву Трюггвасону. Докладчик не исключал возможности того, что Олав, приемный сын Владимира Святославича (Святого), занимал, подобно сыновьям Владимира, один из княжеских столов на Руси и обладал юридическим статусом соправителя Владимира. Вероятность того, что резиденцией Олава Трюггвасона в конце X в. была Ладога, по мнению докладчика, достаточно высока, причем контроль над Ладогой Олав мог сохранять и после того, как в 995 г. он стал правителем Норвегии: именно присутствием в Ладоге

© С.В. Белецкий, А.Н. Кирпичников, Г.С. Лебедев, 1998 г.

представителей Олава Трюггвасона, по мнению С.В. Белецкого, объясняется поход Эйрика Хаконарссона на Альдейгьюборг в 997 г.

Н.И. Милютенко (СЛМ) вместо ранее заявленного доклада "Русские события начала XI в. в Саге о Бьёрне" выступила с докладом "Олав Трюггвасон на Руси". Исследовательница подробно проанализировала биографию Олава и привела ряд аргументов в пользу того, что норвежский конунг не погиб в битве с Эйриком Хаконарссоном в 1000 г., а спасся и в начале XI в. мог занимать ладожский стол. В контексте проблемы взаимоотношений между юным Олавом Трюггвасоном и его приемным отцом Владимиром Святославичем особый интерес представляет доклад *И.Б. Губанова* (СПбГУ) «Эддические "Речи Регина" и реалии средневекового скандинавского общества»: в этом докладе предпринята попытка выявления информативных возможностей "Речей Регина" для понимания главных институтов древнегерманского родового общества (кровная месть, вергельд, убийство родича и др.), в том числе обычая передачи ребенка на воспитание в чужой дом.

В совместном докладе *В.О. Казанского* (ИРИ) и *Д.А. Мачинского* "Ладожская династия христианизировала Швецию?" анализировалось происхождение короля Швеции Стейнкиля († ок. 1066). Достаточно убедительная реконструкция генеалогии Стейнкиля позволила докладчикам настаивать на том, что отец короля Стейнкиля, Рёгнвальд Старый, и ярл Западного Гаутланда Рёгнвальд, управлявший Ладогой с 1019/20 по 1029/30 г. – это одно и то же лицо. Данная версия происхождения родоначальника шведской королевской династии, при которой к 1120-м годам Швеция была окончательно христианизирована, была принята шведскими историками XVIII – первой половины XIX в. и рядом российских историков XIX в., но в большинстве современных исследований игнорируется.

Три доклада были связаны между собой проблемой локализации Алаборга исландских саг. В докладе "Приладожские топонимы в Саге о Хрольве Пешеходе" *М.В. Панкратова* (ИРИ) проанализировала особенности топонимического пласта саги. Докладчица показала, что реалии, связанные с Альдейгьюборгом и Алаборгом, позволяют фиксировать в основе саги древний комплекс преданий, тесно связанных, а возможно, и возникших в Ладоге. В совместном докладе *Д.А. Манчинского и М.В. Панкратовой* "Саги о древних временах, ладожская эпическая традиция и локализация Алаборга" была приведена система аргументов в пользу отождествления комплекса памятников у д. Городище на р. Сясь с Алаборгом исландских саг. Докладчики полагают, что в ряде "Саг о древних временах" зафиксирована особая, ладожская эпическая традиция, органично вошедшая в состав общескандинавской эпической традиции, но скудно отразившаяся в русских летописях. О новых исследованиях комплекса памятников у д. Городище, раскопки которого в 1987–1990 гг. проводила А.Д. Мачинская, рассказали *О.А. Щеглова и О.И. Богуславский* (ИИМК).

А.Г. Фурасьев (Эрмитаж) в докладе "О времени и обстоятельствах гибели городища Демидовка в верховьях Днепра" проанализировал комплекс находок из слоя пожара, в котором погибло поселение, и отметил уникальную для лесной зоны Восточной Европы концепцию здесь германских (дунайских) древностей эпохи Великого Переселения народов. Данные хронологии и сравнительного анализа вещевых коллекций из ряда погибших в пожарах городищ Литвы и Верхнего Поднепровья свидетельствует, по мнению докладчика, в пользу единовременности и событийной связи этих явлений. Присоединившись к мнению М.М. Казанского, Р.Г. Фурасьев полагает, что гибель поселения (в том числе городища Демидовка) произошла в результате военной и социальной активности небольших групп смешанного военизированного населения, покинувших после крушения "империи Атиллы" Центральную Европу и продвинувшихся в леса Подвинья и Поднепровья.

В.А. Глыбин (СПбГУ) представил реферат, посвященный современному состоянию дискуссии о хронологии памятников аварского времени (VI–VIII вв.) на Среднем Дунае. В докладе *К.А. Михайлова* (ИИМК) "Византийские пряжки в северных русских землях" рассмотрены находки пряжек из сопки в урочище Плакун близ Ладоги из коллекции жителя г. Вычегды С.Е. Мельникова (с 1852 г. – в Эрмитаже), из окрестностей пос. Любытино (Новгородская обл.), из могильников близ Переяславля-Залесского (коллекция гр. А.С. Уварова), Весьегонска, Шестовиц, Залахтовья, Сторожинца и др. Докладчик соотнес рассмотренные предметы с аналогичными памятниками Византии, определил датировки каждого из этих предметов и предположил, что по крайней мере часть анализировавшейся поясной гарнитуры маркирует трассу летописного пути через Верхнее Поднепровье в Новгородскую землю и далее на Готланд и в Среднюю Швецию.

Ряд докладов был посвящен археологическим материалам древнерусского времени. В интереснейшем докладе *Ю.М. Лесмана* (Эрмитаж) "К динамике развития североевропейских традиций в древнерусской культуре: монетовидные подвески, орнаментированные валютами" подробно анализировалось происхождение одного из наиболее распространенных типов древнерусских шейных подвесок. Докладчик продемонстрировал генезис рассматриваемой группы украшений (от подражающих каролингским фибулам скандинавских подвесок-брактеатов конца VIII в. к подвескам эпохи викингов IX–X вв. и древнерусским подвескам XI–XIII вв.) и подчеркнул: данная группа украшений – далеко не единственный вклад скандинавской традиции в древнерусскую культуру. Кроме целого ряда типов древнерусских ювелирных изделий XI–XIII вв., продолжающих развитие скандинавских прототипов IX–XI вв. и более раннего времени, о заметном вкладе

скандинавского наследия в формирование древнерусской культуры свидетельствуют технологические приемы кузнечного и косторезного ремесел, состав предметов вооружения и снаряжения воина, некоторые традиции в домостроительстве; также требуют пересмотра существующие оценки степени и механизма воздействия скандинавской погребальной традиции на древнерусскую. Все это, по мнению Ю.М. Лесмана, не позволяет согласиться с общепринятым мнением о незначительном скандинавском вкладе в формирование древнерусской культуры: напротив, речь должна идти о весьма заметном (а в ряде регионов и преобладающем) скандинавском наследии на фоне иных этнокультурных традиций, воспринятых и творчески переработанных древнерусской культурой в процессе ее генезиса.

В докладе *В.Ю. Соболева* (КПН) "Бусинные ожерелья памятников древнерусского времени в бассейне Верхней Плюссы" подробно рассмотрен состав и принцип компоновки ожерелий, зафиксированных раскопками одного из наиболее изученных микрорегионов на северо-западе Новгородской земли. Докладчик продемонстрировал преемственность цветовой гаммы и типов бус на протяжении X – середины XII в. и установил полное соответствие ожерелий в культурных слоях поселений и в погребальных комплексах. Ритмы развития ожерелья, по мнению В.Ю. Соболева, соответствуют ритмам развития и существования древнерусского металлического убора. Отмечено также, что городские украшения, нередкие в некрополях таких локальных центров, как Которск, у жителей рядовых сельских поселений (Березицы), расположенных на расстоянии одного дневного перехода от центра, отсутствуют. В последней трети XII в. фиксируется общее обеднение металлических и стеклянных украшений, что связано, по мнению докаладчика, с изменением экономической ситуации в Новгородской земле.

В докладе *А.В. Курбатова* (ИИМК) "Уровень технологии кожевенного ремесла в древнерусский период" подробно анализировалось традиционное для отечественной историографии мнение о высоком качестве выделки кож в древней Руси и о неизменности технологического процесса вплоть до XIX в. Докладчик убедительно продемонстрировал, что это мнение является историографическим мифом, в основе которого лежит некорректное цитирование археологами выводов кожевника-технолога Г. Поварнина. Обратившись к собственно археологическим находкам изделий из кожи и остатков кожевенного производства, выявленных раскопками Ладоги, Новгорода, Полоцка, Пскова, Ивангорода и Твери, докладчик показал, что древнерусское кожевенное производство было примитивным и технологически несовершенным.

Позднейшие по времени сюжеты – "Шведская оккупация Ингерманландии и монастырское строительство в Новгородской земле" – стали предметом доклада *А.А. Селина* (СЛМ). Изучение сведений писцовых книг XVI–XVII вв. позволило докладчику проследить историю монастырской и церковной жизни в Ингерманландии от конца Ливонской войны и до шведского межевания 1670-х годов. А.А. Селин достаточно убедительно продемонстрировал, что в годы шведской оккупации Ингерманландии (1610–1617) старые православные монастыри, известные с XVI в., продолжали свое существование, но зато по отвоевании Ингерманландии Россией эти монастыри уже неизвестны.

Большинство докладов, прозвучавших на чтениях, вызвало оживленную дискуссию. Однако "диалог поколений", завершивший первые чтения, на этот раз не состоялся: ему на смену пришел плодотворный "диалог равных", участие в котором приняли представители по крайней мере пяти-шести субгенераций кафедры археологии ЛГУ–СПбГУ – от А.Н. Кирпичникова (выпуск 1953 г.), Д.А. Мачинского (1960 г.), Г.С. Лебедева (1968 г.) и С.В. Белецкого (1976 г.) до выпускников конца 1980-х годов и нынешних студентов кафедры. Показательно, что и в большинстве докладов, так или иначе связанных с проблемой русско-скандинавских связей, и в обсуждении этих докладов отсутствовала декларативность, характерная не только для дискуссий 1940–1950-х годов, но и для сравнительно недавнего времени: "варяжская проблема" действительно лишилась "политического звучания" и заняла свое строго определенное место в широком круге проблем ранней истории Руси. При этом роль скандинавских традиций в истории Руси, как показали Вторые чтения памяти Анны Мачинской, оказывается заметно выше, чем это представлялось еще совсем недавно.

Институт истории материальной культуры РАН,
Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия, Санкт-Петербург

С.В. Белецкий, А.Н. Кирпичников, Г.С. Лебедев

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ладога и Северная Европа, 1996. Вторые чтения памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 22–23 декабря 1996 г. Материалы к чтениям. СПб.

Сениченкова Т.Б., 1995. Керамика "ладожского типа" (замечания по поводу одного историографического мифа) // Ладога и Северная Русь. Чтения, посвященные памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 21–22 декабря 1995 г. Материалы к чтениям. СПб.

"АРХЕОАСТРОНОМИЯ: ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ"

(Международная конференция. Москва, 1996)

15–18 октября 1996 г. в Институте археологии РАН (Москва) при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) прошла первая в России конференция по археоастрономии. Заявки на участие в конференции и тезисы подали около 60 специалистов из 42 учреждений пяти стран. Однако повсеместные трудности не дали возможности собрать полный кворум: в конференции приняли участие с докладами 36 ученых из 28 учреждений трех стран (России, Украины, Казахстана): археологи, астрономы, историки, филологи, палеоклиматологи, геофизики и представители других наук.

К открытию конференции были изданы тезисы докладов ("Археоастрономия: проблемы становления. Тезисы докладов международной конференции. М., 1996). Поскольку представленные материалы относились к широкому кругу научных дисциплин, часто далеких от исследовательских направлений членов оргкомитета и рецензентов, последние при отборе тезисов для публикации в отдельных спорных случаях вынуждены были руководствоваться известным философским изречением: "Если вы закроете дверь перед заблуждением, то как туда войдет истина?".

В данной информации речь пойдет лишь о докладах, заслушанных на конференции и развернувшейся вокруг них дискуссии в русле предложенных для обсуждения проблем.

1. Археологические памятники с астрономическими ориентирами: их виды, формы, функциональное назначение.

2. История исследования археоастрономических объектов.

3. Применение методов астрометрии, небесной механики и астрономии в археоастрономии.

4. Астрономические знания и обрядность в древности в свете археологических, этнографических и мифологических данных.

5. Модель Мира (истоки, формы, трансформации).

6. Древние орнаменты в археоастрономическом аспекте.

Конференцию открыл заместитель директора Института археологии РАН д-р ист. наук *В.И. Гуляев*. В своем вступительном слове он отметил, что археоастрономия – очень перспективное направление науки, способное внести много нового в понимание ряда важных аспектов истории древних обществ. В последние десятилетия активные исследования в этой области ведутся в Европе. Значительная координирующая роль здесь принадлежит Европейскому обществу астрономии в культуре (SEAC), образованному в 1993 г. Археоастрономические исследования успешно развиваются в Америке, где удачно сочетаются этнографические, археологические и письменные источники. Настоящая конференция ставит одной из своих задач представить новое поле для приложения археоастрономических исследований – Россию, где открыто к настоящему времени много интреснейших археоастрономических объектов, привлекших к себе пристальное внимание археологов, астрономов и представителей других наук. Успех археоастрономии вообще, и в России в частности, зависит от одного важного обстоятельства: в какой мере найдут взаимопонимание представители естественных и гуманитарных наук, прежде всего археологи и астрономы.

С приветственным словом от Евро-Азиатского астрономического общества выступил *Э.Н. Кауров*. Он отметил роль Института археологии в подготовке и проведении мероприятий, связанных с процессом становления археоастрономии в России, и пожелал, чтобы открывшаяся конференция "стала демонстрацией творческой мысли в археоастрономии".

Основная часть докладов (заявлено 18, прочитано 14) была посвящена первой тематической рубрике. В соответствии с программой доклады были заслушаны в "хронологическом порядке": от более ранних памятников – к более поздним.

Результаты поиска астрономических направлений на святилище Савин и Зауралья (середина – вторая половина III тыс. до н.э.) были изложены в докладе *Т.М. Потемкиной* (ИА РАН) и *В.А. Юревича* (ЗИАиХМ) «Древнейшая "астрономическая обсерватория" на территории России». Это один из немногих совместных докладов археолога и астронома. Анализ материалов раскопанной части памятника, представляющего собой два примыкающих друг к другу круга, очерченных рвами, со столбовыми ямами в центре и за их пределами, мощными скоплениями археологических находок у ряда ям, позволил авторам с достаточным основанием утверждать, что строители Савина знали все главнейшие астрономические направления. Обозначены направления юг – север и восток – запад, выявлено наличие отметок на точки захода и восхода Солнца в дни солнцестояний, на ряд лунных направлений – южные восходы и заходы высокой и низкой Луны и др. Найденная костяная пластинка со знаками указывает, что наблюдались не только восходы Луны, но и ее фазы. А наличие трех смысловых центров позволяет сделать важный вывод: астрономические знания не были привнесены извне, а явились результатом развития местной культуры.

© Т.М. Потемкина, М.Ф. Косарев, В.А. Юревич, 1998 г.

Относительно терминологии (можно ли называть памятники типа Савина обсерваторией или нет) авторы отметили, что по установившейся традиции Стоунхендж называют обсерваторией на том же основании, на котором назван Савин. Но оба эти памятника в первую очередь представляют собой святилища, ориентированные астрономически.

С предшествующим материалом тесно связан доклад *М.П. Вохменцева* (Курган) "Зауральские памятники с круговой планировкой", где автор на примере трех в разной степени исследованных энеолитических святилищ (Савин, Велижаны 2, Слободчики 1) попытался выявить их характерные общие и отличительные признаки. Докладчик отметил, что во всех трех случаях часть архитектурных деталей была, несомненно, связана с астрономическими явлениями и использовалась в качестве точных или примерных ориентиров.

Астрономическим ориентирам на известном археологическом памятнике Аркаим (XVIII–XVI вв. до н.э.) был посвящен доклад *А.К. Кириллова и Г.Б. Здановича* (Челябинск, университет) "Археоастрономические исследования на городище Аркаим (эпоха бронзы)", также представленный в содружестве астронома и археолога. Авторы считают, что в круговую конструкцию памятника заложены элементы, имеющие астрономическое значение и связанные с восходами и заходами Солнца в дни равноденствий и солнцестояний. Имеется привязка к наиболее выдающимся особенностям окружающей местности и другим археологическим памятникам. Отдельные точки горизонта связаны с восходами и заходами Луны.

В докладе *М.Н. Шалашова* (ИИЯЛ УНК РАН) "Археоастрономические объекты Южного Урала" была продемонстрирована значимость выделенных астрономических направлений в погребальной обрядности раннего железного века. На примере раскопанных богатых курганов, в частности знаменитого Филипповского (IV–III вв. до н.э.), сделано интересное наблюдение о зависимости между местом помещения кладов в кургане и определенными астрономическими датами. Особенно значимы были дни осеннего равноденствия.

В работе астрофизика *Н.М. Бекбасарова* (Алма-Ата, АИ НА РК) исследованы с астрономической точки зрения 16 курганов с "усами" эпохи ранних кочевников (VIII в. до н.э. – V–VI вв. н.э.) в Джезказганской обл. Во всех случаях выявлен почти полный набор всех типичных направлений горизонтальной астрономии.

И.Л. Кызласов (ИА РАН) в докладе "Кольцевые городища Хакасии" проанализировал архитектурные особенности трех городищ рубежа II–I вв. до н.э. (Знаменского, I и II Троицкого), небольших по размерам, но имевших глубокие рвы и высокие глинобитные стены. Знаменское городище при диаметре 65 м и имеет двое ворот. Измерения азимутов осей ворот городищ показали, что в трех случаях из четырех они были связаны с закатом Солнца в день летнего (два входа) и зимнего (один вход) солнцестояний. Это позволяет предполагать, что городища были святилищами, связанными с погребальным культом.

Менее определенно можно говорить о наличии четких астрономических привязок на святилище Вомынъяг на Верхней Вычегде, представленном в докладе *Л.И. Ашихминой* (Сыктывкар, ИЯЛИ). На высоком холме выявлено шесть крупных ям, расположенных в виде созвездия Большой Медведицы. Хронологические реперы памятника также не совсем ясны (эпоха бронзы? раннее средневековье?), поскольку отсутствуют археологические находки.

Широкие хронологические рамки предполагают для древнего святилища на горе Очаровательной в Западном Алтае *Л.С. Марсадолов* (Санкт-Петербург, ГЭ) и *В.Л. Горшков* (ГАО РАН). Это святилище интересно тем, что здесь получила конкретное видимое воплощение широко распространенная у различных народов легенда о заглатывании Солнца мифическим зверем в момент его захода в определенные дни года.

С археоастрономических позиций рассмотрен ряд городищ I тыс. н.э. в докладе *М.Г. Гусакова* (Москва) "Днепровские городища-святилища лесной полосы". Основу их составляют круглые и овальные площадки небольшого диаметра, окруженные кольцевым рвом и валом, почти без археологических находок в культурном слое. В центре площадок обнаружены ямы от столбов, один из которых служил идолом или гномоном. Вокруг на равном расстоянии располагались ямы от столбов-маркеров и остатки кострищ. По мнению докладчика, столбы маркировали положение на небосводе светил: Солнца, Луны, Млечного пути, Зодиакальных созвездий. Автор рассматривает городища-святилища в качестве культового объекта, на котором осуществлялись ритуально-магические действа. Оно было местом сбора, площадкой для измерения времени и ведения календаря.

Два доклада были посвящены осмыслению древних наскальных изображений в астрономическом и мировоззренческом аспектах. *Е.Г. Дэвлет* (ИА РАН) в докладе "Астрономические объекты в наскальном искусстве" считает возможным в ряде конкретных случаев трактовать некоторые из распространенных сюжетов в наскальном искусстве (лучистые диски, окружности, спирали и др.) как изображения астрономических объектов. В числе примеров – пещера Пунте-дель-Эсте № 1 на о-ве Пинос вблизи Кубы, где концентрические окружности на стенах пещеры отмечают положение Солнца во время равноденствия и солнцестояния. Особенности размещения изображений могут рассматриваться как свидетельство существования у аборигенов календаря еще в доземледельческий период. Были приведены интересные данные в этом же ключе и с территории Внутренней Монголии.

Н.Н. Кочмар, А.В. Пеньков, П.С. Кнуренко (Якутск, университет) в докладе "Первые опыты архео-

астрономического исследования писаниц Якутии" с разных позиций проанализировали 17 писаниц в бассейне р. Олекмы (124 плоскости с изображениями) и выявили интересные закономерности в ориентировке плоскостей с рисунками и самих рисунков. Однако авторы пока воздерживаются от конкретной археоастрономической интерпретации этих материалов до получения более обширной информации, дифференцированной в хронологическом отношении.

К первой тематической рубрике могут быть отнесены и три доклада, посвященные памятникам доколумбовой Америки. В докладе *Р. Сальеса* (Боливия, НАО) и *Д.Д. Положенцева* (Санкт-Петербург, ГАО РАН) "Астрономический аспект древнего археологического памятника Боливии Тиауанако" исследуемый объект был охарактеризован как огромный искусственный холм, на котором возвышается ряд культовых сооружений (1200 г. до н.э. – 133 г. н.э.). Предметом рассмотрения явились астрономические корни (название, ориентировка относительно стран света и др.) одного из монументов – "Ворот Солнца" из цельной гранитной глыбы, богато украшенной резьбой и барельефами богов. По мнению авторов, в Тиауанако имелась собственная обсерватория и этот памятник может рассматриваться как археоастрономическая целина.

К собственно археоастрономии относится та часть доклада *В.А. Юревича* (ЗИАиХМ) "Астрономическая ориентация американских археологических памятников", где говорится о трех археологических памятниках Эквадора, исследованных им лично. Один из них – пирамиды Кочаски, ориентированные на восходы Большой Медведицы в эпоху от 200 г. до н.э. по 1150 г. н.э. (Даты строительства пирамид получены астрономически.) В те времена гелиактический восход последней звезды из семерки ярких звезд этого созвездия совпадал со сроком высева основных сельскохозяйственных культур. Это первая из известных археологических обсерваторий, предназначенная для наблюдений звезд. Другой памятник – пирамида Пунтиачиль в городе Кайямбе, где в шести солнечных направлениях имеются природные ориентиры на горизонте. Третий – каменные круги на почве, где на фоне сплошной вымостки выделяются диаметры, имеющие, возможно, астрономическое значение.

А.Т. Белоконь (ИР РАН) в докладе "Фигуры пустыни Наска как возможный археоастрономический объект" охарактеризовала геометрическое и смысловое содержание геоглифов. Автор заметила некоторые особенности в расположении линий, ускользнувшие от внимания исследователей. Но в целом выводы докладчика не были достаточно четко сформулированы.

Участники конференции адресовали вышеназванным докладчикам ряд замечаний и советов, в основном методологического характера.

Д.С. Раевский (ИВ РАН), сам энтузиаст археоастрономии, призвал к осторожности в интерпретации так называемых солярно-лунарных ориентиров и предположил, что, скорее всего, бóльшая их часть использовалась не в астрономических целях, а была задействована в обычной ритуальной практике. Однако на более поздних стадиях могли иметь место их акцентированная астрономическая направленность, сакрализация и повышение роли жрецов в наблюдениях за светилами и т.д.

Выступивший в том же методологическом ключе Н.О. Кирсанов (ИТА РАН) поддержал Д.С. Раевского по части разумного скепсиса при поисках астрономически выделенных направлений на древних памятниках.

По мнению М.Ф. Косарева (ИА РАН), астрономические проявления у так называемых археоастрономических памятников, скорее всего, были вторичными; первичными же являлись функции хозяйственно-бытовые (поселения), оборонительные (городища), ритуально-медиативные (святилища) и ритуально-провожательные (могильники). Каждый из этих археологических объектов осмысливался древними обитателями как модель Мира и потому имел строго организованную пространственную структуру – в соответствии с горизонтальной, вертикальной или горизонтально-вертикальной проекциями Вселенной. По мировоззренческой логике древних пространственной структуре придавалось не просто астрономическое, а более сложное и сущностное мифолого-ритуальное космологическое содержание, где сугубо "обсерваторный" аспект никогда не играл сколько-нибудь существенной роли, особенно в северных районах евразийско-американского суперматерика. М.Ф. Косарев не согласился также с прозвучавшим в некоторых докладах (М.Г. Гусакова и др.) безоговорочным разделением заградительных сооружений на оборонительные и сакральные, указав, что в языческой ритуальной практике оборонительная и сакральная функция были теснейшим образом взаимосвязаны.

Г.Е. Куртик (ИИЕТ РАН) с удовлетворением отметил все более сознательное внедрение в полевую практику астрономического изучения археологических памятников. Он также поднял вопрос о разработке методики совместных полевых работ, которая должна предусматривать поиск как "от памятника к астрономии" (когда археологический памятник интерпретируется и датируется независимо от астрономии, а потом берутся астрономические ориентиры), так и "от астрономии к памятнику" (когда сначала делают астрономические наблюдения – "сеточку" – и двигаются по памятнику). Возможна дополнительная коррекция в зависимости от характера памятника. Были высказаны также соображения по поводу точности астрономических ориентиров на археологических объектах. Так, восток – запад мог быть выделен как сторона, куда обращался головой человек. Один-два градуса не имели значения, поскольку в древности вопросы точности были не те, что сейчас. Например, в Месопотамии измерения проводились с точностью до

одного месяца, и потому 1° – это не столь существенно. И еще: гномон – это определенное понятие. Не всякий шест или столб – гномон. В Месопотамии гномон зарегистрирован для 1000 г. до н.э.

Положительную реакцию аудитории вызвали доклады Е.К. Дэвлет, Н.Н. Кочмара, А.В. Пенькова, П.С. Кнуренко. По мнению М.Ф. Косарева и Т.М. Потемкиной, представленный в них опыт извлечения из древних петроглифов астрономической информации впервые четко прозвучал на этой конференции и достоин всяческого внимания.

По докладам, касающимся латиноамериканских памятников, выступил В.А. Башилов (ИА РАН). По его мнению, в докладе Р. Сальеса и Д.Д. Положенцева содержался ряд фактических ошибок. Совершенно невозможно называть Тиауанако "искусственным холмом" или "крепостью". Это целая зона, включающая ряд архитектурных объектов. В докладе речь идет только о "Каласасайя" – искусственной платформе со стенами, реставрированными лишь в 60-е годы XX в. Она датируется эпохой Тиауанако 4, т.е. серединой I тыс. н.э., в то время как авторы говорят о дате 1200 г. до н.э. – 133 г. н.э. Тиауанако не является также "археоастрономической целиной", поскольку безуспешные попытки астрономов интерпретировать "Каласасайю" и "Ворота Солнца" появились еще в начале – середине XX в. в трудах А. Познанского, Р. Мюллера, Э. Тисса и Г. Бэллами.

По докладу В.А. Юревича В.А. Башилов отметил, что, по данным археологов, культура индейцев каранки, известных по испанским хроникам, не восходит ко времени древнее конца I тыс. н.э. (у автора же – 800 г. до н.э. – 1500 г. н.э.). Пирамиды Кочаски датируются фазой 2 этой культуры, т.е. не ранее первой половины II тыс. н.э. Автор же растягивает их сооружение с 200 г. до н.э. по 1150 г. н.э., определяя датировку, исходя из недоказанного предположения об астрономическом значении пандусов пирамид.

В.А. Юревич в ответ сказал, что хронология каранки взята им из работ современного эквадорского исследователя М. Наранхо, работавшего в Кочаски.

Сообщение А.Т. Белоконь, по мнению В.А. Башилова, отличали тщательный анализ литературы, посвященной геоглифам Наски, и очень осторожные выводы из этого анализа. Тем не менее вся ее концепция, связанная с компьютерным исследованием расположения и направления линий в пустыне Наско, опирается лишь на опубликованный, прежде всего М. Райхе, схематический план, который не может считаться полноценным источником для археоастрономических реконструкций.

По второй тематической рубрике был заявлен один доклад – *Ю.А. Шилова* (ИА НАН, Киев) "Становление археоастрономии на Украине (историографический очерк)", который, к сожалению, не состоялся.

С данной проблемой тесно связан и доклад *В.А. Юревича* "Астрономические направления археоастрономии", в значительной своей части затрагивающий вопросы методологии. Докладчик, исходя из анализа ряда статей археологов по памятникам с астрономической ориентацией, предпринял попытку дать разъяснение основных астрономических явлений и самых распространенных ошибок, содержащихся в этих публикациях.

Важность и необходимость историографических исследований в археоастрономии подчеркнула в своем выступлении Л.А. Новикова (ИА РАН). По ее мнению, московская конференция является преемницей I Международного симпозиума по археоастрономии, проходившего в Болгарии (1988). Соответствие наблюдается в круге очерченных задач и направлений, содержании докладов, хотя здесь, несомненно, присутствует и новая тематика.

Третья рубрика – применение методов астрометрии, небесной механики и астрономии в археоастрономии – включает пять из семи заявленных докладов[1].

В докладе *Э.Н. Каурова* (ЕААО) "Истоки и эволюция древнекитайских астрономических наблюдений" рассматриваются доказательства существования и эволюции архаической системы астрономических наблюдений на временно́м интервале от нижнего палеолита (мустье) до начала нашей эры. По мнению докладчиков, древнекитайская система астрономических наблюдений (фиксация Полюса Мира и системы экваториальных созвездий и астеризмов -сю) унаследована из архаической системы наблюдений, связанной с фиксацией Полюса Мира как центра суточного вращения небесной сферы.

Докладчик особо подчеркнул, что основой построения гипотезы является сформулированная автором естественнонаучная посылка о хорошем соответствии последствий предполагаемого изменения положения Полюса Мира, которые зафиксированы в фигуре созвездия Дракона, и в изменениях глобальной температуры на поверхности антарктического ледяного щита. Последнее установлено для интервала времени более 150 тыс. лет в результате эксперимента на антарктической станции "Восток".

Доклад *А.М. Карапетьянца* (ИСАА при МГУ) "Проблема происхождения древнекитайского Зодиака" посвящен представлениям о системе сю-созвездий и астеризмов древнекитайского лунного Зодиака и некоторым другим особенностям подразделения древнекитайской небесной сферы, а также некоторым

[1] Содержание концептуальных положений первых двух докладов данной рубрики и дискуссии по ним дано в изложении Э.Н. Каурова, за что авторы публикации выражают ему искреннюю признательность.

вопросам происхождения данной формы подразделения созвездий древнекитайского Зодиака и сопоставлению его с древнеиндийским лунным Зодиаком.

И.В. Дмитриева, Е.П. Заборова, В.Н. Обридко (ИЗМ РАН) в докладе "Стихийные бедствия и солнечная активность (по данным летописей)" затронули тему проявления природных феноменов в жизни древних обществ. Выводы доклада основаны на методах статистического анализа использованного материала – данных летописей о стихийных бедствиях и солнечной активности. Исследования показали, что влияние солнечной активности очень сложно и механизм этих связей еще полностью не выяснен.

Два доклада с бóльшим основанием могут быть отнесены к истории астрономии. Основываясь на анализе поэтического произведения Древней Греции, *С.В. Житомирский* (ИМ МГУ) в докладе «"Явления" Арата – уникальный памятник истории астрономии» делает вывод о глубокой древности (не менее чем около 3000 лет до н.э.) формирования основных представлений сферической астрономии и понятия о строении космоса. Базой тому были, во-первых, мифологические представления о небе как о скорлупе Мирового яйца, а во-вторых, наблюдения на обсерваториях типа Стоунхенджа.

М.С. Дементьев (Киев, ГАО НАНУ) в докладе "Сравнение древними астрономами звездной карты неба с географической картой земли" на основании анализа древних созвездий, указанных в атласе Гевелия (XVII в.), а также детального сравнения звездной карты неба с картой Земли развивает гипотезу о связи в той или иной степени названия некоторых созвездий, их взаимного расположения и ориентации с географией Земли. Для подтверждения своих выводов автор приводит также данные мифологии, в основном Древней Греции.

По докладу Э.Н. Каурова были высказаны следующие суждения. А.М. Карапетьянц оценил представленные материалы как интересные, но подчеркнул при этом, что в эпоху Хань созвездие Большой Медведицы ассоциировалось в Древнем Китае с ковшом, а не с медведем, и дал разъяснения относительно представлений о центральном дворце неба. Он заметил, что три звезды хвоста созвездия Дракона действительно были отмечены и выделены древнекитайскими наблюдателями, хотя их соединение на карте неба может быть проведено достаточно произвольно. По мнению Г.Е. Куртика, наблюдения небесной сферы в древнейший период, отмеченные докладчиком, могли сводиться лишь к фиксации простейших феноменов – таких, например, как фиксация звезды, находившейся вблизи центра суточного вращения небесной сферы. Г.Г. Ершова выразила свое сомнение относительно датировки, приведенной в излагаемом материале.

Обсуждение доклада И.В. Дмитриевой, Е.П. Заборовой и В.Н. Обридко по сути превратилось в дискуссию по вопросам методологии археоастрономических исследований.

М.Ф. Косарев, не отрицая значимости летописных сведений для палеоклиматической реконструкции, предостерег от абсолютизации древнерусских летописных данных, используемых для корреляции колебаний солнечной активности, с одной стороны, и летних засух, зимних холодов, эпидемий, эпизоотий – с другой. Летописи в этом отношении неполны, а степень масштабности стихийных бедствий в подаче того или иного летописца зависела от его "менталитета", личных пристрастий, конкретной исторической ситуации и т.д. Поэтому во избежание ошибок и необъективных оценок необходимо выработать критерии достоверности на более широких системных уровнях, предусматривающих взаимопроверку летописных данных и одновременных исторических хроник, известных в соседних районах (государствах).

Э.Н. Кауров полагает, что в данном конкретном случае важен не столько характер летописей, сколько их полнота, представительность статистической выборки. Он обратил внимание на уникальную значимость информации, помогающей существенно корректировать астрономические представления о ближайшей к ним звезде – Солнце.

Д.С. Раевский высказал мнение о необходимости градации содержащихся в летописях и фольклорных текстах сведений, ибо "разрешающие способности этих двух категорий источников и принцип отбора закладываемой в них информации разные". Археоастрономия как междисциплинарное научное направление должна опираться на опыт и эрудицию исследователей, каждого в своей области. Тогда можно избежать дилетантизма, который присутствует в некоторых докладах как гуманитариев, так и естественников, когда они касаются проблем других дисциплин. Он выразил опасение, что на смену былому географическому детерминизму в изучении жизни древних обществ может придти "космический детерминизм" в ущерб исторической стороне исследования. Поэтому одна из основных задач данной конференции – попытаться найти точку соприкосновения и процедуру междисциплинарного взаимодействия.

При обсуждении доклада С.В. Житомирского Т.М. Потемкина поддержала основные выводы автора, которые, по ее мнению, хорошо согласуются с археологическими данными, в том числе и предположение о существовании людей (жрецов?) – носителей знаний уже на заре формирования представлений о сферической астрономии. Г.Г. Ершова также отметила наличие многих интересных и полезных данных. Г.Е. Куртик, опираясь на месопотамские и древнегреческие источники, признал положения, содержащиеся в докладе, малодостоверными, поскольку они "не ложатся на уже известный материал" и требуют дополнительных аргументов.

Противоречивые суждения были высказаны по докладу М.С. Дементьева. Особенно острые оценки

прозвучали в выступлениях Г.Г. Ершовой, Э.Н. Каурова, В.А. Юревича: выраженная в древней мифологии идея совместимости звездной карты неба с географической картой земли сама по себе здрава, но манера аргументации методологически ущербна, не подчиняется правилам системного подхода и является по существу "подгонкой под ответ". В качестве доказательств используются источники разных эпох, разных этапов знания, разных мифологических традиций, что свидетельствует о неумении докладчика пользоваться историческими источниками. А.Г. Кифишин, напротив, не ставит это в виду докладчику, а объясняет все недоброкачественностью источника, его "перемешанностью", поскольку Гевелий создавал свою карту звездного неба уже в новое время по заказу масонов. Что касается первой части доклада (земной), то она, как считает А.Г. Кифишин, полностью доказуема. По мнению И.А. Святополка-Четвертынского, доклад М.С. Дементьева вызывает непонимание, т.к. не известен источник, где говорится, что земля является отражением неба. В "Герметике" сказано, что отражением неба является человек. Высоко оценил доклад Н.О. Кирсанов: с астрономической точки зрения, гипотеза М.С. Дементьева имеет право на существование: "Мы видим здесь великолепную мнемотехническую схему".

Четвертая рубрика – более широкого междисциплинарного плана – нашла отражение в восьми докладах.

Несомненный интерес вызвал доклад *Г.Г. Ершовой* (ИА РАН) "Астрономические тексты на археологических памятниках майя". В нем на основании детального анализа текстов майя предлагается схема развития астрономических представлений древних обществ. По мнению автора, астрономические наблюдения возникают одновременно с появлением Homo sapiens как способ вписать представления о человеческой жизни в пространственно-временной континуум. Однако на каждом уровне развития коллектива эти наблюдения приобретают свою специфическую форму, предопределяя и способ их описания. Среди способов фиксации астрономических знаний следует выделять астроиконографию, астроархитектуру, астрогеографию, астромифологию и собственно астрономические знания, которые также видоизменяются по мере эволюции человеческого мышления.

Интерпретации ряда скифских древностей как связанных с астрально-календарными представлениями был посвящен доклад *Д.С. Раевского* (ИВ РАН) "Зодиакальная символика на предметах Келермесского кургана". Это – майдан у с. Цветна, планировка и пространственная ориентация которого, очевидно, продиктованы наблюдениями за годовым движением Солнца; знаменитое Келермесское зеркало, декор которого символизирует ключевые моменты годового солнечного цикла; золотые ножны Келермесского и Мельгуновского мечей с изображенной на них зодиакальной символикой.

Т.М. Потемкина (ИА РАН) в докладе "Календарно-обрядовая практика населения Зауралья в III тыс. до н.э." на основе корреляции археологических и астрономических данных, полученных при раскопках святилища Савин, а также привлечения этнографических материалов Урало-Сибирского региона делает вывод о существовании у зауральского населения в эпоху энеолита лунно-солнечного календаря, где месяц – основной отрезок времени – дробился на недели и слагался в сезоны, полугодия, год.

Исключительно полезная информация о народной культуре русского средневековья, включающей в себя знания комплекса астрономических явлений, содержалась в докладе *В.Г. Власова* (АИРАСХН) "Аграрный календарь и народная астрономия в Древней Руси. Переходы к интерпретации кругового орнамента". Автор показал, что вплоть до XVI – начала XVII в. русские крестьяне продолжали пользоваться древним солнечным календарем, месяцесловом. Обряд почитания солнцестояний совершался даже в Кремле в XVI в. Только в 70-х годах XVII в. усилиями церковников были окончательно прекращены действия тех, кто "по звездам... смотрят дней и часов" (Стоглавый собор 1551 г.). Но народные приметы сохранились, их привязали к церковным праздникам, и только тогда начался процесс "убегания" их от Солнца, составивший уже три дня.

А.Г. Кифишин (Москва) в докладе «"Открытое и закрытое" небо по данным протошумерского архива Каменной Могилы и шумеро-вавилонских трактатов", раскрывая археоастрономические аспекты своих исследований, опирался помимо шумеро-вавилонских трактатов на мифы и ритуальные тексты "протошумерского архива", обнаруженного при раскопках Каменной Могилы под Мелитополем – очень своеобразного памятника. "Протошумерский архив", состоящий из многих каменных "табличек", А.Г. Кифишин датировал в целом значительно более ранним временем, чем собственно шумеро-вавилонские тексты.

Разгадке тайн этого же памятника был посвящен и доклад *В.А. Чудинова* (МЭГУ) "Астрономически-ритуальная интерпретация рисунка-надписи из Каменной Могилы". Исследуя независимо от А.Г. Кифишина рисунки на каменных плитах и стенах гротов указанного объекта, автор увидел на них "знаки, тождественные силлабографам славянского слогового письма", и прочел их на древнеславянском языке как краткие ритуально-молитвенные формулы, причем по крайней мере в двух случаях в текстах упоминался мамонт и имелось его изображение, тесно сопряженное, по видению докладчика, с письменными знаками.

На основе шумерских мифологических текстов конца III тыс. до н.э. был построен доклад *И.А. Святополка-Четвертынского* (ИЯ РАН) "Влияние фаз Луны на божественную и человеческую сферы, согласно шумеро-вавилонской традиции (несколько слов о продвижении дешифровки шумеро-вавилонской формульной системы)". Основные положения докладчика могут быть сведены к следующему:

астрологические представления древних относятся к той фазе развития астрономии, когда она, будучи неразрывно связана с человеческой деятельностью, существовала в виде своеобразной, с современной точки зрения, системы знаний и описаний.

В основу доклада *А.А. Баренбаума* (ИПНГ) «"Светлое слово" догонов как источник информации о Сириусе» положено мифологическое откровение догонов – небольшого африканского народа, живущего ныне на территории Мали. Догоны обладают своеобразной системой древних эзотерических знаний, в том числе в области астрономии – во многом на уровне современной науки, при этом поражает их информированность о Сириусе и о его месте в системе созвездия Большого Пса. Эти знания, по догонским откровениям, принесли им пришельцы с планеты С – спутника Сириуса, посетившие землян в период, когда Сириус находился в непосредственной близости от солнечной системы. А.А. Баренбаум приводит в подтверждение подлинности тех космических событий ряд доказательств, связанных, на его взгляд, с новыми и новейшими астрономическими открытиями.

Доклад А.Г. Кифишина прокомментировал шумеролог И.А. Святополк-Четвертынский. По его мнению, выступление было порой построено на иррациональной логике и в жреческой языковой манере, которая недоступна непосвященным слушателям, однако упрекать его в ненаучности нет никаких оснований.

Особо острые споры возникли вокруг доклада В.А. Чудинова. Изложенные им построения и выводы вызвали у многих участников конференции весьма негативную реакцию. По мнению оппонентов (В.Е. Антоновой, Д.С. Раевского, Г.Г. Ершовой и др.), поисковая манера В.А. Чудинова не соответствует методологическим принципам научного исследования, уровень его профессиональной компетенции ниже всякой критики, автор не признает никаких традиций в языкознании. И.Л. Кызласов считает наиболее уязвимым местом доклада отсутствие работы автора непосредственно с источником, с натурой.

Однако некоторая часть участников дискуссии была настроена более миролюбиво (М.Ф. Косарев, Л.А. Новикова, М.Н. Шалашов и др.) и, более того, осудила слишком резкий тон дискуссии. Было высказано мнение, что настоящий ученый должен одинаково уважительно относиться как к истине, так и к заблуждению, тем более что многие открытия совершаются на уровне интуитивного знания, а также на уровне переступания через общепринятые схемы. В подобных спорных ситуациях разумное сомнение полезней беспросветного скепсиса.

По докладу А.А. Баренбаума выступили Э.Н. Кауров, В.А. Юревич, заявив, что рассуждения о движении Сириуса не имеют под собой убедительных наблюдательных оснований и чисто умозрительны. Появление Сириуса со спутником близ Солнца не согласуется с современными астрономическими представлениями о движении звезд в нашей Галактике.

Пятая рубрика – доклады о космогонических и космологических представлениях древних и современных народов.

В докладе *М.Ф. Косарева* (ИА РАН) "Некоторые аспекты языческого космологического знания (по урало-сибирским археолого-этнографическим материалам)" были рассмотрены два основных концептуальных сюжета. Первый касался понимания древними внутренней природы Сущего. Докладчик высказал мысль, что по глубине проникновения в главные смыслы Мироздания языческое миропонимание намного опережало уровень фактических знаний своего времени (цикличность развития Вселенной; Мир как динамическое единство противоположностей; идея жизненного круговорота и т.д.). Второй сюжет затрагивал проблему несовмещения в ряде случаев ритуально-обрядовой и астрономической ("обсерваторной") систем ориентировок по "сторонам света", что необходимо учитывать при археоастромической интерпретации древних памятников.

Истолкованию космогонических представлений населения ташковской культуры (первая треть II тыс. до н.э.) в южнолесной зоне Западной Сибири был посвящен доклад *В.Т. Ковалевой* (УрГУ, Екатеринбург). По ее мнению, кольцевая планировка раскопанных поселений являла собой модель Вселенной, где круг мог быть символом освоения пространства – Космоса, а яма с жертвоприношением в центре – строительная жертва земле и богам. Модель структуры Вселенной и общества передана также числовой символикой в ряде сюжетов на орнаменте сосудов.

Выступая по докладу, М.Ф. Косарев упрекнул В.Т. Ковалеву в излишне категорической, на его взгляд, трактовке семантического содержания орнаментов на сосудах ташковской культуры и слишком прямолинейной привязке пространственной структуры ташковских поселений Нижнего Притоболья к структуре Мироздания, реконструируемой по ритуальным гимнам Ригведы.

Н.Д. Гогин, Н.О. Кирсанов (Санкт-Петербург, ИТА РАН) в докладе "Об одной модели Мира у прибалтийских финнов" изложили результаты своих исследований загадочного "сампо" в прибалтийско-финской мифологии и пришли к выводу, что этимологический смысл этого предмета наиболее соответствует понятию "звездный глобус" и потому сам предмет может быть ассоциирован с моделью Мира.

Шестая тематическая рубрика включала доклады о семантике древних орнаментов.

Е.В. Антонова (ИВ РАН) в докладе "Специфика условных изображений дописьменных культур и проблема их интерпретации как знаков светил" обратила внимание на то, что символическое значение

различных сходных знаков (крест, круг с точкой или лучами и т.п.) в древности и позднейшие периоды может трактоваться по-разному в зависимости не только от культурного и хронологического разрыва, но и бытования их в культурах разного типа, где кодирование информации и ее передача осуществлялись разными способами.

Анализируя орнаменты с солярной символикой на сосудах и различных предметах от неолита до средневековья (VI тыс. до н.э. – I тыс. н.э.), *В.В. Никитин* (Йошкар-Ола, НИИ ИЯЛ РАН) в докладе "Календарь в орнаменте посуды и украшениях финно-угров Поволжья и Урала" приходит к выводу, что на многих из них читаются сведения, выраженные в цифровых понятиях и отражающие временны́е сезоны, фазы годового цикла и т.д. Это представляет несомненный интерес для реконструкции древнейших календарных схем. По мнению автора, календарная система в Восточной Европе оформилась уже в эпоху неолита в виде примитивных временны́х схем, а в эпоху бронзы существовали достаточно полно сформулированные календарные блоки.

Поиски календарных закономерностей в орнаментах и других артефактах, предпринятые В.В. Никитиным, были признаны весьма успешными; отмечена необходимость дальнейшей разработки этой проблематики (В.Т. Ковалева, В.А. Юревич).

На заключительном заседании состоялась дискуссия по общим итогам конференции. Выступавшие констатировали, что конференция прошла успешно. Был очерчен круг наиболее значимых проблем, намечены пути дальнейших научных поисков.

Как и в дискуссиях по докладам, наибольшее место занимали вопросы, касающиеся методики и методологии археоастрономических исследований. В ряде выступлений (А.К. Кириллов, М.Ф. Косарев, Т.М. Потемкина, С.Н. Шалашов) особое внимание было обращено на то, что вне археоастрономического "понимания" памятника трудно постичь его структурное и смысловое содержание, поскольку планиграфия большинства археологических объектов находится в соответствии со специфическим пониманием древними обитателями конкретных регионов структуры мира и календарной системы. Археоастрономическая семантика пронизывает не только святилища, но и другие категории древних памятников – погребения, петроглифы, поселения, что должно обязательно учитываться в наших полевых исследованиях, особенно в подходах к полевой методике.

Практически все выступавшие признали исключительную важность археоастрономии как научного направления для выявления не только истоков и этапов развития астрономических знаний, но и для реконструкции древних мировоззренческих комплексов, характера и содержания древних производственных циклов, этапности палеоклиматических колебаний, корректировки периодизации и хронологии археологических культур, разгадки тайн древнего мифотворчества, исследования путей и форм развития календарных систем и древнего знания в целом.

В то же время участники конференции констатировали существенные разночтения, касающиеся археоастрономической терминологии, характера и предела допустимости интерпретации методов разных наук на междисциплинарном уровне, меры компетенции и меры ответственности представителей разных наук в понимании доли своего участия в междисциплинарном исследовательском процессе, что вполне естественно, так как российская археоастрономия находится пока на стадии становления.

Конференция наглядно продемонстрировала трудность и ответственность задач и целей археоастрономии, особенно по части определения проблем, которые должны явиться предметом ее акцентированного внимания. Не удалось с достаточной четкостью определить содержание понятия "археоастрономия". В связи с рабочей формулировкой, данной в предисловии к тезисам конференции, было высказано мнение, что "предмет археоастрономии включает в себя представление о мире, а не историю о мире и циклах" (И.Л. Кызласов). Поднимался вопрос о необходимости выработки общего языка археоастрономии, "чтобы на понятном языке обсуждать общие идеи", поскольку главное препятствие в общении на данном этапе – это узкая специализация (Э.Н. Кауров, И.Л. Кызласов). По-прежнему спорными остались вопросы, касающиеся семантики солярно-астральных "ориентиров", условий выбора "значимых" и "незначимых" признаков, критериев оценки "корректных" и "некорректных" способов извлечения исторической информации из археоастромических источников.

Касаясь перспективы дальнейших археоастрономических исследований, участники конференции высказали ряд конкретных пожеланий.

1. Проводить археоастрономические конференции периодически, с интервалом через два или три года. Первостепенное внимание при этом следует уделять проблемам методологии археоастрономических исследований.

2. В будущем подобные конференции целесообразно проводить на базе нескольких заинтересованных учреждений на междисциплинарном уровне, что сделает их более представительными, поможет успешнее решать финансовые проблемы.

3. Более требовательно подходить к отбору докладов и тезисов для публикации, строго в соответствии с тематикой конференции.

4. Поддержать предложение оргкомитета о необходимости проведения полевых семинаров по

археоастрономии с участием археологов, астрономов, геофизиков и других заинтересованных специалистов на археологических памятниках с наиболее выраженными астрономическими ориентирами.

5. Выразить признательность Институту археологии РАН, оргкомитету и председателю последнего Т.М. Потемкиной за инициативу проведения конференции, а также за обеспечение ее четкой работы, что обусловило успех конференции.

Институт археологии РАН,
Москва
Историко-архитектурный и
художественный музей, Звенигород

Т.М. Потемкина, М.Ф. Косарев,
В.А. Юревич

ПЕРВЫЙ АНГЛО-РОССИЙСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЕМИНАР "ПРОБЛЕМЫ ФИКСАЦИИ В АРХЕОЛОГИИ"

(Борнмут, 1997)

26–28 марта 1997 г. в г. Борнмуте (Великобритания) состоялся первый англо-русский археологический семинар, посвященный проблемам фиксации в археологии. Идея семинара возникла летом 1996 г. во время визита профессора Школы научной консервации Борнмутского университета Тимоти Дарвилла в Россию. Профессор Т. Дарвилл посетил две экспедиции – Окскую экспедицию ИА РАН под руководством А.Н. Сорокина, занимающуюся раскопками неолитического памятника Замостье-5 на р. Дубне, и Маджарскую экспедицию археологии МГУ (начальник Э.Д. Зиливинская), сотрудники которой ведут раскопки крупного золотоордынского города в Ставропольском крае. Во время встреч с археологами в Москве, а также посещения экспедиций наметились некоторые различия в методике раскопок и системах фиксации материалов английских и российских археологов. Для более полного и конкретного разрешения возникших вопросов было решено провести рабочий семинар. Организаторами семинара явились Борнмутский университет и Институт археологии РАН. В его работе приняли участие археологи Москвы и Великобритании.

На первом заседании семинара с приветственным словом выступил профессор *Бр. Браун*, глава Школы научной консервации. Он выразил надежду, что семинар поможет лучше изучить методики исследования и фиксации материалов на различных памятниках и будет способствовать дальнейшему сближению английских и российских археологов. *Г.Е. Афанасьев* от лица членов российской делегации поблагодарил организаторов семинара за предоставленную возможность собраться в стенах Борнмутского университета. Он подчеркнул важность такого обмена опытом, который необходим для развития археологической науки.

Работу семинара начал доклад *М. Кокс* "Система фиксации при раскопках в болотистой местности в Сомерсете". М. Кокс дала широкий обзор памятников, расположенных на торфяных болотах в различных странах мира, и привела широкий спектр этнографических параллелей. Изучение таких археологических памятников особенно интересно и информативно, так как в них сохраняются изделия из кости, дерева, других органических материалов. Тем не менее исследование археологических объектов в торфяных болотах связано со значительными трудностями. Особое внимание М. Кокс уделила проблеме "дрейфа" находок, которые из-за отсутствия плотного культурного слоя могут смещаться как в вертикальном, так и горизонтальном направлениях и не быть привязаны к соответствующему стратиграфическому горизонту.

Далее был зачитан доклад *В.В. Сидорова* и *А.Н. Сорокина* "Охранные раскопки многослойного поселения Замостье-5 на Русской равнине". Поселение Замостье-5 также расположено на торфяниках, и раскопки его ведутся в условиях периодического затопления раскопов р. Дубной. Памятник представляет собой многослойное поселение, существовавшее как в неолите, так и в мезолите. Исследования его проводились в течение ряда лет. Особо интересные результаты были получены в 1996 г., когда в мезолитическом слое был открыт деревянный помост длиной более 4 м. Этот помост пока не имеет аналогов. Под ним находятся еще два мезолитических слоя. В неолитических слоях были обнаружены два погребения. Также при раскопках было найдено большое количество изделий из кости и камня, причем некоторые предметы орнаментированы. Нижний рубеж этого памятника – плейстоцен-голоцен.

В докладе "Специфические черты раскопок средневековых поселений Северного Кавказа" *И.А. Аржанцева* основное внимание уделила исследованию аланских городищ. Одно из них, поселение Зильги в Северной Осетии, в течение ряда лет разрушалось карьером кирпичного завода. На примере Зильги И. Аржанцева показала возможности и способы исследования участков городища, подвергшихся антропогенному и техногенному воздействию, а также способы фиксации разрушающихся объектов и привязки их к соответствующим стратиграфическим горизонтам. На неразрушающихся памятниках в качестве методов исследования использовались сплошная крупномасштабная топосъемка и инженерно-геологическое обследование. К таким памятникам прежде всего относится городище Кяфар в Карачаево-Черкесии. Его местоположение на вершине сильно залесенного хребта делает невозможным использование аэрофотосъемки для составления плана. Инженерно-геологическое обследование позволяет сделать прогноз разрушения или сохранения памятника.

Э.Д. Зиливинская рассказала о специфике раскопок золотоордынских городов. Города Золотой Орды по своей структуре сильно отличаются от средневековых городов Западной Европы, Руси и стран Востока. Кроме того, все они целенаправлено разрушались в течение нескольких веков. В качестве эталонных памятников были выбраны Селитренное городище (Сарай) в Нижнем Поволжье и городище Маджары на

© Э.Д. Зиливинская, 1998 г.

Северном Кавказе. Селитренное городище в настоящее время разрушается только за счет естественных факторов, в то время как городище Маджары за последние 35 лет почти полностью уничтожено городской застройкой и планировкой полей. Естественно, различная степень сохранности памятников требует и различной методики их исследования. При раскопках крупных городских центров, какими являются золотоордынские города, особое внимание следует уделять фиксации строительных остатков. Основная часть доклада была посвящена фиксации полностью или частично разрушенных построек из обожженного кирпича, сырца и дерева. Также были затронуты вопросы датировки и фиксации вещевого материала.

Доклад *М. Лаутона* был посвящен проблемам и возможностям существующих систем фиксации в применении их на протоурбанистических поселениях во Франции. В нем говорилось о способах, которыми фиксировалась керамика железного века в ряде изучаемых памятников в Северной Франции. Особо он остановился на способе, который позволил ему проследить использование моделей, связанных с типом и функциями сосудов.

Большой интерес вызвало выступление *Н. Холбрука*, главы частной археологической фирмы "Cotswold Archaeological Trust", занимающейся спасательными работами и исследованием памятников на территориях, отведенных под застройку. Так как в условиях надвигающегося строительства копать приходится очень быстро, исследователям часто не удается на месте осмыслить все детали и особенности памятника. Поэтому особое внимание они уделяют тщательной фиксации материала с использованием специально разработанных формуляров, на которые наносятся данные о всех самых мелких объектах на раскопе. В дальнейшем, при более благоприятных обстоятельствах, проанализировав заполненные формуляры, исследователь может обобщить полученные результаты и сделать выводы о характере памятника. Н. Холбрук продемонстрировал пособие для археологов-практиков, разработанное "Cotswold Archaeological Trust". В нем приведены различные формы, применяемые для фиксации всевозможных археологических объектов, таких как слои, ямы, стены построек, погребальные сооружения, останки человека. Все формуляры снабжены подробными указаниями о способах их заполнения.

Следующий день работы семинара был посвящен осмотру археологических памятников. Участники семинара посетили раскопки поселения железного века в Балксбери в Хемпшире. Здесь они могли видеть применение на практике тех систем фиксации, о которых говорилось в докладах. В программу входил также осмотр знаменитого Стоунхенджа. Известное мегалитическое сооружение в Эйвбери оказалось не менее грандиозным и загадочным. Оно состоит из огромного круга, обозначенного камнями, к которому ведет дорога, по сторонам которой также вкопаны камни. Круг окружен мощным валом и рвом.

Очень много для лучшего знакомства с работой археологов в Англии дало посещение главной конторы "Cotswold Archaeological Trust". Здесь *Н. Холбрук* и *Бр. Ленгтон* рассказали о серии выполняемых ими проектов, а также показали дальнейшую обработку заполненных на раскопе формуляров и продемонстрировали все стадии камеральной обработки материала.

Третий, заключительный, день семинара был наиболее насыщенным. Утреннее заседание началось с доклада *А.С. Смирнова* "Архео-программа для создания графических информационных схем в Автокаде". Доклад был посвящен графической программе для визуального анализа распределения находок в плане и профиле. Эта программа, разработанная в Институте археологии РАН, позволяет создавать трехмерные модели раскопа со всеми находками. С ее помощью также можно выводить на экран объекты, отвечающие определенным характеристикам по желанию исследователя. Автор не только рассказал об этой программе, но и наглядно продемонстрировал ее возможности.

Дж. Чартранд продолжил тему использования компьютерных программ в археологии. Его сообщение было посвящено использованию Географической Информационной Системы (GIS) для создания моделей ландшафта. Участники семинара также посетили компьютерный зал, где им продемонстрировали серию различных программ, изучение которых обязательно для студентов Школы научной консервации.

В докладе "Опыт применения методов аэрокосмического зондирования в археологии" *Г.Е. Афанасьев* рассказал о работе по расшифровке данных аэрокосмической съемки, которая ведется в Институте археологии РАН. Аэрофотоснимок Маяцкого городища был отцифрован и дешифрован. Три объекта были раскопаны во время полевого сезона, и данные дешифровки получили полное подтверждение. В настоящее время происходит отработка методики, которую можно перенести на весь бассейн Среднего Дона. Этот опыт аэрозондирования археологических объектов является первым не только в России, но и за рубежом.

Марк Брисбейн в своем докладе представил систему фиксации находок на средневековых памятниках, разработанную в Саутгемптонском музее. В отличие от подобных систем для памятников каменного и бронзового веков, где ключевым понятием является "контекст", здесь находки фиксируются по штыкам и квадратам. Докладчик еще раз обратил внимание на необходимость дальнейшего совершенствования системы фиксации артефактов при раскопках средневековых памятников. Особенно остро эта проблема стоит для многослойных городищ, изобилующих находками, таких как Новгород.

В заключительном докладе *Т. Дарвилл* подробно рассказал об основных принципах методики исследования археологических памятников, принятой в Англии, и об обучении студентов и сотрудников археологических ведомств системе фиксации археологических объектов. Разработанное в Борнмутском университете пособие по системе фиксации и описания всех возможных объектов (ARTHUR) является своеобразным учебником полевой археологии.

Вечернее заседание начал *С.Ю. Внуков* докладом о методике раскопок античных памятников Северного Причерноморья. Он показал применение методики, разработанной еще М.В. Фармаковским, в настоящее время на различных античных памятниках, от крупных городов до отдельных сельских усадеб. Особое внимание было уделено методам фиксации различных групп объектов, таких как строительные остатки,

стратиграфические горизонты и отдельные находки. Были представлены различные системе фиксации массового материала и индивидуальных находок.

Антрополог *Л. О'Коннел* рассказала о том, какую информацию могут таить в себе костные остатки человека, и продемонстрировала разработанную форму для полного антропологического описания скелета.

М. Малтби посвятил свое сообщение результатами изучения животных остатков. Особенно интересным в его докладе был сюжет о следах разделки туш, которые встречаются на костях. В римское время эти следы везде одинаковы и могут служить диагностическим признаком.

М. Рассел рассказал о раскопках валов и рвов в поселениях неолитического времени (Белле Тоут) и бронзового века (Волстонбери) и о том, какую информацию можно извлечь, изучая стратиграфию заполнения рвов и насыпки валов.

В докладе *Е. Пшеничновой* подводился некоторый итог тем работам по реставрации тканей, которые ведутся Центром исторических и традиционных технологий Института природного и культурного наследия. Основное внимание было уделено методам восстановления первоначальных красителей в археологическом текстиле. Сотрудниками Центра были обработаны большие коллекции тканей из Карачаево-Черкесии и Московского Кремля. При этом использовались как ранее известные методики, так и разработанные реставраторами Центра.

В заключение участники поблагодарили организаторов семинара и высказали пожелание, чтобы он стал ежегодным.

Результатом этого семинара стал договор о сотрудничестве, заключенный Институтом археологии Российской Академии наук и Школой научной консервации Борнмутского университета. В протоколе этого договора говорится: "Институт археологии РАН и Школа научной консервации Борнмутского университета согласны с тем, что изучение древних цивилизаций должно быть продолжено без жестких барьеров между сферами исследования. Поэтому сотрудничество это распространяется на все периоды и регионы, где может быть найден общий интерес, с целью продолжения англо-российского сотрудничества по всем историческим и научным аспектам археологического исследования". Для достижения этих целей стороны договорились объединить свои силы для осуществления совместных проектов. Кроме того, Институт археологии РАН будет помогать в установлении контактов между Борнмутским университетом и российскими исследовательскими учреждениями. Борнмутский университет будет делать то же самое для российского партнера по отношению к исследовательским учреждениям Великобритании. Институт археологии РАН и Борнмутский университет ежегодно будут обмениваться специалистами. Будут проводиться совместные полевые исследования, по результатам которых будут издаваться совместные публикации. Согласно договору Институт археологии РАН и Борнмутский университет планируют ежегодное проведение совместных научных семинаров.

Институт археологии РАН,
Москва

Э.Д. Зиливинская

ПАМЯТИ СВЕТЛАНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ ЯНИНОЙ

(1924–1997)

Не стало Светланы Алексеевны Яниной. Трудно примириться с мыслью, что нет больше нашей Светланы – обаятельной женщины и крупного ученого. Перед лицом смерти кажутся лишними человеческие слова. Но все же нужно говорить и писать, чтобы оценить ту пустоту, которая образуется с уходом человека, особенно такой значительной личности, какой была Светлана Алексеевна Янина.

С.А. Янина, урожденная Диомидова, родилась 2 марта 1924 г. в Тверской обл. В 1948 г. она окончила кафедру востоковедения Исторического факультета Московского государственного университета под руководством проф. Б.Н. Заходера. Ее дипломная работа была посвящена истории арабского Халифата. Светлана всю жизнь вспоминала с благодарностью своего университетского преподавателя арабского языка, известного арабиста К.В. Оде-Васильеву. Яркая, способная студентка, всегда в центре внимания, Светлана привлекала к себе сердца своей живостью, участием к другим, чуткостью и красотой. Тогда, и многие годы после окончания университета, она увлекалась театром, брала уроки сценического мастерства у Н.П. Хмелева, участвовала в самодеятельных спектаклях.

Получив специальность историка-арабиста, С.А. Янина с 1947 г. стала работать в Отделе нумизматики Государственного Исторического музея, которым тогда заведовал старый специалист-нумизмат А.А. Сиверс. Светлана очень скоро стала душой этого отдела и любимицей А.А. Сиверса. Я много бывал в те годы в Отделе нумизматики и навсегда запомнил ту обстановку молодой увлеченности, товарищества и вместе с тем научной серьезности, которая царила тогда там. Навыки работы с восточными монетами я получил в те годы от С.А. Яниной и сейчас считаю ее своим учителем.

Это было время возрождения нумизматики, и С.А. Янина была активным деятелем этого возрождения. Много сил отдает она приведению в порядок огромных собраний восточных монет ГИМа. Ею были систематизированы многочисленные монеты Золотой Орды. К сожалению, каталог этого собрания еще не опубликован, но есть картотека всех этих монет, и главное, сами монеты, разложенные по правителям, городам и годам чеканки, а внутри этих групп – по штемпелям. Этим систематизированным собраниям джучидских монет будут пользоваться все, кто занимается историей Золотой Орды и Восточной Европы в целом.

С.А. Яниной были упорядочены и другие разделы восточных монет собрания ГИМа.

В первые годы своей работы в Отделе нумизматики С.А. Янина много потрудилась для восстановления памяти замечательного русского нумизмата А.В. Орешникова, чье столетие отмечалось в 1955 г. В Отделе нумизматики возродилась традиция издавать "Нумизматические сборники". С.А. Яниной было подготовлено два тома "Нумизматических сборников", посвященных памяти А.В. Орешникова.

Тогда же С.А. Янина начинает серию статей о монетах, найденных на Болгарском городище

© Г.А. Федорова-Давыдова, 1998 г.

Куйбышевской археологической экспедицией. Четыре больших публикации стали важным пособием для всех изучающих джучидскую нумизматику, такими же, как труды Х.М. Френа и П.С. Савельева. Позднее С.А. Янина начала аналогичную работу по изучению монет, найденных на Царевском городище (развалины Нового Сарая) и напечатала о них большую статью.

С.А. Янина опубликовала также несколько кладов золотоордынских монет. К числу ее значительных научных успехов относится установление местоположения одного из загадочных городов – монетных центров Улуса Джучи – Шехр ал-Джедид, сопоставленного ею с городищем Старой Орхей. Это открытие было принято в науке и сейчас не оспаривается.

Ею выполнены важные работы в области куфической нумизматики. Это прежде всего публикация двух кладов X в. из Новгорода, найденных в точно датируемых слоях, что делает эти комплексы монет бесценными и для нумизматов, и для археологов. Эти работы отличают точность описаний и определений, весомость выводов. Нужно упомянуть и публикацию находок куфических монет на Болгарском городище, и особенно большую статью о редчайших болгарских монетах X в., в которой С.А. Янина впервые после Р.Р. Фасмера сумела сделать шаг вперед в этой труднейшей области мусульманской нумизматики.

С.А. Янина оставила заметный след в важнейших, классических областях русской восточной нумизматики.

С.А. Янина была хорошим эпиграфистом. Не раз она консультировала археологов и музейных работников, читая арабские надписи на древних предметах. Имеются ее статьи о золотых перстнях с надписями из Болгар, о весах с надписью из Тимерева.

С 1965 по 1985 г. С.Я. Янина работает заведующим Отделом нумизматики ГИМа. Она организует ряд интересных выставок древних и средневековых, а также современных монет. Много работает она над пополнением коллекций и библиотеки Отдела, выпускает несколько томов "Нумизматических сборников". При ней Отдел нумизматики стал крупным научным центром. Ей несут на определение монеты из раскопок и просто отдельные находки, она охотно помогает молодежи войти в науку.

Скончалась С.А. Янина после недолгой болезни 12 января 1997 г. Всегда приветливая и доброжелательная, Светлана Алексеевна Янина навсегда останется в памяти тех, кто ее знал, и займет прочное место в русской науке.

Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова

Г.А. Федоров-Давыдов

СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ С.А. ЯНИНОЙ

1. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1946–1952 гг. // МИА. № 42. М., 1954. С. 424–484.
2. Начальный период рязанской монетной чеканки // Тр. ГИМ. Вып. XXV. Ч. 1. М., 1955. С. 109–123 (в соавт. с В.Л. Яниным).
3. Неревский клад куфических монет X века // МИА. № 55. М., 1956. С. 180–207.
4. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевский экспедиции в Болгарах в 1953–1954 гг. // МИА. № 61. М., 1958. С. 392–423.
5. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1957 году // МИА. № 80. М., 1960. С. 210–223.
6. Куфические серебряные монеты с Болгарского городища (1957 год) // МИА. № 80. М., 1960. С. 224, 225.
7. Куфические монеты из могильника Мыдлань-Шай // ВАУ. Вып. 3. Т. I. Свердловск, 1962. С. 129–139.
8. Общий обзор коллекции джучидских монет из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах (1946–1958 гг.) // МИА. № 111. М., 1962. С. 153–178.
9. Новые данные о монетной чеканке Волжской Болгарии X в. // МИА. № 111. М., 1962. С. 179–204.
10. Металлические денежные знаки Хорезмской Советской Народной Республики 1920–1922 гг. // Ежегодник ГИМ за 1961 г. М., 1962. С. 55–62.
11. Второй Неревский клад куфических монет X в. // МИА. № 117. М., 1963. С. 287–331.
12. О монетах, приписываемых чекану хана Ногая // Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР. Тез. докл. Баку, 1965. С. 169.
13. Опись куфических монет из раскопок 1957–1961 гг. на городище Титчиха // Москаленко А.Н. Городище Титчиха. Воронеж, 1965. С. 270–277.
14. Русские и восточные монеты из собрания Е.А. Пахомова, поступившие в Государственный Исторический музей // Пленум Института археологии АН СССР 1966 г. Секция "Нумизматика". Тез. докл. М., 1966. С. 32, 33.
15. Находка редких золотых перстней в Болгарах // СА. № 3. 1967. С. 303–306 (в соавт. с А.П. Смирновым).

16. Two Hoards of Kufic Coins // Novgorod the Great. London, 1967. P. 66–68.
17. Монеты Золотой Орды из раскопок и сборов Поволжской археологической экспедиции на Царевском городище в 1959–1962 гг. // Поволжье в средние века. МИА. № 164. М., 1970. С. 194–222.
18. Золотые анонимные монеты Хорезма 60–70-х гг. XIV века в собрании Государственного Исторического музея // Нумизматический сборник ГИМ. Ч. IV. Вып. III. М., 1972. С. 25–76.
19. "Новый город" (= Янги-шерх = Шерх ал-Джедид) – монетный двор Золотой Орды и его местоположение // Нумизматический сборник ГИМ. Ч. 5. Вып. I. Тр. ГИМ. Вып. 49. М., 1977. С. 193–213.
20. Колодезский клад куфических и западноевропейских серебряных монет 60-х годов XI в. // Нумизматический сборник. Ч. 5. Вып. 2. Тр. ГИМ. Вып. 49. Ч. 2. М., 1977. С. 10–99 (в соавт. с А.С. Беляковым).
21. Весы с арабской надписью из Тимерева // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978. С. 184–192 (в соавт. с М.В. Фехнер).
22. Дубовский клад монет Золотой Орды конца XIV века // Нумизматический сборник. Ч. 6. Монетные клады собрания Государственного Исторического музея. Тр. ГИМ. Вып. 50. М., 1980. С. 165–188.

ПАМЯТИ ЭЛЬВИРЫ ДАВЫДОВНЫ ШНОРЕ

(1905–1996)

26 сентября 1996 г. в Риге скончалась Эльвира Давыдовна Шноре, видный латвийский археолог, снискавшая глубокое уважение благодаря большой работоспособности, преданности своему делу, высокой квалификации полевого исследователя, простоте и доброжелательности. Несмотря на преклонный возраст, она трудилась до последних дней жизни и умерла, работая над статьей по археологии Саласпилса.

Э.Д. Шноре родилась 15 января 1905 г. в Риге в семье ремесленника. По окончании средней школы в 1922 г. она поступила на историческое отделение историко-философского факультета Рижского университета. Первым знакомством с археологией стали лекции известного европейского ученого Макса Эберта. С 1924 г. университетскую кафедру археологии возглавил Франсис Балодис, лекции и семинары которого пользовались большим успехом среди студенчества. Он стал руководителем Э.Д. Шноре, которая с этого времени увлеклась археологией и уже в 1926 г. приняла участие в раскопочных изысканиях и регистрации памятников археологии. В 1928 г. ее мужем стал Рауль Шноре (1902–1962), впоследствии известный археолог и нумизмат. Параллельно с учебой в университете Э.Д. Шноре работала. Занятия в университете она завершила в 1932 г., и тогда же увидела свет ее первая небольшая публикация. Э.Д. Шноре была оставлена при университете для специализации в области археологии Латвии. С этой целью ей были предоставлены научные командировки в Стокгольм (1932), Париж, Брюссель, Берлин (1935) и Хельсинки (1937).

В 1930 и с 1933 по 1944 г. Э.Д. Шноре работала в Археологическом отделе Музея истории Латвии. Она готовила археологические экспозиции и вела полевую работу. Уже тогда проявились ее способности в раскопочной технике и точности фиксации. В 1930-е годы Э.Д. Шноре опубликовала 11 научных работ, свидетельствующих о ее глубоких познаниях в прибалтийской археологии.

В 1940–1945 гг. латвийская археология понесла крупные кадровые потери. Вынуждены были покинуть Латвию Ф. Балодис, В. Гинтарс, Э. Штурмс, были репрессированы Р. Шноре и А. Карнупс. Научные традиции латвийской школы археологов все же удалось сохранить, воспитав новое поколение исследователей. Несомненная заслуга в этом принадлежит Э.Д. Шноре.

С 1946 г. и до конца жизни Э.Д. Шноре ее исследовательская деятельность протекала в Институте истории Академии наук Латвии. Это был новый этап в ее научной работе, когда были проведены крупные раскопочные изыскания, давшие обширный источниковый фонд, который стал надежной основой для строго обоснованных в научном отношении исторических и историко-культурных выводов. За десятилетия плодотворной деятельности Э.Д. Шноре исследовала свыше 60 памятников и опубликовала около 150

© В.В. Седов, 1998 г.

научных работ, став одним из ведущих специалистов по археологии Юго-Восточной Прибалтики. Основными направлениями научных интересов Э.Д. Шноре стали две проблемы: этническая история и материальная культура латгалов, селов, ливов и связи балтов со славянским миром. Изучению этих проблем был подчинен выбор памятников для раскопочных изысканий, параллельно с последними велась большая исследовательская работа. Самое активное участие Э.Д. Шноре приняла и в крупных охранно-спасательных археологических раскопках на новостройках Латвии.

В 1947–1948 гг. под руководством Э.Д. Шноре был целостно и тщательно раскопан могильник в Нукши, материалы которого с интересными наблюдениями по социальной и этнической истории латгалов были изданы ею совместно с А. Зариня и И. Дайгой в монографии "Нукшинский могильник" (Рига, 1957). Особую значимость имели раскопки городища Асоте (I тыс. до н.э. – XIII в. н.э.). Фундаментальная монография "Асотское городище" (Рига, 1961), в которой были опубликованы и научно осмыслены материалы этих изысканий, получила самую высокую оценку в европейской научной литературе. Э.Д. Шноре – один из авторов и редакторов большой коллективной монографии "Археология Латвии (Latvijas PSR arheologija. Riga, 1974).

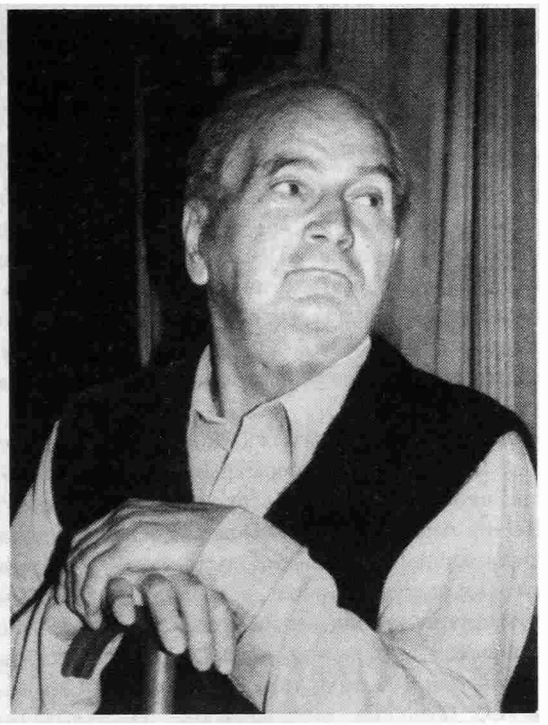
Крупные раскопочные работы были проведены Э.Д. Шноре в зоне затопления Плявинской ГЭС. Материалы этих исследований обобщены в монографии, написанной совместно с А. Зариня (E. Šnore, A. Zariņa. Sēna Sēlpils. Rigā, 1980). Исследования могильника Кивты изданы Э.Д. Шноре в монографии "Kivtu kapulauks" (Rigā, 1987).

Э.Д. Шноре принимала активное участие в международных, общесоюзных и республиканских конгрессах, конференциях и симпозиумах. Своими обширными знаниями она охотно делилась с молодыми археологами.

Труд и жизнь Э.Д. Шноре – пример скромного труженика науки. Скрупулезность и тщательность в раскопочных работах и кабинетных научных изысканиях вызывали исключительное уважение коллег. Память о Э.Д. Шноре надолго сохранится в ее трудах, содержащих ценнейшую научную и источниковую информацию по археологии и ранней истории Прибалтики и соседних земель.

Институт археологии РАН,
Москва

В.В. Седов



ПАМЯТИ ВАСИЛИЯ ДМИТРИЕВИЧА БЕЛЕЦКОГО

(1919–1997)

8 января 1997 г. после тяжелой продолжительной болезни скончался один из старейших сотрудников Эрмитажа, почетный гражданин Пскова, кандидат исторических наук Василий Дмитриевич Белецкий. С его именем связана целая эпохи в изучении памятников истории и культуры средневекового Пскова. Впервые приехав в Псков в 1955 г. в качестве помощника Г.П. Гроздилова – основателя и первого руководителя Псковской археологической экспедиции Эрмитажа, В.Д. Белецкий принял после кончины Гроздилова (1962 г.) руководство экспедицией и возглавлял ее на протяжении последующих тридцати лет.

В.Д. Белецкий родился 19 октября 1919 г. в г. Актюбинске (Казахстан). Детство его прошло в постоянных переездах, связанных со службой отца, профессионального военного. Вместе с семьей В.Д. Белецкий исколесил всю Евразию – от Казахстана до Ленинграда и от Ленинграда до Владивостока. Школу он закончил в Куйбышевке Восточной (ныне г. Белогорск) Амурской области, затем поступил в Иркутский горный институт. Возможно, Василий Дмитриевич стал бы горным инженером, но завершить учебу помешала война – вначале зимняя финская, затем – Великая Отечественная. Полк, в котором он служил инструктором, был школой переподготовки летного состава резерва Ставки: начав путь от Владивостока, В.Д. Белецкий завершил войну в Феодосии.

После окончания войны В.Д. Белецкий поступил в 1946 г. в Саратовский государственный педагогический институт. Тогда же состоялось первое знакомство с археологией – участие в раскопках городища Ош-Пандо в Мордовии под руководством П.Д. Степанова. В 1950 г. Василий Дмитриевич с отличием окончил институт и уехал поступать в аспирантуру в Ленинград. В том же году он попал в Волго-Донскую экспедицию ИИМК. Знакомство с М.И. Артамоновым определило всю дальнейшую судьбу: вначале учеба в аспирантуре Эрмитажа под руководством Артамонова, а затем – многие годы работы в Отделе истории русской культуры Эрмитажа.

Вначале научные интересы В.Д. Белецкого были связаны с хазарской тематикой. В рамках программы Волго-Донской экспедиции он обобщил полученные раскопками данные по домостроительству Саркела-Белой Вежи. В 1959 г. вышла из печати его монографическая статья, посвященная жилищам Саркела, защищенная в 1961 г. в качестве кандидатской диссертации. Первые самостоятельные археологические исследования Василия Дмитриевича в конце 1950-х годов также были ориентированы на хазарскую проблематику: он прошел разведками в дельте Волги в поисках Итиля. Возможно, не без оснований он предлагал локализовать район поисков столицы каганата в окрестностях станции Досанг. Однако дальнейшего развития эти наблюдения не получили – в жизнь В.Д. Белецкого властно вошел Псков.

С 1956 г. в рамках работ Псковской экспедиции Эрмитажа Г.П. Гроздилов поручил В.Д. Белецкому раскопки на территории южной части Псковского Кремля – в пределах т. н. "Довмонтова города".

Результаты первых сезонов раскопок здесь были поистине ошеломляющими. За три сезона (1956, 1958 и 1959 гг.) были раскрыты две гражданские постройки XIII в. и три храма XIV в. С 1960 г. Довмонтов город стал главным объектом исследований Псковской экспедиции Эрмитажа, а уже в 1961 г. состоялось сенсационное открытие остатков средневекового архива – огромного скопления вислых свинцовых печатей XV в.

Фактически, именно результаты первых сезонов работ в Довмонтовом городе определили основные темы, над разработкой которых В.Д. Белецкий продолжал работать до последних дней своей жизни: памятники средневековой псковской архитектуры XII–XVI вв., средневековая сфрагистика Пскова, памятники псковской монументальной живописи XIV–XV вв. А главным объектом археологических исследований на протяжении более чем трех десятилетий оставался Довмонтов город, территория которого (около 1,5 га) к концу 1980-х годов была изучена почти полностью. За годы раскопок здесь были раскрыты и музеефицированы пять гражданских построек XIII–XVII вв., десять каменных храмов XII–XVI вв., остатки фортификаций XIII–XV вв. Большинство исследованных раскопками построек получили в работах Василия Дмитриевича убедительные атрибуции.

Среди памятников Довмонтова города, раскрытых Псковской экспедицией Эрмитажа, особое место занимают три храма, перекрытые насыпью артиллерийского бастиона 1701 г., и сохранившиеся на высоту до 5 м. В центральном из них, церкви Покрова Богородицы, на стенах были обнаружены остатки фрескового убранства (более 150 м^2). Анализируя строительную историю храма В.Д. Белецкий убедительно связал создание живописного декора с первоначальной постройкой, возведенной в 1352 г., а живописная манера художников, расписавших Покровскую церковь, позволила Василию Дмитриевичу связать по крайней мере одного из мастеров с тем кругом живописцев, из которого позднее вышел Феофан Грек.

Важным этапом в археологическом изучении средневековых памятников Псковщины стали проводившиеся В.Д. Белецким на протяжении нескольких сезонов (1969–1974 гг.) раскопки на территории Государственного заповедника А.С. Пушкина "Михайловское". Исследования на городищах Воронич и Савкина Горка стали важным шагом в возобновлении планомерных и масштабных работ по изучению Псковской области, прерванных в середине 1950-х годов, создали предпосылки для нового изучения генезиса Пскова. И не случайно, что в 1980-е годы, когда раскопки городищ Псковщины уже проводились многими исследователями из Петербурга, Москвы и Пскова, Василий Дмитриевич вновь обратился к исследованию Псковского городища – ключевого памятника для изучения проблемы возникновения города Пскова. Раскопками 1983–1984 гг. была получена стратиграфически полная характеристика культурного слоя Псковского городища, соотносимая с современными представлениями о культурной стратиграфии окрестностей Пскова. А в 1991–1992 гг. этот цикл исследований увенчали первые абсолютные датировки слоя, полученные благодаря дендрохронологическому и радиокарбонному изучению образцов из слоев IV–X вв. В частности, спил дерева, срубленного в 860 г., происходит из слоя пожара, в котором погибло предгородское поселение на Псковском городище, и эта дата подтвердила принципиально новую гипотезу, связавшую возникновение города при слиянии Псковы и Великой с летописными событиями "призвания варягов".

На конференции в С.-Петербурге в мае 1992 г. В.Д. Белецкий подвел итоги многолетних работ Псковской экспедиции Эрмитажа. Намеченные направления дальнейших исследований, по мнению Василия Дмитриевича, к настоящему времени в основном уже обеспечены археологическим материалом, поэтому главной задачей является введение накопленного раскопками материала в научный оборот. Предложенная В.Д. Белецким программа дальнейших археологических раскопок в Пскове, как представляется, станет хорошей основой для исследований города в XXI веке. Одновременно с конференцией, в Георгиевском зале Зимнего дворца была развернута выставка "Древний Псков" (по материалам раскопок экспедиции Эрмитажа"), ставшая творческим отчетом Василия Дмитриевича за десятилетия исследований средневекового Пскова.

В последние годы жизни В.Д. Белецкий, несмотря на тяжелую болезнь, продолжал работать над подготовкой к изданию материалов раскопок в Пскове. В 1995 г. был рекомендован к печати Свод памятников псковской сфрагистики, подготовленный В.Д. Белецким в соавторстве с С.В. Белецким, а в 1996 г. была рекомендована к печати трехтомная монография "Городское ядро средневекового Пскова", в которой третий том составляют материалы раскопок Довмонтова города.

Главный итог работ В.Д. Белецкого в Пскове – это полностью изученный раскопками и музеефицированный архитектурно-археологический заповедник "Довмонтов город" в центре Пскова, ставший еще при жизни Василия Дмитриевича памятником его многолетнему самоотверженному труду. Немногие археологи могут гордиться таким результатом своих исследований. В 1995 г. на Псковском телевидении был снят фильм "Псков – моя судьба", посвященный В.Д. Белецкому, и в том же году Администрация Пскова приняла решение об избрании его Почетным Гражданином города Пскова (диплом и медаль за № 1).

В.Д. Белецкий обладал удивительной особенностью притягивать к себе людей. Особый мир Псковской археологической экспедиции Эрмитажа с его доброжелательностью и культурой человеческого общения сформировался, прежде всего, благодаря личным качествам самого Василия Дмитриевича. Из года в год в

составе экспедиции Эрмитажа работали люди разных профессий – не только историки и археологи, но и физики, математики, архитекторы, биологи, экономисты, учителя. Многие из них приезжали в экспедицию школьниками и студентами и оставались на десятилетия. Всем нам многие годы, близко связанным с Василием Дмитриевичем Белецким, будет не хватать привычного общения с ним – человеком редкого обаяния, доброты и интеллигентности, прекрасным рассказчиком, щедро раздававшим идеи и всегда готовым помочь каждому, кто нуждался в этой помощи. 8 января 1997 г. мир наших друзей стал беднее.

А.А. Александров, С.В. Белецкий, А.Н. Кирпичников, Г.С. Лебедев, Ю.М. Лесман, О.В. Овсянников, С.А. Плетнева, К.М. Плоткин

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ В.Д. Белецкого

1959

1. Жилища Саркела – Белой Вежи // МИА. № 75. С. 40–134: илл.

1961

2. Именная владычная печать XV в. из раскопок 1959 г. в Пскове // СГЭ. № 20. С. 6, 7: илл.

1962

3. Археологические разведки на Нижней Волге // СГЭ. Вып. 23. С. 61–64: карт.
4. Печати из раскопок 1960 г. в Довмонтовом городе в Пскове // СГЭ. Вып. 23. С. 22–24: илл. Рез. англ.
5. Сфрагистические находки в Пскове: (Раскопки 1961 г.) // ТД НС ГЭ за 1961 г. Л. С. 27–29.

1963

6. Раскопки в Пскове в 1962 г. // ТД НС ГЭ за 1962 г. Л. С. 35–37.

1964

7. Древний Псков по материалам раскопок экспедиции Гос. Эрмитажа // ТД НС ГЭ. Л. С. 88–89.
8. Раскопки древнего Пскова // ТД НС ГЭ за 1963 г. Л. С. 36, 37.

1965

9. Раскопки древнего Пскова в 1964 г. // ТД НС ГЭ за 1964 г. Л. С. 28, 29.

1966

10. Археологические исследования во Пскове в 1964–1965 гг. // Пленум ИА АН СССР 1966 г. Секц. "Славяно-русская археология": ТД. М. (Ч. 1). С. 6–8.
11. Поиски древнейшего памятника архитектуры средневекового Пскова – церкви Дмитрия Солунского постройки 1144 г. // ТД НС ГЭ за 1965 г. Л. С. 13–16.
12. Раскопки в Пскове // СГЭ. Вып. 27. С. 87. 88: илл.
13. Свинцовая печать новгородского посадника XV в. // СГЭ. Вып. 27. С. 112: илл.

1967

14. Работы Псковской археологической экспедиции в 1966 г. // ТД НС ГЭ за 1966 г. Л. С. 7, 8.
15. Топография Довмонтова города // ТД НС ГЭ за 1966 г. Л. С. 22–25.

1968

16. Работы Псковской археологической экспедиции 1967 г. // ТД НС ГЭ за 1967 г. Л. С. 5, 6.
17. Древний Псков по материалам археологических раскопок экспедиции Государственного Эрмитажа // СГЭ. Вып. 29. С. 3–8: илл.

1970

18. Археологические данные к датировке крепостных стен Довмонтова города в Пскове // АСГЭ. Вып. 12. С. 68–80: илл. Рез. англ.

1971

19. Два вновь открытых памятника псковского каменного зодчества // СГЭ. Вып. 32. С. 29–31: илл. Рез. англ.

20. Клейма и знаки на кирпичах XII в. из церкви Дмитрия Солунского в Пскове // СА. № 2. С. 272–278: илл.
21. Клейма на кирпичах XII в. из церкви Дмитрия Солунского в Пскове // СГЭ. Вып. 33. С. 55–58: илл. Рез. англ.
22. Работа Псковской археологической экспедиции Эрмитажа в 1968 г. // СГЭ. Вып. 33. С. 114, 115.

1972

23. Археологические работы на территории Пушкинского заповедника // АО-171. С. 28.
24. Работы Псковской экспедиции Государственного Эрмитажа в 1971 г. // ТД СПИПАИ 1971. Археол. секция. М. С. 109–110.

1973

25. Работы в Пушкинском заповеднике // АО-1972. С. 8, 9. (В соавт. с С.В. Белецким, Л.А. Царьковой, С.И. Янковским).
26. Работы Псковской экспедиции // АО-1972. С. 8.

1974

27. Некоторые данные к атрибуции храма № 1 из раскопок в Пскове в 1959–1963 гг. // АСГЭ. Вып. 16. С. 144–154: илл. Рез. англ.
28. Печать посадников псковских // СГЭ. Вып. 38. С. 28–30: илл. Рез. англ.
29. Псковская экспедиция // АО-1973. С. 6, 7 (В соавт. с С.В. Белецким).
30. Церковь Кирилла 1374 г. в Пскове (по материалам археологических раскопок) // Культура средневековой Руси. Л. С. 103–107: илл.

1975

31. Костяная печать из Пскова // СГЭ. Вып. 40. С. 24, 25: илл. Рез. англ.
32. Псковская экспедиция Государственного Эрмитажа // АО-1974. С. 6. (В соавт. с С.В. Белецким).

1976

33. Псковская экспедиция Государственного Эрмитажа // АО-1975. С. 5, 6: илл.

1977

34. Археологические работы в Государственном заповеднике им. А.С. Пушкина // АСГЭ. Вып. 18. С. 110–125: илл. Рез. англ.
35. Городской архив древнего Пскова // Наука и жизнь. № 11. С. 105: илл.
36. Работы Псковской экспедиции Государственного Эрмитажа // АО-1976. С. 5, 6: илл.

1978

37. Пять актовых печатей XII– XV вв. из Пскова // СГЭ. Вып. 43. С. 25–27: илл. Рез. англ.
38. Работы Псковской экспедиции Государственного Эрмитажа // АО-1977. С. 5, 6: илл.

1979

39. Работы Псковской экспедиции Государственного Эрмитажа // АО-1978. С. 3 (В соавт. с Е.Г. Шейниной).
40. Сосуд из могилы псковского князя Всеволода-Гавриила Мстиславича (1138) // СА. № 3. С. 275–279: (В соавт. с С.В. Белецким).

1980

41. Живопись в храмах XIV в. из раскопок в Довмонтовом городе Пскова // Древнерусское искусство: Монументальная живопись XV–XVII вв. М. С. 210–242: илл.
42. Итоги археологического изучения Довмонтова города средневекового Пскова // АИП. (Вып. 1). Псков. С. 6, 7.
43. Раскопки в Пскове на вечевой площади // АО-1979. С. 3.
44. Раскопки во Пскове в 1978 г. // СГЭ. Вып. 45. С. 30–33. Рез. англ.

1981

45. Раскопки в Довмонтовом городе Пскова // АО-1980. С. 5.

1982

46. Исследования Довмонтова города в 1980 г. // АИП. (Вып. 2). Псков. С. 46–48.
47. К вопросу о печатях псковских посадников // АИП. (Вып. 2). Псков. С. 19–21.

1983

48. Именные владычные печати Пскова // АИП. (Вып. 3). Псков. С. 13, 14. (В соавт. с С.В. Белецким).
49. Работы Псковской экспедиции Государственного Эрмитажа // АО-1981. С. 6.
50. "Храм № 1" и некоторые вопросы атрибуции церквей Довмонтова города // Археологическое изучение Пскова. М. С. 163–191: илл.

1984

51. Довмонтов город средневекового Пскова // Древнерусский город. Киев. С. 18, 19.
52. О печатях псковских посадников // КСИА. № 179. С. 63–66: илл.
53. Работы Псковской экспедиции Эрмитажа // АО-1982. С. 7: илл.

1985

54. Довмонтов город средневекового Пскова // ТД сов. делегации на 5-м МКСА. М. С. 149, 150.
55. Изображения Троицы на актовых печатях Пскова: (к иконографии композиции) // АИП. (Вып. 5). С. 11–15. (В соавт. с С.В. Белецким).
56. Исследования в Псковском Кремле // АО-1973. С. 7, 8: илл.
57. Работы в Псковском Кремле в 1983 г. // АИП. (Вып. 5). Псков. С. 70, 71.

1986

58. Довмонтов город: Архитектура и монументальная живопись XIV в. Л. 147 с.: 20 илл.
59. Исследования в Псковском Кремле // АИП. (Вып. 6). Псков. С. 79, 80.
60. Раскопки в Псковском Кремле // АО-1984. С. 5.

1987

61. Довмонтов город средневекового Пскова // Труды V МКСА. М. Т. III. Вып. 2а. Секц. VI. С. 31–35.
62. Некоторые вопросы музеефикации раскопанных памятников в Пскове // Тезисы Черниг. обл. науч.-метод. конф., посвящ. 20-летию ЧГАИЗ. Чернигов. С. 54, 55.
63. Новые данные о времени строительства Псковского Крома // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. М. С. 34, 35 (В соавт. с С.В. Белецким).
64. О принципах составления "словесных копий" с древних печатей: (к атрибуции памятников псковского происхождения) // Земля Псковская, древняя и социалистическая. (Вып. 2). Псков. С. 97, 98. (В соавт. с С.В. Белецким).
65. Работы Псковской экспедиции Эрмитажа // АО-1985. С. 5.

1988

66. Гребля Псковского Крома // АИП. (Вып. 8). Псков. С. 13–15. (В соавт. с С.В. Белецким).
67. Довмонтов город // Древний Псков: История, искусство, археология: Новые исследования. М. С. 99–112: илл.
68. Исследования в Довмонтовом городе // АИП (Вып. 8). Псков. С. 151, 152.
69. Печать князя Игоря // Древности славян и Руси. М. С. 105–110: илл. (В соавт. с С.В. Белецким).
70. Раскопки в Псковском Кремле // АО-1986. С. 15–16.

1989

71. Именная владычная печать XV в. из Пскова: (судьба памятника) // АИП. (Вып. 10). Псков. С. 25. (В соавт. с С.В. Белецким, Д.Б. Марковым).
72. Псковская экспедиция Эрмитажа: (к итогам раскопок 1954–1987 гг.) // Итоги работ археол. экспедиций Эрмитажа. Л. С. 188–205: илл.

1991

73. Археологическое изучение Пскова. Некоторые итоги и перспективы: ТД на VI МКСА. Л. 14 с. (В соавт. с С.В. Белецким).
74. Древний Псков по данным археологии: (опыт периодизации) // Древние культуры и археологические изыскания. Материалы к Пленуму ИИМК 1991 г. СПб. С. 37–41. (В соавт. с С.В. Белецким, В.И. Кильдюшевским).
75. Древний Псков (по материалам раскопок экспедиции Эрмитажа): Каталог выставки // ГЭ. Л. 98 с.: илл.
76. Работа Псковской экспедиции Эрмитажа в 1990 г. // Отчетная археолог. сессия Гос. Эрмитажа. СПб. С. 13–15.

1992

77. Новые раскопки на Псковском городище // Отчетная археол. сессия Гос. Эрмитажа. СПб. С. 13–15. (В соавт. с С.В. Белецким).

1993

78. Раскопки в Псковском Кремле в 1992 г. и проблема происхождения города Пскова // Отчетная археол. сессия Гос. Эрмитажа. СПб. С. 7–9. (В соавт. с С.В. Белецким).

1994

79. Предисловие // Древний Псков. Исследования средневекового города. СПб. С. 3.
80. Псковская экспедиция Эрмитажа. (1954–1991) // Древний Псков. Исследования средневекового города. СПб. С. 9–15.
81. Шесть десятилетий археологического изучения древнего Пскова // Древний Псков. Исследования средневекового города. СПб. С. 4–8. (В соавт. с С.В. Белецким).

1995

82. "Архив" из раскопок в Довмонтовом городе Пскова: (состав, хронология, атрибуция) // Древности северо-запада России. Сборник материалов научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Г.П. Гроздилова. СПб. С. 93–96. (В соавт. с С.В. Белецким).
83. Изображения Троицы на именных владычных печатях Пскова (к иконографии композиции) // У истоков русской культуры. XII–XVII вв. СПб. С. 41–58: илл. (В соавт. с С.В. Белецким).
84. Исследования Часовой башни и Великих (Темных) ворот Псковского кремля // Фортификация в древности и средневековье. СПб. С. 98–101: илл. (В соавт. с С.В. Белецким, Е.В. Скрынниковой).
85. Псковская сфрагистика // Древности Северо-Западной России. К 90-летию со дня рождения Г.П. Гроздилова. Каталог выставки. СПб. С. 162–190: илл. (В соавт. с С.В. Белецким).
86. Псковский кремль: (Кром, Довмонтов город) // "Церковная археология". Ч. 2. Христианство и древнерусская культура. СПб. – Псков. С. 125–245: илл.
87. Первые абсолютные даты Псковского городища и проблема происхождения и крещения города в Пскове // Восточная Европа в древности и средневековье. Язычество, христианство, церковь. М. С. 6–8. (В соавт. с С.В. Белецким).

1996

88. Исследования и музеефикация Псковского Кремля. (1930–1995 гг.) // Новые археологические открытия и изучение культурной трансформации. СПб. С. 104–107. ((В соавт. с С.В. Белецким, Е.В. Скрынниковой).
89. Каменная гражданская постройка IV из Довмонтова города в Пскове // Проблемы изучения древнерусского зодчества. СПб. С. 130–138: илл.

ПОДГОТОВЛЕНЫ К ИЗДАНИЮ ИЛИ НАХОДЯТСЯ В ПЕЧАТИ:

90. "Архив" из раскопок в Довмонтовом городе Пскова / Городское ядро средневекового Пскова. Ч. 4. 10 авт. л.: илл. (В соавт. с С.В. Белецким).
91. Выставка "Древний Псков по материалам раскопок экспедиции Эрмитажа". (февраль–май 1992 г.) // СГЭ. 0,1 авт. д. Сдана в 1995 г.
92. Городское ядро средневекового Пскова: (исследование и музеефикация) // Вестник РГНФ. 0,3 авт. л.: илл. (В соавт. с С.В. Белецким, Е.В. Скрынниковой). Сдана в 1996 г.
93. Городское ядро средневекового Пскова (исследование и музеефикация) // Slavia Antiqua. 0,5 авт. л.: илл. (В соавт. с С.В. Белецким, Е.В. Скрынниковой). Сдана в 1996 г.
94. Довмонтов город // Городское ядро средневекового Пскова. Ч. 3. 20 авт. л.: илл.
95. Исследования и музеефикация археологических памятников средневекового Пскова // Восточнославянский средневековый город. Материалы конференции, посвященной 400-летию присвоения Витебску магдебургского права. Витебск. 0,3 авт. л.: илл. (В соавт. с С.В. Белецким. Е.В. Скрынниковой). Сдана в 1997 г.
96. Некоторые итога и перспективы археологических исследований городского ядра средневекового Пскова. (Кром, Довмонтов город) // АИП. Псков. 0,2 авт. л. (В соавт. с С.В. Белецким). Сдана в 1990 г.
97. Об особенностях оформления монеты № 203 Корпуса древнейших монет России // ТД Шестой Всеросс. нумизм. конференции СПб. (В соавт. с С.В. Белецким). Сдана в 1997 г.
98. Псковский Кремль в планах и изображениях XVII–нач. XX вв. // Археология Петербурга, 2/1997. 1,5 авт. л.: илл. (В соавт. с С.В. Белецким). Сдана в 1997 г.
99. Псковский Кремль по материалам раскопок 1930–1970-х годов / Городское ядро средневекового Пскова. Ч. 2. вып. 1. 20 авт. л.: илл. СПб. (В соавт. с С.В. Белецким). Сдана в 1997 г.
100. Псковский Кремль по материалам раскопок 1980–1990-х годов / Городское ядро средневекового Пскова. Ч. 2. Вып. 2. 10 авт. л.: илл. (В соавт. с С.В. Белецким).

Составитель *Л.М. Всеволов*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГСП – Античные государства Северного Причерноморья
АИП – Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков
АМА – Античный мир и археология. Саратов
АО – Археологические открытия. М.
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.–СПб.
ВА – Вопросы антропологии. М.
ВАУ – Вопросы археологии Урала. Екатеринбург, Ижевск
ВГПИ – Воронежский государственный педагогический институт
ВДИ – Вестник древней истории. М.
ВИ – Вопросы истории. М.
ВОКМ – Волгоградский областной краеведческий музей
ВООПИК – Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
ГЭ – Государственный Эрмитаж
Зап. РГО – Записки Русского географического общества. СПб.
ЗВОРАО – Записки Восточного отдела Русского Археологического общества. М.
ЗОАО – Записки Одесского археологического общества
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
КСИА – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. М.
КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. М.
МГУ – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МИАМ – Материалы и исследования по археологии Москвы. М.
НАА – Народы Азии и Африки. М.
НС – Нумизматический сборник. М.
НЭ – Нумизматика и эпиграфика. М.
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
РА – Российская археология. М.
РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд
СА – Советская археология. М.
САИ – Свод археологических источников. М.
СВ – Средние века
СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа. Л.
СТ – Советская тюркология. Баку
ТК – Трипільська культура. Київ
ТКУ – Трипільска культура на Україні. Київ
Тр. ГИМ – Труды Государственного Исторического музея. М.
ХСб – Херсонесский сборник
ЦГА УзССР – Центральный государственный архив Узбекской ССР
ЭВ – Эпиграфика Востока
ЭО – Этнографическое обозрение
AAH – Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest
BAR – British Arhaeological Reports. Oxford
EAZ – Ethnographisch-archäologische Zeitschrift. Berlin
JIES – Journal of Indo-European Studies. Los Angeles
PPS – Proceedings of the Prehistoric Society. Cambridge
SCIVA – Studii şi cercetări de istorie veche şi arheologie. Bucureşti
SPAU – Sprawozdania z posiedzeń i czynnośki Polskiej Akademi Umiejetnosci. Kraków

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Журнал "Российская археология" публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин, археологические материалы, представляющие большой интерес, критические статьи и рецензии на новые публикации по археологии.

Направляемые в журнал материалы должны быть оформлены в соответствии с правилами, принятыми в журнале.

1. **Содержание** рукописи должно соответствовать тематике журнала, относясь к одному из разделов: статьи, публикации, дискуссии, история науки, критика и библиография, хроника. Иные материалы (письма в редакцию, заявления и пр.) публикуются только по специальному решению редакции и редсовета.

2. Рукопись подается в 2-х экземплярах, перепечатанной на пишущей машинке или принтере (класса LQ-100 и выше).

3. Присылаемые для публикации материалы должны состоять из: основного текста, списка литературы, списка подрисуночных подписей, резюме, списка сокращений, иллюстраций (если они необходимы), сведений об авторе (авторах; см. пункт 12). Резюме обязательно только для материалов, проходящих по разделам: статьи, публикации, дискуссии. Все указанные части рукописи должны начинаться с новой страницы.

4. **Общий объем** рукописи не должен превышать 20 машинописных страниц и 8 иллюстраций; для раздела "Заметки" – не более 5 страниц и не более 3 иллюстраций. В объем рукописи включается: основной текст, список литературы, список подрисуночных подписей, резюме, цифровые (математические, статистические и другие не рисованные) таблицы. Все страницы рукописи должны иметь сквозную нумерацию без пропусков и дополнительных литер (а, б...). Превышение объема рукописи (20 стр.) не допускается.

5. Статья (включая список литературы, подрисуночных подписей и др.) должна быть напечатана четким, контрастным машинописным шрифтом через два интервала на одной стороне листа белой бумаги стандартного (А4) размера с полями. Длина строки должна быть равна 57–58 знаков, количество строк на странице – до 29. Поля вокруг текста должны быть: слева от текста – 2,5 см, справа – 1 см, сверху – 2 см, снизу – 2,5 см. Материалы, напечатанные на портативной машинке либо принтере мелким, курсивным либо иным другим (кроме машинописного) шрифтом, редакцией не принимаются. Не допускаются поправки от руки в тексте статьи и нумерации страниц.

6. Все знаки, которые не могут быть напечатаны на машинке (принтере), должны быть вписаны в текст от руки черными чернилами (пастой, тушью), отчетливо, в единой системе написания. Необходимо пояснить на левом поле, какая именно буква, знак, символ вписан, если они могут быть спутаны с другими, близкими по начертанию. Греческие буквы нужно подчеркивать красным карандашом.

7. **Иллюстрации** следует представлять в пригодном для воспроизведения виде в 2-х экземплярах (оригинал и копия). Размер авторских оригиналов иллюстраций должен быть в полтора – два раза больше размера иллюстраций в журнале. Рисунки-оригиналы (1-й экз.) представляются вычерченными тушью на ватмане или кальке, а также в виде четких фоторепродукций (ксерокопии не допускаются). 2-й экземпляр иллюстраций может являться ксерокопиями оригиналов. Следует максимально сокращать пояснения на рисунке, переводя их в подрисуночные подписи. Фотографии должны быть представлены в двух экземплярах, контрастные, на белой глянцевой бумаге, хорошо проработанные в деталях. Все необходимые на фотографиях обозначения, пояснения и монтаж следует делать только на втором экземпляре. Первый экземпляр (оригинал) фотографий не должен иметь никаких дефектов: пятен, надписей, изломов, следов от скрепок, трещин и т.д. Наклеивать первый экземпляр фотографии на бумагу или картон не разрешается. На авторских оригиналах иллюстраций с неясной ориентацией необходимо написать "верх" или "низ".

Иллюстрации должны быть пронумерованы в соответствии с порядком ссылок на них в тексте статьи. Для всех видов иллюстраций дается общая нумерация. На обороте каждой иллюстрации мягким карандашом следует написать фамилию автора, название статьи и номер рисунка. В рукописи на левом поле, в прямоугольнике должны быть указаны номера иллюстраций и таблиц напротив тех мест текста, где желательно их напечатать в издании. Подписи к иллюстрациям прилагаются на отдельном листе, где указываются фамилия автора и заглавие статьи. В подрисуночной подписи должны быть кратко расшифрованы все условные обозначения на иллюстрации. Необходимо тщательно следить за точным соответствием обозначений и нумерации в тексте, подрисуночных подписях и на рисунках.

8. **Таблицы**, напечатанные на отдельных страницах, подкладываются по тексту при первом упоминании о них. Они должны иметь тематический заголовок и номер. Текст заголовка в таблицах пишется кратко, все слова даются без сокращений. Диагональные линейки в головке не допускаются. Колонки должны отделяться вертикальными линиями и нумероваться только в тех случаях, когда на них даются ссылки в тексте (но не для замены головки при переходе таблицы на следующую страницу).

9. **Текстовые пояснения** (через два интервала) даются внизу на соответствующей странице под цифрой; нумерация сквозная: 1, 2...

10. **Список литературы** дается в алфавитном порядке и состоит из двух частей. Первая часть – издания на кириллице, вторая – на латинице. Названия отчетов о полевых исследованиях включаются в соответ-

ствующую часть. За фамилией и инициалами указывается год издания и далее сведения в соответствии с библиографическим описанием. Труды одного автора располагаются в хронологическом порядке. При ссылке на разные произведения одного автора, вышедшие в одном году, в библиографическом списке и в тексте статьи к году добавляются литеры в порядке алфавита. Источником библиографического описания является титульный лист издания.

Мелюкова А.И., 1964. Вооружение скифов // САИ. Вып. Д1–4.

Псковские летописи, 1941. Т. 1. М.; Л.

Смирнов К.Ф., 1964. Савроматы. М.

Чернов С.З., 1977. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори в 1977 г. Ч. 4 // Архив ИА РАН. Р–1, № 6695.

В тексте в круглых скобках указываются фамилия и инициалы автора (на языке издания) или сокращенное название (если издание автора не имеет), год издания, ссылка на страницу, рисунок, таблицу (Смирнов К.Ф., 1964, с. 50).

Ссылки на источники – оригинальные работы древних авторов, архивные материалы (кроме полевых отчетов), музейные коллекции – приводятся в скобках в тексте и в список литературы не включаются.

В тексте и списке литературы следует использовать только общепринятые сокращения, список которых публикуется в журнале.

11. К статье, помимо списка сокращений, необходимо приложить и русский текст **резюме** (краткое содержание статьи со ссылкой на рисунки, иллюстрирующие основные ее положения, объемом не более 1 страницы машинописного текста). Для облегчения перевода резюме на английский язык необходимо: а) при употреблении названий периодов, типов, культур, произведенных от географических названий, дать последние в именительном падеже единственного числа (например: кушнаренковский тип от Кушнаренково); б) наиболее специфические термины давать или в переводе, или с пояснением. Помимо русского текста резюме, автор может приложить и свой вариант английского текста резюме (summary) в целом.

12. Тексты, присылаемые в редакцию для публикации, должны быть тщательно проверены и подписаны автором. На отдельном листе прилагаются сведения об авторе (авторах) с указанием фамилии, имени и отчества, полного почтового домашнего адреса, места работы и рабочего адреса, телефонов и даты отправления. При наличии нескольких авторов статья подписывается всеми авторами.

13. Статьи, отправленные авторам для доработки, должны быть возвращены с доработки не позднее, чем через 4 месяца. Статьи, полученные позже указанного срока, будут рассматриваться как вновь поступившие.

14. Книги и журналы, присланные в редакцию для рецензирования, не возвращаются.

Статьи, оформленные без соблюдения указанных правил, к рассмотрению не принимаются

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон 124-34-42

Заведующая редакцией *Е.В. Бубнова*

Технический редактор *Л.И. Глинкина*

Сдано в набор 17.10.97 Подписано к печати 09.12.97 Формат бумаги 70×100 $^{1}/_{16}$
Офсетная печать. Усл.печ.л. 20,8. Усл.-кр.отт. 26,1 тыс. Уч.-изд.л. 25,8. Бум.л. 8,0
Тираж 1245 экз. Зак. 2491

ППП типография "Наука" Академиздатцентра РАН, 121099, Шубинский пер., 6